

Вера Викторовна Камша Лик Победы

Отблески Этерны – 3

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
«Камша В. Отблески Этерны. Книга 3. Лик Победы»: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-12958-4

Аннотация

На дорогах Кэртианы – следы слепой подковы, но земным властителям не до древних пророчеств. Шаткий мир вот-вот сменит очередная война, в которой каждый хочет урвать кусок пожирнее. Фактический правитель королевства Талиг кардинал Сильвестр согласен платить за столь необходимый хлеб не золотом, а воинскими талантами маршала Алвы. Непревзойденный полководец скачет в осажденный Фельп, не дожидаясь медленно движущейся армии. За его спиной – подавленный бунт, впереди – новые сражения.

Знает ли маршал, кто является самым грозным врагом Талига и его самого? Что ждет юного оруженосца Алвы, предавшего своего господина ради любви? Вернет ли выросший в изгнании Альдо Ракан трон предков и что выберет его лучший друг Робер Эпинэ – живую совесть или мертвую честь? Кому улыбнется Победа, а кого настигнет страшная всадница на пегой кобыле? Шар судеб стронулся с места, его не остановить...

Вера КАМША ЛИК ПОБЕДЫ

*Угрозам подчиняются только трусы.
И сдаются трусы. Такие, как вы...*

**Ответ Сальвадора Альенде на ультиматум генерала
Пиночета**

*Я хотел бы улыбнуться,
отдохнуть, домой вернуться.*

*Я хотел бы так немного —
то, что есть почти у всех.
Но что мне просить у Бога,
и бессмыслица, и грех.*

Г. Иванов

Синописис, или Что было раньше

1

Весной 392 круга Скал ¹ владетель Надора герцог Эгмонт Окделл поднял восстание против короля Фердинанда Второго. Восстание поддержал и глава дома Молний Анри-Гийом Эпинэ, но, поскольку сам герцог был стар и нездоров, его место в рядах восставших занял единственный сын и наследник Морис Эр-При и четверо внуков – Арсен, Мишель, Робер и Серж. Восставшие рассчитывали продержаться до подхода из Каданы и Гаунау союзных армий, но их планы сорвал маршал Рокэ Алва, прозванный Кэналлийским Вороном. Алве не было и тридцати, но на его счету числилось несколько блестящих побед. Маршал решился на беспрецедентный марш через считающиеся непроходимыми топи Ренквахи и вышел повстанцам в тыл.

Армия Окделла была разбита, а сам Эгмонт плену и казни предпочел быструю смерть. Он принял вызов Алвы, почитавшегося лучшим фехтовальщиком Талига, и был убит в поединке. Конница Эпинэ попыталась сдержать королевские войска, но была разгромлена. Морис Эр-При и трое его сыновей погибли, уцелел только Робер, хоть и был тяжело ранен. Последнего внука герцога Эпинэ вывезли в Агарис, где он обрел приют в доме принца Альдо Ракана и его бабушки Матильды, урожденной алатской принцессы, наперекор воле родных связавшей свою судьбу с изгнанником.

После разгрома восстания и суда над захваченными с оружием в руках мятежниками в Талиге установилось относительное спокойствие, нарушаемое лишь привычными военными действиями в Торке и Северной Придде. Фактический правитель Талига кардинал Сильвестр обошелся с восставшими графствами сравнительно мягко, ограничившись введением войск, повышением налогов и помещением семей мятежников под домашний арест.

Летом 397 года единственному сыну герцога Эгмонта Ричарду исполнилось шестнадцать. Согласно Уложению Франциска юному герцогу надлежало пройти обучение в Лаик, королевской школе оруженосцев, после чего поступить на службу к одному из Лучших Людей Талига. Кардинал решил не нарушать традицию, но позаботился о том, чтобы Ричард, выйдя из Лаик, не нашел себе покровителя и бесславно вернулся в Надор.

Недвусмысленное предупреждение вынудило тайных противников Олларов во главе с кансильером Августом Штанцлером отвернуться от юного Окделла, но юношу взял к себе Рокэ Алва, ставший к этому времени Первым маршалом Талига. Растерявшийся Ричард дал присягу убийце отца. На первый взгляд служба казалась нетрудной: Ворон не предъявлял молодому человеку никаких требований, и юноша оказался предоставлен самому себе.

Жизнь в столице оказалась опасной и исполненной ловушек. Однажды на возвращавшегося с петушиных боев Ричарда напали разбойники. Молодой человек спасся лишь благодаря вмешательству неизвестного стрелка. Затем юноша был втянут в игру и проиграл все наличные деньги, лошадь и фамильное кольцо. Ричард был в отчаянье, но его выручил герцог Алва. Перстень и конь вернулись к хозяину, но заступничество Рокэ вызвало неудовольствие опекающего Окделла кансильера.

Август Штанцлер предостерег Ричарда от чрезмерного сближения с Рокэ, рассказав

¹ Сведения по летосчислению, истории и географии Талига, а также расшифровка некоторых терминов находятся в приложениях в конце книги.

ему о судьбе наследника дома Приддов, убитого собственной семьей за любовную связь с маршалом. Умоляет об осторожности и королева Катарина, в которую Дик влюбился со всем пылом молодой души. Ричард обещает и незамедлительно ввязывается в ссору со своим врагом по Лаик Эстебаном Колиньяром и шестью его приятелями.

Дуэль назначена, условия оговорены, герцог Окделл не сомневается, что его убьют, но о поединке узнает Ворон. Герцог пользуется правом любого дворянина поддержать заведомо слабейшую сторону и становится рядом со своим оруженосцем. Эстебан убит на месте, остальные в ужасе разбегаются, а растерявшийся Ричард не находит ничего лучшего, чем бросить своему спасителю вызов. Тот согласен драться, но с условием – сначала он лично обучит будущего противника обращению со шпагой.

Уроки прерывает война. Дикие бирисские племена вторгаются в Варасту, провинцию, снабжающую хлебом весь Талиг. Политики не сомневаются, что издавна промышляющих разбоем бириссцев натравил на Талиг казар Кагеты Адгемар. Но кто стоит за ним? Большинство сходятся на том, что Адгемару платит Гайифа или Дриксен, однако интрига гораздо тоньше и неожиданней.

Прозябавший в Агарисе принц Ракан оказался в центре внимания гоганов – таинственного народа торговцев и мудрецов, по слухам, владеющего собственной магией. Гоганы предложили Альдо трон Талига в обмен на то, что они называют «первородством», фамильные реликвии и доступ в покинутую столицу Золотой Анаксии. Готовый на все, лишь бы вырваться из агарисского болота, принц согласился, и договор был скреплен магическим ритуалом, в котором со стороны гоганов участвовала девушка Мэллит. По утверждению гоганов, Мэллит стала щитом, призванным прикрыть Альдо от любых магических ударов.

Присутствовавший при ритуале Робер Эпинэ был поражен красотой и нежностью Мэллит и полюбил ее с первого взгляда, но девушка отдала свое сердце Альдо. Ради «Первородного» она готова на все. Роберу больно за Мэллит, чья любовь не встречает ответа. Вызывает тревогу и внимание к Альдо Ракану со стороны церковного ордена Истины. Известные своим фанатизмом «истинники» обещают принцу то же, что и гоганы, причем на тех же условиях. Альдо соглашается, считая, что сможет обмануть своих союзников, но у Робера политические способности сюзерена вызывают серьезные сомнения. Тем не менее Эпинэ остается лишь плыть по течению. Он покидает Агарис и отправляется в Кагету с поручением к казару Агдемару. Именно гоганы заплатили правителю Кагеты за разорение Варасты, рассчитывая, что голод и неизбежные волнения подорвут власть Олларов.

Известия о набегах достигают столицы Талига. Мнения Лучших Людей разделяются. Одни требуют бросить на бириссцев армию, другие полагают, что партизанскую войну выиграть невозможно, тем более что Золотой Договор запрещает переносить боевые действия в нейтральную Сагранну.

Кардинал Сильвестр решает оставить Варасту, создав оборонительный рубеж по западному берегу реки Рассанны. Да, какое-то время придется закупать хлеб у фельпских торговцев, а хлынувших во внутренний Талиг беженцев придется чем-то занять, но это меньшее из зол в сравнении с заведомо проигрышной затяжной войной. Заготовлен указ об отступлении, но на Совете Меча случается неожиданное. Фердинанд Второй, которого кардинал считает послушной марионеткой, проявляет самостоятельность – он не желает бросать своих подданных в беде.

Короля поддерживают королева, кансильер и их сторонники. Когда герцог Придд предлагает отправить в Варасту Рокэ Алву, дав ему полномочия Проэмперадора, Сильвестр понимает, что это заговор против Первого маршала: Проэмперадор наделяется королевскими полномочиями, но Проэмперадора, не справившегося с поручением, ждет казнь. Замысел Штанцлера очевиден, но Рокэ Алва принимает вызов. Кардинал пытается образумить маршала, но тот в ответ лишь смеется и обещает унять бириссцев, не нарушив при этом Золотого Договора.

В очередной раз преступив считавшиеся незыблемыми законы стратегии и тактики,

Ворон выходит к Сагранским горам. Рядом с маршалом неотлучно находится и его оруженосец. С помощью варастийских ополченцев Алва заключает военный и политический союз с пастушеским племенем бакранов, изгнанным с родных мест воинственными бириссцами. С помощью новых союзников Алва овладевает считавшейся неприступной крепостью Барсовы Врата. Путь в Кагету открыт!

Получив ультиматум, подписанный королем никому не известного государства Бакрия, Адгемар собирает на Дарамском поле огромное войско. У прозванного за изворотливость Белым Лисом казара свой расчет: он хочет избавиться от местных феодалов-казаронов и стать единоличным хозяином Кагеты.

Робер Эпинэ тоже оказывается у Дарамы. Открытый и общительный, он нашел себе друзей не только среди кагетов, но и среди держащихся особняком бириссцев. Эпинэ тяжело сражаться против своих соотечественников, он все сильнее ощущает себя предателем Талига, но от душевных терзаний его избавляет перелом в ходе военной кампании. Рокэ Алва, используя неожиданные тактические приемы и бездействие бириССской гвардии Адгемара, наголову разбивает казаронское ополчение. Теперь игра идет всерьез. У казара – все еще значительный численный перевес, у Рокэ – тонкий расчет, помноженный на отчаянную смелость и вошедшую в поговорку везучесть. Адгемар разбит и бежит, но поставленная перед Прозмперадором задача – обезопасить житницу Талига – еще не выполнена. БириССсы будут продолжать свои набеги, хотя бы для того, чтобы доказать подписавшим Золотой Договор державам, что Адгемар не является их хозяином и, следовательно, не несет ответственности за развязанную войну.

Казалось бы, положение безвыходное, но Ворон решает и эту задачу. Он взрывает берег одного из горных озер, и рукотворный сель сметает расположенные в долине реки Биры бириССские селения. Следующим шагом Алвы становится очередной ультиматум: если казар его не примет, следующий сель сметет столицу Кагеты.

Адгемар соглашается на все условия. Временно. Пока будут идти переговоры, он обратится за помощью к старым соперникам Талига – кесарии Дриксен и Гайифской империи, обвинив Талиг в нарушении договора. Разослав гонцов, Адгемар отправляется к месту встречи. Вместе с ним едет Робер Эпинэ, ради новых друзей согласившийся принять вину за набеги на себя. Талигоец не знает, что его жертва напрасна.

Озабоченный собственной безопасностью и устранением возможных конкурентов, Адгемар отдает приказ убить друзей Робера – бириССца Мильжу и молодого кагетского военачальника Луллака. Их головы торжественно вручаются Рокэ, но Ворон в очередной раз преподносит сюрприз. Он объявляет, что является всего лишь командующим армией, исполняющей свой союзнический долг, а настоящим победителем является король Великой Бакрии Бакна Первый – бывший старейшина пастушеской деревни.

Именно Бакне по закону гор предстоит решить судьбу Робера. Приговор прост – суд богов. Если обвинитель одним выстрелом собьет с головы Робера священный плод, тот невиновен. Обвинителем выступает Алва, разрядивший пистолет со словами «да свершится чья-нибудь воля». Робер Эпинэ невредим, казар Адгемар убит на месте. Потрясенный случившимся сын Адгемара подписывает мирный договор с Бакрией и Талигом, где признает ответственность Кагеты за нападения бириССцев и обязуется возместить Талигу нанесенный ущерб.

Армия Рокэ возвращается в Талиг. Герцог намерен зимовать в Варасте, но дурная примета заставляет его в очередной раз бросить вызов судьбе. Алва и Ричард отправляются в Олларию. Робер Эпинэ возвращается в Агарис к Альдо Ракану.

В столицу Ричард Окделл вернулся в безмятежно-радостном настроении. Ему казалось, что одержана победа не только над Кагетой и бириССцами, но и над враждой. Юноша хотел,

чтобы все близкие ему люди – королева, кансильер и маршал – поняли друг друга и помирились. И, казалось, так оно и есть. Во время триумфального шествия и праздничной церемонии все казались довольными и счастливыми. Празднество не испортило даже странное атмосферное явление – на небе вспыхнуло сразу несколько солнц, и случилось это как раз в тот момент, когда Рокэ Алва принял из рук короля меч Раканов – реликвию, хранившуюся во дворце с момента переноса столицы из Гальтары в Кабитэлу, позже переименованную в Олларию.

Странный закат не испугал ни маршала, ни его оруженосца, но на пути из дворца домой Рокэ поджидала засада. Маршал заметил горящий фитиль, и покушение сорвалось. Ричард не сомневался, что стреляли в Алву, но кансильер счел, что нападение было разыграно, и его подстроил кардинал, дабы иметь повод развязать охоту за политическими противниками. Алва придерживался другого мнения, будучи уверен, что целью стрелявшего был Ричард, тем более это покушение не было первым.

Сильвестр свою причастность к этой истории отрицает. В данный момент кардинал Талига, как ни странно, озабочен не политикой, а странными вещами, происходящими в Талиге; вещами, которым нет рационального объяснения. Он расспрашивает Ворона о его поездке в Гальтару, старинных книгах и хранящейся в Кэналлоа картине, где, по мнению эсператистских клириков, изображен Враг. Герцог обещает разузнать все, что может, ведь он в любом случае собирается в Кэналлоа. Оруженосца же отошлет до лета в Надор.

И Алва и Сильвестр полагают, что убийцы, скорее всего, принадлежат к противникам Олларов и не рискнут тронуть юношу в родном доме. Ричард возвращается в отчий дом, но после столицы старый замок кажется юноше склепом. Особенно трудно дается общение с окаменевшей в своей ненависти к Алве, Олларам и Сильвестру матерью, зато лучшим другом и внимательнейшей слушательницей Ричарда становится его сестра Айрис. Девушка с детства просватана за Альдо Ракана, но ничего об этом не знает, а восторженные рассказы брата пробуждают в ней интерес к Ворону.

Будучи по натуре бунтаркой, Айрис то и дело перечит матери. Взрыв становится неизбежным, когда вдовствующая герцогиня узнает, что лошадь, которую привез Ричард, подарок Рокэ. Мать требует отослать коня, дочь не соглашается, Ричард принимает сторону сестры. Масла в огонь подливает неожиданная смерть лошади. Айрис и Дик не сомневаются, что конь отравлен по приказу герцогини. Юноша понимает, что больше не может оставаться в Надоре, и покидает замок, пообещав сестре вскоре забрать ее к себе.

Ричард возвращается в столицу задолго до назначенного срока. Рокэ еще не вернулся из Кэналлоа, и молодой человек от скуки забредает на религиозный диспут между епископом Олларии Авниром и эсператистом Оноре. Ричарду невдомек, что диспут должен закончиться примирением между двумя Церквями: новый Эсператор предложил выслать из Агариса Раканов в обмен на открытие в Талиге нескольких эсператистских храмов.

Сильвестр счел предложение разумным, тем более епископ Оноре произвел впечатление человека порядочного, глубоко верующего и вместе с тем разумного. Было решено во время диспута подвести слушателей к мысли, что различия между двумя церквями не столь уж и велики и все, в сущности, поклоняются одному Создателю и ждут Его возвращения.

Примирению помешала внезапная болезнь Сильвестра, в результате которой оппонентом Оноре оказался Авнир – ограниченный фанатик, мечтающий выжечь каленым железом эсператистскую ересь. Оноре, как мог, придерживался оговоренной линии, но, когда это стало невозможно, дал Авниру резкий отпор. Диспут завершился победой Оноре, которого на выходе из дискуссионного зала окружило множество людей, среди которых оказался и Ричард. Епископ принял исповедь юноши, где тот признал, что не испытывает ненависти к убийце отца. Оноре отпустил Окделлу грехи, посоветовав и впредь слушать свое сердце, ибо ненависть – порождение Чужого.

Проигравший спор Авнир и его сторонники из Лиги святого Франциска затаили злобу на Оноре, а на следующее утро стало известно, что дети, которых благословил заезжий

епископ, скончались в страшных мучениях. Предводительствуемые Авниром лигисты объявили Оноре отравителем и при полном бездействии городской стражи бросились громить тех, кого объявили «тайными эсператистами». Оноре и два его спутника нашли убежище у Ричарда, укрывшего их в особняке Алвы, о чем стало известно лигистам. Юноша оказался перед нелегким выбором – выдать своих гостей или принять неравный бой, но его спасло неожиданное возвращение Рокэ. Герцог прикончил выстрелом из пистолета вожака погромщиков, остальные разбежались.

Оноре и Ричард умоляли Алву вмешаться и остановить разгорающуюся резню, но Ворон в присущей ему манере отказался, тайно послав за подкреплением к стоящему за городом генералу Савиньяку. Алва начал действовать лишь поздно вечером, начав с отстранения от должности коменданта столицы графа Килеана-ур-Ломбаха. Ворон нанес удар по эпицентрам мятежа, разгромив и Лигу, и примкнувших к погромам бандитов со Двора Висельников. Епископ Авнир нашел смерть в горящем доме, в столице воцарилось спокойствие, а в королевском дворце принялись искать виновных.

Кансильер заявил, что комендант Олларию заперся в казармах и не принял надлежащих мер потому, что епископ Авнир вручил ему приказ кардинала. Штанцлер не настаивал, что записку написал Сильвестр, однако нажимал на то, что Авнир очень своевременно скончался. В ответ Алва бросил на стол черновики злополучного письма, найденные им в особняке графа Ариго.

Разгневанный король приказывает арестовать братьев Ариго и Килеана. Новым комендантом столицы становится бывший капитан Личной королевской охраны Лионель Савиньяк, а его брат-близнец Эмиль получает под командование Южную армию.

Ричард вновь оказывается между двух огней. Он восхищается Алвой, но ему безумно жаль королеву, оказавшуюся в опасности по глупости собственных братьев. Штанцлер объясняет юноше, что, если б Алва не выжидал, жертв было бы намного меньше. Ричард не знает, кому верить, а судьба подбрасывает юноше все новые испытания. Сначала он узнает, что за ним идет охота, и он несколько раз чудом избежал смерти, затем, разыскивая Алву по срочному делу, он застаёт его в будуаре королевы в весьма недвусмысленной ситуации, и, наконец, Август Штанцлер показывает Ричарду список людей, которых кардинал обрек на смерть, и первой в списке идет королева.

Кансильер объясняет Окделлу, что спасти ее величество и других приговоренных можно, лишь убив Алву. Пока Ворон жив, Сильвестр неуязвим, ведь никто не решится вмешиваться в дела страны, на страже которой стоит полководец, способный разбить десятикратно превосходящего противника.

Сначала Ричард отказывается, но потом, сраженный доводами Штанцлера, берет кольцо с ядом, некогда принадлежавшее герцогам Эпинэ. Юноше удается подсыпать отраву в вино, но Ворон как-то догадывается о происходящем. Он спокойно выпивает бокал с ядом, а затем предлагает Ричарду выпить вместе с ним. Юноша с благодарностью хватается за это предложение: пусть все будет не убийством, а дуэлью, в которой погибают оба участника, ведь он вызвал Алву, и тот принял вызов.

Ричард поднимает бокал, но герцог не дает оруженосцу выпить. Поняв, что Алва все знает, юноша бросается на него с кинжалом, но силы слишком неравны. Ричард Окделл обезоружен, связан, брошен в карету и под конвоем увезен в неизвестном направлении. Ему остается только гадать о собственной судьбе и сходить с ума от страха за Катарину и Штанцлера, ведь яд должен подействовать лишь через сутки.

На следующее утро вернувшийся из отцовских владений в столицу виконт Валме по дороге во дворец встречает Первого маршала. Тот предлагает Валме присоединиться к нему. Известный на всю Олларию кутила и дамский угодник с восторгом соглашается, предвкушая скандальное приключение, но действительность многократно превосходит воображение.

Ворон целенаправленно нарывается на ссору со Штанцлером и его сторонниками, а те, как ни странно, принимают вызов. Условия дуэли определяет оскорбленная сторона, каковой являются брат герцога Придда и только что выпущенные из крепости Килеан-ур-Ломбах и

братья Ариго. Они настаивают на поединке до смерти, Алва соглашается. Дуэль назначена в аббатстве Ноха на следующее утро.

Марсель вместе со вторым секундантом Алвы, Леонардом Манриком, является в условленное время и находит лишь противников и их секундантов. Алва задерживается, известный своей трусостью Иорам Ариго начинает на сей счет иронизировать. Марсель объясняет непривычную смелость Ариго тем, что об отсутствии Ворона противникам известно больше, чем секундантам, и заявляет, что, если герцог не появится, он готов его заменить. Но Алва появляется.

Секунданты предлагают помириться или изменить условия дуэли, Ворон непреклонен – все решено еще вчера. Порядок поединков определяют жребием. Придда Алва убивает сразу, но с Ги Ариго и Килеаном-ур-Ломбахом затевает жестокую игру. Иорам Ариго, пытается спастись бегством и получает пулю в спину, после чего Ворон как ни в чем не бывало приглашает присутствующих на завтрак к Штанцлеру. К этому моменту никто не сомневается, что по крайней мере трое из четверых противников Ворона думали, что он не придет.

Ощущение, что их впутали в грязную историю, вынуждает секундантов погибших отправиться с Алвой. Штанцлер поражен появлением гостей, но изо всех сил старается сохранить лицо. Это ему почти удается, но тут Рокэ, затеявший разговор о кэналлийских винах, снимает перчатку, и Штанцлер видит на руке герцога кольцо, которое несколько дней назад он дал Ричарду.

Алва отсылает слугу, сам разливает вино и подносит кансильеру, тот отказывается пить, затем опрокидывает кубок, но Ворон его наполняет вновь. Под дулом пистолета Август Штанцлер выпивает вино. Первый маршал Талига смеется ему в лицо и уходит.

Кардинал узнает об исходе дуэли во время беседы с послом Ургота, который предлагает выгодную сделку. После гибели прошлогоднего урожая и разгрома продовольственных складов у Талига возникли трудности с хлебом, а иноземные негоцианты взвинтили цены. Правитель Ургота герцог Фома готов предоставить Фердинанду Оллару и золото, и хлеб. В обмен на армию и шпагу Рокэ Алвы.

Урготу и союзному с ним вольному городу Фельпу угрожает объединенная гайифско-бордонская армия. Положение настолько тревожное, что обычно скупой Фома готов на любую цену. Сильвестр с радостью соглашается, поскольку предложение урготов позволяет убить сразу двух зайцев. Во-первых решить финансовую и продовольственную проблему, а во-вторых расчислить Рокэ путь к трону.

Последние события и состояние собственного здоровья привели кардинала к невеселому выводу о том, что он не вечен, а Талиг нуждается в сильном и умном короле или, на худой конец, регенте. По никем не отмененному завещанию Франциска Первого Оллара в случае пресечения династии на трон должны взойти потомки пасынка Франциска, то есть герцоги Алва.

Между Рокэ и тронном стоит только Фердинанд и его малолетний сын Карл, про которого говорят, что на самом деле он сын королевы от Ворона. Этого достаточно, чтобы возвести Алву на престол, но Первый маршал не поднимет руку на короля. Кардинал решает действовать в отсутствие Алвы. Воду на мельницу Сильвестра льет и бегство Штанцлера, исчезнувшего прямо из дворца, куда его доставил Леонард Манрик.

Его высокопреосвященство отправляется к Алве и застает его в сильном подпитии. Тем не менее Ворон в состоянии оценить ситуацию и обещает Сильвестру решить урготские проблемы. На вопросы об оруженосце маршал предпочитает не отвечать, зато упоминает о каких-то то ли условиях, то ли знамениях, совершенно непонятных его высокопреосвященству. Кардинал уходит в твердой уверенности, что за интересом Алвы к делам давно минувших дней что-то скрывается.

А вот Ричарду Окделлу не до старых тайн. Измученный неизвестностью юноша гадает о собственной участи, выдумывая всяческие пытки и казни, но страхи оказываются ложными. Кэналлийцы всего-навсего доставили Ричарда к алатской границе, вручили ему

подписанное Алвой письмо-пропуск, лошадь, кошелек и запечатанный пакет, который надлежит вскрыть в городе Крионе, после чего выдворили из страны.

Покидая Талиг, Ричард и помыслить не мог, что в это время его сестра подъезжает к Олларию. Айрис не стала ждать приглашения и сбежала к брату, но нашла только Ворона и решившего отправиться на войну вместе с герцогом Марсея Валме. Рокэ сообщил девушке, что Ричард отсутствует и будет отсутствовать долго.

Айрис предстоит позорное возвращение в Надор, но Ворону приходит в голову определить незваную гостью ко двору, обеспечив деньгами и дуэньей. На роль последней определяют мать нового порученца Алвы Герарда Арамоны. Ворон не мог и вообразить, сколь удачен его выбор. Вдова капитана Лаик и внебрачная дочь одного из вельмож унаследовала от отца неказистую внешность и острый ум. Разумеется, никто не знает, что кривоногая капитанша многие годы тайно влюблена в красавца-маршала и готова на все, чтобы быть ему хоть чем-нибудь полезной.

Через кардинала Алва добывает для девицы Окделл, Луизы Арамоны и ее старшей дочери Селины приглашения ко двору ее величества, заодно сообщив кардиналу, что намерен обогнать медленно движущуюся армию и появиться в Урготе раньше, чем рассчитывают и союзники, и враги.

Предстоит дорога и Роберу Эпинэ. Брат Матильды Ракан, великий герцог Алата Альберт, просит блудную сестру вернуться домой, и ненавидящая Агарис и соратников покойного мужа Матильда соглашается. Согласен и Альдо, решивший в обход гоганов и «истинников» добраться до Гальтары, расположенной не столь далеко от алатско-талигойской границы. Роберу мучительно не хочется расставаться с Мэллит, но, когда отъезд уже решен, в доме девушки происходит несчастье. Неизвестная сила уничтожает алтарь, на котором была скреплена клятва гоганов и Альдо Ракана. Все родные Мэллит погибли, а ее спасло лишь странное желание, вынудившее девушку среди ночи покинуть спящий дом. Лишившаяся семьи гоганни прибежала к Альдо, и принц взял ее с собой в Алат. Мэллит переодели мальчиком, но Матильда раскрыла немудреный обман и объявила осиротевшую девушку своей воспитанницей.

Караван вдовствующей принцессы вышел из Агариса в тот самый день, когда Рокэ Алва с небольшим отрядом покинул Олларию. Никто из занятых войнами и интригами людей не думал, что скоро их нынешние заботы покажутся пустыми игрушками. До конца Эпохи Скал остается менее полутора лет, а Излом Эпох в Кэртиане всегда сопровождается потрясениями и катастрофами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«МАГ» 2

Мало обладать выдающимися качествами, надо еще уметь ими пользоваться.

Франсуа де Ларошфуко.

Глава 1

УРГОТ И КРИОН

² Высший аркан Таро «Маг» означает Личность. Это воля к поступку, самовыражение, индивидуальность, мудрость, тирания, злоупотребление властью. Это человек, обладающий во всей полноте физическими и духовными способностями. Карта означает, что некто достиг желаемого в подвластных ему пределах. П.К. (перевернутая карта) остается благоприятной. Ситуация под контролем, будущее в ваших руках. Может означать неуверенность в себе, но напрасно. Не откладывайте на потом важное дело.

1

Триада! Марсель Валме, не веря собственным глазам, воззрился на выпавшие карты. Закатные твари! Триада, в первый раз в жизни! Виконт с нежностью взглянул на соперника и твердо сказал:

– Удваиваю!

– Сударь!.. Сударь... Четыре часа!

Валме с трудом приподнял голову, пытаясь понять, на каком он свете и что за мерзавец к нему пристаёт.

– Сударь, вставайте... Выезжаем.

Герард! Проклятье, и что только нужно этому щенку? Виконт с тоской глянул на окно, за которым нагло сияла толстомордая луна. Ночью приличные люди или играют и пьют, или любят своих дам. На худой конец спят, а тут! Вставать, одеваться, куда-то ехать...

– Сейчас, – Марсель зевнул и уткнулся в подушку.

– Сударь, не засыпайте... Монсеньор ждёт...

Леворукий бы побрал Ворона! И его оруженосца заодно, то есть не оруженосца, а порученца... Вот уж где свила гнездо исполнительность! Виконт понял, что спать ему больше не придется, и сел на кровати. Четыре часа утра! Кошмар! Ложиться Марселю доводилось и позже, но вставать?! Несчастный потянулся к разбросанной одежде, с тоской глядя, как его мучитель приводит в порядок бритвенный прибор. Чудовище! Старательное малолетнее чудовище...

– Герард, неужели нельзя хоть раз выспаться?

– Но, сударь, – воистину сей молодой человек уморит кого угодно, – ехать днем слишком жарко.

– Ну и ехали бы ночью, – Марселя разобрало желание поворчать, – зато вставали бы как люди.

– Мы же спешим, – напомнил Герард Арамона и утешил: – Зато с полудня до шести будет привал.

– До полудня дожить надо, – простонал Валме, принимаясь за бритье. А ведь он мог остаться в Олларии, спать в своей постели... Или не в своей, но спать! В столице были Марианна, цирюльники, портные, карты, вино, а тут... Десять дней в седле! Рокэ и его головорезы железные, но мальчишка! На него к вечеру смотреть жалко, а терпит. И еще жара эта...

Марсель с отвращением провел рукой по взлохмаченным волосам и принялся одеваться. Первые два дня он еще старался выглядеть дворянином, но Ворон гнал свой отряд безо всякой жалости, и Валме сдался, прекратив завиваться и сменив приличествующий его положению костюм на кэналлийские тряпки. Правда, выглядел он в них не так уж и плохо, и все равно известному своей изысканностью кавалеру неприлично путешествовать без камзола и с разбойничьей косынкой на голове.

Виконт с сожалением оглянулся на покинутую кровать и спустился в общий зал, где получил свою долю холодного мяса и вчерашнего хлеба. То, что шадди не дождешься, было столь же очевидно, как и то, что вечером не будет вина. Первый изверг Талига заявил, что до Фельпа о выпивке нужно забыть! О выпивке, о женщинах, о сне... Война еще и не думала начинаться, а сколько трудностей!

Когда Валме проглотил то, что называлось завтраком, Ворон был уже в седле. Возле маршала крутились варастицы и неизбежный Герард. Марсель героически пожелал всем

³ Туз Посохов, Пятерка Посохов и Паж Мечей. Значения Младших арканов Таро приведены в приложении.

доброго утра, Рокэ рассеянно кивнул: он отнюдь не казался сонным, но пускаться в светские разговоры не собирался. Виконт мысленно воззвал к Разрубленному Змею, забрался на коня и покинул городок, имя которого тут же забыл.

Копыта монотонно били по пыльной дороге, всадники молчали, и Валме сильно подозревал, что кэналлийцы и варастийцы просто-напросто дремлют. Сам Марсель спать в седле не умел, а жаль!

Несмотря на ночь, которую только Алва мог обозвать утром, было жарко, и виконт старался не думать о том, что их ожидает к полудню. Маршал вел отряд, чередуя кентер и рысь; вдоль дороги тянулись живые изгороди, за которыми расстилались пастбища. Иногда из-за темной колючей стены доносилось мирное сонное блеянье, и Марсель впервые в жизни подумал, что быть овцой не так уж плохо.

Алва обещал к полудню добраться до Эр-При. Там можно будет что-то съесть и проспать до вечера. Из Эр-При до Ургота рукой подать, то-то Фома удивится! Он ждет Ворона с армией к концу лета, а он тут как тут. Правда, без войска. Марсель так и не понял, есть ли у Рокэ план и за какими кошками он спешит, как какой-то курьер. Поход оказался не таким приятным, как думалось, но Марсель жалел о принятом решении, только когда его будили. Мужчина, не побывавший на войне, мужчина лишь наполовину! К тому же виконт надеялся, что отец зачтет воинские подвиги за исполнение сыновнего долга и можно будет увильнуть от очередного посещения отчего дома. Почтительный сын принялся сочинять письмо дражайшему родителю, но тут Рокэ осадил коня и поднес руку ко лбу, вглядываясь в сумеречную даль. Виконт проследил за взглядом маршала и присвистнул – к ним на рысях приближалось десятка полтора конных. Марсель счел это поводом для разговора и подъехал к Ворону.

– Кому-то не спится.

– Будем надеяться, урготам. Лучшего места для встречи не придумаешь.

– Урготам? – не понял Валме.

– Виконт, – вздохнул Рокэ, – вам ли не помнить, какой сейчас час? Эти люди спешат. На купцов и погонщиков они не похожи, а на гонцов – очень даже. В Эр-При вряд ли случилось что-то важное, а Ургот и Фельп ждут нападения. Ваши выводы?

Ответить Марсель не успел – Алва пришпорил полумориска, кэналлийцы и варастийцы последовали примеру вожака. Гонцы, если это и вправду были гонцы, смешались, явно не зная, что делать: бежать, драться или разговаривать. Их можно было понять – на встречу с Вороном они вряд ли рассчитывали: по всем воинским законам Первый маршал Талига должен быть при армии, которая хорошо если выползла из Оллари. И это не говоря о том, что завязанная под грудью рубаха, черная косынка и метательные ножи превратили герцога в сущего разбойника.

Всадники, однако, пришли к какому-то решению. От общей кучи отделился один и медленно поехал вперед. Еще пятеро выстроились в ряд и подняли мушкеты, недвусмысленно показывая, что намерены защищать парламентаря.

– Какая прелесть, – заметил Ворон. – Валме, прошу со мной.

Герцог лениво шевельнул поводом, Марсель, предвкушая роскошный разговор, скопировал движение маршала. Все-таки герцог – аристократ до мозга костей, какая небрежность и вместе с тем какое изящество!

Всадники съехались у облезлого деревца, с которого сорвалась недовольная птица. Чужак и вправду оказался в мундире, но урготском или нет, виконт не разобрал. Парламентарь открыл рот, собираясь что-то сказать, но Алва его опередил.

– Итак, бордоны расколотили флот славного города Фельпа.

– Сударь, – офицер производил впечатление человека, которому только что дали по голове, – вы... Откуда вы знаете?! Нас никто не мог опередить!

– Успокойтесь, вы первые. Так как прошла битва?

– С... с кем имею честь?

– Рокэ Алва, – охотно представился Ворон, – он же Первый маршал Талига и

властитель Кэналлоа, но последнее в нашем случае несущественно.

– Монсеньор... – гонец чуть было не упал в обморок, но передумал. Окажись перед урготом Леворукий со всеми своими кошками, и то бедняга вряд ли был бы потрясен сильнее. Тем не менее офицер поверил, кто перед ним, немедленно и безоговорочно. Алва улыбнулся:

– Вы удивлены?

– Монсеньор, мы не ждали вас так скоро... Ваше появление – такая неожиданность.

– Разумеется, – согласился Ворон, – если едешь на войну, постарайся обогнать шпионов.

– Но... Монсеньор... Где же ваша армия?

– Армия подойдет, – махнул рукой Рокэ, – а флот приплывет. К концу лета.

Валме едва сдержал хохот, вспомнив, как задал тот же вопрос в Летнем лагере и в ответ услышал, что армия, конечно, выступит, но уважающий себя полководец в случае необходимости обойдется и без оной.

– О, – несчастный офицер смотрел на Ворона, как на багряноземельского крокодила, – разумеется... Это такая честь... Но... Вас так мало...

– Любезный, – Алву урготское бляенье откровенно забавляло, – армия – вещь полезная, но медленная. Пока ее нет, обойдемся тем, что есть. Так что же все-таки осталось от фельпского флота?

– Восемнадцать галер. Джильди застали врасплох... Бордоны привели сотню вымпелов, из них десять галеасов, а у Джильди были только галеры... Двадцать тысяч «павлинов»⁴ и десять тысяч бордонов высадились в бухте... Монсеньор, кто вам сообщил?

– Убийцы.

– Монсеньор?! – офицер уставился на Рокэ с таким ужасом, что Валме пожалел несчастного. Ничего, Фома еще узнает, что такое Ворон. Перья «павлину» он, конечно, выдерет, но для начала отделает союзников.

Рокэ сжалился над урготом. Или не сжалился, а решил проверить, как действуют его откровения на незнакомцев.

– Меня, как вы знаете, – Первый маршал Талига был сама куртуазность, – не одобряют многие, но убивают далеко не каждый день. Если меня пытаются прикончить, значит, я кому-то мешаю. В данном случае я мешал Бордону, а значит – Гайифе. Ваш Фома жаден, как сто гоганов: прежде чем купить мою шпагу, он долго страдал. «Павлины» догадались, в чем дело, и приняли меры, вернее, попытались принять, а кто-то из академиков подметил, что каждое действие рождает противодействие. Короче, господа, мы едем в Фельп.

– Но... – дернулся гонец, – я еду в Талиг.

– А поедете с нами. Как, кстати, вас называть?

– Капитан Финелли. Бенито Финелли. Я – патриций Фельпа на службе герцога Урготского.

– А это – виконт Валме, он вас развлечет. Прикажите своим людям занять место в строю.

2

Ричард Окделл осадил мориску и огляделся. Вокруг было очень мирно и очень сонно: тонущие в зелени домики, дремотные улочки, пологая гора, на которой возвышалась обитель. Из уроков землеописания Дик знал, что Крион славен фруктовыми садами, монастырем Святого Танкреда и осенней ярмаркой. В древности город был столицей

⁴ «Павлины» – презрительное прозвище гайифцев. На гербе Гайифы изображен павлин в венке из золотых роз.

королевства Уэрта, потом двор перебрался в Гарикану, а после Двадцатилетней войны Уэрта распалась на Агарию и Алат. Вот и все, что рассказывал господин Шабли о Крионе, но Повелителя Скал меньше всего занимало чужое прошлое...

Прямо перед мордой Соны выскочила трехцветная кошка, на мгновенье замерла, выгнув спину, и бросилась к дому, в котором Дик заподозрил гостиницу. Чутье не подвело, похоже, юноша незаметно для себя самого превратился в бывалого путешественника.

При виде всадника на чистокровной мориске стоявший на пороге слуга бросился на добычу. Окделл позволил взять Сону под уздцы, а в ответ на уговоры отобедать в «Чаше паломника» спрыгнул на землю. Кобылой занялся узколицый конюх, а юноше не оставалось ничего другого, как войти в услужливо распахнутую дверь.

Опрятная лестница напомнила о Фрамбуа и дядюшке Эркюле. Святой Алан, как же хорошо тогда все было! Ну почему вместо мира и всеобщей радости начался сплошной кошмар?! Выстрелы из-за угла, спешный отъезд в Надор, еще более спешное бегство в столицу, октавианские ужасы, нелепая попытка отравить эра... Теперь Дик не сомневался – Ворон выжил, иначе б Хуан живым оруженосца не выпустил.

Красивый, полный трактирщик при виде гостя проявил бурный восторг. Бедняга чуть не бухнулся на колени, умоляя благородного господина остаться на ночь, и Дик покорно занял лучшую комнату с видом на монастырь. Ему предложили вина, и юноша пробормотал про «Вдовью слезу». «Слез» в гостинице не нашлось, и Ричард согласился на агарийскую лечуза вянка, не все ли равно.

Хозяин умчался резать цыплят, а герцог Окделл примостился у опрятного стола. Оруженосец герцога Алвы прибыл в Крион, оставалось вскрыть пакет. Или не вскрывать.

Повелитель Скал мог выбросить зашитую в кожу вещицу в придорожную канаву, сжечь, утопить, потерять – и ехать, куда душе угодно, но юноша исполнил приказ даже не эра, а бывшего работорговца. Герцога Окделла послали в Крион, и он в каком-то полусне ехал в Крион. Дважды Дик сбивался с пути, потом ему помешали дожди и перебежавшая дорогу лань. Тем не менее любой дороге приходит конец. Бывший оруженосец Первого маршала Талига добрался до цели, оставалось взять нож и срезать печати.

Принесли вино. Оно могло быть любым: хорошим, сносным, отвратительным, – вкуса Ричард не почувствовал. Юноша смотрел на лежащий на столе черный предмет и пил стакан за стаканом, но голова кружиться не желала, хотя обычно Дику хватало пары бокалов.

Появился слуга – не тот, что караулил на улице, другой, худой и ушастый. Спросил, подавать ли обед, и Ричард велел подавать. Курицу зажарили отменно, хлеб был горячим, овощи – сочными. Нужно было есть, и Дик ел, и ел долго, потому что обед был отсрочкой. Затем Повелитель Скал долго мыл руки, объяснял трактирщику, что желает сменить одежду, разговаривал с портным и белошвейкой. Потом ушли и они, наступал вечер, запахло ночной фиалкой и другими цветами, которых Дик не знал, в монастыре зазвонили к вечерней службе. Здесь не воевали и не убивали, а молились...

Назойливый колокольный звон напомнил об Октавианской ночи, Дик захлопнул ставни и зажег свечи. Дольше тянуть было некуда, и юноша, взяв принесенный хозяином нож, подцепил знакомую печать синего воска и сорвал тонкую кожу.

Внутри оказалась плоская шкатулка черного дерева, запертая на изящный замочек, к которому на цепочке крепился резной ключик. Изысканно и дорого, как и все в доме Ворона. Ричарду показалось, что он видел эту вещицу на столе эра, но полной уверенности не было. Юноша поставил шкатулку на стол и задумался. Он слышал и о ключах с заусенцами, на которые наносили смертельный яд, и о выскакивающих из замков отравленных иглах. Неужели его отпустили, чтобы убить здесь, в Крионе? Рокэ на такое не способен, Рокэ, но не работорговец. Если эр мертв, Хуан будет мстить, и мстить жестоко, а что может быть горше смерти на пороге свободы? Именно так погиб Конрад Приддский, вырвавшийся из тюрьмы и надевший отравленную женой рубашку.

Дик больше не сомневался: Ворон мертв, а шкатулка отравлена. Ее надо сжечь! Юноша отодвинул опасный ящичек, налил себе вина, поднялся, подошел к окну, выпил, вновь

ничего не почувствовав. Может, спросить касеры? Или заказать заупокойную службу, хотя Алва был олларрианцем, а то и кем-то похуже. Не зря говорят, что в душах потомков Рамиро горит вечный закат, а сила и непобедимость кэналлийских повелителей – дар Леворукого! Равно как и красота, и власть над женщинами. Только ангелы могут отказать избранникам Чужого. Катарина Ариго – ангел, ее жизнь дороже жизни убийцы и безбожника, но Повелитель Скал оказался плохим защитником. Теперь остается лишь молить Создателя за Катари, больше ее величеству никто не поможет, она совсем одна в своей убранный шелками клетке...

Колокольный звон просачивался даже сквозь закрытые ставни. Он звал, требовал, напоминал о высшем долге. Матушка, окажись она в Крионе, первым делом отправилась бы в монастырь, но Ричард молиться не мог. Он понимал, что это грех, но, видно, не зря говорят, что убийцы и предатели слышат не Создателя, а Леворукого. А кто он, если не предатель и не убийца?

Он приносит несчастье. Из-за него погибло или вот-вот погибнет множество прекрасных людей, а он прохлаждается в Крионе! У него есть лошадь, золото и свобода, но что с ними делать? Кому здесь нужен Ричард Окделл, кому он вообще нужен?! Его выбросили, как ненужную вещь!

Дик бросился к столу, схватил шкатулку, вставил ключ в замок и резко повернул. Что-то щелкнуло, но никаких отравленных иголок не выскочило. Юноша медленно поднял крышку: внутри на синем бархате лежал отцовский кинжал, а рядом поблескивал перстень Эпинэ. Больше в шкатулке не было ничего.

3

Бенито Марселю понравился сразу, чего нельзя было сказать о дороге. Эпинэ с ее пастбищами и виноградниками исчезла в пыльном мареве, впереди тянулось плоскогорье Гальбрэ, и более мерзкого местечка Марсель Валме в своей жизни еще не видел. Смутные воспоминания о недоученных уроках нашептывали, что раньше здесь плескалось море, потом оно отступило, оставив победившей суше мертвые озера, окруженные белоснежными воротниками соли.

Тут даже места для привала не было, разве что свернуть с дороги и поискать тени в дальних пятнистых скалах, но там, без сомнения, водились змеи, а змей Марсель не одобрял. Так же как скорпионов и прыгучих ядовитых киркорелл, которыми славились здешние края. Казалось немыслимым, что из-за столь гнусных земель то и дело вспыхивали войны. Одна так и вошла в историю под именем Соляной, и было это лет через пятьдесят после падения Раканов.

Соль принесла Урготу неисчислимые богатства, на ней и поднялось герцогство, владыки которого были не столько воинами, сколько торгашами. На соли и меди, серебре и свинце, добываемых в невысоких выветренных горах.

Чем кончались старые войны, виконт не помнил – история и землеописание наследника Валмонов никогда не занимали, – но о том, как попасть в осажденный Фельп, Марсель задумывался. Тридцать тысяч болтавшихся на берегу врагов его весьма беспокоили. В осажденный город пробьется только сильная армия, но Савиньяк подоспеет не раньше осени. Валме с сомнением посматривал на Рокэ, невозмутимо покачивавшегося в седле. С Алвы станется бросить лошадей и пробраться в город ночью сквозь вражеские позиции. Марселя подобное приключение не вдохновляло абсолютно.

– Бенито, – Валме постарался, чтоб его голос звучал как можно спокойнее, – вы полагаете, дорога в город свободна?

– Конечно, – заверил фельпец на урготской службе, – ее так просто не перережешь. Увидите сами, не хочу портить удовольствие рассказом.

– Удовольствие?

– Прибрежная Стена по праву считается чудом. – В голосе офицера слышалась законная гордость. – Она идет от Веньянейры до города, прикрывая дорогу слева, а справа нас защищает море.

Валме уже ничего не понимал. Если враги высадились на берег в одном месте, кто мешает им высадиться в другом и перерезать тракт?

Фельпский ургот рассмеялся:

– Гадаете, почему дожди с двух сторон не лезут? Да потому что на западе кошки с две высадишься: и рифы тебе, и мели, и зыбуны, да еще и дозоры стоят. К Фельпу иначе как Приморским трактом с суши не добраться...

– А чего они стену не ломают?

– Не готовы. Ничего, пусть копаются, чем дольше, тем лучше. Конечно, до осени, когда подойдет армия, они не провозятся, а жаль...

Тут пришел черед улыбнуться Валме. Алва не для того загонял лошадей, чтобы ждать Савиньяка. Ворон что-то задумал, а значит, будет весело. Скрывая усмешку, Марсель уставился на ухо собственной лошади. Он немного успокоился насчет дороги, и жара, отступившая не то чтоб перед страхом, но перед обоснованным беспокойством, взяла свое. Виконт не знал, что хуже: беспощадная ярость солнца или вязкая духота, изливавшаяся из низких густых облаков, и не думавших облагодетельствовать путников дождем.

Облака были такими же обманщиками, как и проклятые озера, которые отряд никак не мог миновать. Издали вода казалась обычной, но не годилась ни для питья, ни для купанья, а в темных глубинах не плескалась даже самая заваливающая рыба. Умом Марсель это понимал, но любоваться на блестящую водную гладь и изнывать от жары и жажды – увольте!

Неожиданно Рокэ Алва поворотил коня к одному из озер, на взгляд Марсея, ничем не отличавшемся от других. Герард, разумеется, увязался за своим монсеньором, хотя проявленное маршалом любопытство по такой духоте было лишним. Кэналлийцы и адуаны придержали своих лошадей, не собираясь трогаться с места, а вот урготы забеспокоились. Бенито прищпорил жеребца и помчался наперерез Рокэ, Марсель за какими-то кошками последовал за ним. Алва, услышав топот, обернулся и натянул поводья.

– В чем дело, господа?

– Монсеньор, – казалось, молодому офицеру неловко, – это... Это, конечно, ерунда, но... Это озеро... К нему никто не спускается... Дурная примета...

– Вот как? – Ворон сощурил синие глаза, всматриваясь в сверкающий соляной вал, окружавший мертвое зеркало. – И почему же?

– Не знаю, – честно признался ургот. – Толком не знает никто, но Литта не терпит чужого любопытства.

– Хорошо, – усмехнулся Алва, – пощадим чужую скромность. Оскорбления озер в мои планы не входят никоим образом.

Герцог учтиво наклонил голову, словно принося извинения не слишком красивой и не слишком молодой даме, и повернул коня обратно. На лице Бенито отразилось нескрываемое облегчение.

Больше в этот день не случилось ничего, а к ночи отряд добрался до Ограмика, откуда начинался пресловутый Приморский тракт. Марсель надеялся хотя бы там обрести кровать и много-много воды, но Алва отвел на отдых лишь полтора часа. Ворон спешил, дела до чужой усталости ему не было.

Глава 2

Фельп

«Le Roi des Deniers & Le Trois des Deniers & Le Trois des Bâtons»⁵

⁵ Король Динариев, Тройка Динариев, Тройка Посохов.

В славный город Фельп Первый маршал Талига въехал затемно. На дорогу ушло четырнадцать с половиной дней. Это было недурно даже для королевского курьера, но Алва, дай ему волю, ехал бы еще быстрее. Марселя спасло лишь то, что Ворон знал людей и лошадей и не загонял их до смерти, вот до полусмерти – это пожалуйста!

За время пути Валме трижды прокручивал в поясе новые дырки. С одной стороны, это не могло не радовать: Валмоны отличались склонностью к полноте, а виконт не желал отъедаться до состояния дражайшего родителя. С другой стороны, отощавший, дурно выбритый кавалер в кэналлийских тряпках вряд ли поразит воображение фельпских красавиц. Особенно если рядом Рокэ. Вот ему черная рубаша и разбойничья косынка только прибавили загадочности, которую так ценят женщины. Если б Марсель не боялся показаться смешным, он бы попросил остановиться, чтоб привести себя в порядок, но, представив, как маршал с ухмылкой поднимает бровь, выбрал меньшее из зол и постарался выбросить из головы мысли об абрикосовом камзоле и чистых завитых волосах.

К счастью для виконта, первая встреча обошлась без дам. Отправленный вперед Бенито Финелли ошастливил Дуксию ⁶ известием о прибытии высокого гостя, и невыспавшийся гран-дуks ⁷ с дурацким именем Ливио Гампана перехватил герцога и его свиту у городских ворот. Дукс был высок и довольно красив, но все портили нелепый балахон, несмотря на жуткую жару, отороченный седоземельскими соболями, и еще более дурацкий колпак на голове, украшенный, однако, весьма недурной пряжкой с изумрудом. По лицу Гампаны тек пот, но он стоически терпел, страстно заверяя прибывших в пламенной любви к великому Талигу, его величеству Фердинанду Оллару и величайшему полководцу Золотых земель.

Величайший полководец слушал торжественную речь с каменным спокойствием, если, разумеется, слушал, а Марсель таращился на могучие стены, темневшие на фоне испятнанного звездами неба. Ночью они казались несокрушимыми, как сами скалы, но день менее снисходителен к стенам и женщинам. К мужчинам, к сожалению, тоже. Виконт ерзал в седле, с отвращением глядя на укутанного в меха фельпца: не хватало проторчать у городских ворот до рассвета, а потом небритым ехать по запруженным толпой улицам. В Фельпе жили, и неплохо жили, около ста тысяч человек, хотя, по мнению виконта, поселиться в подобном пекле мог только безумец или больной серой горячкой ⁸. И еще больший безумец мог битый час молоть языком о своей неземной радости, когда гостям нужны горячая вода, приличный цирюльник и крепкий шадди.

Гран-дуks наконец возвысил голос и сообщил, что не сомневается в грядущей победе над коварным и вероломным врагом. Рокэ вежливо наклонил голову и предложил перенести обсуждение кампании в более подходящее место. Гран-дуks сначала опешил, потом улыбнулся изысканной шутке великого воина и сообщил, что Дуксия соберется в полдень, пока же герцога и его свиту ждет палаццо Сирен.

– Мы просим прощения, – Ливио Гампана опустил глаза, словно невеста, уличенная в отсутствии девственности. – Мы не ожидали вас так быстро и потому не успели перетянуть

⁶ Дуксия – коллегиальный орган власти в Фельпе и ряде других свободных городов. Дуксы избираются голосованием из числа достойных и богобоязненных горожан, кои имеют достаточно имущества, чтоб внести должный залог.

⁷ Глава Совета дуксов.

⁸ Больные серой горячкой испытывают постоянный озноб.

обивку и сменить гербы на фронтоне.

– Ничего страшного, – Марселю показалось, что Алву душит смех, – я переживу любую обивку, только бы она не была розовой в зеленую полосочку.

Валме едва не взвыл, представив рожи многочисленных Манриков, которые, к сожалению, Первого маршала не слышали. Гран-дукс шутки не понял, да и не мог понять. Бедняга бросился заверять Алву, что в палаццо все выдержано в морских тонах. Валме наострил уши, ожидая, что Ворон перейдет к спрутам и медузам, но тут, как назло, появилось новое лицо, по виду совершенно военное.

– Господин герцог, – Марселю показалось, что Гампана не слишком рад вновь прибывшему, – позвольте представить вице-командующего гарнизоном Фельпа, генерала Массимо Варчезу.

– Я рад, что вы приехали, – просто сказал генерал. – Наше положение, прямо скажем, не из легких...

– Не стоит утомлять гостей, – вылез гран-дукс, утомлявший их добрых полчаса. Генерал нахмурился, но промолчал. По мнению Марселя, из вежливости. Рокэ улыбнулся самым светским образом.

– Господа, я не хотел бы представлять перед отцами города Фельпа в облике разбойника с большой дороги. Можем ли мы с моими офицерами отправиться в палаццо Сирен?

– О да, – заверил Ливио Гампана, – я буду счастлив сопровождать вас. Нас ждут конные носилки.

– Благодарю, сударь, – заупрявился Ворон, – но я предпочитаю седло или собственные ноги. Надеюсь, славный город Фельп простит мне мои привычки.

Славный город Фельп простил, а что ему оставалось?

2

Палаццо Сирен было роскошным – с фонтанами во дворе, скульптурами на крышах и лестницах и розами и камелиями, где можно и где нельзя. Это была не талигойская роскошь, но Марселю понравилось. Куда меньше ему нравились собственная загоревшая физиономия и прямые волосы. Конечно, в Фельпе есть и куаферы, и парфюмеры, но не искать же их прямо сейчас! Валме с тоской зачесал незавитые волосы назад, стянув их на затылке черной лентой. Уж лучше так, чем липнувшие к щекам русые сосульки. Немного утешил гвардейский мундир: у того, кто его придумал, безусловно, был вкус. Затянув пояс и напоследок пару раз повернувшись перед огромным зеркалом, Марсель Валме вышел в приемную.

Рокэ стоял у раскрытого, доходящего до пола окна. Он и вправду соизволил одеться, как положено талигойскому маршалу. Летний белый мундир и черная рубашка подчеркивали диковатую красоту кэналийца. Валме ему не то что позавидовал, но пожалел, что к роду Валмонов природа была не столь щедра. Марсель тоже не отказался бы произойти от Леворукого, но, увы, Повелителя Кошек прабабки виконта не вдохновили...

Алва зевнул и отошел от окна.

– Я решил не приводить сюда Моро, – сообщил он вместо приветствия, – в Фельпе кровная лошадь нужна в последнюю очередь. Да, Валме, вы не забыли, что вы мой офицер для особых поручений? Надо полагать, его величество уже подписал ваш капитанский патент. Он любит подписывать офицерские патенты...

– То есть я теперь капитан? – приосанился Марсель. – А я думал, Савиньяк шутит.

– В Фельпе правильней быть капитаном, а не виконтом, – Рокэ по-кошачьи потянулся. – Жители вольного города не одобряют чужие титулы – за неимением своих. Сейчас мы отправляемся в Дуксию на военный совет. Там соберутся те, кто нам нужен, и те, кто не нужен. Очень удобно...

– Будете стрелять? – шутка сорвалась с языка Марселя случайно, но показалась удачной. Рокэ улыбнулся:

– Не сегодня... Хотя, прежде чем заняться врагами, и впрямь придется привести в порядок союзников. В нынешнем виде они меня не устраивают.

Марсель промолчал, ожидая продолжения, но его не последовало. Рокэ взял со стола шляпу с белым пером и нахлобучил, даже не подумав глянуть в зеркало. Герцога меньше всего волновало, как он выглядит, еще бы, ведь он выглядел великолепно.

– Как офицер по особым поручениям вы должны знать, – сообщил маршал, надевая перчатки, – что из-за мелководья дуксы не держат не только парусных кораблей, но и галеасов, за что и поплатились. Бухта блокирована, а гайифцы по всем правилам обкладывают город. Варчеза рассказал, что «павлины» выкопали ров, насыпали вал и разбили укрепленные лагеря. Замкнуть кольцо мешает только прикрывающая тракт стена, ызаргу ясно, что начнут с нее... Дело скверное, но до дуксов сие пока не дошло. Герард, вы готовы?

– Да, монсеньор!

Еще бы это ходячее усердие оказалось не готовым!

3

Талигойцам отвели роскошную, обитую бархатом скамью под огромной птице-рыбодевой, красовавшейся на гербе славного города Фельпа. Еще одна крылатая и хвостатая красотка кокетливо взидала с потолочного панно на рассеявшихся внизу мужчин, и Марсель задумался о возможности любви с подобным созданием. Валме прикидывал и так и эдак, но не мог придумать позу, в которой не мешали бы ни крылья, ни хвост.

Не выдержав, виконт поделился сомнениями с Рокэ, благо совет еще не начался. Алва с ходу понял, что смущает новоявленного капитана, и меланхолично заметил:

– Дорогой Валме, именно потому она и дева.

Марсель не свалился со скамьи лишь потому, что вовремя вспомнил, где находится. Чтобы подавить излишнюю смешливость, пришлось прикусить губу – было больно, но помогло. Виконт справился с неуместным весельем как раз вовремя: начиналось пресловутое сортео⁹. Шестьдесят восемь важных, гладко выбритых мужчин в долгополых одеяниях, отороченных седоземельскими соболями, по одному запускали холеные руки в мраморную чашу, вытаскивали золотой бочонок с номером и занимали соответствующее место за массивным дубовым столом.

Забавный обычай, зато отцам города¹⁰ не грозит передрасться из-за мест – на жребий не обижаются. После сортео в зал впустили тестигу¹¹ и слуг города¹², среди которых виконт узнал генерала Варчезу. Рядом с ним шел крепко сбитый человек лет пятидесяти с таким обветренным лицом, что даже Марсель понял: моряк.

Гран-дукс Гампана выждал, когда все рассядутся, и тронул золотой колокольчик. Толстый эсператист с эмалевым голубем на груди пробормотал молитву о благоденствии и процветании великого Фельпа и его жителей, благословил присутствующих, и понеслось!

⁹ Жеребьевка (ургот.).

¹⁰ Дуксов также называют отцами города.

¹¹ Тестигу избираются состоятельными жителями Фельпа, их обязанность – присутствовать на заседании Совета дуксов и доносить до граждан все там происходящее. Права голоса тестигу не имеют, но они весьма влиятельны, так как от них во многом зависит, сколько голосов наберет претендент на роль дукса на очередных выборах.

¹² Слугами города называют управленцев и военачальников, получающих жалованье из городской казны. Слуг города нанимает и освобождает от должности Совет дуксов большинством в три четверти голосов.

Ливио Гампана начал с представления Первого маршала Талига и битый час его расхваливал не хуже продающего редкий камень гоганского ювелира. Наконец зануда заткнулся, но легче не стало: за дело взялся другой дукс, худой, как щепка, но с низким утробным голосом. Этот принялся расписывать, как счастливы он и его собратья видеть столь великого полководца и благородного кавалера, который, вне всякого сомнения, посрамит супостатов вольного города Фельпа.

После дукса худого поднялся дукс ушастый. Талигойская прическа могла бы скрыть этот недостаток, талигойская, но не фельпская. Таких ушей Марсель еще не видел, они живо напомнили виконту о кошмарах, связанных с уроками геометрии, когда злобный ментор объяснял, что есть круг и перпендикуляр. Тогда унар Марсель ответов не знал, сейчас он сказал бы, что уши дукса Андреатти являют собой два круга, перпендикулярных к голове. Стоило удирать из Оллари, чтоб вляпаться в такую тоску!

Марсель скосил глаза на Рокэ – герцог, похоже, дремал с открытыми глазами. Еще бы, если умудряешься спать в седле, почему б не уснуть на удобной лавке. Валме так не умел, пришлось вновь во всех подробностях рассматривать птице-рыбо-деву. На этот раз с сочувствием. Просиди тут парочку веков и послушай всю эту муть – еще и не такой хвост вырастет! Да и желания расстаться с девственностью поубавится. Уж лучше на потолке в одиночестве, чем в кровати с такими вот... дуксами.

Задумавшись о хвостах, виконт почти позабыл об ушах и не заметил, когда Андреатти уступил место седому толстяку. Этот, хвала Леворукому и его кошкам, не стал лить воду, а принялся представлять адмиралов и генералов.

– Командующий армией вольного города Фельпа генералиссимус Титус Ванжи.

Генералиссимус выглядел весьма внушительно, почти так же, как почтенный родитель Марселя, но папенька казался бодрее и... умнее.

– Вице-командующий генерал Просперо Фраки.

Просперо носил совершенно роскошный мундир и был весьма недурен собой, хотя против Рокэ бедняга не выгребал. Марсель готов был поклясться, что местный красавец это понял, и сие его заботит сильнее всех бордонов мира.

– Вице-командующий генерал Массимо Варчеца.

Варчеца казался довольным. В отличие от вице-командующего генерала Луиджи Кротало, вызвавшего у Валме живейшее сочувствие. Судя по всему, хмурый вояка последний раз выпался тогда же, когда и сам Марсель, то есть недели три назад.

Главный инженер господин Тиффано Гракка походил на плохо выбритого ежа, но ежа умного, хитрого и веселого. Главный артиллерист господин Коррадо Канцио сиял точно так же, как и Варчеца. Марсель решил, что они приятели, которых тошнит от гран-дукса и генералиссимуса. Парочка явно ожидала, что Рокэ начнет вытаскивать из-за пазухи кошек и девственниц. Марсель, впрочем, ждал того же.

– Старший адмирал Барбаро Кимароза.

Любопытно, когда старший адмирал в последний раз выходил в море, до рождения Рокэ или все-таки позже?

– Адмирал Фоккио Джильди.

Обветренный хмуро кивнул. А чего радоваться – сражение проиграно и наверняка на него все свалят.

– Адмирал Муцио Скварца.

Скварца был молод, весел и бесшабашен. С ним стоило познакомиться поближе. Наверняка знает, где в этом городе можно найти красивых женщин, хорошее вино и сносного портного.

Муцио был последним, кого назвали. Толстый дукс, отдуваясь, плюхнулся в кресло, зато вновь поднялся Гампана.

– Господа, – произнес он, с отеческой укоризной глядя на военных, – мы должны поведать нашему гостю подробности постигшего нас несчастья.

Генералиссимус Титус важно поднял и опустил огромную голову. Что он, что старший

адмирал вполне могли сойти даже не за отцов города Фельпа, а за его дедов.

– Будет говорить Фоккио Джильди.

Разбитый адмирал поднялся и подошел к высокому столику, на котором стояла еще одна хвостатая хранильница Фельпа. Джильди было хорошо за сорок, и он как нельзя лучше соответствовал облику морского волка. Подходящим был и голос – хриплый, низкий и зычный.

– Нас разбили, – просто сказал моряк, – иначе и быть не могло. Пятьдесят наших галер против почти сотни бордонских, не считая десятка галеасов. Не знаю, говорит ли это что-нибудь нашему гостю, ведь раньше он воевал на суше...

– Господин адмирал, – ровным голосом произнес Рокэ, – знаете ли вы, чем отличается мул от коня?

Джильди озадаченно воззрился на маршала, тот лукаво улыбнулся:

– Знаете, хоть вы и не кавалерист. А я знаю, чем отличается галера от галеаса.

Адмирал шумно втянул воздух и неожиданно громко расхохотался. Шутка явно пришлась ему по вкусу.

– Что ж, тем лучше! Значит, вам не нужно объяснять, почему я сижу в бухте, а «павлины» и «дельфины»¹³ хозяйничают на берегу.

– Дельфины на берегу – это извращение, – заметил Рокэ. – Адмирал, как по-вашему, деблокировать бухту извне можно?

– Еще бы, сотня крабов им в... – Джильди осекся и смущенно оглянулся на птице-рыбо-деву. – Только в нашем море парусным тяжко.

– Да, место для города вы выбрали странное, – согласился Рокэ. – Что ж, раз о море можно забыть, поговорим о суше. Что «дельфины» и «павлины» в количестве тридцати тысяч голов гуляют вокруг Фельпа, я знаю. Равно как и то, что они действуют по всем правилам военного искусства.

– Дорогой друг, – гран-дукс приложил руку то ли к сердцу, то ли к желудку, – мы уверены, что осаждающая армия не намерена штурмовать город, так как этому противится сама природа, бывшая первым фортификатором Фельпа.

– О да, – генералиссимус хлопнул по столу пухлой ладонью. – Командующий бордонами маршал Капрас полностью раскрыл свои намерения. Он хочет замкнуть кольцо осады и вынудить нас сдаться под угрозой голода, но у нас достаточно сил и припасов, чтобы дожидаться подхода деблокирующей армии. Тем не менее, если мы позволим противнику перерезать Приморский тракт, наше положение станет... ммм... сложным. Это понимает и Капрас.

Еще бы не понимать! Странно, оказывается, воинские премудрости не такие уж и сложные. Марсель с ходу разобрался, что имеют в виду военачальники, и это доставляло виконту истинное наслаждение. В самом деле, штурмовать расположенный на обрывистом прибрежном холме Фельп трудно, а перерезать единственную ведущую к городу дорогу весьма соблазнительно, хоть и не так-то просто.

– Будущей ночью мы улучшим наше положение, – заключил Титус. – На примыкающей к основному вражескому лагерю территории находится Паучий холм. Мы его захватим и установим на нем пушки, после чего сможем обстреливать вражеский лагерь и отвлечем осаждающих от защищающей тракт стены.

– Прошу простить мою неосведомленность, – Рокэ вежливо улыбнулся. – Почему этот холм носит столь неприятное название? Там водятся пауки или же он формой напоминает паука?

– Киркореллы там водятся, – буркнул Варчеза.

– Да они здесь везде водятся, – громыхнул адмирал Джильди, – брюхо с кулак и

¹³ «Дельфины» – презрительное прозвище бордонов. На гербе Бордонской республики изображен коронованный дельфин.

волосатые, как моя жизнь!

– Будем надеяться, они осчастливят своим присутствием бордонский лагерь, – улыбнулся Рокэ. – Жаль, Капрас не взял на войну супругу. Женщины обычно не дружат с пауками.

– Киркореллы не совсем пауки, – растянул губы кто-то из дуксов, – а что до жен бордонов... Капрас явился без супруги, а сестра дожа Гастаки не взяла на войну мужа. За неимением такового. Спросите при случае Джильди, кто потопил его галеру?

– Мне скрывать нечего, – ноздри адмирала угрожающе раздулись, – дожиха и потопила. Дожили, бабы на корабле!

– Дама командует кораблем? – поднял бровь Рокэ. – Какая пошлость!

– На «Морской пантере» три десятка дам. Все офицерские должности прихватили...

– Чего только не бывает... – задумчиво протянул Рокэ. – Как я понимаю, вы намерены взять Паучий холм?

– Да, – кивнул генералиссимус, – и мы возьмем его. Это упрочит наше положение.

– Я против, – поднял руку фортификатор, – мы не успеем его укрепить и зря потеряем людей. Паучий обращен к осаждающим пологой стороной, а к городу – крутой. Даже захвати мы его, Капрас его отобьет.

– Не согласен, – сверкнул покрасневшими глазами генерал Кротало. – Где сказано, что нельзя оборонять пологий склон? Нам нужно укрепить дух горожан. После разгрома на море многие усомнились в победе и не верят ни Дуксии, ни слугам города. Это дурной признак.

Просперо Фраки поднял руку, и генералиссимус важно кивнул. Марсель знал фельпского генерала всего полчаса, но уже понял: бедняга при виде Ворона изревновался, как стареющая красотка при виде семнадцатилетней блондинки.

– Я возьму Паучий, господа. Порукой тому моя репутация.

– Я хотел бы узнать мнение нашего гостя, – не сдавался фортификатор.

Рокэ пожал плечами:

– Судя по тому, что здесь прозвучало, я не советовал бы атаковать. Конечно, если ваше предприятие увенчается успехом, граждане города обрадуются, но что будет, если оно провалится?

– Решение принято, но я удивлен, услышав такие слова от вас, господин маршал, – Фраки попытался испепелить Алву взглядом, но неудачно, а Марселю пришел на ум свечной огарок, бесславно угасший в лохани с водой.

Рокэ улыбнулся.

– Когда мои советы перестанут удивлять, я подам в отставку. Успешной охоты на киркорелл, господа.

Глава 3 Фельп

«Le Sept des Deniers & Le Valet des Deniers & Le Chevalies des Êpêes»¹⁴

1

О морском деле Марсель имел весьма смутное представление – в отличие от Герарда, знавшего и то, что Фельп начинался как центр мелкой прибрежной торговли, и то, что флоты в Померанцевом море были по большей части галерными. Сначала потому, что «негребных» кораблей просто не было, потом из-за местных особенностей. Летом и зимой парусникам

¹⁴ Семерка Динариев, Паж Динариев и Рыцарь Мечей.

мешали штили, весной и осенью – бури.

Мелководье, изрезанное побережье, множество островов и островков, мешающих крупным судам маневрировать, превращали океанские парусники в слонов в посудной лавке. Морские гиганты могли разве что добираться до внешнего рейда, а дальше за дело брались плоскодонные трудяги. И, несмотря на это, город и порт процветали, а на противоположной стороне Урготского полуострова, где и климат был получше, и море поглубже, отчего-то никто не селился. По мнению Марселя, это было глупо, но в жизни глупостей хватало, а виконт придерживался мнения, что если тебя занесло туда, где Леворукий котят топят, нужно искать хорошее, а не плохое. В данном случае талигоец вознамерился отыскать куафера и портного, что и проделал с помощью Бенито.

Приведя шевелюру в пристойное состояние и заказав полдюжины шелковых рубаш, Марсель почувствовал себя почти хорошо и с удовольствием принял предложение Бенито и его приятеля Луиджи Джильди посмотреть город. Наутро Бенито отбывал в Урготеллу с известием о новой выходке Рокэ Алвы, но вечер был его. Луиджи, старший сын разбитого адмирала и капитан «Влюбленной акулы», возлагал на талигойского маршала кучу всяческих надежд и пытался говорить с Валме как с моряком. Марсель чувствовал себя совершенным дураком, но прогулка все равно вышла отменной.

Порт в Фельпе был один, зато трактиров и харчевен – превеликое множество, так что до палаццо Сирен офицер для особых поручений добрался лишь к вечеру. Марсель подмигнул хвостатой ангелице на фронтоне, едва не сбил с ног худого усатого варастийца и ввалился к герцогу. Рокэ пристально посмотрел на виконта, но ничего не сказал.

– Да, – заявил отчего-то обидевшийся Марсель, – я выпил. Ну и что? Мы в Фельпе, а в Фельпе можно.

– А кто говорит, что нельзя? – пожал плечами Алва. – Как вам местные красоты?

– Красоты? – возмутился Марсель. – Эти колонны и дуры с крыльями?

– А дуры без крыльев здесь водятся?

Марсель захохотал и рухнул на роскошный диван. Рокэ тоже усмехнулся.

– Идите спать, капитан.

– А вы? – виконту показалось несправедливым, что маршал лишает себя прорвы удовольствий. Они сейчас вполне могли бы...

– Мне надо разобраться с этим, – Алва тряхнул кипой каких-то бумаг, – и дожидаться, чем закончилась схватка за киркорелл.

– А, – вспомнил виконт и зевнул, – холмик...

– Он самый. Что-то мне подсказывает, что взять его не удастся, а жаль. Пауканы – твари полезные, они б нам пригодились.

– Зачем? – потряс стремительно тяжелеющей головой Марсель. – Гран-дуксу за шиворот сунуть?

– Лично я бы посадил их в чашу для сортэо, – возразил Алва.

– Тогда дуксы разбегутся. С визгом...

– Именно. Идите спать, Валме, – Рокэ склонился над бумагами, – а то еще свалитесь. Вы, конечно, малость похудели, но таскать вас на руках я тем не менее не намерен.

2

Алва оказался прав, Паучий холм взять не удалось. Высота оказалась укреплена, кроме того, нападения явно ждали. Красавца Просперо встретили мушкетным огнем и гранатами, бравый генерал, поняв, что с наименьшими затратами не вышло, решил победить красиво. Он лично возглавил атаку, под барабанный бой добежал до середины склона, нарвался на рогатки и отошел, чтоб не сказать отлетел назад. Уже без барабанного боя.

На утреннем совете Фраки выглядел отнюдь не столь уверенно, как на вечернем, а генералиссимус и гран-дукс относились к побитому красавцу куда менее отечески. Скорее

наоборот.

– Вы обманули Дуксию, – гремел Ливио Гампана, – вы обманули граждан города Фельпа, которые из-за вашей самоуверенности и непродуманности ваших действий решат, что Дуксия и слуги города не способны их защитить...

Ну, положим, они и не способны, странно, что при таких правителях Фельп до сих пор никто не захватил. Хотя бордонские дожи вряд ли лучше фельпских дуксов.

– Вы не вняли совету нашего гостя, – не мог успокоиться гран-дукс, – хотя лучший полководец Золотых земель недвусмысленно дал понять, что атака на Паучий холм лишена смысла и обречена на провал!

– Я не генералиссимус, – огрызнулся Просперо, – а маршала Алву слышали все.

– Отцы города Фельпа склонны доверять своим слугам, – вывернулся Гампана, – а вы поклялись, что возьмете высоту.

– И ваша клятва сыграла роковую роль, – внес свою лепту генералиссимус, – ибо плох тот командующий, который не верит своим генералам.

– Господа, – поднял руку кто-то рыжий и носатый, – случившееся ночью весьма прискорбно, но надо смотреть вперед. Наш гость обещал ознакомиться с положением вещей и высказать свое мнение.

– Город Фельп будет счастлив принять совет Рокэ из Кэналлоа, – провозгласил гран-дукс, с обожанием глядя на Ворона. Тот поднялся и коротко поклонился присутствующим. Синие глаза смотрели прямо и жестко, почти так же, как в Нохе перед дуэлью. Марсель непроизвольно поджал ноги, хотя понимал, что это глупо и лично ему ничего не угрожает.

– Господа! – Ровный голос Рокэ обдавал зимней стужей. – Я не хотел бы обсуждать дальнейшую кампанию здесь и сейчас. Вчера у меня возникло подозрение, что нас слушает предатель, и хорошо, если только один. После ночного происшествия я в этом уверился окончательно. Здесь про меня было сказано много лестного, так вот, господа, один из секретов моих побед в том, что я не подпускаю к себе шпионов. Тайна на войне – половина успеха, а то и две трети. У меня нет сомнений, что генерал Фраки взял бы высоту, если б врага не предупредили о готовящейся вылазке.

Мысль о предателе Просперо понравилась, хотя генерал выглядел смущенным. Любой бы сквасился, приди ему на помощь человек, которого хочется убить.

– Маршал, – прервал молчание гран-дукс, – вы имеете в виду кого-то конкретного?

– Возможно, – Рокэ тронул черно-белую перевязь, – но я могу и ошибаться, к тому же предатель вряд ли действует в одиночку. В любом случае я посоветовал бы до окончания войны сосредоточить воинскую власть в одних руках. Это может быть наш уважаемый гран-дукс, может быть генералиссимус или старший адмирал. Или кто-нибудь еще, облеченный всеобщим доверием.

На лицах отцов города отразилось замешательство, затем вскочил тощий дукс, тот самый, что вчера помогал Гампане приветствовать Рокэ.

– Как можно вручить командование кому-то одному, не зная имени предателя?

– Конечно, предатель во главе обороны – это плохо, – утешил кэналлиец, – но, уверяю вас, возвышение причинит ему массу неудобств. Мой опыт говорит, что изменники и шпионы предпочитают находиться в свите, разумеется, если у них нет сил захватить престол. Но в вашем городе трона нет, а военачальник, отдающий заведомо дурные приказы, очень скоро познакомится с палачом. Если же он будет все делать правильно, но раз за разом проигрывать, ему тоже не поздоровится. До бесконечности списывать неудачи на шпионов и предателей невозможно, а тайные посланники имеют обыкновение попадаться. Особенно если их ловить. Нет, господа, предатель во главе обороны рискует весьма сильно, а я еще не встречал предателей, которые не ценили бы собственной головы.

Гран-дукс вопросительно глянул на генералиссимуса, тот откашлялся и веско произнес.

– Первый маршал Талига прав. Военную власть следует сосредоточить в одних руках, и эти руки должны знать, как обращаться с оружием. Я – верный слуга города Фельпа, и мой долг вынуждает меня сказать: при всем моем уважении к отцам города, они не могут

возглавлять оборону.

– Действия генералиссимуса и старшего адмирала тоже не свидетельствуют об их способностях, – обиделся желтолицый дукс.

– Город держится, – с достоинством отпарировал Титус, – и не наша вина, что узнавший тайну мерзавец выдал наши планы врагу. Хотел бы я знать, за сколько?

– Город держится благодаря стенам, а не благодаря генералам, – бросился в бой обладатель выдающихся ушей, – я уж не говорю о конфузии, приключившейся с нашим флотом. Я далек от того, чтобы обвинять адмирала Джильди, который, кстати говоря, вчера после совета таинственным образом исчез. Я понимаю, что разбитому флотоводцу хочется побыть в уединении, допускаю, что наше общество ему неприятно, но...

Джильди начал медленно подниматься, на его скулах заходили желваки. Он весьма походил на человека, собравшегося кого-то убить. Массимо Варчеза положил руку на плечо адмирала.

– Господин Андреатти, – Варчеза изо всех сил старался говорить спокойно, – лично я не сомневаюсь, что предатель носит на поясе не шпагу, а чернильницу. Ваше воображение делает вам честь как сочинителю, и оно уже обошлось городу в круглую сумму...

– Военные мало понимают в том, что составляет истинную ценность, – обиделся ушастый. – Потомки будут помнить моего «Изливающего воды», даже когда забудут ваши поражения.

– Наши поражения растут из вашей жадности, – взорвался Варчеза, – у вас нет денег на оружие, но есть на бездарные вируши.

– Прекрати, Массимо, – перебил адмирал Джильди, – дукс Андреатти сказал, я слышал. Значит ли это, что Фельп разрывает договор?

– Нет, – зачастил Андреатти, – вы, Джильди, понимаете мои слова слишком буквально. Я вас не осуждаю, вы еще не оправились от поражения...

– Поражение было неминуемым, – бросился в бой молодой адмирал... Как же его? А, Муцио Скварца. – И все потому, что Дуксия жалеет денег на флот. А может, это не жадность, а предательство?

– Выбирайте слова, адмирал, – возвысил голос гран-дукс.

– Выбирать слова пристало дуксам, а не военным, – вскочил Скварца. – Нам наносят оскорбление, потому что слуги города не могут бросить перчатку его отцам. Я разрываю договор и с удовольствием потолкую с Андреатти, и не только с ним.

– Муцио! – прикрикнул Тиффано Гракка. – Мы воюем с Бордоном, а не друг с другом.

– Да, друзья мои, – произнес обретший бывшее красноречие гран-дукс, – и мы должны подняться над личными обидами, исполняя свой долг. Прошу забыть, что мы в сердцах сказали друг другу. Мы слишком остро восприняли ночную неудачу. Надеюсь, дальше этого зала сказанное не пойдет.

– Вы полагаете, сегодняшние слова окажутся тяжелее вчерашних и не доплывут до «дельфинов»? – скривил губу желтолицый дукс. – Наш высокий гость прав. Тайну может сохранить один, но не шестьдесят восемь и тем более не сто семьдесят шесть. Генералиссимус, вы готовы принять на себя всю полноту власти?

– И всю ответственность, – ввернул жирный дукс.

Толстый старик в роскошном мундире часто задышал. Титус очень хотел власти и очень боялся после первой же неприятности оказаться в тюремном замке.

– Отцы города Фельпа, – на лице генералиссимуса застыла мука обжоры, по совету врача отказывающегося от лакомого блюда, – десять лет назад я бы принял предложенное мне бремя и безропотно понес его, но я стар и нездоров. И я не вижу среди слуг города Фельпа никого, кому по силам эта ноша, но среди нас находится первый воин Золотых земель.

– Маршал Алва – подданный талигойской короны, а не слуга вольного города Фельпа, – перебил гран-дукс, – до подхода союзной армии он может помочь нам лишь советом.

– Слугой города вправе стать любой, подписавший договор, – произнес желтолицый, с неприязнью глядя на гран-дукса.

– Вряд ли Первый маршал Талига согласится. – Гампана постарался придать своему голосу сожаление, но безуспешно. – Талигойские аристократы служат лишь своему королю.

– Пусть это скажет сам Рокэ Алва! – выкрикнул Муцио.

– Требую голосования, – громыхнул доселе молчавший лысый дукс со шрамом над бровью.

– Дукс Рабетти, – лицо Гампаны пошло красными пятнами, – нельзя требовать голосования по неявному вопросу. Герцог Алва не просил славный город Фельп принять его службу.

– Хотел бы я знать, почему это гран-дукс Гампана не желает видеть защитником Фельпа лучшего из ныне живущих полководцев? – вкрадчиво осведомился генералиссимус.

– Я слежу за исполнением законов! – с достоинством произнес Гампана, но Марсель не сомневался – гран-дукс с наслаждением бы придушил генералиссимуса. – Желают ли отцы города Фельпа знать, намерен ли Рокэ из Кэналлоа предложить свои услуги Дуксии?

Рокэ поднял голову, поочередно обведя взглядом и дуксов, и генералов с адмиралами, и замерших тестиго.

– Я не намерен, – отчеканил Ворон, – я их предлагаю. Иначе зачем бы я был здесь?

Станные слова. С одной стороны, они приехали воевать, с другой... Рокэ Алва согласен стать наемником, которому платят торгоши? Невероятно! Он разобьет бордонов, но что скажут в Талиге? Допустим, Рокэ на чужое мнение давно плевать, но ведь говорить будут не только о маршале, но и о его людях. Наследник графов Валмон – адъютант фельпского наемника?! Мерзость.

– Рокэ из Кэналлоа предлагает свои услуги вольному городу Фельпу, – упавшим голосом произнес Гампана. – Принимает ли город Фельп его на службу?

Шестьдесят пять рук поднялось вверх. Трое воздержались, против не выступил никто.

– Вольный город Фельп нанимает Рокэ из Кэналлоа, – провозгласил гран-дукс, – и труд его будет вознагражден. Какую плату Рокэ из Кэналлоа почитает приемлемой?

Марсель с надеждой глянул на герцога. Возможно, тот решил пошутить и сейчас потребует луну с неба или дуру с хвостом. Впрочем, птице-рыбо-деву дуксы могут и отдать.

– Я согласен получать ту же плату, что и командующий армией, – равнодушно произнес Рокэ.

Сколько у них получает генералиссимус? Две тысячи восьмьсот урготских брокэлей! Хорошие деньги, но не для Рокэ и даже не для виконта Валме!

– Вольный город Фельп принимает условие Рокэ из Кэналлоа. Чем Рокэ из Кэналлоа подтвердит договор?

Алва усмехнулся и сунул руку в висевший у пояса кошелек. Эта фельпская традиция выросла из купеческого обычая подтверждать честность залогом. Третью сотню лет генералы, инженеры, строители, фортификаторы, становясь слугами города, бросали на покрытый белым сукном стол золотую монету, которая торжественно опускалась в сафьяновый кошель, висящий на поясе мраморной покровительницы Фельпа. Когда слуга города, исполнив свою работу, получал плату, ему возвращали и залог.

– Чем я отвечу на доверие города? – Ворон что-то бросил на стол, на белом бархате вспыхнула звездная россыпь.

– Принимает ли торговый город Фельп мой залог?

Сапфиры! Сапфиры немыслимо чистой воды, десятки сапфиров и среди них кровавый дразнящий огонь. Алая ройя! Камень, цены которому нет и быть не может. Теперь ни одна собака не посмеет твякнуть, что Ворон продал свою шпагу!

– Мы... мы не можем... Мы должны быть уверены...

– В том, что Бордон не заплатит мне больше? – подсказал Алва. – Не заплатит...

– Но, – глаза гран-дукса не могли оторваться от сгустка закатного пламени, – этот камень не имеет цены...

– Он будет прекрасно выглядеть на шее хранительницы Фельпа, – заметил Рокэ. – Господа, если я исполнил все, что положено, я вас покину. Прошу отпустить со мной генерала Варчезу, адмирала Джильди и господ Гракку и Канцио.

– Сударь, – руки дукса так и тянулись к драгоценностям, – вечером Дуксия дает пир. В честь вашего вступления на службу.

– Благодарю. Я буду обязательно, но сейчас мы едем на верфи.

Марселю страшно хотелось поглядеть, что дуксы сделают с камнями, но не отставать же от Рокэ. Валме бросился за герцогом и догнал его на лестнице, утыканной неизбежными хвостатыми красотками. Рядом с кэналлийцем шел взволнованный Варчеза.

– Сударь, – усиленный эхом генеральский рык разносился по всему дворцу, – кто мог нас предать?

Рокэ развязал ворот рубахи и вздохнул полной грудью.

– Кто знает... Лично мне весьма подозрителен Андреатти. Человек с подобными ушами не может относиться к ним только как к украшению.

3

Рокэ и Фоккио Джильди ушли с жилистым горбатым фельпцем, зато сын адмирала показал им с Герардом почти достроенную галеру, а корабельный мастер рассказал прорву всяческих вещей. Виконт узнал, что галеры делают такими узкими для большей скорости.

– Эта красавица, – размахивал руками мастер, – в длину ровно 160 бье¹⁵ при ширине палубы чуть больше двадцати. Только так и никак иначе! И не верьте Тио Фагетти! Он бездельник и презренный обманщик! Как можно, чтоб длина галеры относилась к ширине как тринадцать к полутора?! Как, спрашиваю вас я, Бенвенуто Джудокки, сын Урбана Джудокки?

Мастер остановил негодующий взгляд на Марселе, и виконту ничего не оставалось, как заверить, что он не собирается слушать презренного Фагетти.

– Даже зубаны, – мастер поднял запачканный смолой палец, – и те знают, что длина галеры относится к ширине как восемь к одному!

– Безусловно, – подтвердил Луиджи Джильди, беря оторопевшего от натиска талигойца под руку, – смотрите, Марсель. Вот здесь, на палубе у бортов, сидят гребцы. По три, реже по четыре человека в ряд. Мы с отцом предпочитаем наемных, но многие капитаны покупают или за небольшую плату берут у города каторжников. Это дешевле.

– Жадный платит трижды, – воскликнул Бенвенуто, сын Урбана. – Нет ничего хуже, чем польститься на дешевизну.

– Совершенно согласен, – лицо Луиджи стало жестким, – если б на «Влюбленной акуле» были рабы, я бы с вами не разговаривал.

– Они загубили «Красавицу Монику»! – мастер схватился за голову и тут же, словно ожегшись, воздел руки к небу. – Мою лучшую галеру! Не считая «Акулы», разумеется.

– Они много чего загубили, – согласился Джильди-младший. – Так вот, господа, между гребцами остается чистая полоса от силы в семь бье. Это я к тому, что по галере особенно не побегаешь. Под ногами – скамьи, цепи, а во время боя еще и раненые, и мертвые. Безобразную и тупую свалку устроить можно, но зачем? Для того чтобы захватить галеру, нужно занять ют, бак и куршею. Я понятно объясняю?

Валме деликатно промолчал и опустил глаза – признаваться в своем невежестве не хотелось. Выручил Герард.

– Значимые места на галере, – радостно оттарабанило утреннее чудовище, – это корма, на которой находятся капитан и старшие офицеры, и носовой помост, где расположена вся

¹⁵ Один бье примерно равен 30 см.

артиллерия галеры. Между ними чуть выше гребной палубы по свободной полосе идет куршея – помост для контроля над гребцами и перехода с носа на корму. В середине, у грот-мачты, может быть еще одна платформа, а может и не быть. На одних чертежах, что я нашел, она показана, на других – нет.

– О, – возопил Джудокки, – молодой человек подает блестящие надежды! Блестящие, но он смотрел чертежи ничтожного Фагетти. Забудьте об этом неуче!

– Он забудет, – заверил расхोдившегося мастера Луиджи. – Марсель, теперь вы видите, что основные схватки идут за нос и корму. Тот, кто держит их, держит и куршею. Если защитников отбрасывают на гребную палубу, это конец. В такой тесноте драться бессмысленно, я уж не говорю о том, что гребцы норовят отыграться на бывших хозяевах...

Валме слушал и запоминал, предвкушая будущий фурор у талигойских дам. Да и родителю должно понравиться, что наследник побывал на войне. Как удачно, что в Междугорье ¹⁶ от Придды до Агарии говорят на одном языке. Кроме Кэналлоа, разумеется, но кэналлийцы всегда были сами по себе. Захоти Алва послать Талиг к кошкам, не было б ничего проще, чем закрыть перевалы и зажить своим умом. И своими приисками и виноградниками.

Было б недурно, когда все закончится, съездить с Рокэ в Алвасете. Говорят, юные кэналлийки замечательно красивы и весьма свободны в своих поступках...

– Господин Джудокки, – юный Арамона думал не о женщинах, а о железяках, – а сколько пушек понесет эта галера?

Любопытство мальчишки не знало границ, и это при том что он вскакивает в шесть утра!

– На носу «Красавицы Фельпа» будет установлено семь пушек, – мастер, сам похожий на вырезанную из дерева скульптуру, с нежностью коснулся светлого борта. – Одна, самая тяжелая, точно посередине, по оси судна, две полегче – по бокам от нее, четыре, еще легче, по краям.

– Сударь, – разумеется, Марсель забыл имя фельпца, – прошу вас, объясните моему спутнику разницу между галерой и галеасом.

Утренний мучитель это наверняка знал, но Марсель не собирался садиться в лужу при разговоре с местными водоплавающими. Спрашивать же от своего имени было неудобно. Что пристало молоденькому адъютанту, не пристало офицеру для особых поручений при особе Первого маршала Талига.

– О, – закатил глаза мастер с зубодробительным именем, – галера и галеас – это как борзая и волкодав. Галера, молодой человек, как вы можете видеть, сверху открыта. У нее одна палуба, у галеаса – две. В нижнем ярусе – гребцы, верхний, пушечный, открыт. На носу помещается до дюжины пушек, чаще всего девять или десять, и еще десятка два по бортам, а на корме на стойках-вертлюгах закрепляют фальконеты. Для стрельбы картечью сверху вниз по галерам и абордажным лодкам.

– Я видел галеасы в книге, – Герард виновато улыбнулся, – у них очень высокие борта.

– Не то слово, – мастер одарил гостя одобрительным кивком, – их делают из толстого дерева и обивают кожей. Такой борт могут пробить крепостные пушки, но для корабельных он почти неуязвим. С галеасов удобно бить по галерам из пушек и мушкетов. Что у тебя творится, не видать, а они сверху как на ладони. Но даже без пушек галеас опасен. Он идет к обычной галере и разламывает ее, как тибур ¹⁷ перекусывает селедку.

¹⁶ Имеется в виду пространство между горными системами Торки и Мон-Нуар-Сагранны. В странах, лежащих к северу от Торки (Дриксен, Гаунау, Кадана), а также к югу и востоку от Мон-Нуар (Холта, Кагета, Нухут, Гайифа, Алат), говорят на других языках, хотя в Гайифе и Алате в ходу два языка.

¹⁷ Крупная хищная рыба.

– Леворукий и все его кошки, что за ужасы вы тут рассказываете? – Марсель оглянулся. Рокэ с адмиралом и горбуном вынырнули из-за лежащей на земле очередной птице-рыбодевы, которой предстояло украсить нос новой галеры.

Марсель с умудренным видом покачал головой.

– Мы говорим о галеасах, которых у нас нет, но которые есть у бордонов.

– Я понял, – кивнул Рокэ. – Мастер, вы насмерть запугаете моих офицеров. Теперь они ни за что не поднимутся на борт галеры, если рядом будут болтаться эти ваши слоны.

– Слоны? – удивился мастер.

– Морские, – уточнил Ворон, – если галеры называют морскими конями, то галеасы сойдут за слонов. Кстати, слоны боятся мышей. Интересно, испугаются ли они ызаргов.

– Сударь, – корабельщик был окончательно подавлен, – прошу меня простить, но я ничего не понимаю... Почему ызарги?

– Потому что они имеют обыкновение кишеть, – Алва хлопнул мастера по плечу. – А остальное вам объяснит господин Уголино.

– О да, Джудокки, – горбун сиял не хуже оставшихся в Дуксии сапфиров, – сегодня прекрасный день! Прекраснейший... Создатель подарил мне встречу с величайшим умом Золотых земель...

– А не выпить ли нам? – величайший ум залихватски подмигнул обоим фельпцам.

– Конечно, монсеньор, – горбун радостно закивал головой, – нельзя закладывать новые корабли с сухим горлом.

– Новые? – Джудокки чуть не задохнулся. Надо полагать, от восторга.

– И много, – рявкнул адмирал Джильди. – Где твоё вино, мастер!

Марсель Валме пивал вина и получше, чем те, что держал горбун, но день закончился веселее, чем начался. Рокэ был в ударе, они с Джильди и мастером Уголино то и дело переглядывались с видом заправских заговорщиков, а корабельщики, явившиеся на негаданную пирушку прямо от стапелей, пили стакан за стаканом, не забывая превозносить гостя, заставившего «эту паршивую Дуксию» раскошелиться. Марсель понял, что Рокэ заказал на верфи два десятка кораблей, но зачем?

Галерам не выдюжить против галеасов, да и когда их еще построят?! Хотя ударить по бордонам, когда те сцепятся с подошедшим Альмейдой, – это мысль!

– Рокэ, – слегка захмелевший виконт тронул Ворона за плечо, и тот с готовностью обернулся, – Рокэ... Мы ударим с двух сторон? Да? Из бухты и с моря...

– Вы – великий стратег, Марсель, – Алва приподнял стакан, – и с ходу разгадали наш план, но, умоляю, молчите. Помните про Андреатти и его уши...

– Обрезать бы их, – мечтательно протянул адмирал Джильди, тоже изрядно выпивший.

– Если этому дуксу что и следует отрезать, то никоим образом не уши, – возразил Алва. – Эти уши – чудо природы. Они единственные в своем роде, а чудеса природы следует беречь.

– Морские боги, – адмирал едва не выронил стакан, – чудо природы...

– Он смеется первый раз после разгрома, – шепнул горбун. – Алва, одно чудо вы уже сделали.

– Рад служить, – Рокэ протянул руку мастеру. – И раз уж вы так любите чудеса, не удивляйтесь тому, что я стану делать дальше.

– Господин Рокэ, – в голосе хозяина слышалось страдание, – за вами прислали. Прибыл генерал Вье... Вей...

– Вейзель? – быстро переспросил Рокэ.

– О да... Такое трудное имя...

– Да, бергмаркские фамилии ломают любой язык, – согласился маршал. – Благодарю за вино, сударь. Виконт, идемте, вас ждет прелестное знакомство. Вейзель – единственный из известных мне военных, которому уже уготовано местечко в Рассветных Садах. Вы не поверите, но он безгрешней младенца и нравственней Мирабеллы Окделлской. И при этом его не хочется пристрелить...

Обычно Марсель Валме сторонился бергеров, уж больно серьезными они были. Расхваленный Вороном артиллерийский генерал отнюдь не являлся исключением. Плотный, пожилой, затянутый, несмотря на жару, в ладно скроенный мундир, Курт Вейзель вызывал неодолимое желание встать по стойке смирно и отдать честь.

– Рокэ, вы опять пили, – произнес он вместо приветствия.

– Пришлось, Курт! – мурлыкнул Алва. – Был такой повод...

– Вы всегда находите и повод, и вино.

– Повод без вина – это страдание, вино без повода – пьянство. Вас и ваших людей хорошо устроили? Вы сыты?

– Да, но я попросил бы вынести из моих комнат некоторые картины.

– И я даже знаю какие. Марсель, возьмете к себе парочку морских дев?

– С удовольствием, – Валме все-таки щелкнул каблуками, – я ничего не имею против ундин.

– Это Марсель Валме, – светским тоном объявил Ворон, – наследник старика Валмона и мой офицер для особых поручений. А в коридоре сидит Герард.

– Рад знакомству, виконт, – Курт Вейзель церемонно наклонил голову. – А где молодой Окделл?

– Решил посмотреть мир, – зевнул Алва, – и я предоставил ему такую возможность. Что ж, Курт, раз вы сыты и всем довольны, поговорим о деле. А из вашей спальни как раз вынесут красоток.

– Я готов, – произнес артиллерист. – Надеюсь, на этот раз мой долг не потребует от меня...

– Успокойтесь, – хмыкнул Рокэ, – на сей раз вашей совести ничего не грозит.

У Вейзеля дернулась щека, но он промолчал. Видимо, у этих двоих были какие-то свои дела.

– Вы следили за дорогой?

Не знай Марсель, сколько Рокэ выпил, он бы сказал, что маршал трезв, как Эсперадор.

– Нет, – покачал головой Вейзель. – Мы ехали ночью и очень спешили. Я заметил только совершенно чудовищные скалы вдоль дороги. У самого города их сменила стена.

– Речь именно о ней. Это единственное по-настоящему уязвимое место. Если стену разрушат, кольцо замкнется. Конечно, это не смертельно, и штурмовать Фельп с суши – делодохлое, но граждане расстроятся и перепугаются. А перепуганные граждане, привыкшие много кушать и спокойно спать, имеют обыкновение делать глупости. Да и гонять курьеров по скалам – лишние хлопоты. Короче, Курт, нужно, чтоб «павлины» с «дельфинами» о Приморском тракте забыли. Вот, глядите, – Рокэ взял карандаш и изобразил нечто вроде помеси тележного колеса с песочными часами, – это холм. На холме славный город Фельп. Лит с Ундом, когда творили это место, явно были в игривом настроении.

– Лит с Ундом? – переспросил бергер. – Эсператистские демоны?

– В древности их считали богами, один ведал скалами, другой – волнами, вот они и пошутили. На фельпский холм со стороны суши так просто не заберешься, тем более у местных хватило ума понастроить выносных бастионов. Дальше идет то ли долина, то ли Леворукий знает что, где и орудуют наши дорогие гости, а потом начинаются скалы, в которых бакранский козел ногу сломит. Дыру между скалами и холмом защищает стена, которую вы видели. Стена хорошая, но пушки у гайицефов тоже неплохие. Правда, за дело они еще не брались.

– Из чего сложена стена? – глаза артиллериста стали колючими.

– Местный базальт. Строили на совесть. Имеются два бастиона с восемью пушками каждый.

– Вашего «на совесть» хватит в лучшем случае на месяц, – задумчиво сказал Курт. – После будет не стена, а решето. Нужно подготовить несколько батарей и бить картечью сквозь проломы.

– По берегу шляется тридцать тысяч чужеземных солдат, – напомнил Алва. – Полагаю, Капрас готов положить пятую часть в обмен на тракт. После этого высадятся дополнительные силы. Часть засядет под Фельпом, остальные форсированным маршем двинут в Средний Ургот. Насколько я помню, сильных гарнизонов там никогда не было...

– Что вы надумали?

– Я? – Алва поднял бровь в притворном удивлении.

– Мы знакомы двадцать лет, но я не помню, чтобы вы хоть раз поступали так, как вам советовали старшие. Я представляю, что будет делать Капрас, я предложил вам то, что можно ему противопоставить с точки зрения воинской науки, вас это не устраивает. Что вы хотите?

– Довести до ума то, что бросил Лит. Веньянейра должна примыкать к Фельпскому холму вплотную.

– Ты рехнулся, – выдохнул Курт. Генерал и маршал какое-то время мерили друг друга взглядами и внезапно расхохотались. Единственное пришедшее в голову Марселю объяснение было, что рехнулись оба, но Курт, стерев выступившие слезы, чопорно произнес:

– Господин Валме, герцога Алву часто подозревают в том, что он утратил рассудок, до начала сражения, но никогда – после. Когда с моего языка сорвались слова о сумасшествии, я понял, что дело будет сделано. Итак, Рокэ?

– Нужно взорвать Веньянейру, но так, чтобы, во-первых, придавило побольше нападающих и, во-вторых, получился завал до самого города, да такой, чтоб туда близко никто не сунулся. По высоте проходит, я прикидывал.

– Но тогда, – бергер выглядел ошарашенным, – мы сами сделаем для Капраса осадную лестницу, да такую, что не оттолкнешь.

– Ничего подобного. Сразу видно, что вы ехали ночью. Холм высокий, придорожная стена много ниже городской. Сколько б мы ни нагородили камней, по ним поднимешься разве что на треть холма. И потом, скалы должны упасть так, чтоб там говорить страшно было, не то что лазить.

– Герцог, – не удержался Валме, – а почему бы нам не завалить камнями бордонские лагеря?

– Потому что в других местах долина гораздо шире, – отмахнулся Рокэ, – хотя ваша кровожадность, капитан, делает вам честь. Ну что, Курт?

– Надо смотреть на месте, – глаза артиллериста сияли от азарта, весьма похожего на охотничий. – Главное, чтоб в нужном месте нашлись утесы нужной высоты, а мины мы заложим...

Глава 4

Алат и окрестности Фельпа

«La Dame des Êpêes & Le Cinq des Coupes & Le Trois des Deniers» 18

1

Твою кавалерию, и этот старик с лысиной и тяжелым лицом – Альберт?! Вот так и понимают, что хватит касеру пить, нужно о душе подумать. Не по себе – себя не видать. По

¹⁸ Королева Мечей, Пятерка Кубков и Тройка Динариев.

родичам, которых не видел Леворукий знает сколько лет. В Агарисе ей было не до того, чтоб рассматривать братца, да и темновато было, но теперь... Твою кавалерию, полвека назад Альберт был очень даже неплох, а что от него осталось?! Руины... Да и тебе, милая моя, на живодерню пора, а ты все еще задом взбрыкиваешь, стыдно!..

– Ты совсем не изменилась, – великий герцог алатский поднялся и раскрыл объятия блудной сестре.

– Ты тоже, – объявила сестра, – как врал, так и врешь.

– Ильда...

Ильда... Так ее называли только здесь. Анэсти сначала звал жену зарей и розой, потом цедил сквозь зубы «Матильда», Адриан дразнил ее паломницей, а шад уверял, что ей подходит имя Шалиах, зная бы еще, что это значит. Ильда же осталась в алатских горах, она сама позабыла, как звучит это имя. И незачем вспоминать!

– Из меня сейчас такая же Ильда, как из тебя... – Матильда задумалась: все же нехорошо начинать разговор с братом с точных сравнений, – неважно кто... За какими кошками я тебе понадобилась? Только не говори, что в тебе заговорила братская любовь.

– Ох, Ильда, – лысая голова укоризненно качнулась, – ты еще не знаешь, что такое старость, а я знаю. Старики хотят удержать хоть что-то из юности, а моя юность – это ты и Розамунда. Я хотел бы, чтоб вы обе были рядом, но это невозможно. Роза в Кадане, мы вряд ли свидимся.

Врет? Леворукий эту скотину знает – с одиночеством шутки плохи, кому об этом знать, как не ей.

– Я догадывался, что с тобой приедет маркиз Эр-При, но про девушку ничего не знал. Кто она?

– Беглая гоганни, – ты всегда считал себя хитрецом, братец. И всегда лучшим способом тебя обмануть было выпалить правду.

Тонкие губы Альберта искривила улыбка.

– Нет, ты не изменилась: как не умела врать, так и не умеешь. Могла бы придумать что-то поумнее. Гоганни? Ха! А то я гоганни не видел. Ты, Ильда, и то у них за тощую сойдешь, а твоя Мелания и вовсе – дунешь, и улетит! Кто она?

– Мелания? – Матильда вздохнула. – Может быть, сядем?

– Ох, прости...

– Прощу. Если нальешь. Мансайские виноградники еще не засохли?

– Нет, – Альберт снова улыбался. Теперь он сожрет любую брехню, только чтоб была позакovskyристей и погадостней. Чем гаже, тем лучше: такие, как богоданный братец, обожают пакости и верят в них сразу и до конца.

– Я отвыкла от мансайского... Его так трудно достать.

– Что поделать, – здесь братец не врал, он и впрямь был искренне огорчен. Еще бы, из-за какой-то ерунды терять прибыль. – Начни я продавать мансайское, меня б не поняли, против предрассудков не попрешь, но ты мне зубы не заговаривай. Откуда Мелания?

Матильда внимательно и строго глянула в лицо Альберту. Только б не разоржаться.

– Мелания – моя внучка. Моя и покойного Адриана...

– Я так и думал, – лицо герцога напомнило морду обожравшегося медом медведя, – так и думал. Иначе с чего бы...

Альберт Алати осекся на полуслове, но Матильда уже все поняла. Братская любовь и не думала просыпаться, приглашение было вырвано церковью. Родственничек уверен, что она была любовницей покойного Эсператора, но она ею не была. Причина, по которой их выставили из Агариса, в другом, но в чем? Святой Город хотел помириться с Олларией? Но ведь не помирился же!

– Кстати, изволь называть ее Мэллицей. Я сделаю из нее алатку и выдам замуж.

– Ты ее откорми сначала, – хмыкнул братец, – а то на такое несчастье и ложиться-то боязно.

– Ничего, мужчины у нас смелые. Ты уже решил, где мы будем жить?

– Разумеется, у вас будет дом в Алати, но его еще нужно подготовить, а пока в твоём полном распоряжении Сакаци.

– Вместе с упырями и доезжачими?

– Ильда, прекрати. Ты в сказки никогда не верила.

Не верила, пока не прогулялась ночью по кладбищу, но Алат не Агарис. Про Сакаци чего только не болтали, но на памяти Матильды там никто никого не съел. Тетка Шара дожила до девяноста шести лет, куда уж больше.

– А призрак Шары не спросит, кто пускал к ее моськам кобелей?

– Так это была ты! – с наслаждением протянул Альберт. – Я всегда подозревал.

– Твою кавалерию! Я еще призракам на старости лет не врал. Это был Ференц.

Альберт захлопал глазами, не находя слов от негодования. Точно так же он изображал вытасченного из пруда карпа полвека назад. Только теперь Матильда поняла, что вернулась. Сама притащилась и Альдо с Робером приволокла...

2

Делать было нечего, что по такой жаре не могло не радовать. Зачем Рокэ торчал на артиллерийских учениях, Марсель не понимал, но маршал день за днем, наскоро пробежавшись по стенам и заскочив на верфи, уезжал на побережье, где до шестнадцатого пота гонял корабельных канониров. Несчастных рассадили по трясимым повозкам с тупорылыми крепостными мортирками и заставили стрелять на ходу по здоровенным телегам, забитым мокрыми мешками с сеном. Телеги спускали с поросших выгоревшей травой горок, таскали между стреляющими, вновь заволакивали на холмы – и так до заката. Мохноногие взмокшие лошадки в наглазниках и наушниках то рысили, то резко останавливались, то пускались вскачь, то неожиданно разворачивались. Через час и люди, и лошади были мокрыми, как мыши, но ученья продолжались до захода солнца.

Сначала канонирам не везло. Из сотни выпущенных ядер внутрь проклятых телег попадало от силы одно или два, остальные собирали хмурые солдаты. Ядра берегли на случай, если бордоны все же перережут тракт. Пороха в Фельпе хватало, имелись и пороховые мельницы, и запасы угля, селитры и серы, а вот с ядрами было хуже. Впрочем, порох тоже берегли, стреляя по вконец обнаглевшим бордонам лишь в случае крайней необходимости.

Неудивительно, что «дельфины» чувствовали себя как дома. Для порядка постреливая в сторону города, они лупили по нижней стене, которую на исходе четвертой недели с начала обстрела назвать стеной можно было лишь из чистой любезности. Дыры по ночам заваливали и загораживали земляными турами, но даже Марсель понимал, что стена вот-вот рухнет. Сбивать вражеские пушки из города не получалось – Паучий холм надежно защищал бордонские батареи, и крепостные артиллеристы заметного урона врагу пока не наносили, хоть и старались. Целью незваных гостей был не штурм, а блокада, и всякой осадной мути они понастроили так, чтоб фельпские ядра до нее не долетали, благо похожая на улитку долина это позволяла.

Горожане волновались, дуksы злились, артиллеристы во главе со своим генералом пожимали плечами и берегли ядра, а Рокэ зачастил за город. Марсель полагал, что Ворону просто надоело отвечать на вопросы гран-дукса и генералиссимуса. На нижней стене, которую оборонял Варчеза, маршал тоже не показывался, предпочитая валяться на плаще, наблюдая за артиллерийскими мучениями и лениво переговариваясь с Джильди. Впрочем, утром шестого дня трое канониров приловчились забрасывать ядра, куда хотели, за что получили по десятку золотых. К вечеру сносно стреляло уже человек двадцать, еще через сутки повозки стали ездить быстрее, но число удачливых стрелков все возрастало. Зато телеги приходилось менять по нескольку раз на дню – забивавшие их мешки с сеном не спасали.

– Еще денька четыре, и будет толк, – Джильди удовлетворенно проследил взглядом за удаляющейся повозкой.

– Похоже, – согласился Рокэ из-под накрывавшей лицо парадной шляпы.

– Вы же не видите, – Валме с отвращением потянул шейный платок, не понимая, с какой радости Рокэ внезапно возлюбил мундиры. Где-где, а здесь кэналлийские тряпки сошли б лучше некуда.

– Не вижу, – донеслось из-под шляпы, – но я вам верю.

– Рокэ, – адмирал и маршал чуть ли не на второй день стали называть друг друга по именам, изрядно разозлив половину Дуксии, – канониры пускай стреляют, а нам неплохо бы прокатиться к стене.

– Массимо и Вейзелю я тоже верю, – пробормотал Ворон. – Курт обещал сегодня закончить, значит, закончит. Лучше Вейзеля минное дело знает разве что Леворукий...

– Леворукий?

– Ну или кто там зажигает вулканы, – Алва отбросил шляпу, перекатился со спины на живот, поднял камешек и швырнул в жесткую траву. Раздался какой-то треск.

– Созрел, – в голосе Ворона послышалась нежность. – Фоккио, как вы их называете?

– Бешеные огурцы, – адмирал последовал примеру Алвы, бросив в том же направлении еще один камень, но треска не последовало. Видимо, сбитый Рокэ огурец был единственным.

– Мы их зовем вурьеозо, – маршал накрутил на палец травинку, – в Кэналлоа они созреют недельки через полторы.

– Здесь тоже. Дней через десять проходу от них не будет.

– Вот и славно. По зарослям бешеных огурцов ящерица – и та не проскочит... О, попал! Молодец!

Джилди пригляделся.

– Лука Лотти, канонир с «Влюбленной акулы».

– Вы знаете всех своих людей?

– Гребцов – нет, остальных знаю. Хорошо, дуксы за нами не таскаются. Думал, не продохнуть от этих ... будет.

– Ну, это-то как раз понятно, – Рокэ по-кошачьи потянулся и прикрыл глаза. – Им застыят взор сапфиры. Если бордоны перережут тракт, господа дуксы поднимут вопрос о передаче залога славному городу Фельпу. Но если они будут совать нос в наши дела, мы их сможем обвинить в измене и выдаче наших планов. Кстати, Фоккио, нам понадобится кто-то, кому нечего терять и кто отменно плавает и разбирается в зарядах.

– А в чем дело?

– Я открою вам тайну, когда созреют бешеные огурцы, и ни днем раньше.

– С вами не соскучишься, – адмирал кинул наудачу еще один камешек, в ответ что-то щелкнуло и зашуршало. Не огурец, тот трещал по-другому.

– Киркорелла, – сообщил моряк.

– Показали б вы эту вашу живность, что ли.

Адмирал внимательно посмотрел на Рокэ и усмехнулся.

– Ничего нет проще, в детстве я их прорву наловил.

– Ну так давайте поохотимся.

– Почему бы и нет... Надо только смолой запастись и мясом. Ну и веревка нужна... А за какими кошками вам паукан зандобился?

– Возможно, ни за какими, – маршал тряхнул неподвязанными, несмотря на жару, волосами и глянул на небо. – Завтра дождя не будет, – объявил он, – и послезавтра тоже.

Нечего сказать, удивил. Да тут дождей не бывает до самой осени.

– Рокэ, а почему б нам и в самом деле не съездить на стену?

– Скучаете, – улыбнулся Алва, глядя на приближающегося всадника, – ничего, сейчас развлечемся.

Офицер в запыленном мундире осадил покрытую пеной лошадку.

– Теньент Джованни Марци к услугам монсеньора. Генерал Вейзель просил передать,

что он готов.

– Вот и отлично. Фоккио, где живут киркореллы?

– В норках, – удивленно сообщил адмирал.

– Умницы какие! Джованни, слезайте с коня, надевайте мой мундир, давайте мне свой и отправляйтесь искать норки. И чтоб с дороги было ясно, что я от жары совсем свихнулся. Герард, помогите тенъенту, завтра мы пойдем на охоту.

– Монсеньор, когда и куда я должен явиться? – Герард продолжал корчить из себя идеального адъютанта, но ему хотелось на стену и не хотелось искать пауканьи лежбища. Рокэ задумчиво поглядел на молодого человека.

– Утром приходите к господину адмиралу и оставайтесь при нем. Марсель, идемте, у нас прорва дел...

3

– Моя госпожа, простите, я сегодня слишком занят, – маршал Карло Капрас с плохо скрываемой ненавистью посмотрел на Зою Гастаки. Та не поняла. Она и слов-то не понимала, не то что взглядов.

У сестрицы дожа было через край всего: щек, носа, груди и далее до самого низа, – но всего больше у нее было склочности и амбиций. Капрас подозревал, что родители, подарившие перезревшей девице галеас, возлагали большие надежды на фельпских зубанов, но пока мегере сказочно везло. Именно она, а верней, тенъент Спиро Доракис, за обещанное дожем капитанство согласившийся стать боцманом «Морской пантеры», потопил фельпский флагман, после чего Зоя окончательно уверилась в своих воинских талантах и всюду лезла с советами.

Капрас терпел – ссориться с жуткой бабой, от которой не избавишься, было последним делом. Маршал хоть и командовал объединенной гайифско-бордонской армией, обладал куда меньшей свободой действий, чем хотел. Военный министр, отправляя армию в Ургот, недвусмысленно дал понять, что кампания ведется под бордонскими флагами, а посему «дельфины» должны чувствовать себя хозяевами, но при этом делать то, что нужно Гайифе... Вот и изволь готовить яичницу, не разбивая яиц, к тому же тухлых!

– Госпожа Гастаки, – маршал изо всех сил старался быть любезным, – я убедительно прошу вас вернуться на борт. Тракт будет перерезан своевременно.

– Якорь вам в глотку, – голосок Зои сделал бы честь любому матросу, – вы трус, маршал. Трус и тугодум, как все мужчины! Если б армию возглавляла женщина, Фельп был бы уже взят.

– Возможно. – Ну почему ей на голову до сих пор ничего не свалилось? Хотя понятно почему. В Рассветных Садах семейке Гастаки делать нечего, в Закате – тем более. Леворукий – кавалер со вкусом, так что быть Зое бессмертной.

– В прошлый раз вы отговорились тем, что готовите минную атаку, и что? А ничего! Местность здесь гористая, долина – не речная, а просто впадина между горами. Быстро в каменистом грунте длинный туннель не пропьешь, а эти ... фельпские задницы вас раскусят на раз. Вибрация по камню идет лучше, чем по земле, вас глухой и то услышит.

Мегера права, а того, кто ее просветил на предмет саперных работ, надо бы найти. И удавить. Повторяет чужие слова, а сама дура дурой. В прошлый раз съела все, что он ей наговорил, и не поморщилась, а теперь «вибрация», «грунт»...

– Сударыня, это ваша первая военная кампания?

– Не имеет значения, – окрысилась стерва. Создатель, ну за что ему такая напасть?

– Имеет. Осада крепостей, сударыня, весьма отличается от морских баталий. Эти сражения выигрывают потом, а не кровью. Все решится осенью, когда подойдет деблокирующая армия. К этому времени нижняя стена будет взята.

О том, что она будет взята этой ночью, тебе знать не надо. И о том, что у города

останется лишь треть армии, а две трети прорвутся в Средний Ургот и захватят Урготеллу вместе с Фомой.

– Тысяча демонов! Я требую взять стену нынче же ночью и замкнуть кольцо! Я уже писала брату о недопустимости промедления...

Она писала! Это было смешно, но не смешило. Штурм придорожной стены уже назначен, и откладывать дальше нельзя. Батареи на тракте почти готовы, еще день – и придется гнать людей на фельпскую картечь. Но как же не вовремя приперлась эта морская корова! Теперь она раструбит всем и каждому, что, если б не она, Капрас до сих пор бы гонял пауканов. Правда, у него есть свидетели: штабные офицеры, готовящие штурм, но куда им тягаться с Зоей и ее бабами.

– Вот как? Вы настаиваете!

– Да, Леворукий побери! Настаиваю! – крокодилица встала и полезла из палатки, бряцая оружием. Абордажная сабля, два кинжала, пистолеты... И все это там, где у женщины должна быть талия! Капрас подождал, пока чудовищный зад скроется с глаз, и повернулся к генералу Сфангатису. Начальник штаба без лишних слов налил два бокала.

– Иногда мне хочется, чтоб у нас стало на один галеас меньше, – Сфангатис хоть и был бордоном, свою соотечественницу не жаловал.

– Не трави душу, – Капрас залпом осушил стакан, – надо было кончать прошлой ночью.

– Мы и так едва успели. Ничего, того, что сделали, хватит. У скал стена на честном слове держится.

– Надеюсь. Поехали поглядим.

Сфангатис кивнул и поправил шпагу. Леворукий бы побрал Фельп, жару и Зою со всеми ее родичами. Они вышли из палатки, раздался сухой треск, по ноге что-то хлестануло. Маршал Карло Капрас глянул вниз – панталоны заливала какая-то слизь.

– Это еще что такое? – рывкнул он.

– Бешеный огурец, – Николаос указал ногой на розетку невзрачных листьев, вокруг которой расположились похожие на колючие огурчики плоды на длинных черенках. Один черенок украшало нечто желтоватое и скрученное. – Растут по всему побережью от Кэналлоа до Агариса. Когда созревают, выстреливают семенами. Лучше переодеться, у них очень едкий сок.

– Возвращаться – плохая примета, – огрызнулся Капрас, забираясь в седло. Это было глупо, но уж такой день выдался. Сначала бешеная корова, потом бешеный огурец.

4

Старая коряга, она чуть не бросилась с объятиями к голубой елке. Такие растут только в Черной Алати и нигде больше. Она дома, дома, дома, дома! Вдовствующая принцесса повернулась к сидевшей рядом девчонке.

– Смотри, это Черная Алати.

Мэллит смотрела, но ни Леворукого не соображала, да и откуда? Алати гоганни нужна, как ей самой Агарис! Матильда высунулась из окошка и заорала:

– А ну, стой!

Карета послушно остановилась. Шумел ручей, цвел шиповник, в траве лиловели горные астры, вдали, сливаясь с облаками, маячил Анэмский хребет.

– Матильда, – Альдо поравнялся с каретой и уставился на бабку, – что с тобой?

– Ничего, – засмеялась вдовица, – но дальше я в этом курьем ящике не потащусь. Едем верхом.

– Давно пора, – согласился внук. – Сейчас прикажу Луну оседлать.

Вдовствующая принцесса кивнула, вылезла из кареты и сошла в травы. В глаза бросились белые метелки. Анчия! У нее сладкие цветы, очень сладкие, но потом на губах остается горечь и никак не проходит. Не заешь и не запьешь. В детстве она по глупости

жевала анчию, в юности по еще большей глупости выскочила за Анэсти Ракана. Было сладко, стало горько...

– Готово, – доложил Альдо. – Луна тебя ждет, а Мэллит Робер в седло возьмет.

– Мэллица она, – недовольно поправила Матильда, – Мэллица! На худой конец Мелания. Неужели трудно запомнить?

– Трудно, – вздохнул внучек и шепнул: – Я алатский учить не буду.

– Да кто ж тебя заставляет, – хмыкнула Матильда. – Мы и сами его перезабыли, если что и осталось, то имена.

– Имена! – оскалился Альдо Ракан. – Язык сломаешь и не заметишь.

– Ну уж какие есть, – фыркнула вдовствующая принцесса, срывая несколько стеблей.

– Что это за дрянь? – поинтересовался внук.

– Анчия, – сообщила бабушка, засовывая сорванные метелки за косо приколотую брошь. – Не вздумай грызть, горечь страшная.

– Не вздумаю, – Альдо придержал Луну под уздцы. – Долго нам еще?

– К вечеру доберемся...

Можно и раньше, если рвануть через Тикотскую лощину, но она может не отыскать дороги. Подъехал Робер – в темно-красном дорожном платье и на золотистом коне он был зверски хорош. Скоро женится на какой-нибудь наследнице, куда денется! Мэллит, тьфу ты, Мэллица сидела впереди Эпинэ и шурилась, как котенок.

– Красивые места, – Эпинэ поднял руку, заслоняясь от солнца, – люблю горы.

– Давно? – осведомился Альдо.

– Как увидел... Сагранна выше.

– Это отроги, – отчего-то обиделась Матильда. – Главный хребет в стороне.

– Я знаю, – кивнул Робер. – Я там был.

Он и впрямь там был, а вот она дальше Анэмов не забиралась, да и то в юности. А Анэсти и того не видел, хоть и ныл про великую Талигойю. Он был создан для нытья, затащи его Леворукий на трон, он бы в обморок хлопнулся.

– Вам понравится Сакаци, – не к месту брякнула Матильда, отгоняя призрак мужа и злость на себя за зря растраченную жизнь. – Шикарное место: форелевые реки, охота, дикий мед...

– И далеко от столицы, – добавил Альдо, – мешать не будем.

– Чушь, – пожала плечами Матильда. – Сакаци – герцогский замок. Балинт Мекчеи его больше других любил, а сейчас он свободен. Тетка Шара умерла два года назад, чуть не до ста лет прожила. Ничего, попьем вина, поохотимся, а к зиме будет готов дом в Алати.

– Да, – встрепенулся Альдо, – Робер, ты уже написал про охоту?

– Нет, – Иноходец встревожен, или ей показалось? – Не написал. Мы же не знали, где будем.

– Напиши, – с нажимом произнес Альдо. Вот жеребцы, развели секретов. Сначала – гоганни, теперь охота какая-то...

– В Сакаци просто замечательная охота, – заверила Матильда, – кабаны, олени, медведи, а в замке полно всякой снасти.

– Шара охотилась? – усмехнулся внук.

Матильда осадила Луну и с удовольствием вlepила заржавшему Альдо подзатыльник.

– Шара только на моль охотилась! Но при старой гримзе из Сакаци ни одного гвоздя не пропало, уж такая она была... Бережливая.

– Значит, стала упырем, – предположил внук. – Все скряги становятся упырями. И еще старые девы...

– Насчет Шары не знаю, а нечисть в Сакаци водилась, – мечтательно протянула Матильда. – Мы с Ференцем ее ловили-ловили...

– С кем, с кем? – скорчил рожу Альдо. – А ну расскажи!

– С бароном Ференцем Лагаши. И между нами не было ничего предосудительного, – чопорно произнесла Матильда, не выдержала и рассмеялась. – Ну и дура же я была!

- А призраки? – не отставал Альдо.
- Нет там никаких призраков. Вот закатные твари захаживали, а одна так и вовсе прижилась... Ночью расскажу, а то на таком солнце страшно не будет.
- Ладно, – кивнул Альдо, – выберем ночь потемней.
- С грозой, – уточнил Робер, – чтоб зарницы, гром, ветер...

Ни единой Золотой Ночки не видали, а туда же, грозу им подавай!

– Будет вам гроза, – пообещала Матильда, – и не одна.

Глава 5 Окрестности Фельпа

«Le Un des Épées & Le Roi des Épées & Le Neuf des Coupes» ¹⁹

1

– Воистину, в мире нет ничего нового, – заметил Рокэ Алва худому мушкетеру, целящемуся в ночную тьму из полуобвалившейся амбразуры. Стрелок был слишком поглощен своим занятием, чтобы ответить. Солдат не думал как о высоком начальстве, так и о собственной безопасности, и опрометчиво высунулся из-под прикрывавших его камней.

Не знай Валме, что мушкетер мертв уже пару часов, он бы никогда не догадался, особенно глядя снизу, но виконт знал, и это тревожило. Разбитая, залитая лунным светом стена, мертвый гарнизон и несколько кэналлицев с факелами, создающие иллюзию жизни. Жуть! Такое надо запить.

– Валме, вам что-то не нравится? Хотите касеры?

– Не откажусь...

Странная все-таки вещь – луна, не столько светит, сколько пугает. Марсель глотнул касеры и глянул на Рокэ: в призрачном свете одетый в черное кэналлиец казался каким-то не таким...

– Рокэ, у вас... у вас глаза светятся.

– У вас тоже. Лунный свет, куда денешься. – Алва медленно пошел по полуразрушенному бастиону, виконт поплелся следом. На стене мерцали огоньки – там бродили люди, но здесь их было только двое. Валме не то чтобы боялся, но чувствовал себя неуютно. Алва наклонился над привалившимся к пушке офицером, поправил шпагу...

– У них ведь даже могилы не будет? – Марсель не шибко придерживался обрядов, но есть же предел всему.

– Будет, – откликнулся Алва, – как раз у них и будет, да такая, что простоит века.

Кэналлиец добрался до площадки, на которую не достало трупов, и сел, привалившись к еще не остывшим камням. Луна и тишина держали за горло цепкими невидимыми пальцами.

– Что мы тут делаем? – пробормотал Валме, чтоб завязать хоть какой-нибудь разговор.

– Вы – не знаю, – меланхолически откликнулся Ворон, – а я защищаю Талиг.

– Рокэ, – Марсель уставился на Алву, который невозмутимо созерцал луну, – вас ли я слышу?

– Меня, – подтвердил Первый маршал Талига, – бить врагов удобней в чужом доме, а не в собственном. Чтоб потом не вставлять окна и не менять ковры...

Рокэ замолчал. Валме видел чеканный профиль Ворона, тот сидел, запрокинув голову и

¹⁹ Туз Мечей, Король Мечей и Девятка Кубков.

прикрыв глаза. Уснул? Это было вполне понятно – Алва не ложился двое суток кряду, но виконту ужасно не хотелось бодрствовать один на один с покойниками. Какое-то время Марсель боролся с собой, потом осведомился нарочито беспечным тоном:

– Рокэ, вы верите в проклятия?

– Вы что-то сказали? – Алва потянулся. – Простите, задремал.

– Да я так, – замялся Марсель. Теперь ему было стыдно: разбудить человека, который и так почти не спит, – свинство, за которое убить мало... К тому же Рокэ спросонья мог схватиться за пистолеты...

– Так? – участливо переспросил Ворон. – Подозреваю, виконт, на вас действует луна. Это бывает.

– Не то чтобы действует, – признался Марсель, – но как-то неуютно... И еще покойники эти. Не подумайте, что я суеверен, и вообще утром это пройдет, но...

– Я полагаю, вы хотите сказать, что задумались о смысле жизни? Хотите еще касеры?

– Да.

– Ловите, – Алва с легким смешком швырнул флягу, и виконт довольно ловко ее ухватил. Серебро отливало лунной зеленью, на блестящей поверхности чернел рисунок – ворон в полете.

– Рокэ, – Валме от души хлебнул касеры, – вам не кажется странным? Живем один раз и все равно воюем. Вот они, – расхрабившийся виконт махнул рукой в сторону стены, – за что они погибли?

– За деньги, – пожал плечами Ворон. – Кроме этого, они присягнули, хотя в наши просвещенные времена это особого значения и не имеет.

– Да, – протянул Валме, – век рыцарской чести прошел.

– Честь здесь ни при чем, – Алва опять созерцал луну. – В древности люди были суеверны и не нарушали клятв, особенно мудреных. Сейчас бояться не закатных тварей или какого-нибудь Зверя, а мушкетов и яда. И это весьма разумно...

Ворон вновь откинул голову. Сейчас уснет, и придется сидеть в темноте и думать о тех, кого оставили на стене. Конечно, они не встанут, и все-таки...

– Рокэ, – взмолился виконт, – расскажите что-нибудь. Про этого Зверя, что ли.

– Ну, вы же видели его следы, – рука маршала погладила эфес, точно кошку.

– Как это? – не понял Валме. – Где?

– По дороге. Съентифики объясняют это какими-то циклами, клирики валят на Создателя, а древние верили, что Гальбрэ уничтожил Зверь. По приказу хозяина.

– Стал бы я вызывать такую тварь, – поежился Марсель.

– У владык земных порой возникают подобные потребности, – зевнул маршал. – Поэтому то ли демоны, то ли боги и сплели власть над Зверем с жизнью того, кто его призывал. Так, на всякий случай, чтоб не зарывались... И они же запретили своим наследникам нарушать обеты. Потому-то Люди Чести и избегают клятв на крови.

– Закатные твари, – пробормотал Валме.

– Вот именно. Представляете, виконт, каков конфуз! Соврал, все поверили, все в порядке, получил что хотел – и тут кто-то вылезает и тебя глотает. Обидно! Уж лучше не клясться или клясться чем-нибудь попроще. Вроде чести или доброго имени.

Марсель промолчал, представляя древние времена, когда люди ходили в туниках и сандалиях, дрались короткими мечами, верили в четырех демонов и еще не боялись клясться на крови. Рисовали и лечили тогда лучше, чем теперь, но все остальное...

– Не хотел бы я жить до Эрнани Святого, – сообщил виконт, – уж лучше теперь.

– А мне все равно, – зевнул Рокэ. – Впрочем, времена не выбирают, а хоть бы и выбирали...

– Если б выбирали, я б выбрал Двадцатилетнюю войну!

– Вам нравится тогдашняя мода? – поднял бровь Алва. – Она и впрямь недурна, особенно женские сетки для волос. Кстати, как вы нашли фельпских красоток?

– Никак, – обиделся Марсель, – как я могу проводить вечера с женщиной, если знаю,

что утром явится Герард.

– Действительно, – согласился Рокэ, – война порой мешает развлечениям, но она же дарит нам приятные знакомства. Насколько я понял, вы спелись с младшим Джильди? Он влюблен?

– Рокэ!

– У бедняги удивительно глупое выражение лица, – пояснил маршал. – Именно такое бывает у влюбленных в мыльный пузырь.

– Вообще-то Луиджи мне ничего не говорил...

– Разве? И что же вам не говорил сын Фоккио? Что он погиб навеки или из-за кого сие случилось?

Марселю стало смешно, несмотря на мертвецов с мушкетами. Бедный Луиджи, он считает себя таким спокойным и невозмутимым...

– Вообще-то это страшная тайна!

– Ну так расскажите, обстановка самая располагающая. Луна. Покойники...

– Луиджи сопровождал дукса, запомнил фамилию, желтолицый такой. После разгрома они ездили выкупать у Капраса пленных. Там были и моряки с корабля Фоккио, но самого адмирала на переговоры не пустили.

– Правильно, между прочим, – одобрил Алва. – Уж не хотите ли вы сказать, что Джильди-младший отдал сердце морской пантере?

– Вы ясновидящий?

– Нет, – покачал головой Первый маршал Талига, – но семейство Джильди вряд ли склонно к любви по-гайифски, а на переговорах присутствуют только высшие лица и те, кому принадлежат пленники. Полагаю, без капитана Гастаки с помощниками там не обошлось.

– Дожиha страшной кладбищенской кобылы.

– Не сомневаюсь, иначе зачем бы ей в ее возрасте воевать, – Рокэ резко вскинул голову. – О, кажется, наши друзья зашевелились. Пора пожелать им доброго утра...

Доброго, как бы не так! Конечно, призраки и закатные твари убралась в свои норы вместе с луной, зато проснулась война, и Валме вновь стало страшно. Марсель не сомневался, что останется жив, но он мог оконфузиться, ведь все, кроме него и Герарда, уже понюхали пороха, хотя Герарда отправили в город...

2

Укрытие подготовили еще вчера. Если Курт рассчитал правильно, здесь им ничто не грозит. А если неправильно? Виконт с некоторым сомнением глянул на внушительных размеров трещину и перепрыгнул со стены на скальный уступ. Шедший вторым Алва отсалютовал шпагой мертвым защитникам бастиона и присоединился к Валме. Трещину он словно бы и не заметил, так же как и крутой подъем. Валме едва поспевал за кэналлийцем: еще бы, на его милом полуострове полным-полно скал, а в Валмоне любая кочка – гора!

К концу подъема Марсель раз двадцать поклялся себе никогда больше не связываться ни с Вороном, ни с горами, ни с войной, каковая уже их поджидала в образе Курта Вейзеля. Генерал был затянут в парадный мундир, но на ногах его были не сапоги, а мягкие кожаные туфли без каблуков. Значит, поджигать запалы будет лично. Зануда, своим бергером – и то не доверяет!

– Доброе утро, господа. Капрас отходит, сейчас будет рвать фугасы. Нам тоже пора. – Курт Вейзель протянул Алве пакет: – Герцог, это мое завещание и письма жене и сыновьям.

– Ваша обстоятельность, Курт, Леворукого в гроб вгонит. – Рокэ сунул письма в карман и внезапно ловко сорвал с пояса Вейзеля черный мешочек. – Марсель, придержите генерала, он взволнован.

– Рокэ! Куда?!

– Подрывать скалу, – доверительно шепнул Алва, сбрасывая сапоги.

– Это мое дело! – Вейзель попробовал выхватить у Ворона свое имущество, но Марсель честно повис на плечах артиллериста. – Мое и ничье больше. Если я ошибся, я и отвечу... Не смей рисковать, бездельник!.. Ты принадлежишь Талигу!

– Все принадлежат! – отмахнулся Рокэ. – Успокойтесь, Курт, со мной ничего не случится, и я, благодаренье Леворукому, не женат.

– Рокэ, – Вейзель рванулся и осекся, нарвавшись на синюю молнию. Алва засмеялся, подбросил на руках мешочек и исчез в скалах. Генерал вздохнул, Марселю стало его жалко.

– Давайте посмотрим на бордонов, – Валме тронул Вейзеля за плечо. Это было страшным нарушением субординации, хотя хватать генералов за руки и не пускать было еще большим прегрешением. Впрочем, грешил он по приказу Первого маршала.

– Наденьте шлем, – со вздохом произнес Вейзель, указывая на сложенные у тщательно вырытой ямы старинные доспехи. – Леворукий побрал бы этого... – Бергер замолчал, видимо, вспомнив, что ругать маршала в присутствии младшего офицера не следует.

Чтобы не смущать беднягу, Марсель сделал вид, что занят вражескими войсками. Полумрак не позволял разглядеть подробности, но внизу очень осторожно суетились. Ворон сказал, что бордоны бросятся в атаку сразу же, как рванет заложенная под стену мина, и Марсель не имел никаких оснований ему не верить. Сердце виконта отвратительно колотилось, руки дрожали, хотя он просто лежал и смотрел.

– Сударь, – пусть бергер думает что хочет, молчать он не в силах, – сударь, сколько их там?

– Около шести тысяч, – мертвым голосом произнес артиллерист. Он сидел в яме рядом с Марселем, но душа его витала над запалами. Валме прикусил щеку, чтоб не задавать дурацких вопросов, вопросов, за которые хочется убить. Такая веселая война, сплошные шуточки!

Внизу прекратили копошиться, значит, готовы. Марсель повернулся к стене, темной, тихой, но, если смотреть в окуляр, можно разглядеть часовых и спящих артиллеристов. Только бы бордоны не заметили, что никто не двигается! И вообще, будут они взрывать свою сапу или нет?!

Небо стало совсем светлым – скоро восход, самое время для атаки на спящего противника. Сбоку что-то прошуршало. Ящерица? Неведомая киркорелла? Разрубленный Змей, сколько можно ждать!

– Не грызите ногти, капитан!

Валме вздрогнул и поглядел на свои руки. Детская привычка, он от нее избавился еще до Лаик. Камень, на котором лежал Валме, слегка дрогнул, но виконт все понял лишь тогда, когда примыкающий к скалам кусок стены начал отгибаться, словно лепесток гигантского тюльпана. Раздался глухой рев, лепесток рассыпался на отдельные камни, стали видны кусок тракта, земляные туры, темное жерло пушки. Что-то затрещало... Барабаны. Бордонские барабаны! Фигурки в лазоревом потекли к пролому, человеческая речка жалась к скалам, таким надежным, нерушимым, вечным.

Голова атакующей колонны почти достигла пролома, но движение замедлилось: бордонам пришлось пробираться через свежий завал. Задние напирали на передних, а со стороны стены не было ни единого выстрела. Сейчас они догадаются! Нет, лезут вперед так быстро, как могут.

– Что же он?!

Марсель этого не говорил, только думал. Значит, сказал Вейзель. Губы артиллериста были совсем белыми. Чего ждет Рокэ? Сейчас бордоны доберутся до пролома и поймут...

Скалы вздрогнули, словно просыпаясь. Марселю показалось, что под ним шевельнулись пресловутые изначальные твари. Окделлы дураки, с чего это они вбили в свои тупые головы, что скалы тверды и незыблемы?! Очень даже зыблемы!.. Базальтовая стена задрожала, как ежевичное желе, на ней проступили какие-то полосы, раздался рев, вверх и в

стороны черным фейерверком брызнули осколки, похожий на змеиную голову утес качнулся и ринулся вниз, на ходу разламываясь на куски. И тотчас друг за другом прыгнули в бездну еще шесть каменных чудищ, с прилегающих скал посыпались камни и обломки.

Сквозь рев оживших глыб прорывались крики погребаемых заживо, тучи пыли окутали пространство между Фельпским холмом и Веньянейрой, словно втягивая в себя звуки и краски. Земля дрогнула последний раз и успокоилась. Валме потряс головой и сел, вытянув ноги и с трудом соображая, на каком он свете. Взрыв свое дело сделал, но...

Виконт поймал встревоженный взгляд Вейзеля. Они думали об одном и том же, думали и молчали, подсчитывая секунды. Если за спасенный тракт Рокэ заплатил головой, горел бы этот тракт вместе со славным городом Фельпом закатным пламенем. А вдруг Алва ранен? Или его завалило камнями? Какого змея они расселись! Надо бежать, искать, звать. Надо делать хоть что-то!

– Замечательный хаос, Курт. – Марсель вздрогнул и оглянулся: маршал стоял сзади, оглядывая нагромождение базальтовых глыб, похоронивших остатки стены и добрую половину штурмующих. – У меня нет слов! Вы посрамили самого Лита.

– Да, удачно получилось, – Вейзель изо всех сил пытался сохранить невозмутимость, но глаза артиллериста блестели, а на скулах горел румянец. – Будь долина пошире хотя бы на сотню бье, и успех был бы весьма сомнителен. Рокэ, вы обратили внимание, как легли камни? Они весьма неустойчивы, самый незначительный толчок может вызвать обвалы, причем исключительно в сторону, противоположную стене.

– Надеюсь, Капрас оценит, а не Капрас, так его воинство. Что ж, мы объяснили «дельфинам», что на суше им не место, остается вдолбить «павлину», что он птица отнюдь не водоплавающая... Курт, ваши письма! Спрячьте их и никому не показывайте!

– Вы должны были предоставить это дело мне, – мрачно произнес артиллерист.

– Курт, нельзя все время говорить одно и то же, это надоедает. Капитан Валме, вам понравилась война?

– Скорее, да, – заверил Марсель, – хотя через неделю, проезжая в Фельп, придется зажимать нос.

– Что поделать, – Рокэ небрежно поправил воротник, – Его величество Дивин мечтает понюхать труп Талига, а нам с вами ничего не остается, как нюхать трупы его подданных и союзников. Уж потерпите.

– До зимы? – мужественно спросил Валме. – Я готов.

– Или до смерти. Или до возвращения к Марианне. У вас выбор есть, у нас с Куртом – нет, но я, пожалуй, спущусь. Надо посмотреть, как выглядит то, что получилось, снизу.

Герцог рассмеялся и помчался вниз, прыгая по камням не хуже бакранского козла. Валме с тоской посмотрел на то, что тропой можно было назвать лишь спяну. Вейзель перехватил взгляд Марселя и понимающе кивнул:

– Он всегда был таким, а ведь мы знакомы двадцать лет. Когда фок Варзов привез в Торку нового оруженосца, – жесткое лицо артиллериста смягчилось, – мы поняли, что раньше жили весьма скучно. Самое удивительное в этом сорванце, что он умудрился дожить до своих лет...

Нет, Вейзель неподражаем! Если Рокэ – «сорванец», то его крылатый тезка – морискилла.

Виконт улыбнулся собственной шутке и поправил шляпу. Солнце уже взошло, пыль постепенно оседала, и вообще все было прекрасно. И с чего это он так разволновался? Они, без сомнения, победят и вернутся в Олларию к вящей радости дам и девиц. Если, разумеется, не сломают шею на этой дурацкой тропе.

– Чуть дальше имеется неплохой спуск, – заметил Вейзель, – предлагаю им воспользоваться. Я уже стар для путей, которые выбирает Алва.

– Я, видимо, тоже, – вздохнул Марсель. – Не то чтоб я боялся высоты, но как-то не тянет...

Гран-дукс, генералиссимус с Просперо и штуки четыре дуксов созерцали завал. Рокэ с Варчезой и Джильди стояли чуть сзади, предоставив отцам города любоваться новеньким хаосом. В свете разъяренного солнца каменные глыбы блестели, словно черный лед. О том, что было под ними, виконту Валме думать не хотелось.

– Вы полагаете, с этой стороны угрозы больше нет? – произнес гран-дукс несколько дрогнувшим голосом.

– Фельпу – нет, – Рокэ улыбнулся. – Тем, кто попробует добратся до тракта через завал, есть. Потребуется несколько лет, чтобы камни нашли свое место и обрели устойчивость.

– Это – большой капкан для неосторожных, – заметил еж-фортификактор. – Я восхищен вашей работой!

– Генерал Вейзель – лучший артиллерист и минер Талига, – коротко сообщил Рокэ.

– Город Фельп благодарит Рокэ из Кэналлоа, – промямлил Ливио Гампана, опасливо косясь на громоздившиеся над стеной обломки.

– Господин Гампана, – Вейзель тоже заметил взгляд фельпца, – эти камни не опасны.

– И все же лучше отойти, – предложил желтолицый дукс. – Я не могу не верить вашему слову, генерал, но я не военный и не ученый. Мои глаза меня пугают.

Алва, не говоря ни слова, перешел тракт и остановился у кучи пестрых валунов. Желтолицый вынырнул рядом.

– Вы были правы, герцог, – это было явным заигрыванием: дворянские титулы в торговом Фельпе не жаловали, – среди нас были предатели.

– И кто же?

– Дукс Андреатти и полковник Саргацци. Они признались во всем.

– И в том, что сообщили Капрасу об атаке на Паучий?

– Разумеется. В доме Саргацци найдены неопровержимые доказательства их измены.

– Вот как? – Ворон тронул эфес. – Признаться, я несколько удивлен.

– Удивлены? Но не вы ли первым заподозрили Андреатти?

– По здравом размышлении я решил, что уши Андреатти слишком совершенны, чтобы оказаться настоящими. Так вы полагаете, с предательством покончено?

– Мы надеемся на это, – веско произнес подоспевший генералиссимус, – но Капрас хитер, а Бордон богат. Пока не подошла помощь, мы должны быть очень осторожны. Очень!

– Это относится и к вам, сударь, – в голосе гран-дукса звучал отеческий упрек. – Ваша жизнь принадлежит не только вам, но и Фельпу.

– Если со мной что-то случится, вам на память останутся, – Рокэ улыбнулся, – камни. Много камней... Впрочем, риска никакого не было. Мы заблаговременно отвели людей, а стену украсили трупами, впрочем, на вид весьма воинственными. Старый трюк, но действенный, особенно в сумерках. Капрас попался и начал штурм, нам оставалось лишь поджечь запалы.

– Какой урон нанесен противнику? – внес свою лепту в разговор красивый полный дукс. Марсель знал его имя, да забыл.

– Тысячи три, – Рокэ повернулся к Вейзелю. – Как вы думаете, Курт?

– Да, что-то около того. Но главное, – бергер улыбнулся совсем как человек, – они потеряли голову от страха. Мы сверху видели, как бегут уцелевшие.

– Сегодня в Дуксии будет прием в честь победы, – объявил Гампана.

Дуксы и слуги города загомонили. Только Просперо молчал как рыба, причем рыба завистливая.

– Я бы сказал: в честь блистательной победы, – пророкотал генералиссимус. – Фельп жаждет приветствовать своих героев.

– Позвольте поблагодарить вас и за себя, и за генералов Вейзеля и Варчезу, – Рокэ

слегка поклонился. – К сожалению, сейчас я вынужден вас покинуть. Нас с адмиралом Джильди ждет дело, не терпящее отлагательства.

– Может быть, прием следует перенести на завтра? – в голосе гран-дукса послышалась озабоченность.

– Ни в коем случае. К вечеру мы вернемся.

Рокэ взял под руку Джильди, и маршал с адмиралом быстро зашагали по тракту, за ними бросился истосковавшийся Герард. Марсель немного поколебался, но любопытство победило лень.

Виконт догнал Рокэ за первым же поворотом. Джильди и Алва стояли лицом к лицу, причем адмирал пялился на маршала, как на красную ворону. Марсель ускорил шаг, и вскоре до него донесся голос Рокэ:

– ...только не говорите, что вам не хочется тряхнуть стариной.

– Вам мало сегодняшней добычи? – Джильди кивком указал на завал.

– Аппетит приходит с едой, – сообщил Рокэ. – Я так понимаю, что, будучи озабочены исходом штурма, вы позабыли о наживке.

– Три тибура на ваш гарпун! Других дел у меня не было!

– А вы, Герард?

– Я все принес, – несносный мальчишка вытащил какой-то узел, – мясо, веревку, смоляные шарики.

– Видите, Фоккио, у нас нет никаких причин откладывать охоту, – подмигнул Алва. – Вы говорили, киркореллы живут в норах, а справа какая-то дырка...

– Она и есть! – моряк ловко обвязал мясо веревкой и вдавил в черный, блестящий сгусток. – Ну, сами напросились.

Адмирал Фоккио Джильди наклонился над дыркой и неспешно поволок приманку по потрескавшейся земле, раздалось сухое шуршание.

– Любопытно, если сравнить киркореллу с юным ызаргом, чья возьмет? – поинтересовался Рокэ.

– Я не видел ызаргов, – признался Валме.

– Видели, – Рокэ зевнул, – и множество... В столице...

– Вы о Штанцлере? – догадался Марсель.

– Не все кансильеры – ызарги, – Рокэ прикрыл ладонями глаза, – и не все ызарги – кансильеры. Стоп!

Марсель не отрывал взгляда от темного отверстия, но так и не понял, откуда выскочило нечто пыльно-серое, величиной с кулак. От неожиданности Марсель ойкнул, адмирал с довольным смешком отбросил веревку с добычей; влипший в смолу волосатый ком яростно задергался и вдруг подпрыгнул на пару бье, увлекая за собой осклизлый мясной шматок... Это было довольно неприятно.

– Какая прелесть, – Рокэ шагнул вперед. Одно движение, и серая мерзость оказалась в руках герцога. Марсель опасливо вытянул шею: Алва одной рукой держал киркореллу за спину, другой натягивал веревку, лишая тварь возможности маневра. Пленница сучила в воздухе тремя парами ног, а передние лапы и челюсти намертво увязли в смоле.

– Вечная беда, – покачал головой Алва, – разинуть рот на то, что лучше не трогать...

Киркорелла согласно дрыгнула задними лапами. Она раскаивалась.

– Смотрите, – Алва протянул паука Марселю, и тот невольно попятился, – вроде паук пауком, а задние лапы как у саранчи.

– Оно... оно ими прыгает? – выдавил из себя Валме. В свое время на волчьей охоте виконт показал себя неплохо, но волосатая тварь вызывала оторопь.

– Задними – прыгает, передними – хватает. Очень удобно.

Алва поднял влипшую в смолу киркореллу на уровень глаз и несколько раз повернул, рассматривая, словно драгоценность

– Надо будет наловить пару тысяч, – сообщил он наконец. – Думаю, особого труда это не составит.

– Пару тысяч? Этих?! – Джильди не хватало слов, даже морских.
– Не меньше! Фоккио, не глядите на меня так. Мне кажется, я нашел этим пушистым малюткам достойное применение.

Глава 6 Оллария

«La Dame des Deniers & La Dame des Coupes & Le Quatre des Coupes» ²⁰

1

Ох, как трудно, дорвавшись на старости лет до тряпок и драгоценностей, не превратиться в ярмарочную обезьяну. Так и тянет замотаться в вишневый бархат или лиловый шелк, а в придачу обвешаться рубинами и изумрудами.

– Дора ²¹ Луиса, вам помочь?

– Спасибо, Кончита. Мне ничего не нужно.

Кончита кивнула, но не ушла, а принялась протирать черепаховые гребни.

Странное дело, слуги Алвы к новым обитательницам его особняка отнеслись на удивление сердечно. Кэналлийцы, как могли, баловали двух «дорит» (к немалой гордости Луизы, предпочитая Селину), да и новоявленную дуэнья с ее неземной красотой приняли как свою. И еще все они поголовно обожали собрано Рокэ и могли говорить о нем часами, а Луиза могла часами слушать, что немало способствовало завязывавшейся дружбе.

И все равно Луиза хотела поскорей перебраться в подысканный Хуаном особнячок на улице Гвоздик. Ее, в отличие от Аглаи Кредон, не волновало, что юные девицы живут под крышей холостого мужчины, да еще первого развратника Талига, но в новый дом она сможет взять Жюля и Амалию. Луиза разрывалась между особняком Алвы и материнским домом, но приучать младших к чужой роскоши не стоит...

– Дора Луиса, подать вам платье?

– Лучше помоги доритам, – Святая Октавия, какие ж они прилипчивые, эти кэналлийские словечки. – Я привыкла одеваться сама.

А также не демонстрировать свои прелести без лишней на то необходимости. Но как заманчиво натянуть роскошный наряд и видеть его на себе, а не себя в нем.

Луиза Арамона решительно взялась за черное платье. Спасибо Франциску Оллару, сделавшему черный цветом молитвы и траура ²². В сером она была бы вылитой крысой, а черный хоть кого облагородит. Особенно блондинку, блондинкам в Талиге нужно быть вдовами, хотя Марианна Капуль-Гизайль – брюнетка. Впрочем, баронесса надевает черное только в храм. Луиза не удержалась и провела рукой по алатскому атласу: таких роскошных тканей ей носить еще не доводилось. Ей много чего не доводилось и уже не доведется, но это не повод ныть и злиться на весь белый свет.

Капитанша собственноручно заколола волосы черепаховыми гребнями – еще одна роскошь – и вдела в уши серьги из раух-топазов. Достоинно и скромно, а дуэнья и должна быть скромной и достойной. А также немолодой и страшной, как смертный грех, но с этим

²⁰ Королева Динариев, Королева Кубков и Четверка Кубков.

²¹ Госпожа (кэналл.).

²² В олларианском Талиге траурные наряды черные, а свадебные – белые. Дворянство дополняет их оторочками родовых цветов, горожане – цветов своего города, крестьяне – своей провинции.

как раз все в порядке, хотя в юности было хуже. Для красавицы старость – преисподняя, для уродины – тихая гавань... Луиза еще разок обзрела свое отражение, пришла к выводу, что лошади от нее не шарахнутся, а до придворных ей дела нет, и поднялась к дочери.

– Мама! – ойкнула Селина. – Ты чудо!

Она чудо?! Ерунда! Чудом была Селина! Такой художники рисуют Весну, не хватает только серебряной корзины с подснежниками и голеньких крылатых детишек.

– Жемчугу бы побольше, – проворчала Кончита, – и сапфиров! Чего жаться?

Кэналлийка не понимает: герцогиня ²³ должна выглядеть как герцогиня, а они с Селиной – всего лишь свита Айрис Окделл. Госпожа Арамона уняла материнское честолюбие и оставила золото и рубины Айрис, одев дочь в голубое и белое, и поступила совершенно правильно. Вдова капитана Лаик улыбнулась разбушевавшейся кэналлийке:

– Выйдет замуж – будет носить камни мужа, – а ведь Селина и впрямь может найти хорошего жениха. Знатного, богатого и, самое главное, любимого!

– А чего ждать? – не унималась Кончита, открывая шкатулку. – Есть – носи...

– Я... Я не привыкла, – пролепетала дочка, но шейку подставила. Кончита с довольным видом щелкнула миниатюрным замочком и отошла, любуясь делом своих рук. И в самом деле, так стало еще лучше. Крупные голубоватые жемчужины на высокой шее подчеркивали девическую хрупкость Селины. Неужели эта юная богиня – ее дочь? Ее и пучеглазого красномордого уroda?! Но Арнольда лучше не помянуть даже в мыслях, еще накликаешь!

2

Девочки сидели прямо, словно проглотили по хорошему копыю. Селина была обворожительна, но и Айрис больше не походила на жеребенка-переростка. Присланные баронессой Капуль-Гизайль портные и куаферы превратили девицу Окделл в истинную аристократку. Самым трудным было убедить Айрис одеться в родовые цвета Окделлов, а не в черное и синее, что было бы верхом неприличия. Выручило пунцовое платье с черными бархатными лентами и золотым шитьем – расстаться с ним девушка не смогла, а рубиновые подвески довершили дело.

Юная герцогиня смирилась и перестала говорить о сапфирах и синем атласе. Надолго ли? Луиза не сомневалась, что с Айрис придется нелегко, но пока она справлялась, да и сбежавшая из родимого дома девушка капитанше нравилась. Сама Луиза послушно проглотила приготовленное для нее родителями варево, не пытаясь ничего изменить. Айрис вызывала уважение хотя бы потому, что восстала, и потом, Селина была красивее дочки Окделлов, причем намного.

Луиза понимала, что подобные мысли ее не украшают, но если не можешь гордиться своим лицом – гордишься дочерним. Селина получит все, чего была лишена ее мать, а Айрис – то, на что имеет право как одна из первых талигойских аристократок. Кошки б разодрали эту герцогиню Мирабеллу! Какой же душой нужно быть, чтобы хоронить себя и детей в разваливающемся замке и шипеть на весь белый свет! Самой тошно, дочек бы пожалела, им же жить хочется, любить, танцевать. Хорошо, Айри сбежала, хорошо, ей было к кому бежать, а ее сестры? Нужно будет как-нибудь вытащить и их, вот вернется герцог...

Карета – думала ли Луиза Арамона, что ее станут возить по столице в карете с гербами, – остановилась. Антонио, услужливо распахнув дверцу, подал руку, и Луиза Арамона оказалась у дворцовых ступеней.

Офицер охраны внимательно прочитал пригласительные письма и еще более внимательно оглядел прибывших дам.

²³ В Талиге, согласно Кодексу Франциска, незамужняя женщина носит титул отца, замужняя и вдовая – мужа. При этом женщина не может владеть майоратом, который в случае отсутствия наследника мужского пола переходит к ближайшему родичу-мужчине.

- Сударыни, я буду сопровождать вас до приемной ее величества.
- Благодарю вас, сударь!
- Я счастлив служить столь прекрасным особам.

Офицер подал руку ей, но смотрел он на девушек. На Айрис Окделл с удивлением и одобрением, а вот на Селину... В глазах молодого человека было искреннее восхищение, и Луиза почувствовала себя отмищенной за все свои горести. Пусть ее жизнь пошла коту под хвост, она будет счастлива вместе с Селиной!

Они поднялись по белой, устланной алым ковром лестнице, прошли мимо двух бронзовых воинов, один из которых отдаленно напоминал Рокэ Алву, и вступили в роскошную анфиладу. Луиза ловила любопытные взгляды, но не краснела и не опускала глаз. Она здесь по воле Кэналлийского Ворона, и она сделает то, что он хочет, и даже больше.

3

Двери были инкрустированы перламутром и позолоченной бронзой. Вырастающие из светлого дерева леопардовые лапы сжимали костяные шары. По обе стороны торчали черно-белые гвардейцы с алыми лентами через плечо: охрана ее величества, причеши ее хорек! За утренними хлопотами Луиза позабыла о Катарине Ариго, но нахальный алый шелк поверх строгих мундиров разбудил прикорнувшую ненависть. В душе, не на лице. Придворной даме не пристало выказывать истинные чувства.

Охранники при виде дежурного офицера расступились. Молодой человек учтиво поклонился Луизе, обжег страстным взглядом Селину и нажал на костяной шар. Тяжелые створки разошлись медленно и беззвучно, словно во сне, и Луиза вступила в логово Катарини.

Желтолицая кляча в алом, удивительно не идущем ей платье, оказавшаяся баронессой Заль, велела следовать за ней. Луиза последовала, надеясь, что девочки сохраняют приличествующее случаю выражение лица, тем более после особняка Алвы поразить их роскошью вряд ли возможно.

- Ее величество ждет.

Белые двери, белые, шитые алым портьеры, стайка дам в дурацких позах, стоящая у окна женщина в белом и черном – высокая, перевитая жемчугом прическа, тонкая шея... Девочка в материнском платье, по крайней мере сзади.

Луиза Арамона присела в низком реверансе, дожидаясь, пока Катарина Ариго изволит обернуться. И та изволила. Дернулась, словно ей за шиворот лягушку бросили.

- Прошу... Я... Мы... Мы рады видеть своих новых слуг... Встаньте, друзья мои.

Просит она. Пусть перед другими кривляется, ломака.

- Ваше величество, мы счастливы служить вам.

– Нет-нет... Это я счастлива видеть дочь... Сестру юного Ричарда Окделла. Подойди ко мне, дитя мое.

«Дитя» было выше «маменьки» чуть ли не на голову, но они могли сойти за родственниц. Пепельные волосы, худоба, порывистость. Королева старше лет на десять, а издали кажется, что наоборот. Родить троих детей и остаться девочкой – это надо уметь!

– Садись, дитя мое. – Катарина подала пример, опустившись в глубокое кресло, делавшее ее еще меньше. Айрис послушно присела на пуф у ног ее величества. Окно, разумеется, оказалось у королевы за спиной. Бедная страдальца знала, где сесть самой и как усадить гостью.

– Госпожа Арамона, милая Селина, – проворковала королева, – садитесь. Мне... Мы не любим, когда перед нами стоят.

Да, мы не любим, когда перед нами стоят, мы любим, когда с нами лежат! Луиза чинно устроилась рядом с давешней корягой в алом, а Селина приткнулась возле рыженькой

толстушки в зеленом платье с розовыми пороссячими лентами. Создатель, и кто только додумался до такого уродства?!

Стало тихо, только в клетках на окне щебетали морискиллы. Госпожа Арамона украдкой обозрела комнату и с трудом скрыла усмешку, увидев на стене роскошный морисский ковер. В доме властителя Кэналлоа такими застилали полы. И правильно!

– Айрис Окделл, – королева страдальчески улыбнулась, – нравится ли тебе Оллария?

– Да, ваше величество. – Голос Айри звучал бесцветно, словно она отвечала скучный урок. – Это очень красивый город.

– И очень большой, – вздохнула королева. – Надеюсь, тебе здесь не будет одиноко.

Эта мерзавка всегда говорит, как на похоронах, или нет? Только на похоронах еще и плачут, но плакать мы не станем, от плача краснеют глазки и распухает носик. Мы будем страдать молча.

– Ты играешь на арфе?

– Нет, – пробормотала Айрис, – меня учили только на лютне...

– Лютня, – Катарина еще раз вздохнула, – верный друг менестрелей. Лютня – это душа Талигой... душа Талига. Поющая, страдающая, любящая душа. Я так давно не слушала лютню...

Кто ж тебе мешает? Ты – королева, хочешь – слушай лютню, хочешь – гвардейский барабан, хочешь – гвардейские охи...

– Селина Арамона, – ее величество решили заняться второй фрейлиной, – подойди...

Селина сделала реверанс, королева улыбнулась. Нежно улыбнулась, но Луиза впервые в жизни пожалела, что дочь пошла в бабу Аглаю. Рядом с Айрис Окделл Катарина Ариго казалась хрупкой статуэткой, но не рядом с Селиной.

– Селина. – Правильно, здесь «дитя мое» не пройдет. – Мы надеемся на твою службу.

– Я счастлива, ваше величество. – Дурочка развесила уши. Ей бы к бабкиной внешности еще б и ее нюх!

– Мы верим тебе. И позволяем тебе носить наши цвета.

Еще бы! Красный делает старше любого, а голубоглазая блондинка в красном превращается из ангела в куртизанку.

– Ваше величество... – потупилась Селина.

Она еще и благодарна! Нет, это не Селина – дурочка, а она – дурища, раз не рассказала дочери о женских пакостях.

– Госпожа Арамона, вы ведь недавно потеряли супруга? – теперь глазки ее величества смотрели на нее. Неплохие глазки, ничего не скажешь, но бывают и лучше. И реснички подведены! Вестимо, не по воле Катарини Ариго, а по требованию этикета. Но под гайифской тушью они белесые! И брови тоже! Ну и что, что синеглазый герцог спит с Катариной Ариго?! От кровати до любви не ближе, чем от Арнольда Арамона до Рокэ Алвы.

– Ваше величество, я все еще оплакиваю свою потерю.

Оплакивает? Свою молодость – возможно, но не Арнольда, хотя его участи никому не пожелаешь. Разве что такой вот медоточивой гадине.

– Да, я вижу, вы носите траур... В наше время слишком многие теряют близких. – Голосочек Катарини дрогнул. – Слишком... Но не все столь счастливы, что могут оплакать свою потерю.

– Создатель прочитает в наших сердцах.

Вот тебе! Мы тоже умеем лицемерить, ваше величество. И врать умеем, и Книгу Ожидания цитировать. Селина и Айрис – глупые мышки, но за ними приглядывает злющая кошка.

Глава 7

Фельп и его окрестности

1

Кошмар повторился, неизбежный утренний кошмар с Герардом Арамоной. Марсель разлепил изрядно опухшие веки.

– Герард, что там?

– Утро, – бодро ответил подрастающий изверг, отдергивая портьеру и впуская в увешанную нахальными ундинами спальню еще более нахальный солнечный луч. – Монсеньор ждет. Мы едем в Байябьянку.

– Это еще что за тварь? – простонал Валме, совершенно не нуждаясь в ответе, но Герард жизнерадостно сообщил:

– Бухта. Чуть в стороне от Приморского тракта, два часа рысью. Принести вам шадди?

Оказывается, юный упырь способен на милосердие!

– Принеси, – Валме отбросил покрывало и проковылял к зеркалу. Так и есть, физиономия раздулась, бритвенным тазиком не покроешь. Надо меньше пить, особенно на ночь! Эх, ну почему он не кэналлиец, лакал бы, сколько влезет, и обходился без куаферов. Виконт со злостью дернул развившуюся прядь. Привести себя в порядок он все равно не успеет, и кому он нужен, этот порядок? Пауканам? Или еще какой-нибудь нечисти, которую раскопал Рокэ в бухте с жутким названием?

– Ваш шадди, – Герард радостно улыбался. Славный щенок, даже странно, что от такого поганого кобеля родилось что-то пристойное.

– Герард, а за какими кошками нам эта Бабья банка?

– Байябьянка, – поправил порученец. – Там корабли. Новые.

– Как – корабли? – не понял виконт. – Чьи? Откуда?

Час спустя Марсель злорадно хмыкнул: ошавевший Муцио Скварца налетел на Рокэ с теми же вопросами, да и другие приглашенные, дожидаясь ответа, разве что удила не грызли. Еще бы, корабли!

Для поездки маршал собрал внушительную компанию, судя по обветренным рожам, состоящую сплошь из моряков. Валме не узнал никого, кроме обоих Джильди и молодого Скварцы, не было даже неизбежного Варчезы.

Алва оглядел взгромоздившихся на лошадей мореходов.

– Откуда корабли? – в синих глазах плясали искры. – С верфей, разумеется. Спасибо мастеру Уголино! А в Байябьянке потому, что до «дельфинов» не дошло, что ее нужно блокировать.

– Байябьянку не блокируешь, – поправил Муцио, – но из нее и не выберешься. Мели.

– Для лошади мелко, – согласился герцог, – а кошка утонула. Как бы то ни было, нас ждет новенький флот! Только вы не пугайтесь и не судите опрометчиво.

Предупреждение не помогло. По крайней мере Валме при виде плоских чудищ без мачт и парусов обалдел. Творенья горбуна Уголино были меньше любой из виденных Марселем галер и сверху и с бортов закрыты чем-то вроде брони из выкрашенных в серое шкур, сквозь которые торчали остро заточенные колья. Причем грязные.

Спереди и сзади эти, с позволения сказать, корабли украшали тараны, поперек которых у самой воды приделали здоровенный брус с двумя дополнительными таранчиками по бокам. Разобрать, где у тварей – нос, а где – корма, виконт не мог. Талигоец затравленно оглянулся, надеясь понять хоть что-то по лицам моряков, но на обветренных физиономиях читались удивление, отвращение и злость.

²⁴ Тройка Посохов, Двойка Посохов и Восьмерка Динариев.

– Разрубленный Змей, – выдохнул огромный капитан со шрамом через все лицо, – что это за твари?

– Разборные низкобортные галеры, – с гордостью объявил стоявший рядом с Вороном Уголино. – Мы построили их за месяц. За месяц, господа! Мы строим почти так же быстро, как вы тонете.

– Галеры?! – взревел кривоногий коротышка. – Галеры?! Где у этой галеры рожа, а где задница?! Где мачта, укуси меня зубан?! Это же ызарг какой-то!

– Ызарг, – мечтательно повторил Рокэ, – ызарг... Красивое имя! И какое подходящее... Мы затравим «дельфинов» «ызаргами».

– Четыре десятка ублюдков против десяти галеасов и семи десятков полноценных галер. – На красивом лице Муцио застыло страданье. – Монсеньор, это невозможно.

– Вот как? – темная бровь поднялась кверху. – Вы не верите в «ызаргов», адмирал?

– Да их всех один галеас на дно пустит и не заметит, – вмешался красивый моряк с черной косынкой на шее. – Вы, монсеньор, на суше любого заломаете, спору нет. Со стеной у вас лихо вышло, но на море свои игры.

– Увы, – кивнул Муцио, – нам нужен талигойский флот, а эти... Эти, извиняюсь, лодки пусть здесь и остаются.

– Ах, господа, господа, – покачал головой Ворон, – неужели вам не хочется прокатиться на «ызарге»?

– Прокатиться? – закатил глаза здоровила со шрамом. – Да они до открытого моря не доплывут!

– Да уж! Отличился наш мастер! Сотворил, отворотясь, не отплывешь!

– Ему-то что! Деньги свои получил...

– Я на этих ...ых ни ногой! – плюнул коротышка. – Якорь мне в задницу!

– Дерра-Пьяве! – рявкнул Джильди. – Ты мне поупирайся – и получишь! Именно якорь и именно туда!

– Уж лучше в банях тазов набрать! – огрызнулся Дерра-Пьяве. – Тоже без мачт!

– Мало над нами «дельфины» смеются. Еще и это!

– Да будь я проклят, если...

– Спокойно! – От неожиданности Валме вздрогнул. Виконт знал, как Рокэ убивает, но не как он рычит. Странное дело, разбушевавшиеся моряки смолкли и, набывчившись, уставились на талигойца.

– Вам не нравятся эти корабли? – Рокэ снова говорил вполголоса, но вокруг стояла тишина. – А сидеть в бухте и смотреть на «Морскую пантеру» нравится? Может, хватит корчить из себя раков в ведре? Альмейду нам еще ждать и ждать, а «ызарги» могут идти в бой немедленно.

– Для начала хотелось бы знать, где мастер Уголино взял столько сухого дерева? – произнес Муцио, явно пытаясь сменить тему разговора. – Я не думал, что на верфях такие запасы.

– Правильно не думал, – одобрил собрата Джильди, – строили из сырого.

– Тогда эти лоханки через день развалятся, – вскинулся высокий моряк.

– Ну и... с ними, – Первый маршал Талига залихватски подмигнул, – главное, чтоб до вечера продержались. Мачт нету, говорите? А они нужны сейчас, эти мачты?

– Оно так, – честно признал кто-то с кольцом в ухе, – штили стоят собачьи...

– Именно, – Джильди хлопнул себя рукой по бедру. – Зато на «ызаргах» мы к «дельфинам» подберемся в лучшем виде. Те и охнуть не успеют.

– Точно, – в глазах Дерра-Пьяве зажегся огонек, – правильно, что серые они. Если тучи, не заметишь, пока под носом не выскочит.

– А выскочит такая страсть, так в штаны и наложат, – добавил окольцованный.

– Дожиха и наложит!

– А в брюхе у них что?

– Брюхо брюхом, пушки на них есть?

– Ваше слово, мастер, – Рокэ вежливо поклонился горбуну. Уголино вышел вперед.

– Тридцать четыре галеры вооружены, – сообщил он, – пятью носовыми пушками, тремя мортирами и четырьмя станковыми арбалетами. Еще шесть не имеют вооружения и начинены порохом, серой и железными гвоздями. Корабли снабжены усовершенствованными носовыми и кормовыми таранами, позволяющими ломать весла противника. Прошу заметить, при необходимости тараны можно оставить в корпусе вражеского корабля и отойти. От картечи и мушкетных пуль галеру защищает кожаная броня, она же препятствует применению зажигательных снарядов. Броня держится на каркасе. Внутри каждого судна, – Уголино упорно не желал называть свои детища ызаргами, – находится клетка – каркас, – в которой закреплены колья.

– А в чем они? – с подозрением осведомился Дерра–Пьяве. – Что за отравы?

– Ядовитая, стало быть, зверюга, – расплылся в улыбке красавец с косынкой.

– Колья не отравлены, – возмутился горбун. – Такое количество стойкого быстродействующего яда сделало б их воистину золотыми.

– Но «дельфины» этого не знают, – засмеялся Джильди, – а у страха глаза велики.

– Точно, – коротышка с восторгом хлопнул себя по ляжке. – Укуси меня зубан, если они рискнут на абордаж.

– На абордаж пойдем мы, – веско произнес Фоккио Джильди. – Осадка галер позволяет пройти через мели Граколи и выйти в тыл к бордонскому флоту.

– К тому же, – добавил Алва, – наши друзья-«дельфины» не отличат обычного «ызарга» от «ызарга»-брандера.

– их ...через... чтобы оно лаяло, таяло, реяло в ...ый! – заключил некто особенно красномордый и топнул ногой. – Закатные твари, да мы эту доживу... с ее ...через... четыре раза!!!

– Вы уверены, что, увидев эту даму вблизи, вы захотите исполнить свое намерение? – поинтересовался Рокэ, поигрывая цепью с сапфирами. Моряк замер, выпучив глаза, а потом неистово заржал.

2

С «Морской пантеры» открывался роскошный вид на длинный ряд галер с убранными парусами. Корабли вяло покачивались на спокойной воде, а отведенные к корме и чуть приподнятые весла напоминали наполовину сложенные веера, которые Зоя Гастаки терпеть не могла, равно как и другие женские финтифлюшки. Сестра самого богатого из бордонских дождей признавала только мужское платье и дорогое оружие, она была рождена для сражений, а не для балов и заигрываний с мужчинами! В юности Зоя этого не понимала, пыталась быть как все, но на нее клевали только охотники за приданым, а она принимала их сюсюканья за чистую монету. До сих пор стыдно! Особенно за Георгиоса Гаккоса, которому она сказала «да», а через два часа застучала в саду с кузиной. Они обсуждали, как будут водить за нос «эту глупую корову». Сволочи...

Зоя с ненавистью глянула на желтеющий берег, к которому один за другим причаливали капитанские барки. Тысяча проклятий, что о себе полагает этот Капрас?! Кто он такой, что запретил ей участвовать в военных советах?! Он даже не бордон! Сам виноват, не разглядел такой простой ловушки! Если б штурм стены готовила женщина, Приморский тракт давно был бы перерезан, но Капрас промедлил, и фельпцы под носом у недотепы заминировали скалы. Дурак! Не понял, что на стене нет защитников, и полез в западню! Она, да что она, Поликсена – и та б раскусила замысел дуксов, но что взять с мужлана, который вбил в свою дурную башку, что он великий полководец?! Хорошо хоть в море не лезет! Сухопятые всегда боятся моря! Море не терпит дураков и мямль! Зоя потянулась, разминая мускулы, и медленно пошла вдоль борта, в который раз любуясь «Пантерой».

Хорошо, что ей удалось избавиться от мужчин-офицеров, которых навязывал братец.

Мужчина на корабле, раз уж Создатель сотворил его сильным и тупым, должен грести, подносить ядра, ставить и убирать паруса, но не распоряжаться! Жаль, остатки фельпского флота не покидают бухты, «Морская пантера» живо бы передавила уцелевшие галеры! Пусть эскадрой командует Пасадакис, но вражеский флагман утопила она, Зоя Гастаки, и никто другой!

Женщина поднесла к глазам зрительную трубу, обозревая вход в бухту. Ширина чуть больше тысячи бье. Жаль! Было б недурно ворваться внутрь и задать дуксам жару, но форты на скалах расстреляют любой корабль, рискнувший сунуться в узость. Что ж, подождем деблокирующего флота, она не прочь помериться силами с пресловутым Альмейдой. Слишком много про него болтают, а на деле наверняка такая же гниль, как Джильди и Капрас, да и много талигойцы навоюют со своими парусниками в здешних водах! Зоя убрала трубу и оглядела верхнюю палубу. Зря она вспомнила про Георгиоса и его змеюку, теперь до вечера тошно будет. Сколько лет прошло, а нет-нет да и накатит, хотя радоваться надо. Выйди она замуж за этого мерзавца, и кем бы она была к сорока годам? Глупой насадкой. Сидела бы в доме и квохтала, пока красавчик Георгиос скакал по чужим постелям! Тварь, лживая, похотливая тварь!

Старая обида требовала выхода, но капитану галеаса не пристало орать, как глупой матроне, застукавшей мужа со служанкой. Капитан должен быть невозмутим и справедлив, а справедливость требовала поощрить Спиро, он и вправду был хорошим боцманом. Порядок на «Пантере» немного поднял настроение, и Зоя махнула рукой, подзывая замершую у борта Поликсену. Девчонка со всех ног бросилась к своему капитану, Зоя усмехнулась:

– Принеси касеры и морские карты!

Поликсена умчалась, просияв огромными глазами. Зоя сама не понимала, довольна троюродной племянницей или нет. Поликсена не просто была предана, она обожала свою знаменитую родственницу. Это льстило, тем более девчонка, несмотря на редкую красоту, и не думала заглядываться на мужчин, как эти дуры София и Клелия. К несчастью, все окрестные кобели делали на Поликсену стойку, что не могло не бесить.

Стоило малявке сойти на берег, как стадо офицеришек принималось заигрывать с черноглазой пусей, а на прошлой неделе Зое подкинули рисунок, где за опоясанным абордажной саблей гиппопо бежал олененок с кинжалом. Была и стихотворная подпись, за которую Зоя убила бы неведомого поэта на месте!

Самым мерзким было то, что Поликсена и в самом деле была Зое по грудь, а капитанским поясом ее можно было обвязать раза три. Нет, нужно сменить адъютанта, но на кого? Старший офицер не может быть на побегушках, а корнетов на «Пантере» всего пять. Ариадну и Латону надо гнать взащей, они думают не о войне, а о том, что у мужчин пониже пояса, София немногим лучше. Клелия? Эту тростинкой не назовешь, но уж больно любопытна. Никуда не денешься, до конца похода придется терпеть Поликсену, но потом заменить ее на девицу покрупнее. Может быть, Хриза наконец поумнеет. Хотя куда там! Сестрица выросла крольчиха крольчихой, ей подавай тряпки да мужа, а не сталь и славу! Да и что будет делать Поликсена на берегу? Родители продадут ее тупому уроду в штанах, а малявка уже знает настоящую жизнь, каково ей придется в клетке! Ладно уж, от насмешек еще никто не подыхал, но превратить малиновку в курицу Зоя Гастаки не даст. Гиппопо так гиппопо, те, кто смеется, не видели этих тварей в деле, для них потопить лодку что петуху кукарекнуть.

– Мой капитан, – Поликсена держала на вытянутых лапках поднос, – ваша касера!

– Давай, – Зоя подхватила серебряный кубок, подержала его в руке, чтоб видело побольше народа, и глотнула. Касеру Зоя терпеть не могла, предпочитая тинту и ликеры, она вообще любила сладкое, но капитан галеаса не может потакать своим прихотям. Сладкое жрут домашние курицы, а морские волки пьют неразбавленную касеру и закусывают всем, что плавает! Зоя изо всех сил блюла морской обычай, но в тайнике хранила запас ликеров и конфет. Касеру же, если подворачивался случай, выплескивала за борт, а затем с наслаждением слушала, как моряки «Пантеры» хвалятся, что она пьет и не пьянеет. Немного

портила настроение присказка «хоть и баба», но отучить от нее Спиро и его помощничков не получалось. Оно и понятно – слишком долго женщины сидели по гнездам и квохтали, а теперь приходится отдуваться за чужое ничтожество.

– Мой капитан, – доложила Поликсена, – карта!

Зоя приняла объемистый фолиант и сунула девчонке пустой кубок. После касеры буквы расплывались, но читать она и не собиралась. Зачем? Проще пролистать несколько страниц, задержаться на одной и помянуть всех морских демонов. Подчиненные должны видеть, что капитан начеку, даже если нет никакого дела. Тысяча демонов! Разрубленный Змей! Сейчас – разгар лета, сражение будет не раньше Осенних Молний, за это время она от безделья сбесится!

3

Гран-дукс ничего не знал. Генералиссимус со старшим адмиралом тоже, а Марсель Валме знал, и это было ужасно приятно. Виконт сидел между Джильди и Скварца и слушал, как Ворон рассуждает о багряноземельских обычаях. На прошлом приеме Алва развлекал отцов и слуг города Фельпа поэзией Дидериха, на этот раз речь шла об охоте на черных львов. Главу прайда полагалось убить ударом копья, причем не кому-нибудь, а самому наршаду, после чего шады уничтожали львиц и детенышей, а шкуры посылали врагам, объявляя таким образом о войне. Сами же мориски по такому случаю меняли повседневные белые одеяния на багряные, что, видимо, и дало название южному континенту.

– Весьма поучительно, – протянул генералиссимус, когда Алва замолчал, – весьма... Значит, язычники охотятся на львов только перед войной?

– На черных львов, – поправил Ворон. – Они раза в полтора больше обычных, и грива у них растет не только у котов, но и у кошек. Кстати, господа, я должен решить с вами одно дело. Мне нужны сотни две галерных рабов, но не морисских корсаров, а фельпцев, в крайнем случае урготов.

– Создатель, – гран-дукс казался ошарашенным, – зачем они вам?

– Я намерен поручить им одно дело, – сообщил Рокэ, разглядывая мозаику за спиной Гампаны, – очень важное и очень тайное.

– Фи, – скривил губу старший адмирал, – этому сброду нельзя доверять.

– Отчего же, – блеснул зубами Рокэ, – я дам уцелевшим свободу, им это должно понравиться.

– Вы слишком доверчивы, герцог, – генералиссимус отечески улыбнулся. – Эти мерзавцы продадут вас через минуту после того, как вы снимите с них цепи.

– Вы так полагаете? – Алва продолжал улыбаться, но в синих глазах появился нехороший блеск. – А как же эсператистское и прочее милосердие и «Поучения о единожды оступившихся»? Мы дадим грешникам возможность обрести не только свободу, но и уважение. Исполнив свой долг перед Фельпом, они вернутся в родной город не изгоями, а героями.

– Монсеньор, – хмыкнул адмирал Кимароза, – вы ведь не в Совет на место Андреатти избираетесь, вы воюете. Доверять каторжникам глупо.

– Возможно, – в голосе Алвы отчетливо слышался металл, – но вы наняли меня для того, чтоб я разбил бордонов. А для этого мне нужны каторжники и право дать им свободу. Разумеется, если они исполнят то, что от них требуется.

– Да забирайте, – махнул рукой генералиссимус. – Но мы вас предупреждали.

– Я это понял, – Рокэ говорил спокойно, но Валме не сомневался: у гран-дукса и военачальников под роскошными одеждами забегали мурашки. – Что ж, разрешите откланяться. Я могу на галерном дворе сослаться на ваш приказ?

– Разумеется, – пожал плечами старший адмирал, – но ваши мориски – и то надежнее, тем более вы сможете с ними объясниться.

– Смогу, – подтвердил Алва, – но в данном случае мориски не годятся. Впрочем, к багряноземельцам мы вернемся. После осады.

– А все же, – не удержался гран-дукс, – для чего вам понадобилась целая галера негодяев?

– Я решил помочь им искупить свои преступления, – Алва поднялся, грациозным жестом придерживая шпагу. Валме второй месяц пытался перенять этот отточенный жест, но у него не получалось.

4

Сотни три полуголых каторжников угрюмо глядели на неожиданных визитеров. Разбойники пребывали на Галерном дворе под дулами мушкетов, и все равно Марсель чувствовал себя неуютно. Из всех их походов это было самым неприятным: рабы казались опасными и злыми, а окружающие запахи настоятельно требовали закрыть лицо надушенным платком, от ношения каковых, следуя совету Савиньяка, Валме отказался.

– Все здешние, – угрюмо доложил кривой капитан, – как вы хотели. Воры, убийцы, разбойники.

– Фельпцы, – поправил Рокэ, – граждане города Фельпа, остальное сейчас неважно.

Кривой возражать не стал, но Марсель не сомневался: затею талигойского гостя он не одобряет. Отец ее бы тоже не одобрил: старик любил повторять, что разбойникам место на виселице, а дураком папашу еще никто не называл. Марсель покосился на Ворона – маршал спокойно разглядывал каторжников, причем на красивом лице не было и следа обычной ядовитой ухмылки. Молчание затягивалось. Наконец Рокэ шагнул вперед и преспокойно положил унизанную перстнями руку на плечо кого-то одноухого с седой щетиной.

– Кто ты, добрый человек?

Обращение застало каторжника врасплох, он с оторопью посмотрел на странного кавалера и буркнул:

– Лоренцо, сударь.

– Моряк?

– Ходил на торговом судне, – встрял охранник, – по сговору с хозяйским сыном убил хозяина и его вторую жену.

– Вранье! – взвился каторжник, но сразу как-то сник: – Хотя кто мне поверит.

– Возможно, я, – совершенно спокойно сказал Рокэ Алва.

– Смеетесь, сударь! – в глазах одноухого полыхнул злой огонек.

Лицо Рокэ стало вдохновенным.

– Смеюсь?! Лоренцо, сейчас в этом городе не до смеха! Я не знаю и не желаю знать, кем вы были в прошлой жизни и как очутились на галерах. Забудьте все, что было до этого дня. Виновные пред Создателем и людьми, вспомните, что нет греха, который нельзя искупить! Невинные, простите обидчиков и палачей, они нуждаются в вашей милосердии. А всего сильнее в вашей милосердии нуждается Фельп. Вы знаете, не можете не знать, что на пороге враг. Коварный, жестокий, злобный. Бордон всегда ненавидел Фельп, всегда завидовал его славе и наконец напал. Да, к нам идет помощь, но она слишком далеко. Сейчас Фельп может рассчитывать только на преданность своих детей, какими бы они ни были! Сегодня перед лицом Создателя, перед лицом вашего города все равны. Больше нет дуксов, адмиралов, каторжников, воров. Нет богатых и бедных, нет почтенных граждан и нет отверженных, все мы прикованы к фельпскому кораблю одной цепью – цепью любви и верности, и эта цепь дороже золота и крепче стали!

Марсель не узнавал Алву. Так маршал никогда и ни с кем не говорил. Валме не был фельпцем, но даже ему хотелось немедленно броситься в бой. Пусть он чужак, но он спасет ждущий помощи город или умрет с честью под его стенами. Но они не умрут, они победят! Виконт поймал взгляд Луиджи Джильди. Молодой моряк слушал Рокэ, открыв рот. Он не

был каторжником, но смотрел так, словно каждое слово Алвы было обращено к нему, да оно так и было – война и общая беда стерли границу между сыном адмирала и клейменными разбойниками.

– Те, кто готов забыть обиды и встать на защиту родного дома, – неожиданно просто сказал Ворон, – выйдите вперед, и с вас снимут цепи.

Три сотни разбойников, грабителей, убийц шагнули навстречу синеглазому чужаку, позвавшему их на помощь.

Кривой капитан с недовольной рожей подошел к талигойцу и что-то зашептал. Рокэ отстранил надсмотрщика с брезгливой миной.

– Ваше дело не советовать, а снять с них цепи, накормить и одеть.

– Монсеньор, – громко и упрямо сказал фельдец, – как хотите, но я все ж таки скажу.

– А тебя не спрашивают, – крикнул высокий разбойник, – скотина!

– Сам небось не воюет, – подхватил другой, – за чужими спинами отсиживается...

– Эх, попадешься ты нам еще...

– Ночью!

– Хватит, – прикрикнул Алва, – ваше дело – исполнять приказы. Снять цепи да побыстрей, время не терпит.

– Я эту погань не первый день пасу, – окрысился надсмотрщик. – Если расковырять, лучше на берегу, перед выходом, а то мало ли...

– Зачем цепи? – засмеялся Алва, обращаясь не к начальнику Галерного двора, а к замершим каторжникам. – Зачем надсмотрщики? Мне довольно вашего слова. Сдержите его, друзья, а я свое сдержу.

Глава 8 Алат. Сакаци

«Le Chevalier des Coupes & Le Quatre des Êpées & Le Un des Coupes»²⁵

1

Клемент дрых без задних лап, а вот Роберу не спалось, хоть умри! Пить было неправильно, идти некуда. Взять, что ли, пример с Альдо и завести подружку? Чего-чего, а сговорчивых красоток в Черной Алати хватало. Решено, он завтра же отыщет кого-нибудь. Завтра или послезавтра. Свеча почти догорела, и Эпинэ зажег еще три. Зачем – не знал и сам. Захотелось, и зажег.

Сквозь распахнутое окно ворвался пахнувший травами ветер, по стене запрыгали причудливые тени. Красота да и только, живи и радуйся! Робер набросил камзол и вышел на увитую виноградом террасу. Под открытым небом было лучше, чем в спальне, но все равно плохо. Талигоец зачем-то коснулся наливающейся кисти, этот виноград не едят – слишком мелкий и слишком кислый, он растет для красоты. В Сакаци все стены увиты или виноградом, или плющом, или мелкими розами без шипов.

Ветер вновь шевельнул резные листья, слегка выщербленный лунный диск неспешно пересекла летучая мышь. Нетопырей в здешних краях тучи, но они мелкие, в Эпинэ ночные летуны больше раза в два, но Эпинэ ему не видать, как своих ушей. Эпинэ не видать, Мэллит не получить, а то, что он может занять, ему не нужно. И подружка ему не нужна, но он ее все равно заведет. Чтoб поменьше думать и не пялиться ночами на луну.

Робер присел на балюстраду, рассеянно следя за скользящими в воздухе тенями. И чего

²⁵ Рыцарь Кубков, Четверка Мечей и Туз Кубков.

это люди боятся летучих мышей? Зверушки как зверушки: смешные, маленькие, а что ночные, какая в том беда? Можно подумать, днем пакостей и подлостей не творится. Иноходец никогда не был суеверным, наоборот, в детстве ему не хватало сказок. Вернее, не сказок, а чудес, потом чудеса его догнали, но оказались на редкость мерзкими.

– Я скучала по тебе, – шелестящий голос раздался совсем близко. Робер вздрогнул от неожиданности и оглянулся: перед ним стояла Лауренсия. Светлое платье, серебристые волосы, бледное лицо... Во имя Астрада, откуда?!!

– Лауренсия, это ты?

– Я, – розовые губы дрогнули в улыбке, – но если ты не рад, я уйду.

– Я рад, – это было правдой, с Лауренсией было легко, от их встреч оставалось странное ощущение снов наяву и ночных полетов, – но мне кажется, я сплю.

– Возможно, – прохладная ладонь коснулась щеки, – ты спишь, я сплю, все спят, кроме летучих мышей. Я скучала по тебе. В Агарисе теперь так пусто... Ты не хочешь меня поцеловать?

Он хотел. Губы Лауренсии пахли травами, они всегда так пахли. Это был сон, но сон хороший.

– Я скучала, – повторила женщина, – и я нашла тебя.

На поцелуи Эпинэ отвечал поцелуями. Женщины снятся от одиночества и горячей крови, если не хочешь в сорок лет заработать удар, нужно завести настоящую любовницу. Он заведет, когда проснется. Жаль, Лауренсия далеко, ей можно было не врать.

– Для того чтобы думать, есть день, – белые руки стащили с его плеч камзол, развязали и отбросили шейный платок. – Я тебе говорила, что я скучала?

– Да... Два раза.

– Ты не только думаешь, ты еще и считаешь. Это скверно.

В зеленых глазах плеснулся лунный свет, теплый ветер спутал их волосы, женщина тихонько засмеялась. Славный сон, в котором нет места стыду, колебаниям, глупым мыслям. Он проснется, и вместе с ним проснутся сомнения и горечь, но сейчас он спит и не желает просыпаться.

– Что с тобой? – шепнула Лауренсия.

– Не хочу просыпаться, – Робер подхватил ночную гостью на руки, Лауренсия с готовностью обхватила талийца за шею, по небу черкнула звезда, можно загадать желание.

– Ты рад мне?

– Да, я рад.

Хорошо, что в Сакаци не признают узких кроватей, хотя причем тут Сакаци, это же сон!

– Теперь я вижу, что ты рад, – шепнула женщина, – ты рад, и ты помнишь... Я не причиню тебе зла. Никогда... Только не тебе.

Платья на ней уже не было, а он и не заметил, как она его сбросила, хотя это же сон, чему удивляться, что постель разобрана и они оба без одежды. Свечи сгорели едва ли на четверть, пляшущие на стенах тени живо напомнили о странных растениях, украшавших обиталище Лауренсии. Эпинэ сжал пальцы гостьи. Она стала смелей и настойчивей, или это он изголодался по женской ласке. Жаль, он не может забыть, что спит...

– Не думай, – выдохнула женщина, – просто живи...

Робер Эпинэ ее не услышал: талигоец перестал соображать за мгновение до того, как Лауренсия попросила об этом. Ему хорошо, так не все ли равно, на каком он свете.

2

Ну и ночь – луна, звезды, летучие мыши, а ночная фиалка так распахлась, словно завтра конец света. Для полного счастья только любовника не хватает, но о любовниках пора забыть, какие любовники на седьмом десятке! Разве что за деньги, но до такого она не

докатится. Выпить, что ли? Уж всяко не помешает. Матильда плеснула в кубок мансайского, отпила пару глотков и выбралась на террасу. Когда-то она обожала Сакаци и злилась, что отец отдал охотничий замок тетке, тем более Шара не хотела сюда ехать. А потом привыкла и прожила чуть ли не сто лет. Матильда попыталась вспомнить, на кого походила жена дяди Золтана, но не смогла. Она прекрасно помнила горы и дома, но не людей.

Кажется, Шара была маленькой и пухленькой, но ей с ее ростом другие женщины вечно казались мелкими, а в пятнадцать лет Ильда Алати была худа, как жердь, и ни в чем не сомневалась. Что бы она тогдашняя сказала про себя теперешнюю? Лучше об этом не думать! Молодость беспощадна. Как и старость. В пятнадцать уверен, что тем, кто старше тебя на десять лет, пора на кладбище, в шестьдесят двадцатилетние кажутся дурачками, их пытаются водить на веревочке, они срываются и ломают себе шею.

Ее выперли в Агарис, чтоб разлучить с Ференцем Лагаши, который был ей почти братом. До Золотой Ночи... Братец Альберт подглядел, как они с Ферци целовались, и донес... Как был дрянью, так и остался, только облысел! Теперь у Ференца прорва внуков и внучек, а сам он не спешит повидать подругу юности. Может, и правильно, зачем портить память морщинами и сединой?

Луна обнаглела окончательно, Матильда залпом допила вино и вернулась в спальню. Тетка Шара умерла в нижних комнатах, куда перебралась лет за пять до смерти, а раньше жила здесь. Играла на мандоле, смотрела на горы, вышивала, писала. Матильда читала ее записки, написанные мелким ровным почерком. Шара Алати не была глупа, о нет. Она не верила, что ее муж умер своей смертью, но вдовствующая герцогиня не была бойцом и не имела детей. Вот она и доживала свой век среди дикого винограда и голубых елок. Долгая, никому не нужная жизнь, хотя парку, который разбила Шара, позавидовал бы любой король. А теперь ей предлагают стать второй Шарой и заодно запереть в Алате Альдо и Робера.

Внук совсем помешался на осенней охоте, даже странно. Она-то думала, что Альдо от скуки начнет кусаться, а он то носится по окрестным лесам, то возится с охотничьей снастью. Братец грозился приехать на зимнюю охоту и привезти гостей. Надо полагать, будет десятка три невест. Альдо Ракан – неплохая добыча для тех, кому не светит король или правящий герцог и кому гонор мешает породниться с вассалами.

Мнения Альдо братец не спрашивает, а зря, внучек устроит сватам и невестам веселую жизнь. С него станется, а она поможет! В любом случае здесь зимой будут люди, и среди них наверняка найдется кто-то, с кем можно иметь дело. А будут союзники – будут и интриги. Она не даст затянуть Альдо в болото, парень не создан для того, чтоб жрать в три горла и ныть о прошлом, ему нужны хорошая драка и достойное дело. О Талиге лучше забыть, но в Золотых землях есть и другие страны.

3

На окне дрались голуби. Один символ кротости и милосердия колошматил другого. Летели перья, хлопали крылья, скребли цепляющиеся за подоконник лапы. Сключники они, эти голуби. Сключники, обжоры и нахалы. То ли дело крыса! Милейшее создание, не то что птички божии.

Робер подмигнул восседавшему на подушке Клементу, потянулся и встал. Жизнь, несмотря на голубей, была чудо как хороша. Сон, впрочем, тоже был очень даже ничего. Эпинэ засмеялся и вышел на залитую солнцем веранду. На мозаичном полу валялся камзол, Робер его поднял и бросил на балюстраду.

Альдо и Матильда наверняка еще спали, это его подняло ни свет ни заря. И все из-за голубей, которых в Сакаци расплодилось вовсе немерено, хоть из рогатки бей. И куда только здешние коты смотрят?!

Раздалось шуршанье, его крысейшество решил проверить, что делает хозяин. Эпинэ позволил взобраться себе на плечо, любуясь окрестностями замка – сегодня Черная Алати

была особенно хороша. Иноходец вообще любил горы, хотя окрестности Сакаци мало напоминали Сагранну и Торку. Здесь не было ни острых, прорывающих облака пиков, ни ледников. Мягко очерченные горы покрывали леса, у самых вершин сменявшиеся разнотравьем. И люди здесь не в пример бириссам и бергерам казались веселыми и открытыми, хотя понимать их было непросто.

Обитатели Сакаци говорили на чудовищной смеси талига и ни на что не похожего местного языка. Правду говорят, в горах в каждом селе свой язык, хотя алатский говор местами напоминает бири, а местами – гоганский. Так, чуть– чуть, отдельные слова, а вот значение не совпадает.

Думать о «барсах» и «куницах» помешал Клемент. Его крысейшество был возмущен – зачем вставать, если не для еды?! Робер погрозил разбуянившемуся крысу пальцем и спустился вниз. Первой навстречу попалась хорошенькая Вицушка, внучатая племянница жены коменданта. Девушка поспешно присела, мило покраснев.

– Гици ²⁶ что-то желает?

– Желает, – Робер на всякий случай прижал Клемента рукой, еще побежит здороваться, а у женщин с крысами как-то не ладится, – принеси вина и сыра.

Вица стрельнула глазками и убежала. Его крысейшество, сообразив, что все идет как надо и скоро здесь будет еда, успокоился и принялся чистить усы, то и дело задевая Робера по щеке. Иноходец ругнулся, снял пискнувшего приятеля с плеча, водрузил на стол, а сам сел в кресло, рассматривая резные фигурки, покрывавшие огромный буфет, – в Алате обожали резное дерево.

– Ваше вино, – Вица подошла ближе, чем было нужно, – ее даже Клемент не испугал. Девушка явно ждала, что ее шлепнут или ущипнут, но Роберу этого не хотелось, по крайней мере сейчас. Талигоец сам налил себе вина и сунул Клементу под нос изрядный кусок сыра. Вица не уходила.

– Что еще желает гици?

Уважающий себя дворянин тут же бы и показал, что он желает, но нынешним утром Роберу никакие девчонки не требовались. Талигоец нахмурился, припоминая какую-нибудь шутку, но его выручил толстый Янош, исполнявший в Сакаци обязанности старшего слуги.

– Сударь, – усы толстяка и те показывали, что он нипочем бы не помешал господину тискать девчонку, когда б не крайняя нужда, – прощения просим.

– Что такое? – с готовностью откликнулся Робер.

– Тут дело такое... Гость приехал, а хозяйка не вставали... И гици Альдо не вставали... А гость не нашенский, мало ли...

– Что за гость?

– Лошадь лучше не придумаешь, а сам дерганый.

– Хорошо, я с ним поговорю, – Робер поставил бокал и взглянул на крыса. Клемент, выбирая между дружбой и сыром, на сей раз предпочел сыр, и Робер его не осуждал. Тем более в закрытой комнате приятелю ничего не грозило. Иноходец хмыкнул и вышел.

– Янош!

– Слухаю, гици.

– Янош, а на что вам тут столько кошек?

– И, гици... То не мы разводим, а они плодятся. Ну и ладно! В дверь кошка, нечисть в окошко... Сколько лет прошло, все путем, а нет-нет да и припомнишь. Особливо к осени.

– А что такое?

– Йой, – усы значительно встопорщились, – жуткое дело было. Но давно, четыреста годков тому, никак не меньше. Аполку, гицу тогдашнюю, полюбовница хозяйская извела, а та вернулась и такого наворотила... Да вы у хозяйки спросите, она знает.

Надо и впрямь спросить, забавно все-таки.

²⁶ Гици (гица) (алат.) – сударь, барин (сударыня, барыня).

- Робер!
- Во имя Астрада, Дикон! Откуда?!

4

– Дикон? Откуда?! – Робер Эпинэ смотрел на Ричарда и не верил своим глазам. Дик тоже не верил, что наконец нашел своих.

- Робер, я...
- Потом! – сильные руки сграбастали юношу за плечи. – Янош, позаботься о лошади герцога Окделла. Дикон, ты голоден?
- Нет, не очень...
- Врешь ведь, – улыбнулся Робер. Он был рад, очень рад, но что он скажет, когда узнает правду?

– Робер, случилось столько всего...

– Не сомневаюсь, но у нас будет время поговорить. Пошли!

Замок Сакаци был большим и красивым. Наверное. Потому что Дик смотрел по сторонам и ничего не видел. Он снова был у Барсовых Врат со сломанной шпагой против бирисса в кольчуге, ночь раздирали алые сполохи, рвался порох, кричали и ругались люди, а потом раздался выстрел, и из багрового сумрака вышел Мишель Эпинэ, оказавшийся на самом деле Робером, единственным уцелевшим сыном маркиза Мориса. Они расстались, не надеясь на встречу, но встретились. У горы Бакна. Это было неожиданно и страшно – связанный пленник, хищные чужие лица, подступившая к горлу тошнота, резкий окрик эра, решение бежать, оказавшееся ненужным, торопливый прощальный разговор... И вот новая встреча, самая счастливая. Была бы счастливой, если б ни его, Дика Окделла, слабость и глупость.

- Робер, ты не знаешь... Что сейчас в Оллари?
- В Оллари? – Эпинэ резко остановился и внимательно посмотрел на Дика. – Это ты меня спрашиваешь?
- Я... Я сейчас из Агариса. Я не знал, что вы уехали, не сразу нашел...
- Понятно. И как ты нас отыскал?
- Мне помог барон Хогберд.
- Он тебе понравился?
- Ну...
- Не понравился и правильно сделал. Хогберд – редкая сволочь, надеюсь, ты ему ничего не рассказал?
- О чем?
- Откуда мне знать.
- Я просто сказал, что ищу Альдо Ракана.
- Не меня?
- Ну... Я боялся повредить твоим родичам.
- Эпинэ уже ничто не повредит, – махнул рукой Робер. – Заходи, располагайся. Здесь я живу.

В окна вцепился дикий виноград, на ковре валяется раскрытая книга, постель сбита, у изголовья – бутылка вина. В кабинете Рокэ тоже были вино и книги. И еще гитара...

- Садись, кому говорят! Значит, ты все-таки удрал?
- Если бы! Он приехал на деньги Ворона и на его лошади, у него в порядке все бумаги, он путешествует по поручению Первого маршала Талига.

– Я не удирал. Хотел, но...

Робер ждал ответа. Дик, оттягивая разговор, зачем-то полез в карман и нащупал треклятое кольцо. Его надо вернуть, никуда не денешься. Юноша вытащил перстень и протянул Иноходцу.

– Что это? – Робер с неподдельным удивлением смотрел на алые искры.
– Это... Это твое... Перстень Чести рода Эпинэ, он сделан еще при Раканах, – Дик нажал золотой зигзаг, кольцо открылось. – Тут был яд. Если женщина рода Эпинэ вела себя недостойно...

Робер молчал, и Дик осторожно положил кольцо на стол. Страшная вещь.

– Я не слышал, чтобы кто-то из моих родичей поил женщин отравой, – тихо сказал Робер. – Я вообще не слышал, чтоб в нашей семье водились отравители. Дураки, это да, это бывало, но отравители...

– Эр Август говорил, это кольцо Эпинэ...

– Кансилльер мог ошибиться. Откуда ему знать о том, что было до Франциска? Штанцлеры в Талиге недавно. Ладно, Дикон, хватит об этом.

– Робер, ты... Ты не возьмешь кольцо?

– Нет.

– Что же мне с ним делать?

Робер ненадолго задумался.

– Знаешь что... Мы его продадим, деньги тебе не помешают.

– У меня есть деньги, – торопливо сказал Ричард.

– Рокэ продолжает швыряться золотом, – улыбнулся Эпинэ. – Чего он хочет?

– Хочет?

– Ну, если ты не удрал, значит, тебя прислал Ворон.

Робер Эпинэ не сомневался, что оруженосец привез послание от своего эра. Святой Алан, а что еще думать, если Ричард Окделл разъезжает по Агарии и Алату с подорожными, подписанными Первым маршалом Талига?

– Ну же, Дикон, – Робер улыбнулся, – не бойся. Что бы ни велел передать Алва, ты только посланник. И забери меня Леворукий, если я оскорблюсь или упаду в обморок.

В семье Эпинэ не было отравителей... Робер и помыслить не может, что сын Эгмонта поднял руку на человека, которому присягнул.

– Робер, – начал Ричард, но их прервали самым решительным образом. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались решительного вида чернокудрая дама и высокий улыбающийся парень.

– Ну, – выпалил он с порога, – где мой верный вассал?

– Монсеньор, – пролепетал Дик, лихорадочно соображая, что говорить.

– Я тебе покажу «монсеньора», – засмеялся вошедший. – Я Альдо, а будешь называть меня иначе – отрублю голову. Когда стану королем.

– Ты стань им сначала, – пророкотала брюнетка, – и вообще, не морочь мальчишке голову. Тебя зовут Ричард, я знаю. Я бабушка этого обалдуя, пока можешь называть меня сударыня, а потом разберемся.

Дик смотрел на людей, о которых столько слышал. Они были еще лучше, чем он себе представлял. Альдо – настоящий принц, красивый, отважный, благородный, а знаменитая Матильда и вовсе чудо. И она не была старой. Матушка в своей серой вуали выглядит старше ее высочества. И Робер, Робер, который стал его другом в Сагранне, какие они все чудесные, и что он им скажет? Что пытался отравить Алву, а тот вышвырнул его из Талига, как паршивого котенка.

– Молодой человек, – рявкнула принцесса Матильда, – кончай жаться, твою кавалерию! Робер, Альдо, тащите вино! А то, пока он не выпьет, будет стенку ковырять!

Робер подмигнул Дику и исчез за дверью. Раздалось шуршанье, и на стол по скатерти взобралось что-то серое. Крыса! Неужели та самая?

– Это Клемент, – заявила принцесса, – приятель Робера.

– Мы знакомы, – нерешительно произнес Дик. Разговор о Рокэ и Талиге откладывался, и юноша облегченно перевел дух. Он все расскажет, но позже.

Глава 9

Деормидский залив

«Le Cinq des Épêes & Le Six des Bâtons & Le Chevalier des Épêes» 27

1

Капитан Луиджи Джильди поднял трубу, рассматривая бордонско-гайифскую эскадру. Десять галеасов и несколько десятков галер расположились словно у себя дома, ублюдки эдакие! С вершины Аллистады открывался прекрасный вид на Деормидский залив до Монти-Остро и дальше. Впереди на неподвижной свинцово-серой воде лежало двойное ожерелье из галер и галеасов, а под ногами Луиджи виднелось горло Фельпской бухты с затаившейся «Справедливостью» и четырьмя малыми галерами прикрытия, которым предстояло подобрать испугавших свои провинности каторжников. Луиджи дорого бы дал за то, чтоб оказаться на «Справедливости», но талигоец был неумолим. На галере пойдут только освобожденные преступники. Присутствие офицера они могут расценить как знак недоверия. Отец же в ответ на просьбы сына лишь рывкнул, что его дело – исполнять приказы и не лезть, куда не просят, сам же он не лезет...

В глубине души Луиджи не сомневался – родитель мечтает о том же, что и сын. Вернее, почти о том же. Больше всего на свете адмирал Фоккио хотел поквитаться с «Морской пантерой». Капитан не сомневался, что отец не успокоится, пока не отомстит за свои галеры. Луиджи хотел того же, и еще он хотел найти черноглазую девушку, сопровождавшую Зою Гастаки. Сын адмирала видел ее всего несколько минут, но успел понять, что другой такой нет и быть не может. Если морской бог будет милостив, он обязательно встретит свою красавицу, только бы талигойцу удалась его затея!

Капитан Джильди навел трубу на возделенный галеас, крайний во втором, внешнем ряду. На «Пантере» все было спокойно, украшенный вздыбившейся кошкоровой нос смотрел в сторону Монти-Остро, из-за которой к осени вынырнут талигойские парусники. «Дельфины» полагают, что мачты они заметят издалека, ну-ну...

Скрывшие небо облака лишь усиливали проклятую жару – отсутствие солнца с успехом замещала духота, не исчезающая даже ночами. Луиджи очень надеялся, что бордонские вахтенные злятся на весь белый свет, а не таращатся на фельпские скалы. Капитан не удержался и глянул вниз, на «Справедливость». Сколько каторжников уцелеет после безумного броска? Полсотни? Три десятка? Джильди страстно хотел оказаться на брандере, но с талигойцем не поспоришь. Алва был кругом прав, и все-таки смотреть в спину уходящим всегда обидно.

– Как бы они с секретом не напутали, – громовой шепот заставил молодого моряка вздрогнуть. Ну разумеется, Уго Варотти! Младший боцман отличался недюжинной силой, чудовищным басом, но не сообразительностью. С утра ему приказали говорить тихо, и он говорил. Как мог.

– Спокойно, Уго, на «Справедливости» есть толковые люди. Они все сделают как надо.

Сделают ли? Вдруг напутают и сорвут печати раньше времени. Глупости, тут ребенок и тот не ошибется. Но каков Алва – рискнуть секретом, за который Гайифа выложит горы золота.

Джильди видел плоский изящный ящичек. Стоит сорвать печати – и через восемь с половиной минут взорвется весь порох, находящийся ближе, чем в сотне бье от выдумки генерала Вейзеля. Правда, он должен храниться в мешках или в чем-то деревянном. Луиджи побывал в трюме «Справедливости» и лично уложил друг на друга бочонки с лучшим

27 Пятёрка Мечей, Шестёрка Посохов и Рыцарь Мечей.

порохом. Потом вниз спустился Вейзель, все осмотрел и запечатал своей печатью. Он был последним посторонним на галере. Каторжники выбрали себе капитана – одноухого Лоренцо. Он кажется хорошим моряком и честным человеком. Талигоец обещал дать каждому уцелевшему по сотне талов, они с отцом прибавят еще по сотне, и все равно смотреть, как другие уходят на смерть, стыдно!

«Справедливость» вразнобой шевельнула веслами, гребцы занимали свои места, задрожала и поползла вверх якорная цепь. Ожили и четыре замаскированные под брандеры посудины: если они не оплошают, то успеют подобрать бросившихся за борт, а дальше как карта ляжет. Таранить брандер никто в здравом уме не станет, но свою порцию ядер и бомб спасатели получат. Капитан перевел взгляд на ближайший галеас. «Вечный воин»... Не пройдет и часа, как бордон отправится в Закат постигать эту самую вечность, а эскадра развернется к бухте, ожидая следующего подвоха.

– Сударь, – проревел Варотти, – сударь, дозволейте спросить, мы не припозднимся? Эти вон небось выйдут.

– Нет, – бросил Луиджи и невольно усмехнулся. «Влюбленной акуле» еще ждать и ждать. Укрывшиеся в бухте галеры вступят в бой последними.

– Выходят, – изнывал боцман, – только этих зубаньих хвостов здесь не хватало! Как есть нагадят. Че ж вы не отговорили синеглазого-то? Чего он в каторжных мордах понимает? Гады они...

– Помолчи! – прикрикнул Джильди. Не объяснять же туповатому служаке, что каторжники тоже фельпцы, а в беду может угодить каждый. Жаль, Уго не слышал талигойца и не видел, как горели глаза каторжников. Отец, тот сразу спелся с Алвой, а Луиджи до позавчерашнего дня его недолюбливал. Иноземный маршал казался высокомерным и циничным, но это было маской, которую чужак сбросил на каторжном дворе...

– Есть помолчать, – отрапортовал Варотти и добавил: – Никак пошли, убивцы эдакие, помогай им Создатель.

«Справедливость» медленно и осторожно, словно лиса из норы, высунулась из каменного горла. Ей предстояло, прижимаясь к береговым скалам, поравняться с «Вечным воином», резко развернуться и броситься на добычу. Из неказистой на первый взгляд галерки, по словам мастера Уголино, можно было выжать до трех нудо ²⁸, но бывшие каторжники насилиу вытягивали два с хвостиком ²⁹.

Луиджи сжал кулаки – теперь остается только молиться и ждать. Брандер вновь появится в поле зрения, только когда бросится в атаку. Разрубленный Змей, хоть бы ветерок подул! Нет, он воистину придурок: штиль – их союзник, штиль и серые тяжелые облака.

– Что делают, гады! – рявкнул позабывший о необходимости соблюдать тишину Уго. – Что делают... их за ногу через пушку под... и сверху!

Луиджи торопливо поднял трубу и увидел «Справедливость». Она была совсем не там, где ей надлежало быть, совсем не там! Очень медленно, давая себя рассмотреть, брандер полз по гладкому серому морю, и на мачте его трепыхался серый флаг.

– Стрелить бы их сейчас, сукиных детей, – пробормотал Уго. Это было бы неплохо, но предатели знали, где повернуть. «Справедливость» вылезла там, где от стерегущих горло бухты пушек ее прикрывала пятнистая Коровья скала. Сделать было ничего нельзя, оставалось наблюдать, как на галерах внутреннего ряда засуетились лазоревые фигурки, затем бухнула пушка, от основной эскадры оторвались две галеры и рванулись к «Справедливости» со всей скоростью, на которую были способны. Каторжники остановились, беспомощно подняв весла и явно давая понять, что не собираются ни бежать, ни сопротивляться.

²⁸ Около девяти узлов.

²⁹ Около семи узлов.

– Предатели, – Муцио Скварца от возмущения аж задохнулся, – подлые предатели!

Рокэ поднял зрительную трубу и какое-то время созерцал происходящее. На породистом лице не читалось ничего, кроме ленивого любопытства. Вот это самообладание! Марсель едва не заорал во весь голос, когда галерные рабы, которых избавили от цепей, предали своих избавителей и перебежали к врагам. Подлецы. Подлецы и мерзавцы! Рокэ опустил трубу и потянулся.

– Муцио, утешьтесь тем, что в данном случае у нас совершенно чистая совесть. Мы дали заблудшим овцам шанс. Сдержи наши каторжные друзья слово, они получили бы не только свободу, но и золото. Увы, грешники предпочли броситься в объятия врагов своего отечества. Что ж, это их право и их выбор. Некоторые свое отечество терпеть не могут...

– Не понимаю вашего проклятого спокойствия. Все летит к Леворукому, а Титус с Кимарозой нас со свету сживут. Если мы, разумеется, вернемся. О том, что «дельфины» узнают секрет Вейзеля, я молчу.

– Вейзель нас простит, а все тайное рано или поздно становится явным, – пожал плечами Алва. – Любопытно, о чем сейчас думает бордонский адмирал.

– Что ему повезло, а мы с вами оказались слепы, как топоны ³⁰. Проклятье, как представлю себе рожу Кимарозы!

– Я б на вашем месте представил себе что-то более приятное. Возлюбленную там или розовую киркореллу. О, глядите-ка, причаливают, или как это у вас называется?

«Справедливость» и конвоирующие ее галеры уже добрались до флагманского галеаса. Валме с отвращением наблюдал, как корабль-изменник, отведя весла, словно крылья, назад, подходит вплотную к высокому борту. Виконт глянул на Рокэ – тот невозмутимо созерцал происходящее, хотя ему наверняка было досадно. А еще говорят, Алва видит всех насквозь, над всем издевается и никому не верит.

Марселю стало жаль просчитавшегося герцога, и он торопливо отвел глаза. После этакой подлости и впрямь впору стать человеконенавистником, а уж какой вой поднимут на берегу! Муцио прав, этот просчет им не забудут, даже если он будет единственным.

Раздавшийся грохот вернул виконта на грешную землю, вернее, в море. На месте предавшего брандера клубился огненный смерч, в котором угадывались какие-то обломки и человеческие фигурки, и это было только начало! Огненные кони перемахнули на галеры сопровождения и бордонский флагман, уши виконта заложило от череды взрывов, причем каждый последующий был сильнее предыдущего.

Горящие обломки летели во все стороны и ливнем рушились вниз, борта флагмана развалились, горящая палуба неожиданно и глупо прыгнула вверх, на лету лопнула, и к серому небу вскинулась огненная стена. «Справедливость» и три бордона слились в единый закат, а спокойная водная гладь словно взбесилась: рожденные взрывами водяные холмы для начала столкнулись, разлетевшись хлопьями пены, а затем помчались в разные стороны, настигая друг друга и образуя водовороты.

Там, где минуту назад возвышался бордонский флагман, крутилось что-то несусветное, волоча обломки мачт, весел, кусков обшивки, сам же корабль исчез, и с ним вместе исчезли брандер-убийца и две сопровождавшие его галеры. Еще одна, оказавшаяся поблизости, сорвалась с якорей и налетела на другую, проломив фальшборт и переломав весла. Каторжники сдержали слово! Нет, они сделали больше, много больше! Отправили в Закат флагман и погibli. Все до одного, потому что выжить в разверзшемся аду не мог никто!

³⁰ Животное, напоминающее крота, но размером с небольшую собаку и коричневого цвета. Живет под землей, питается корнями растений, а от врагов защищается при помощи пахучей железы.

Проклятье! Тысяча проклятий! Закат и все его твари! Якорь в задницу дураку Пасадакису! Она сразу поняла, что дело нечисто, а этот мужлан слопал приманку и не чихнул. И что вышло?! Флагман и две галеры взлетели на воздух, а «Алая роза» протаранила «Гончую смерти», и все из-за тупиц-капитанов. А другие небось раззявили рты и напустили полные штаны! Чего еще от них ожидать?!

Зоя Гастаки одернула лазоревый камзол и проревела:

– Поднять флагманский штандарт! Принимаю командование над эскадрой.

– Госпожа, – разинул пасть Спиро, – госпожа! После адмирала Пасадакиса старший капитан-адмирал Ватрахос.

– В акулю задницу Ватрахоса! – Ватрахос?! Какой Ватрахос? Этот придурок еще тупей Пасадакиса! – Гром и молния! Поднимай флаг, якорь тебе в задницу! Поликсена!

Поликсена уже бежала, держа в руках шитый золотом флагманский штандарт, заботливо припасенный Зоей. Пасадакис был достаточно глуп, чтоб погибнуть, и капитан Гастаки заранее приняла меры, но она не ожидала, что тупица освободит место так скоро!

Флаг с коронованным дельфином рывками пополз вверх, а пушки правого борта разом выстрелили, привлекая внимание эскадры. Зоя Гастаки приняла командование.

– Мой капитан, – захлопала глазами Поликсена.

– Адмирал! – рявкнула Зоя. – Адмирал, проглоти тебя сардина!

– Мой адмирал, – у дурехи глаза на мокром месте. Нашла время! Нет, положительно у пигалицы совершенно не воинский вид, а адъютантом адмирала может быть и тенъент. Вечером она возьмет себе Агапэ, уж ее-то олененком не назовешь! А Поликсене найдем что-нибудь полегче и побезопасней, а то мало ли...

– Чего?

– Мой адмирал... Ватрахос тоже... поднял флаг. И еще Зорба!

Из горла Зои вырвалось рычание. Еще немного, и она бы приказала «Пантере» открыть огонь по «Сердцу Волн», на котором засел подлый Ватрахос, но кошкин сын Спиро завопил дурным голосом:

– Еще брандеры!

И впрямь, из бухты выскочили четыре малые галеры! Зоя сплюнула, лихорадочно собираясь с мыслями. Происходящее ей не нравилось, совсем не нравилось! Фельпский адмирал, сожри его акула, воюет не по правилам! Кто же бросает в бой только брандеры?!

– Мой капитан, – рожа Ксантиппы была зеленой, тоже мне, старший тенъент! – Мой капитан... Они нас сожгут!

– Дура! – Зоя отвесила трусихе оплеуху. – Ты на войне, а не в погребе!

Ксантиппа, продолжая завывать, отлетела к борту, налетев на Ариадну с Латоной, те обнимались, но хотя бы не вопили! А еще Поликсена! И чего уставилась?!

– Мой адмирал!.. Мой адмирал, мы их отгоним?

– Заткнись!

На юте взвыла труба, внизу зло и часто заухал барабан. Галеас дернулся – Спиро, кошащее отродье, не дождавшись приказа, приказал поднять якорь и развернуться бортом к брандерам. Дуболом прав – брандеры нужно топить на расстоянии, не дожидаясь, когда тебя отправят к Пасадакису. Это даже морскому ежу ясно, а боцман все ж поумнее, но после боя она ему покажет самоуправство! Дело Спиро – повиноваться, а не самовольничать. Сейчас, допустим, он угадал! А в следующий раз? По милости этого недоумка кормить омаров?!

– Поликсена! Приказ гребцам и канонирам. Разворачиваемся и открываем огонь!

«Морская Пантера» изготовилась к бою – брандеры подойдут на выстрел и отправятся в Закат. Зоя одернула камзол (проклятье, вечно он топорщится) и проверила, как ходит в

ножнах абордажная сабля. Если Спиро посмеет первым скомандовать «Огонь», она своими руками отправит его к зубанам!

4

В десять утра на нос флагманского ызарга прыгнул Дерра-Пьяве.

– Арчини пошел! – весело проорал коротышка. Судя по всему, говорить тихо он не умел.

– Молодец, – кивнул Муцио Скварца, – сейчас он их развернет!

– Должно быть, прелюбопытное зрелище, – Рокэ поправил стягивающую волосы косынку.

– Монсеньор, – Скварца выглядел несколько смущенным, – не лучше ли вам и вашим людям сойти на Монти-Остро?

– Хуже, – отрезал Алва, – впрочем, погодите! Марсель, Герард, вы умеете плавать?

– Да, монсеньор! – юный Арамона хотел что-то добавить, наверняка попросить оставить его на борту, но сдержался.

– А вы, Марсель?

– Разумеется. У меня нет ни малейшего желания пугать здешних киркорелл.

Проклятье, зачем он врет? Глупость какая.

– Отлично, мы остаемся.

– Но...

– Успокойтесь, Муцио, это не первый абордаж в моей жизни.

– Разрубленный Змей! – Дерра-Пьяве от восторга хлопнул себя по бедру. – Здорово вы нас надули! Не моряк, не моряк...

– Я и впрямь не моряк, – засмеялся Алва, – и понятия не имею, что делать с этими вашими галсами и узлами. Вот абордаж – это по мне!

– Прошу простить мое любопытство, – церемонно произнес Скварца, – где и с кем вы ходили?

– О, далеко от здешних мест, – Алва неопределенно махнул рукой, – и очень давно... «Каммориста»...

– «Императрикс»?! – выдохнул Дерра-Пьяве.

– Да, – кивнул Алва, – а позже – Тременда... Теньент Рубен Аррохадо к вашим услугам.

– Что б я лопнул! – маленький капитан задыхался от восторга. – «Каммориста», раздери меня ... на ... к зубаньей бабушке!

– И вы молчали! – в голосе Муцио был укор.

– Мы с Альмейдой не афишировали мое присутствие, – синие глаза подернулись дымкой, – собрано Алваро нас бы не понял. Потом, увы, мне стало не до моря, но я рад тряхнуть стариной.

– Разрубленный Змей! – Дерра-Пьяве разве что не плясал. – Человек с «Каммористы» на моем корабле! Ну, теперь удаче не отвертеться! Ох и зададим мы «дельфинам»!

– Вы б и так задали, – Алва вытащил из-за пояса фляжку, хлебнул и передал капитану. – За удачу и морского бога!

– За удачу! – коротышка присосался к угощению, став еще счастливей, чем минуту назад, хотя это было трудно!

– За удачу, – Скварца принял изящную вещицу из капитанской ручищи. Молодой адмирал был серьезен и немногословен, и Валме вновь стало неуютно. Он дурак, но отступать поздно. Ничего, может, эта «Каммориста» и впрямь приносит удачу. Виконт взял протянутую ему фляжку и молодецки хлебнул. Вино! И отменное, хотя иного у Ворона не водится!

– За удачу! – под руку подвернулся старший канонир, Марсель сунул выпивку ему и

внезапно заметил витиеватую надпись: «Каммориста, 383». Канонир благоговейно принял реликвию. Не пройдет и пяти минут, как весь ызарг узнает, что Рокэ Алва был среди четырех сотен безумцев, отправившихся на охоту за «Императрикс» и добывших-таки капер-призрак. Но кто б подумал, что Рокэ когда-то кого-то боялся, хотя б и отца. Впрочем, про собрано Алваро рассказывали всякое.

– Пора, – тихо сказал Муцио. И тут же раздался ликующий рык Дерра-Пьяве, и над кораблем взметнулся черный флаг с кривоногой волосатой змеюкой и огромной единицей. Матросы бросились выбирать якорь, грянули литавры, загребные навалились на весла. «Первый» выскочил из укрытия и понесся на развернувшихся к Арчини бордонов.

– Боцман!

– Здесь боцман!

– Быстрее!

Отбивающие такт литавры заухали чаще, весла в уключинах заворочались живее, раздался отвратительный скрежет.

«Ызарг» шел ровно и стремительно, так стремительно, что кормовой флаг с кривоногой тварью реял, словно на ветру. Расстояние между фельпцами и лихорадочно разворачивающимся в обратную сторону врагом стремительно сокращалось.

– Боцман, – ревел Дерра-Пьяве.

– Здесь боцман!

– Фитили запалить!

– Фитили горят.

– Готовься!

Канониры вцепились руками в лафеты, ожидая последней команды.

– Идемте, Марсель, – бросил Рокэ, – наше дело абордажное, на носу нам делать нечего.

Валме кивнул. В брюхе детища мастера Уголино было еще жарче, чем снаружи. Еще бы, в наспех сколоченную лоханку набилась уйма народа. Марсель угрюмо оглядел гребцов и абордажную команду. Наверняка плавают как рыбы, а он не то чтоб совсем не умеет, но предпочел бы не тонуть. И чего это его разобрало?! Ведь можно было остаться! Но теперь никуда не денешься, придется пить до дна!

С гребцов лил пот, галерный юнга и неизбежный Герард метались между банок с ведрами и кружками; абордажники обливали загребных морской водой. Казалось, весь мир заполнили удары литавр, скрип уключин и ритмичные крики:

– Весла – ать! Весла – сушить! Весла – ать! Весла – сушить!

5

В море творилось Леворукий знает что, но Карло Капрас Леворуким не был. Не был он и моряком, однако селедка – и та бы поняла, что Пасадакис проспал все на свете. Ставший привычным строй галер и галеасов был смят, по взбаламученному заливу плавали какие-то обломки...

– Что происходит? – дурацкий вопрос. Откуда пехотному офицеру знать, что учудили моряки?

– Точно неизвестно, господин маршал, – коронель Микис Гурунопуло выглядел растерянным. – Что-то взорвалось, поднялась волна и разбросала корабли, а две галеры столкнулись.

– Не было печали! – Капрас с ненавистью глянул на полосатую скалу, где устроили наблюдательный пост. Лазать по камням маршал не любил, но надо же посмотреть – чужие глаза своих не заменят.

Главнокомандующий объединенной армии вполголоса выругался и полез вверх. Кто же взорвался? Хорошо бы Зоя! Если это и впрямь она, маршал Капрас простит короле все, тем более она изрядно его выручила в истории со стеной. Карло отписал в Бордон, что был

вынужден предпринять штурм под давлением сестры дожа Гастаки, каковая ссылалась на требования брата. Если стерва потонула, на нее можно будет свалить еще больше, хотя это было бы слишком хорошо! Любопытно, что у «дельфинов» стряслось, наверняка какой-то урод полез в кюйт-камеру с открытым огнем.

От размышлений Капраса отвлёк мчавшийся навстречу тенъент. Бездельники залюбовались взрывами и лишь теперь вспомнили, что положено докладывать старшим.

– Что случилось? – рявкнул Карло.

– Господин маршал, – посланец был бледен, как полотно, – эскадра атакована неопознанными судами странного вида!..

Маршал бросился наверх, на ходу вытаскивая зрительную трубу. С площадки открывался прекрасный вид на бухту и то несусветное, что носилось меж галерами и галеасами. «Странного вида» – это было мягко сказано! Серые, шипастые, лишенные мачт уродцы плевались ядрами и нагло пытались протаранить противника, а здоровенные корабли вертелись, как слоны на сковородках, стараясь не подпустить к себе непонятных паршивцев.

Это было странным: Капрас при всей своей сухопутности знал, что борт галеаса никакому ядру не пробить, зато плавающая крепость с ходу раздавит любую галеру. Маршал поймал в окуляр разворачивающийся корабль и сплюнул. «Пантера», цела-целехонька, чтоб ее! Мало того, на мачте флагманский флаг! Зоя что, вконец сдурела? И где, Леворукий его возьми, Пасадакис?!

Беглый осмотр галеасов показал, что адмирал, скорее всего, кормит зубанов. Затем маршал заприметил еще два флагманских флага и расхохотался. Морская корова захотела в адмиралы, как же, разбежалась! Чьи же это корабли? Ватрахос, это понятно, а кто второй? Спирос? Вроде нет... Маршал подкрутил колесико окуляра, стали видны лазоревые фигурки. Одни метались по палубам, другие лежали неподвижно. Убиты? Бред! На галеасах люди гибнут редко. В прошлом сражении отправилось в Закат с полсотни надорвавшихся гребцов, и все!

Маршал зазевался и не заметил, как на палубе одной из галер вспыхнул огонь. Дурак канонир случайно поджег порох? Но что тогда творится с гребцами на соседней галере? И еще на одной!

Вывод был очевиден, но иногда не верить своим глазам проще, чем верить. Капрас опустил трубу и оглянулся на растрепанного Сфангатиса.

– Николаос, вам не кажется, что «серые» ведут навесной огонь?

– По-видимому, – подтвердил начальник штаба. – Мортира может стать весьма действенным средством против галеасов, хотя точность стрельбы вызывает удивление.

– Николаос, вы даже исповедуетесь казенным языком?

– Я давно не исповедовался, – совершенно серьезно ответил начальник штаба, – и это серьезное упущение. Я надеюсь его исправить сегодня же, ведь адмирал Пасадакис предстал пред высшим судом без исповеди.

Глава 10

Деормидский залив

«Le Quatre des Épées & La Dame des Bâtons & Le Valet des Bâtons» 31

1

Литавры продолжали отбивать такт – тройки моряков делали вдох и поднимали валеж,

³¹ Четверка Мечей, Королева Посохов и Паж Посохов.

весло опускалось в воду, гребцы откидывались назад, «ызарг» рвался вперед. Обнаженные спины взмокли от пота, из глоток вырывался то ли хрип, то ли рычание. Воистину – каторга, но матросы с потопленных бордонами галер взялись за весла добровольно! Марсель подумал, что его мстительность так далеко не зашла бы.

Мимо пронесся Герард со своим ведром. Мальчишка вовсе забежался, светлые волосы прилипли ко лбу, но расстаться с мундиром было выше его сил. Не то что Рокэ! Полуодетый Алва с туго стянутыми косынкой волосами и с двумя клинками у пояса вполне мог сойти за багряноземельского корсара. Валме представлял морисских головорезов именно так, но проверять свою правоту на личном опыте не имел ни малейшего желания. Он и так наделал глупостей, связавшись с кэналлийцем. Ворон морискилле не товарищ!

Пока, впрочем, все было в порядке, если, разумеется, не считать жару и заполнившие корабль ароматы! Валме задышался в кислой пороховой вони, перемешанной с запахом пота и плохо выделанных кож. Виконту очень хотелось пройти на нос, где и дышать было полегче, и можно было оглядеться, но его место было рядом с Рокэ, а Первый маршал Талига невозмутимо сидел среди абордажников – ни жара, ни вонь его не трогали.

По кожаной броне то и дело что-то било, и Марселю это ужасно не нравилось. А вдруг «дельфины» не поверят, что торчащие из брони кольца вымазаны ядом? Конечно, прыгнуть на «ызарг», ни на что не напороться и не свалиться сможет разве что акробат. И все равно абордаж виконта совершенно не вдохновлял.

На носу, или как это называется у моряков, взвыла труба.

– Ложись! – проорал капитан.

– Сейчас как долбанем! – весело шепнул щербатый абордажник, растягиваясь на смоленых досках. Валме плюхнулся рядом, в очередной раз проклиная себя за неуклюжесть и несусветную глупость. И чего ему понадобилось в этой мышеловке? Чего ему вообще понадобилось на войне? Если на то пошло, в отчем доме не так уж и скверно, по крайней мере там не утонешь.

– Правый! Весла вдоль! – рявкнул боцман. Гребцы согласно дернулись, прижимая весла к борту. Сверху вновь застучало – часто-часто, словно град. Литавры вовсе взбесились, хриплые выдохи гребцов напоминали о висельниках. «Ызарг» вздрогнул, раздался жуткий хруст, растянувшийся на целую вечность. Если б они не лежали, точно бы повалились друг на друга!

Марсель с опаской глянул направо, ожидая, что там окажутся жуткие пробоины, но увидел лишь уключины, в которых ворочались весла, и кусочки света прорезанных в броне амбразур. Смолкшие было литавры вновь взяли за свое, щербатый, поднимаясь, придавил Валме полу мундира. Снять? Жарища, как в преисподней!

Приглушенно рявкнули носовые орудия, запели дудки, весла сбились с ритма и надсадно закрипели. Валме понял, что «ызарг» разворачивается. Сколько это еще продлится? Закатные твари, он сейчас околеет!

2

Из-за Монти-Остро выскочило нечто серое, низкое и колючее! И не одно! Зоя подняла трубу, разглядывая невесть откуда взявшиеся чудища. Вблизи они оказались еще гаже! Наверняка мориски: честные эсператисты на такую погань не полезут, хоть режь их! Негодяи шустро приближались, стали видны черные флаги с огромными цифрами и какими-то тварями, похожими на змей с ногами. Флаги развевались, и твари извивались, словно живые! Мерзость!

Запела труба сигнальщика, и «Пантера» начала разворачиваться бортом навстречу серой пакости! Дурак Спиро! Эта дрянь против галеаса – тьфу, а он из-за нее задницу брандерам подставляет.

– Поликсена!!!

– Мой адмирал, – шлем съезжал девке на глаза, и она отчаянно трясла головой.

– Разворачивай назад. Наше дело – брандеры!

Поликсена замахала ручонками и умчалась. Зоя обеспокоенно глянула на поджигателей. Проклятые галеры по-прежнему болтались под прикрытием береговых батарей! Мерзавцы, это они нарочно! Ждут, когда эскадра заглядится на плоских уродов! Как бы не так! Она не на кошке скачет! Пусть Ватрахосу подпалят задницу, не жалко. А она не поддастся!

«Пантеру» потрянуло, раздался скрежет – огромный галеас возвращался на прежнюю позицию.

– Мой капитан!

– Адмирал, твою... – взревела Зоя, – адмирал!

– Мой капитан, – глаза Спиро зло блеснули, – брандеры не настоящие, они просто пугала!

– Дурак! Что ты понимаешь?!

– Мой капитан...

– Я приказываю! – сестра дожа топнула ногой. – Я! Убирайся, якорь тебе в задницу! Не уймешься – повешу!

На палубу грохнулась граната, завертелась. Спиро саданул Зою по колену, капитан кубарем покатила по смоленным доскам, что-то гроыхнуло, над головой свистнуло. Боцман вскочил и с воплем:

– Разворачивай, зажри тебя зубан! – помчался на гребную палубу. Зоя, проклиная все на свете, бросилась к борту и увидела, как серая тварь, плюнув огнем, развернулась и рванула вдоль «Бордонского льва», ломая ему весла боковым тараном. Слишком близко для больших орудий, а мушкетные пули не причиняли гадине никакого вреда. Закатные твари, Спиро был прав! Пока они дергались, гады ворвались в строй эскадры, вообще не попав под обстрел.

Тварь обогнала галеас Зорбы, на борту которого что-то рвануло, и бросилась на «Меч Бордона». На «Мече» тревожно взревели трубы, подгоняемые кнутами гребцы налегли на весла, грянул выстрел, тварь ответила, на галере запылало. Горящий корабль скрылся за Зорбой, бестолково болтавшимся на взбаламученной воде – весла правого борта были сломаны и перепутаны! Так и надо! Захотел во флагманы?! Получи!

Из-за «Счастливой звезды» выскочили аж три твари, встречая врага, ухнули пушки «Пантеры». Вразнобой. Тоже мне, канониры! Придурки косорукие! Одно ядро шлепнулось между гадами, второе срикошетило от воды, садануло по серому чуть выше ватерлинии и отскочило, а невредимая тварь только наддала ходу.

Прискакала Ксантиппа, теперь рожа первой помощницы была красной.

– Зоя!

Ну и дура! Вовсе обалдела со страху!

– Адмирал! Слышишь, ты?! И утри слюни!

– Зоя! Это нечисть... Мы утонем. Нужно сдаваться!

– Что? – рывкнула Зоя. – Не слышу!

– Сдавайся! Серый флаг ³²... Иначе конец!!!

Зоя выхватила пистолет и разрядила в орущую пасть.

– Поликсена!

Проклятье, где эта козявка?!

– Поликсена!!!

– Мой адмирал!

– Найди Агапэ! Пусть возьмет десять, нет, двадцать солдат. Трусов и предателей убивать на месте.

³² Серый флаг в эсператистских странах означает готовность сдаться на милость победителя.

Над головой свистнуло. И еще, и еще... Совсем рядом прозвучал взрыв, сверху посыпалась какая-то дребедень. «Пантера» начала рыскать, ядра пропали зря. Уворачиваясь от сухого дождя, Зоя оступилась, грохнулась на палубу, сверху навалилось что-то худосочное. Закатные твари! Поликсена! Сбесилась?!

Протопали чьи-то ножищи, один за другим ахнули два выстрела. Зоя Гастаки отшвырнула вцепившуюся в нее дуреху и поднялась, занял правый бок. На мгновение пальба прекратилась. Стало слышно, как Спиро гонит канониров к пушкам.

– Мой адмирал! Вы не ранены?

Девчонка пыталась прикрыть ее собой! Этого еще не хватало!

– Тысяча акул, моя пуля еще не отлита! А вот ты б, укуси тебя сардина, поосторожней, ты мне живой нужна.

Поликсена счастливо улыбнулась, ее шлем съехал на самый нос. Котенок эдакий!

На борту Зорбы рвался порох, мачта и снасти уже горели, лишенный половины весел галеас болтался как цветок в луже. У мачты закрутилась, плюясь огнем, бомба. Матрос набросил на бомбу мокрую шкуру. Не забыть его наградить – из жалованья Ксантиппы.

Зрительная труба куда-то задевалась, а палубу и море затягивал пороховой дым. Спиро привел канониров в чувство, теперь били все пушки «Пантеры». Украдкой потирая правый бок – еще подумают, что она ранена, – Зоя глянула вправо. Там крутилась воронка, в которой мелькали обломки, чуть дальше галеас Ватрахоса добивал серую тварь. Выкрутился! Зоя сплюнула.

3

Теперь говорили орудия с обеих сторон. На «Красе Бордона», «Пантере», «Страстном пилигриме» было немало хороших пушек и умелых канониров. Первые ядра либо падали в море, либо отскакивали от колючих серых шкур, но твари обнаглели, за что и поплатились. «Сердце волн» дождался, пока чудища подойдут на пистолетный выстрел, и лупанул из всех пушек правого борта. Несколько ядер пробили борт чуть выше ватерлинии, без сомнения, уложив невидимых гребцов, и тут же канониры с «Пилигрима» зацепили еще одного мерзавца. Понемногу все приходило в порядок, хотя бомбы и ядра продолжали громить эскадру, она больше не напоминала стадо овец, на которое напали мелкие степные волки.

Капрас повернулся к начальнику штаба:

– Что скажете?

Сфангатис пожевал губами и неторопливо произнес:

– Насколько я понимаю, то, что мы видим, – новое слово в морской стратегии. Кто-то весьма удачно перенес на воду то, что Рокэ Алва применил на суше во время прошлогодней кампании на Дарамском поле. Не исключая, что по совету самого герцога. Он слишком деятельный человек, чтобы просто дожидаться подхода талигойской армии.

– Не могу сказать, что это меня радует, – буркнул Капрас.

– Но это оправдывает нас, – Николаос Сфангатис опустил трубу. – Когда вы и я соглашались принять экспедиционный корпус, нам не сообщили, что оборону Фельпа возглавит Первый маршал Талига. Мы это узнали совсем недавно, причем от наших людей в городе. Не удивлюсь, если его величество до сих пор уверен, что Алва появится не раньше осени.

Начальник штаба прав. В Паоне допускали, что к осени на помощь Фельпу придут талигойский флот и одна из армий, но не то, что объявившийся среди лета Кэналлийский Ворон поставит все с ног на голову! Что ж, сами виноваты, пусть спрашивают со своих прознатчиков. Карло Капрас вновь прильнул к окуляру. Битва, если происходящее безобразие можно было назвать битвой, продолжалась. Впрочем, за разгром флота они со Сфангатисом не ответчики.

– Николаос, что вы думаете об этих, – маршал запнулся, подыскивая подходящее

слово, – об этих судах?

– Мориски, – голос генерала оставался бесстрастным. – Налицо предварительный сговор с кэналлийцем. Нашим адмиралам придется поломать голову над тем, что противопоставить новой тактике, иначе Померанцевое море можно будет переименовывать в Морисское. Увы, мы живем в мире, который меняется быстрее, чем наша стратегия.

– Пожалуй, – согласился Капрас, наблюдая за серым чудовищем, рванувшим в промежуток между двумя бордонскими галерами. Маршал не сразу понял зачем, но когда тварь развернулась и отскочила вбок, стало видно, во что превратились весла бордонов. Тот, кто снабдил чудища носовыми и кормовыми насадками, знал, что делает. Впрочем, знал, что делает, и капитан Ватрахос, нашедший управу на колючих наглецов. Карло с удовольствием наблюдал, как галеас неожиданно подался назад и буквально раздавил зазевавшуюся тварь. Чужаки были верткими, наглыми и быстрыми, но они зарвались. Две галеры ринулись наперерез еще одному ублюдку, гоня его к «Страстному пилигриму», капитан понял замысел и развернул галеас, замыкая ловушку. В ближнем бою использовать тяжелые орудия невозможно, но это и не нужно.

Серая тварь растерялась и послушно рванулась туда, куда ее загоняли. Даже слишком послушно. Когда до «Пилигрима» оставалось всего ничего, мерзавка попыталась вывернуться и всадила таран в борт галеаса, намертво прицепившись к гиганту. Взвился огонь. Брандер! Закатные твари, брандер! Моряки «Пилигрима» баграми и шестами пытались оттолкнуть поджигателя, но пламя разгоралось стремительно, норovia перепрыгнуть на галеас.

Первыми бросили пушки канониры: дым и пламя застилали порты, мешали целиться, да и в кого стрелять? Не в брандер же! Галеры-загонщицы шарахнулись от полыхающего урота и столкнулись аж с тремя тварями. Грянул залп, первая из незадачливых охотниц получила две пробоины, накренилась, черпнула бортом и стала тонуть. Другая с разбитым рулем и переломанными веслами беспомощно затрепыхалась на серой воде.

4

Ядро вдребезги разнесло руль «Радостной встречи», галера забила веслами в тщетной попытке развернуться, следующий выстрел подорвал порох возле носовых орудий.

Так стрелять нельзя! Люди просто не могут так стрелять, это магия. Подлая магия! Зоя Гастаки с ненавистью топнула ногой, провожая взглядом исчезающую в пороховом дыму тварь.

На мушкетный огонь гады плевали, пушки тоже помогали мало, одна радость: Зорбе уже никогда не быть флагманом. Но какой от этого прок, если отправишься на дно следом?!

Грохнул выстрел, Зоя оглянулась: люди Агапэ пристрелили очередного труса. Подгоняемые плетью матросы заливали огонь, рубили тлеющие, перепутанные снасти. И все равно пламя то тут, то там поднимало голову.

– Мой адмирал, – доложила запыхавшаяся Поликсена, – сломано восемь весел... С левого борта... Надсмотрщики наводят порядок... Им нужно четверть часа...

Зоя выругалась. Четверть часа! Пока уроды чешутся, остается одно – стрелять. Это не бой, а бред, подлость, безобразие! Все шло не так, как всегда: непонятные корабли носились, как очумелые, стреляли, ломали весла, били по корпусам, а потом взрывались не хуже брандеров.

Тело «Пантеры» содрогалось – били орудия обоих бортов. Вразнобой тявкали легкие пушки, угрюмо гавкал знаменитый «василиск»³³. Зое стало неудобно, пожалуй, в первый раз

³³ Крупнокалиберная пушка, которую устанавливали на больших галерах и галеасах, обладала повышенной разрушительной способностью, отсюда и название (корабельные пушки стреляли ядрами весом 48—100 фунтов).

с тех пор, как она променяла курятник на море. Неуютно и страшно, но показывать этого нельзя. Ни в коем случае. Иначе конец не только ей, но и «Пантере».

– Мой адмирал... Боцман Спиро...

– К спрутам Спиро! Ваше дело – стрелять! Чтоб ни один урод и близко не сунулся. Мы не Зорба, мы им покажем!

– Зоя!

– Мой адмирал!

– Начхать! – огрызнулась Левконая. – Нужны гребцы...

– Ты – теньент нижней палубы, – рявкнула Зоя, – вот и ищи! Или сама садись!

– Ах ты, ...! Бочка ...ая, – завелась Левконая, Зоя выхватила пистолет, жаба отпрыгнула и исчезла. Жаль – туда, где только что стояла Левконая, шмякнулось ядро. Обычное, не бомба, но суке бы хватило! Теньент нижней палубы, чтоб ее!

– Поликсена! Латону сюда!

Все, Левконая! Была теньентом да вся вышла. Катись к каракатицам!

– Звали? – Вынырнувшая из клубов дыма Латона облизала губы и хихикнула. Со страху, что ли? Сзади сверкнуло что-то рыжее! Разумеется, Ариадна. Проклятье, эти девки так и не научилась себя вести. Но хоть голову не потеряли, и то хлеб.

– Латона Аристидис! Ты – теньент и командир нижней палубы. Отправляйся и наведи порядок.

– Ох, – осклабилась та, – что, правда? А Левконая?

– Под арест! За неисполнение приказа.

– А можно... можно Ариадна со мной?

Проклятье, эта девка без своей пуси ни на шаг.

– Закатные твари, вы, вашу ... на корабле или где?! Валите обе...

Парочка переглянулась и бросилась к трапу. Дуры...

Взрывы и выстрелы откатились вбок, твари надели на Ватрахоса, может, потопят? Зоя глубоко вздохнула и принялась заряжать пистолет. Рядом кто-то закашлялся – Клелия, чтоб ее! Лахудра безмозгая.

– Корнет, что у вас за вид? Вы – бордонский офицер!

– У бедя, – выдавила толстушка, – дасборк... Из-за дыба... Но бде де стражда!

Насморк у нее? Нечего было лезть на корабль с насморком, сидела б в Хароликах под крылышком у папы.

– Мой адмирал, – корнет София Кратидес отдала честь. Хоть эта не одурела, молодец.

– Да?

– Мой адмирал, к нам приближаются три... Трое...

Твари заявили о себе бомбами и зажигательными ядрами, посыпавшимися на палубу. Это было хуже, чем раньше. В четыре, в шестнадцать, в сто шестьдесят раз хуже. Капитан Гастаки, сжимая разряженный пистолет, тупо смотрела, как Спиро с саблей в руке мечется между пушками, орет в уши растерянным и оглохшим канонирам.

– Огонь! По веслам! Бей по веслам! Убью, целься. Огонь!

Зоя отступила к мачте, ее трясло, а вокруг грохотало, вспыхивало, шипело. Очередная бомба угодила в пушечную прислугу. Спиро, прыгая через кровавое месиво, бросился к осиротевшему «василиску», вырвал из рук убитого канонира фитиль, поднес к запалу, и тут в пирамиду пороховых картузов врезалась бомба. Взметнулось белое пламя, полетели осколки. Мечта Зои Гастаки сбылась – она навеки избавилась от навязанного братцем боцмана.

Глава 11

Деормидский залив

1

Вода взялась ниоткуда, то есть взялась она, разумеется, из моря. Там этой воды было более чем достаточно, но внутрь «Ызарга» она забралась не через несуществующие пробоины, а через щели. Сделанный на скорую руку кораблик разваливался на ходу, а Дерра-Пьяве и Муцио и в ус не дули. Может, не знают? Там, на носу, настил, когда вода доберется до капитана, будет поздно. Марсель украдкой глянул на Рокэ – тот был совершенно спокоен, музыканты продолжали бухать в свои тарелки, гребцы – ворочать весла, а Герард и юнга – метаться вдоль банок, поднимая тучу теплых брызг. Виконт вздохнул: прослыть трусом не хотелось, тонуть не хотелось еще больше. Они даже выплыть не смогут – попробуй выберись из этой лоханки, взбреди ей в голову пойти на дно.

– Успокойтесь, Марсель, – Рокэ вынул пистолеты и принялся их осматривать, – эта посуда затонет еще не сейчас.

Нечего сказать, утешил. Что значит «не сейчас»? Через час или к вечеру?

– Проверьте оружие, оно вам скоро понадобится, – Рокэ говорил небрежно, но Валме лихорадочно принялся перезаряжать пистолет, сидящие рядом абордажники тоже взялись за мушкеты и сабли. Проныли трубы, бухнул сдвоенный залп, ставшую привычной музыку сменила барабанная дробь. Гребцы разом опустили весла, тормозя разогнавшийся корабль. «Ызарг» резко трянуло, вертлявый абордажник с руганью впечатался лбом в затылок не оставшегося в долгу соседа. Трижды свистнула боцманская дудка, гребцы вздернули вальки повыше и, сгибаясь в три погибели, торопливо пролезли под ними, перекидывая ноги через скамьи. Несколько оплошавших получили вальком по ребрам или сапогом по ноге и со страстью помянули Леворукого и целое стадо всевозможных тварей, но в целом все проделали быстро и слаженно. Не прошло и минуты, как все сидели на прежних местах, только задом наперед.

Надсадно закрипели весла. Не разворачиваясь, «Ызарг» ринулся кормовым тараном вперед, и тут до Марселя дошло, почему маршал заставлял фельпцев до одури отрабатывать этот маневр. Противник при виде такого фортеля неминуемо обалдеет, и если гребцы не подведут... Гребцы не подвели: так они еще не выкладывались. С жутким то ли уханьем, то ли стоном фельпцы нагибались вперед, откидывались назад, снова сгибались в три погибели, ворочая проклятые весла. Запах пота стал совершенно невыносимым, в полумраке полуголые рычащие моряки казались какими-то чудищами. Зазвенел доселе молчавший корабельный колокол, и тут же раздался капитанский рев.

– Крючья, – требовал Дерра-Пьяве, – крючья, сотню крабов вам в задницу!

Откуда-то вынырнул Муцио, на груди адмирала красовалась узорчатая кираса, голову венчал шлем. Рокэ в своей черной рубахе рядом с фельпцем казался хрупким и каким-то беззащитным. Скварца озабоченно нахмурился.

– Вы не должны рисковать собой!

– В самом деле, Рокэ, – не выдержал Валме, – нельзя же так!

– Ничего со мной не случится, – пробормотал кэналлиец, осматривая сначала одну широкую и короткую саблю, затем вторую. – Марсель, мой вам совет: подвяжите волосы...

Растерявшийся Валме счел за благо последовать совету, но сбить с толку Муцио Скварцу кэналлийцу не удалось.

– Рокэ, если вы погибнете...

– Что ж, – синие глаза бешено сверкнули, – значит, я еще и это могу!

Муцио не нашелся что ответить. Весла заходили еще быстрее, хотя это и было невозможно.

– Ну, виконт, – предупредил Ворон, опускаясь на колено и хватаясь за какую-то веревку, – держитесь!

– Именно, – согласился Скварца и пояснил: – Галера. «Морская роза».

Валме ничего не понял. Хотел переспросить – не успел. Справа раздался уже знакомый треск – «ызарг» крушил чужие весла. Что-то заскрипело, раздался вой, загребные налегли на весла, «ызарг» несколько раз трянуло, и он замер. Измотанные гребцы попадали на банки, по-рыбьи разевая и закрывая рты, руки многих были стерты до крови. Рокэ, Муцио и абордажным тенъентам было не до них – они рванулись к правому борту. Скварца что-то выкрикнул, десятка два абордажников принялись крутить какие-то штуки. Рамы с натянутыми на них шкурами вылетели наружу, внутрь «ызарга» ворвались свежий воздух и показавшийся нестерпимым свет. Голова Валме закружилась, он заморгал, как вытщенная из дупла сова, тут же получил сильнейший тычок в спину.

– За мной! – Кто же это заорал? Рокэ или кто-то из офицеров?

Виконт, чувствуя себя последним ослом, глядел, как абордажники волокут крюкастые лестницы, а в воздух взмывают веревки с кошками.

Затрещали мушкетные выстрелы. Абордажники стреляли вверх, отгоняя бордонов от борта. Алва, подмигнув Марселю, ухватился за канат одним из первых. Глаза маршала сияли, он словно помолодел на десять лет. За Вороном с горящими фитилями в зубах лезли другие, среди которых затесался и Герард. Валме помянул Леворукого и швырнул веревку с кошкой, как ни странно, удачно. Отступать было некуда, и Марсель полез наверх. И что это за скотина ляпнула, что у галер низкие борта?!

2

Рокэ, держась одной рукой за канат, разрядил пистолет в нависшую над бортом рожу в каске. Рожа исчезла, следом исчез перескочивший ограждение Ворон. Валме рванулся за ним и тяжело спрыгнул на кормовой помост, едва не наступив на проклятую каску. Ее обладатель валялся рядом, посредине залитого кровью лба виднелась дыра. Валме судорожно сглотнул, сдерживая рвоту. Пронесло!

Слева что-то рвануло, талигоец поскользнулся на чем-то, оказавшемся обрубком руки, с проклятьями отскочил и увидел Муцио и Алву. Пистолетов у Рокэ уже не было, он орудовал короткими морисскими саблями. Двумя!

Валме не глядя выстрелил, попал и тут же оказался нос к носу со здоровенным всклокоченным бордоном. Верзила замахнулся саблей, Марсель как-то увернулся, выхватил шпагу, ударил. Опыта не хватало: фехтовальный зал и дуэльная площадка в счет не шли, но он уцелел.

Народу все прибывало – с «ызарга» лезли абордажники, с носа спешили ошалелые «дельфины». Марселя в толкотне притиснули к борту, и он снова увидел Ворона, на которого выскочил бордонский офицер. Что-то мелькнуло, фонтаном брызнула кровь, окатив и кэналлийца, и тех, кто был рядом. Прямо на маршала вынесло пузатого «дельфина». Недотепа замахал руками и шарахнулся в сторону, сминая своих. Валме и сам предпочел бы оказаться подальше от Алвы, но деваться было некуда – впереди толкались чужие, сзади напирали свои, место которым расчищали Муцио и осатаневший Алва.

Мысли Марселя не поспевали за глазами, а глаза не поспевали за кэналлийцем. Виконт ничего не понимал в сплошных поворотах, приседаниях и бросках, просто очередной «дельфин», столкнувшись с Алвой, отлетал прочь, зажимая чудовищную рану. Или, скрючившись, оседал на скользкие красные доски. Или валился ничком с разрубленной головой, а залитый кровью Ворон бросался на новую жертву.

Первая сабля встречала чужой клинок, вторая била наверняка. По живому. В давке

особо не размахнешься, но Ворон этого и не делал, орудуя короткой саблей как длинным ножом. Короткий тычок в грудь, от плеча, не распрямляя руки. Враг падает, освобождая место для замаха. Рубящий удар в голову... Второй – по сжимающей тесак руке. Однорукий бордон с воем ползет к борту, и снова резкие, стремительные тычки и удары – в живот, в бок, под мышку, хлещущая кровь, искаженные лица и два адских летающих клинка.

Время остановилось. Чудовищное зрелище завораживало, как завораживает буря или пожар.

– Сударь!

– Герард?!

Перед носом Марселя блеснула шпага, талигоец ударил наотмашь; человек, хотевший его убить, исчез. Рядом полуголый фельпец на ходу выхватил из сумки гранату, вставил фитиль, швырнул, расчищая путь себе и товарищам, один за другим прыгавшим на окровавленный помост. Отовсюду гремели выстрелы. Корму галеры заволакивал вонючий дым, звенело оружие, кто-то вопил, кто-то ругался, кто-то стонал. Перед самым носом виконта возник некто с пистолетом, но выстрелить не успел – Марсель сам не понял, кто спустил курок, но бордон опрокинулся на спину. Оказавшийся рядом Дерра-Пьяве помянул Разрубленного Змея и исчез. Убит? Ранен? Ушел вперед?

Они целую вечность топтались на корме. Наконец через борт перебрался последний абордажник. Как же их мало! А чего ты хотел, «ызарг» меньше галеры, намного меньше! Стрельба становилась все ожесточенней, Валме пригляделся: кто-то крупный, в шлеме и кожаном нагруднике, размахивал руками на баке, выстраивая стрелков. Загремели выстрелы, рядом с Марселем упал абордажник, впереди свалился еще один. Краем глаза Валме заметил Алву – маршал был жив и здоров, хоть и по уши в крови.

Грянул новый залп, бордон в нагруднике что-то проорал, «дельфины» поперли вперед, подбадривая себя криками, и тут в галеру влетел второй «ызарг». Марсель заметил знамя с варазийской нечистью и огромной шестеркой. Джузеппе Рангони! Красавец-капитан сиганул на бак одним из первых, следом полезли его люди, с ходу набрасываясь на стрелков.

Бордоны на куршее заматались, не зная, куда бежать: на ют или на бак. Скварца и Рокэ, воспользовавшись замешательством, бросились вперед, тесня защитников галеры от борта к центральному помосту. Валме махнул шпагой и хотел было бежать со всеми, но его остановили.

– Эй, – заорал кто-то полуголый и чумазый, – тащи!

Валме потащил. Было тяжело, но вдвоем с чумазым они втащили-таки сетку, полную пистолетов и мушкетов, которые тут же расхватили абордажники. И вовремя: обитатели галеры вновь очухались. Самых ретивых скосил мушкетный залп.

Отшвырнув разряженные мушкеты зарядной команде, абордажники кинулись в общую свалку. На мизерном пятачке топталась чуть ли не сотня человек, так что давка вышла отменнейшая. Моряки цеплялись за какие-то веревки, чтоб стрелять сверху, укрывались за бочками, выскакивали из-за обломков. Мундиры мешались с голыми спинами и корсарскими рубашками. Валме уже ничего не соображал, только отмахивался от случайных ударов. Бордоны и фельпцы перемешались, в пороховом дыму было не понять, кто свой, кто чужой.

На Марселя спиной вперед налетел коренастый абордажник, виконт отступил вбок и столкнулся с очумевшим бордонским офицером, размахивавшим шпагой. Рука талигойца инстинктивно дернулась, классическим способом парировав отчаянный выпад. Бордон что-то проорал и исчез в дыму так же внезапно, как и появился. Даже слишком внезапно. Марсель едва успел остановиться на краю кормового помоста, с оторопью глядя вниз, на гребную палубу. В мутных серых клубах прикованные гребцы казались выходцами, а рухнувшие на них убитые и раненые – разбитыми марионетками.

– Сударь, вы ранены?

– Закатные твари, нет!!!

Окликнувший его абордажник махнул рукой и куда-то делся. Обругав себя идиотом, Валме отскочил от края настила и завертел головой, выискивая Ворона или Скварцу.

Дрались везде: на куршее, на баке, на юте, возле замолчавших орудий. Здоровенный фельпец отшвырнул сломанную саблю, подхватил валявшийся багор и, крутя его над головой, ринулся на несчастных мушкетеров. Сшиб одного, затем второго, остальные, толкаясь, отступили на куршее, кто-то не удержался, рухнув на головы гребцам.

Среди шлемов, косынок, непокрытых голов мелькнул серебряный гребень. Муцио! Марсель бросился к фельпцу. Только бы не отстать и не выказать себя трусом и дураком! Драка вспыхнула с новой силой, скрыв молодого адмирала из глаз, зато Валме нашел Алву! Толстый моряк швырнул кэналийцу под ноги веревку с гирями, Ворон по-кошачьи подпрыгнул и тут же пригнулся, уворачиваясь от брошенного ножа.

Откуда-то взялся внушительный бордон в шлеме и кожаном нагруднике. Тот самый, что командовал стрелками. Капитан? Скорее всего... В одной руке у «дельфина» была шпага, в другой – кинжал с прихотливо изрезанной чашей. У Валме дома остался такой же, предназначенный для того, чтоб захватить и сломать шпагу противника. Бордон что-то сказал, Рокэ кивнул – залитая кровью фигура с жуткими синими глазами. Валме трусливо отвернулся и глянул на бак. Там сопротивление было почти сломлено. Фельпцы и бордоны один за другим опускали оружие и подходили к краю платформы. Смотреть. Дураки...

Марсель самым вульгарным образом утер лицо рукавом. Схватка прекратилась, словно по команде, а может, так оно и было. Рокэ и осанистый бордон все еще стояли друг против друга, и Валме «дельфину» не завидовал. Подбежал Герард, Рокэ швырнул ему свои сабли и взял шпагу. Значит этот, в нагруднике, капитан, и все решит дуэль вожаков.

Воевала мышка с кошкой! Да будь у «дельфина» хоть три кинжала, ему конец, только он еще этого не знает. Клинки столкнулись, бордон отлетел назад, а Рокэ тотчас сделал новый выпад, прижимая противника к толпе. Моряки шарахнулись в стороны, давая место дерущимся. Марсель видел лицо капитана: тот все еще рассчитывал на свой кинжал. Закатные твари, надо ж быть таким ослом! Алва наступал, бордон пятился в дурацкой надежде захватить шпагу противника и нанести удар своей. Марсель оглянулся – выпученные глаза и приоткрытые рты! Как на ярмарке... И Герард туда же! А бедняга-капитан все махал своим оружием, выставив его перед собой.

Противники топтались на скользких от крови досках. Бордон пятился, упрямо не изменяя прямой стойке, Рокэ атаковал правым плечом вперед, его выпады становились все стремительней, а окружавшая бойцов толпа не давала не успевавшему за кэналийцем капитану уходить в сторону. Единственное, что ему оставалось, это, избегая удара, отскакивать назад.

Марсель не сразу сообразил, что Ворон загоняет противника на куршее. Закатные твари, зачем?! Неужели нельзя побыстрее? Бордон так ничего и не понял, пока не оказался на узком помосте. Под градом расчетливых ударов бедняга мог только пятиться да размахивать своим кинжалом. И он пятился и размахивал, но Алва, легко избегая предательской чаши, гнал дурня по куршее, пока тот не уперся спиной в грот-мачту. А может, и не в грот, кто их разберет, эти мачты!..

Капитан отчаянно махнул шпагой, и тут Рокэ наконец ударил всерьез. Страшный прямой выпад пробил кожу нагрудника, как бумагу, пригвоздив бордона к мачте; из разинутого рта толчками забила кровь, руки конвульсивно вцепились в чужой клинок, пытаясь его вырвать, и тут же разжались. Рокэ пожал плечами и резко выдернул шпагу. Тело медленно сползло по мачте вниз, голова запрокинулась, глаза уставились вверх. Кровь все еще текла, но человек был мертв.

Победитель все с той же отрешенной усмешкой нагнулся, поднял шпагу побежденного и переломил о колено.

– Леворукий! – завопил бордон в изодранном мундире и поднял руки. – Я сдаюсь! Сдаюсь.

Вторым бросил саблю на багровые доски дюжий боцман, следом подняли руки еще с десяток «дельфинов». Алва сунул шпагу вездесущему Герарду и что-то сказал подбежавшему тенъенту. Тот кивнул и вытащил из-за пазухи какую-то тряпку, при

ближайшем рассмотрении оказавшуюся флагом. Знамя с дельфином и лазоревой розой полетело на палубу, уступив место полотнищу, на котором нагло извивалась кривоногая волосатая змея.

3

Мерзавец Спиро, он всегда все делал ей назло, а теперь умер! Пасадакис сдуру взлетел на воздух, а Ватрахос, сожри его зубаны, и не думает командовать! Тоже мне, флагман! Сцепился с «серыми» и в ус не дует! Что же делать?! Святая Агапэ, что же делать?!

Зоя затравленно огляделась. «Морская пантера» стояла дальше всех от бухты. А если отойти к берегу? Высадиться мориски не рискнут, их слишком мало. Одно плохо – Капрас... Он ее ненавидит, будет смеяться. Он и его офицеры, провались они в Закат!

– Зоя, – Зубаны б прижрали эту Левконою. Вечно подкрадется, как... И кто ей дал права назвать адмирала по имени?

– Чего тебе?

– Зоя, давай к берегу! Пока Ватрахос с этими... сцепился.

– Молчать!!! – Зоя выхватила пистолет, вспомнила, что он разряжен, отбросила и схватилась за саблю. – Ты чего мне предлагаешь? Мне?! Прятаться в капрасову задницу!

– Влезешь ты туда, как же! Я предлагаю сохранить корабль.

– Да тебе-то что? «Пантера» моя! Моя!!! За нее платили Гастаки! Что хочу с ней, то и делаю. А ну марш на гребную палубу, пока я Агапэ не позвала.

– Много ты со своей Агапэ навоюешь, – огрызнулась стерва. – Делай что хочешь, а я на дне ничего не забыла! И саблей не маши, без носа останешься!

– Подними руки! – пискнуло сбоку. – Подними руки, изменница!

Поликсена, обеими руками сжимая пистолет, старательно целилась в Левконою, губы девчонки дрожали, но по глазам было ясно – выстрелит! Сука это тоже поняла и с усмешечкой – как же, надо ж норов показать – подняла клешни.

– А теперь на колени, – приказала девчонка, – проси прощения у адмирала!

Левконоя все с той же улыбочкой опустила на одно колено.

– На оба! – рявкнула пришедшая в себя Зоя. – Ну, я слушаю!

– Прошу господина адмирала меня извинить, я получила контузию и была не в себе, – слова вежливые, но сука готова ее убить. И убьет... Если успеет.

– Отправляйся на нижнюю палубу и оставайся там до конца боя. Под присмотром, – Зоя оглянулась, – Агапэ!

Агапэ все поняла и ухватила стерву за плечо. Расстрелять бы, но нельзя! Левконоя не безродная Ксантиппа, клан Дракондиди слишком влиятелен. Зоя обернулась к Поликсене:

– Благодарю за помощь... тенъент!

– Мой адмирал, – лицо девчонки пошло красными пятнами, – мой адмирал...

– Корнет Лагидис! За проявленное в бою мужество и верность великому Бордону произвожу тебя в тенъенты и поручаю... – вот и повод убрать козявку из адъютантов. Куда ж ее отправить? – поручаю командование...

Придумать должность для Поликсены Зоя не успела – на «Пантеру» обрушился град глиняных шаров. Шары подпрыгивали, лопались, разлетались осколками, и из них выскакивали они.

Они были ярко-оранжевыми, нежно-розовыми, отчаянно-лиловыми, ядовито-зелеными, бирюзовыми с серебром, алыми с золотом. Они прыгали и шевелили лапами. Они были мохнатыми, огромными, отвратительными, ужасными, и их было много, страшно много! В мгновение ока они заполнили весь корабль, с жутким щелканьем выскакивая отовсюду, норовя вцепиться в волосы, лицо, одежду, от них не было спасения ни на юте, ни на баке, ни у мачт, ни на трапах.

Радужная смерть Багрных земель!

Зоя видела, как Ариадна с криком сорвала с себя ядовито-зеленую пакость и в конвульсиях упала на палубу. Кончено! Агапэ выхватила пистолет, пальнула в оранжевое чудовище, то отскочило, угодив в лицо канониру. Бухнула пушка, ненацеленное ядро кануло в волны, взметнув тучу брызг. Среди носовых орудий разбилось еще несколько шаров, из них веером брызнули желто-голубые твари. Дико закричала Клелия, кто-то уронил фитиль, загорелся порох, желто-голубой кошмар набросился на Софию, а у самых ног Зои закопошилось нечто фиолетовое. Один укус – и все! Фиолетовое подскочило и вцепилось в снасть над Зоиной головой. Адмирал дико заорала, отпрыгнула назад и на кого-то налетела. Раздался приглушенный писк, но Зоя Гастаки уже мчалась вдоль борта, видя лишь заполонивших палубу радужных убийц. Для нее исчезло все, кроме страха. Она не хотела умирать, она хотела домой, и будь прокляты это море, война, Фельп, Ватрахос, Пасадакис, будь прокляты все! Только бы вернуться, она больше никогда... Никогда!..

4

Этого следовало ожидать. Карло Капрас и не подумал удивиться, когда из бухты вылетели уцелевшие фельпские галеры и ударили в спину несчастной эскадре. Законы войны одинаковы и на суше, и на море – выжди нужный момент и бей.

Несколько поспешно выпущенных ядер не причинили фельпцам никакого вреда, галеры с птице-рыбо-девами на носу стремительно проскочили опасный промежуток, сведя на нет преимущество превосходящей артиллерии противника, и вступили в ближний бой. Капрас видел, как три фельпские галеры облепили потерявший управление галеас. Абордажные солдаты цеплялись крючьями за высокие борта, приставляли лестницы, бордоны сверху били из мушкетов, рубили саблями, но все это было безнадежно, а стало быть, глупо.

Фельпцы разыгрывали свою партию как по нотам, ими нельзя было не восхищаться. Разумеется, будь Капрас бордоном, он бы впал в отчаянье, но Капрас был гайифским маршалом, за пристойное вознаграждение согласившимся возглавить объединенный экспедиционный корпус. Флот ему не подчинили, каждая уродина, чьи родичи заседают в совете дождей, полагает о себе Леворукий знает что, и в довершение всего в Фельп заявился Кэналлийский Ворон. Его величество Дивин, конечно, будет раздосадован поражением, но император слишком умен, чтоб сваливать на полководцев вину своих шпионов и чужих дураков.

– Полагаю, нам остается лишь достойно выйти из игры, – Капрас старался говорить небрежно, но Сфангатис был стреляным воробьем.

– В таком случае лучше не ждать подхода талигойской армии. В фельпской Дуксии должны найтись разумные люди. Или те, кто станет таковыми за умеренное вознаграждение.

– Значит, вы согласны?

– С тем, что перемирие лучше блокады, в которой мы окажемся по милости водоплавающих идиотов, неспособных справиться со стаей лодчонок? Разумеется! Но для его величества Дивина и дельфиных дождей, а также для того, чтобы отцы города Фельпа поняли, что мы еще можем принести неприятности, я бы провел пару штурмов. Надеюсь, то, что останется от флота, бросится не к берегу, а в море. И еще больше надеюсь, что у фельпцев хватит ума не преследовать бегущих.

– Кажется, уже хватило, – кивнул Карло Капрас, внимательно оглядев злополучный залив. Маршал никогда не был сторонником героической гибели под неспущенным флагом. Проиграл – сдавайся или беги, потом отыграешься.

Одна из уцелевших галер, какая именно – с берега было не понять, развернулась, подрезая нос соседкам. Капитан, кажется Макариас, давал понять, что нужно следовать за ним. Соседки поняли. Достойная тройца шарахнулась вбок, обходя безнадежно полыхающий галеас, выстроилась клином – зачинщик впереди, остальные сзади – и рванула прочь.

Пример оказался заразительным. Еще пяток уцелевших галер кинулись перестраиваться, явно намереваясь покинуть поле боя.

Что до фельпцев и их колючих союзников, то они сосредоточились на добивании тех, кто не мог или не догадался удрать. Капрас с каким-то отстраненным восхищением наблюдал, как несколько галер внезапно начали рыскать и дергаться. Весла путались, ядра летели туда, где и близко не было никакой цели, а на палубах творилось нечто невообразимое. Казалось, гребцы и канониры внезапно посходили с ума. Рехнувшиеся корабли становились добычей серых тварей и нарядных фельпских галер, одна из которых нацелилась на внезапно прекратившую огонь «Пантеру». Капрас опустил трубу.

– Если б у меня были розы, я бы послал их капитану этой красотки.

– Увы, Карло, роз у нас нет. Но вы можете послать плененной Зое в утешение букет бешеных огурцов. Если, разумеется, ее не отправят кормить крабов.

– Крабы, к счастью для них, не являются ценителями женской красоты, – фыркнул Капрас, – они и Зое будут рады, но не похоже, чтоб фельпцы доставили им такое удовольствие. Стойте! Кто это?

– Похоже, Ватрахос, – Николаос навел трубу. – Да, точно! Добывает адмиральскую перевязь... Похвальная настойчивость.

Глава 12 Деормидский залив

«Le Neuf des Épées & Le Huite des Épées & Le Chevalier des Coupes» ³⁵

1

Здоровенный, разукрашенный золочеными дельфинами таран вынырнул из облаков дыма и понесся к «Морской розе», целя в борт. Марсель как-то сразу сообразил, что это галеас, капитан которого решил выручить захваченную галеру. Или утопить! Несмотря на жару, стало холодно – уж слишком большим было плавучее чудовище. Валме тоскливо глянул в сторону берега – далеко, не доплыть, разве что ухватиться за какой-нибудь обломок. Или прыгнуть в воду со своим бочонком? Виконт деловито огляделся, выискивая подходящий, нашел, перебрался к нему поближе и только тогда рискнул глянуть на проклятуший галеас. Увиденное порадовало несказанно: наперерез «дельфину», стреляя на ходу, мчались два «ызарга» – Второй и Восьмой. Под радостный вопль виконта гигант принялся поспешно разворачиваться бортом к новым противникам.

– Флагман, – заорали под ухом Марселя, – утонуть мне в нужнике, флагман!

– Новый, – поправил Муцио Скварца. – Это «Сердце волн» Ватрахоса.

На борту монстра рвануло, за первым взрывом последовал второй, и Марсель вспомнил, что главным канониром «Двойки» стал Лука Лотти. Тот самый, что первым приловчился забрасывать ядра в учебные телеги! Когда наконец придет Савиньяк с деньгами, нужно отсыпать Лотти полсотни талов. Или сотню.

«Двойка» наддала ходу, вновь плюнула огнем, и носовой таран галеаса переломился ровно посередине. «Морская роза» бордона больше не занимала, зато ожили пушки прилепившихся к галере «ызаргов». Лотти, без сомнения, был лучшим канониром Фельпа, но стрелять умел не только он: грот– или все-таки не грот-мачта галеаса треснула, что-то загорелось, но «дельфины» сбили пламя довольно быстро.

– Так его! – рыкнул Дерра-Пьяве. – Дельфин тупоносый!

³⁵ Девятка Мечей, Восьмерка Мечей и Рыцарь Кубков.

– Я бы сказал, что безносый, – уточнил Муцио, – что является последствием его опрометчивости.

– А не таскайся по борделям, – назидательно произнес коротышка, – не останешься без носа.

– О да, господа, – лениво согласился красавец Рангони, – опрометчивость сродни дурной болезни.

– Намекаете на неизбежную потерю носа? – усмехнулся Скварца, подсыпая порох на полку пистолета. – Но мы тоже не слишком благоразумны...

– Бояться заразы и не спать с женщинами столь же глупо, как не бояться и спать со всеми, кто подвернется, – лениво заметил Ворон и перебил сам себя: – Мне не нравится «Восьмерка», господа, а вам?

– Закатные твари! – радость Дерра-Пьяве как ветром сдуло. – Им конец, а мы тут...

– Ланцо, – адмирал Скварца даже не повысил голос, но коротышка осекся, и, тяжело дыша, устался на «Сердце волн». Дуэль с «ызаргами» продолжалась. «Двойка» танцевала вокруг разъяренного гиганта, не прекращая забрасывать его ядрами и бомбами, «Восьмерка» двигалась заметно тяжелее.

– У них там воды по пояс, – буркнул Рангони.

Ватрахос, или кто там еще, это тоже уразумел и обрушился на утратившего прыть врага. Часть весел «Сердца» были переломаны, и галеас разворачивался не так ретиво, как раньше, но раненый слон остается слонем. На «Восьмерке» поняли опасность, и «ызарг» прынул назад. Теперь даже слепой бы понял, где у бедняги перед, где зад, потому что корма кораблика здорово осела.

– Господа, – задумчиво пробормотал Рокэ, – а не ударить ли нам в корму... Если, конечно, удастся расцепиться...

Если Алва и хотел что-то добавить, то не успел. Муцио, как нахлестанный, помчался на нос, Рангони с Дерра-Пьяве брызнули в разные стороны и исчезли. По всей галере от бака до юта запели свистки и дудки, забегали люди. На гребной палубе гребцы с «ызаргов» и часть пленных возились с веслами, расковывали мертвых гребцов, сбрасывали за борт трупы, цепи и обломки. Места убитых рабов занимали фельпские моряки, абордажники на куршее деловито осматривали оружие, где-то громко и забористо орал Дерра-Пьяве, требуя живее стаскивать «ызаргов» «с бордонской бабы». Марсель немного поколебался, но где один абордаж, там и два. Виконт решительно одернул испачканный мундир. Меланхолично наблюдавший за охватившей галерею суетой Ворон слегка приподнял бровь:

– Вам понравился абордаж?

– Все было очень мило, – огрызнулся Валме, – только тесновато.

– Вам наступали на ноги? – участливо спросил маршал. – Сочувствую, но сейчас будет легче. Галеас шире галеры, верхняя палуба свободна, вам будет где разгуляться. Правда, и защитников больше раза в два-три, но у каждой розы есть свои шипы...

2

Первое, что увидел Луиджи Джильди, во главе абордажной команды перемахнувший через борт «Морской пантеры», это дико визжащую брюнетку, остервенелю сдиравшую с себя мундир. Рядом по палубе каталась, то выгибаясь дугой, то колотя ногами и руками по доскам, другая девица, а дальше в дыму металась целая стайка, оглашая потерявший управление галеас жуткими воплями. Визжали везде, а с кормы в придачу доносилась беспорядочная, словно во время карнавала, пальба и мужская брань. Пожар в веселом доме, да и только!

Появление фельпских абордажников на «пантер» никакого впечатления не произвело, им явно было не до войны.

Брюнетка наконец управилась со своей одежкой. Шитый золотом мундирчик взмыл в

воздух, но далеко не улетел – зацепился за проломленный фальшборт. Рядом шлепнулось что-то лазоревое без рукавов. Взлетевшая следом рубаша угодила в лицо обалдевшему абордажнику, за рубашой отправилось нечто воздушное в розовых бантиках, а девица, ни на секунду не прекращая вопить, схватилась за панталоны, совершенно позабыв, что они заправлены в сапоги. Полсотни вооруженных мужчин, открыв рты, застыли у борта, и тут то ли из разбросанных одежек, то ли еще откуда с треском выскочило нечто одновременно ядовито-голубое и солнечно-желтое. Дева завизжала громче, и в то же мгновение из-за разбитой пушки вылетела, нет, не девица, а жуткого вида бабища и, колотя себя ладонями по груди и бокам, тяжело топая сапогами, помчалась прямо на Луиджи.

– Они ядовитые! – выла она. – Ядовитые... Радужная смерть!

Луиджи увернулся, и бабища врезалась в Уго Варотти. Боцман по праву считался силачом, но умом не блистал. Поймав разогнавшуюся тушу, он отчаянно завертел башкой, рассчитывая на приказ. Луиджи с сомнением оглядел неаппетитную добычу и едва не подавился: перед ним была дожиха собственной персоной! Отец будет в восторге.

– Боцман Варотти, – возгласил Луиджи, – да будет вам известно, что вы взяли в плен капитана этого корыта!

– Сударь, – проревел счастливый Уго.

– Госпожа Гастаки, – ну и чудовище, прости Создатель, – вы взяты в плен боц...

Докончить фразу Луиджи помешало то самое желто-голубое, вцепившееся ему в рукав. Капитан невольно дернул рукой, затем пригляделся и расхохотался.

– Ребята, а ну-ка переловите этих красоток, пока их пауканы не заели!

– Пауканы?

– Они, – простонал Джильди, маша рукой, – только крашенные.

И как до него сразу не доехало, что панику подняли киркореллы. Твари неплохо себя показали на галерах, заставляя полуголых гребцов сбиваться с ритма и путать весла, да и среди зажженных фитилей и картузов с порохом порезвились весьма кстати, но на «Пантере» творилось нечто невообразимое. Правда, и киркореллы здесь отличались от скакавших по галерам, как заморские попугаи от серых воробьев.

Оранжевый, словно взбесившийся апельсин, паукан отскочил от бьющей руками и ногами костлявой тетке и столкнулся с бело-голубым собратом. Твари друг другу не понравились и затеяли драку. Они то отскакивали назад, то бросались вперед, норовя достать врага хваталками, а потом сцепились в рыже-бело-голубой мохнатый ком и замерли. Возможно, оранжевый и бело-голубой и не враждовали вовсе, а любили друг друга – в конце концов, отличить паука от паукана может только паукан.

Снизу раздались выстрелы, и капитан Джильди поспешил на гребную палубу, но к его приходу все кончилось и там. Прикованные рабы не могли сопротивляться, даже если захотели, а надсмотрщики и несколько растрепанных теток, видимо офицеров, беспрекословно сложили оружие. Девушки с оленьими глазами среди них не оказалось, и Луиджи вернулся наверх. Там было весело: абордажники с гогом обсуждали добычу, выставляли караулы у орудий, принимали шпаги у обалдевших канониров, а очумелые киркореллы продолжали скакать по палубе, то ли норовя спрятаться, то ли наоборот. И кто только додумался их размалевать? Сам талигоец или кто-то из ловцов?

– Капитан Джильди, – доложил абордажный тенъент, – вроде все. Галеас наш, команда тоже. Есть и несколько красоток. Желаете глянуть?

– Еще бы... Но только глянуть. Бой еще не кончен.

3

Раздался знакомый скрежет: гребцы взялись за дело. Кое-как избавившаяся от «ызаргов» «Морская роза» дрогнула, неуклюже развернулась и сначала медленно, а потом все быстрее понеслась к добивавшему «Восьмерку» галеасу. Ватрахос вошел в раж, желая

поквитаться с подбитым «Ызаргом», хромая галера флагмана не занимала. «Сердце волн», не обращая внимания на укусы «Двойки», перло вперед, явно намереваясь раздавить наглую тварь, которая наконец-то попалась.

– Развалится, – хмуро бросил Муцио Скварца и, поймав взгляд Валме, пояснил: – Не сразу, так после. Когда галеас даст задний ход.

«Восьмерка» и впрямь едва держалась на плаву, но ее капитан руки опускать не собирался. Единственное, что он мог, это намертво прицепиться к атакующему гиганту и перенести бой на чужую палубу. И это было сделано!

Когда сломанный таран поднялся над обреченным корабликом, вверх полетели десятки кошек, цепей, якорей, связывая охотника с добычей. На носу галеаса повис немалый груз, набранная «Ызаргом» вода тянула книзу, резная корма непристойно задралась. «Сердце волн» отчаянно колотил веслами, пытаясь сбросить подыхающего наглеца. Флагман напоминал кабана, в уши которому вцепились бергерские гончаки. Увернуться от атаки сзади бордон не мог, даже если и понял, что происходит.

– Раком встал! – припечатал Дерра-Пьяве.

– Фи, Ланцо, – выпятил губу Скварца и заорал на Марселя: – Держись!

Таран «Морской розы» с хрустом врезался в корму галеаса, попутно разнес в щепки руль. Валме шмякнуло об какую-то деревяшку, из носа пошла кровь, опять пришлось утираться рукавом. Впереди орал, ругались и стреляли: «Двойка» и отлепившиеся по случаю абордажа от «Розы» «Шестерка» и полудохлый «Первый» своего не упустили.

Вперед выскочили человек десять с пращами, на корму пойманного «слона» полетели гранаты. Сверкнуло, загрохотало, повалил черный едкий дым, свистнули кошки, и Валме увидел Алву, взбирающегося на задымленную корму. Самому Марселю никто ничего не приказывал, но виконт уцепился за подвернувшуюся веревку и, дивясь собственной лихости, полез на галеас, где, разумеется, опять творилось Леворукий знает что. Едва Валме куда менее изящно, чем хотелось бы, перевалился через борт, на него набросился какой-то полуголый наглец, ухвативший виконта за плечо и с воплем «заряжай» толкнувший к одному из кормовых фальконетов. Марсель лихорадочно схватился за шуфлу, а за спиной орало, топало и звенело, что было весьма неприятно.

– Шевелись! – орал нахал, набивая в жерло картечь. Виконт чихал и шевелился. У второго фальконета орудовали еще двое. Валме ужасно хотелось отыскать Ворона, но пришлось на пару с нахалом разворачивать вертлюги. Едва они закончили, как нахал коротко ойкнул и завалился на спину, оставив Марселя в полной растерянности. Фальконеты заряжают для того, чтобы из них стрелять, но куда?!

В пяти-шести шагах с десятков абордажников во главе с Рокэ сдерживали лезущих вперед обитателей галеаса. В руках Ворона вновь мелькали две сабли, а палубу у его ног украшали свежие трупы. Стрелять? По своим?! Алва оглянулся, махнул рукой, абордажники дружно попадали на черные доски. Стали видны ошалевшие рожи бордонов, тесаки, сабли, пистолетные дула. Марсель с замершим сердцем ткнул факелом в запальное отверстие. Фальконет плюнул картечью, сметая напирających «дельфинов». Кажется, он все сделал правильно...

Второй фальконет окончательно очистил корму, и на «Сердце волн» с ножами и запалами в зубах полезли остальные абордажники «Единицы» и «Шестерки». Знакомый боцман с хохотком метнул гранату, положив на месте пару высунувшихся из-за какого-то хлама бордонов, вскочил на подвернувшийся бочонок, отчаянно замахал сорванной курткой. Знак? Кому? Свистнуло ядро, угодило в мачту, кто-то забористо выругался, мелькнул шлем Скварцы.

– Уроды! Мало им!

Уроды, в смысле бордоны, строились у обломанной мачты, и было их куда больше, чем хотелось Марселю. Сотни две! Еще бы, галеас большой, больше «Шестерки» и «Единицы», вместе взятых, а они еще потеряли часть людей при захвате «Розы». И это еще не все! Хорошо, что большинство «дельфиньих» мушкетеров застряли на носу, отгоняя

абордажников с «Восьмерки».

Верткий фельпец швырнул в бордонов гранату, похоже последнюю. Вновь затрещали выстрелы.

– Проснитесь, капитан!

Рангони! Валме торопливо занял место рядом с окликнувшим его капитаном. Хоть одна знакомая рожа! Опомнившиеся «дельфины» стреляли все лучше, но фельпцы уже шли вперед. Бомбы больше не падали: «ызарги» прекратили пальбу, и правильно. В такой свистопляске не знаешь, кого положишь.

Валме шагал между Рангони и незнакомым моряком, чувствуя во рту острый привкус пороховой гари. Впереди блестел серебристый шлем Скварца, Рокэ от виконта закрывал кряжистый абордажник с «Единицы». Дерра-Пьяве тоже не было видно, но, когда выстрелы стихали, раздавались вопли коротышки, на все корки честившего «дельфинов» и их протухших родичей. Пороховая вонь стала нестерпимой, под ногами валялись брошенные мушкеты, шляпы, бочонки и лежали трупы. Много трупов...

Гнусаво взвыла одинокая дудка, шагавший рядом моряк дико завизжал и бросился вперед, размахивая тесаком. Марселю оставалось лишь последовать его примеру. Две шеренги ударились одна о другую, словно столкнулись грудью два бойцовых петуха. И это отнюдь не было красиво...

4

Вот и конец «Морской пантере», и какой позорный! Любопытно, что было бы, выпусти талигоец на палубу не киркорелл, а мышей или лягушек? Хотя мыши хуже прыгают, а лягушек по такой жаре днем с огнем не найдешь. Нет, лучше крашенных киркорелл ничего не придумать! Надо рассказать отцу, а может, и не надо. Бабский корабль потопил «Славу Фельпа», отец до сих пор не оправился от своей потери. Если родитель узнает, что проклятый галеас победили пауканы, ему будет неприятно.

– Марио, – капитан Джильди широко улыбнулся абордажному тенъенту и другу детства, – вытри физиономию, пошли глянем на красоток – и в бой.

Друг детства щелкнул каблуками и подкрутил усы, изображая старого служаку.

– Слушаюсь, мой капитан! Есть смотреть красоток.

Бой окончен, сейчас самое время... Самое время объяснить пленницам, что их жизни и чести ничто не угрожает. Пусть отец забирает Зою, сын возьмет адъютанта, это справедливо.

Луиджи Джильди наскоро обер лицо, пригладил волосы и поднялся на бак, где абордажники окружили четырех девушек, и впрямь весьма недурных. Одна, черненькая с дерзкой улыбкой, обнимала рыженькую. Та вроде бы и боялась, но при этом то и дело стреляла в победителей бирюзовыми глазами. Рядом с парочкой воинственно задирала носик невысокая пышка, очень аппетитная. Четвертая, та самая брюнетка, что сдирала с себя тряпки, не слишком тщательно прикрывала руками весьма недурную грудь, черные локоны игриво рассыпались по золотистым плечам. Луиджи присвистнул. Воистину каждая из четырех стоила того, чтоб ей заняться всерьез, но темноглазой малышки среди них не было.

– Тенъент, – шепнул Джильди, – тут не все. При мегере была еще одна, маленькая такая...

– Ну так и спроси у мегеры, – предложил приятель. – Эти-то как?

– Неплохо, но...

– Но ты хочешь другую, – засмеялся Марио. – А по мне и эти хороши.

Луиджи хлопнул приятеля по плечу и пошел искать коровищу. Неужели малышка осталась на берегу с Капрасом? Ох как жаль... Ничего, когда речь пойдет о выкупе, он найдет способ ее увидеть.

– Осторожней! – голос был каким-то странным. – Осторожней, во имя Создателя!

Джилди обернулся, и тут Уго Варотти положил на палубу девушку в таком состоянии,

что у Луиджи потемнело в глазах. Сын адмирала успел повидать всякое, во всяком случае, ему так казалось до этого мгновения.

...Она была именно такой, как он запомнил: маленькой, хрупкой, похожей на олененка. Темная спутанная грива, мокрая от морской воды, сбилась на сторону, личико было снеговым, крылья носа посинели, а ноги... Ноги у девушки были лишь до середины бедер, а дальше... Дальше шла кровавая каша, в которой смешались осколки костей, разодранные мышцы, обрывки черной с золотом ткани. Уцелевшие сапожки казались кукольными, да и вся она напоминала сломанную куклу, и, самое чудовищное, девушка была жива и в сознании. Она смотрела огромными темными глазами, словно пытаясь кого-то найти, на тоненькой шее лихорадочно билась голубая жилка...

– Закатные твари, – прохрипел Джильди, хватая Уго, – как же это?

Дурацкий вопрос, дурацкий, подлый, чудовищный мир, но промокший до нитки боцман понял капитана по-своему.

– За борт свалилась, – проревел Варотти бычьим шепотом, – прямо промеж весел... Не жилища...

Не жилища, он прав. Не жилища, не жилища, не жилища...

Девушка попыталась поднять голову, полные слез глаза по-прежнему кого-то искали. Луиджи сам не понял, как оказался на коленях возле раненой, сжимая в руках холодные пальцы. Побелевшие губы шевельнулись: девушка что-то силилась сказать, но он не понимал. Слишком тихо.

– Адмирал, – вновь прошептала девушка, – мой адмирал... Я должна...

Адмирал Пасадакис погиб в самом начале сражения. Она не знала? Или это бред?

– Адмирал, – огромные глаза умоляли, – мой адмирал.

– Адмирал Пасадакис? – не очень уверенно переспросил Луиджи.

– Нет... нет... мой адмирал... Гастаки...

Создатель, эта сумасшедшая каракатица?! Луиджи поднял голову:

– Приведите эту... Эту капитана!

– Вы... – теперь она смотрела на него с ужасом и отвращением. – Вы из Фельпа... Это все вы...

– Мы защищаем свой дом.

Зачем он это сказал?! Она же умирает...

Раздались шаги: Уго привел коровицу, за которой маячила какая-то крыса, но девушка смотрела только на Зою.

– Мой адмирал, – твердо произнесла она, – мой адмирал, тенъент Лагидис счастлива служить...

Черные звезды погасли, в уголке губ показалась кровь, очень темная...

Коровица тупо топталась по палубе, ее морда была зеленой. Закатные твари, ну почему за борт свалилась та, а не эта?!

– Твою ...! – прошипела вторая. – Чего молчишь?!

Зоя судорожно сглотнула и пробормотала:

– Лежи смирно, ты поправишься... Обя...

Ее стошнило прямо на палубу, но раненая этого уже не слышала, она вообще ничего не слышала. Сколько она проживет? Час? Два? Будь она с «Акулы», будь она мужчиной, он бы знал, что делать. Джильди сжал невесомое запястье, девушка все еще жила...

– Капитан, позвольте.

Сантарينو, откуда? Ах да, он же шел на «Девятке». Луиджи поднялся, уступая место лекарю. Сантарينو ничего не сделает, никто ничего не сделает, разве что Создатель, но он далеко и не слышит.

– Как ее зовут? – спросил Луиджи, не узнавая собственного голоса.

– Поликсена, – живо откликнулась пришедшая с дожихой баба и добавила: – Это Зоя ее за борт выкинула.

– Что?!

– То, – буркнула «крыса», – испугалась этой вашей твари, отскочила и наподдала задницей... Там фальшборт, как на грех, проломился. Много ль такой козявке надо...

Зоя все еще блевала. Убить? Вот прямо сейчас и убить? Зачем? Она свое дело сделала, она и нелепая случайность, погубившая лучшую в мире девушку. Поликсена... Она была рядом с весны, а он нашел ее сейчас, когда все пропало!

Мелькнула малиновая искра. Паукан! Все вышло из-за паукана и из-за дуры-дожихи. Если б не затея с киркореллами, Поликсена была бы жива. Может быть...

Если б не затея с киркореллами, «Морская пантера» до сих пор бы плевалась огнем. Он бы при abordage положил половину своих людей, а может, и сам бы лег... Но они живы, а Фельпу больше ничего не грозит. Такой замечательный план. Такая великая победа, такие незначительные потери...

– Безнадежно, – бормотнул лекарь. – Если не трогать, умрет через час, если трогать – к вечеру. И потом...

И потом, жить без ног хуже, чем вовсе не жить.

Луиджи Джильди посмотрел на запрокинутую головку, словно вылепленную из лучшего агарийского алебаstra. Ничего не изменишь и ничего не исправишь.

– Капитан!.. – это Варотти.

– Что?

– Может, того... Священника?

Священник на берегу, а до берега несколько часов ада. Нет, лучше сейчас. Поликсене не в чем исповедоваться, нет у нее грехов и быть не может. И ходатаи ей тоже не нужны.

– Капитан, подойдите.

Луиджи наклонился над лежащей. Создатель Милосердный, она опять в сознании!

– Сударь... я... должна... знать... кому отдаю... шпагу...

– Луиджи... Капитан Джильди к вашим услугам.

– Меня... мне... я хочу остаться с... моим адмиралом...

Во имя Леворукого, зачем?! Зачем этой девочке погубившая ее корова?!

– Конечно, но не сейчас.

– Я... – она заволновалась. – Что со мной? Я ранена? Сильно?

– Не очень, – твердо произнес подросевший врач. – Лучше рана в ногу, чем в живот или в голову.

– Я буду терпеть, – пообещала Поликсена, – делайте, что нужно... Я должна вернуться... К адмиралу Гастаки...

– Сударь, – Сантарينو вновь был собран и деловит, – должен ли я?

Должен ли он укоротить агонию? Если бы речь шла об abordажнике, лекарь бы не спрашивал, но девушка – это совсем другое.

– Делайте, что нужно, Сантарينو.

Создатель, это же ее слова! Врач кивнул. Он знал свое дело, он уже отправлял в Рассвет десятки безнадежных... Одно движение – и все! Они ничего не поняли... Поликсена тоже не поймет!

Лекарь умелым движением приподнял голову девушки, темные ресницы дрогнули, из-под них выкатилась слезинка. Одна-единственная. Луиджи сжал кулаки. Зачем он смотрит? Зачем он вообще здесь? «Пантера» захвачена, но в других местах еще дерутся. Оставить три десятка мушкетеров – и на «Акулу»!

Короткий, оборвавшийся всхлип, клубы серого дыма, низкие облака...

«Открой, Создателю, Рассветные врата идущей к Тебе...»

– Кончено, – прохрипел боцман, – Леворукий поберей это... Эту...

Невдалеке палили пушки, «Морскую пантеру» слегка качало, но эти волны подняли не ветра, а люди, люди, заявившиеся сюда убивать.

– Ну, – Луиджи обвел abordажников тяжелым взглядом, – чего ждем? Уго, распоряжайся, остальные – за мной. Игра еще не кончена.

Капитан Джильди развернулся и пошел к правому борту, перед глазами все плыло и

качалось. Проклятый дым! Луиджи уже схватился за канат, когда услышал бормотанье Сантарино:

– Я б четвертовал тех, кто позволяет женщинам хвататься за оружие...

5

Марсель приноровился к суматохе, довольно успешно отбивая удары сабель и тесаков. По крайней мере ему удавалось сохранить свою шкуру, а это в сделавшейся всеобщей свалке было непросто. Никаких шеренг давно не существовало. Все перепуталось, то свои оказывались впереди, а чужие сзади, то наоборот. Самым трудным в этой закатной похлебке было отличать своих от чужих, но Марсель пытался.

Иногда среди дерущихся мелькали сверкающие доспехи Муцио или черная косынка Алвы. Потом вожаков затягивало дымом и закрывали чужие тела. Казалось, что оба погибли, но поднявшийся слабенький ветер разгонял хмарь, фельпцы и бордоны расступались, и адмирал и маршал появлялись вновь, живые и невредимые.

Потом Муцио исчез, но Рокэ продолжал орудовать своими саблями. Вокруг Ворона постепенно образовывалось пустое пространство, желающих попасться ему под руку становилось все меньше. Зато выстрелы звучали беспрестанно, рядом с Алвой падали свои и чужие, но сам он казался заговоренным. Впрочем, угодить в ярмарочную вертушку – и то было проще: кэналлиец ни секунды не оставался в одном и том же положении.

Путь Ворона был отмечен трупами, и все равно у Валме появилось неприятное ощущение, что Рокэ заигрался и дело плохо. Конечно, дерись все, как маршал, перевес бордонов истаял бы в считанные минуты, но Алва был один, а «дельфинов» много. И зачем их только понесло на этот галеас?! Ах да, они помогали «Восьмерке»... Что ж, значит, потонем вместе!

Валме мрачно ткнул шпагой тщедушного бордона. Он довольствовался теми противниками, которых посылал ему Леворукий, никоим образом не претендуя на лавры Алвы. Затяжных схваток виконт мудро избегал: парировал, увернулся – и в сторону! Абордаж не повод выказывать мастерство дуэлянта, а куртуазность тут и вовсе ни к чему!

Выскочивший на виконта бордонский абордажник слишком широко размахнулся своей саблей, Марсель не упустил момент и нанес удар с опережением. Солдат грохнулся к ногам талигойца, обрызгав его кровью, а Валме пришлось броситься на помощь Дерра-Пьяве – коротышка-капитан не заметил целящегося в него одноглазого «дельфина». Валме вломил гардой по руке с пистолетом; пуля угодила в спину абордажнику с «Единицы», прикрывавшему своего капитана. Вот так – спас одного, убил другого...

Расстроенный Марсель насилиу отбил удар какого-то «дельфина». Насколько все же дуэль приятнее драки всех со всеми! В захлестнувшей пространство между мачтой и кормой неразберихе приходилось вертеться ужом, и Валме вертелся. Уходя в сторону после очередной стычки, он налетел на Алву и чуть не умер на месте, столкнувшись с диким синим взглядом.

Желающих иметь дело с синеглазой смертью не было, и маршал сам искал и находил себе противников. Мелькнула правая сабля, принимая удар тесака, свист левой, и под ноги виконту свалился кто-то с разрубленной шеей. Впечатляюще, но неприятно!

То ли впереди, то ли сзади, но точно за мачтой что-то грохнуло, бой качнулся, словно вода в ведре, напор бордонов ослабел, зато шум за мачтой крепчал с каждым мгновением.

– «Восьмые!» – заорала знакомая рожа. Кто-то с «Шестерки», но кто, Валме не помнил. – Влезли наконец, кошачьи дети! Ура!

Еще б не «ура»! Вовремя и в спину! А что еще делать с этими бордонами? Звали их сюда?! «Дельфины» косорылые! Марселя подхватила и понесла горячая, веселая волна. Он больше не оборонялся, он пер на рожон, но с ним ничего не случилось и не могло случиться!

«Благодатное лето сменило весну, – орал во всю глотку талигонец, нанося удары

пятившимся врагам. – *Розы радуют глаз, о!»*

Сбоку на палубу грохнулась граната, уложила на месте парочку бордонов. Какая прелесть!

«Подойдите, эрэа, скорее к окну, — прямой выпад, расплывающееся пятно на лазоревом мундире. — Поглядите хоть раз, о!»

— Хорошо поешь, – одобрил Дерра-Пьяве, колотя эфесом какого-то бедолагу. – Ну а эти... пляшут! «Двойка» с нами!

«Двойка»? Ах да... «Двойка» воспользовалась схваткой и подошла к галеасу. А в схватке на галере она, благородные эры, не участвовала. Абордажники там свежи, как розы...

«Меня насмерть изранили ваши глаза, — пропел Марсель падающему противнику. — И сразила весна, о!»

Моряки с «Двойки», дико вереща и завывая, чтобы напугать врага, друг за другом прыгали через борт и вливались в схватку. Не только абордажники, но и гребцы, и офицеры! Бордоны дрогнули, они еще удерживали пространство от носа до середины палубы, но исход боя был очевиден.

И пускай мир забудет про вашу красу,
Но не сердце усталое, о...

Завопил сигнальный рожок, защитники галеаса, отмахиваясь тесаками и саблями, хлынули к обломку грот-мачты, поспешно перестраиваясь. Тот, кто ими командовал, решил снова собрать своих в кулак...

– Ну и умница, – заметил подошедший Рангони, отирая пот со лба, и добавил: – То есть дурак!

– В сторону! В сторону, укуси тебя селедка, – ревел Дерра-Пьяве, хватая за плечи зазевавшихся абордажников. Марсель честно отпрыгнул к борту, продолжая орать про розы и весну.

Давно ждавшие своей минуты стрелки у кормовых фальконетов наконец-то дождались: два заряда картечи хлестанули по сгрудившимся в кучу «дельфинам». И туда же полетели гранаты, которые абордажники с «Двойки» и «Восьмерки» не успели потратить. Прогремела череда взрывов, и наступила нестерпимая тишина. Неужели все? Так скоро...

Вечно алый ручей возле ваших дверей
Будет вечно струиться, о...

Валме опустил глаза и увидел собственное колено, нахально белеющее сквозь изрядную дыру. Создатель, на кого он похож?! На кого они все похожи?..

От поредевшей толпы у мачты отделился коренастый моряк и, чеканя шаг, пошел к корме.

– Сдаются! – шепнул Валме щербатый моряк. – Сдаются, заешь их зубан!

Бордон остановился, не дойдя пары шагов до фельпских офицеров.

– Господа! Вверенный мне корабль сдается. Кому я должен вручить шпагу?

Муцио Скварца немного помешкал, глянул на неподвижного Алву и вышел вперед. Молодой адмирал, как и все, был покрыт потом, копотью и кровью, левая рука безжизненно висела, шлем сменила окровавленная повязка.

– С кем имею честь?

– Капитан Леонид Ватрахос. После гибели адмирала Пасадакиса принял командование эскадрой.

– Адмирал Муцио Скварца.

– Я польщен тем, что пленен столь достойным воином и моряком, – Ватрахос церемонно поклонился и протянул Муцио шпагу. – Надеюсь, мне и моим людям будет

позволено внести выкуп.

– Это решат отцы города Фельпа, – в голосе Скварцы звучало легкое сожаление. – Но поскольку вы являетесь моими пленными, я сделаю все, чтобы к вам отнеслись справедливо. Соизвольте отдать приказ другим кораблям прекратить сопротивление.

– Непременно, но у меня нет уверенности, что меня послушают.

– А у меня нет уверенности, что кто-то еще сопротивляется, – пробормотал Джузеппе Рангони. – Похоже, мы возились дольше всех.

– Ну, оно того стоило, – захохотал Дерра-Пьяве, которому все было нипочем.

Марсель оглянулся: море было усеяно обломками, вдалеке медленно и грустно тонул галеас, а вокруг, оправдывая свое название, крутилась стайка «ызаргов». Было тихо, никто не стрелял, очень хотелось пить и выпить. И еще переодеться. Валме отошел от борта и на правах лица, состоявшего при особе Первого маршала Талига, присоединился к группе старших офицеров. Муцио, закусив губу, сидел на бочонке, а Рокэ колдовал над окровавленным плечом адмирала. Кэналлиец был сосредоточен, спокоен и больше не напоминал спятившего демона. Человек как человек, только глаза синие.

– Поздравляю с боевым крещением, капитан, – прохрипел Муцио Скварца. – Ой, Рокэ, Леворукий вас побери...

– Всему свое время, – откликнулся Алва, поливая рану касерой из серебряной фляги. – Джузеппе, ваш платок, живо!

Капитан Рангони сорвал шейный платок и протянул Ворону:

– Право, даже жаль, что я не ранен. Вы, сударь, отменный лекарь.

Герцог не ответил, полностью сосредоточившись на ране. Над закопченным изуродованным кораблем пронеслась очумелая птица. Невероятно, неслыханно белая. Уши резанул резкий чайчий крик, и стоящий рядом моряк осенил себя знаком. Ах да, моряки до сих пор считают, что души утонувших и убитых до Последнего Суда вселяются в чайки. Сколько же их сегодня взлетело...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «ПАПЕССА» 36

Притворяясь, будто мы попали в расставленную нам ловушку, мы проявляем поистине утонченную хитрость, потому что обмануть человека легче всего, когда он пытается обмануть нас.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Оллария и Фельп

«Le Six des Deniers & Le Roi des Deniers & Le Quatre des Épées» 37

1

³⁶ Высший аркан Таро «Папесса» («Верховная жрица»). Символизирует духовную мудрость, терпение, молчание, глубокое познание и понимание природы вещей видимых и невидимых. Карта означает, что вы пытаетесь понять высший смысл чего-либо, ищите скрытые факторы, влияющие на ситуацию. Смело вскрывайте тайны, но относительно ваших намерений храните молчание. Перевернутая карта указывает на недостаток проницательности. Может означать также плотские страсти.

³⁷ Шестерка Динариев, Король Динариев и Четверка Мечей.

Дора Луиса, – черные глаза служанки были тревожными и любопытными одновременно, – дора Луиса!

– В чем дела, Кончита?

– Приехала мать молодого дора Рикардо. И с ней высокий дор с облезлым пером. Оба важные, как гуси, и такие же злые.

Приехали-таки, причеши их ласка.

Луиза Арамона осталась невозмутимой. Какими гусями ни были Окделлы, драться, топтать ногами и орать на всю улицу они не будут. Не то что покойный муженек. Хотя и она теперь не сварливая жена, а дуэнья при знатной девице, а дуэньи должны держать язык за зубами.

– Где гости? Что им сказали?

– Ничьего, дора, – черные глаза задорно блеснули. – Я очень, очень плеко понимать талиг, а Антоньо – плохее меня.

– Проводи их в Зимнюю гостиную, – улыбнулась госпожа Арамона. – Я сейчас выйду.

Настроение сразу улучшилось. Умница Антонио! Хотя дурака Рокэ Алва держать бы не стал. Хорошо, что они еще не переехали в новый дом, там воевать с надорскими кабанами было бы потруднее.

Дуэнья поправила строгое черное платье и поднялась к Айрис. Селина сидела у подруги, Луиза сама удивлялась тому, как быстро девчонки сдружились. Госпожа Арамона посмотрела на склоненные друг к другу головки – русую и белокурую... увы, умиляться и сюсюкать было некогда.

– Айрис, прибыли ваша матушка и граф Ларак.

– Зачем?!

Избави бог дожить до того, чтоб Жюль или Амалия, узнав о ее приезде, заорали так и такое!

– Сейчас узнаю.

– Я с ней не поеду, – ноздри Айрис раздувались, словно у породистой лошади. – Я дождусь эра Рокэ и выйду за него замуж! Они меня не заберут!

Замуж?! Святая Октавия, этого еще не хватало! Луиза Арамона догадывалась, что синеглазый герцог поразил тощую северяночку в самое сердце, но замужество!!!

– За монсеньора? – заморгала Селина. – Вы помолвлены?

– Он мне прислал линарского жеребца, – надменно произнесла Айрис, – и я его приняла.

Нет, Окделлов надо убивать в колыбели. И Карлионов тоже. Жеребец... Марианне Лионель Савиньяк преподнес карету с четверной запряжкой, но баронесса как-то не спешит травить своего барона и становиться графиней.

– Айрис, говорить о помолвке до ее оглашения неприлично.

– Это из-за Дикона, – ничтоже сумняшеся объявила девица Окделл. – Он уехал, и эр Рокэ не мог попросить у него моей руки. Дикон – глава Дома Скал, а эр Рокэ – глава Дома Ветра. Мы поженимся, а в Надор я не вернусь. Я так матушке и скажу!

– Айрис, не стоит ссориться с матерью.

– А не надо было убивать моего коня и ругать эра Рокэ. Я все равно за него выйду. Я его люблю...

Тоже мне повод! Мало ли кто его любит, и мало ли кому он что дарил, но как объяснить это семнадцатилетней девчонке, выросшей в надорской богадельне?

– Ссориться с родичами для знатной девицы неприлично, – в голосе Луизы зазвенел металл. – Оставайтесь здесь. Я сама поговорю с герцогиней Мирабеллой. Надеюсь, она не станет настаивать на вашей встрече.

Айрис кивнула, ее лицо пошло красными пятнами, глаза блестели. У девчонки есть характер, вопрос только, хорошо это или плохо. Луиза торопливо глянула в зеркало. Слава Создателю, она достаточно уродлива и респектабельна! Поручи Ворон свалившуюся ему на

голову девицу Марианне, скандал был бы неизбежен, а так, может, еще и утрясется. Луиза ухватила валяющиеся на кресле янтарные четки и серую алатскую шаль. На плечах сероглазой Айрис она была на месте, но дуэнье придавала сходство с богобоязненной крысой. Только б не сорваться! Не сорваться и не послать Повелительницу Скал к кошкам, хотя ей там самое место...

Вдова капитана Лаик медленно, как на похоронах, спустилась по лестнице и пересекла террасу. Тот, кто строил особняк Алва, предусмотрел появление гостей, которым в доме делать нечего. Из Зимней гостиной попасть во внутренние покои можно было только через террасу, очень удобно. Не станет же гостя силой рваться в обиталище Рокэ Алвы. Или все-таки станет?

Хуан услужливо распахнул перед Луизой дверь черного дерева, и взору дуэньи предстали две фигуры в сером. Создатель, из какой пещеры они вылезли?! Любовницы Арамона – и те одевались лучше герцогини Мирабеллы.

Больше всего Повелительница Скал походила на летучую мышь, которая, вместо того чтоб повиснуть вниз головой, завернулась в серые крылья и уселась в обитое серебристой парчой кресло. Айрис права, от такой матушки бежать, бежать и бежать.

– Где моя дочь? – герцогиня не собиралась церемониться с какой-то там дуэньей.

– Ваша дочь? – ледяным голосом переспросила Луиза. – Простите, сударыня, с кем имею честь?

– Это невозможно, – выдохнула летучая мышь, но ее спутник, высокий дворянин в камзоле с блестящими локтями, если только этот мешок был камзолом, медленно поднялся и уныло качнул головой. Надо полагать, поздоровался.

– Граф Эйвон Ларак, сударыня. Герцогиня Окделл. Мы хотим видеть...

– Где моя дочь? – перебила Мирабелла.

Эта моль готова здесь все разнести. Ее придется унять и при этом не уронить достоинства хозяина дома. Легко сказать!

– Простите, сударыня, – раздельно произнесла Луиза, глядя в бесцветное лицо, – я не имею чести знать вас. Мне хотелось бы верить, что я вижу именно Повелительницу Скал, но в наше время...

– Я не позволю прислуге кэналлийского негодяя оскорблять меня! – сверкнула гляделками герцогиня и с гордым видом замолкла.

Уж лучше быть прислугой, чем эдакой обшарпанной герцогиней! Будь на то воля Луизы, она б уперла руки в боки, как всегда делала, затеяв ссору с Арнольдом, и посоветовала бы надорской дуре убираться в свой свинарник. Но Луиза улыбнулась одними губами. Как герцог Алва.

– Вы сами себя оскорбляете, сударыня. Полагаю, наш разговор окончен.

– Мирабелла, – промямлил граф Ларак, – может быть, нам следует...

– Эйвон, – прервала бляенье вдовствующая герцогиня, – когда мне понадобится ваш совет, я скажу.

– Разумеется, – пробормотал тот, став еще более серым, чем был. И это мужчина? Дворянин? Граф?! Арамона хотя бы орать умел.

– Где моя дочь? – завела свою волынку Мирабелла. Леворукий и все кошки его, да рядом с Повелительницей Скал Луиза Арамона сойдет за Марианну. Как просто стать красоткой! Встань рядом с серой тварью и улыбайся...

– Я не знаю, кто ваша дочь, сударыня, и где она, – нагло произнесла вдова капитана Лаик. – И я не верю, что вы – герцогиня Окделл. Герцогиня Окделл никогда не появится без приглашения в чужом доме. Я не верю, что герцогиня Окделл не знает, где ее дочь. Я не верю, что герцогиня Окделл может искать свою дочь в особняке герцога Алвы.

Мирабелла вскочила, взмахнув руками, от чего сходство с летучей мышью многократно усилилось, и вылетела в услужливо распахнутую все слышавшим Хуаном дверь. Эйвон Ларак торопливо поднялся. Луиза заступила ему дорогу.

– Айрис Окделл, сударь, – фрейлина королевы Талига. Вам следует знать, что покинуть

Олларию она может лишь с разрешения их величеств. Для этого глава фамилии, и только он, должен направить прошение в канцелярию ее величества с просьбой освободить девицу Окделл от ее обязанностей, предоставив убедительные обоснования подобной просьбы.

– Вы, – несчастный граф походил на человека, которого то ли вытащили из петли, то ли, напротив, собираются повесить, – вы нам лгали.

– Нет, – все так же ровно произнесла Луиза, – я и впрямь полагаю, что герцогиня Окделл не станет искать свою дочь в чужих домах, рискуя, что о ее бегстве узнает вся Оллария.

– Вы правы, – торопливо пробормотал Ларак, – я... Я попробую убедить герцогиню.

– Ее величество осведомлена о том, как Айрис Окделл появилась в доме эра своего брата, – пустила в ход главный козырь Луиза.

– Это меняет дело, – перевел дух Ларак. – Благодарю вас, сударыня, я должен поспешить к герцогине. Прошу вас простить ее несдержанность.

– Айрис рассказала, почему она была вынуждена покинуть Надор, – не удержалась от шпильки капитанша, но Ларак не заметил подвоха.

– Значит, вы понимаете... – бедняга отвесил старомодный поклон и вышел. Луиза рухнула в кресло. Повелительница Скал! Вот уж точно, чем старше шкура, тем больше моли. Да не будь Мирабеллы, кошки с две Эгмонт бы восстал, а от эдакой плесени в доме к палачу сбежишь и не заметишь. Бедная Айрис, бедный Ричард, и она еще сожалела, что не родилась в знатной семье. Да легче удавиться!

Открылась дверь, появилась Кончита с кувшином и бокалом. Нет, положительно, в доме Алва служили только умные люди.

2

«Среди прибывших в Олларию через ворота Роз в 12 день Летних Ветров 399 года КС барон Тоадда с супругой, маркиз Аувалэнта, вдовствующая маркиза Фукиано, граф и графиня Гаутензар, вдовствующая герцогиня Окделл, граф Эйвон Ларак ...»

Итак, благородная Мирабелла восстала с одра болезни, дабы вернуть блудную дочь. Долго же она хворала. Его высокопреосвященство с укором посмотрел на ни в чем не повинную бумагу. Признаться, он полагал, что разгневанная мать объявится раньше. Или не объявится вовсе, предав опозорившую Дом Скал Айрис забвению, а тут и яйца побили, и яичницу не приготовили. Леворукий бы побрал этих Окделлов – они так глупы, что никогда не знаешь, чего от них ждать...

Будь у Мирабеллы в голове хоть что-нибудь, она б осталась в Надоре и написала, что умирает и жаждет благословить сбежавшую дочь. Впрочем, герцогиня уже в прошлом году умирала и требовала к своему одру сына. А потом передумала. Любопытно, почему? Подразумевалось, что из Варасты до Агариса ближе, чем из Надора?

«Вдовствующая герцогиня Окделл в сопровождении графа Ларака, — сообщал другой прознатчик, — направились в особняк герцога Алвы, где пробыли менее часа, после чего посетили приемную ее величества, где подали прошение об аудиенции. В настоящее время герцогиня Окделл и граф Ларак находятся в гостинице «Солнечный щит».

Оскорбленная мать намерена искать защиты у еще более оскорбленной королевы. Щекотливое положение у обеих, весьма щекотливое... Что перевесит у герцогини: желание наказать грешницу или не запятнать фамильную честь Окделлов? И что предпочтет Катарина – сохранить расположение вдовы почти святого Эгмонта или угодить Ворону? А Штанцлера нет, не подскажет никто.

Сильвестр отхлебнул из прозрачной чашечки горячего шадди и улыбнулся. Незыблемая Мирабелла терпела, терпела и заявила в дом убийцы мужа. С чем пришла, с тем и ушла. Рокэ утверждает, что дуэнья Айрис умна, надо бы на нее как-нибудь глянуть. Умные женщины да еще на нужном месте – редкость, их следует беречь.

Сильвестр с наслаждением допил шадди и позвонил.

– Прикажите еще.

Секретарь посмотрел с молчаливым укором, но промолчал. Ничего, это сегодня последняя чашка. Четыре чашки в день не так уж и много, нет, это просто мало! Врачи говорят, что шадди тот же яд, только медленный. То-то шадды, если их не убивают, живут по сто с лишним лет! Медики обожают напускать на себя важность, а сами ничего не понимают ни в болезнях, ни в лекарствах, ни в ядах. Все более или менее сносное по этой части придумано или найдено еще в гальтарскую эпоху. Как тогда травили неугодных, так и сейчас травят, только не так-то это просто. Гайифские яды хороши, но слишком известны.

Леворукий побрал бы Дидериха, не просто заплонившего свои пьесы отравленными перчатками, ключами и притираниями, но и с бергерской дотошностью расписавшего признаки отравления. Из-за дурака-сочинителя гайифские яды годятся, только когда убийство можно не скрывать. Мышьяк при всех своих достоинствах тоже имеет недостатки. С одной стороны, смерть можно свалить на несварение, с другой – к этому яду, как и ко многим другим, привыкают, и потом, он слишком медленно действует. Как и тинктура крапчатого болиголова, хотя именно она спасла Талиг. И еще вошедшее в поговорку везенье собрано Алваро. По числу покушений его никто не обогнал, даже сын... Странная тогда вышла история. Диомид и тот не знал правды. Ее вообще знал только один человек, и этим человеком была либо Алиса, либо собрано.

Его высокопреосвященство откинулся на спинку кресла и усмехнулся. Каким же желторотым юнцом он был, даже странно, что Диомид взял его в младшие секретари. Надо думать, причиной стала фамильная изворотливость Дораков. Диомид... Сильвестр словно наяву увидел обманчиво мягкий профиль и длинные, цепкие пальцы, вцепившиеся в дубовые подлокотники. Его высокопреосвященство первым сказал то, о чем другие молчали: король и королева губят Талиг, они должны уйти, иначе страну ждут проигранные войны, голодные бунты, междоусобица и, в конечном итоге, распад королевства на враждующие между собой осколки.

Это было сказано в резиденции кардинала, потому что больше говорить было негде. Франциск и Алиса были непроходимо глупы, но вокруг августейшей четы вилось слишком много дриксенских гусей и гайифских павлинов. О, сами они ничего не делали, только восхищались мудростью августейшей четы. Талиг губило сидящее на троне ничтожество, а ничтожество пихала под локоть очумевшая коза, возмнившая себя великой королевой.

Диомид сказал, что считал нужным, и отвернулся. Он не смотрел на своих гостей, давая им время прийти в себя. Первым опомнился собрано Алваро. Он не колебался. Кэналлийцу было проще, чем Георгу Оллару, – между ним и троном стоял брат покойного короля, а Георг, говоря «да», протягивал руки к короне. Станным он был человеком, принц Оллар, убийство его не пугало, но обвинений в корысти он боялся.

Герцог Ноймаринен тоже молчал, только задумчиво глядел на дядю-кардинала и крутил украшенную изумрудами цепь. Четыре человека и портрет Франциска Великого. И еще молоденький секретарь, скрытый книжными полками и не сводящий взгляда с гостей его высокопреосвященства. Зачем Диомиду понадобилось посвящать его в тайну, цена которой была жизнь, Сильвестр так и не понял, Диомид вообще был непредсказуем.

– Ваш шадди.

– Спасибо, Агний.

– Деша из Ургота.

– Хорошо.

Собрано Алваро любил шадди, он и приучил к багряноземельской отраве тогда еще молодого Сильвестра. Рокэ, тот хоть и знает толк в «успеде шадов», предпочитает вино. Два Первых маршала Талига – отец и сын. Такие похожие и такие разные, но к обоим намертво прилип ярлык счастливчиков. Алваро избежал всех покушений и умер в собственной постели, хотя еще вопрос, кого называть баловнем судьбы: того, кого милуют пули, или того, в кого не стреляют... А шадди паршивый, Агний так и не научился его варить, а может,

делает это нарочно – надеется, что старый гурман меньше выпьет.

Агний верен и послушен, это хорошо для секретаря, а не для кардинала, он слишком поздно это понял. Герман мертв, Симон и Павел тоже, а Бонифаций спился и отошел от дел. Искать замену? Это требует времени, а его нет. Остается одно: поменять короля, потому что слабый король при слабом кардинале – это прыжок назад, во времена Алисы, только без надежды...

Нет, все-таки кто тогда спас Талиг и собрано, судьба или сам Алваро? Франциск Второй умер от яда болиголова, и принять яд он мог лишь в шадди. В шадди, который пил в обществе супруги и Первого маршала Талига. Ох, как Алиса стереглась убийц и отравителей! Именно при ней в моду вошли короткие рукава без манжет и кольца без камней. Высочайшую пищу проверяли королевские дегустаторы и гайифские и дриксенские агенты, отвечавшие головой за безопасность губящих Талиг идиотов. Покои их величеств, мебель, даже посуду стерегли в шестнадцать глаз. И все-таки не устерегли. Франциск Второй пожаловался на отвратительный привкус во рту, отказался от обеда и потребовал, чтоб его оставили в покое. Когда через два часа к королю явилась супруга, тот был мертв.

Зачем Алиса пригласила во дворец кэналлийского герцога, которого ненавидела всеми фибрами своей души? Зачем распорядилась подать шадди, которому царственная чета предпочитала шоколад или травяные отвары? Почему, несмотря на явные признаки отравления, не заикнулась о яде? Ответы очевидны. Королева решила избавиться от одного из главных своих врагов. Тинктура болиголова имеет отвратительный вкус, который проще всего скрыть в горечи шадди. Что же было дальше? Соберано догадался и поменял чашки или вмешался случай? Диомид предполагал первое, Сильвестр склонялся ко второму.

Рок играл с кэналлийскими герцогами в странную игру. Соберано ходил по натянутой струне, всякий раз избегая пропасти, из шестерых его детей выжил лишь младший, но как же ему теперь везет! Впрочем, все на везенье не спишешь, Ворон вырывает у судьбы победу за победой. Любопытно, что он учудит на море? В любом случае о бордонско-гайифской армии можно не беспокоиться, но в Оллории Рокэ делать нечего.

Герцог Алва отгонит от Фельпа волка и отправится в Урготеллу, нравится ему это или нет. Таково будет условие Фомы, который платит золотом и хлебом. И таков будет приказ короля Талига своему Первому маршалу. Королевский рескрипт нужен завтра, тогда через две недели он окажется в руках, нет, не Первого маршала, а гран-дукса Фельпа. С Рокэ станет сказать, что он ничего не получал.

Второй приказ отправится в Ургот к тамошнему послу. Граф Шантэри кажется выжившим из ума сентиментальным старцем, но он здоров, как бык, и хитер, как десяток лисиц, – другого при дворе урготского выжиги держать бессмысленно. Вдвоем они займут Ворона до будущей осени, и за это Фома получит Бордон, а Шантэри – земли Штанцлера, благо тот не озаботился супругой и детишками. Ну а Талиг обретет короля. Новый круг, новая династия – династия Ветра...

Сильвестр назло всем врачам залпом допил сваренную Агнием бурду. Рука сама потянулась к звонку, но его высокопреосвященство удержался. Сегодня пить шадди он больше не будет, и вообще надо лечь спать пораньше. Вот ответит Фоме, примет епископа Придды и ляжет не позднее полуночи. До начала занятий в Лаик больше пяти месяцев, отчеты капитана и списки будущих унаров ждут... По большому счету, ждет все. И одновременно не ждет – Дивин не дурак, понимает, что наступление на юге может сорвать, только ударив на севере.

Без Альмейды оборона Хексберга ослабела, да и от Каданы можно ждать любой мерзости. В том, что решение расквартировать на каданской границе Первую резервную армию, было верным, Сильвестр не сомневался. Его смущал генерал Симон Люра, за которого усиленно ходатайствовали Манрики, изыскившие средства для создания Второй резервной. С одной стороны, фламинго можно заподозрить в чем угодно, но не в любви к павлину. С другой – уверенным до конца можно быть только в своей подушке.

Хватит ли сил отбиваться в Надоре и Торке и наступать в Бордоне и Варасте? Должно

хватить, но для этого в Талиге должна стоять тишь да гладь. Как на кладбище, и даже тише. Никаких восстаний, никаких смут...

Его высокопреосвященство пододвинул к себе краткие жития святых. Эсператисты делили рассветных ходатаев по целой куче признаков, Франциску разбираться в этой зауми было лень, и он раз и навсегда постановил: в глазах Создателя все святые равны, а посему их жития должны следовать друг за другом в соответствии с днями их памяти. Сильвестр раскрыл толстую книгу в самом начале. Третий день Зимних Скал – святая Августа. Мать святой Октавии. Или не мать? В житии первой королевы Талига было слишком много от сказки, причем невеселой. Нет, не стоит загадывать на святую Октавию... А на кого стоит?

Кардинал Талига поднялся, неторопливо подошел к окну, за которым догорал долгий летний день. Смотреть в закат – дурная примета. Почему – никто не знает, но дурная. Красное солнце по вечерам предвещает ветер... Ветер, это то, что нужно! Сильвестр вернулся к столу и написал на чистом листе: «Первый день Зимних Ветров».

3

Пленных разоружили, на захваченных кораблях оставили команды, способные поддерживать порядок. Выстрелы смолкли, и стало очень тихо. Люди переговаривались, умывались забортной водой, ругались, вспоминали погибших, смеялись над тем, что казалось смешным, скрипели весла, плескалась вода, и все равно это было тишиной и покоем.

Марсель взял у Герарда что-то отдаленно напоминающее полотенце и вытер лицо и руки. Хорошо, что все позади, еще одного похода в брюхе «ызарга» он бы не вынес. Жара медленно спадала, с моря потянуло легким ветром. Сигнальщики, горделиво подбоченясь, трубили «отдых», а в море медленно опускалось круглое алое солнце. Сражение кончилось, они победили, и даже погода сменила гнев на милость.

«Влюбленная акула» неторопливо шевелила веслами. Еще немного – и они в городе, а там – палатки Сирен, горячая вода, чистое белье и постель. Он будет спать до обеда, и никакой Герард его не поднимет. Да что там Герард, ему никто не указ, будь хоть маршал, хоть сам Создатель!

– Вас ждет монсеньор, – объявил Герард. Мальчишка едва держался на ногах, но физиономия у него все равно была счастливая. – Он в адмиральской каюте.

– Иду, – заверил Марсель, с трудом поднимаясь с совершенно восхитительного бочонка. Двадцать шагов до кормовой надстройки показались двумя хорнами.

– Где вас носит, виконт? – Волосы Рокэ были мокрыми, а вся одежда герцога состояла из расстегнутой рубахи, холщовых матросских штанов и какого-то амулета на цепочке. Адмиралы выглядели так же, только у них на шеях болтались эсперы, а голову и плечо Муцио украшали повязки.

– Пейте, – Фоккио Джильди протянул виконту кружку. Красное вино, разбавленное водой! По жаре лучше не придумаешь! Марсель смаковал божественный напиток, вполуха слушая разговор.

Победа была полной. Фельп потерял одиннадцать «ызаргов», в том числе пять брандеров и четыре галеры. Зато бордоны остались без галеасов и пятидесяти четырех галер. Четыре галеаса и двадцать галер взяты в плен, семнадцать удрали, бухта деблокирована, и Альмейде здесь делать нечего.

– Теперь дело за малым, – Джильди заговорщицки подмигнул Алве, – покончить с Капрасом.

– Зачем? – Рокэ казался удивленным. – Пусть гуляет по берегу и собирает бешеные огурцы, они вот-вот созреют.

– Вы не хотите его разбить?

– Нет, – пожал плечами Ворон, – сам сдастся. Деваться ему все равно некуда.

– Пожалуй, – кивнул Муцио. – Карло Капрас не глуп, сообразит, что к чему. Разрубленный Змей, сказал бы кто – не поверил! Это же победа, господа! Победа!

– Победа, – подтвердил Рокэ скучным голосом. Он тоже устал.

– Сегодняшний день войдет в историю Фельпа, – веско произнес Джильди. – И чудо это сделали вы.

– Прекратите, – отмахнулся Алва, – я рад был оказать вам услугу. Завтра я выпью с вами за победу, а послезавтра попрощаюсь с дуксами. Мы возвращаемся в Олларию, а Капрас пускай ждет талигойскую армию. Должен же Савиньяк получить хоть какое-то удовольствие.

Послезавтра?! Нет, он точно сумасшедший. После такого нужно три дня спать и неделю гулять, а не мчаться куда-то по мерзкой дороге, очертя голову.

– Вы с ума сошли, – Муцио оттолкнул стакан, – это невозможно...

– В самом деле, Рокэ, – Джильди казался обескураженным, – нельзя же так...

– Задержитесь хотя бы до Андий ³⁸, – молодой адмирал резко повернулся, и его лицо исказила боль. – Люди обидятся, если вы уедете, и потом... Пока вы здесь, мы хотели бы потолковать с дуксами и генералиссимусом по душам и рассчитываем на вашу помощь.

– Вы просто обязаны остаться, – Джильди положил руку на плечо Ворона, – иначе вы увезете нашу удачу, а весной она нам снова понадобится.

– Хорошо, – коротко кивнул кэналлиец, – мы задержимся до Андий, и хватит об этом.

– Надо решать с пленными, – торопливо напомнил Джильди. – Бросим жребий или у кого-то есть предпочтения?

– Полагаю, Фоккио хочет неповторимую Зою? – предположил Алва и, глядя на побагровевшего адмирала, пояснил: – Я далек от того, чтоб подозревать вас в нечестивых намерениях насчет этой дамы.

– Да, я прошу старших офицеров «Пантеры», – кивнул Джильди.

– И пусть Кимароза с Титусом лопнут со злости, – заключил Скварца. – И насчет каторжников тоже. Они им, видите ли, не верили, а бедняги сделали больше, чем от них ждали... Вечная память!..

– Муцио, конечно, о покойных принято говорить хорошо, к тому же я рискую подорвать вашу веру в человечество, но с каторжниками генералиссимус был прав. Эти разбойники изменили.

– Но как же?! – брови Муцио явно решили спрятаться под повязкой. – Я же сам видел... Неужели случайность?

– Можно сказать и так, – согласился Рокэ. – И вы сейчас находитесь в ее милом обществе.

– Что? – Муцио все еще не пришел в себя. – Что такое?!

– Адмирал Фоккио Джильди прятался в секретной каютке и, когда наши прощенные друзья выкинули серый флаг, поджег запалы. Кстати, надо не забыть посоветовать отцам города Фельпа запретить адмиралу Джильди чрезмерно рисковать. Он слишком хорош для того, чтоб собственноручно подрывать вражеские галеасы. Даже флагманские.

– Рокэ, – возмутился Фоккио, – кто бы говорил об осторожности?

– Я – другое дело, – Алва потянулся к стакану.

– А... – Скварца ловил ртом воздух, не зная, что сказать, и наконец выдавил: – А что... что было в шкатулке?

– Киркорелла, – зевнул Рокэ, – розовая, с золотом. Очень красивая.

– Леворукий и все кошки его! Так вы... Вы с самого начала...

– Муцио, – Ворон укоризненно покачал головой, – я уповал на то, что в каторжниках заговорит совесть и все такое, но я должен был подумать и о том, что они поступят дурно.

³⁸ Андии – старинный праздник, распространенный на побережье Померанцевого моря и особенно любимый моряками.

Увы, любовь к отечеству в них не проснулась...

– Если б вы не были маршалом, вам бы следовало податься в поэты. – Муцио основательно захмелел. Еще бы, рана, усталость, вино. – Я чуть не расплакался, слушая вашу речь, а в шкатулке сидел паукан.

– Стыдно, адмирал, – сапфировые глаза задорно блеснули. – Каторжники – люди невежественные, им простительно, но вы... Не узнать монолог Генриха Седьмого из «Утеса Чести»?! Конечно, это не лучшая вещь Дидериха, и все же...

– Дидерих? – переспросил Джильди. – Это из пьесы?

– Разумеется. Неужели вы думали, что я способен на подобный бред? Правда, в «Утесе» каторжников проняло, они пошли за благородным Генрихом, все погибли, но спасли отечество, по поводу чего Генрих прочитал еще один монолог. Его я не учил, не думал, что до него дойдет. Если угодно, могу дать книгу, она в палаццо.

– Увольте, – замахал руками Джильди, – после сегодняшнего?! Я всегда знал, что Дидерих – старый дурак, но чтоб такое!

– Ну и зря, – потянулся Рокэ. – В старикашке есть возвышенность. Он свято веровал, что каторжники, шлюхи, воры и изгнанники прекрасны просто потому, что они каторжники, шлюхи, воры и изгнанники.

– Рокэ, – простонал Муцио, – во имя Леворукого, пауканов вы тоже из-за Дидериха размалевали?

– Нет, из галантности, – вяло возразил Ворон. – Они предназначались дамам, а дамы серо-бурые тона не жалуют.

– В таком случае, Рокэ, – торжественно объявил Джильди, – вы просто обязаны забрать тех девиц с «Пантеры», от которых пауканы не шарахаются.

– Почему бы и нет, – кивнул Алва, – под ответственность виконта. И если ваш сын не против. Где он, кстати?

– С абордажниками, – махнул рукой адмирал, – у них там свои праздники. Паршивцу не нравится быть адмиральским сыном.

– Мне тоже не нравилось, – признался Муцио. – А вам, сударь, нравилось быть сыном Первого маршала?

– Не очень, – признался Рокэ, – но я утешался тем, что бывает и хуже и я хотя бы не сын короля.

Глава 2 Алат. Сакаци

«Le Six des Coupes & Le Chevalier des Bâtons & Le Deux des Êpêes»³⁹

1

Вверх-вниз, вверх-вниз, старая как мир забава. Летящие навстречу еловые кроны, запах роз и лаванды, белые облака, смех Мэллит. Матильда научила маленькую гоганни смеяться и качаться на качелях. Девушке нравилось это нехитрое развлечение, еще бы, ведь она впервые видела столько неба и столько зелени.

– Ну конечно, на качелях! – Матильда с хлыстом в руках стояла у векового тиса. – Мэллица, ты мне нужна.

Мэллит, как всегда, немножко замешкалась. Она все еще терялась, когда ее заставляли врасплох. Робер выпрыгнул из украшенной лентами лодочки и помог выбраться девушке.

³⁹ Шестерка Кубков, Рыцарь Посохов и Двойка Мечей.

Она бы и сама справилась – Мэллит была гибкой и ловкой, но кавалер должен помогать даме, а дама должна привыкнуть к тому, что иначе и быть не может.

Эпинэ проводил взглядом вдовствующую принцессу и ее «воспитанницу». Если наследник рода Эпинэ женится на «незаконной внучке Эсперадора и алатской герцогини», будет скандал, но не больший, чем когда Рамиро Алва взял в жены Октавию. Робер Эпинэ был бы рад последовать примеру Предателя, но дело не в нем. Мэллит, превратившись в Меланию Таубер, не перестала любить Альдо.

Робер задумчиво подтолкнул опустевшие качели, те радостно взметнулись к высокому небу. Лето в Алате было чудесным – ярким, солнечным, но не жарким. Горная Алати вообще была изумительно красивой страной, где снились удивительные сны, которые хотелось удержать, но разве можно удержать сон? Как всегда, когда на него накатывало то, что Матильда именovala филозопией, Иноходец отправился на конюшню: Дракко не помешает размяться, а ему – заглушить дурь стуком копыт.

Дракко, услышав хозяина, принялся месить опилки, что его отнюдь не украшало, бедные младшие конюхи! Робер укоризненно покачал головой. Дракко хрюкнул и изогнулся, норовя дружески боднуть хозяина, не спешившего с яблоками. Эпинэ засмеялся и протянул красавцу половину мьельки⁴⁰. Жизни без Дракко Иноходец не представлял, и эта любовь, похоже, была взаимна. К мысли о лошади прилепилась мысль о Вороне, подарившем ему это чудо. Шутка вполне в духе Алвы – прикончить хозяина и позаботиться о коне...

– Робер!

Дикон, и тоже на конюшне.

– Проедемся до Белой Ели?

– Конечно, – юноша улыбнулся, но как-то вымученно. Он вообще был встрепанным и потеряннм. Матильда пробовала с ним говорить, но Дик бодро заверял, что все в порядке. Принцесса подумала и вынесла приговор: влюблен и в разлуке, Роберу сначала тоже так казалось, потом он решил, что дело не в этом. Вернее, не только в этом. Ладно, захочет – сам скажет. Не лезь к другому с тем, за что прибил бы лезущего к тебе.

Эпинэ окончил седлать Дракко и вывел во двор, дожидаясь Дика. Лошадь у юноши была потрясающей – настоящая мориска, но на удивление спокойная и дружелюбная. Эпинэ в глубине души надеялся, что Дракко если не быстрее, то выносливей, но возможности проверить не было. Горные дороги не предназначены для скачки галопом. Альдо – тот мог погнать коня через буераки с риском сломать шею и себе, и ему, но Дракко Роберу был слишком дорог. Как и Дику его Сона. Кстати, рыжий явно отличал мориску среди других кобыл. Надо поговорить с Диком. Конечно, в пару к Соне просится вороной мориск, но где ж его тут такого взять, а рыжий полукровка даст фору многим чистокровным...

– Робер!

Дик с Соной на поводу в темном провале арки казались сошедшими с эсператистской иконы. Будь лошадь белой – готовый святой Гермий!

– Поехали, – Эпинэ ухватился за гриву и вскочил в седло. Дракко фыркнул, но трогаться с места не спешил, косясь на вороную красотку.

– Они нравятся друг другу, – сообщил Робер Ричарду.

– Нравятся, – повторил юноша тусклым голосом. Во имя Астрада, он что, всю жизнь собирается страдать? Робер направил коня к опущенному мосту, сзади раздался стук копыт Соны. Начинаясь сразу за рвом дорога змеилась среди поросших столь любимыми Матильдой елками склонов. Доцветал красный горный шиповник, тянуло дымом, из кустов то и дело вспархивали длиннохвостые, сварливые птицы. Дракко шел крупной рысью, а дорога была широкой, Ричард мог бы догнать, но не догонял. Не хочет разговаривать – не надо!

У стоящего особняком бука дорога разветвлялась: основной тракт шел через перевал и

⁴⁰ Местный сорт яблок.

дальше, но Эпинэ свернул к Белой Ели. Обитатели Сакаци этого места избегали, потому Робер о нем и узнал. Конюхи объяснили полюбившемуся им гици, куда лучше не ездить, и гици, разумеется, туда и поехал. Дурное место оказалось красивым и спокойным. Посредине лесной поляны возвышался ствол давным-давно умершей ели, у ее подножия лежало несколько валунов и журчал родничок. Робер просидел на сером камне целый день, глядя то на мертвое дерево, то на проплывавшие над ним облака. Дракко и Клементу поляна тоже понравилась, и Эпинэ решил, что на Белую Ель возвели напраслину. Может, когда-то здесь и произошло что-то скверное, но дожди давным-давно смыли следы старой беды.

Тропинка снова раздвоилась, став совсем узкой, теперь Дикон, даже если б захотел, не смог бы ехать рядом. Поворот, еще один, из усыпанных черными ягодами кустов выпорхнула птица с пестрым хохолком, зазвенел ручей – теперь уже близко.

Белая Ель возникла неожиданно. Она всегда появлялась неожиданно и была прекрасной, хотя что может быть прекрасного в чудом устоявшем стволе, лишившемся коры и почти всех ветвей и выбеленном ветрами и дождями? И все равно белый обелиск посреди лесной поляны завораживал, отчего-то вызывая в памяти сгоревшую ару. Робер оглянулся, ожидая увидеть на лице Дика удивление, но юноша рассматривал гриву коня.

– Дикон, – рявкнул Иноходец, забывший о решении не лезть куда не просят, – во имя Астрада! Что ты натворил?

Юноша вздрогнул и выпалил:

– Я отравил своего эра!

2

Он рассказал все, хотя решил не говорить ничего. По крайней мере пока не узнает, к чему привела его глупость. Дик говорил, сам не понимая, как умудрился запомнить все: разговор с эром Августом, воду, льющуюся в бассейн на площади Святого Хьюберта, черные завитки на двери в кабинет Рокэ, багровые отблески камина. *«Вы спрятали в моем доме еще парочку праведников?»* Пришлось рассказать про Оноре, а потом и о диспуте, в котором эсператист победил оллариянца. Преосвященный говорил, что нельзя ненавидеть, ненависть – это грех, но Ричард Окделл не ненавидел Рокэ Алву. Он хотел спасти хороших людей, а другого выхода не было. Так казалось эру Августу, так казалось Дику, а что вышло?!

– Робер, – Ричард захлебывался в словах и воспоминаниях, как в мутной саграннской реке, – Дорак решил покончить со всеми. С Катари... ной Ариго, ее братьями, твоей семьей, Приддами, Карлионами... Кроме Окделлов... Эр Рокэ не дал. Он убил моего отца на линии, ты это знал?

– Это знали все. – Иноходец соскочил на землю, зацепил поводья за луку седла и, предоставив рыжего самому себе, опустился на серый камень. – Слезай и отпусти Сону... Нам еще говорить и говорить.

Это знали все... ВСЕ! Дик прыгнул на землю, нога подвернулась, но он все-таки сумел не упасть. Рокэ и отец стали на линию, секунданты не дрались, но они все видели. Мишель Эпинэ рассказал повстанцам, Салина – своим, Рокэ – Катари. Но почему это не дошло до Надора, почему молчала Катари? Да потому что не сомневалась: он и так все знает! Если что-то известно всем, об этом не рассказывают. Зачем повторяться?

– Робер, я не знал про линию... Мне сказал эр Рокэ, когда я налил ему вино. Я отравил вино вашим ядом. То есть из кольца Эпинэ.

– Дальше! – лицо Робера стало жестким.

Дальше?! Дальше Ворон рассказал о своей первой дуэли... Он говорил и пил, а Ричард Окделл смотрел.

– Эр в юности писал сонеты. – Зачем это Роберу? – Он прочитал... один... Очень хороший, я так никогда не напишу... Робер, он все знал! С самого начала... То есть не с самого, а как попробовал вино, и все равно пил. А потом сказал, чтоб я выпил с ним... Я

налил себе. Робер, слово чести, я бы выпил! Чтоб все стало как на линии, ведь бывает, когда умирают оба участника.

– Бывает, – все так же холодно подтвердил Робер, – и часто. Редкость – это когда оба остаются живы.

– Я не знаю, жив ли эр, – Дик не мог смотреть в глаза Эпинэ и рассматривал седую колкую траву.

– Жив, – бросил Иноходец, – и здоров.

Еще один секрет, который знают все. Пока его носило из Криона в Агарис, пока он стучался в закрытые двери, добирался сначала в Алат, потом в Сакаци, Робер получил известие из Талига. Рокэ жив, а... Святой Алан, что с Катари?!

– Что было потом? – Какое странное дерево, без коры, без веток, только ствол, белый, как обглоданная кость. – Рокэ пил отраву и читал стихи – это я уже понял. Потом ты налил и себе, но не выпил, почему?

– Эр... приказал мне поставить бокал. И сказал, что знает, кто дал мне яд. Я... Я схватил кинжал, но эр Рокэ его отобрал и вызвал Хуана...

– Кто такой Хуан?

– Слуга эра... Бывший работорговец.

– Вот как? И что сделал Хуан?

– Меня... меня заперли в моей комнате... Со мной сидел Антонио... Эра я больше не видел.

Да, не видел. Его сунули в карету с закрытыми окнами и куда-то повезли. Чего только он не думал, но не то, что ему отдадут Сону, сунут в руки зашитую в кожу шкатулку и выгонят из Талига...

– Я приехал в Крион. – Слова почему-то кончились, как кончается вино в кувшине. – Там была гостиница... Я открыл шкатулку, эр Робер. Там был кинжал и ваше кольцо... И все... Эр не стал ничего писать...

– Мерзавец, – с какой-то тоской произнес Робер и вновь замолчал.

– Кто? – не к месту брякнул Дик, хотя понимал, что Эпинэ говорит про его эра. Его бывшего эра. А он думал, что его поймет хотя бы Робер! Нет, он слишком много воевал и слишком мало знал Ворона.

– Кто? – переспросил Иноходец. – Да уж не ты... Кто Ворон, сказать не берусь, но то, что он есть, называется иначе. А вот Штанцлер... Во имя Астрапа, да эту тварь повесить мало!

3

Сона положила голову на шею Дракко, солнечный свет серебрил разлетающиеся паутинки, над Белой Елью кружил ястреб. Красота, покой и подлость, дикая, немыслимая, жестокая. Уж лучше б он сразу взял мальчишку с собой!

– Робер, – Дик все еще таранился на свои сапоги, – что в Талиге?

– Ничего. Что было, то и есть.

Что в Талиге, Робер не знал, но Ворон жив, иначе юный дурак до границы живым бы не доехал. Хорошо бы Первый маршал Талига свернул голову эру Августу! Раз и навсегда. Выкормыши Алисы всегда были хогбердами, но такое! Друг отца, спаситель отечества! Ну и спасал бы сам, если приспичило. Взял бы кинжал да саданул Ворона на Совете, благо такого от эра кансильера не ожидал даже Дорак! Так ведь нет, подослал мальчишку с чужим кольцом. Перстень Эпинэ!.. Словно Иноходцы какие-то гадюки!

Робер свистнул, подзывая Дракко. Рыжий весело заржал, откуда ему было знать, что его хозяина записали в потомственные отравители? Робер разобрал поводья и обернулся к Дику:

– Поехали.

Юноша молча поплелся к Соне. Нужно что-то сказать, но что?

– О том, что было, забудь. Хватит, что знаю я. Альдо и Матильда перебыют. Хотел бы я поговорить с твоим Штанцлером... И не только с ним!

– Робер... Что теперь будет?! Я ничего не сумел... Теперь Дорак всех... Из-за меня!

– Не из-за тебя, а из-за дриксенской твари. Да успокойся ты, ни с кем ничего не случится.

– А как же? – Астрап, как же он похож на Эгмонта. – Список...

– Список Дорака – такая же брехня, как кольцо Эпинэ. Будет тебе кардинал такие бумаги разбрасывать! Все вранье, Дикон, кроме одного. Август Штанцлер – лжец и мерзавец. Они все такие...

– Все?!

– Те, кто гребут жар чужими руками. Те, кто спровадил меня в Кагету и натравил бириссцев на Варасту. Те, кто сидит в Агарисе и жрет из гайифской кормушки. Наши отцы встали не под те знамена, Дикон, а у нас с тобой не было выбора...

Не было, и сейчас нет. Вернее, есть. Признать поражение и попробовать найти себе место под звездами. Талиг для них закрыт, но люди живут и в других местах и даже бывают счастливы.

– Робер, ты точно знаешь, что ничего не случилось?

– Случись что-то важное, барон Хогберд бы знал. Скорее всего, Алва скрыл твою глупость.

– Скрыл?!

– А зачем он, по-твоему, тебя выставил вместе с кольцом? Вот за этим самым. Нет тебя – нет улики, даже если Дорак что-то разнохает, доказать ничего не сможет, а маршал будет молчать.

Молчать Ворон и вправду будет, но сидеть смирно – вряд ли.

– Ты ведь не сказал, кто дал тебе яд?

– Эр Рокэ сказал, что сам знает, – юноша вздрогнул. – Робер, а что, если он решил, что это ты?! Ну, когда мы прощались в Сагранне?

– Не решил. Ворон знает толк не только в вине, но и в драгоценностях. Я никогда не видел этого кольца, Дикон, но готов поспорить: твой эр знает больше меня.

– Правда?

– Успокойся, Алва о нас уже и думать забыл.

Захоти кэналлиец избавить мир от предпоследнего Эпинэ, он бы это сделал, но его отпустили. Сначала его, потом – Дика. Потому что они не опасны. Ворон воробьев не ловит.

– Но ее величество!

Ее величество... Мальчишка по уши влюблен, это даже Дракко видно, не говоря о Кlemente. Угрозило же, хотя сам он лучше, что ли?! Он – нет, Мэллит – да. Девушки чище и благородней гоганни не найти, а Катарина Ариго – никакая. Ни красоты, ни ума, так, кукла в черно-белом, не будь она королевой и не наплети Штанцлер про ее страдания сорок сундуков вяленых кошек, Дик бы на нее и не взглянул.

– С ее величеством ничего не случилось.

И вряд ли случится. Штанцлер и Ариго столько раз выходили сухими из воды, выйдут и сейчас. Вот Окделлы и Эпинэ – те точно ломают шеи на ровном месте.

Глава 3 Оллария. Сакаци

«Le Six des Coupes & Le Huite des Êpêes & Le Neuf des Coupes» ⁴¹

⁴¹ Шестерка Кубков, Восьмерка Мечей и Девятка Кубков.

– Айрис Окделл, – пропела королева, – подойди сюда.

Айри мотнула головой, как жеребенок, и подошла, угрюмо глядя в пол. Девчонка возненавидела Катарину с первого взгляда, и Луиза понимала, в чем, вернее, в ком дело. В Рокэ Алве, за которого дурочка собралась замуж. Ну и пусть бы ненавидела, но про себя, так ведь нет! Луиза пыталась объяснить Айри, что без притворства только еж живет, потому как с иголками, но без толку.

В конце концов Луиза махнула на воспитанницу рукой, тем паче Селина тарасилась на ее величество с обожанием. Вот и ладно. Пусть дочка обожает – так безопасней. Пусть Айрис шипит и пускает искры – это отвлечет Катарину от настоящего врага. Она шипеть не будет, а укусит, дай только подползти поближе.

– Сядь, – королева указала глазами на пуф у своих ног, который Айрис ненавидела всеми фибрами своей души. Девица Окделл села, и на том спасибо.

– Айрис, утром мы видели вашу матушку. Она посылает вам свое благословение.

Браво, Катарина! Вырвать у Миранеллы благословение для беглой дочери надо уметь! Луиза дорого бы дала за то, чтоб послушать, как любовница Рокэ Алвы объясняет вдове Алана Окделла, что Айрис следует оставить в доме Ворона. Если королева нашла доводы, способные пробить такой лоб, других и подавно окрутит. Только зачем ей под боком Айрис?

– Милая Айри, – ручка королевы накрыла руку девушки, и та дернулась не хуже самой Катарины, – мы так рады, что ты остаешься с нами.

– Благодарю, ваше величество, – выдавила из себя Айрис. И на том спасибо. Королева нежно улынулась и поднялась. Сейчас потащится к своей арфе, чтоб она ей на ногу свалилась.

Катарина хорошо играла и неплохо пела, но при первых же аккордах Луизе хотелось опрокинуть на августейшую музыкантшу чесночную подливку. К счастью, на сей раз до пения не дошло: распахнулась дверь, и перед королевой и ее дамами предстал его величество Фердинанд Второй.

Луиза видела короля и раньше, но все больше издали. Его величество был весьма недурен собой, хотя мог бы малость и похудеть.

– Ваше величество, – светлые глаза Фердинанда сияли, – мы счастливы сообщить вам о победе.

– Какая радость, – королева блохой отскочила от проклятой арфы, к сожалению, не наступив на шлейф. – Благодарю ваше величество за столь прекрасную новость.

– Это была блестящая военная операция, – Фердинанд радовался, как мальчишка, – блестящая!

Разумеется, блестящая! Ведь за дело взялся не кто-нибудь, а Рокэ Алва. Но если король получил известия, то, может, пришло письмо и для нее. Не от герцога, от Герарда. Сын обещал писать при каждом удобном случае, а мальчик держит слово.

– Мы спасли Фельп, – бушевал Фердинанд. – Теперь все знают, кто хозяин в Померанцевом море!

Все знают. И коронованная шлюха тоже.

– Ваше величество, – шлюха тарасилась на венценосного супруга с видом юной причастницы, – а что известно о маршале Алва? Среди моих дам мать и сестра порученца герцога, они были бы счастливы знать...

Вот дрянь! Хочет приручить их с Селиной? Или хочет узнать, когда ей юбку задерут, а прячется за других?

– Герцог прислал нам отчет о сражениях, но это чтение не для прекрасных дам, – не мог остановиться король, – скажу лишь, что это был изумительно тонкий план. Настоящая вершина стратегического искусства, и маршал осуществил его лично. Первый маршал

Талига поразил своими подвигами весь Фельп. По решению Дуксии его мраморная статуя будет установлена в галерее Славы.

– Он не ранен?

Ах, какие мы заботливые! Или наоборот? Хотим, чтоб было худо? Дак не будет тебе такой радости!

– О нет. Потерь среди талигойцев нет. – Фердинанд от избытка чувств сиял не хуже полной луны. Славный человек, не то что жена. Славный и добрый, храни его Создатель!

– Слава святой Октавии, – закатила глазки Катарина. – Мы молились за победу и за то, чтоб воины вернулись к тем, кто их ждет.

– А кто из ваших придворных ждет сына и брата? – спросил король, усаживаясь на пуф и скрывая его целиком.

– Госпожа Арамона и ее дочь, – пропела ее величество, улыбаясь его величеству.

– Мы хотим их видеть, – пропыхтел Фердинанд.

Луиза послушно сделала реверанс. Король милостиво кивнул, но, когда примеру матери последовала Селина, кивком не обошлось.

– Какая красавица, – восхитился Фердинанд, – волосы как солнышко... Сколько тебе лет, дитя?

– Будет семнадцать, – пролепетала Селина, заливаясь краской, – весной...

– Она младше, чем были вы, когда мы встретились, – Фердинанд поцеловал супруге руку и вновь обернулся к Селине: – Мы можем что-нибудь сделать для вас?

– О, – дочка дрожала, как осиновый лист, – ее величество так добра, так добра...

– Да, – король соизволил подняться и потрепать Селину по щечке, – ее величество – сама доброта. Но если тебе или твоему брату что-нибудь потребуется, не бойся попросить нас.

– Мы счастливы служить вашему величеству, – Луиза как могла неуклюже протиснулась вперед, загородив дочь. Фердинанд – славный человек, но Катарина – змея. Вряд ли ей нравится, что супруг, каким бы он ни был, сюсюкается с молоденькой девочкой и напоминает, что королеве давно не семнадцать. Увы, короля придется испугать. А что может быть страшней уродливой мамыши? Фердинанд, правда, оказался не из пугливых.

– Теперь мы видим, в кого у вашей дочери такие волосы, – улыбнулся Фердинанд Оллар. – Селину мы запомнили. А как зовут вашего сына?

– Герард, – промямлила Луиза и поправилась: – Герард-Жозеф-Ксавье Арамона ли Кредон.

– Мы только что подписали патент на его производство в офицеры. Маршал Алва отзывается о нем как о расторопном и смелом молодом человеке.

Рокэ доволен Герардом... Слава Создателю, она так боялась, что мальчик разочарует кэналлийца.

– Благодарю, ваше величество.

– Пустое... Вы и ваши дети можете рассчитывать на нашу благосклонность. Дорогая, – король поцеловал супруге руку, – мы созываем Лучших Людей, дабы обрадовать их известиями из Фельпа. Вечером мы навестим вас.

– Я буду ждать ваше величество, – проворковала Катарина. Луиза очень надеялась, что она не заметила неистовой ненависти в глазах Айрис Окделл.

2

Альдо, по своему обыкновению, стуком не озаботился, влетев к Роберу, как к себе. Возмущенный подобной бесцеремонностью Клемент восшипел и удалился, а сюзерен плюхнулся на стул и выпалил:

– Надо что-то делать!

– С чем? – переспросил несколько обалдевший Иноходец.

– С Ричардом... Я, конечно, понимаю, он – юноша вежливый, но нельзя же тянуть до бесконечности.

Робер Эпинэ с удивлением воззрился на Альдо Ракана. Последнее время у сюзерена появилась премилая привычка. От разговора с самим собой он переходил к разговору с другими, отчего у собеседников отвисала челюсть.

– Альдо, ты о чем? При чем здесь Дикон?

– Да при женитьбе этой дурацкой, – Альдо вытащил из корзинки, каковую Клемент почитал своей нераздельной собственностью, миндальное печенье и принялся грызть. – Меня никто не спрашивал, невесту никто не спрашивал, а расхлебывать мне. Я же не слепой, вижу, Дикон глаза прячет. Я его спрашивал, в чем дело, он говорит, ни в чем, а я про этих Окделлов наслышан, они все всерьез принимают...

Ну, положим, всерьез все принимают не только Окделлы, но и кое-кто другой, но у Ричарда и впрямь не лицо, а грифельная доска – читай не хочу! Неудивительно, что Ворон все понял.

– Ричард о тебе и своей сестре, к слову сказать, ее зовут Айрис, со мной не говорил. И вообще чего тебе бояться – где Алати, а где Надор! Мирабелла Окделл должна понять, что ваш брак сейчас невозможен.

– Сейчас – да, – принц принялся за второе печенье, – но, когда я вернусь в Кабитэлу, мне предъявят кошкину прорву счетов. И первым будет этот. Даже если Айрис к этому времени выдадут замуж, у нее есть сестры, а у меня нет ни малейшего желания связывать себя даже с Окделлами. Я женюсь не для того, чтоб порадовать какое-нибудь семейство, а чтобы усилить трон. Лучше всего подойдет кто-то из дочерей Фомы Урготского. Дриксенские принцессы слишком много о себе полагают, и потом, привязывать себя к кесарии – упаси Создатель!

– А как же Альберт? – пробормотал Робер. – Матильда что-то такое говорила.

– Да знаю я, – отмахнулся Альдо. – Альберт хочет нас с тобой продать на племя. Тебе хочется быть мужем при коронованной жене или, еще хуже, при дочке какого-нибудь завалящего дожа? Мне – нет! И вообще я женюсь только после коронации.

– Ты так уверен...

– А ты нет?

Уверен. В обратном. Но говорить это Альдо бесполезно, он верит в свою звезду, и его еще не била жизнь.

– Я стал суеверен. Мы слишком много насочиняли перед поездкой в Сагранну...

– Глупо было, – согласился Альдо, – гоганы ничего не понимают ни в политике, ни в военном искусстве. Торгаши и повара, они и есть торговцы и повара. Хорошо, что мы от них отделались.

– Ты в этом уверен?

– Конечно, иначе они б тут кишмя кишели. Мэллит говорит – без ары Енниоль ничего не может, а здешние гоганы уже почти не гоганы.

– Прости, не понял.

– А чего понимать, клали они на всякое первородство, им лишь бы деньги грести. У них даже имена алатские, ни балахонов тебе, ни бород, ни благовоний, и говорят без вывертов. Сразу и не поймешь, что гоган. Ладно, ну их, надо решать, что с Ричардом делать. Сил нет смотреть, как он куксится

– Альдо, уверяю тебя, к Айрис это не имеет никакого отношения. Я даже не уверен, что он знает о вашей помолвке.

– Тогда с чего он молчит и врет?

– Мне кажется, – нашелся Робер, – ему не хватает приключений. Побывав на войне и пожив в столице, трудно сидеть смирно.

Лучше б он этого не говорил, сюзерен вскинул голову, как норовистый скакун.

– А кто сказал, что мы будем ждать у моря погоды?! Конечно, лезть втроем в Гальтару не стоит, но с Борнами и Саво мы туда доберемся.

– Альдо, – предпринял Робер отчаянную попытку отвлечь сюзерена от Гальтары, – Матильда говорит, что Дик влюблен, вот и страдает.

– Глупости, – махнул рукой принц, – я сам видел, как от него ночью Вица выходила... Ох и девчонка!

– Неужели лучше разумной вдовы? – с готовностью подхватил Робер.

– Небо и земля! Та старалась, эта горит! Почище касеры.

– То-то ты по утрам как с перепоею бываешь.

– Бываю, но оно того стоит. Да ты сам попробуй...

Альдо «пробует», а за стеной спит Мэллит. Или не спит. Знает ли гоганни про Вицу? Закатные Твари, неужели Альдо не мог подыскать кого-нибудь в деревне, обязательно в замке понадобилось!

– Попробуй, – не унимался сюзерен, – ей-богу, стану королем, возьму девчонку к себе. Королева королевой, но развлекаться и королям надо.

– Ты только Фоме этого не говори, – хмыкнул Робер, – не поймет.

– Поймет, если мы отыщем то, что нужно. Скорей бы эти бездельники появились, осень на носу!

– А мы их и звали на осеннюю охоту, чтоб Альберт ничего не заподозрил.

– Да помню я, – сюзерен вытащил кинжал, тронул лезвие, сунул в ножны. – Только сил нет тут сидеть. И почему только этого святого малоумка не прирезали до того, как он всех нас предал?!

Святой малоумок... Про кого это он? Про Эрнани?

– Ты же не знаешь, как это случилось. Наверняка были причины.

– Да какие могут быть причины, кроме трусости?! У Раканов было все, понимаешь, все! А кто мы теперь? Последним настоящим Раканом был Ринальди.

– С ума сошел? – предположил Робер.

– Ринальди Ракан брал от жизни что хотел, дрался до конца и не прощал врагов. А с ума сошли те, кто предал свою кровь и своих предков. Тех, кто подарил нам свою силу, обозвали демонами. Демонами, Робер! Если это не предательство и не подлость, то я – Хогберд. Уж лучше б Гальтару сожрали изначальные твари, а ее просто бросили! Дар богов, свою память, свое будущее выбросили как... как тухлую рыбину! Эрнани превратил нас в безродных людишек, а мы ему молимся! Ах, святой! Ах, принял истинную веру! Наша истинная вера – это Четверо, и я буду не я, если не верну их на причитающееся им место! То есть мы вернем!

– Послушай, – взмолился Робер, – в Гальтаре не осталось ничего, кроме старых стен. Неужели ты думаешь, грабители оставили там хоть что-нибудь ценное? За столько-то лет. Если тебе хочется найти что-то стоящее, лучше примкнуть к адмиралу Фрэдону.

Сюзерен с негодованием уставился на маршала, но Робер мужественно закончил:

– В самом деле, почему бы нам не махнуть вокруг Багряных земель и не поискать Золотые Берега?

– Потому что это не наше дело, – отрезал принц. – Я верну то, что сдуру потеряли мои предки, но тебя я не держу, поступай как хочешь. Дорогу в Мон-Нуар мы найдем.

– Ты прекрасно знаешь, что одного я тебя не отпускаю.

– Не одного, – принц пристально посмотрел Роберу в глаза, – но я хочу, чтобы Первым маршалом Талигойи был Робер Эпинэ, а не какой-нибудь Борн.

3

Гроза начала собираться после полудня. Она не спешила. Тяжелые черные тучи медленно заволакивали небо, но невидимое солнце заливало стены Сакаци нестерпимым белым сиянием.

Птицы попрятались, мухи и пчелы – и те исчезли. Слуги, то и дело поглядывая на небо,

закрывали окна и спасали вытащенные для просушки перины и ковры. На конюшне волновались и гремели привязями кони, псы скулили и норовили забежать в дом. Приближающееся ненастье не волновало только кошек, бесстрастно развалившихся на нагретых крышах. Время шло, а гроза висела над Сакаци, как секира палача над головой осужденного. Белье и разложенные на плоских крышах ягоды и резанные ломтями яблоки давным-давно убрали, птичницы загнали под крышу кур и гусей, а дождя все не было.

Черная пелена над головой и угрюмое отдаленное рычанье заставляли говорить вполголоса и то и дело осенять себя знаком. Люди слонялись по замку, не зная, чем себя занять. Все чего-то боялись и ждали чего-то, притаившегося совсем рядом.

Ужин прошел в гробовом молчанье. Клемент восседал на плече Робера, не устаивая своим вниманием ни одно из многочисленных блюд. Матильда и Альдо хмуро ковыряли перченую свинину, Мэллица смотрела в свою тарелку, а Робер – в багровеющее окно. Его глаза блестели, как у Айрис, когда у нее начинался приступ. Юноша вздохнул. Как всегда, когда он вспоминал о доме, на сердце взобралась огромная кошка и начала скрести всеми четырьмя лапами. Впрочем, тварь была не одинока, ее товарки драли душу на куски, напоминая то об эре Августе и Катари, которых он подвел, то о Вороне.

Сюзерен воевал на юге, достигавшие Сакаци слухи были маловразумительными, но все сходились на том, что Первый маршал Талига размазал вражескую армию по фельпским стенам. Когда Дик узнал о победе эра, он напился в одиночку и затащил к себе какую-то служанку. Не помогло. Утром стало еще хуже, но никакое похмелье не могло перебить подлую мыслишку: в Сакаци генералом не станешь. Святой Алан, да тут вообще никем не станешь!

– Так будет дождь или нет? – внезапно спросила Матильда, наливая касеры.

– Куда денется, – пожал плечами Альдо, – ветра ведь нет.

Ветра и впрямь не было – Ричард видел уныло обвисший флаг на башне и неподвижную темную листву. Жара была невыносимой, но отчего-то было зябко. Жуткое зарево разбередило забытые страхи, Дик старался не думать о закатных тварях, но расходившееся воображение населило Сакаци оборотнями и упырями.

– Твою кавалерию, – фыркнула ее высочество, – помолиться, что ли?

– Рука уже занесена, – пробормотал Робер, – и нам ее не отвести.

– Выпей лучше, – Матильда участливо подтолкнула Иноходцу свою стопку, – и прекрати пугать Мэллицу.

Воспитанница Матильды и впрямь дрожала, в огромных золотистых глазах плескался ужас. Хорошенькая девушка, только глупенькая, ничего не знает, всего боится, кроме качелей. И как только Робер ее терпит, пусть и по просьбе Матильды. Ричард пару раз попробовал с ней поговорить, но, кроме «да», «нет», «спасибо», ничего не добился.

Матильда величественно поднялась, кивнула Мэллице, девушка встала и посеменила за покровительницей. Альдо галантно распахнул дверь, пропуская дам, и вышел вместе с ними, Робер продолжал смотреть в окно, сжимая в руках узорную стопку. Дик его окликнул, но Иноходец даже не пошевелился. Конечно, тут у всех свои дела. Тихонько вошла Вица, принялась собирать со стола. Ричард выскользнул за ней, попробовал обнять, но алатка увернулась, ловко прикрывшись полным подносом.

– Ой, гици, – хихикнула алатка, – уроню ведь.

– А ты поставь, – предложил Ричард, но девушка только нахмурилась и рванулась навстречу толстой Жужанне. Не хочет. Из-за грозы или что другое? Дикон знал, что женщины не всегда могут быть с мужчинами, наверное, Вица сейчас не может. Юноша вздохнул и побрел к себе. Проклятая гроза все не начиналась.

Дик запер ставни и, стыдясь самого себя, зажег четыре свечи.

– Пусть Четыре Молнии падут четырьмя мечами на головы врагов, сколько б их ни было, – торопливо бормотал Повелитель Скал. – Пусть Четыре Скалы защитят от чужих стрел, сколько б их ни было. Пусть Четыре Ветра разгонят тучи, сколько б их ни было...

Закончить заклятие помешал настойчивый стук, Ричард торопливо задул две свечи,

схватил книгу и распахнул дверь.

– Гостей принимаешь? – осведомился Альдо Ракан.

– Конечно, – выпалил Ричард. Он был ужасно рад гостю, просто ужасно. – А я вот почитать решил.

– Сонеты Веннена? – принц взял томик и продекламировал:

Клавийский ирис в нежных, хрупких пальцах —
Лиловый отблеск царственной печали,
И взгляд из-под опущенной вуали,
Смутивший душу вечного скитальца...

Очаровательно. Робер полагает, что ты влюблен, это правда?

Но он же ничего Иноходцу не говорил, ни единого слова, откуда тот знает?! И как он мог рассказать о чужой любви даже Альдо?!

– Маркиз Эр-При говорит, что я, – Дик сделал над собой усилие, – влюблен? Какая пошлость...

– Ну не то чтобы он говорил, – Альдо отбросил томик и уселся на кровать рядом с Диком. – Просто я его спросил, почему ты бродишь с таким глупым видом, а Робер сказал, что, скорее всего, дело в какой-нибудь юбке.

Нет, Иноходец его не выдал, как он мог такое про него подумать?! Робер соврал, чтобы не рассказывать про эра, и угадал.

– Ну же, – тормошил Альдо, – рассказывай! Кто она, откуда? Тебя-то она хоть любит?!

– Не знаю, – брякнул Дикон и понял, что проговорился. Надо было улыбаться и говорить, что у него есть дела поважнее, а он...

– То есть как не знаешь? – Альдо вытащил из-за пазухи плоскую фляжку, отпил сам и протянул Дикю: – Угощайся. Достойный напиток.

Дикон торопливо хлебнул. Касера, и какая ужасная! С трудом не закашлявшись, юноша проглотил огненное пойло.

– Крепкая!..

– Еще бы, – подтвердил Альдо. – В Горной Алати водичку не пьют. Так что там с твоей дамой?

– Ваше высочество, – твердо произнес Дик, – я не могу ничего рассказать даже вам.

– Ну уж нет! – Альдо снова протянул Ричарду фляжку, на этот раз Дик был осторожнее и только чуть пригубил. – Я твой сюзерен, ты глава Великого Дома. Я не могу допустить, чтоб ты женился на ком попало.

– Я никогда не женюсь, – с горечью произнес Дик, – никогда!

– Женишься, – глаза последнего из Раканов были светлыми и очень строгими, – так же как и я. Пойми, Ричард, мы не такие, как все. Нас больше тысячи лет заставляют забыть, кто мы есть, но если это случится, конец всему!

– Всему? – переспросил Ричард. Так с ним никто не говорил, даже Катари.

– Именно так, – подтвердил принц, – герцогов в Золотых землях целая свора, а Повелитель Скал один.

– А, – Ричард немножко захмелел, но только немножко, – а... разве это что-нибудь значит... Ну, кроме того, что мы владели Надором?

– Это значит, что мы – прямые потомки древних богов. Как говорят гоганы – «первородные», а они знают, что говорят. Было четверо избранных родов и пятый, повелевающий четырем и всем сущим. Мы хозяева этого мира, Ричард Окделл, законные хозяева. Съентифики переломали сотни перьев, доказывая, что магия существует, но никому не удастся сделать в жизни то, что выходит на бумаге. Потому что магия доступна только избранным. Нам. Мы забыли как, но обязательно вспомним. Обязательно!

– Альдо, – голова у Дика кружилось, но он все понимал и знал, что принц прав. – Альдо, я... Я слышу камни... Иногда...

– И? – сюзерен схватил Дикона за руку. – Что ты слышишь?! Как это бывает?

– Просто слышу, – растерянно признался Дик, – то есть я... Я знаю, чего они хотят.

– Камни?

– Да. Так было в Сагранне. И еще в Октавианскую ночь. Камню хотелось убить, я просто это понял.

– Вот видишь, – просиял Альдо Ракан, – ты должен повелевать скалами. Ты поедешь со мной в Гальтару?

– Ваше высочество!

– Пока еще Альдо, – принц засмеялся и снова протянул Дику флягу. – Вот стану королем – будешь называть меня ваше величество. Но только в тронном зале. Так кто твоя избранница?

Королем?! Альдо не шутит, он верит в то, что говорит, и это правда, недаром Дорак искал книги про Гальтару. Он хотел найти то, что там спрятано, но древние силы повинуются лишь избранным. Повелитель Скал! Неужели он сможет одним словом делать то, что Рокэ сотворил при помощи пороха? Но ведь он и в самом деле чувствовал сель! И это было... прекрасно!

– Ричард, – сюзерен крепко взял юношу за плечи, – мы, конечно, друзья, но вассал не должен иметь тайн от сюзерена. Кто она?

– Мы никогда не сможем быть вместе.

– А уж это позволь решать мне. Ты говоришь «никогда», но не знаешь, любит ли она тебя... Она что, замужем?

– Да.

– Это не препятствие. Олларианские браки действительны, только пока на троне Оллар. Если она любит тебя, ты ее получишь. После нашей победы.

Святой Алан, как просто! Нужно возвести на престол настоящего короля, и Катари перед Создателем и людьми будет свободна от ничтожного толстого Фердинанда! Она – урожденная Ариго, это древний род, Альдо не будет возражать, особенно когда ее узнает.

Катари не хотела замуж за Оллара, ее вынудили, она принесла себя в жертву Талигойе и не виновата, что жертва оказалась напрасной. Он сможет сделать Катари счастливой. А ее дети, дети Ворона?! Он их усыновит и воспитает как Людей Чести. Они не будут Алва, они будут Окделлами! Они станут служить королю Ракану и повелевать Ветром, а их младшие братья будут хозяевами Скал.

– Дик, ты прямо тонешь в своих мыслях. О чем ты думаешь?

Юноша счастливо улыбнулся:

– О победе.

4

«Я хочу, чтобы Первым маршалом Талигойи был Робер Эпинэ, а не какой-нибудь Борн». Он хочет... Все что-нибудь хотят! Робер захлопнул книгу с откровениями Лукиана Гайифского, которую тщетно пытался читать, схватил совершенно ненужный плащ и выскочил в черную духоту, раз за разом раздираемую вспышками далеких молний. Такой ночью он еще не видел и не хотел бы когда-нибудь увидеть снова! Любая буря была лучше этой мертвечины!

Как он умудрился оказаться на конюшне и оседлать Дракко, Эпинэ не понял. Еще удивительней было, что полумориск не протестовал, когда его седлали и выводили из безопасного стойла в темный ужас. Сакаци спал, вернее, не спал, а затаился, как зайчонок в траве. Ни единого огонька, ни единого движения, только далекие молнии отражаются в обмелевшем за один день рву. Ворота были распахнуты, мост опущен, но Робера это не

удивило – алаты были суеверным народом, от них можно ожидать чего угодно. Робер смутно припомнил разговоры Янчи и Пишты о том, что закатная нечисть не видит открытых дверей, а сквозь запертые проходит, как вода сквозь решето. Может, и так, хозяевам виднее, от каких врагов стеречься, тем более в такую ночь по дорогам вряд ли станут разъезжать создания из плоти и крови. Он один такой на всю Черную Алати.

Робер Эпинэ вскочил в седло. Дракко, не дожидаясь приказаний, пошел легким галопом, лицо тронул слабенький теплый ветерок, но даже он был облегчением. Обычно Эпинэ, проминая коня, сворачивал к перевалу. В отличие от обожавшего красоваться перед убирающими виноград девчонками Альдо, Иноходец не любил людных дорог, но сегодня ехать в горы было безумием. Талигоец благополучно выбрался на алатский тракт, и тут удача им с Дракко изменила. Не прошло и часа, как полумориск потерял подкову и захромал. Разобрать что-то в кромешной темноте было невозможно, но Робер помнил, что где-то рядом был постоялый двор, а дальше – деревня, в которой, без сомнения, имелся кузнец. Иноходец сунул руку за пояс – как ни странно, кошелек оказался при нем. Надо же! Когда что-то делаешь не думая, ошибаешься реже, чем когда стараешься ничего не упустить.

Постоялый двор нашелся именно там, где Робер и ожидал. Добротный, приземистый дом с настежь открытой дверью, над которой горел масляный фонарь. Румяный слуга, сочувственно покачивая головой, взял под уздцы Дракко и залопотал что-то гостеприимное. Робер хлопнул услужливого малого по плечу и вошел в дом. Несмотря на жуткую ночь, а может, именно поэтому, гостей хватало. То ли плакали, то ли смеялись вездесущие алатские скрипки, две девушки, звеня монистами, метались между столами, за которыми веселилось несколько разношерстных компаний, а у самого входа потягивал вино герцогский курьер. Робер немного замешкался, прикидывая, куда бы приткнуться, и тут из угла ему замахали рукой.

Ох уж эти алаты! Эпинэ помахал в ответ и, обойдя каких-то невзрачных людишек, киснувших над пареными овощами, пробрался к тем, кто его звал. Их было семеро: шестеро мужчин в красных, отороченных золотом камзолах и одна женщина в белом платье с алой шнуровкой.

– Наконец-то! – засмеялась она, протягивая изящную ручку.

– Моя эрэ! – Иноходец почтительно поцеловал пахнущие нарциссами пальцы.

Какой знакомый запах! Дело принимало неожиданный и ужасно глупый оборот. Он, без сомнения, встречал этих людей раньше, и не раз, но не мог вспомнить, где и когда. В Агарисе? Вряд ли. Значит, раньше. Робер, смущенно улыбаясь, опустился на скамью между двумя молодыми людьми, лихорадочно вспоминая их имена, но имена не вспоминались.

Сидевший напротив красивый дворянин в красном разливал вино. Ему было около пятидесяти, правую щеку украшал давно заживший шрам. Робер совершенно точно знал этого человека, так же как и всех остальных.

– За встречу! – произнес мужчина со шрамом и оглянулся на высокого старика с золотой цепью на шее. Тот молча приподнял стакан, и все, кроме женщины, выпили. Вино горчило, и от него пахло дымом, но Роберу понравилось, он и раньше предпочитал горькое сладкому. Ах да, Матильда же говорила...

– Мне говорили, что здешние вина настаивают на травах.

– Да, – произнесла женщина низким грудным голосом, – это полынь. Здесь ее много.

Ее вообще много. Полынь – трава осени, именно она растет у Закатных Врат, а дорога к Рассвету покрыта анемонами.

– Мои эры, – стройная черноволосая алатка с улыбкой протягивала глиняный кувшин с широким горлом, – подарите монетку, попытайте судьбу!

– А как, красавица? – Сосед Робера попытался обнять девушку, но та ускользнула грациозным неуловимым движением.

– Позолоти ручку и лови то, что ловится, – девушка на лету подхватила суан и перевернула свой кувшин. На стол высыпались восемь грошовых перстеньков с разноцветными стеклышками.

– Дурная игра, – заметил старик с цепью, – но не играть в нее нельзя.

– А почему б и не сыграть? – эрэа в белом засмеялась и надела колечко, украшенное золотистой ягодкой. – Браслет не надела, хоть это моим будет.

– Попробуйте судьбу, эры, – девушка с кувшином была уже у другого столика, за которым пировали бергеры. Во имя Астрапа, как их занесло в Алат?! В воздухе мелькнул золотой кружок, чернокобая красавица высыпала свои побрякушки и пошла дальше. Сколько суанов и сколько талов она заработает?

– Вы опоздали, сударь, – строго сказал старик, – у вас не осталось выбора.

Робер глянул на перстень с красной стекляшкой, сиротливо лежащий на темных досках. Что ж, когда нет выбора, это тоже своего рода выбор. В Ренквахе он этого не понимал, в Сагранне понял. Иноходец надел кольцо и поднял стакан:

– Я промешкал, но это ничего не значит.

– Ты промешкал, но это ничего не значит, – отозвалась эрэа. Вино показалось нестерпимо горьким, но он допил до конца. На углах стола горели четыре свечи, их огоньки отражались от семи опрокинутых старинных кубков, но люди ушли, и лишь невидимая скрипка продолжала смеяться.

– Значит, это ты, – Робер вздрогнул. Давешняя алатка стояла рядом, держа свой кувшин. – Ты есть, но будешь ли?

Он видел эти глаза, не лицо, а глаза... Девушка протянула ему кувшин, и он взял. Почему он принял его за глину, ведь это бронза! Старая, позеленевшая, но еще можно разобрать зигзаги молний и странные фигуры, похожие одновременно на танцующее пламя и крылатых женщин с кошачьими головами. Какой танец играет скрипка, уж не этот ли?

Молния!
Древней кровью вечер ал.
Молния!..

Стук маленьких коготков, шуршанье. Огромная крыса вскочила на стол. Не Клемент! Крыса с яростным писком метнулась к Роберу, странный дар выскользнул из рук, раздался звон. Серая гостья отпрянула, сбросив со стола одну из свечей, вскрикнула и смолкла скрипка, зато забрезжил серый утренний свет. Робер оглянулся по сторонам – он все еще был в придорожном трактире, у его ног валялись глиняные черепки, а на руке алело то самое кольцо, что привез Ричард. Кольцо с ядом!

– Бедный эр любит осколками, а их уводят, – голосишко был тоненьким и жалобным, словно у нищего. – Бедный эр опять опоздал... Бедный эр глуп, он не узнал брата... Бедный эр глуп, он не узнал отца... Бедный эр глуп...

В дверях мелькнул красный плащ. Плащ Эпинэ?! Во имя Астрапа, откуда он тут?! Робер, оттолкнув кого-то тщедушного и смеющегося, рванул к выходу.

5

У коновязи опустили головы кони – воронные и золотистые, но Дракко среди них не было. Рядом, лениво поигрывая тонким прутиком, прислонился к дереву какой-то человек. Услышав шорох, он устало обернулся. У него были глаза женщины с кувшином, огромные синие глаза, холодные и равнодушные, как небо над вечными льдами.

– Сударь, – надменные губы слегка скривились, – я не звал вас. Нам с вами не о чем говорить.

– Зато у меня к вам есть несколько вопросов, – Робер почувствовал, что закипает. – Где те, кто вышел из трактира?

Незнакомец пожал плечами и кивком головы указал на низкую каменную кладку, сплошь обвитую плющом. Эпинэ бросился туда, увязая в мелком белом песке. Зачем, ведь эта стена скроет разве что собаку!

– Не сворачивай, – посоветовал знакомый голосишко, – иди и смотри... Вот они... Смотри, что ты наделал... Кукушонок, вот ты кто! Кукушонок Эпинэ... Они умерли, а ты живешь... Ты живешь, потому что они умерли... Они умерли, потому что ты живешь...

Он попытался заткнуть уши, но голосок зазвучал еще навязчивей. Это смеялось и говорило кольцо. Кольцо, которое он вытащил из кувшина с молниями, кольцо, которое привез Дик. Робер попытался сорвать перстень, но тот исчез сам. Дикая боль пронзила левое запястье, на котором когда-то был браслет. Вернуться?! Но он уже у стены. Робер сжал зубы и заглянул за ограду. Там были гвоздики, пунцовые гвоздики...

Королевские цветы лежали охапками, словно хворост в какой-нибудь лачуге. Среди тусклой зелени и багрянца белели лица. Знакомые и незнакомые, старые и молодые, все они медленно тонули в цветочном озере, над которым кружились пепельные бабочки. Те, кто сидел с ним рядом в таверне, лежали с краю. Дядюшка Дени, Магдала, Арсен, Серж, отец, Мишель... Во имя Астрапа, как он мог их не узнать, как он позволил им уйти?! Это – сон, бред, кошмар, они не могли оказаться здесь, в Горной Алати, не могли пить с ним горькое вино, не могли умереть сегодня, потому что были мертвы двенадцать, девять, семь лет назад!

– Это сделал я, – равнодушно произнес тот, кто раньше стоял у дерева. В синих глазах не было ни злобы, ни раскаянья. Только досада и усталость. – Я, а не ты.

Синеглазый меньше всего походил на существо, которое можно убить из простого оружия, и все-таки Робер выстрелил. Человек, или нечеловек, пошатнулся, но не упал, а побрел вперед. Медленно, покачиваясь, словно пьяный. Алая кровь падала на белый песок, шипела и исчезала, как исчезает вода на раскаленной сковородке. Робер смотрел на убийцу и ничего не делал, а тот поравнялся с каменной кладкой, которую оплетал враз покрасневший плющ, и уверенно открыл калитку. Маленькую белую калитку, которую Робер не заметил. Теперь синеглазый шел по мертвым гвоздикам, шел к тем, кого убил. Его надо было остановить, но Робер не останавливал.

Убийца поравнялся с отцом и медленно осенил его Знаком, капля крови упала на щеку маркиза Эр-При, словно чудовищная красная слеза. Затем настал черед Дени, Арсена, Магдалы, Сержа и наконец Мишеля. Незнакомец повернулся к стоящему за стеной Роберу, осенил Знаком и его, грузно опустился на умирающие цветы, лег на спину, скрестив руки на груди.

Кровь толчками вытекала из раны, исчезая в гвоздиках, а убийца улыбался, и только из глаз его постепенно исчезала синева. Кровь перестала течь, и Робер в ужасе вцепился руками в жесткие побеги – перед ним лежал дед. Мертвый...

– Так было надо, – равнодушно произнес кто-то сзади.

Робер оглянулся. Незнакомец в пыльном плаще вновь стоял за его спиной. Эпинэ закричал, бросился бежать и не сразу понял, что это не он бежит, а его несет, как осенний ветер несет осенние листья, а он не может остановиться...

– Так было надо!

– Кукушонок!

– Древней кровью вечер ал, молния!..

Удар грома, бешеный шум дождя, скрип открывшейся двери. Он опять забыл ее запереть... Во имя Астрапа, Мэллит!

Как же он орал, если она слышала. Мало того что орал, еще и двери не запер, хотя в Сакаци редко запираются. В замках и дворцах алатских господарей это не принято.

– Ты видел сон, – тихо сказала Мэллит, – плохой сон. Страшный!

На гоганни была длинная рубашка белого шелка, в руке она держала свечу, золотые огоньки плясали на волнистых прядках, отражались в печальных глазах. Она была прекрасна, еще прекраснее, чем несколько часов назад, когда они качались на качелях.

– Что тебе снилось? – повторила Мэллит.

– Я уже забыл. – Она была рядом, и на ней была только рубашка. Робер видел тонкую спину, ключицы, просвечивающие сквозь тонкий шелк соски. Это было невыносимо.

– Ты видел что-то плохое? – Золотые глаза, тени от ресниц на нежной щеке...

– Я люблю тебя... Давно. С той ночи, самой первой...

Вот и все! Он попался, не выдержал, хотя тысячу раз клялся не говорить ни слова. Это все из-за кошмара! И еще из-за белого шелка, где только Матильда такой откопала, но Мэллит в нем невозможно, невероятно хороша.

Длинные ресницы дрогнули, ему показалось или в уголках глаз блеснули слезы? Какой он мерзавец! У девочки все погибли, а он сорвался. Теперь у Мэллит не останется никого, кому бы она верила.

– Прости меня.

– Ты не виноват, – гоганни вздохнула, – и ты любишь не меня... Тебе только так кажется.

Можно отступить, соврать, списать на сон, но он не может, не может, и все, есть же предел у всякой силы.

– Нет, я люблю тебя. И всегда буду любить, но это ничего не значит... Все останется как было, я никогда больше...

– Почему? – Голосок звучал обреченно и тихо. – Разве можно удержать в горсти воду? Разве можно удержать в сердце любовь? Она должна летать.

– Ты ее не держишь, – этого еще не хватало, говорить сейчас об Альдо. Но он будет говорить об Альдо и о любви Мэллит, потому что иначе сотворит непоправимое. Во имя Астрапа, неужели она не понимает, что с ним творится?! Хотя откуда? Она не Матильда и не Лауренсия, она ничего не знает о скотах, которых называют мужчинами. – Тебе лучше уйти.

– Но я не хочу, – гоганни робко улыбнулась, но глаза остались грустными, – и ты не хочешь, чтобы я ушла.

– Не хочу. – Добраться до кинжала и садануть по руке. Боль отгонит желание... Другого выхода нет, но тогда придется встать. За какими кошками он разделся, а теперь ничего не поделать. – Не хочу, но уходи. Потому что...

– Потому что ты меня хочешь? – она произнесла эти слова старательно, словно заученный урок. – Возьми.

– Ты с ума сошла!

– Так будет лучше. Так должно быть, и пусть так и будет!

Это Альдо! Проклятый осел сказал или сделал что-то непоправимое. Неужели он ей отказал? Наверняка... Каким бы болваном сюзерен ни был, он не будет ломать жизнь влюбленной девочки, он найдет разумную вдову, чтоб она околела. Или дело в Вице? Мэллит все узнала. От кого? От слуг или видела сама?

– Мэллит, мы не имеем права.

– Мы имеем право на все, – она больше не пыталась улыбаться, пухлые губы дрожали, но в глазах была решимость. Робер в каком-то оцепенении смотрел, как девушка ставит на стол свечу, развязывает стягивающие рубашку ленты... Белый шелк соструился вниз, упал к ногам гоганни, застыл лужицей лунного света. Мэллит вздрогнула, словно ей было холодно, и высоко вздернула подбородок.

– Ты говоришь, что я красивая? Тогда смотри.

Точно Альдо! Только мужчина мог так обидеть женщину, что она пришла ночью к другому, ненужному, нелюбимому.

– Ты знала, что я тебя люблю?

– Я все знаю. – Девушка, не опуская головы, подошла к кровати. – Ты меня видишь. Такой, какой хочешь. А я хочу видеть тебя.

– Мэллит...

– Молчи, – она опустилась на корточки, глядя снизу вверх. Если б она его любила, он бы умер от счастья... Но она пришла, потому что ей было больно, потому что ее любовь разбилась и она хочет заполнить пустоту хоть чем-то. Отвести ее к себе? Разбудить Матильду?... Закатные твари, он должен сжать зубы, подняться, пойти к принцессе и сказать ей правду. Если та еще не догадалась!

– Робер, – в золотых глазах плясали огоньки свечей, а сзади темнело окно в лето с его падающими звездами, зреющим виноградом и запахом полыни. – Робер... Не отсылай меня... Пожалуйста.

– Во имя Астрапа!

Он так долго мечтал подхватить ее на руки, поднять, закружить, так долго представлял это, что, когда все случилось на самом деле, сон смешался с явью. Мэллит что-то шептала на своем языке, ее волосы были мягкими, как шерстка котенка, она боялась, но рвалась навстречу неведомому. Они были созданы друг для друга, созданы в незапамятные времена, когда не было ни черных закатных башен, ни разрушенных ныне городов, а по золотым степям бродили дикие кони, свободные, как ветер, и быстрые, как молния.

– Робер!

Зеленое платье на полу, зеленое, а не белое! Изумрудные глаза, длинные, очень светлые волосы, розовые губы... Лауренсия? Во имя Астрапа, как она здесь оказалась? Где Мэллит? Где он сам?!

– Не следует спать, когда собирается гроза, а луна на ущербе, – женщина улыбнулась и покачала головой, – а то заблудишься.

– Ты...

– Я, – кивнула Лауренсия.

– Ты осталась в Агарисе, я знаю это.

Красавица улыбнулась, небрежным жестом отведя со лба волосы.

– Ты был счастлив этой ночью, не правда ли?

Был ли он счастлив? Бывают ли счастливы свихнувшиеся? Видимо, да.

– Был.

– Я тоже так думаю, – Лауренсия потянулась, – и сейчас будешь счастлив снова.

– Ты осталась в Агарисе.

– Да, но какое это имеет значение?

Она была права, это не имело никакого значения. Для сна, становящегося привычным...

Глава 4 Оллария

«La Dame des Bâtons & Le Un des Deniers & Le Huite des Deniers» 42

1

Утопающее в пышной зелени аббатство, над которым кружили голубиные стаи, казалось мирным и довольным, как выползшая на позднее солнышко старуха. Денек выдался чудесным, его портила только Катарина Ариго, решившая в день святого Ги навестить место гибели братьев и помолиться за них в одной из Нохских каплиц. Разумеется, в уединении – чего-чего, а уединяться Катарина прямо-таки обожала.

⁴² Королева Посохов, Туз Динариев и Восьмерка Динариев.

За ее величеством закрылась покрытая резными фигурками дверца, а наученная долгим опытом свита разбрелась по испятнанной светом и тенью площадке. Луиза Арамона, благо ее подопечных в обитель не взяли, отошла к самому краю и присела на каменную скамью, радуясь передышке. В Нохе вдова капитана Лаик была лишь однажды. На треклятом диспуте, после которого рехнувшийся епископ затеял погромы. Полугода не прошло, а кажется – вечность. Теперь госпожа Арамона – дуэнья при знатной девице и придворная дама, словно и не она в Октавианскую ночь прощалась с жизнью... Вот так и бывает: начинается с беды, кончается радостью, начинается с радости, кончается какой-нибудь дрянью.

Луиза с отвращением глянула в сторону каплицы, в которой якобы молилась ее величество, в чем госпожа Арамона глубоко сомневалась. По мнению вдовы, совести у Катарини было меньше, чем у кошки, а похоти больше, но чувства чувствами, а дело делом. Луиза знала, что не только должна устроить жизнь Селины и приглядеть за Айрис Окделл, но и стать глазами и ушами синеглазого герцога.

Разумеется, ни о чем таком Рокэ Алва не просил – он был слишком уверен в себе, чтобы искать помощи кривоногой уродины, но Луиза Арамона знала: нет ничего опасней заползшей в постель змеи, а кем была Катарина Ариго, если не корчащей из себя пеночку гадюкой? Вдова капитана Лаик так за всю жизнь и не поняла, ненавидела она мать и покойного мужа или нет, но королеву Луиза ненавидела давно и самозабвенно. За все вообще и за Рокэ Алву в частности.

До дуэли двух подколодных змеюк, к каковым Луиза относила себя и ее величество, было далеко, но капитанша не сомневалась: если не спровадить королеву в Багерлее или в Закат, беды не оберешься. Пока же Катарина была добра, грустна и доверчива, а вдова капитана Лаик благодарна и потрясена неожиданным возвышением. Спасибо маменьке, Луиза выросла отменной лицедейкой...

– Хороший день, – раздалось под ухом, – даже не верится, что лето на исходе.

Госпожа Арамона медленно обернулась и увидела немолодого оллариянца. Черное одеяние несколько оживлял золотой значок в виде раскрытой книги – один из хранителей архива его высокопреосвященства.

– Да, – подтвердила Луиза Арамона, – сегодня очень хороший день.

– Ночью был сильный ветер, – заметил клирик. – Если святой Ги вздыхает, зима будет долгой и суровой.

– Так сказано в книгах, святой отец? – поддержала беседу Луиза, лихорадочно соображая, почему священник заговорил именно с ней.

– Да, – кивнул тот. – Вы впервые в Нохе, дочь моя?

– Нет, – почтенная дама еще в детстве уяснила, что врать можно лишь тогда, когда тебя не поймают. – Я была здесь на диспуте.

– За ним последовали печальные события, – покачал головой оллариянец, – весьма печальные.

Луиза согласно кивнула, поднялась и с чувством собственного достоинства направилась к толкущимся у входа в каплицу дамам. Клирик неторопливо пошел рядом. Скорее всего, он был тем, кем казался, и заговорил с ней от скуки, но гадюка может вообразить, что это – человек Дорака, а Луиза твердо решила не давать лишних поводов для подозрений. Хватало и того, что ее определил ко двору Первый маршал Талига.

2

Вдова капитана Лаик юркнула в стайку придворных дам, сделав вид, что поражена разговором. Свита ее величества со смаком обсуливали пресловутого Валтазара, шестой век обитавшего в монастыре. Луиза, как и все, была наслышана о нохском призраке, но своими глазами не видела. Валтазар являлся лишь ночью в отданном при Франциске под

архив храме, так что любоваться привидением могли лишь избранные.

– Я бы умерла, если б увидела, – закатывала глазки баронесса Заль.

– Ах, это ужасно, – согласно квакала девица Дрюс-Карлион.

– Кошмар...

– Встретить призрака – встретить свою смерть...

– Это проклятые души, они приносят беду...

– Увидевший призрак принимает на себя его проклятие.

– Часть проклятия...

– Я б не вынесла...

Не вынесла б она!.. Курица! А выходца под окнами не желаете? А двух выходцев?

– Будьте благословенны, дочери Создателя, – давешний клирик не ушел, а остался стоять посреди пляшущих теней. Судя по едва заметной улыбке в уголках глаз, он прекрасно слышал, о чем кудахчет придворный курятник.

– Святой отец, – сунулась вперед графиня Биггот, этой всегда надо больше всех.

– Да, дочь моя...

– Святой отец, нохский призрак очень опасен?

– Мы так не считаем, однако его история весьма поучительна.

Клирик замолк, ожидая расспросов о земной жизни привидения, каковые не замедлили посыпаться градом. Луиза тоже подошла поближе и удостоилась взгляда оллариянца. Глаза у него были хорошие, со смешинкой.

– При жизни сей Валтазар был настоятелем эсператистского храма Домашнего Очага, – сообщил клирик, оглядывая разинутые клювы и пасти. – Он не был добрым пастырем и не изнурял себя молитвой, но по части сбора пожертвований равных ему не имелось. Эсператисты под рубищем носят парчу и едят и пьют на золоте, но даже среди них Валтазар выделялся жадностью и корыстолюбием. Многие из того, что жертвовали на храм, прилипало к рукам настоятеля. За любовь к золоту и драгоценностям собратья прозвали его сорокой, – оллариянец осуждающе покачал головой, но глаза его смеялись. Эта полускрытая усмешка кого-то напоминала, но Луиза не могла вспомнить, кого именно.

– Как Валтазар стал призраком? – Графиню Рокслей распирало от любопытства, которое она и не пыталась скрывать. Дженнифер Рокслей для придворной дамы вообще была излишне откровенна. И излишне симпатична.

– Терпение, дочь моя. Если мне не изменяет память, в 215 году Круга Молний в столицу тогда еще Талигойи прибыл некий барон из Бергмарк, известный как своей доблестью и силой, так и вспыльчивым нравом. Бергер был богат, знаменит и счастлив в браке. Единственное, что его огорчало, это отсутствие потомства.

Среди эсператистов бытует суеверие, что бесплодие можно излечить, жертвуя ордену Домашнего Очага. Барон так и сделал. Вклад, внесенный им, был весьма значителен. Кроме денег, воска и полотна, он принес в дар ордену четыре огромные вазы из позолоченной бронзы, украшенные фигурками святых. Это была варварская роскошь, но Валтазару вазы так понравились, что он не оставил их в храме, а унес в свои покои.

Прошел год, все еще бездетный барон вернулся в столицу, зашел в храм и не нашел своих даров. О том, что было дальше, можно лишь догадываться. Видимо, у Валтазара были недоброжелатели, и кто-то из них намекнул бергеру, что его вкладом завладел настоятель.

Разгневанный барон потребовал ответа, Валтазар притворился, что ничего не знает. Бергер не поверил, ворвался в спальню лжеца, увидел там свои вазы и одной из них убил похитителя на месте. Убийцу отпустили, так как обокравший Орден оказывался вне закона, к тому же барон внес в храм новый вклад, а эсператистские еретики считают, что прощение грехов можно купить.

Убитого без почестей похоронили на Нохском кладбище, но корысть Валтазара пережила его тело. В первое же новолуние призрак настоятеля явился в храм, куда вернули краденые вазы. С тех пор и повелось. Каждую ночь Валтазар появляется возле них и пытается унести, не понимая, что он – дух бестелесный. Сначала его пытались изгонять,

потом отступились.

– А что случилось с бароном? – полюбопытствовала девица Манрик.

– Барон вернулся домой. Вскоре у них родилась двойня, и с тех пор в этом семействе время от времени рождаются близнецы. Как видите, дети мои, ничего страшного и таинственного в истории Валтазара нет и быть не может. Когда свет олларианства разогнал сумерки эсператизма, Франциск Великий повелел не трогать злополучные сосуды, дабы призрак Валтазара стал вечным напоминанием о корысти и лживости эсператистов, – олларианец поджал губы, пряча неуместную ухмылку. Знал ли он, что ее величество в глубине души оставалась эсператисткой, или нет?

Дамы и девицы растерянно молчали, клирик благословил притихший птичник и ушел, подметая древние плиты черным одеянием. Громко и неожиданно зазвонил колокол, из-за капличы вышел кот, глянул на примолкших людей и удалился, с крыши бывшего храма взметнулась стайка воробьев, и Луизе внезапно захотелось убраться подальше от этих залитых солнцем стен.

– Те, кто переживет эту зиму, будут жить долго, – не к месту пробормотала графиня Рокслей.

Ей никто не ответил.

3

Королева появилась, когда молчание стало невыносимым. Катарина Ариго была бледна, глаза ее покраснели, она медленно прошла мимо баронессы Заль и герцогини Колинъяр, остановилась, подняла лицо к небу.

– Как тепло, – сообщила она прерывающимся голосом.

– О да, ваше величество, – подтвердила Урсула Колинъяр.

Катарина дернулась, словно в нее всадили иголку. И зачем старалась? На площадке у капличы не было ни одного мужчины.

– Герцогиня... Прикажите собрать... мои четки... Я... Мы их разорвали.

Выходит, мы рыдали на самом деле? Рыдали и рвали четки? Может, и головкой об пол побились, хотя нет, не похоже, прическа волосок к волоску. А глазки можно и лучком натереть...

– Госпожа Арамона.

– Да, ваше величество.

– Я обопрюсь о вашу руку.

Неужто из всех придворных дам она одна похожа на кавалера? Ну нет, это не у нее усы растут, а у старухи Стамм.

– Я счастлива служить вашему величеству.

Не служить и не величеству, но об этом знать не обязательно.

– Мы немного погуляем по Нохе.

– Сегодня прекрасный день, ваше величество...

– Луиза... Я ведь могу называть вас Луиза?

А вот это уже интересно. Уж не собралась ли Катарина Ариго вытрясти из новоявленной придворной дамы душу? Не выйдет, душа Луизы Арамоны отдана давным-давно и навсегда.

– Как угодно вашему величеству...

– Не говорите со мной так... Я так устала от этикета, от того, что остаюсь одна лишь в храме.

Устала? Попробуй спать одна, может, полегчает...

Луиза вздохнула, как могла сочувственно.

– Как тихо, – прошептала Катарина.

Еще бы в монастыре не было тихо!

– О да...

– Я боюсь Ноху... Сколько здесь пролито крови... Она впитывается в здешние камни, а они требуют еще и еще. Мои братья... Когда я вижу Селину, я все время думаю об Иораме. Он мечтал встретить такую девушку – нежную, застенчивую, далекую от дворцовой грязи... Они могли бы быть счастливы.

– Брат вашего величества мог жениться лишь на знатной даме.

– Ах, оставьте, – пискнула Катарина. – Иорам был младшим в семье, он мог позволить себе полюбить, хватит и того, что... Но он мертв. Проклятый обычай! Почему мужчинам так нравится убивать друг друга?! Жизнь – это чудо, но они этого не понимают... Мы, женщины, дарим жизнь, и мы знаем ей цену.

Да, женщины знают цену жизни, это Катарина верно сказала, только она все равно врет. Змеюка не может обойти вниманием дуэнью Айрис Окделл, живущую в доме Рокэ Алвы, вот и лезет в душу. Какой матери не лестно слушать, что ее дочь могла войти в королевскую семью, но Иорам мертв и уже ни на ком не женится. И хорошо. Чем меньше Ариго, тем лучше.

– Как вы правы, – шмыгнула носом Луиза и, пересилив себя, добавила: – Я недавно потеряла маленькую дочь...

– Сколько ей было? – быстро спросила Катарина.

Пусть думает, что она расчувствовалась, разоткровенничалась, что ее можно брать голыми руками. Луиза еще раз шмыгнула носом и постаралась представить Циллу. Это сработало, на глаза навернулись настоящие слезы.

Пальчики королевы сжались на руке Луизы.

– У каждого из нас своя беда. Ваша девочка, мои братья... Они сейчас в Рассвете.

– Ваше величество так добры.

– Я желаю Селине выйти замуж по любви, только по любви... И уехать отсюда! – выкрикнула Катарина. – К морю, в горы, в лес, в пустыню... Куда угодно, но вон из этого города!

– Селина не захочет оставлять, – Луиза запнулась, словно натолкнувшись на невидимый забор, а потом прошипела: – ...вас.

– И я не хочу с ней расставаться, – заверила королева, – с ней, с вами, Луиза. Сначала я была рада видеть рядом сестру Ричарда Окделла, но Айрис... Айрис такая странная, ее трудно любить.

Может, Айри и странная, но она не дура. Тебя, твое писклявое величество, девчонка раскусила. Другое дело, что такие вещи держат при себе, а Айрис машет ненавистью, как разозлившаяся кошка хвостом. И ведь не уймешь!

– Вы ведь сопровождали Айрис в Олларию, – Катарина нагнулась и подняла сбитый ночным ветром пятипалый лист. – Скажите, она всегда меня ненавидела? Но почему?

Вот оно! «Вы ведь сопровождали...» И это после разговора с Мирабеллой! Сказала летучая мышь кошке правду или нет? Могла сказать, значит, врать нельзя.

– Ваше величество... Я увидела девицу Окделл уже в Олларии.

– Создатель!

Слишком громко. Или не слишком? Она и сама завопила, когда узнала о похождениях юной герцогини.

– Я... я ничего не понимаю. Как Айрис оказалась в Олларии?

– Я вряд ли могу быть полезна вашему величеству. Герцог Алва, у которого служит мой сын, велел мне сопровождать Айрис Окделл ко двору. Я не могла отказаться... – Луиза вздохнула поглубже и смущенно замолкла. Пусть спрашивает, если ей нужно.

– Я так мало знаю, – пролепетала Катарина. – Вы давно знакомы с герцогом?

Еще одна проверочка, но тут уж к ней не подкопаться.

– В молодости я видела его светлость два раза, – честно сказала вдова Арнольда Арамоны. – Мой покойный супруг был капитаном Лаик. В Фабианов день...

– Я знаю. Я имела в виду... – перебила королева, – вы... Герцог Алва пригласил

именно вас, но он о вас... То есть я ничего о вас не слышала.

Какой милый намек на близкие отношения. Дескать, герцог от меня ничего не скрывает, и ты не скрывай. А мы и не скроем... Того, что ты и так узнаешь.

– В Октавианскую ночь моему сыну посчастливилось познакомиться с Ричардом Окделлом. Он его представил герцогу.

– Удивительно...

Удивительно или нет, но это правда. Проверь, хоть упрись!

– Создатель услышал мои молитвы, – проникновенно произнесла Луиза. – Ваше величество, я – мать! Я так мечтала, чтоб мои дети... пробились в жизни.

– Я понимаю, – вздохнула королева, – что бы ни случилось с нами, наши дети должны быть счастливы. Ваш сын не говорил, где сейчас юный Окделл?

А ты не знаешь? Но хочешь знать, очень хочешь. Для этого ты меня сюда и затащила. Для этого и для того, чтобы проверить, чья я собака. Луиза давно решила, что она – сумасшедшая мамаша, которой повезло протащить дочку ко двору. Такую легко обдурить, купить, запугать, на худой конец, а потом использовать. Вот пускай и попробуют подоить кошку. Госпожа Арамона с обожанием уставилась на ее величество и сообщила:

– Герард говорил, что герцог Окделл уехал по поручению своего господина. Кажется, в Агарию, а потом он проследует в Ургот.

Про Ургот Герард ничего не говорил, и вообще с исчезновением Ричарда что-то было не так, но об этом королеве знать незачем.

– Он пишет сестре?

– Герцог Окделл не знает, что она покинула Надор...

– Тем не менее герцог Алва поселил гостью в своем доме?

– Ваше величество. – Ну почему она за сорок с лишним лет не научилась краснеть, как бы это пригодилось! – Я... Айрис Окделл никогда не уронит честь семьи.

Не уронит она, как же... Просто герцог поднимать не стал, зачем ему такое счастье?

– О да, – закатила глазки Катарина Ариго. – Окделлы – это Окделлы, хотя Айрис повела себя неблагоразумно. А вы, Луиза, что вас заставило взять на себя заботу о столь своенравной девице?

– Его светлость... У него Герард, а Селина... Иначе она бы никогда не стала фрейлиной...

– Стала бы, – твердо сказала Катарина Ариго, – если б вы написали мне. Но я понимаю вас. Разумеется, вы благодарны герцогу Алве.

– Ваше величество!

– Луиза, – королева остановилась, – нам пора возвращаться, а я... Я до сих пор не сказала, что должна. Леонард Манрик... Я заметила, как он смотрит на вашу дочь.

Смотрит. На обеих. На Айрис как на знатную невесту, на Селину как... Как мужчину. Но рыжий капитан никогда не заденет Ворона, а Селине он и через порог не нужен.

– Селина – разумная девушка.

– Конечно, – королева снова сжала руку Луизы, – но Манрики – страшные люди.

Тебе, может, и страшные, но с чего ты, голубушка, о них заговорила? Не с того ли, что на первый раз хватит? Навязанная тебе уродина не врет и думает только о своем выводе. Теперь надо подумать, какой от нее может быть прок. Надо расчувствоваться... Дура, она не только краснеть, она и слезу пускать не умеет... Тоже мне придворная дама! Луковицу с собой, что ли, носить, так ведь пахнуть будет.

– Ваше величество... Берегите себя.

– Зачем? – подчеркнутые ресницы дрогнули. – Мои братья мертвы, мои дети не со мной... Их учат меня ненавидеть.

– Отчаянье – величайший грех! – воскликнула Луиза, благословляя маменьку, вколотившую в головы дочерей «Книгу Ожидания». – Помните, за темной ночью приходит рассвет.

– Если пережить ночь, – закатила глаза королева, – но... Но вы правы, Луиза. Я буду

Глава 5 Оллария

«Le Huite des Bâtons & Le Chevalier des Deniers & Le Sept des Épées» ⁴³

1

Его высокопреосвященство не был военным. Дораки вообще воевали редко: то ли Создатель, то ли Леворукий в придачу к неплохой голове дал им слабое сердце. Водить армии и махать шпагой Квентин мог разве что в мечтах, но отсутствие возможности не мешало восторгаться изяществом чужих решений. То, что сделал Рокэ, было безукоризненно со всех точек зрения, единственным недостатком кампании была ее стремительность. Сильвестр в который раз перечитал сначала депешу Первого маршала, потом письмо Фомы и напоследок донесение фельпского прознатчика. Как вовремя он послал приказ, предписывающий Ворону после полного разгрома бордонско-гайифской армии и освобождения Фельпа отправиться в Урготеллу.

Алва просто невозможен! К Дараме он заявился в чудовищном меньшинстве, а в Фельп и вовсе отправился чуть ли не в одиночку. И все равно разгрыз бордонский флот, как орех. Надо полагать, больше Капраса удивились только дуксы. Вряд ли, вручая приезжему маршалу всю полноту военной власти, они рассчитывали на столь стремительные победы. Кардинал с усмешкой глянул на три письма. Разумеется, самым коротким было послание Ворона.

«Ваше Величество, – лаконично сообщал Первый маршал, – по прибытии в Фельп я, по настоянию совета дуксов, принял на себя командование гарнизоном города и его флотом. Моим первым шагом стало сооружение разборных малых галер, с тем чтобы собрать их за пределами заблокированного залива и вывести в тыл окружающей Фельп эскадре.

В 12 день Топаз (Летних Ветров) был дан бой, завершившийся полной победой. В результате осаждающая город армия с моря заблокирована фельпским флотом, а на суше зажата между Веньянейрой и внешними укреплениями Фельпа. Находящихся в распоряжении маршала Карло Капраса сил недостаточно для того, чтобы взять город, а отступление через Веньянейру невозможно. Полагаю, что в течение месяца Капрас капитулирует, вероятно, предварительно предприняв несколько демонстративных штурмов. Никакой действительной угрозы Фельпу и Урготу его армия не представляет.

Я полагаю возложенную на меня миссию законченной. В ближайшие дни я намерен выехать в Олларию, так как имею все основания думать, что важнейшие события будущей кампании развернутся на северном и северо-западном театрах военных действий. Убежден, что находящийся на подходе маршал Эмиль Савиньяк с блеском выполнит все взятые нами союзнические обязательства ...»

Савиньяк-то выполнит, и основная кампания будущего года, без сомнения, пройдет в Бергмарке, Ноймаринен и, весьма вероятно, в Надоре, но Рокэ Алва в Олларию не вернется. Пусть сидит в Урготе и готовится к войне с дожами. Южная шарада займет маршала хотя бы до следующего лета, должна занять!

Сильвестр привычно глянул на карту. Бордон выглядел более чем заманчиво. Рокэ на один укус, а что дальше? Гайифа? Война с империей будет дорогой, но суп из павлина варить рано или поздно придется, а сейчас обстоятельства на стороне талигойских поваров.

⁴³ Восьмерка Посохов, Рыцарь Динариев и Семерка Мечей.

Бордон, разинув пасть на Фельп, не только нарушил половину статей Золотого Договора, но и проиграл. Дивин, к астрологу не ходи, делает вид, что он ни при чем, а дожди будут кричать, что их заставили... Бедные заставленные дожди...

Жаль, Бордон не имеет сухопутных границ ни с Урготом, ни с Талигом. Бить придется с моря. Конечно, у Фельпа «дельфинов» потрепали, но бордонские бастионы неприступны даже для тяжелых парусников, чего уж говорить о фельпских галерах. Ударить по берегу через Агарию? Невозможно... Ну да Алва что-нибудь придумает, для него чем невозможней, тем лучше.

Фома в восторге от воинских талантов кэналлийца вообще и от того, как Ворон покончил с Капрасом, в частности. Восхищенный ургот выражал уверенность в конечной победе и сообщал, что хлеб уже на пути в Талиг.

Урготский торгаш, как всегда, на высоте, на что, на что, а на прознатчиков денег не жалеет. По его сведениям, его величество Дивин пребывал в великой печали. Еще бы: вот-вот придется выкупать пленных во главе с маршалом, утвердившийся в северной Кагете Лисенок клянется Талигу в вечной любви, а великая Бакрия дерет шкуры с уцелевших «барсов».

В Южной Кагете и вовсе творится Леворукий знает что. Баата правильно делает, что не мешает казаронам кушать друг друга. Рано или поздно останется один, и тогда его можно будет съесть. А Талиг поможет.

— Ваше высокопреосвященство, — сквозь невозмутимость Агния проглядывало недоумение, — пришел господин тессорий. Он настаивает на немедленной встрече!

Сильвестр тщательно прикрыл картой очередную еретическую хронику, повествующую о делах четырехсотлетней давности, и сухо осведомился:

— Он объяснил зачем?

— Нет, но господин тессорий кажется весьма взволнованным.

Взволнованный Манрик? Легче представить взволнованный тал...

— Пусть пройдет в сад.

— Хорошо, ваше высокопреосвященство. Разрешите напомнить, сегодня несколько сыро.

— Спасибо, Агний.

Правильно напомнил, Дорак не выходил на улицу с неделю, но что за муха укусила Манрика? Может, воры в казначействе?

Сильвестр неторопливо расправил мантию и вышел через внутреннюю дверь. Деревья еще и не думали желтеть, вдоль тропинки алели пышные астры. Его высокопреосвященство с удовольствием вдыхал запах цветов и влажной земли. Агний оказался прав: день выдался сыроватый, хоть и теплый, приятная погода...

— Добрый день, Леопольд. Вы меня весьма удивили.

— Ваше высокопреосвященство!

Секретарь не врал, господин тессорий был взволнован, страшно взволнован. Не будь он столь рыж и, соответственно, белокож, ему, возможно, и удалось бы скрыть волнение, но, увы...

— Вы настояли на аудиенции, однако я очень занят. Могу уделить не более десяти минут.

— Этого достаточно, — заверил Леопольд Манрик с несвойственным ему подобострастием. — Ваше высокопреосвященство, я прошу у вас милости... Спасите моего сына!

Ничего себе просьба!

— С вашим сыном случилось несчастье. С кем?

— Ваше высокопреосвященство, Лионель Савиньяк вызвал на дуэль Леонарда.

Очччень интересно, прямо-таки оччень. Близнецы Савиньяки имели одно лицо, но не норов. Эмиль вечно грыз удила, а его дуэли и кутежи в свое время были притчей во языцех у всей Оллари. Лионель шпагой и пистолетом владел не хуже брата, но вызвать Леонарда

Манрика на дуэль мог лишь с хорошо обдуманнными намерениями. С какими?

– Какова причина дуэли? – поинтересовался Сильвестр, перебирая свои любимые четки. Говоря с Манриком, следует помнить о любой мелочи, а по рукам, перебирающим шлифованные гранаты, ничего не прочтет даже тессорий.

– Женщина, – односложно ответил Манрик.

– Женщина? – Сильвестр позволил себе проявить некоторое недоверие. Лионель при желании мог отбить даму у любого кавалера, не считая, разумеется, Ворона, но ни предыдущий капитан Личной охраны его величества, ни нынешний не походили на безусых юнцов, готовых дырять друг друга из-за юбки. К тому же у Манрика была связь с одной из придворных дам, а Лионель заменил виконта Валме в доме Капуль-Гизайлей. Нет, дама может быть лишь предлогом. Лионель Савиньяк решил убить Леонарда Манрика. Похвально, но не вовремя!

– Ваше высокопреосвященство, причиной ссоры послужила девица Арамона.

Девица Арамона? Дочь пропавшего капитана и дуэньи, приставленной Рокэ к Айрис Окделл. Кардинал видел ее два или три раза – прелестная девушка. Подсунуть ее величеству эдакий цветочек вполне в духе Алвы. Рядом с Селиной казаться фиалкой куда труднее, чем среди придворной брюквы.

– В «Напутствии Франциска» сказано: *«Если некто неподобающим образом обходится с достойной уважения девицей, долг дворянина – оную защитить и покарать обидчика. В подобном случае дуэль правомочна и неизбежна»*.

Когда не знаешь, что говорить, нужно цитировать. Сильвестр пользовался этим приемом с юности. В арсенале кардинала были не только церковные тексты, но и своды законов, труды философов и даже драмы Дидериха и сонеты Веннена.

– Возможно, Леонард и проявил неуважение к даме, – выдавил из себя тессорий, – но он – верный слуга Талига.

– Граф. – Пальцы его высокопреосвященства невозмутимо отсчитывали алые капли. – Эдикт, запрещающий дуэли, отменен. В случае смерти одного из противников его величество обычно полагает необходимым отослать победителя из столицы с тем или иным поручением, но пока ничего непоправимого не произошло. Вмешательство короны или же церкви унижает обоих участников. Пусть молодые люди обменяются десятком ударов, а потом отправятся завтракать.

– Ваше высокопреосвященство... Савиньяк убьет Леонарда, если вы не вмешаетесь!

– Что именно случилось?! – подался вперед Сильвестр. Это был излюбленный прием его высокопреосвященства. Погруженный в свои раздумья отец церкви исчезал, уступая место политику.

– Мой сын в присутствии маршала Савиньяка пошутил насчет внимания, которое уделил девице Арамона его величество, и упомянул Манон Арли⁴⁴.

– Это все? – глаза кардинала не отрывались от лица тессория.

– Все.

Манрик не лжет, все так и было. Савиньяк придрался к тому, к чему можно придраться. Покойная куртизанка ни при чем, равно как и девица Арамона, просто Лионель Савиньяк вознамерился убить Леонарда Манрика. И убьет, если не принять меры.

– Ваше высокопреосвященство, – в голосе тессория слышались умоляющие нотки, – быть может, маршал Савиньяк нужен в Урготе?

Станет ли Леонард драться или предпочтет заболеть или сбежать? В любом случае капитаном Личной охраны его величества ему больше не бывать. А кому бывать? У одних чересчур много благородства, у других слишком мало ума, а у третьих – наоборот. Нет, Манрика терять нельзя, но припугнуть можно и нужно.

⁴⁴ Манон Арли, знаменитая куртизанка, по слухам, дарившая свою благосклонность одновременно маршалу Алонсо Алве и его кузену королю Карлу Второму.

– Военная кампания на юге близка к завершению, – Дорак отложил несколько бусин. – Теперь следует ждать обострения на севере, но простите, я отвлекся. Дуэль может остановить дама.

– Селина Арамона находится под покровительством ее величества, – с горечью произнес тессорий.

Очаровательно! Катарина Ариго и Лионель Савиньяк вступили в союз по истреблению Манриков. Резоны королевы понятны, но кто укусил Лионеля? Алва на прощанье посоветовал не разводить слишком много Манриков и не пить слишком много шадди. С шадди Лионель ничего поделать не может, а вот с Манриками... Хотя с Савиньяка станется взяться за пошедших в гору лисиц по собственному почину. Не знай его высокопреосвященство, что происходит на самом деле, он и сам бы забеспокоился.

– Я поговорю с маршалом Савиньяком, а вам советую встретиться с матерью девицы. Насколько мне известно, она женщина благоразумная. Возможно, вам удастся все уладить при помощи брака.

Цвет лица тессория еще раз переменялся, от чего Сильвестр получил искреннее удовольствие. Леонард Манрик! Капитан Личной королевской охраны, сын тессория – и женитьба на безродной бесприданнице?!

– Я обращусь к госпоже Арамона, – выдавил из себя Леопольд Манрик, – если это единственный выход.

– Надеюсь, вы найдете общий язык, – Сильвестр кивнул головой, давая понять, что разговор окончен. Леопольд не может не понимать, что Лионель так просто не отступится. Если Лионель останется в Олларии, с ним может что-то случиться, но он здесь не останется.

Его высокопреосвященство проводил уходящего тессория взглядом. Незачем Савиньякам делить ответственность с Манриками и Колиньярами. Каждому свое и в свое время. В Кадане маршал Савиньяк будет на месте, а Симон Люра вернется в Олларию в распоряжение его величества. Манрики теперь и слова не скажут: обязательства обязательствами, а своя шкура дороже. Сильвестр улыбнулся и осторожно обошел воробьев, остервенело расклевывавших принесенную кем-то горбушку.

Уходить из сада не хотелось: не просохшая после дождя зелень, живые цветы, даже выползший на дорожку длинный розовый червяк были такими милыми и настоящими. Подумать только, для большинства людей существует только этот мир – простой, понятный, в котором нет места забытым страхам, ядам, кинжалам, подкупу.

Соберано Алваро завещал похоронить себя в Алвасете с гитарой... Счастливец, он был свободен в своем завещании, а кардинал Талига лишен даже этой возможности. Он будет лежать в Нохе рядом с Диомидом. Это большая честь, но сам он предпочел бы семейный склеп на заросшем вишнями кладбище. Сколько лет он не был в Дораке? Десять? Нет, больше... Это было после смерти Алваро, но до восстания Борна. Точнее сразу и не вспомнить, да и кому они нужны, эти воспоминания?! Не до них!

Сильвестр зачем-то сорвал несколько тяжелых мокрых астр и поднялся на крыльцо. Сердце не болело, последнее время он его почти не чувствовал, и это было добрым знаком.

– Поставьте в воду, – кардинал протянул удивленному Агнию цветы, – сварите шадди и разыщите маршала Савиньяка.

– Да, ваше высокопреосвященство. Ваше высокопреосвященство, вести из Эпинэ. Скончался старый герцог.

– Что ж, восемьдесят пять – неплохой возраст. Что-то еще?

– Губернатор Сабве напоминает о том, что необходимо утвердить в правах наследника Альбина Марана.

Еще бы ему не напомнить! Фернан Сабве – брат Амалии Маран и наследник герцога Колиньяра. После восстания Эгмонта кто только не сговаривался о разделе наследства мятежников. Тессорий Манрик согласился поддержать притязания Колиньяров в обмен на поддержку в надорских делишках, только Эпинэ им не видать. Зачем злить окрестное дворянство? Провинции не женщины, с их чувствами следует считаться.

Юг обойдется без Маранов, а север без Манриков. Мориски не зря говорят, что меняющие льва на гиену подобны евнухам. Покойный герцог был последним из скрестивших мечи гигантов. Почему он примкнул к партии Алисы, так никто и не узнал, но Анри-Гийом не сдался. Старый упрямец натворил немало бед, погубил собственную семью, но увидеть на его месте ничтожного Альбина?! Благодарю покорно, уж лучше разбить герб⁴⁵. Старые обычаи зачастую глупы, но в них есть величие.

– Ваши цветы, – в кувшине темного стекла пурпурные астры выглядели изумительно. Словно поминальные огни...

– Агний, отпишите губернатору Сабве, что чрезмерная поспешность порой бывает неприличной. К тому же род Эпинэ еще не пресекся.

2

Герард был счастлив и все же не забыл ни мать, ни Селину, ни малышей. Какое чудесное письмо и какое разумное. Даже с планом сражения, чтобы все было понятно. Луиза словно бы видела сына: вот он сидит за столом, склонив голову набок, и рисует расположение галер и галеасов до и после сражения. Понять, куда кто плыл, было трудно, но Луиза в конце концов разобралась. Еще бы, ведь на этих кораблях дрались ее сын и синеглазый герцог! Создатель был к ним милостив, вернее, он был милостив к ней, ведь мужчины, настоящие мужчины, а не уроды вроде Арнольда огорчаются, когда заканчивается война. А женщины радуются. Она так счастлива, что все уже позади, а впереди – праздник и зима в теплом южном городе.

«...моряки сойдут с кораблей и будут плясать на площади среди костров», – объяснял Герард. – Перед морем все равны, поэтому офицеры снимают мундиры и надевают морские рубахи. Монсеньора пригласили на праздник, он возьмет с собой виконта Валме и меня. Город еще осаждают, но от этого все только больше веселятся. Я тебе обязательно напишу, как все было. Мастер Уголино говорит, что это очень интересно...»

Сын счастлив, но, если где-то хорошо, в другом месте будет плохо. Луиза с детства боялась больших удач, а неприятности считала сметаной для закатных кошек. Вылижут и уйдут, никого не тронув. Как-то к ним забрались воры, маменька с горя слегла, а Луиза с облегчением перевела дух. Платья, посуда, даже деньги – дело наживное, зато все будут живы и здоровы.

Когда она носила Герарда, то бросила в реку единственное любимое кольцо. Было ужасно жалко, но Герард родился здоровым и непохожим на папашу. Теперь им сказочно везет, но надолго ли? Или это плата за смерть Арнольда и Циллы? Что б она сказала, явись ей год назад Зеленоглазый и предложи за жизнь Циллы гвардию для Герарда, патент фрейлины для Селины и встречу с Рокэ Алвой для нее самой? Все, о чем она мечтала, в обмен на злую, уродливую девочку, которая наверняка бы выросла несчастной.

Луиза отложила письмо сына, глядя невидящими глазами в стену. Арнольда нет, но она его никогда не любила. А Цилла?! Как вышло, что она о ней почти забыла? Дениза говорит, что с родичами выходцев только так и бывает. Оплаканным мертвецам не открывают, а тут они вроде и не умирали.

Луиза сжала руками виски, отчаянно пытаясь вспомнить дочку, но не получалось. Она забыла все: лицо, голос, жесты, – словно ничего и не было. Арнольда помнит, а Циллу забыла!

– Сударыня, прошу простить мое появление.

Тессорий! Создатель, этому-то чего нужно? Луиза поднялась и сделала положенный по

⁴⁵ По Кодексу Эрнани, если пресекался род и император не считал возможным передать родовое имя кому-либо из родичей, император в присутствии высшей аристократии лично разбивал гербовую доску.

этикету реверанс.

– Ее величество у его величества.

– Я знаю. Я искал встречи с вами, прошу вас уделить мне несколько минут наедине. Даже если вы заняты.

Святая Октавия, зачем она графу Манрику? Рыжий тессорий если ее и видел, то не замечал. Катарина говорила, что его сын неравнодушен к Селине, но это сын.

– Сегодня несколько сырой день, сударыня...

– Совершенно верно, сударь.

Какое неприятное лицо, но он старается быть вежливым. Почему?

– Я вижу, вы читали письмо. Что пишет ваш сын? Он ведь состоит при персоне Первого маршала?

– Да, сударь.

Зря она принесла письмо Герарда с собой. В нем, конечно, нет ничего опасного, но лучше, чтоб его никто не видел.

– Сударыня, как поживает ваша очаровательная дочь?

– Благодарю вас, сударь. Все хорошо.

Пока тессорий не скажет, что ему нужно, она будет дурой. Вежливой, знающей этикет, но дурой. Но где баронесса Заль? Вышла на минутку и исчезла именно тогда, когда она нужна.

– Она очаровательна. Я не опущусь до лести, если скажу, что при дворе нет девушки прелестней Селины.

Создатель, да что же такое творится? Молю троченному лису до девушек нет никакого дела и, похоже, давно.

– Благодарю вас, сударь.

– Вы весьма немногословны. Молчаливая женщина – это такая редкость.

Рокэ Алва считает так же, но приплетать маршала она не будет. Луиза глупо потупилась и еще глупее хихикнула.

– Хорошо, сударыня, я раскрою карты. Баронесса Заль скоро вернется, я не могу позволить себе долгий разговор.

Это он устроил, чтобы баронесса вышла. Зачем?! Луиза подняла глаза на Манрика. Подслушивает ли баронесса? Очень даже может быть. А может, не только она. Значит, нужно и кошек напоить, и молоко убересть.

– Я вся внимание, сударь.

– Рокэ Алва всегда разбирался в людях, – чопорно произнес тессорий. – Жаль, его сейчас нет в Олларии, а его высокопреосвященство в последнее время нездоров.

– К счастью, его высокопреосвященству есть на кого положиться, – Луиза кокетливо раскрыла и закрыла веер. Это выглядело отвратительно, сам веер тоже был отвратительным. Она нарочно выбрала такой...

– И не только его высокопреосвященству. Сударыня, если вам что-либо понадобится, обращайтесь ко мне так же, как если б на моем месте был Первый маршал.

– Разумеется, сударь, но ее величество ко мне и моей дочери очень добра...

– У вашей дочери уже есть жених?

– Еще нет... Ваше величество!

– Что вам угодно, граф, – Катарина Ариго, как и положено вечной страдальце, была грустна и смиренна.

Святая Октавия, даже не знаешь, радоваться приходу королевы или злиться. Тессорий что-то хотел, но лучше б он хотел этого в другом месте. Там, где не подслушивают.

– Ваше величество, я осмелился явиться сюда в надежде встретить одну юную особу.

– Кого же? – все так же тихо произнесла королева.

– Селину Арамона. Я хотел бы сказать ей нечто важное.

Создатель, что нужно тессорию от девочки? Почему он ходил вокруг да около?

– Мы позволим вам поговорить с девушкой лишь после того, как узнаем, в чем дело, –

Катарина подняла глаза на Манрика, – мы отвечаем перед Создателем за наших фрейлин и должны знать, что происходит.

Она была дрянью, шлюхой, лгуньей, но она защищала Селину, это Луиза понимала. Если б Манрик хотел добра, он бы не юлил. Этот человек не может хотеть добра никому, кроме себя.

– Ваше величество, это личное дело, – с нажимом произнес Манрик, – очень личное.

– Здесь мать девушки. Здесь мы, ее покровительница, – Катарина Ариго умела отказывать, в этом Луиза и раньше не сомневалась, но почему она бросилась в бой из-за Селины? – Говорите при нас.

– Ваше величество, уверяю вас...

– Граф, – руки королевы теребили край вуали, но голос был твердым, – мы виделись с маршалом Савиньяком, мы все знаем, и мы не позволим вам говорить наедине с неопытной девушкой.

При чем тут Лионель? Луиза видела белокурого маршала всего несколько раз и ни разу с ним не говорила, а Селина тем более.

– Ваше величество, – лицо Манрика стало красным. Как же он ненавидел королеву, королеву и... Селину! – я прошу вас разрешить мне переговорить с девицей Арамона в вашем присутствии и в присутствии ее матери.

– Хорошо, – кивнула Катарина. – Селина, дитя мое, граф Леопольд Манрик хочет сказать вам несколько слов. Идите сюда и не бойтесь, мы сумеем вас защитить.

Бледная Селина вынырнула из-за спин фрейлин и придворных дам. Но не одна. Айрис Окделл встала рядом с подругой, с вызовом задирая голову.

– Айрис, – негромкий окрик королевы заставил сестру Ричарда вздрогнуть, – отойдите. В Талигой... В Талиге, благодарение Создателю, достанет честных людей и доблестных шпаг, чтобы защитить женщину. Мы слушаем вас, граф.

– Дитя мое, – Манрик говорил с трудом, словно его держали за горло, – мой младший сын Леонард полюбил вас с первого взгляда и просит вашей руки!

Создатель, этого не может быть! Один из первых вельмож, богач и проныра, влюбился в Селину?! Влюбился до такой степени, что предлагает руку и сердце. Если б это был кто-то... Кто-то вроде виконта Валме или Ричарда Окделла, она могла бы поверить, но Леонард Манрик! И уж тем более его отец не стал бы просить руки бесприданницы. Он бы попробовал откупиться или запугать. Может быть, он пришел именно за этим? Но тогда почему остался, почему согласился на разговор в присутствии королевы?

– Селина, дитя мое, – голос Катары был мягким, как алатская шаль, и таким же теплым, – граф Леонард просит тебя стать его женой. Каков будет твой ответ?

Селина вздрогнула, ее взгляд стал затравленным. Достаточно одного слова, и дочка перенесется через пропасть, которую мало кто может перейти. Но этого слова не будет. Селина еще ничего не сказала, но Луиза уже поняла: графиней Манрик девочка не станет ни за какие сокровища мира.

3

Забавно, как языческие обычаи проползли в эсператизм. Куда ни копни – или переписанная легенда, или перекрашенный обряд. Что это, отсутствие воображения у первых иерархов или за сходством кроется нечто большее? Взять ту же эсперу с ее четырьмя длинными лучами...

Теологические изыскания его высокопреосвященства прервал приход маршала Савиньяка, и Сильвестр предусмотрительно отодвинул манускрипт. Лионель – прирожденный политик, он не только смотрит, но и видит. Не хватало, чтоб маршал по примеру Ворона и кардинала принялся рыться в старье в поисках то ли вчерашнего дня, то ли завтрашней ночи. Кардинал чем дальше, тем больше приходил к выводу, что старые

тайны ничего хорошего не сулят, и все-таки их следовало раскрыть. Хотя бы для того, чтоб не остаться в половодье без лодки.

– Ваше высокопреосвященство, – поклонился Лионель, – вы хотели меня видеть?

– Граф, – с Савиньяком можно говорить почти откровенно, – что это за история с дуэлью?

– Ничего особенного, ваше высокопреосвященство. – Черные глаза бывшего капитана королевской охраны смотрели прямо и спокойно. – Леонард Манрик оскорбил девушку, находящуюся под покровительством моего друга.

– Весьма близкого друга, – не упустил возможности вставить шпильку его высокопреосвященство.

– Да, – охотно подтвердил Лионель, опровергая расхожее утверждение, что у Ворона друзей нет и быть не может.

– И вы думаете, что я вам поверю?

– Нет, – покачал льяной головой Лионель. Любопытная все же вещь фамильные черты. Кажется, нет ничего более несовместного, чем северные волосы и южные глаза, а в роду Савиньяков раз за разом рождаются черноокие блондины.

– Лионель, я бы предпочел, чтоб вы продырявили Манрику плечо и выехали в Надор на смену Симону Люра.

– Это приказ? – Савиньяк улыбнулся почти так же ослепительно, как Алва.

– О нет... Духовное лицо в Талиге не может приказывать лицу светскому.

– В таком случае я намерен защищать честь девицы. – В черных глазах мелькнула горячая искра. – До смерти... Леонарда.

– А что вы станете делать после похорон? Конечно, Манриков меньше, чем Приддов. Даже вместе с Колиньярами, но вряд ли все они примутся оскорблять дам.

– Не все Манрики командуют Личной охраной его величества!

Ого! Молодец! Ты свою должность не зря занимал.

– Вы полагаете, Леонард не справляется со своими обязанностями?

– Экстерриор недавно рассказывал притчу о лисе, взявшемся охранять курятник.

Его высокопреосвященство этой притчи не помнил, быть может, граф Рафиано ее и рассказывал, а быть может, и нет.

– Вы полагаете, лиса не сможет устеречь каплуна? Но, возможно, она устережет кошку.

– Охранять курятники должны собаки, – сообщил Лионель Савиньяк. – Эти животные равно не расположены и к лисам, и к кошкам.

Можно и дальше ходить вокруг да около. Можно, но не нужно. Иначе Лионель будет действовать сам, а он хороший игрок, и он не желает видеть у трона Манриков. Как и Рокэ. Его высокопреосвященство вздохнул и слегка задержал дыхание, проклятая одышка.

– Граф, – шадди бы сейчас, но нельзя, – что вам больше нравится: гражданские войны или дворцовые перевороты?

– Ни то, ни другое, хотя гражданская война – дочь неудачного переворота.

– Иногда. А мир часто сын удачного переворота. Я говорю «удачный», а не «успешный».

– Ваше высокопреосвященство, вы полагаете, Манрики способны на что-либо удачное?

– Они способны вычистить конюшни, не запачкав других. Вам никогда не приходило в голову помечтать о моей смерти?

Удивился. И даже возмутился. Слегка... Лионель Савиньяк и в самом деле не желает смерти Квентина Дорака. Трогательно.

– Я бы ответил на этот вопрос, задай его кто-нибудь другой.

– Вы и так на него ответили. Лионель, кто станет кардиналом после меня?

– Я не вижу никого, – ответил быстро, не колеблясь, значит, раз за разом перебирал всех олларянцев и не нашел никого стоящего. Правильно, не нашел.

– Никого? – Пусть разовьет свою мысль.

– По крайней мере из тех, кого я знаю. В свое время называли епископа Бонифация, но

вы отправили его сначала в Багерлее, потом в Варасту.

Бонифаций в молодости отличался честолубием, приближать такого было опасно. Тогда так казалось. Может быть, его высокопреосвященство был прав, а может, и нет, но блестящего молодого богослова обвинили в связях с дриксенскими агентами. Связь, впрочем, была самой настоящей, другое дело, что Бонифаций знать не знал, кто оплачивает туалеты его любовницы. Бабенка от денег млела, а мужчины млели от нее. В конце концов ее зарезал какой-то влюбленный юнец, но Бонифацию от этого легче не стало...

– Можете при случае передать вашему другу, что он оказался прав, когда вытряс из Фердинанда помилование. Бонифацию тоже не мешает узнать, кому он обязан свободой. Но мы отклонились от темы. Кто станет кардиналом Талига?

– Это знаете только вы, – Савиньяк задумчиво погладил эфес, – я такого человека не вижу.

– И я не вижу, хотя умираю.

Эмиль бы завопил и замахал руками, Ворон бы поднял бровь и попросил шадди, Лионель промолчал. Все правильно, первому быть маршалом, второму – королем, третьему – кансильером. А кардиналом станет Агний. Он для этого достаточно послушен.

– Вы удивлены, граф, не так ли? Но вы мне верите.

– Верю, но уверены ли вы?

– Уверен... Мне осталось больше года, но меньше трех. Именно поэтому я намерен очистить столичные конюшни.

– Руками Манриков?

– Сначала да. Потом – вашими. Когда вернетесь с севера, вам придется заняться Манриками, Колиньярами, Залями и прочими «навозниками». Повод будет, и посерьезней, чем мнимое оскорбление, нанесенное безродной девице. Вам что-то не нравится?

– В том, что Манрики своего не упустят, я не сомневаюсь, – Лионель схватывал на лету, полезное свойство для кансильера, – и на место их я поставить смогу, но что дальше? Король без кардинала – это ножны без шпаги.

– Кардиналом станет Агний. Когда Арно Савиньяк сможет стать капитаном Личной охраны его величества?

– Лет через пять, не раньше. И то, если его взять ко двору.

– Пяти лет у нас нет, Лионель, а вы мне нужны в другом месте.

– Тогда сын Рудольфа Ноймаринена.

– Мне следовало бы самому о нем вспомнить, мы ведь немного родственники.

– Ваше высокопреосвященство, капитан Личной охраны – руки, но не голова. Я уважаю вашего помощника, но он...

– Не сможет править Талигом? Не сможет. Но он не станет мешать его величеству.

– Его величеству?

– Да, его величеству Рокэ Первому.

Теперь посмотрим, падают ли Савиньяки в обморок. И если падают, то как.

– Алва не согласится.

Нет, с кансильером он не ошибся. Из всех возможных возражений – единственное нужное.

– Не согласится, если его спросят. Но выбора у него не будет.

Глава 6

Фельп. Оллория

«Le Dix des Bâtons & Le Deux des Bâtons & Le Cing des Deniers» ⁴⁶

⁴⁶ Десятка Посохов, Двойка Посохов и Пятерка Динариев.

Марсель Валме по праву считал себя неплохим танцором, он не чурался даже самого развязного вольта, не говоря уж о гиронне ⁴⁷, но от того, что с дикими выкриками носилось по площади Сирены, виконт старался держаться подальше. Танец должен быть танцем, а не безумием, но поди объясни это подвыпившим морякам! Матросы, гребцы, канониры, офицеры, капитаны смешались в сумасшедшем хороводе, то и дело выталкивая в круг отличившихся в битве. Теперь посреди площади скакал, именно скакал, другого слова Валме было не подобрать, Лука Лотти, тот самый канонир с «Влюбленной акулы», что первым пристрелялся по учебным телегам и подбил больше всех «дельфинов».

Раскрасневшийся артиллерист прыгал на месте совершенно не в такт, но старательно. Бедняге в детстве явно наступил на ухо кто-то внушительный, но какое это имело значение для моряков, празднующих свои Андии! Жуткий обычай. Столько не пьют и столько не пляшут!

Сам Марсель, тщательно одетый и еще более тщательно причесанный, стоял рядом с музыкантами и ждал маршала, загулявшего с морскими волками. Вчера виконт с большого ума пообещал Софии привести Ворона, а за свои слова приходится отвечать. Если б не опрометчивое обещание, Валме уже держал бы очаровательную пленницу за ручку. Хорошо, что кисок сразу отделили от драных кошек, можно не любоваться на Зою и других жутких баб, но какой же он дурак! Разве можно обещать, когда речь идет об Алве! Марсель с трудом отыскал герцога в разноцветном колесе. Первый маршал Талига мчался по кругу, обнимая за плечи каких-то моряков, и, судя по всему, чувствовал себя преотлично.

Конца этому, с позволения сказать, празднику не предвиделось. Музыканты вконец очумели, танец становился все бешеней. Сменивший Лотти высоченный абордажник уступил место Дерра-Пьяве. Коротышка оказался отменным плясуном, его кульбиты сделали бы честь любому акробату. После особо прихотливого коленца капитан лихо взмахивал шейным платком и, вихляясь, словно под ним были не каменные плиты, а качающаяся палуба, вопил что-то залихватское. Хоровод отвечал такими же криками, короткими и резкими. Моряки, не прекращая стремительно перебирать ногами, резко поворачивали головы то влево, то вправо. Перед Марселем мелькнул профиль Ворона, герцог, неистово мотнув черной гривой, отвернулся, понеслись незнакомые лица, затем мелькнул адмирал Скварца, обнимавший самозабвенно вопящего Лотти.

Хоровод несясь все стремительней, потом распался на четыре цепи, которые сплетались и расплетались, проходя друг сквозь друга. Дерра-Пьяве еще разок подпрыгнул, что-то проорал, разорвал цепь танцующих между Рокэ и его соседом и вытолкнул Ворона на середину. Алва, ничуть не растерявшись, стремительно перекувырнулся назад через голову.

Будь герцог оборотнем, на его месте оказался бы черный зеленоглазый кот, благо на небе сияла полная луна, но Алва остался Алвой, хотя то, что он вытворял, без сомнения, было ересью. Валме не знал, созерцает ли он кэналлийскую пляску или Рокэ набрался прыжков и пируэтов у своих козлиных приятелей, но Дерра-Пьяве был посрамлен. Герцог почти падал на спину, отталкивался от земли то одной рукой, то двумя, взлетал вверх, переворачивался в воздухе и при этом ни разу не сбился с ритма, умудряясь попадать в такт ошалевшим литаврам и барабанам. Судя по воплям в толпе, такой пляски славный город Фельп еще не видел. Хотя что он вообще видел, кроме птице-рыбо-дур?!

Напоследок Алва с разбега крутанул тройное сальто, по-кошачьи приземлился на обе ноги и исчез среди танцующих, выдернув из хоровода Муцио, но показать, на что он

⁴⁷ Бальные танцы, считающиеся несколько фривольными.

способен, адмирал не успел. Музыканты вновь сменили ритм, над площадью Сирены закружилась новая мелодия, неистовая и отрывистая. Хоровод окончательно распался, моряки орали здравницы вожакам и подбрасывали их к хохочущей луне. Это было почетно, но Марсель ни за какие деньги не пожелал бы оказаться на месте чествуемых – он не для того причесывался, менял рубашку и полчаса завязывал шейный платок, чтобы кто-то его хватал и подкидывал!

Талигоец, на всякий случай отступив в тень, глядел на взлетающих над толпой адмиралов, капитанов, канониров, абордажников, мастеров. Моряки, конечно, молодцы, а победа вышла полной и красивой, но ночь святого Андия – это слишком! И когда, во имя Леворукого, они уймутся?! На носу – полночь, их ждут прелестные женщины, а он торчит среди одуревшей толпы и любит, как фельпские матросы качают кэналлийского герцога. Ужас!

2

Селина была ужасающе серьезна и необыкновенно хороша. Луиза почти поверила, что рыжий генерал и впрямь влюбился. Хотеть он мог, и наверняка хотел, но женитьба – это нелепо! Госпожа Арамона улыбнулась дочери.

– Ты чего-то хочешь?

– Мама, ты очень сердисься?

На что? На то, что она отказала сыну третьего человека Талига? Может, и сердилась бы, если б считала Леонарда и его отца хорошими людьми, а предложение искренним, да и то... Женщина имеет право на любовь, а красивая – и на то, чтоб быть любимой.

– Селина, а что ты сделала? Неужели порвала синее платье?

– Мама, – голубые глаза стали еще больше, – ну... Я про генерала... Я...

– Ты все сделала правильно, – весело сказала Луиза, – не стоит выходить за первого встречного. Ты слишком молода. Вернется Герард, к этому времени мы наконец переедем. У нас будут бывать молодые офицеры, выберешь того, кто тебе понравится.

Селина вздохнула и покачала головой:

– Я замуж не выйду.

Не выйдет она! Луиза с подозрением посмотрела на дочь. Та опустила глаза. Все ясно! В семнадцать лет говорят «никогда», только если «уже». А она-то хороша: дочка влюбилась, а мать ни сном ни духом.

– И что ты собираешься делать?

– Буду жить с Айрис, – объявила Селина, – и помогать ей воспитывать детей. Она согласна.

– Вот как? – спросила Луиза, чтобы спросить хоть что-нибудь.

– Да, – серьезно кивнула Селина, – у герцогини должны быть компаньонки. Герард и Ричард будут с монсеньором, а я – с Айрис.

– Селина, а Айри не предлагала тебе Ричарда? – поинтересовалась Луиза, стараясь сохранить спокойствие. Сейчас все станет ясно, хотя вообще-то ясно уже теперь.

– Говорила, – заверила дочь, – но я не хочу.

– Ты хочешь монсеньора или никого, – очень спокойно произнесла Луиза.

– Да, – выпалила дочь, – мама, ты не понимаешь!

Луиза не должна была смеяться, ни в коем случае не должна, но она не выдержала. Она не понимает?! Она!!! Разрубленный Змей, что ж такое творится?! Три дуры на одного герцога! Создатель, что будет, когда кэналлиец узнает, что без него не только его женили, но и наследников завели...

– Мама, – на ресницах дочери задрожала слезинка, – я... Ты не скажешь Айрис?

Луиза только руками замахала. Ей было жаль: себя, Айри, Селину, – но остановиться она не могла. Леворукий и все кошки его, сколько ж по Талигу баб спят и видят синеокого

красавца?

– Не скажу, – выдавила наконец госпожа Арамона, – но... Вы подвенечное платье, часом, еще не заказали?

– Нет, – удивилась дочь, – мы же не знаем, когда они вернутся.

Луиза закусила губу, чтоб снова не разоржаться, и пулей вылетела из комнаты. Клину придется вышибать клином, а где такой возьмешь? Да и Айрис... Это смешно, пока не дойдет до Катарины, тогда это станет опасным. Змеюка Рокэ не отпустит, тем более к Айрис Окделл. Союз Ворона и Вепря для нее конец, а поверить влюбленной дурочке королева может. Еще как может, и не только она, а вдруг уже поверила? Потому и оставила Айрис при себе, а потом с девочкой что-нибудь случится... А если обойдется сейчас, как ей жить, когда замок окажется воздушным, а нарисованное счастье лопнет, как мыльный пузырь? Даже не знаешь, что хуже.

3

Облака последний раз прыгнули навстречу и вернулись на место, под ногами вновь был камень, а над головой – небо.

– Ура Джильди! – надрывалась площадь. – Ура Алве! Ура Дерра-Пьяве! Ура Скварце! Ура! Ура! Ура!..

Как все меняется... Или все как раз остается прежним, а меняемся мы сами? Год назад сын адмирала частенько воображал, как ликующие моряки качают молодого героя, а он, совершивший великий подвиг, оказавшись на твердой земле, улыбается и хлопает по плечу восхищенных соратников. Какой только дури не вообразишь, а она, эта дурь, имеет обыкновение происходить на самом деле, и тебе становится стыдно, мерзко и безнадежно.

Луиджи громко рассмеялся и хлопнул по спине абордажного тенъента. Зачем обижать людей в праздник, зачем их вообще обижать? Кому будет легче, если кругом узнают, что капитан Джильди убит на «Морской пантере», а то, что ходит, говорит, ест, пьет, пытается улыбаться, – не более чем тень. В том, что случилось, никто не виноват, отец счастлив, команда счастлива, счастливы все... Еще бы, такая победа! С флота смыто позорное пятно, от бордонов осталось мокрое место, убитых и раненых всего ничего... Кто вспомнит погибшую девушку с вражеского галеаса? Подруги – и те забыли...

– Луиджи! – Марсель Валме, сияющий, раздушенный, словно только что от куафера... Вот уж у кого все в порядке! И хвала Создателю, талигоец – славный малый.

– С праздником, Марсель.

– Взаимно. Ты не видел маршала?

– Был с отцом и Уголино..

Маршал о Поликсене не знает. И отец не знает. Они выиграли войну, они рисковали своей головой, и как рисковали! Отец полез на брандер, хотя мог послать кого угодно. Рокэ дрался впереди всех. Ни у того, ни у другого ни единой царапины, а несчастную девочку разорвало в клочья, и еще кто-то говорит, что на все воля Создателя.

– ...так ты идешь?

Куда? Чего от него нужно Марселю?

– Иду.

Уж лучше скоротать проклятый праздник с талигойцами, благо они все равно уезжают. Отец, Муцио, Дерра-Пьяве заметят, что с ним что-то не так, а с Валме они почти незнакомы, хоть и могли вместе умереть, но умерла Поликсена.

– Отлично, – расплылся Марсель, он был счастлив и доволен и имел на это полное право. Если кто-то умирает, мир не обязан погружаться в траур. Талигоец подхватил Луиджи под руку:

– Надо отыскать герцога. Без него нас и на порог не пустят.

Герцога так герцога. Маршал Луиджи нравился чем дальше, тем больше. Талигоец не

походил на человека, который пускает в душу кого попало, но и сам в чужие души не лез. Жаль, Алва вернется к своему королю, и им на шею опять влезут Титус с Кимарозой! Может, отпроситься сопровождать купцов? На берегу он долго не выдержит, в море легче.

– Вот они! – Луиджи протянул руку к высокой белой колонне, у которой толпа была гуще всего. – Там всегда стоят адмиралы и старшие мастера.

– Вижу, – кивнул Марсель, – попробуем похитить.

Луиджи невольно хмыкнул – Марсель Валме никоим образом не походил на человека, способного похитить Кэналлийского Ворона. Странно, почему маршал держит при себе щеголя и мальчишку?

Сквозь толпу они пробрались сравнительно легко: Луиджи знали в лицо, да и Марселя многие помнили. Моряки охотно расступались, шутили, махали руками.

– Вот и ты, – обрадовался отец. После боя он помолодел на десять лет, а может, это не отец помолодел, а сын состарился, – мастер Уголино приглашает.

– Отец... Мы с Марселем хотели...

– Оставь их, Фоккио, – пророкотал Дерра-Пьяве, – пусть идут. Себя вспомни...

– Дело холостое, – улыбнулся горбун, – не стоит гневить святого Андия.

– Рокэ, – засмеялся Варчеца, – а вы святого гневить станете?

– По-видимому, – кивнул маршал. – А что для этого нужно?

Талигоец, как и Дерра-Пьяве, еще не отошел после пляски: черные волосы липли ко лбу, глаза весело блестели.

– Отправиться с нами и побеседовать с бутылками, по– нашему, по-стариковски.

– А если ты решишь Андия порадовать, – встрял Дерра-Пьяве, – отправляйся к женщинам!

– Какой странный святой, – пожал плечами Алва.

– Просто вы родились не в Фельпе, – уточнил Уголино, – к сожалению. Имейте в виду, что в ночь святого Андия холостяки и вдовцы идут к женщинам, мужья – к женам, а старики пьют и вспоминают молодость.

– Что ж, – хмыкнул Алва, – первый раз в жизни я не намерен сердить святого, если он, разумеется, святой. Муцио, а куда лежит ваш путь?

– Я женат, – улыбнулся красавец-адмирал.

– И, между прочим, по любви, – уточнил Джильди.

Да, по любви. Когда Муцио взял в жены Франческу Гампана, все удивились, но они счастливы. Именно поэтому Луиджи Джильди после боя ни разу не был у друга. Он не завидует, совсем не завидует, просто чужое счастье сдирает с раны присохшие повязки.

Валме переминался с ноги на ногу, как застоявшийся конь, ему не терпелось куда-то идти. Рокэ что-то шепнул мастеру Уголино, горбун затрясся от хохота, в разговор немедленно влез Дерра-Пьяве, отец пожал руку талигойцу... Закатные твари, кто-кто, а Ланцо с Уголино вряд ли закончат ночь в своих кроватях! Талигоец еще раз кивнул мастеру и повернулся к Валме:

– Марсель, надеюсь, мы идем не к птице-рыбо-девам?

– Что вы, – возмутился капитан, – мы идем к вашим пленницам. Между прочим, с вашей стороны весьма невежливо ни разу их не посетить.

– Судя по всему, – заметил Ворон, – вы меня с успехом заменили.

– Я старался, но, увы... София жаждет видеть вас, и только вас...

Леворукий и все его кошки! Они идут к пленницам с «Морской пантеры», к подругам Поликсены. Можно было и догадаться, Марсель своих подвигов не скрывал.

– Луиджи, тебя кто-то укусил? – участливо поинтересовался Дерра-Пьяве.

– Все в порядке, – капитан Джильди торопливо подхватил Валме под руку. – Я готов.

Даже правда может быть полезной. Иногда и не всем, но может. Во всяком случае, на Савиньяка она подействовала благотворно. Маршал перестал упираться, честно продырявил Манрику предплечье и умчался на границу с Каданой. Теперь Яков Каданский вряд ли полезет в Надор даже за все павлинье золото!

– Агний, тессорий здесь?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Подайте нам шадди и можете быть свободны до утра.

– Благодарю, ваше высокопреосвященство.

Еще б не благодарил. Когда такие зануды влюбляются, у них весь мир дыбом встает. Франциск был прав, разрешив клирикам жениться, а то девять из десяти были бы грешны плотью, а десятый – мыслями, что еще хуже.

Влюбленный секретарь, однако, о своих обязанностях не забыл. Все нужные документы и книги были приготовлены, равно как и присланные лекарем тинктуры. Какая все-таки гадость, но куда ж без них! Его высокопреосвященство стоически проглотил сладкую жижу, прикрыл записки Ремигия Паванского картой Торки, величаво опустился в кресло у камина и взял отчет из адмиралтейства. Как раз вовремя! В кабинет вплыл тессорий, следом Агний нес поднос с дымящимися чашечками.

– Садитесь, граф, – Сильвестр кивнул на второе кресло, – и грейтесь. Сегодня прохладно, но, к счастью, сухо. Надеюсь, Савиньяк доберется до Надора благополучно. Благодарю, Агний.

Секретарь поклонился и вышел. И это будущий кардинал! Хотя сам виноват, защищал свою власть, вот и дозащищался. Змей нет, но и орлов тоже, сплошные лягушки да воробы.

– Граф, шадди следует пить горячим.

Тессорий торопливо схватил чашечку.

– Ваше высокопреосвященство. – История с дуэлью почти превратила Манрика в человека. Как ни странно, он любил сына, кто бы мог подумать! – Я должен... Мы должны выразить вам свою признательность.

– Пустое, – махнул рукой Дорак, – у бывшего капитана Личной королевской охраны возникли определенные сомнения насчет своего преемника. Ему не нравилась замена проверенных полков новыми, причем набранными на деньги, изысканные отцом нового капитана. Мне пришлось его успокоить.

– Благодарю, ваше высокопреосвященство, – Манрик снова был сам собой: хитрый, настороженный, скрытный.

– Я объяснил маршалу Савиньяку, – медленно произнес кардинал, – что вести большую войну на юге можно, лишь обезопасив границы на севере и северо-западе. Там боевые генералы и обстрелянные солдаты нужней, чем в Олларии и ее окрестностях. Мне пришлось развеять опасения графа, объяснив ему, что все, что делалось вами, делалось по моей просьбе.

– Но это действительно так, – позволил себе напомнить Манрик.

– Разумеется, Леопольд. Я заверил Лионеля Савиньяка, что во время его отсутствия их величества будут в полной безопасности, а в Олларии не произойдет никаких неожиданностей. Вернее, – кардинал внимательно посмотрел на тессория, – никаких неприятных неожиданностей. Да, как продвигается, если продвигается, расследование покушения на улице Мимоз?

– Герцог Алва, – с неодобрением произнес тессорий, – счел уместным отправить Ричарда Окделла за пределы Талига, это весьма затруднило расследование. К тому же мы не имеем показаний графа Ариго, графа Энтрага, графа Килеана-ур-Ломбаха и графа Штанцлера, которые могли о чем-либо знать или догадываться.

– Разумеется, это осложняет дело. – Сильвестр с наслаждением пригубил шадди, жаль, что его пьют из таких наперстков, – но не делает его безнадежным. Напротив. Я полагаю, у покойных остались слуги, которые ищут новое место. То же относится и к тем, кто служил в канцелярии Штанцлера.

– Я завтра же займусь этими людьми, – кивнул Манрик.

– Если вам понадобится помощь, обратитесь к герцогу Колиньяру. Я уже отдал соответствующие распоряжения.

– Благодарю, ваше высокопреосвященство. Осмелюсь спросить, нет ли новостей о местонахождении Штанцлера?

– Мне на сей счет ничего не известно. А что удалось узнать вам и Колиньяру?

– Мы полагаем, Штанцлер пересек границу, однако куда он направился, пока неизвестно. Его нет ни в Агарисе, ни в Алате, где находятся Матильда Алати, ее внук и Робер Эпинэ.

– Который отныне по закону является герцогом. На следующем совете Лучших Людей предстоит решить судьбу майората Эпинэ. Удивительно щекотливое положение. Мы имеем государственного изменника, который не был предан суду, а не будучи осужденным, он не теряет права на титул и майорат. С другой стороны, Робер Эпинэ не может приехать в Талиг, так как находится вне закона. Лучше всего для него было бы погибнуть на охоте...

– Для него или для Колиньяров? – бесстрастно уточнил Манрик.

А господин тессорий ревнует. Очень хорошо. Манрики будут следить за Колиньярами, а Колиньяры уже следят за Манриками. Они никогда не сговорятся, зато быстро подметут столицу. Если что-то нечисто, они найдут. А если чисто, найдут все равно. Через несколько месяцев в Багерлее будет очень тесно, а ее величеству – очень одиноко.

– Вы полагаете, – значительно произнес его высокопреосвященство, – Робер Эпинэ может остаться герцогом без герцогства? Разумеется, при условии рачительного управления его владениями.

Хорошо бы сейчас оказаться в Эпинэ, в замке Дорак. Между прочим, неплохая мысль, он все равно собрался «болеть», пока Манрики будут доедать Алисин выводок.

– Я не вижу необходимости вводить в герцогское достоинство Альбина Марана и его супругу, – резко бросил Манрик и закашлялся. Нечаянно или нарочно? Манрик честнопил шадди,пил, но не любил. Глупец. Иметь здоровое сердце и не хотеть ни шадди, ни женщин.

– Пожалуй, вы правы, – кардинал значительно посмотрел на тессория, – но слишком многое зависит от проводимого вами расследования. Как здоровье вашего сына?

– Рана не причиняет ему особых хлопот. Он уже приступил к исполнению своих обязанностей.

– Надеюсь, сыновья вам помогут.

– О да. Они прекрасно разбираются в людях и преданы трону и вашему высокопреосвященству.

– О последнем можно было и не упоминать, – кардинал улыбнулся, – а первое очевидно, ведь они дети своего отца, а вы отменный знаток людской натуры. Кстати, как вы нашли внебрачную дочь графа Крединьи? Вы ведь с ней встречались?

– Она кажется разумной женщиной. К сожалению, наш разговор прервало появление ее величества.

– Прерванные разговоры следует заканчивать, – небрежно произнес Дорак, – но так, чтобы их больше не прерывали. Я был рад вас повидать, но, к сожалению, я не могу распоряжаться своим временем по своему усмотрению. Так же, как и вы.

– О да, – тессорий поднялся. – Разрешите еще раз выразить вам нашу с сыном признательность.

– Лучшей благодарностью будет обеспечение порядка в Оллarii, – кардинал поставил чашечку на поднос.

– Мы займемся этим. – Манрик поклонился и вышел.

Кардинал потянулся за четками и откинулся на спинку кресла. Партия началась успешно, но до коронации Рокэ еще далеко, хоть и ближе, чем до луны. Бедный Ворон, он еще не знает, что его ждет.

Днем вилла Бьетерощо утопала в пышных цветах, ночью над ней переливались звезды, но всего лучше она была вечером. Часовой при виде гостей торопливо вскочил и сделал вид, что даже не собирался ужинать. Его стараний не заметили, и Марселю стало смешно: Луиджи думал о чем-то своем, он вообще сегодня был каким-то странным, а Рокэ, наоборот, таким, как всегда. То есть непонятным и ироничным. Хорошо хоть согласился заглянуть к морским кошечкам, а то София была бы разочарована.

Красотка с «Пантеры» с первой встречи подарила Марселю свое расположение, с успехом заменяя Марианну, но и та и другая вконец свихнулись на Вороне. Марсель не ревновал, он же не жениться собирался, а женщин вечно тянет к тем, кто поопасней. В конце концов, что София и ее подружки, что милейшая баронесса строгостью нравов не отличались, и лучше делить их с Алвой, чем с каким-нибудь старым пнем или желторотиком вроде молодого Окделла.

– Вы не торопились, – вынырнувшая из напоенных цветочными ароматами нежных сумерек София недовольно выпятила губку.

– Сударыня, – Валме завладел ручкой пленницы, – я полон раскаяния, но я задержался, исполняя вашу просьбу. Разрешите представить: Первый маршал Талига Рокэ Алва. Капитан Луиджи Джильди.

– Счастлив видеть столь прелестную особу, – Рокэ галантно поклонился. Похоже, он и впрямь собрался радовать святого Андия. Вот и славно... Начнем в Фельпе, закончим в Олларии. Правду говорят, война сближает.

Впереди раздался шаловливый смех, и с террасы сбежали еще три девушки. Цветные шали делали их похожими на бабочек.

– Надеюсь, вы счастливы видеть не только меня? – мурлыкнула София, ловя взгляд маршала. – Вот мои подруги. Пленницы должны знать своего победителя.

– Но победитель не может претендовать на близкое знакомство со всеми пленницами, – в тон откликнулся Ворон.

– А лишь с самыми прелестными, – закончил Валме.

– Это Ариадна, Латона и Клелия, – произнесла София.

Ариадна и Латона испустили глубокий вздох и томно покосились на герцога. И это при том, что девицы были неразлучны не только днем, но и, как намекала София, ночью. Вот она, настоящая слава! Затянешь Ворона на час в постель, и тебе всю жизнь будут завидовать, а женщина цветет от женской же зависти, что роза от навоза. Но это не повод презирать розы и восхищаться бешеными огурцами.

– Господа желают пройти в дом или же насладиться вечерней прохладой? – спросила София. Корнет Кратидес была такой же пленницей, как и остальные, но вела себя как хозяйка. Марселю это нравилось.

– Я уверена, господа желают поужинать, – неожиданно низким голосом произнесла Клелия. – Мужчины всегда голодны, не так ли?

Валме оглянулся на своих спутников: Алва с готовностью целовал протянутые ему ручки, а вот Луиджи словно палку проглотил. И что с ним такое, с отцом поругался, что ли?

Фоккио принадлежал к тем родителям, которые могут устроить хорошую трепку, но адмирал пошел к Уголино, а значит, о нем можно до утра забыть. Марсель подхватил капитана под руку, предоставив женщин Рокэ, тем более что «пантеры» не могли оторваться от именитого красавца. Будь девиц поболее, им пришлось бы расталкивать друг друга, а четверым в самый раз.

Глава 7 Оллария. Фельп

1

Черные ветви на золотистом закатном шелке казались гоганской вышивкой. Красиво, изысканно и тревожно. Закат всегда тревожен, уж не потому ли древние привязали к нему все мировое зло и все страхи? И все равно были и есть безумцы, не страшящиеся пылающего неба и рвущиеся к неведомому. Он и сам такой, хоть и не водил в бой конницу, не лазил по гальтарским стенам, не плыл в неведомые земли. Хотел бы он, чтоб его жизнь сложилась иначе? Пожалуй, что и нет, хотя иногда он ошибался, а иногда проигрывал, но его последняя ставка будет беспроектной.

Его высокопреосвященство Сильвестр с трудом оторвал взгляд от вечернего золота и вернулся к столу. Без четверти восемь... Скоро придет Лили. Он сам назначил этот день и это время, когда Агний доложил, что баронесса Саггерлей просит аудиенции у его высокопреосвященства и прилагает письмо, в котором его высокопреосвященство дает ей такое право. И он велел пригласить баронессу, хотя предпочел бы избежать встречи. Глядя на подружек детских игр, понимаешь, во что превратился ты сам, а чужие морщины перечеркивают молодость сильнее своих.

Лили... Лилиана Эстен, почти сестра, верткая, смешливая девчонка, выросшая в решительную, жадную до жизни девицу. Несколько раз они бурно целовались в старом парке, а однажды поцелуями не обошлось. На следующий день семнадцатилетний Квентин уехал в Олларию, а Лили Эстен стала сначала госпожой Супре, а затем баронессой Саггерлей. Младший секретарь его высокопреосвященства Диоида узнал о замужестве приятельницы только через год. Тогда он был до одури влюблен в хорошенькую жену пожилого мужа, пользовался взаимностью и желал счастья всем и каждому. Послав от избытка чувств супругам подарок, достойный герцогини, Сильвестр забыл о Лилиан и вспомнил, только обнаружив в своей приемной ее сына.

Герман Супре оказался неглупым и начитанным, и его высокопреосвященство с удовольствием взял его младшим секретарем. Если б не необъяснимый интерес к старине, Герман пошел бы очень далеко, но молодой человек выбрал старые книги и старые стены. Казалось, что может быть безопасней, но историк погиб, а старый интриган живет и почти что здравствует. Если б не Герман, он бы постарался избежать встречи с Лилиан, но есть вещи, которые обязывают.

Что же все-таки искал Герман в Лаик? И что нашел? Связана его смерть с какими-то тайнами? В бумагах священника было много любопытного, но ничего, что стоило бы убийства. Сильвестр не мог отделаться от мысли, что чего-то не хватает. Какой-то тетради, в которую Герман записывал свои выводы, или дневника. Впрочем, это можно занести на счет Арнольда Арамоны. В свой последний приезд сын Лили настоятельно советовал сменить капитана Лаик. Арамона, по его мнению, был способен вызвать ненависть к себе и Олларам даже у бергера. Если дневники священника содержали похожие мысли и если они попали в лапы к капитану, тот не мог их не уничтожить. Тогда куда делся он сам? Отец Герман, унар Паоло, капитан Арамона... Что связывает их, кроме Лаик?

Сейчас старое аббатство пусто и ждет новых унаров. Прошлый выпуск прошел благополучно, ни капитан Деззариж, ни капеллан Ионас не замечали ничего необычного, хотя вышколенный фок Варзовом служака честно составлял рапорт за рапортом, отмечая каждую мелочь, вплоть до разбитых тарелок и обнаглевших крыс. На первый взгляд все было в полном порядке, только требовалась замена подавшему в отставку ментору. Обычное дело, но Сильвестр взял перо и приписал «узнать подробности», после чего извлек из груди

бумаг список тех, кому предстоит отправляться в «загон» этой осенью. Пятьдесят два человека, чуть ли не в два раза больше, чем в прошлом году, и ни одного наследника значительной фамилии, сплошь вторые и третьи сыновья.

Эскрибаны ⁴⁹ из канцелярии Высокого Совета не подкачали, дотошно перечислив всех, кому, согласно Реестру Франциска, надлежало пройти обучение. Еще одна традиция, которую давным-давно нужно менять, причем лучше в тот год, когда в Лаик не направляют сыновей мятежных герцогов. Насколько было бы проще, если б того же молодого Окделла оставили в его Надоре... Сильвестр обмакнул перо в чернильницу и сделал соответствующую пометку в деловом журнале.

– Ваше высокопреосвященство, – доложил дежурный секретарь, – прибыла баронесса Саггерлей.

– Манлий, передайте в канцелярию: список унаров на утверждение герцогу Алве пока не отсылать. Будут некоторые изменения.

– Хорошо, ваше высокопреосвященство.

– А теперь пригласите баронессу.

Для своих пятидесяти восьми Лилиан выглядела неплохо. Высокая, полная женщина в темно-красном... Красивая прическа, морисские благовония, умело подведенные глаза, и все равно старуха! Старуха, убившая жившую в памяти семнадцатилетнюю хохотушку.

– Квентин!

Как давно его так не называли.

– Или, – Лилиан вздохнула, – я должна называть тебя ваше высокопреосвященство?

– Необязательно. Проходи, садись, рассказывай.

Надо бы сказать что-то про внешность, Лили так старалась, но язык не поворачивается. А он считал себя великим лицемером!

– О чем рассказывать? – Лилиан плюхнулась в кресло и слегка склонила голову набок, этот ее жест он помнил.

– Ты и раньше так держала голову.

– А ты всегда смотрел так, что хотелось убежать, – она улыбнулась. – Сначала...

Это потому, что он не понимал, чего она хочет, и боялся ошибиться. В семнадцать девушка смелей и опытней юноши, тем более при такой матери. В Дораке поговаривали, что Лили и Полина не воробы, а морискиллы, но кто из гостей графа осчастливил жену капитана замка дочерьми, не знал никто. Или все это досужие сплетни и прелестная Альбина хранила верность своему однорукому супругу?

– Лили, позволь еще раз выразить тебе свои соболезнования. Мне, право, очень жаль.

– Герман всегда был странным, – Лилиан рассеянно оглядела стены и потолок. – Мы были рады, когда он стал священником. Иначе бы он пошел в Академию, и один Леворукий знает, чему бы научился.

– Ты хочешь шадди или вина?

Кто заметил, что нет ничего желанней и трудней перехода с «вы» на «ты»? Иногда перейти с «ты» на «вы» еще трудней и еще желанней. Зря он позволил назвать себя по имени, теперь придется звать чужую пожилую женщину Лили, хотя какая из нее Лили? Такая же, как из него Квентин!

– Вина, ты же помнишь.

Раньше она пила тинту, а дорогие вина терпеть не могла. Считала кислятиной.

– Кардинал Талига не держит у себя тинту.

– Тогда шадди.

Секретарь принес шадди и корзинку с печеньем. Жаль, он не запасся тинтой, с ней было бы легче сначала вспомнить, а потом забыть.

– Квентин, – подруга детства откусила от песочной звездочки и поднесла к темно-

⁴⁹ Чиновники низшего звена.

красному рту дымящуюся чашку, – Германа так и не нашли?

– Нет, не нашли, хотя искали очень тщательно... Мне очень жаль, но надежды больше нет.

А Лилиан совсем не похожа на убитую горем мать. Похоже, он ошибся, решив, что должен разделить ее беду. Нужно было ответить что-то вежливое и обойтись без встречи, иногда вспоминая пахнущие вишней губы и огоньки в озорных глазах. Когда-то у Лили были большие глаза, а теперь самое заметное – щеки и очень красный рот. Почему к старости глаза становятся меньше, а носы больше?

– Квентин, – как странно она глотает, словно курица. – С чего ты взял, что Герман умер?

С чего? С того, что он исчез вместе с одним из унаров, бросив все, даже свои записи. А потом исчез и последний видевший их в живых свидетель.

– Я понимаю, что ты не хочешь верить в его смерть.

– Не в этом дело, – точно так же она махнула рукой, когда он сказал, что никогда на ней не женится. – Говорю же тебе, он был странным. Мог все бросить и сбежать, не в первый раз.

– Лили, Герман исчез больше года назад. Мои люди перерыли всю округу, нашли только лошадей.

– Ну и что? – Лилиан безмятежно хрустела печеньем. – В этом Лаик, должно быть, прорва тайных выходов. В эсператистских аббатствах так всегда было, иначе как бы монахи с любовницами встречались?

Создатель, Леворукий и все морисские демоны, в этом что-то есть! Герман и впрямь мог найти неизвестный выход, но как тогда быть с лошадьми и словами Арамоны? А никак! Дурак за хорошую взятку мог и лошадей вывести, и наврать с три короба, а когда Германа принялись искать все кому не лень, капитана убили. Как свидетеля. Все замечательно, все сходится, только кому это нужно, не Герману же!

– Хорошо, Лилиан. Ты допускаешь, что твой сын жив. Тогда где он?

Подруга детства пожала плечами.

– Разумеется, в Гальтаре, где ж еще?

2

Они миновали утыканную статуями и вазами короткую аллею, поднялись на террасу, прошли в дом. То ли слуги, то ли охранники приняли у гостей плащи и шляпы и распахнули двери в увешанную гобеленами гостиную. В свете многочисленных свечей сверкал хрусталь, блеснул фарфор, туманно мерцало серебро. Фрукты, сласти, вино... Много вина, целое море вина. Кто-то не поскупился. Марсель? У него одно на уме, хотя он неплохой человек... А вино сегодня очень даже к месту, он напьется и забудет умирающую девушку на закопченной палубе, забудет хотя бы до утра...

– Я получила письмо от отца, – устроившаяся между Алвой и Валме София томно улынулась. – Представьте, он пишет, что готов приплатить тем, кто меня держит в плену.

– Твой отец, – встряла то ли Ариадна, то ли Латона, – сначала кричит, а потом достает кошелек.

– И чем громче кричит, тем сильнее раскошеливается, – добавила вторая то ли Латона, то ли Ариадна, поигрывая пояском подруги. – Вот моя матушка никогда не потратит лишнего медяка.

– Поэтому ты и написала своему дяде, – заявила темноглазая толстушка, явно раздосадованная. Когда все рассаживались, она замешкалась, и герцог достался другим.

– Разумеется, – выпатила губку то ли Ариадна, – если дядя купил мне патент корнета, он просто обязан и выкуп за меня заплатить.

– Как жаль, что наше знакомство долго не продлится, – заметил Ворон. – Ваш друг

Карло Капрас скоро сдастся, и вам, сударыни, позволят вернуться на родину.

– О, – София лукаво улыбнулась, – я подозреваю, что между Урготом и Бордоном будет война.

– И что с того? – поддержал разговор Валме. Марсель сиял, как новый золотой, – еще бы, привел к своей девице Кэналлийского Ворона. Сам Ворон... Леворукий его знает, вроде тоже доволен, ночь святого Андия все-таки, хотя вряд ли в Талиге ее отмечают, у сухопутчиков свои праздники.

– Мы вернемся лишь для того, чтобы вновь попасть в плен, а в таком случае я, – красotka умудрялась глядеть сразу на Рокэ и Марселя, – предпочитаю остаться под вашим покровительством до конца всех войн.

– Тонкое решение, – заметил Алва. – Вы – мудрый политик, сударыня.

Сударыня хихикнула. Дура! Но красивая. Она была красивой, даже когда скакала по палубе «Пантеры», срывая с себя одежду. Абордажники тогда чуть не попадали... Разрубленный Змей, он когда-нибудь перешагнет тот проклятый день?!

– Поднимаю первый бокал за дам, – объявил Валме.

– Данной мне славным городом Фельпом властью объявляю каждый произнесенный в эту ночь тост первым, – добавил Рокэ, откровенно разглядывая липнувших к нему бордонок. Ворон знает, за чем пришел, и, ко всеобщему удовольствию, получит свое, а вот за каким змеем здесь оказался он сам?! Знал ведь, что Валме днюет и ночует на вилле, где разместили пленниц. Знал – и все равно потащился с талигойцами, вот теперь и имеет. Только ночи в обществе подруг Поликсены ему для полного счастья не хватало. Глупые, расфуфыренные кошки!

Как Поликсена оказалась среди них? Девочка, умирая, думала о своем адмирале и о сражении, а эти, с позволения сказать, пантеры липнут к недавним врагам, как пиявки. Хорошо хоть старших бордонок держат отдельно, вида Зои он бы не вынес. Говорят, она ничего не ест, ее кормят насильно; отец после поражения тоже едва себя не уморил. Если б не Поликсена, Луиджи Джильди, возможно, и пожалел бы Зою Гастаки... Как капитан капитана.

– Герцог, – толстая Клелия браво опорожнила бокал, – вы нам споете?

– Спеть? – поднял бровь Алва. – Зачем?

– Марсель говорит, вы поете лучше его.

– Еще лучше, – уточнила одна из подружек.

– Спасибо, Ариадна, – Валме чмокнул девушку в щеку, та хихикнула.

Тоже мне воительницы, корнеты и канониры! Куртизанки... Самые обычные куртизанки – ни ума, ни совести, одна наглость да смазливые мордашки. Им нет дела до войны, они заняты своими делишками: тряпками, погоней за мужчинами, кокетством.

Поликсена была другой, священник бы сказал, что она не создана для этого мира, вот Создатель и открыл ей дверь в Рассвет. Может, и так, но от этого не легче.

– Вы споете? – не отставала толстуха.

– Клелия! – томно протянула София. – Не пей так много.

– Разрубленный Змей! – взвизгнула Клелия и выплеснула вино на скатерть. – Я морской офицер, а сегодня ночь святого Андия!

– Андий одной ногой ходит в святых, другой – в демонах, – заметил Алва, – а когда-то он был богом.

– Расскажите, – закатила глаза толстуха.

– Да, да, – прощобетали подружки, – расскажите. Как – демон?

Луиджи не понял, то ли нога Алвы случайно коснулась ножки Латоны, то ли Латона еще более случайно дотронулась до талигойца. Ворон улыбнулся:

– Женщин всегда демоны привлекали сильнее святых, за что им огромное спасибо.

– Разрубленный Змей, – закивала Клелия, давась вином, – она и пила больше других, и пьянела быстрее, – не надо нам историй! Так вы споете?

– Нет.

– Тогда спою я, – Марсель залихватски подмигнул пьяненькой «пантерке», – где моя лютня?

Одна из девиц, не Ариадна, другая, куда-то вышла, пройдя мимо Алвы, хотя мимо Валме было ближе, и сразу же вернулась. С лютней. У талигойца есть лютня, есть любовница, а любви нет, и это его счастье.

Марсель тронул струны, с умным видом склонил голову к плечу, откашлялся.

– Прошу считать эти куплеты моим тостом. Луиджи, наполни бокалы, им время звенеть.

Наполнить бокалы он может. Он и выпить может, и он выпьет. Эти женщины ничем не хуже других, а идти все равно некуда. Разве что на «Акулу», но там только часовые, и они наверняка тоже пьют. Моряк, который сегодня не пьет, оскорбляет победу и погибших. Моряк, который сегодня не выпьет, утонет, это знают все.

Бокалы соприкоснулись, в воздухе повис тоненький звон, Клелия выхлебала все, остальные сделали по глотку, София потянулась за фруктами, то ли Латона обняла то ли Ариадну, но ее глаза обшаривали талигойского герцога. Валме взял несколько аккордов, сфальшивил, засмеялся, начал сначала. На этот раз пошло гладко.

Благодатное лето сменило весну, —

пел талигоец, хотя лето было на излете. —

Розы радуют глаз, о!
Подойдите, эрэа, скорее к окну,
Поглядите хоть раз, о!
По росистой траве пролегла полоса
Вся от крови красна, о!
Меня насмерть изранили ваши глаза
И сразила весна, о!
И пускай в поле ветер осушит росу,
Но не кровь мою алую, о!
И пускай мир забудет про вашу красу,
Но не сердце усталое, о...
Вечно алый ручей возле ваших дверей
Будет вечно струиться, о!
А прекрасная дама из башни своей
Все не хочет спуститься, о! 50

Девицы загалдели, каждая чувствовала себя прекрасной дамой, и каждая была не прочь спуститься из башни. Какое там «не прочь», они только и думали, как побыстрее оттуда выскочить и повиснуть на шее кавалеров.

– Я поднимаю бокал за весну, – провозгласил Валме, – и я не нарушаю ваш приказ, маршал, ведь весна тоже дама. Весна – сестра цветов, а кто наши дамы, если не цветы?

– Я н-н-не цветок, – запротестовала Клелия, – я...

– Ты – ягодка, – нежно шепнула София, – красная, круглая ягодка...

– А ты... – начала толстушка, – т-ты...

Брюнетка шлепнула не желающую быть ни цветком, ни ягодкой Клелию веером, рыженькая гаденько хихикнула, Клелия дернулась, громко помянула Разрубленного Змея и закатных тварей и потребовала вина. Марсель был занят лютней, и бокал наполнил Луиджи, хотя делать это и не следовало.

– Не стоит больше пить, сударыня.

Зачем он это сказал? Ему все равно, а этой дуре уже море по колено.

– А я хочу, – заявила дура, – я всегда делаю что хочу. И буду делать! А ты, – девица вперила взгляд в сидящего напротив Алву, – ты такой же, как и я... Я чувствую...

– Клелия, – пропела София, – вряд ли наш гость сочтет твои слова комплиментом, хотя он и впрямь делает то, что хочет.

– Скорее я не делаю того, чего не хочу, – герцог приподнял бокал. – Первый тост, сударыни.

– И чего же вы не хотите? – Латона пригубила бокал.

– К нашему великому сожалению, герцог не хочет пить, – вздохнула рыжая.

– Тогда снова спою я.

Песенка, которую завел Валме, была стара как мир, и ее знали все. Луиджи тоже. Он и сам не раз и не два пел о том, что не хочет жить, потому что его отвергли. Почему он раньше не замечал, как глупы вьевающиеся в уши песни?

– *Я хочу умереть, что мне жизнь без тебя*, – стонал Марсель. Потом к стонам присоединилась Клелия. Если у нее и был слух, то вино сказалось на нем не лучшим образом.

– *Я хочу умереть, и умру я любя*, – выводила девица, уставясь на талигойского герцога, но потом прервала себя на полуслове и лукаво сощурилась. – А почему ты не поешь? Ты никого не любишь?

– Не люблю – согласился Ворон, – да и умирать меня не тянет.

– А я думала, Первый маршал Талига не боится смерти, – хихикнула рыжая.

– Ариадна! – прикрикнула брюнетка, методом исключения ставшая Латоной.

– Рррокэ Аллва ничего нне боится, – завопила Клелия.

– Боюсь, – лениво возразил герцог, – но не смерти. Смерть та же женщина, ее нельзя бояться, но ее можно не хотеть...

– Маршал, – Латона поправила ленту в кудрях Ариадны, – а каких женщин вы хотите?

– Проще сказать, каких не хочу, – маршал поднял бокал. – Про одну вы только что слышали. Умирать мне никогда не захочется.

– А кто еще вам не нравится? – потупилась Латона.

– Птице-рыбо-девы, – сообщил Ворон.

– Герцог, неужели у бедняжек нет ни малейшей надежды? – протянула София.

– Ни малейшей, – отрезал Валме, – я свидетель!

– Разрубленный З-з-змей! – Клелия вскочила, снова опрокинув бокал, вино пролилось на платье, но толстушка была слишком пьяна, чтоб это заметить. – Разрубленный Змей!.. Тебе ни с кем не бббудет так хорошо, кккак со мной! – девица покачнулась. – Ни ссс кем и никогда...

– За такие слова, милая, придется ответить, – улыбнулся Алва, – причем немедленно.

– Нни ссс кем! – Клелия икнула и, глупо моргая, уставилась на Ворона.

– Уймись! – Ариадна ухватила толстушку за рукав, та вырвалась, свалив блюдо с фруктами, и вцепилась в рубашку маршала.

– Точно ни с кем? – Синие глаза смеялись. – Поклянись.

– Якорь мне в глотку, – неожиданно отчетливо произнесла Клелия.

– В глотку потом, – заржал Валме, София шлепнула его веером, но она не сердилась. По крайней мере не сердилась на него.

Ворон поднялся и поклонился настолько изысканно, насколько позволяла повисшая на нем «пантерка».

– Мы вас покинем. Ненадолго.

– Нннеттт... Ннннадолго! – Клелия соизволила оторвать физиономию от маршальской рубахи. – Нннавсегда! Он мммой! Я его ввввам не отдам...

– Даже так? – Алва исхитрился и обнял Клелию таким образом, что та при всем желании не могла повиснуть у него на шее.

– Ттттебе с ни... нискем... Так не станет...

– Я уже понял, – Алва подмигнул Марселю. – Виконт, в мое отсутствие не уроните честь Талига... А вы, капитан, соответственно, честь Фельпа.

Парочка скрылась за дверью. Марсель хмыкнул и повернулся к Софии:

– Сударыня, не согласитесь ли вы полюбоваться в моем обществе на звезды?

– Это теперь называется звездами? – хихикнула Латона.

– Но надо же это как-то назвать, – Ариадна склонила головку на плечо подруги и надавила пальчиком на ее губы.

– А вы, капитан, – Латона нежно улыбнулась, – что вы думаете о звездах?

– Из них варят суп!

Зачем он грубит? Поликсену не вернешь, а эти две кошки ничем не хуже остальных. И не лучше... Они не обидятся... Нет, обидятся, если он будет сидеть и пить вино. В конце концов, он жив, и он не эсператист, чтоб шарахаться от женщин.

– Капитан, – мурлыкала Латона, – вам не скучно? Идите к нам...

– Да-да, – смеялась Ариадна, – ни с кем вам не будет так хорошо, как с нами...

Вряд ли ему с кем-нибудь когда-нибудь будет хорошо, но он жив, и ночь только началась, праздничная ночь.

– Что же вы, капитан... Пора довести вашу победу до конца.

– В свое время, – Луиджи поднял бокал, – ваше здоровье, кошки. Клянусь, до утра оно вам понадобится.

3

Странное все же чувство – заглянуть в глаза своей молодости. Конечно, будь Лилиан его великой любовью, было б еще хуже, но и так приятного мало. В огне брод иногда найти можно, Рокэ – тот умудряется; в огне, но не во времени... Молодости и прошлого не жаль, вернее, не очень жаль, но понимать, что твоих ровесников всюду кружит листопад, а впереди лишь мокрая от дождей земля, грустно. Не страшно, нет, а именно грустно, а отцы и старшие братья уже ушли, последним был старик Эпинэ. Печальный конец... Пережить всех, кто знал тебя молодым, тяжело, даже если умираешь победителем среди внуков и молодых соратников. А как доживать проигравшему?!

Анри-Гийом Эпинэ поставил не на ту лошадь, его сыновья и внуки погибли, а старик жил и жил, думал и думал... Его высокопреосвященство отодвинул кувшин с шадди, открыл бюро, достал бутылку «Дурной крови», налил два бокала и зажег четыре свечи. Есть такие враги, которых нельзя не проводить в Закат ли, в Рассвет, тем более помянуть Повелителя Молний больше некому. Конечно, где-то есть ставший герцогом Робер, но что может знать мальчишка о схватке титанов?

Квентин Дорак прикрыл глаза, воскрешая в памяти лица. Его высокопреосвященство Диомид, его высочество Георг, собрано Алваро, ее величество Алиса, Амадеус Придд, Якоб Борн, Генрих Ноймаринен...

Они уходили один за другим, их места заступали молодые, тогда молодые, чтобы в свое время отправиться в Закат. Так повелось с Сотворенья: одни дрова догорают, другие летят в пасть камина, третьи ждут своего часа в сарае или тянут ветки к небу, дожидаясь дровосеков. Огонь погаснет, только лишившись пищи, но это будет не победой, а смертью.

Сильвестр ополовинил бокал, легонько ударил им о второй, полный, и замер, вслушиваясь в переливчатый хрустальный звон. Прощай, герцог Эпинэ, будь свободен и да воздастся тебе за все сделанное и не сделанное, если, разумеется, там, куда ты ушел, есть

хоть что-то. Полвека назад Квентин Дорак свято верил в возвращение Создателя и справедливый Суд, затем разуверился, а сейчас не знает, что и думать. Старые сказки и легенды оживают на глазах, правда, на предсказания «Эсператии» и «Книги Ожидания» они не тянут, но если прилетели грачи, почему бы не прилететь и журавлям?

Лириан не верит в смерть сына, считает, что он сбежал в Гальтару, откуда в свое время убрался Эрнани Святой. Чем древнему императору не угодил его столица? Политика политикой, но ведь было еще что-то! Рокэ в молодости носило в Гальтару, там же сгинул его синеглазый родич и, если верить сказкам, не только он. Брошенный город считают дурным местом. Пару лет назад его высокопреосвященство не сомневался, что в Гальтаре нечисти не больше, чем в Варасте, но тогда не пропадали люди и не болтали о конце времен.

Если Герман и впрямь подался в Мон-Нуар, его надо найти. Нужно отправить в Мон-Нуар смышленного человека, пусть посмотрит. Сильвестр допил свое вино, пригубил из полного бокала, выплеснул остаток в камин. Огонь свечей дробился на острых гранях, а казалось – это алатский хрусталь горит закатным пламенем. Красивое зрелище. И обычай красивый. Четыре свечи и два бокала: ушедший, провожающий и Четверо, от которых в Кэртиане никуда не уйти, сколько б ни звонили церковные колокола...

Кардинал задумчиво дернул шнур звонка. За дверью что-то зашуршало, появился дежурный секретарь, заспанный и встревоженный. Бенедикт был безнадежным жаворонком, затесавшимся в совиную стаю, надо его куда-нибудь сплавить, в архив, что ли...

Его высокопреосвященство ничего не выражающим голосом потребовал шадди и вернулся к конторке. Спать этой ночью он все равно не будет, так почему б не написать пару писем, просто так, как пишут обычные люди обычным людям, а заодно выспросить про Гальтару. Забавно было бы узнать, будет ли его величество Рокэ столь сентиментален, чтоб проводить загнавшего его на трон интригана в Закат по старому обычаю? Кардинал Талига поправил свечу и взялся за перо.

«Рокэ, Вы наверняка удивитесь, получив это письмо», – кардинал перечел написанное и усмехнулся – какое банальное начало, – но мне пришла в голову блажь написать Вам. Сегодня меня навестила женщина, с которой я был некогда близок, которую не видел сорок лет и, надеюсь, больше никогда не увижу. Казалось бы, я должен усвоить урок и запретить себе оглядываться, тем более впереди у меня (а значит, и у Вас) немало дел, но я не внял голосу рассудка и теперь пью шадди и предаюсь воспоминаниям. Когда-нибудь Вы это поймете, хотя сейчас у Вас и Ваших ровесников есть куда более приятные возможности скоротать ночь...»

4

– Марсель...

– Ммммммммм...

– Марсель!

– Да, мое солнце, – виконт Валме открыл один глаз и увидел над собой Софию. Она выглядела прелестно, и Марсель открыл второй глаз. – Я весь внимание.

– Нам надо вернуться...

– Точно надо? – Марсель погладил атласную ножку. – Прямо сейчас?

– Прямо сейчас, – София была непреклонна, – потому что не прямо мы не вернемся.

– Ну... – возмутился Марсель, – ночь еще только начинается.

– Вот именно! – засмеялась София. – Твой маршал наверняка уже там, а твой капитан вряд ли уходил. Надеюсь, он ничем не болен?

– Разве что глупостью... Взял и вбил в голову, что фельдец бордонке не любовник... А что, очень даже может быть...

– А теперь из-за него Латона с Ариадной съедят сначала Клелию, а потом меня.

– Ты хочешь... – договаривать Марсель не стал. Ошибешься, и удар подушкой

обеспечен, а он и так подпортил прическу.

– Я хочу, чтоб мой кавалер уделил немного внимания моим подругам, но, – София бросилась рядом с Марселем, прихватив его зубками за ухо, – но если я говорю «немного», это именно немного. Немного ты, немного маршал...

– А он и без меня справится, – хихикнул Валме, завладевая левой грудью красавицы, – а я без него!

– Ну нет... – «пантера» стремительно прижалась к Марселю и сразу же вскочила. – Нельзя быть таким ревнивым. Если ты, конечно, на мне не женишься.

Валме немедленно сел. «Женитьба»... Какое мерзкое слово!

– Нет, – отрезал он и торопливо подсластил пилюлю: – Ты прелесть. Но, понимаешь ли, мой отец...

– Вот видишь, – София отнюдь не казалась обиженной, – значит, я имею право поразвлечься... «Она соблазнила Кэналлийского Ворона». Ты не представляешь, как это звучит для женщины...

– Соблазняй, – разрешил Марсель и потянулся за рубашкой.

– А вот одеваться не обязательно, – покачала головкой корнет Кратидес, – по крайней мере до конца.

– Ну уж нет, – возмутился Валме, – я не могу показаться маршалу в таком виде.

– А маршал тебе – может?

– Маршал может все! – отрезал виконт. – У него волосы сами выются.

– У меня, между прочим, тоже, – обиделась София. – Ты когда-нибудь встанешь?

– Уже, – сообщил возлюбленный, продолжая сидеть. – О, вино кончилось.

– В гостиной есть...

Вино в гостиной было, и еще там были все, кроме Клелии. Толстушка, надо полагать, лечь сумела, а встать – нет. Сегодня Клелия была совершенно невозможной, но ее отсутствие Марселя разочаровало. Малышка со своими бархатными глазками и алым ротиком была такой аппетитной.

При первой встрече Клелия приглянулась Валме даже больше Софии, но как-то вышло, что, выйдя из виллы Бьетерощо через дверь, виконт вернулся через окно, где его весьма горячо встретила корнет Кратидес. Марсель пару раз намекал своей «пантерке», что был бы рад узнать поближе и ее подругу, но София была неумолима – только в обмен на маршала. Валме свою часть договора выполнил, а Клелия взяла и напилась. Ну да ничего, Ариадна с Латоной тоже неплохи. Говоря по чести, они куда красивей Клелии, и потом эта их, ммммм, дружба украсит любую вечеринку.

5

Шадди Бенедикт варить так и не выучился, хотя нет худа без добра. Такого пойла без ущерба для здоровья можно вылебать раза в три больше, и еще вопрос, что лучше: много плохого шадди или мало хорошего. Рокэ говорил: мориски добавляют в напиток толченый чеснок, как-нибудь надо попробовать. Имеет кардинал Талига право на невинные извращения или нет?! А то обидно, демон во плоти, а последние двадцать лет живет хуже праведника. Алва бы сказал, что это неприлично.

Решено, завтра он пошлет кого-то в особняк собрано за мастером шадди, Ворон вряд ли уволок его с собой в Фельп – на войне кэналлиец обходится без излишеств. Еще бы, ведь в действующей армии дразнить некого: из вражеского лагеря не видать, а «родимые» недруги остались дома. Бедный Алва, когда он вернется, ему будет не до милых развлечений в Нохе, но какой же Бенедикт бездарь! Кардинал оттолкнул ни в чем не повинную чашку и со злостью приписал к законченному письму:

«P.S. Вы не представляете, что может сделать из лучшего шадди услужливый дурак,

так что я беру на себя смелость обратиться за помощью к Вашему домоправителю».

Теперь можно посылать. Сильвестр удовлетворенно перечитал послание. Давненько он не получал такого удовольствия от эпистолярной, хотя, если собрать все, написанное его рукой, Вальтер Дидерих с его десятью томами будет повергнут во прах. Забавно, если Алва ответит в том же духе, хотя почему бы и нет? Свободного времени у маршала в славном городе Фельпе должно хватать. Тем более послание от отбывшего в Кадану Савиньяка окончило существование в камине его высокопреосвященства. Алва смирился с южной прогулкой в том числе и потому, что рассчитывает на Лионеля; его отсутствие в Олларии может маршала насторожить, а это неправильно.

Занятный вышел у них напоследок разговор, весьма занятный. «Создатель, храни Талиг и его короля...» Что Ворон имел в виду? Уж не догадался ли, какую участь ему готовят? А если понял, будет брыкаться не хуже Моро. Закатные твари, этого упрянца мало втащить на трон, его еще придется женить, а это трудней, чем выиграть четыре войны. Вот с Фердинандом никаких хлопот по этой части не было, он с готовностью менял одну невесту на другую, пока все партии не сошлись на Катарине Ариго, и лучше бы король умел говорить «нет». А ведь когда-то казалось, что, заменив удачно скончавшуюся Магдалу Эпинэ на худосочную тихоню, они одержали победу. Сильвестр с отвращением взялся за отвергнутую чашку. Очень подходящий напиток, если размышляешь о королеве. Скрамница на троне десятый год, но понять, кто такая Катарина Ариго и что ей нужно на самом деле, может разве что Леворукий.

Супруг, любовник, молитвы, арфа... И что прикажете делать с эдаким агнцем? Можно десять тысяч раз не сомневаться, что под беленькой шерсткой черненькая чешуя, но страданица замечает следы куда твоему Штанцлеру! Поджарить в Багерлее десятка два юных обожателей, авось вспомнят и что было, и чего не было? Или не мудрствовать лукаво и тихонько отправить праведницу в Рассветные Сады? Конечно, бедняжка бывает одна лишь в молельне и личных апартаментах, а кушает только с фрейлинами или супругом, но безвыходных положений не бывает. Впрочем, ее величество ждет. Будем надеяться, Придды или какие-нибудь Карлионы шепнут из Багерлее что-то про супругу короля.

Развод предпочтительней смерти, скандальный развод докажет всем, и Рокэ в том числе, что смерть Фердинанда была неожиданной. Иначе зачем убирать королеву и вести переговоры о новой женитьбе? А на ком? Дочери Фомы? Пожалуй... Все лучше северных одров, тем паче с дриксенской принцессой Талиг один раз попался. Хорошо, что он еще не вызвал курьера. Кардинал глотнул мерзкого шадди и вновь взялся за письмо.

«P.P.S. Рокэ, поскольку Вам придется провести зиму при урготском дворе, я прошу Вас, как знатока, оценить герцогиню Елену и герцогиню Юлию и решить, кому из них больше пойдет черное и белое. Ваш совет будет принят с благодарностью...»

Как изящно! И главное, как честно. Кому разглядывать августейших невест, как не будущему королю? Вряд ли урготские девицы покорят Ворона, ну да лиха беда начало...

Глава 8

Фельп и Оллария

«Le Un des Êpêes & Le Sept des Coupes & Le Neuf des Êpêes»⁵¹

Ариадна и Латона на сей раз обнимали не друг друга, а полуодетого маршала. Алва

⁵¹ Туз Мечей, Семерка Кубков и Девятка Мечей.

ничего против не имел, но Софии это не нравилось, и Валме, чтоб освободить подруге место, водрузил Ариадну себе на колени. Рыжая киска немедленно обняла виконта за шею и мяукнула нечто неразборчивое и при этом недвусмысленное. Виконт в качестве ответной любезности припал к пахнущим вином губкам.

Поцелуй вышел долгим, пока он длился, Марсель успел расшнуровать корсаж пленницы, благо опыт у него имелся немалый. Когда с корсажем и поцелуем было покончено, выяснилось, что София и маршал тоже времени не теряли. Рокэ и его дама пили из одного бокала и пересмеивались, а Латона с горя пыталась то ли настроить лютню, то ли наоборот.

Марсель чмокнул Ариадну в шейку, дотянулся до бутылки и постучал ей по столу.

– Надо выпить. Первый тост.

– А мы уже пьем, – сообщила София, прижимаясь щекой к щеке своего кавалера.

– Вы – это вы, – мурлыкнула Ариадна, – а все – это все.

– Вы правы, сударыня, – Алва ловко вытащил из кудрей Софии гребень. – Такие волосы грех закалывать.

– А я и есть грешница, – бордонка тряхнула гривой. Черные локоны рассыпались по плечам, и вдохновленный Марсель немедленно занялся прической Ариадны. Сначала все шло удачно, потом какая-то шпилька запуталась в волосах, Ариадна взвизгнула и слегка укусила неловкого кавалера. Виконт сделал зверское лицо, перекинул злущую лисицу через колено и шлепнул пониже спины. Ариадна еще разок щелкнула зубами и показала язык.

– Капитан Джильди, – светским тоном заметил Рокэ, – вы – единственный мужчина, у которого свободны руки. Вас не затруднит налить дамам вина?

Луиджи не затруднило. Ударившийся в celibat капитан меланхолически взял бутылку и побрел вокруг стола, наполняя бокалы. Латона воровато оглянулась, стащила с кресла подушку, бросила к ногам Рокэ и уселась на нее, изображая мориску. Алва незамедлительно почесал «пантерку» за ушком. Латона мяукнула и потерлась щекой о колено Ворона, София зашипела, не прекращая стаскивать со своего кавалера залитую вином рубашку. Ариадна хихикнула.

– Маршал, – рыжая умудрялась одним глазом смотреть на Алву, а другим – на Марселя. Обычно она не косила, – маршал, как вам наша Клелия?

– «Как ни с кем» или еще хуже? – уточнила София.

– Как ни с кем, – сообщил Рокэ, отрываясь от наливших на него красоток и принимая бокал. Ариадна охнула, Валме присвистнул.

Спину Первого маршала Талига украшал добрый десяток шрамов, и Валме стало плохо при одной мысли, как выглядели свежие раны. Многочисленные отметины на руках и груди герцога не шли ни в какое сравнение с этим кошмаром.

– Закатные твари, – прошептал Джильди, – кто это?

– Теперь уже никто, – махнул рукой Алва.

– Закатные твари, – прорычал фельпец, – в спину... Что за ублюдки.

– Не ублюдки, – улыбнулся Рокэ, – а самые что ни на есть законные потомки. У них был свой резон, в спину бить проще и уютней...

– Ублюдки, – упрямо повторил Луиджи Джильди...

– Капитан, вернитесь на землю. К счастью, достаточно грешную, – перебил Алва.

– Рокэ, – выкрикнул пришедший в себя Марсель, – тогда делитесь. Это, в конце концов, нечестно. У вас две дамы, а у бедного Луиджи – ни одной.

– Со мной все в порядке, – огрызнулся фельпец, припадая к бутылке.

– Не сказал бы, – меланхолично откликнулся Рокэ, – моряки во время Ундий так себя не ведут.

– Ундий? – переспросила Латона, положив подбородок герцогу на колени. Рокэ отточенным жестом ухватил Софию, вознамерившуюся оттолкнуть соперницу, за запястье. София облизнула губы и навалилась на маршала грудью.

– Полагаю, что святой Андий в древности звался Ундом, – пояснил Рокэ, не забывая

оказывать посильное внимание обеим красоткам, – а праздник, затеянный им в честь подруги, – Ундиями. Потом его смешали с Венсиями, то есть праздниками победы, ну а эсператисты все окончательно перепутали.

– Я не знал, – глухо произнес Луиджи между двумя глотками.

– Капитан, – прикрикнул Рокэ, – хотите пить – пейте, но имейте в виду, когда вы свалитесь, я своими руками отнесу вас к Клелии.

– Мы поможем, мы его разденем, – София засмеялась, показав белые зубки. Ласочка да и только!

– Так и будет! – Алва быстро ответил на поцелуй и добавил: – Видите, Луиджи, вам лучше раздеться здесь и сейчас.

Фельпец резко оттолкнул пустую бутылку и пошатнулся. С ним творилось что-то неладное. Болен? Этого еще не хватало, но тогда за какими кошками его сюда понесло?!

– Может, он хочет гайифской любви? – хихикнула Латона. – Если так, мы не против.

– Нам интересно, – поддержала Ариадна.

– Мы будем сидеть тихо-тихо...

– Вам обязательно надо съездить ко двору его величества Дивина и спрятаться за портьерой, – Алва поднял головку бордонки за подбородок, девица извернулась и поймала губами ласкающую ее руку. – Хотя, боюсь, вы будете разочарованы.

– Почему? – надула губки Латона. – Это так волнующе!

– С точки зрения женщины, возможно, – не стал спорить Алва, целуя Софию в плечо.

– Герцог, – не унималась бордонка, – мы вам не верим. Вы...

– Скромничаєте, – выпалила Ариадна.

– Мы не умрем...

– Нет, умрем, если вы не расскажете. Умрем, умрем, умрем!..

– Вот на месте и умрем!

– Ваша немедленная смерть меня никоим образом не устраивает, – заверил Рокэ, аккуратно освобождая Софию от нижней юбки, – утром этот довод на меня вряд ли подействует, а сейчас я в вашем распоряжении.

– Тогда рассказывайте! – потребовала Латона.

– Вы любили по-гайифски? – облизнула губки Ариадна.

– О да, – засмеялся Алва, – хорош бы я был, если б не вкусил любви по-имперски. В наше время это просто неприлично. Мне было девятнадцать...

– Целых девятнадцать? – фыркнула Латона. София извернулась и царапнула соперницу, но слегка – не прерывать же столь захватывающий разговор...

– Увы, – Алва взмахнул рукой, кружевная юбка перелетела комнату и упала у двери на террасу, – после Лаик я оказался при особе фок Варзова. Он отменный вояка, но в некоторой области, гм... Придерживается весьма твердых правил. Среди его офицеров тоже не нашлось никого, кто бы меня просветил, хотя с торкскими красавицами я поладил сразу. Сударыни, если кто-то вам скажет, что у северных женщин нет темперамента, – не верьте. Темперамента у них с избытком, а вот мужчин, которые способны это оценить и выдержать пару ночей кряду...

– Но вы выдержали, – выдохнула София.

– И не только пару, – унизанная кольцами рука со знанием дела скользила по белым бедрам.

– Не отвлекайтесь, Рокэ, – вмешался Марсель, – вы обещали рассказать...

– Извольте, – рассеянно пробормотал Ворон, продолжая исследовать внутреннюю поверхность бедер корнета Кратидес. – Я приехал в Олларию, встретил одного приятеля, которому, как и мне, хотелось взять от жизни все. Мы запаслись вином и, – Алва подмигнул Латоне, – уединились. Ненадолго.

– Почему? – выдохнула «пантерка».

– Потому что пришли к выводу, что время можно проводить и приятней.

– То есть? – Марсель был пьян, они все были пьяны.

– Поехать к куртизанкам, что мы и проделали. О, это был прелестный вечер...

– И все? – разочарованно протянула Ариадна.

– Почти, – Алва нагнулся к Латоне и ловко поцеловал в губы, – иначе меня с вами бы не было. Вернее, я был бы, но не с вами. Только, розы Бордона, за откровенность платят откровенностью. Как любили на «Пантере»? Не зря же вы сбежали от бордонских мужчин в море. Неужели они СТОЛЬ плохи?

– Еще бы, – мотнула вороной гривкой Латона, – будь они хороши, вы б нас ну никогда бы не догнали.

– А мы вас догоняли? – поднял бровь Рокэ.

– Не догоняли, – внес свою лепту Марсель, – это вы сюда приплыли. И теперь мы знаем зачем!

– А раз так, – лихо выкрикнула Ариадна, – выпьем за...

– За клинки Талига! – перебила София.

Марсель с готовностью выпил и вплотную занялся доставшейся ему рыжухой. «Пантерка» честно отвечала на поцелуи, но расположиться со всеми удобствами мешали ручки кресла. Пришлось подхватить добычу на руки. До спальни было далеко, а ноги Марселя начали своевольничать. К счастью, у доходящего до пола окна обнаружилась софа. Она могла бы быть и пошире, но Валме решил, что от добра добра не ищут. Они с Ариадной чудесно устроились, но им помешали. Вернее, не им, но пороссячий визг заставил Валме вздрогнуть и оторваться от разнежившейся красотки.

Визжала Клелия. Закутанная в испачканную то ли вином, то ли кровью простыню толстушка стояла в дверях, и на замурзанной рожице мешались детская обида и недетская злость.

– Иди спать, – резким голосом прикрикнула София.

В ответ прозвучало нечто нечленораздельное, и Клелия двинулась вперед. Девушка отчаянно пыталась преодолеть расстояние от двери до алатского ковра, на котором расположился Алва с двумя «пантерками», но ей не везло. Сначала Клелию шарахнуло о дверной косяк, потом она все-таки шагнула вперед, но почему-то оказалась на четвереньках у стола. Попыталась подняться, но смогла лишь сесть и разреветься в голос.

Алва вздохнул и снял со своего бедра лапку Латоны.

– Прошу меня простить, возникло дело, не терпящее отлагательства.

– Возникло? – София не собиралась выпускать добычу.

– Точнее, проснулось, – Рокэ ухватил Софию за запястья, и она непостижимым образом оказалась на руках сидевшего в кресле Луиджи. – Между прочим, мое отсутствие – не повод для лени.

Ворон рывком поставил ревущую в голос толстушку на ноги, обнял за талию и выволок из комнаты. У двери он оглянулся и подмигнул то ли разочарованным девицам, то ли капитану Джильди.

2

Его высокопреосвященство прихлебывал остывающую пакость и записывал то, что следует сделать в первую очередь. Записывал уже не для Рокэ, для себя, чтобы потом несколько раз перечитать темно-синие строки, убедиться, что они врезались в память, и сжечь, потому что даже подушка кардинала Талига не должна знать его мыслей.

Ночь выдалась удачной, давно он не загадывал так далеко. Что-то кардинал Талига успеет сделать сам, что-то сделают Алва и Савиньяк, им идти дальше, как ему самому пришлось идти дальше Георга, Диомида, Генриха, Алваро. Трое из четверых могли оказаться на троне, но и принц Оллар, и собрано Алва, и герцог Ноймаринен предпочли оставить корону законному наследнику. Тогда они были правы, теперь это невозможно. Время Олларов уходит вместе с эпохой Скал, наступает эпоха Ветра, эпоха Воронов...

Сильвестр дописал последнюю строчку, присыпал бумагу песком и потянулся к сложенным стопкой докладам. Из алатского посольства доносили, что к водворенным в отдаленный замок Альдо Ракану, его неунывающей бабке и Роберу Эпинэ прибавился Ричард Окделл. Что ж, пусть подышит горным воздухом, говорят, это полезно. После саграннской кампании Альберт Алатский срочно вспомнил о своем предке Балинте, заключившем с Талигом вечный союз. Надо полагать, после Фельпа аладец возлюбит северных соседей с еще большей силой. Вот пускай и пасет свою сестрицу с внучатым племянником. А заодно и Эпинэ с Окделлом.

Следующая новость пришла из Агариса. Новым магнусом Истины назван Симон Клавийский. О том, что прежний магнус и его ближайшие помощники дали обет молчания и удалились в подземные кельи, Сильвестр знал уже три месяца. «Истинники» умеют прятать концы в воду, но одним махом убрать пятерых высших орденских чинов слишком даже для них! Зеван исхитрился и узнал, что Клемент рехнулся. Неужто вздумал составлять гороскопы Алана Окделла и Эрнани Ракана? Это обстоятельство изрядно беспокоило его высокопреосвященство, но новых донесений на сей счет не приходило.

Заодно из Святого города доносили, что Дуглас Темплтон, Анатолий Саво, Рихард и Удо Борны собираются к сюзерену на осеннюю охоту. Если те, кто охотился за юным Окделлом, – люди со вкусом, они используют это обстоятельство. О том, что один из достойных молодых людей четвертый год проигрывает в кости золото Олларов, не знает даже Мишель Зеван, а уж Раканы тем более.

После Агариса – Сагранна... У его величества Бакны родился внук Алвана. Рокэ, надо полагать, будет в восторге. Дикари есть дикари – если любят, то от копыт до рогов. Нужно подсказать бакранскому послу, что в честь рождения королевских внуков дают приемы. Фридриху Манрику предстоит втолковывать козопасам тонкости этикета. Другого церемониймейстера это бы доконало, но у Леопольда сыновья крепкие, смерть от естественных причин им не грозит.

Сильвестр залпом допил творение Бенедикта, поморщился, стряхнул с высохшего плана песок, перечитал, остался доволен. Надор, Эпинэ, Придда, Дриксен, Кадана, Кагета, Бакрия, Ургот... Вроде он ничего не забыл. Его высокопреосвященство с довольным видом потянулся, подошел к камину, комкая бумагу, за которую император Дивин отдал бы парочку провинций. Разумеется, не своих. Что-что, а объедать соседей павлины умели не хуже саранчи, причем чужими зубами. Победы Алиса, Талига уже бы не было, а было бы обгрызенное с двух сторон недоразумение, пляшущее под гайифскую дудку.

Смятое в комок будущее полетело в черно-красную пасть, взметнулся огненный язычок, и тайны исчезли. Сильвестр ухмыльнулся и потянулся к корзинке с еловыми шишками – вид танцующего огня его всегда успокаивал, – но корзина ушла куда-то в сторону, пол задрожал, превращаясь в ренквахскую трясину, а в грудь словно бы саданули тупым колом. Проклятый шадди!..

3

В голове у Луиджи шумело, красotka на коленях требовала внимания, взлохмаченные, пахнущие розами кудри лезли в глаза, в нос, в рот. Молодой человек так и не понял, откуда у него на коленях взялась чернявая «пантерка». Та самая, что сдирает с себя одежду, выискивая пауканов. На сей раз бордонка и вовсе была в чем мать родила, не считая раскачивающихся серег. Джильди попытался спихнуть девицу с колен, но злобная брюнетка извернулась, обхватила его руками и принялась осыпать поцелуями. Капитан сдался: сначала он ответил на поцелуй, потом позволил чужим горячим рукам забраться под рубашку.

Под носом у Луиджи возник бокал с вином, «пантерка» что-то шепнула и засмеялась, он не понял, но тоже засмеялся, отпил, попытался напоить красавицу из губ в губы.

Получилось, но не с первого раза. Они оба были залиты красным вином, словно кровью. София – так, кажется, ее звали – принялась слизывать вино с груди Луиджи.

Сзади раздался стон, и еще, и еще... Валме и, как же ее, их... София фыркнула, как рассерженная кошка, и с силой толкнула своего кавалера в грудь. Капитан Джильди упал на спину, перед глазами сверкнули и рассыпались осколками желтые звезды. София оказалась сверху, по ее плечу стекали багровые струйки, одна серьга куда-то делась.

– Упрямец, – выдохнула «пантерка», – но тем лучше...

Ответить Луиджи не успел, равно как и решить, лучше это или хуже. Плотина была прорвана окончательно и бесповоротно. «Пантерка» то кусалась и царапалась, то мурлыкала... Делал ли он ей больно? Кто знает, он был слишком пьян, и он не любил прилипшую к нему женщину. Не любил, но хотел, а она хотела его. Или не его, но рядом оказался именно капитан Джильди. Они не были друг другу ничем обязаны, а ночь святого Андия, или древние Ундии, существовала для одного. Чтобы вспомнить, что ты жив и что живым дозволено многое.

Несколько раз они возвращались к столу, даже не пытаясь что-то на себя набросить. Возвращались, чтобы выпить и наговорить глупостей другим. София куда-то делась, во всяком случае, под руками у Луиджи оказались рыжие кудри. Как звали их обладательницу, капитан позабыл, но обошлось без разговоров. Девушка изгибалась, заламывала руки, причитала, орала, хихикала, имя ей было не нужно, как и ему. Да и были ли они людьми в эту ночь? Свечи догорали, искать новые никто не стал. Откуда-то вынырнул Алва, герцог пил прямо из бутылки и смеялся, его плечо было искушено в кровь. В наступавшей тьме кружились разноцветные искры, кто-то кричал, что-то звенело, ковер, на котором они лежали теперь уже вшестером, медленно колыбался. И это был не ковер, а палуба «Влюбленной акулы». Стояла глубокая ночь, безлунная, но звездная. Луиджи смотрел на небо, силясь вспомнить, как называется повисшая над горизонтом лиловая звезда, но не мог, и это было очень плохо.

Капитан Джильди поднялся на бак и выругался: что за дурак заменил носовую фигуру? Откуда взялась эта грудастая девка с наглым взглядом? Дерево, из которого ее вырезали, было очень светлым, а волосы статуи... Они развевались, словно конская грива. И она смеялась!

– Ты никогда не вспомнишь, – дразнила она, – никогда...

Луиджи отвернулся и пошел на ют. Стоял штиль, но галеру мотало, словно в шторм. Мимо пробежал матрос, у него вместо головы была зубанья морда, а рук и вовсе не имелось.

– Выпьем? – спросила мачта, и у нее вдруг выросла пятерня, в которой виднелась огромная кружка.

Луиджи отшатнулся, мачта засмеялась, прижав его к себе другой рукой. Она была мягкой и теплой, и от нее пахло розами...

4

Боль отпустила так же быстро, как и нахлынула, но его высокопреосвященство не спешил подниматься с ковра.

Проклятье, кажется, он погорячился, решив, что у него в запасе три года, хорошо, если год. Сердце напомнило о себе вовремя – он почти забыл о том, что оно есть, а это неправильно.

Надо было перебраться в кресло, позвонить секретарю, чтоб подготовил спальню и пригласил врача, но слушать встревоженное кудахтанье и глотать липкую сладкую гадость не хотелось до одури. А с шадди пора кончать, даже с плохим! По крайней мере до коронации Рокэ. Приступ случился из-за шадди. И еще из-за Лилиан, вернее, из-за воспоминаний, которые он себе позволил, и совершенно зря.

И все-таки, смог бы он прожить жизнь иначе? Женился бы, конечно, не на Лилиан, но

хотя бы на Далиле Ноймаринен или Долорес Салина, жил в провинции, растил детей, разводил виноград, берег здоровье и сдох бы от скуки двадцать лет назад! Нет, он рожден для политики, как Алва – для войны, а покойный Оноре – для любви к ближнему. Хотелось бы знать, что за ближние убили святого. Очевидно, что братья во Ожидании, но кто именно? И не со смертью ли Оноре связана болезнь магноса Истины и его подручных? Жуткая судьба! Кинжал в спину – и то приятней, а всего лучше – как собрано Алваро и Франциск Оллар. Уснуть и не проснуться, и никаких тебе лекарей, завещаний, напутствий. Одна беда, политик должен оставить дела в порядке. Алваро сумел, а Франциск поторопился.

Если б не единоутробный брат, Октавий правил бы недолго, а прожил бы ровно столько, сколько проправил, после чего на трон влез бы какой-нибудь Колинъяр или Манрик, которого, в свою очередь, потащили б за ноги назад. Вот кому бы точно ничего не обломилось, так это засевшему в Агарисе Эркюлю Ракану. Воистину, легче завоевать собственную корону, чем вернуть провороненную предками.

Теперь Сильвестр был рад, что Мишель Земан не успел отправить Альдо Ракана в Закат, хотя было бы не лишним узнать, кто удружил наследнику сонным камнем. Именно это обстоятельство и заставило его высокопреосвященство изменить отношение к принцу. Прежде чем от кого-то избавляться, узнай, кому еще облюбованная жертва поперек горла. Альдо и Матильда могли мешать лишь... претендентам на талигойский престол. В самом деле, попробуй при живом Ракане поднять на щит какого-нибудь благородного потомка! А раз так, пусть живет... В замке Сакаци.

Сильвестр растер занемевшую левую руку и повернулся к картине на стене. «Создатель, храни Талиг и его короля...» Высокопарно, но хлестко, Франциск умел сочинять девизы, раз услышишь – не забудешь, не то что эсператистская заумь! И картина неплоха... Мудрость и благочестие в лице Франциска, исполненные милосердия очи Октавия, гневный взгляд Рамиро. Если художник и врал, то не с будущим Вешателем.

Образ Стратега Небесного шел Алве, как никому! Жаль, Франциск не оставил трон пасынку. Увы, даже великие государи, когда речь заходит о родной крови, превращаются в квохчущих мещан. А может, не умри Оллар во сне, он бы и решился. Рамиро был верен брату и племяннику, хотя тысячу раз мог захватить власть. Не захватил. Надо полагать, придды и прочие карлионы ненавидели его в том числе и за это. Иметь возможность и не сожрать – какой мерзавец!..

Камин почти догорел, ветер за окном раскачивал ветви, но казалось, что они неподвижны, а вот злые осенние звезды отплясывают какой-то варварский танец. Ветреная ночь, ветреная и холодная, почти осень, но еще не осень. И это радует, Савиньяк доберется до границы посуху. Кардинал тронул валявшиеся рядом четки. Надо наконец встать и вызвать Бенедикта, которому больше не придется издеваться над шадди. Все к лучшему в этом подлейшем из миров. Он хотел «заболеть» и предоставить Манрику свободу? Он заболел. Судьба избавила кардинала Талига от необходимости врать будущему королю: его высокопреосвященство с чистой совестью пожалеется Ворону на сердце и расскажет про шесть чашек дурного шадди, вино и Лилиан. А пока Манрики будут ловить заговорщиков, он займется Гальтарой и записками Германа.

Сильвестр осторожно поднялся, голова слегка закружилась, странно было бы, если б она этого не сделала, он же ударился и сильно. Ничего, до смерти заживет.

Прежде чем направиться к креслу, его высокопреосвященство решил прихватить пару книг. Пока придет лекарь, пока приготовят тинктуры и согреют постель, он освежит в памяти труды Авесалома Кубмария. Кардинал с трудом распахнул тяжелые створки, приподнялся на носки и вытащил три обтянутых кожей тома. Кубмарий был обстоятельным ученым, а его труды – весомыми во всех отношениях. Сильвестр перехватил книги поудобнее, пытаясь закрыть шкаф, но спину разорвала резкая боль, рука онемела, книги рухнули на пол, а вслед за ними рухнул и его высокопреосвященство.

Кабинет сузился до коридора из алатского хрусталя, за спиной стукнула захлопнувшаяся дверь, щелкнул невидимый замок, в лицо ударил ледяной полынный ветер.

Хрустальные стены дрожали, как ноги загнанной лошади, сквозь них рвался рыжий, недобрый свет. Догорающий камин? Закатное пламя? В ушах грохотали барабаны, грудь и левую руку рвала на куски невыносимая боль, но нужно было идти сквозь оранжевые сполохи, подчиняясь неровному барабанному ритму, и Сильвестр пошел. Он шел, а свет то вспыхивал, то гас, и сквозь истончающиеся стены проступали когда-то знакомые лица.

Поджимала губы королева Алиса, что-то кому-то доказывал Карл Борн, улыбался и разливал вино собрано Алваро, пробовал остроту клинка Георг Оллар, шевелились страницы под пальцами Диоида. Никто не видел проходящего мимо путника. Еще не видел или уже? Ветер взвыл и затих, уронив ворох мертвых листьев. Желтые листья на черной земле, черные ветви деревьев на золоте заката, старая Лилиан в вишневых шелках, смеющаяся девчонка с пахнущими вишней губами, вишневые сады Дорака, истекающее темной кровью сердце над замершей Олларией, сердце, пронзенное четырьмя мечами.... Создатель, защити Талиг и его короля!..

Глава 9 Фельп

«Le Trois des Épées & Le Un des Coupes & Le Dix des Coupes» 52

1

Холод, отвратительный, промозглый холод добрался до Джильди и выволок из тяжелого, пьяного сна. Любвеобильная мачта исчезла, да и качка почти стихла. Капитан с трудом разлепил глаза и уставился в едва различимый по причине ночи потолок. В углу кто-то похрапывал, было жестко, мутно и зябко, поднять голову казалось невозможным, лежать и дрожать было еще хуже. Луиджи попытался, не вставая с места, нащупать одежду, но нашел лишь пару бутылок. Естественно, пустых. Капитан собрал волю в кулак и сел. Освещенная находящимися на последнем издыхании огарками комната нахально кружилась, но какого моряка испугаешь качкой?! На кресле виднелось что-то темное. Одежда! Луиджи совершил еще один подвиг и встал. Штаны, рубашка и камзол были не его – в плечах узковато, в поясе просторно, – но мерзнуть капитан не собирался, а с Валме они как-нибудь разберутся.

Джильди добрал до стола, нашел недопитое вино, налил, выпил. Создатель, как же он замерз, а ведь еще лето! Молодой человек глянул в окно, но блики от свечей мешали рассмотреть хоть что-то. Луиджи выпил еще и присел на краешек стола. Часы, хрипя, пробили три раза, а он был готов поклясться, что не за горами рассвет. Алва куда-то делся, Марсель самозабвенно храпел, прижимая к себе голую девушку, еще две «пантерки» свернулись клубочком на ковре у камина. Как глупо выглядят люди, когда спят, глупо и незащищено. Впрочем, люди вообще глупы... Жадные, похотливые, суетливые твари...

Луиджи Джильди только начал высказывать человечеству свои претензии, как его прервал стук, тихий, но настойчивый. Алва так бы стучать не стал, Клелия пьяна... Кто-то из слуг? Стук повторился. Странно, дверь на террасу приоткрыта – заходи кто хочешь, хотя, может, тот, в саду, не заходит, потому что знает, чем они тут занимаются.

Один из огарков задымился и погас, Марсель на мгновение замолчал, потом захрапел с новой силой, в окно постучали снова. Экий он стеснительный... Джильди поднялся, голова больше не кружилась, холода он тоже не чувствовал. Догорела еще одна свеча, теперь разоренную гостиную освещали всего четыре огарка. Надо найти свечи, найти и зажечь. И

камин... Но сначала он посмотрит, кому не спится. Капитан подошел к доходящему до пола окну и увидел тонкое личико в ореоле темных локонов. Поликсена! Живая!

Девушка стояла на террасе и нерешительно смотрела в тускло освещенную комнату. На ней была только странная рубашка, короткая и широкая, а спутанную гриву украшали кружева, белизной соперничавшие с кожей. Ни следа страшных ран, глаза смотрят осмысленно и печально, на щеках горит румянец.

2

Теперь Луиджи знал, что спит. Это был сон о счастье, которого не было и не будет. Джильди помнил, что валяется голым на полу среди пустых бутылок то ли один, то ли с какой-нибудь «пантеркой», а в углу храпит Марсель со своей красоткой, но какое это имело значение? Имеет человек право на любовь, на счастливую, настоящую любовь?! Хотя бы во сне.

Поликсена ничего не говорила, только смотрела бездонными глазами и улыбалась. Чуть-чуть. Это была даже не улыбка, а тень улыбки. Ее нагота не походила на наготу ее разгульных подружек, короткая рубашка и босые ноги вызывали не похоть, а нежность, желание защитить. Луиджи молчал, боясь разрушить чудо. Девушка тоже молчала. Сзади послышалось сонное бормотанье, и капитан Джильди вышел на террасу, торопливо прикрыв за собой дверь. Сон или не сон, но Марсель ему не нужен, ему вообще никто не нужен. Если бы можно было удержать сон, остаться в нем навсегда! Поликсена оторвала взгляд от темной комнаты и вздохнула. Разрубленный Змей, как же она красива... Луиджи, сам не понимая, что делает, преклонил колени перед маленькой босой девушкой.

– Прости...

За что он просил прощения? За то, что не спас? За приказ, отданный лекарю? За спящих на вилле разгульных кошек?

Маленькая ручка легла ему на плечо.

– Ты меня помнишь... Хорошо, что ты меня помнишь.

– Я тебя никогда не забуду, – во сне можно говорить все. Во сне мужчина имеет право на слезы, во сне можно не лукавить, не прятать себя, истинного, в дыму лжи, – я люблю тебя...

– Очень любишь? – прошептала Поликсена. – Очень?

Он любил ее больше жизни, больше чести, больше всего, что у него было или могло бы быть. И он сказал это.

– Ты пойдешь со мной?

– Куда?

– Ты же меня любишь...

– Пойду.

– Хорошо... Тогда идем, – прохладные пальчики сомкнулись на запястье. Луиджи хотел их поцеловать, но не осмелился. Только б не просыпаться...

– Только б не просыпаться...

– Ты не спишь, – сказала Поликсена, – и я не сплю. Спят в доме, спят около дома, спят в городе. Мы не спим...

Как бы он хотел в это поверить, но мертвые не возвращаются, а Поликсена мертва. Он видел, как заколачивали крышку гроба, как резной ящик светлого дерева поместили в другой – большой, тяжелый, обитый свинцом – и опустили в трюм «Красотки Джулии», как галеас скрылся за Монти-Остро.

– Ты не веришь, зачем же ты звал?

– Я люблю тебя, – это главное, остальное ерунда, но если Марсель его разбудит, он его убьет.

– Я знаю. Ты любишь меня. Идем, нужно спешить.

Больше Луиджи не спорил. Он позволил себе поверить в чудо, в то, что похожая на олененка девочка жива и пришла к нему. Держась за руки, словно дети, они спустились по лестнице, мрамор охлаждал ноги... Закатные твари, ей же холодно!

– Тебе холодно.

– Да, – шепнула Поликсена, – но это не страшно.

– Я понесу тебя, – Луиджи подхватил невесомое тело. Поликсену невозможно было тискать и прижимать, как всех этих софий и латон. Даже в его объятиях, даже полуобнаженная, она оставалась чистой и недоступной, как летящая ласточка.

– У сломанной оливы нас ждут.

– Кто?

Девушка не ответила, только тоненькие руки обхватили шею капитана Джильди, а его виска коснулось белое кружево. Луиджи шел по колкому гравию среди темных кустов и мерцающих статуй, уходя все дальше от пропахшего вином и розами дома. Вот и сломанная олива, а за ней ворота. У могучего, узловатого ствола рыл землю белый конь, похожий на ожившую статую. Поликсена счастливо вздохнула и прижалась щекой к щеке Луиджи.

– Он твой? – Джильди только сейчас заметил, что они на «ты», но зачем тем, чьи сердца бьются в такт, холодная, пустая вежливость? Она нужны тем, кто никого не любит.

– Мы едем, – шепнула Поликсена, – далеко...

Белоснежный жеребец доверчиво потянулся к Луиджи мордой, обнюхал и приветливо фыркнул. Признал. Капитан вскочил в седло, наклонился, поднял Поликсену.

– Я сяду сзади, – шепнула девушка, обнимая Луиджи, – я так привыкла...

Луиджи усмехнулся и подобрал поводья. Белый конь, не дожидаясь приказа, повернулся и зацокал по блестящим в лунном свете камешкам, и тут на дорожке появился кот. Огромный! Черный! С горящими, как у демона, глазами. Кот выгнул спину и оскалился, не желая уступить дорогу. Луиджи хотел натянуть повод, чтобы объехать наглуую тварь, но тонкие пальчики сжали его локоть.

– Не надо...

Джильди даже не удивился, он был слишком счастлив, чтобы удивляться. Конь остановился, как вкопанный. Кот не уходил, жеребец повернулся и порысил назад, сквозь заросли олеандров, мимо террасы и дальше, к розарию...

3

– Слезайте. Живо! – Рокэ Алва, на котором из всей одежды была только расстегнутая рубашка, держал коня за уздечку, перехватив ее у самого мундштука.

Жеребец рванулся, зло всхрапнув, но рука талигойца была железной.

– Кому говорят! – злости в синих глазах хватило бы на всех фельпских кошек. Луиджи хотел огрызнуться, но осекся.

– Слезайте!

Жеребец снова дернулся и захрапел, Рокэ вполголоса выругался. Луиджи видел, как напряглась сжимавшая уздечку рука. Талигоец не имел никакого права приказывать гражданину вольного города.

– Капитан Джильди!

– Луиджи! – Молодой человек чувствовал, как дрожит прижавшаяся к нему Поликсена. – Мне страшно... Забери меня отсюда!

Конь еще раз попробовал вырваться, захрипел и замер, опустив голову. Его, как и Поликсену, и самого Луиджи, била дрожь. Что же делать? Спорить? Что-то доказывать? Драться? Он безоружен, талигоец тоже. Луиджи взглянул в безжалостное лицо, выбеленное лунным светом.

– Не смотри, – зашептала Поликсена, – не смотри на него... Не надо...

А что надо? Рокэ их не выпустит, хотя зачем они ему?

– Монсеньор... Монсеньор, я должен ехать... Вы не понимаете... Я... Я люблю ее...

– Трогательно, – темные губы исказила усмешка, – и удивительно вовремя. Что ж, отправляйтесь хоть в Закат, но не раньше, чем мы выпьем. Ваша дама подождет.

– Луиджи... Я боюсь...

Герцог Алва все знает о куртизанках и ничего о любви, да и откуда ему знать, что полуголая девочка на лошади ничем не похожа на спящих в доме похотливых дур.

– Монсеньор, я... Мы спешим, я вам все объясню. Завтра... Обязательно.

– Меня не волнуют ваши чувства, – хмыкнул талигоец, – но вы никуда не уедете, пока я вас не отпущу.

И он действительно не отпустит. Потому что пьян. Одних касера валит с ног, другие хватаются за ножи, а Рокэ Алва стал упрямым, как сотня бергеров. Глупо, но ничего не поделаешь...

Луиджи обернулся к Поликсене.

– Я скоро вернусь, не бойся.

Оленьи глаза наполнились слезами, она не хотела, чтоб он уходил, но Луиджи осторожно разогнул холодные пальчики и спрыгнул на землю.

– Ну, где ваше вино?

– В доме, – откликнулся Рокэ Алва, – идите в дом.

– Хорошо, – Луиджи оглянулся на Поликсену и едва не упал. Девушка исчезла. Вместо нее кривила губы щербатая девчонка лет семи с жутким творожистым лицом. Изменилась и лошадь. Место белого скакуна заняла толстая пегая кобыла, из тех, на которых трактирщики возят винные бочонки.

– Создатель...

– Оставьте Создателя в покое, – Алва выпустил из рук уздечку, и пегая кляча медленно, словно засыпая на ходу, побрела среди отцветающих роз. Девчонка с хихиканьем развернулась и устроилась в седле задом наперед. В лунном свете глаза маленькой дряни светились, как гнилушки на болоте.

– Ты обещал вернуться, – провизжала чудовищная наездница. Кобыла медленно взмахнула хвостом, и жуткая пара исчезла среди олеандров.

– Никогда не бегите за женщиной, – Алва взял стоящего столбом Луиджи за локоть, – особенно ночью и сломя голову.

Глава 10 Оллария. Фельп

«Le Chevalier des Deniers & Le Un des Bâtons & La Dame des Deniers» 53

1

Любоваться на утренний туалет Катарины Ариго, а тем более помогать ей, было еще тем удовольствием. Катарина поднималась рано, но покидала спальню чуть ли не в полдень. Королева Талига не может просто встать и одеться, ей мало даже камеристки, подавать ее величеству рубашки и чулки могут только придворные дамы. Луиза не сомневалась, что Катарина, будь ее воля, выставила бы из своих апартаментов чужих женщин, но воли-то у нее как раз и не было, вот и приходилось выбирать между женским доверием и мужским.

Хочешь обманывать мужчин – оставайся красивой и юной, а матери троих детей это непросто. Дураки со шпагами верят, что Катарина Ариго выше всего земного и не живет, а

⁵³ Рыцарь Динариев, Туз Посохов и Королева Динариев.

томится в золоченой клетке. Как же, как же... Томящиеся в клетке не лежат с пропитанным морисскими маслами полотном на лице, не глотают очищающие желудок соли, не растираются пчелиным молочком. Катарина следила за собой, как дорогая куртизанка. То, что королева при этом закатывает глазки и пищит, как сиротка, еще могло обмануть Селину, но не Луизу. Вдова капитана Лаик честно выслушивала охи-вздохи, подавала ленточки и булавки и представляла, как на носу или посреди декольте ее величества вскакивает прыщ. Увы, кожа у змеюки была отменной, Луизе хотелось думать, что исключительно из-за притираний.

– Милая Луиза, – протянула Катарина, втирая в лунки ногтей персиковое масло, – после завтрака мы едем в Старый парк. Вы нас сопровождаете.

Мы в восторге, мы счастливы, нет слов описать нашу радость от созерцания цветочков и ягодок в присутствии Катарины Ариго. Луиза сделала реверанс.

– Счастлива служить вашему величеству.

– Мы хотим видеть Айрис Окделл и маленькую Селину.

– Они в приемной. Ждут выхода вашего величества.

Королева нежно улыбнулась, грациозно встала и замерла, подняв руки, позволяя камеристке подвязать пышные рукава.

– Герцогиня, – Урсула Колинъяр выползла вперед и осклабилась.

Луиза поставила бы особняк Алвы против конюшни в Кошоне, что старая ведьма королеву ненавидит не меньше, чем она сама. Любопытно, за что.

– Да, ваше величество.

– Какая сегодня погода?

А как насчет в окно посмотреть? Хотя о чем говорить с Колинъярихой, кроме погоды? Разве что о лимонах, причем недозрелых.

– День обещает быть теплым и ясным.

– Ночью был сильный ветер, – влезла Ангелика Придд, – очень сильный.

Каким местом думали родители, называя дочь Ангеликой, хотя, с другой стороны, имени Лахудрия еще не придумали. А жаль. Впрочем, для урожденной графини Гогенлоэ-цур-Адлерберг внешность не главное, главное – добродетель. Тьфу!

– Я видела, как качались фонари, – пролепетала Катарина, вспомнив о том, что у нее трясушка, – мне так тревожно...

Если наш ягненок десять раз на дню не сообщит, что ему страшно, значит, дождь пошел вверх, а на каштанах выросли шишки.

– Скоро осень, ваше величество, – встряла баронесса Заль.

– О да, – подхватила королева, – осенью чувствуешь себя такой одинокой, незащищенной... Эти несчастные деревья, теряющие листву, грядущие холода, журавлиный плач...

Леворукий и его кошки, где она нашла журавлей, они сроду облетали Олларию десятой дорогой. Журавли летят из Ренквахи в Йерну, вот над Кошоне они и впрямь пролетают. А ласточки, те зимуют в южной Кэналлоа.

– Вчера ваше величество пели такую чудесную песню об осени, – влезла Отилия Дрюс-Карлион, – я не могла сдержать слез...

– Ее часто пела моя мать, – вздохнула королева, и Луиза поняла, что мать Катарины Ариго была непроходимо несчастна и завещала свои страдания возлюбленной дочери.

– Мы мечтаем услышать эту песню еще раз, – закатила глаза Моника Заль, и совершенно зря. С такими гляделками закатывай не закатывай – все едино.

– Я спою, – ошастливила дам и девиц ее величество, – когда мы вернемся...

– Ваше величество собирается на прогулку? – Леонард Манрик появился неожиданно для всех, но не для королевы, так как их величество успели-таки вздрогнуть.

– Мы рады вас видеть, генерал, – пискнула Катарина. – Как вы себя чувствуете? Как ваше плечо?

– Благодарю, ваше величество, я здоров, но, боюсь, прогулку придется отложить.

– Мы не понимаем, – королева посмотрела рыжему генералу в глаза. – Что-то случилось?

– Увы, ваше величество.

– Но что?

Упадет в обморок или нет? Скорее нет, стоит очень неудобно...

– Я не уполномочен ничего говорить. Когда придет время, вашему величеству сообщат. Катарина Ариго поправила ожерелье.

– Благодарю вас, генерал, мы вас больше не задерживаем.

Леонард Манрик, однако, и не думал уходить.

– Ваше величество, благоволите не покидать своих комнат.

– Вы забываетесь, граф, – голосок королевы больше не дрожал. Леворукий, да она словно бы стала выше.

– Напротив, ваше величество, я исполняю свой долг.

– Ваш долг – защищать трон.

– Именно это я и делаю, – поклонился Леонард Манрик. Он очень хотел походить на Рокэ Алву, но огурцу мечом не стать.

Королева вскинула голову:

– Мы желаем видеть нашего супруга.

– Увы, ваше величество, это невозможно.

Катарина Ариго, не удостоив капитана Личной охраны его величества даже взглядом, быстро пошла к двери. Манрик остался стоять, где стоял, только поморщился – видимо, пробитое Савиньяком плечо все еще болело. Королева дернула выставшую из светлого дерева бронзовую ветку, тяжелая створка отошла, стали видны заступившие проход черно-белые гвардейцы и забитая солдатами приемная. Королева обернулась:

– Генерал, что это значит?

– Ваше величество, я уже просил вас оставаться в своих комнатах. Уверю вас, вам все объяснят при первой же возможности...

2

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь тяжелые занавеси, становились алыми. Как закат... Луиджи Джильди с трудом оторвал голову от расшитой золотыми рыбками подушечки и огляделся. Слава Создателю, он один. Неубранный стол, разбросанные фрукты, одинокая люшня, какие-то тряпки... Выпил он чудовищно много и все равно прекрасно помнил и то, как оказался на вилле Бьетеротто, и то, что было потом. Сомнение вызывал только сон, который Луиджи тоже помнил отлично. Вернувшаяся Поликсена, белый конь, счастье, обернувшееся кошмаром, талигойский маршал, схвативший нечисть под уздцы...

Чего только не приснится, особенно спяну! Но пора убираться, и чем скорей, тем лучше. Капитан Джильди с грехом пополам встал, лихорадочно вспоминая, где его одежда. Они сидели все вместе, потом заявила Клелия, Алва ее уволок, а ему досталась София... Создатель, как же он напился! Луиджи еще раз оглядел стол, обнаружил полный бокал. Кажется, вчера из него пил Алва, а может, и нет. Молодой человек выпил вино залпом, не почувствовав вкуса, да и какой вкус после такой ночки? Прояснилось бы в голове, и ладно...

Кое-что капитан, однако, запомнил. Одежда отыскалась именно в том углу, где он и думал. Луиджи с отвращением шевельнул кучу, в которой его вещи бесстыдно мешались с женскими тряпками. Похоже, «пантеры» убрались из гостиной в чем мать родила. Не иначе отправились на поиски новых радостей и, очень даже может быть, получили, что хотели. Джильди отбросил нечто ажурное, благоухающее фиалками и залитое вином, и извлек свои панталоны, явно пострадавшие за компанию с кружевным соседом. Морщась от головной боли, капитан избавился от одежек Валме и влез в собственные. Хорошо, что сегодня утром все моряки Фельпа выглядят одинаково. Как, бишь, назывался этот праздник в древности?

Ундии? Любопытно, что творили в эту ночку предки.

Натянув камзол, Луиджи глянул в зеркало над камином, выругался и выбрался на террасу, где и обнаружил маршала. Алва развалился на резной скамье в обществе корзины с вином и здорового дымчатого кота, словно вылезшего из приснившегося Луиджи кошмара.

– Вы рано встали, – светским тоном заметил Алва, ловко снимая сургуч с покрытой пылью бутылки и протягивая ее Луиджи. – Простите, бокалов не нашел.

– Вы проснулись еще раньше, – отпарировал Джильди, принимая угощение.

– Нет, просто я не спал, – Алва почесал кота за ухом. Точно так же он ласкал льнувших к нему женщин.

– Я видел этого кота во сне, – ну и чушь же он несет, – и вас тоже.

– Не сомневаюсь, сон был кошмарным.

– Почему вы так решили?

– Если после касеры пить ликеры, могут присниться только кошмары. И что же я делал с котом?

– Ничего, – пробормотал Луиджи. – Это я зачем-то уселся на лошадь, белый такой жеребец... Потом выскочил кот, а вы схватили коня под уздцы и велели мне слезть. Я не хотел, вы настояли, а жеребец стал кобылой... Пегой... И на ней сидела девчонка в рубашке и чепчике. Клянусь Создателем, ничего гаже в жизни не видел.

– И это все? – в голосе Рокэ было разочарование.

– Почти, – Луиджи внимательно всмотрелся в точеное лицо. На талигойце вчерашние возлияния почти не сказались. Если не считать легкой синевы под глазами, маршал был таким же, как всегда. – Вы велели мне идти в дом, а сами остались.

– Странно, – Алва казался озадаченным. – Если девчонка была уродливой, не понимаю, за какими кошками я остался.

– И еще, – с отчаянной решимостью произнес Луиджи, – я поклялся исполнить любую вашу просьбу.

– Вот как? – Безупречная бровь слегка приподнялась. – Представляю, какой спор поднялся бы, вздумай наши неподражаемые дуксы выяснять, имеет ли законную силу клятва, данная во сне.

– Мне плевать, сколько и каких шаров бросят эти болтуны, – выпалил Луиджи, – но я хочу, чтоб вы знали: Джильди от своего слова не отрекаются.

– Очаровательно, – Алва потянулся и взялся за оставленную было бутылку. – Когда я захочу луну с неба, обязательно вам об этом скажу.

– Монсеньор, – Луиджи очень внимательно посмотрел сначала на кота, потом на синеглазого человека в черной рубашке, – мне вот что пришло в голову... Это не было сном, иначе почему вы не ложились?

– Если я знаю, что выспаться не удастся, – зевнул Рокэ, – я предпочитаю не спать вообще.

– И все равно я – ваш должник и был бы счастлив считать вас своим другом.

– А вот этого не надо, – Алва резко отстранился, холодно блеснули синие глаза. – Дружба, знаете ли, ужасно обременительная вещь.

– Я не привык, чтоб моей дружбой пренебрегали, – Луиджи понимал, что несет несусветную чушь, но остановиться не мог. – И я не привык ходить в должниках.

– Последнее легко поправить, – все так же холодно произнес Рокэ. – Дайте слово, что выполните мою просьбу, и будем в расчете.

– Какую просьбу? – переспросил Луиджи.

– Всеу свое время, – зевнул Рокэ. – Кстати, с какой радости вы залезли на клячу, с которой я, по вашему утверждению, вас согнал? Покататься захотелось?

– Там была девушка... Я ее любил, но ее больше нет. Я – мерзавец, монсеньор. Она умерла, а я...

– А вы нет, – потянулся герцог, – и правильно сделали. Жизнь – куда более приятная

вещь, чем смерть. Ваше здоровье, кстати. По утрам оно нам нужно, как никогда.

– Благодарю, монсеньор, – зачем он все это рассказывает чужаку? – Поверьте, я не собираюсь кончать с собой, но я вел себя вчера как свинья. Я замарал и себя, и ее, потому она мне и приснилась... Я должен был уйти, а я... Мое сердце принадлежит умершей, я ее никогда не забуду. Понимаете, никогда!

– С чего вы взяли, что здесь кто-то претендовал на ваше сердце? – Узкая рука небрежно пригладила черные волосы. – Уверяю вас, оно здешним обитательницам без надобности, в отличие от других, гм, орудий любви. Если вам угодно блюсти верность – блюдите. Но не в ущерб здоровью и здравому смыслу.

– Монсеньор... – разговор, как и собеседник, был странным, но Луиджи Джильди отнюдь не собирался его прекращать.

– Женитесь по расчету, – посоветовал Первый маршал Талига, припадая к бутылке, – а спите с дамами, которых волнует ваш любовный пыл. Так вы сможете хранить верность своей любви сколь угодно долго и, прошу заметить, без всяческих неудобств. В противном случае вы рискуете возненавидеть и себя, и покойную и стать похожим на эсператистского мученика, а они были такими утомительными.

– Слышали бы вас в Агарисе, – Луиджи не мог подавить ухмылку.

– О, – махнул рукой Алва, – они это давно знают... Как вы, кстати говоря, нашли Софию? Я ведь посадил вам на колени ее?

– Наверное, – в голове у Джильди все перепуталось, даже не перепуталось, а поменялось местами. Мерзкий сон казался явью, а то, что было на самом деле, расплывалось, как мокрая краска.

– А вам, монсеньор... Какая из дам понравилась вам? – простонал Марсель Валме, выползая на террасу. – Рокэ, умоляю, вина! Умираю...

– Сейчас в Фельпе умирают многие, – заметил Алва, но бутылку открыл. – Пейте... А что до дам, то три из четырех были весьма неплохи во всех отношениях.

– Вы – воплощенное милосердие, – сообщил Валме. – Так как вам малышка Клелия?

– Никогда не любил девственниц, – зевнул Алва, – утомляет...

– Девственница?! – Валме задохнулся от возмущения. – Вы говорите, девственница?!

– По крайней мере была таковой, – Рокэ отхлебнул вина и покачал головой. – Впрочем, этого следовало ожидать.

Какая ерунда! Неужели это и есть жизнь? Ночью пьяные кошмары, утром глупые разговоры и пустота. Лучший воин Золотых земель пьет вино на чужой террасе и обсуждает с едва проспавшимся повесой ночные похождения... А чем он лучше? Он хуже, потому что эти двое не пачкают в грязи свою любовь.

– Луиджи, – Марсель жизнерадостно ухмыльнулся, – выпейте, и все будет в порядке.

В порядке не будет, но он выпьет.

– Ваше здоровье, господа.

– Рокэ, – капитан Валме с порозовевшим лицом уселся напротив маршала, – если вам не нравится, за какими кошками вы с ней возились?

– Должен же я иногда делать нечто доброе и возвышенное, – Рокэ поднялся. – Жизнь состоит не только из удовольствий, но и из жертв. Хватит, господа, собирайтесь и едем домой. Веселившиеся ночь напролет дамы утром представляют не самое радужное зрелище... Луиджи, вы с нами?

Джилди кивнул. Ему не хотелось оставаться на вилле, кроме того, мерзкий сон никак не шел из головы. Даже не сон, а что-то такое, что не позволяло расстаться с Алвой и ехать домой. Пока он с талигойцами, кошмар не вернется.

Играть на арфе, когда творится Леворукий знает что, — это надо уметь. В музыкальной гостиной было тепло, но Луиза то и дело вздрагивала. Вдова капитана Лаик еще не забыла Октавианскую ночь, тогда они тоже сидели и ждали. Дамы потерянно молчали: одни жались к королеве, другие, наоборот, делали вид, что оказались здесь случайно. Что что-то случилось, понимали все, но что?

Девочка в белом перевернула ноты, Катарина заиграла что-то легкое и радостное, мелодия бежала, как ручеек, по которому пляшут солнечные зайчики. Музыкантша перебирала струны и чему-то улыбалась, а в малой приемной по очереди исчезали фрейлины и придворные дамы. Герцогини, маркизы, графини, баронессы одна за другой раздвигали белый атласный занавес и не возвращались. Не хотели или не могли? Луиза с трудом удержалась от того, чтобы перебраться к Айри и Селине. Если Катарина попала на какой-то пакости, так ей и надо, а если случилась беда? Общая беда.

Попасть во дворец трудно, но убраться отсюда еще труднее. За себя капитанша не боялась, невелика потеря, и потом — грехов за ней особых не водится, а в Рассветных Садах внешность не главное. Да и кому она нужна? Ну, серьги отберут, ожерелье, беды-то, а вот девочки! Она отвечает за них, за обеих. Перед собой, Создателем, синеглазым кэналлийцем и даже перед надорской дурой, которой не дала увести Айрис.

Луиза тихонько подвинула затекшие ноги и постаралась сосредоточиться. Что бы ни произошло, Манрик остается на посту. Манрик — враг врагов Рокэ Алвы и кардинала, уже хорошо. А вот то, что из-за Селины ему продырявили плечо, плохо, хотя против монсеньора он не пойдет. Против него никто не пойдет, по крайней мере Луиза очень на это надеялась. Скорее всего, раскрыли какой-то заговор, к которому королева приложила ручонку, но как она это сделала? Луиза болталась при дворе с конца весны и не заметила за Катариной ничего подозрительного, а уж как она смотрела! Ее величество была осторожна, но на любую крыску рано или поздно сыщется киска.

А может, умер король? Госпожа Арамона сама удивилась тому, как расстроила ее эта мысль. Фердинанд был хорошим человеком, даже странно, что он сидел на троне, хотя за него все делали кардинал и маршал. И все равно жалко, если с ним что-то случилось. Катарина отравила мужа, чтобы стать матерью короля? Да нет, глупости, после истории с Алисой приняли закон, по которому королева не может быть регентом. Что же такого натворила Катарина Ариго? Или все-таки не она?

Королева закончила играть и бессильно опустила руки. Она опять была бедной и потерянной, но Луиза прекрасно помнила, как ее величество смирила презрительным взглядом Леонарда Манрика и пошла к двери. Стебелек у гиацинта был стальным.

— Госпожа Арамона, — невысокий, очень вежливый тенъент отвесил учтивый поклон, — прошу вас пройти со мной.

Луиза поднялась.

— Ваше величество, вы позволите?

— О да, — разрешила Катарина, словно это что-то значило, — идите, но не задерживайтесь. Мы вас ждем.

Госпожа Арамона подобрала тяжелые юбки и последовала за вежливым тенъентом в кабинет ее величества. Женщина ожидала увидеть там кого угодно, но не рыжего тессория, со всеми удобствами расположившегося за столом Катарины. Кроме него, в комнате никого не было.

— Идите, Джеймс, — проскрипел граф Манрик, слегка приподнимаясь. — Госпожа Арамона, прошу вас, садитесь.

— Благодарю вас.

Святая Октавия, при чем тут этот старый пень?

— Госпожа Арамона, — тессорий улыбался, но от этого было как-то не по себе, — прежде чем задать вам несколько вопросов о том, что вы видели в последние дни, я хотел бы знать, почему ваша дочь отклонила предложение моего сына?

Потому что она такая же дура, как ее мать и подруга, и при этом умница. Нельзя

продаваться и нельзя хватать то, что не можешь проглотить.

– Потому что в семнадцать лет девушка думает о любви, а не о будущем. О будущем дочерей думают их матери.

– Это очевидно. Но вы не предприняли никаких шагов, чтобы убедить вашу дочь принять предложение. Почему?

Отчего же не предприняла, она спросила, в чем дело, и еще она ни на секунду не поверила, что этот брак желателен для господина тессория. И правильно не поверила! Святая Октавия, насколько было бы лучше, если б Лионель Савиньяк вызвал Леонарда Манрика из-за другой женщины или хотя бы убил.

– Потому что я знаю свое место, – вдова капитана Лаик выдержала цепкий оценивающий взгляд. – Моя дочь красива, но не знатна и не богата. Она может стать супругой барона или любовницей герцога. Я не хочу, чтоб моя дочь опустилась туда, откуда поднялась моя мать. Селина не может быть супругой графа Манрика, но и любовницей его она не станет.

– Потому что уже стала любовницей Первого маршала?

– Если бы монсеньор хотел видеть мою дочь своей любовницей, – раздельно произнесла Луиза, понимая, что от этого ответа зависит все, – она бы стала ею, и я ничего бы не могла с этим сделать. Но он хочет от моей семьи другого.

– Чего же?

– Чтобы я опекала Айрис Окделл и чтобы мы в нужное время оказались в нужном месте. Это все, что он мне сказал перед отъездом.

Леопольд Манрик молчал. Он был очень похож на своего сына, и он был чем-то очень доволен. Арнольд, когда его сделали капитаном, выглядел так же, но чем можно осчастливить тессория? Только сделать его кансильером.

– Звучит, как сказка, – наконец изрек то ли тессорий, то ли кансильер. – Та самая сказка, в которой закатные твари покупают то, чего еще нет. Неужели вас не беспокоит неопределенность?

– У меня нет выбора, – Луиза очень внимательно посмотрела на собеседника. – Небогатой вдове с четырьмя детьми жить непросто. И я хочу видеть свою дочь баронессой.

Бледное лицо оставалось бесстрастным, но он поверил. Поверил, заведи его Арамона! Каждый судит по себе, Манрики никому не верят и все покупают.

– Я вижу, вы и впрямь разумная женщина. Я в долгу у вас и вашей дочери. Брак Леонарда Манрика и девицы Арамона и впрямь был бы неудобен для всех.

И весьма краток. Селина бы упала с лестницы или умерла родами, и она ни секунды не была бы счастлива.

– Я могу идти? – Луиза сделала попытку подняться, прекрасно зная, что рыжий мерзавец ее не отпустит. Так и есть.

– Ваш старший сын, кажется, находится при особе герцога? – Губы Манрика скривились в нечто, долженствующее изображать улыбку. Причем благосклонную.

– Мальчик всю жизнь мечтал о гвардии. Теперь видите, сударь, что я не могу позволить своим домочадцам уронить честь семьи? Это может сказаться на карьере Герарда.

– Я не сомневаюсь, что очаровательная Селина станет баронессой, – с нажимом произнес тессорий, – и я надеюсь, что она не покинет Олларию.

Но если ты думаешь, что достаточно купить Селине сговорчивого барона, и твой сыночек ее получит, ты ошибаешься! И можешь ошибаться дальше. До возвращения монсеньора.

– Когда Селина выйдет замуж, о ней будет заботиться ее супруг, – Луиза улыбнулась еще раз. – Сударь, это такое облегчение – перестать тревожиться за судьбу своего ребенка.

– О, разумеется... Я полагаю, вы знаете, что герцог Алва и мои сыновья – старые друзья?

– Алва, Манрики и Дораки всегда стояли на страже интересов Талига, – заверила Луиза.

Вообще-то следовало назвать не Манриков, стоявших исключительно на страже

собственных интересов, а Савиньяков или Ноймаринен, но она говорила с Леопольдом Манриком, и от этого разговора зависело очень много. Куда больше, чем казалось вначале.

– Вы неплохо разбираетесь в политике, сударыня.

Госпожа Арамона промолчала. Разговор только начинался, настоящий разговор. Рыжий считает, что вывернул ее наизнанку и купил, пообещав Селине барона, теперь заговорит о деле.

– Полагаю, вы были удивлены утренними событиями.

– О да! – подалась вперед Луиза, ей даже не было нужды притворяться. – Это было так странно...

– Сегодня ночью умер его высокопреосвященство Сильвестр. – Манрик попытался принять скорбный вид, и это ему почти удалось.

Луиза потрясенно молчала. Святая Октавия, о чем она только не думала, но не о смерти Сильвестра. Кардинал казался вечным, а он взял и умер. Именно тогда, когда в Олларии нет ни Алвы, ни Савиньяков, ни хотя бы Рафиано с фок Варзовом. Что же теперь будет?

– Что же теперь будет? – выдохнула Луиза, глядя в лучащиеся самодовольством глаза. – То есть... Кто будет...

– Не следует так волноваться, сударыня, – веско произнес Манрик. – Талиг понес тяжелую утрату, но незаменимых нет и быть не может.

Даже так? Тебя-то заменить можно, но Сильвестра...

– Кардиналом Талига, согласно неоднократно высказывавшейся его высокопреосвященством воле, стал преосвященный Агний, – протрубил Манрик. – Его величество только что подписал указ, вторым указом...

Она угадала. Рыжий мерзавец прыгнул в кансильеры, заодно выбив для своего сына маршальскую перевязь. Маршал Манрик. Звучит так же глупо, как хряк-иноходец...

– О, – Луиза Арамона бурно вздохнула, – какое мудрое решение.

– Благодарю вас, сударыня, – глазки новоиспеченного кансильера впились в Луизу. – А теперь я попрошу вас об одолжении. Ее величество, как вам, без сомнения, известно, не расположена к нашему семейству, но это не самое печальное. У меня есть серьезные основания предполагать, что Катарина Ариго замешана в заговоре против его величества. Госпожа Арамона, Талигу нужна ваша помощь.

Талигу или тебе? Впрочем, не все ли равно – Луиза Арамона согласна помогать лишь самой себе, своим детям и своему герцогу.

– Разумеется, господин кансильер может на меня рассчитывать.

– Я не сомневался в вашей преданности. Его высокопреосвященство полагал вас весьма разумной женщиной, а он в людях разбирался прекрасно.

А кем он полагал тебя? Хотя кем бы ни полагал, он мертв...

– Господин кансильер, я вам так благодарна, так благодарна...

– Пустое. Возвращайтесь к своим обязанностям. И... Будьте осторожны не только с ее величеством и ее сторонниками, но и с герцогиней Колинъяр и баронессой Заль.

Нашел кого предупреждать! Откровенничать с матерью убитого Алвой мерзавца?! За кого ее принимают?

– Я буду осторожна.

Глава 11

Фельп

«Le Six des Deniers & La Dame des Coupes & Le Valet des Coupes» ⁵⁴

⁵⁴ Шестерка Динариев, Королева Кубков и Паж Кубков.

Разумеется, это был Герард, кто еще мог ворваться в такую рань?! Жаворонок, забери его Леворукий!

– Сударь, – доложил утренний негодай, – прибыла госпожа Скварца.

– Ну и что? – не понял Марсель Валме.

– Она хочет видеть вас.

– Меня? – зевнул виконт. – Создатель! Который час?

– Десять часов, – улыбнулся Арамона-младший. Десять! Время молочников и зеленщиков, но не благородных дам...

– Хорошо, сейчас приду... Да, Герард, она красивая?

– Не знаю, – паршивец растерялся. Наконец-то!

– А где маршал?

– Уехал по делам, – вновь разулыбался порученец. – Но госпожа Скварца спрашивает именно вас.

– Ладно, брысь занимать даму!

Шадди ему не видать, это ясно. И чего это счастливую супругу молодого адмирала спозаранку принесло к талигойскому виконту? Нет, дам Марсель любил, но вечером он их любил сильнее, чем утром. Увы, вежливость есть вежливость! Талигоец слез с кровати и честно постарался привести себя в пристойный вид, при этом не слишком задерживаясь. Раньше это было бы немыслимо, но общество Рокэ свое дело сделало.

Не прошло и часа, как виконт Валме, благоухая померанцевой водой, спустился по утыканной резвящимися сиренами лестнице и вышел в приемную. Навстречу порывисто поднялась женщина в темно-красном шелковом платье, и Марсель немедленно подобрал живот. Госпожа Скварца была прелестна, а странная смесь смущения и злости придавала точенному личику, обрамленному крыльями темных волос, особое очарование. Валме галантно поклонился:

– Чем могу служить столь прекрасной особе?

– Я... Я Франческа Скварца, – точно, Джильди говорил, что жену Муцио зовут Франческа. – Я хочу знать, где мой супруг.

– Вполне законное желание, сударыня, – Валме тонко улыбнулся, но женщина шутки не приняла.

– Он здесь?

– Здесь? Откуда? – Марсель был искренне удивлен. – Муцио покинул нас еще позавчера. Он собирался домой. Когда имеешь столь прелестную супругу...

– Он пришел, – перебила Франческа, – но потом за ним заехал Луиджи Джильди. Муцио обещал скоро вернуться, но его нет до сих пор. Я ждала его весь день и всю ночь. Утром я поехала в палаццо Джильди, мне сказали, что Луиджи нет и что он, скорее всего, с вами.

– Луиджи Джильди здесь.

Сказать, что Муцио с ними не было? Вот еще! Если Скварца сослался на Луиджи, пусть Луиджи и выкручивается.

– Я могу его видеть? – гнев Франческа Скварца шел удивительно. Она вообще была чудо как хороша. Конечно, даже лучшее блюдо может надоесть, но Муцио все равно дурак. Собираешься гульнуть – научись замечать следы. – Я могу видеть Луиджи Джильди? – повторила Франческа.

– Разумеется, – Марсель обернулся на скрип и увидел исчезающего за порогом Герарда, – за ним уже пошли. Не желаете шадди?

Гостя шадди не желала. Она желала получить сбежавшего мужа и задать ему хорошую трепку, но была слишком горда, чтоб изливать свою злость на голову первого встречного. Госпожа Скварца ограничилась тем, что последовательно отказалась от шадди, конфет и

фруктов. Предлагать даме вина Марсель не осмелился и завел разговор о погоде. Франческа что-то сказала о поздних розах, Марсель оплатил рассказом о многолетних астрах, которые терпеть не мог с детства. Дурацкую беседу прервал Луиджи. Капитан выглядел слегка помятым, хотя могло быть и хуже.

– Сударь, – Франческа даже не поздоровалась, – где Муцио Скварца?

– Но, – Джильди потряс головой, словно отгоняя сон, – он же дома!

– Я... – в глазах Франчески Скварца вспыхнуло пламя. – Я знаю, что такое ночь святого Андия. Я знаю, как вы отмечаете свои великие победы! Я своими глазами видела, как вы уезжаете, и я, в отличие от вас, не была пьяна. Вы фельпский патриций, Луиджи Джильди, и вы офицер! Имейте же смелость сказать правду.

– Франческа, я не лгу! – Почему Луиджи побледнел? Конечно, положение не из приятных, но Муцио сам виноват. Сказал, что вернется утром, надо было вернуться или хотя бы письмо прислать.

– Муцио ушел с вами, – твердо произнесла женщина, – с вами, Луиджи. Среди ночи – на башне Филиппа пробило три часа. Муцио сказал, что это очень важно, но какие дела могут быть у мужчин в ночь святого Андия?!

– Моя госпожа, – Марселю отчего-то стало неуютно, – в три часа Луиджи был со мной и маршалом Алвой в... В одном доме, но мы были только вдвоем... То есть там были еще и дамы... Но Муцио с нами не было.

– Сударь, – выкрикнула женщина, – вы лжете, этого не может быть!

– Клянусь, это правда, – пробормотал виконт, чувствуя, что ему становится холодно.

От лица Франчески Скварца отхлынула кровь. Теперь она смотрела не на Луиджи, а на Марселя, и талигойцу отчаянно захотелось юркнуть за занавеску или залезть под стол.

– Умоляю, если Муцио был с вами, не лгите, – она действительно умоляла, и это было самым страшным. – Скажите как есть. Если я узнаю, что он был с другой женщиной, что он был пьян, я не умру...

– Франческа, – Джильди осторожно взял руки гостьи в свои, – клянусь тебе, что мы в последний раз видели Муцио на площади, и он пошел домой. Я и впрямь тогда поехал к... к женщинам. Со мной были капитан Валме и герцог Алва, и мы не расставались всю ночь...

– Как же? – прошептала Франческа. – Как же так?... Я же видела, видела...

– Что именно ты видела? – неожиданно резко сказал Луиджи...

– Мы... Мы уже легли... Раздался какой-то стук... Стучали в окно... Муцио встал, зажег свечу, вышел... Потом вернулся, сказал, что ты вызываешь его по важному делу, но он скоро вернется... Я выглянула в окно. Ты был в седле. То есть я думала... Я не сомневалась, что это был ты. Муцио спустился с крыльца, ты... Всадник протянул ему руку, он сел сзади, и все...

– Франческа, – все так же резко сказал Джильди, – мне очень жаль, но это был не я.

– Но я... Я же видела, – бормотала Франческа, – видела...

– Подожди! – Луиджи осторожно высвободил свои руки. – Присядь, я должен подумать.

Женщина кивнула, но осталась стоять, не отводя взгляда от лица капитана. Марселю в очередной раз захотелось исчезнуть, но он нашел в себе силы подвинуть кресло и поклониться.

– Сударыня, мне кажется, вам лучше сесть.

Она, не говоря ни слова, села, потом, все так же молча, приняла из рук Марселя бокал с вином.

– Выпейте, сударыня.

Франческа Скварца торопливо выпила, закашлялась, прикрыла рот рукой. Валме высвободил из горячих пальцев хрустальную ножку и сунул женщине платок, потом вспомнил, что тот далек от идеала, но жена Муцио вряд ли это заметила. Что делать с ней дальше, виконт не представлял.

– Сударыня, чему обязан столь ранним визитом? – Рокэ Алва в маршальском мундире

стоял на пороге, и Марсель облегченно перевел дух.

2

Рокэ лгал, кляча-оборотень и ее всадница не были сном. Луиджи Джильди не мог оторвать взгляда от маршала, слушавшего рассказ Франчески. Талигоец казался любезным, не более того. Женщина закончила и теперь с надеждой смотрела на чужака. Рокэ прикрыл глаза руками и провел по бровям к вискам.

– Сударыня, – талигоец говорил буднично, словно жена Муцио не рассказала ничего особенного, – вы из вашего окна действительно видели капитана Джильди или поверили мужу на слово?

Франческа помедлила, а когда заговорила, ее голос уже не звучал, как готовая оборваться струна:

– Право, сударь, теперь я... Я уже не так уверена. Было темно, я видела силуэт...

– Всадник был такого же роста и сложения, как капитан, – уточнил Алва, – но лица вы не разглядели?

– Не разглядела, – эхом повторила Франческа Скварца.

– В таком случае не логично ли предположить, что адмирала и впрямь вызвали по важному и срочному делу, а он, не желая вас волновать, сказал, что за ним заехал друг?

– Может быть, – в голосе женщины слышалась растерянность, смешанная с облегчением, – да... Муцио не любит меня пугать.

– И он совершенно прав. С прекрасными женщинами следует говорить не о вражеских шпионах, а о розах и любви, – талигоец галантно поцеловал белую руку и пристально вгляделся в лицо собеседницы. Слишком пристально. Франческа вспыхнула и опустила глаза.

– Сударь, прошу вас...

– Разумеется, сударыня, мы сделаем все, чтобы вернуть вам вашего супруга, – церемонно произнес Рокэ, не выпуская руки Франчески, – но сейчас вам следует отправиться домой. Если Муцио вернулся, пошлите нам весточку.

– Да, да, – прошептала Франческа, торопливо отнимая руку, – конечно... Я пришлю...

– Вот и чудесно. Виконт Валме вас проводит и, если адмирал Скварца еще не вернулся, побудет с вами.

Марсель подкрутил усы и поклонился:

– Счастлив служить.

– Благодарю, – пролепетала, не поднимая глаз, Франческа.

– Что вы, сударыня, это мы благодарны случаю, приведшему вас в этот дом, – заверил Рокэ Алва, и госпожа Скварца торопливо покинула приемную, опираясь на руку Валме.

Маршал молча опустился в кресло. Вслед уходящим он даже не взглянул, а ведь минуту назад Луиджи был готов поклясться, что талигойца прелести жены волнуют куда больше исчезновения мужа. Рокэ принял услужливо налитый Герардом бокал, по своему обыкновению поставил на подлокотник и повернулся к Луиджи.

– Я бы поставил на Кимарозу.

Закатные твари, при чем здесь старший адмирал?! Ясно ведь: ночь, лошадь, всадник, показавшийся знакомым...

– Кимароза?

– Скварца – герой, умница, любимец флота – одним словом, готовый старший адмирал. – Рокэ внимательно изучал вино в бокале. – А Кимароза не хотел терять должность. Ну и деньги, разумеется.

– Тогда ему мешает отец.

– Нет, – Алва покачал головой. – Адмирал Фоккио Джильди хорош на море, но дуксам он поперек горла, а они – ему. Другое дело – Муцио, женатый на Франческе Гампана. Не

сомневаюсь, Муцио женился по любви и меньше всего думал, что входит в семейство гран-дукса, но некоторым свойственно видеть расчет даже там, где его нет.

Это походит на правду, вернее, походило бы, если б не обернувшаяся чудовищем Поликсена.

– Рокэ, – по спине капитана Джильди побежал холодок, – не лгите, я все понимаю...

– Понимаете? – синие глаза нехорошо блеснули. – Позвольте узнать, что именно?

– Ро... Монсеньор, вы можете убить меня, но не считайте меня ребенком. С Муцио случилось то же самое, что было бы со мной, если бы не вы. За ним пришли и его забрали...

– Воистину, – зевнул Рокэ, – ликеры после касеры – зло. Я не буду вас убивать, Луиджи, вы и так наказаны, но попробуйте поработать головой и сравнить ваш изысканный кошмар с тем, что случилось в особняке Скварца. Насколько я понял, вы, позабыв все на свете, помчались за возлюбленной, что, без сомнения, характеризует вас с лучшей стороны. А что сделал Муцио? Подумайте.

Капитан Джильди подумал. Муцио оставил Франческу и уехал с каким-то мужчиной, но прежде вернулся, чтобы одеться и сказать жене, с кем едет и когда вернется. А вот ему и в голову не пришло растолкать Валме, предупредить, что он уезжает, прихватить хотя бы шпагу и кошелек. И потом, Франческа видела обычную лошадь и какого-то мужчину, а не кошмарного ребенка.

– Простите, Рокэ. Похоже, вы правы, но насчет Кимарозы – это только догадки. У нас много врагов.

– Капрасу сейчас не до похищений, ему бы сдаться поудачнее, а его союзники в городе просто обязаны сидеть тихо. Если, разумеется, они не ценят Бордон превыше жизни и уже полученных денег.

– Разрубленный Змей, – невольно хмыкнул Луиджи, – превыше денег! Ну вы и сказали! Только за Паучий холм Саграцци и Андреатти получили по тысяче вел!

– Удивительно корыстные и лживые люди, – возмутился Алва. – О готовящемся нападении сообщил я, а деньги получили они.

– Рокэ! – бокал выскользнул из рук Луиджи, хорошо, что он был пуст и упал на ковер. – Не хотите же вы сказать...

– Хочу, – в синих глазах мелькнула лукавая искра. – Мне очень не понравился генерал Фраки. Некоторым господам вредно побеждать – из их побед, как правило – мелких, вырастают крупные неприятности. И, во имя Чужого и всех кошек его, как бы еще я заставил милейших дуксов вручить мне военную власть?

Разрубленный Змей! Разрубленный на мелкие кусочки Змей, этот талигонец сведет с ума самого Леворукого, но он побеждает. А Саграцци и Андреатти были предателями и предавали бы до сих пор, если б не выхода Алвы.

– Монсеньор, – Герард быстро поднял валяющийся бокал, – пришел капитан Дерра-Пьяве. И еще спрашивают капитана Джильди. По поручению теньента Баньезе.

3

В палаццо Скварца было прохладно, в белых мраморных чашах пестрели гвоздики, тихо журчал комнатный фонтан, ветер равнодушно колыхал расшитые травами и стрекозами занавеси. Франческа старалась быть радушной хозяйкой, а Марсель из кожи вон лез, изображая учтивого кавалера, но все это было враньем, откровенным и беспардонным. Им не было дела ни до театра, ни до гайифской моды. Разговор не клеился, хоть умри. Наконец отчаявшийся Марсель спросил про птице-рыбо-дуру – с какой это радости она стала хранилищем славного города Фельпа? Хозяйка через силу улыбнулась.

– Сударь, это такая путаная история.

– Тем лучше, – совершенно искренне заверил Валме.

– Я... Это было очень давно, – вполголоса начала Франческа, – Фельпа тогда не было...

И Веньянейры не было... Вы ведь ехали из Эр-При? Через Гальбрэ?

– Да, – поморщился Марсель, вспомнив выгоревшие холмы и мертвые озера.

– Сейчас это пустыня, а раньше был цветущий край... Там, где сейчас озера, стоял город Гальбрэ. Многолюдный, богатый и очень красивый. Его называли второй Гальтарой, но Гальбрэ хотелось стать первой. Знаете, Марсель, я только сейчас поняла... Это очень глупая легенда. На самом деле, наверное, все было иначе. Если вообще было.

– А вы расскажите глупую, – улыбнулся Марсель. – И потом, с чего вы взяли, что все было не так? Птице-рыбо– дева – дура, значит, и история у нее должна быть дурацкой.

Франческа Скварца широко раскрыла глаза, а потом вдруг улыбнулась. Уже хорошо, хоть какая-то польза от хвостатой девственницы.

– Хорошо, – кивнула женщина, – но я вас предупредила. Жители Гальбрэ кичились своим богатством, но этим и ограничивалось, пока в город не пришел адепт Леворукого и не принялся склонять Гальбрэ поклониться Злу. За это Зеленоглазый обещал повергнуть Гальтару и вознести Гальбрэ, сделав вечной столицей Золотых земель. Сначала горожане молчали, но потом некий юноша преклонил колени пред Леворуким, и адепт Зла венчал его Закатным венцом, – Франческа Скварца улыбнулась одними губами. – Страшно?

– Очень, – заверил Марсель. – А когда это было?

– Не помню, – покаянно вздохнула женщина, – но очень давно. До Эрнани Святого... Этот юноша и впрямь обрел великую силу, и к самозваному императору потянулись те, кому не хватало того, что у них уже было. Через год самозванец и его сторонники изгнали из Гальбрэ наместника императора и возвели на трон своего вожака.

– А как его звали? – поинтересовался Марсель, слушавший с неподдельным интересом. Он всегда любил сказки, а эту к тому же можно будет пересказывать в Оллarii.

– Его имя предали забвению, как и имена его сподвижников. Захватив власть, они начали строить храм Леворукого, в котором собирались совершать жертвоприношения.

– Девственниц или младенцев? – деловито осведомился Марсель, заработав еще одну улыбку и мысленно поблагодарив Рокэ Алву с его шуточками.

– Не знаю... Наверное, и тех и других. Гальбрэ готовился к войне с Гальтарой, и тут одному из известных своей честностью купцов во сне явилась птице-рыбо-дева и открыла, что присягнувший Злу город будет сметен с лица земли. Земля дрогнет, море ринется на сушу, придет гроза без дождя и испепелит всех грешных, а небывалые ветры развеют их прах, и нигде не будет укрытия, лишь на Фельпском холме. Купец проснулся, но умолчал о своем сне, а ночью к нему вновь пришла птице-рыба-дева и повторила сказанное. На этот раз муж поделился с женой, но она велела ему забыть то, что увидел.

Сон повторился и на третью ночь. На этот раз купец поведал обо всем своему брату, и брат сказал, что это только сон, в котором нет смысла. Когда же видение посетило купца в четвертый раз, он пошел к святому отшельнику Андию, жившему у городской стены.

– Тому самому, – не удержался Марсель, – из-за которого, ну... пляшут на площади?

– Наверное, – пробормотала Франческа, – я... Я об этом не думала.

– Странные были в Гальбрэ отшельники.

– Я же говорила, что легенда глупая, – нахмурилась Франческа.

– Простите... Умоляю, сударыня, продолжайте...

– Андий поверил купцу, пошел на базарную площадь и начал призывать горожан отречься от Зла, покинуть оскверненный город и идти к Фельпскому холму. Это дошло до самозванца, но он лишь рассмеялся и приказал выпускать всех, кто хочет уйти. «Мне не нужны верящие снам трусы», – сказал нечестивец. Городские ворота открыли, но те, кто решил уйти, могли взять с собой ровно столько, сколько были в силах нести.

– Грабеж, – с чувством произнес Валме, надеясь вызвать на губах собеседницы еще одну улыбку. И вызвал.

– Гальбрэ покинули четыре тысячи четыреста сорок четыре человека. Они шли четыре дня и к исходу последнего поднялись на Фельпский холм и разбили там лагерь. Было полнолуние, но луна не взошла, а закат не погас. Море отступило от берега, дно обнажилось,

утихли все ветры, смолкли все твари, а ровно в полночь вздрогнула земля и в берег ударили гигантские волны. Так погиб возгордившийся Гальбрэ, а уцелевшие возвели на Фельпском холме новый город, чьим гербом стала птице-рыбо-дева.

Франческа Скварца замолкла. В наступившей тишине отчетливо слышалось журчанье воды, пряно пахло вянущими цветами, в окно весело светило солнце. Все было чудесно, но от Муцио не было ни слуху ни духу.

4

Увитая все еще цветущими картинками вилла Данунциато казалась мирной и сонной, несмотря на близящийся полдень. Рокэ стукнул в дверь привратничкой, внутри зашуршало, и наружу высунулась усатая голова. Стражник взгляделся в приезжих, и на его физиономии отразилось неопишное облегчение.

– Что случилось? – перегнулся с седла Алва.

– Монсеньор, – в славном городе Фельпе аристократии не было, но как-то так случилось, что талигойского маршала дружно величали «монсеньором», – кабы мы знали... У нас все тихо, а вот в доме Леворукий знает что творится.

– Леворукий, безусловно, знает, – согласился Алва, прыгая наземь и бросая поводья своему адъютанту, – но нам тоже хочется.

Усач поглядел на талигойца со смесью укоризны и восхищения.

– Вы б, того, монсеньор, судьбу бы не гневил... А творится у нас то, что приходящих слуг вовнутрь не пускают. Ни кухарку, ни ее помощниц... Давеча столяра требовали, у главной «дельфинихи», того, кресло сломалось. И то сказать, такую корму не всякое дерево сдержит... Столяр пришел, а двери на замке. И ведь ходят внутри, все время ходят, а нет чтоб открыть...

– А вы что, – не выдержал Луиджи, – младенцы двух годочков по третьему? Сломали бы.

– Нельзя ломать, – пояснил усатый, – там, у нутрях, наш тенъент. Еще озлится... Мы до адмирала Джильди спослали... С утречка еще. Думали, не дождемся.

– Отца не было дома, – зачем-то объяснил задержку Луиджи, – пришлось посылать за мной в палаццо Сирен.

– Сколько дверей в доме? – перебил Алва, сбрасывая мундир и проверяя пистолеты. – Четыре или больше?

– Четыре, – неожиданно тонко пискнул стражник. – В Фельпе в любом приличном доме не меньше четырех дверей. Две для слуг, и две для господ – парадная и садовая.

– Войдем через сад. Трое – с лошадьми, шестеро – к другим дверям, остальные – за мной.

Скрипнула ореховая калитка, качнулись доцветающие мальвы и лукитеры, под ногами захрустел разноцветный гравий.

Терраса была пуста. Опрокинутые кресла, на столе корзинка с засахаренными фруктами и пустая чашка из-под шоколада... Странно, что нет мух. Дверь в дом заперта. Не закрыта, а именно заперта, зато доходящие до пола окна лишь притворены. Луиджи засмотрелся на задернутые занавеси, наступил на что-то мягкое и неживое и отскочил.

У его ног бараньей тушей лежала собака. Большая, кудлатая, мертвая. Оскаленная пасть, вывалившийся язык... Ужас!

– Закатные твари! Траванули! – выдохнул лупоглазый стражник.

– Все может быть, – Алва присел на корточки, разглядывая пса. – Знаете его?

– А то как же, здешний он...

Рокэ поднялся, зачем-то тронул сапогом свалывшуюся шерсть, оглянулся на стражников, топтавшихся за спиной, и резко рванул оконную створку. Та подалась с легкостью; Алва, не оглядываясь, шагнул внутрь, за ним бросился его порученец. Луиджи

промедлил, тело, обычно такое послушное, отказывались повиноваться.

– Пусто, – донесшийся изнутри голос был совершенно спокоен, – но беспорядок жутчайший.

Тело наконец соизволило вспомнить о своих обязанностях, и Луиджи оказался в гостиной, родной сестре той, в которой они позавчера пили. Странно, будь сейчас глубокая ночь, завывая за окнами ветер и свети полная луна, капитану Джильди было бы проще. Ночи для того и существуют, чтоб случалось нечто страшное и противоестественное, но днем?!

В получасе ходьбы от Данунциато клубился городской рынок, рыбаки торговались с кухарками, канатные плясуны завлекали разряженных горожан, гадалки предсказывали судьбу, цирюльники стригли, брили, помадили. Люди суетились, веселились – одним словом, жили, а здесь валялись опрокинутые кресла и столики и поблескивало битое стекло.

Было тихо, мухи – и те молчали. Затем откуда-то из глубины дома раздались шуршанье и сдавленное то ли хихиканье, то ли наоборот. Рука Луиджи дернулась к эспере, но облегчения это не принесло. Капитан оглянулся – стражники хоть и вошли в дом, но жались к спасительному окну, спасибо, хоть не орали. Джильди сжал зубы и раздвинул бархатные занавеси. В уставленной статуями зале с нишами не было ни души. Рокэ, видимо, прошел в цокольный этаж. Луиджи воровато оглянулся на сулящее спасение окно. Разумеется, он спустится вниз, но сначала обойдет залу.

По сравнению с разгромленной столовой она казалась совершенно целой. В застекленный фонарь лился солнечный свет, мраморные юноши и девы закатывали пустые белые глаза, высоко вздымая кто гроздь винограда, кто светильник, кто тамбурин. В столбах света танцевали пылинки, ковры были целыми, кресла и скамьи стояли ровно. Луиджи медленно двинулся от статуи к статуе, чувство тревоги не то чтобы совсем исчезло, но стало почти привычным. Капитан миновал полукруглую нишу, в которой гнезился обитый атласом диван, обогнул пастуха и пастушку, и тут в углу что-то шевельнулось. Человек... Женщина!

Она сидела на корточках и таращилась маленькими злыми глазками. Желтое бархатное платье было измято, из-под порванной головной сетки выбивались спутанные волосы, и все равно Луиджи ее узнал. Узнал, хотя и не помнил имени. Это была помощница Зои, рассказавшая про Поликсену. Хоть какой-то свидетель! Капитан выдавил из себя улыбку и шагнул к бывшей «пантере». Та попятилась. Закатные твари, чего она боится?

– Сударыня... – Разрубленный Змей, как же зовут эту гримзу? – Сударыня, успокойтесь, худшее позади...

«Пантера» снова отступила. Теперь она прижималась к стене, между ней и Луиджи был залитый какой-то дрянью пуф на золоченых свинячьих ножках.

– Сударыня... – Бордонка открыла и закрыла рот, показав белые молодые зубы. Луиджи вздохнул и взялся за пуф. – Сударыня, вам не надо меня опасаться. Прошу вас...

Договорить капитан не успел. Женщина с исступленным визгом подскочила и бросилась на Луиджи. Капитан к нападению был совершенно не готов, а сухое жилистое тело ударило не хуже пушечного ядра. Джильди отлетел назад, свалился лицом вниз и почувствовал, как что-то впивается ему в шею. Попытался перевернуться – неудачно. Воздуха не хватало, перед глазами плясали круги, его рвали чьи-то когти, затем раздался грохот, навалившаяся сверху тварь вздрогнула, а на шею Луиджи хлынуло что-то горячее. Капитан дернулся, пытаясь сбросить придавившее его тело. Ему помогли, Луиджи с трудом сел, поднял голову и увидел сначала валяющийся на полу пистолет, который еще дымился, потом талигойца.

Герцог присел на корточки и резко нагнул Луиджи голову; капитан вскрикнул, скорее от неожиданности, чем от боли.

– Ничего страшного. Вам необходимо вымыться, переодеться и прижечь укусы, – объявил Алва, – для начала касерой. Прошу меня простить, я был вынужден пожертвовать вашим камзолом.

Луиджи тупо кивнул, тронул себя за шею, поднес пальцы к глазам. Руки дрожали, на

них была кровь и еще что-то жирное и отвратительное. Мозги! Мозги набросившейся на него сумасшедшей. Но где остальные «пантеры»? Джильди попробовал вскочить, от резкого движения голова пошла кругом, он упал бы, не подхвати его порученец Ворона, как бишь его?

– Спасибо...

– Не стоит, – отчеканил парень, хотя лицо у бедняги было блее свинцовых белил.

– Герард, приведите капитана в порядок и ждите в саду, а сюда пригоните парочку стражников.

Луиджи хотел возразить, но голова вновь закружилась, он вцепился в плечо Герарда, и дальнейшее утонуло в каком-то тумане. Джильди не помнил, ни как они выбрались из дома, ни кто помог стащить испакощенный камзол. Кто-то лил воду, кто-то держал полотенце, кто-то прикладывал смоченные касерой тряпицы к шее и рукам. Затем Луиджи дали хлебнуть обжигающего пойла, и проклятая дрожь немного отступила. Капитан Джильди привык и к бурям, и к абордажам, но свихнувшаяся «пантера»...

Герард чуть ли не волоком дотащил его до подстриженной лужайки, окаймленной цветочным бордюром. Капитан Джильди сначала сел, потом лег, но лежать и смотреть в пустое небо было страшно, и он вновь сел. Герард примостился рядом. Парень молчал, глядя в сторону проклятой виллы. Мух по-прежнему не было, как и воробьев с голубями. За забором раздались звон, топот, грубый говор, вскоре стихшие, – прибывшие вошли в дом, затем послышались шаги, и Рокэ Алва бросился на траву рядом с Герардом.

– Кончено, – сообщил он, поймав взгляд Луиджи. – Зоя пропала, остальные рехнулись и забились в погреб. Насколько я понял, пленницы передумали на предмет своего пантерства и теперь считают себя крысами. Заодно со слугами и тенъентом. Сейчас их выловят и отправят в приют умалишенных. Как вы?

– Жив, – руки Луиджи непроизвольно метнулись к шее, – я обязан вам жизнью. Опять...

– Сочтемся, – махнул рукой талигоец, срывая несколько бархатцев. Джильди, трусливо повернувшись спиной к заколачиваемой вилле, пересел поближе к мавшему резные листочки маршалу. Капитан любил запах бархатцев – горький, полынный, щемящий. Будь у неизбежности запах, она пахла бы именно так.

– Эта женщина... Она была помощницей Зои Гастаки.

– Может, и была, – глаза Рокэ не отрывались от рыжих лепестков, – но на вас напала крыса. Загнанная в угол крыса. Ваше счастье, что человеческие зубы не ахти какое оружие, а как пользоваться руками, она забыла.

– Крыса, – повторил Луиджи, – почему?..

Алва промолчал. Сзади быстро стучали молотки, обычных смешков и разговоров не было – мастерам не терпелось покончить с работой и уйти.

– Монсеньор... Монсеньор, я уже их видел.

Луиджи вздрогнул и уставился на заговорившего Герарда, словно на какое-то чудо.

– Кого «их»? – переспросил Рокэ, не поднимая головы.

– Которые думают, что они крысы...

– И где? – в голосе маршала вновь звучала всегдашняя ирония, но Луиджи не очень-то верил в спокойствие талигойца.

– В Кошоне, – очень тихо произнес адъютант. – Это были слуги... Наши слуги... Мы вернулись из Оллари, ворота закрыты, стучали, никто не подходил... Пришлось лезть через забор. Отец исчез, слуги сошли с ума.

– Все как здесь? – Алва говорил так, словно спятившие и исчезнувшие люди были для него делом обычным.

– Нет, – покачал головой Герард. – У отца спальня выстыла, как после зимы... Ну, как если бы в доме никто не жил. И в конюшне один денник выгнил совсем... И второй раз тоже...

– Значит, был и второй раз? – Рокэ оторвался от бархатцев. – Такие занимательные

истории, Герард, нельзя держать при себе.

– Простите, монсеньор. Я не думал, что это может быть важно.

– Важным может быть все. Как и не важным. Так что случилось во второй раз?

– Отец вернулся. Мертвый. И увел Циллу... Это моя младшая сестра... То есть была сестра... Она ушла через окно, а спальня сгнила. Тогда мы и уехали в Олларию, к бабушке... Но и там тоже...

– Он пришел снова?

– Да, – Герард стал еще бледнее, – в Октавианскую ночь... Я с братом... Мама велела нам уходить по крышам, а он там стоял... Хотел нас забрать. Говорил, иначе нас сожгут...

– А вы, значит, не ушли?

– Нет... Мы его прогнали. Нас Дениза научила, наша с Селиной кормилица. – Юноша осекся, глядя на своего монсеньора, тот молчал. Герард немного поколебался и добавил: – Дениза говорит, выходцы не заходят, пока их не позовут. И еще они старого заговора боятся.

– Четверного? – переспросил Рокэ. – «Пусть Четыре Ветра разгонят тучи, сколько б их ни было...»

– Да, – кивнул Герард.

– Больше капитан Арамона вас не трогал?

Парень покачал головой:

– Простите, монсеньор...

– Никогда не проси прощения, если не виноват, это неразумно, – светским тоном заметил герцог, но его мысли явно были где-то далеко.

– Я постараюсь, монсеньор.

– Надеюсь. Покаяния – удел ничтожеств. А теперь отправляйся к Скварца. Пусть Валме проводит госпожу в дом ее родителей и возвращается в палатцу Сирен. И не забудь объяснить, что делать, когда приходят выходцы.

– Слушаюсь, монсеньор.

Герард убежал, Алва по своему обыкновению провел руками по глазам. Подошел стражник и бестолково затоптался на месте, явно не решаясь тревожить столь блистательных особ.

– Готово? – ровным голосом осведомился Рокэ.

– Так точно.

– Что ты об этом думаешь?

Стражник выпучил глаза – пытался понять, шутит чужак или и впрямь спрашивает.

– Я, кажется, задал вопрос.

– Сглазили, – выпалил вояка, – как есть сглазили...

– Логично, – кивнул маршал, бросая бедняге золотой. – Ладно, иди. Такое дело надо записать. Только не благодари, ненавижу...

Стражник пулей бросился назад.

Рокэ Алва замолчал, прикрыв глаза и подставив лицо заходящему солнцу. Если б не талигонец, капитана Джильди теперь бы тоже искали и не могли найти. Алва знает больше, чем говорит, много больше.

– Монсеньор, – Луиджи почувствовал, что голос его дрогнул, – что это было? Что с Муцио, с этой коровой? Где они?

– Насчет Муцио я своего мнения не изменил, – талигонец пожал плечами и вновь занялся цветком. – Где Зоя Гастаки – не знаю.

– Знаете!

– Нет, – отрезал Алва.

– Разрубленный Змей!

– И он тоже, – Алва отбросил измятые бархатцы, блеснули синие молнии. И почему только Леворукого рисуют зеленоглазым?! – Я не демон и не святой, капитан Джильди! От того, что я расколотил «дельфинов» и прочел с полсотни старых летописей, я не престал быть человеком, а человек не в состоянии знать все. То, что очевидно мне, должно быть

очевидно и вам, а мне очевидно, что есть вещи, которые мы уразуметь не в состоянии. Похоже, мы угодили в сказку, причем препаршивую. Вам с вашими кошмарами, Луиджи, я бы посоветовал ночевать на галере. Живая вода – хорошая защита. Лучше только огонь, по крайней мере так считалось в древности. Будем надеяться, это правда.

Только надеяться?! А если оборотней не остановят ни огонь, ни вода? Уж лучше камень на шею и в воду, чем вообразить себя крысой или позволить себя утащить.

– А если это не так? – Закатные твари, что за чушь он несет, сколько ему лет, двадцать восемь или пять?! – Если это не те... не то, что приходило к Герарду?

– Поживем – увидим. – Лицо герцога ничего не выражало. – Но я склонен верить нашим предкам. Они боялись закатных тварей, но при этом умели от них защищаться. Мы потеряли страх, а с ним вместе и оружие. Что ж, придется ковать его заново. Как – не знаю! Нужно ловить по деревьям сумасшедших старух, копаться в старых сказках.

– Но вы ведь копались...

– Чего от скуки не сделаешь, – Алва коротко засмеялся и поднялся. – Но я охотился на крупную дичь, оборотни на лошадях меня не занимали. Видимо, зря, потому что Зверь, в отличие от мелкой погани, сидит тихо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ «КОЛЕСНИЦА» 55

При некоторых обстоятельствах, точно так же как при некоторых болезнях, помощь со стороны может иной раз только повредить.

Требуется большая проницательность, чтобы распознать те случаи, когда она опасна.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 САКАЦИ

«Le Chevalier des Épées & Le Deux des Deniers & Le Sept des Épées» 56

1

Еще не старый витязь в молодецки расстегнутом полушубке попирал ногой убитого медведя. Сзади толпились свитские, крутились собаки, белел заснеженный лес. Было трудно поверить, что больше звериной травли, доброго вина и смазливых поселянок лихого охотника занимали другие игры. Игры, в которых алатский господарь Балинт обставил и императора Гайифы, и короля ныне исчезнувшей Уэрты. Эти игры назывались политикой, и Робер Эпинэ их ненавидел еще больше войны, хотя больше всего ненавидел и презирал себя самого. Тридцать лет – и полная пустота! Ничего и никого, кроме нелепой любви и дела, в которое не веришь. Альдо Ракану не бывать королем Талига, и слава Создателю. Им не

55 Высший аркан Таро «Колесница» символизирует поиск и нахождение своего места в жизни, это самопознание, сила воли. Может предвещать путешествие, праведную жизнь, ответственность. Из испытаний вы выйдете победителем благодаря своей силе воли. П.К. – стремление к какой-либо цели неудачное, разрушение планов из-за неправильно понятой ситуации.

56 Рыцарь Мечей, Двойка Динариев, Семерка Мечей.

придется ни становиться клятвопреступниками, ни расплачиваться по счетам.

Робер в который раз принялся разглядывать бурую тушу, лежащую на подтаявшем снегу. Первый из великих герцогов Алатских выходил против зверя с одним кинжалом. Он знал, куда и когда бить. Точно так же алат ударил своего короля и не промахнулся. Талигойская армия и отряды Балинта с ходу захватили Крион, и Павлу Уэртскому ничего не оставалось, как признать суверенитет бывшего вассала. По большому счету, разрыв был неизбежен – степенные, свято чтящие эсператистские каноны агары и вспыльчивые, суеверные алаты рознились, как собаки и кошки, и относились друг к другу соответствующе.

Восстание Балинта было не первым, но господарь удачно выбрал время и союзников и вместо плахи обрел корону. Иноходец поймал взгляд черноусого богатыря, который зная не знал, что среди его потомков будут Великолепная Матильда и проныра Альберт. Надо полагать, за ссору с Талигом Балинт придушил бы означенного Альберта голыми руками. Покойный господарь был человеком крутым, а к Гайифе, Агари и Эсператору у него был свой счет, причем немалый. Неудивительно, что кэналлиец Алонсо Алва и уроженец Черной Алати Балинт Мекчеи спелись и с наслаждением принялись трясти империю и ее союзников. В Черной Алати до сих пор поют об их похождениях, путая древние предания с действительными событиями. Поют о Балинте Гордом, его синеглазом побратиме, презирают агаров и любят талигойцев.

В детстве Иноходец обожал разглядывать героев Двадцатилетней войны, благо маршал Рене покровительствовал художникам и осчастливил Эпинэ портретной галереей. Имелся там и герцог Балинт на фоне развевающихся знамен и в какой-то немыслимой куртке со шнурами, а вот Алонсо не было. Самого знаменитого полководца Талига Робер увидел уже в Лаик. Так же как Арно Савиньяка, Михаэля Ноймара-Ноймаринена и Винченце Рафиано. Позже Мишель объяснил удивленному брату, что дед распорядился вынести на чердак тех, чьи потомки запятнали фамильную честь. Закатные твари, как глупо! Можно подумать, победив портреты, зачеркнешь прошлое. Дед – умный человек, но самые большие глупости делают люди умные, и как же эти глупости портят жизнь другим. Иноходец с трудом подавил неуместное раздражение – последние несколько дней он просто сходил с ума от мыслей о доме. Так и тянуло оседлать Дракко и, не разбирая дороги, поскакать на северо-запад. Маркиз Эр-При понимал, что это невозможно, понимал он и то, что связал свою судьбу с Альдо Раканом, но непонятное безумие затягивало. Наверное, так чувствует себя журавль с подрезанными крыльями, когда над ним проплывает стонущий осенний клин. И всему виной бредовый, ни на что не похожий сон!

Робер изо всех сил старался не вспоминать тонущих в пунцовых гвоздиках мертвецов, странного человека у коновязи и особенно Мэллит. Мэллит в прозрачной белой рубашке, Мэллит, льнущую к нему, шепчущую слова, которые она никогда не скажет на самом деле. Мы не властны в наших снах, а сны могут превратить нашу жизнь в пытку. Жить в одном доме, встречаться по десять раз на дню, зная, что ничего не было, и в мельчайших подробностях помнить это самое «ничего»...

– Решил изобразить статую? – Альдо в желтых охотничьих сапожках подошел очень тихо. – Можно подумать, их тут без тебя не хватает.

– Задумался, – Робер от души потрянул сюзерену руку.

– О чем?

– Вот о нем, – соврал Эпинэ, кивнув головой на картину. – У нас в замке его портрет тоже был. Альдо, ты помнишь, как Балинт получил Алат?

– Откуда? – помотал головой принц. – Я талигоец, а не алат!

– Но ты хотя бы помнишь, что Алат был союзником Талига?

– Альберт решил, что Гайифа сильнее.

Ай да сюзерен. Вроде не думает ни о чем, а все понимает. Перед Карлом Третьим все по струночке ходили, а его сынок чуть все прахом не пустил, и пустил бы, если б не умер. Интересно, венценосный подкаблучник сам скончался или помогли? Дед в смерть от удара не верил...

– Альдо, как думаешь, почему умер Франциск Второй?

– Потому что Олларам отпущен один круг!

– Ты серьезно?

– Разумеется, – изрек сюзерен. – Через год их на троне не будет. Ты станешь маршалом, а дело маршала – воевать, а не копать в книгах, так что лучше я тебе все скажу. Дед был пустым местом, но два великих дела за ним числятся. Он женился на Матильде и заставил меня заучить поучения Бланш.

– Что еще за поучения?

– Раньше думал, чушь собачья, – Альдо зевнул, подхватил своего маршала под руку и повел по галерее, – но за чушью гоганы с «истинниками» бегать не станут. Наша победа в Гальтаре и только в Гальтаре.

Спорить бесполезно, но молчание – знак согласия, а лезть в развалины в поисках неизвестно чего было даже не глупостью, а безумием. Робер с тоской поглядел на размалеванный охотничьими атрибутами потолок.

– Альдо, недавние сражения дают куда больше, чем несуществующие талисманы. Если б Эгмонт и мой дед соизволили хоть немного подумать, все было бы иначе.

– В каком смысле? – подозрительно осведомился сюзерен. А действительно, в каком? Сохрани Эпинэ верность Олларам, Альдо Ракана это вряд ли бы порадовало.

– В том, что надо думать не только как сесть на трон, но и что делать дальше, – выкрутился Робер.

– Сначала надо на него сесть, – твердо сказал принц, – а дорога в Олларию идет через Гальтару.

– Франциск Оллар прекрасно обошелся без магии, – жестко сказал Робер. – Альдо, может быть, посмотрим правде в глаза? Мы не справимся с Вороном, даже если обвешаемся старьем с ног до головы.

– Ты слишком часто вспоминаешь кэналлийца, – на лице сюзерена промелькнула досада. – Пойми наконец, что непобедимых нет и быть не может. Когда я получу то, что принадлежит мне по праву, нам не будет страшен никакой Алва.

– Не уверен.

Надо что-то делать, иначе Альдо и впрямь полезет в эти дрянные катакомбы.

– Ворон как никто умеет превращать то, что его враги считают преимуществом, в дыры. Так было в Торке, в Ренквах, в Сагранне.

– Ты и вправду – Иноходец, – раздраженно бросил Альдо. – Иноходец, который когда-то упал и теперь боится прыгать. Ты боишься Ворона, потому что дважды видел, как он колотит твоих вождей, но ни Окделл, ни Адгемар не были Раканами.

Не были. Они были опытней и умней, особенно Адгемар. И все равно проиграли. Адгемар знал больше, чем говорил, и в его словах было слишком много лжи, но казар лгал не всегда. *«Некоторых зверей убивают не из-за шкур и даже не из-за клыков, а из-за маленькой, незаметной железы, которая стоит дороже десятка шкур... Кто-то избрал предков Раканов и одарил их чем-то, превратившим смертных в полубогов. Сейчас этот подарок исчез, и не нужно его искать».* Кагет дал правильный совет, теперь Робер в этом не сомневался. Альдо нечего делать в Гальтаре, но как его удержать?

– Ты прав, Альдо. Я действительно не могу забыть то, что видел. Можешь считать меня трусом, но...

– Слушай, Робер, хватит скулить! Что сможет твой Алва, когда против него встанет сама Кэртиана?!

Продолжать смысла не было, Альдо оседлал любимого конька, теперь не остановишь. Сюзерен верит в свою избранность и счастливую звезду, ему не мотали жилы «истинники», и он не имел дело с Вороном Рокэ. Закатные твари, он вообще ни разу не воевал! Эпинэ дождался, когда Альдо закончит строить планы по отъему у Эсперадора жезла Раканов, и делано засмеялся:

– У меня от всего этого голова кругом идет. Давай лучше пофехтуем, холодно...

Матильда подмахнула последнее письмо и с чувством выполненного долга отложила перо, но управляющий не уходил. Шея у бедняги побагровела, глаза лезли из орбит, того и гляди удар хватит! Бедняга! В Агарисе Матильда бы постаралась узнать, в чем дело, но в Сакаци слуги, если им что-то требовалось, просили сами. Матильде это нравилось.

– Сударыня, – пропыхтел Имре Бибок, – дозволейте спросить...

– Говори, Имре, – кивнула Матильда, но управляющий замолк.

Принцесса вздохнула, отщипнула кусок еще горячей лепешки и бросила возникшему из ниоткуда Клементу. Это был верный признак того, что хозяин встал и занялся всякими глупостями вроде махания несъедобными железяками или, того хуже, полез на башню, где нет и не может быть ничего заслуживающего внимания приличного крыса. Бибок все еще страдал, и вдовица решила прийти на помощь:

– Опять Балаж?

– Нет, – для верности управляющий затряс головой, как конь. – Балаж, он, конечно, еще тот кобелина, но как с Вицей спознался, так и притих. Снег пойдет, свадьбу играть будем.

Вот, значит, что... Окрутить первого юбочника в округе! И не только в округе. Что ж, два сапога пара! Матильда видела пару раз девушку ночью на дворе с Альдо, а утром внук спал на ходу. По обычаю, за кровавую рубашку платит гици! Принцесса улыбнулась.

– Приданое Вице я дам. Как положено...

– Премного благодарствуем, – в голосе Имре сквозило удовлетворение, но не подобострастие. – Вица – славная кобылка, а Балаж – всадник хоть куда, далеко поскачет. Только я не за тем вашу милость от дел отрываю. Золотая Ночь скоро, вы позволите все, как в старину, обделать или нет?

Золотая Ночь... В Агарисе за такое сжечь не сожгли бы, а душу б вымотали. И Анэсти первый. За демонопочитание. Твою кавалерию, как хорошо, что она убралась из этого вертепа! «Не позволите?» Да она первая через костер прыгнет, назло всей протухшей сволочи!

– Тюрэгвизэ ⁵⁷ купить надо, – заявила Матильда. – Потом шутих еще... Бери что хочешь, но пусть так горит, чтоб Леворукий от зависти лопнул!

– То бишь дозволяете? – уточнил дотошный Бибок.

– Твою кавалерию! – Матильда хлопнула по столу ладонью, Клемент вздрогнул и то ли пискнул, то ли закашлялся. – Спрашивает еще! А ну руки в ноги и готовиться. Времени всего ничего, а у нас конь не валялся!

– Успеем! – завопил Имре и пулей вылетел из комнаты. Матильда слышала топот и удаляющиеся вопли: – Жужа, Жужа, где тебя носит? Ты тут мне голову морочишь, а у нас Золотая Ночка будет! Как при старом Ференце!.. Лучше!.. Барышня велели...

Барышня! Сколько лет прошло, а для Имре, Жужи, Яноша она все еще барышня. Одна из троицы, гонявшей кабанов в окрестных лесах. Была барышня да сплыла. Осталась бабушка. Матильда рывком пододвинула кувшин с вином и нахмурилась.

Золотая Ночь! И как только она забыла?! Этот паршивый Анэсти из нее всю кровь высосал, одна водица осталась. С касерой напополам. Тетка Шара, та горские праздники не жаловала. Еще бы, она ж с равнин, но вдовица не мешала обитателям Сакаци справлять Великие Ночи, из которых Матильда больше всего любила Золотую. Четвертый излом года, приход осени, последняя гроза, начало охоты, поцелуи у костра и не только поцелуи...

Давно было, но принцесса не забыла, как на башнях и по углам главного двора зажигали костры, в которые швыряли начиненные порохом кружки, скрипачи и дудари

⁵⁷ Очень крепкая (порядка 55 градусов) перцовая настойка. Иногда в нее добавляется мед.

сходили с ума, на углях поспевало мясо, рядом кипела подлива, и стояли бочки из замковых кладовых... В Золотую Ночь шестнадцатилетняя Тильда поцеловала семнадцатилетнего Ференца Лагаши. Первая поцеловала! Оба были немного пьяны... Эх, будь Ферек посмелей... Сопляк! Жеребенок недоделанный! Чтоб ему было затащить подружку на сеновал! И не было б ни Агариса, ни Анэсти с его приятелями. Впрочем, Адриана и шада – тоже, а вместо Эрнани у нее были бы другие дети... И, наверное, не один! Да чего гадать – как прожила, так прожила! Чем копаться в прошлом, лучше петь и плясать! Ну и пить, разумеется.

Жаль, приятели Альдо к празднику не успеют, ну да талигойцы о Золотой Ночке без понятия. Зато от хорошей охоты ни один мужчина не откажется. Если он, вестимо, не унылое чучело навроде покойного муженька. «Дорогая, я не нахожу удовольствия в убийстве животных...» Тьфу! То ли дело Дуглас Темплтон, Анатолий Саво, Рихард Борн, Удо Борн... Хорошо, что они приезжают. И ни одного хогберда!

Матильда тронула пальцем длинный розовый хвост, Клемент с укоризной оглянулся.

– Гулять будем, ваше крысейшество, – сообщила вдовица.

Крыс не ответил – он был занят. Надо бы его запирать получше. В Сакаци полно кошек, Клемент с его наивностью может плохо кончить. Кошек много, а вот собак мало. Одной своры для хорошей охоты не хватит.

Матильда Алати снова дернула за хвост мирно жующего Клемента, дескать, сколько можно жрать, и спросила:

– Где гончаков возьмем? Поскребем по соседям? Или братца тряханем?

Альберт – скопидом, каких поискать, но если что фамильное у него и уцелело, то это вкус к осеннему лову. Хотя вряд ли герцог Алати собрался в Сакаци только для того, чтобы пожрать мяса да повидать блудную сестрицу. Наверняка продал или Альдо, или Робера, а то и обоих. Как пить дать приволочет невест! Твою кавалерию, превратить парней в племенных жеребцов! Хотя быть племенным жеребцом лучше, чем водовозным мерином... Ладно, Леворукий с ним, с братцем! Золотую Ночку отгуляем, разберемся и с собаками, и с невестами.

3

– Перерыв?

– Идет! – Робер отложил шпагу и вытер вспотевший лоб. Как всегда во время тренировок с сюзереном, злость мешалась с отчаяньем. Принц был безнадежен, и отнюдь не из-за неудачного учителя. Главным врагом Альдо был сам Альдо, вернее, его непрошибаемая уверенность в себе и убежденность, что все будет именно так, как того желает его высочество. И так во всем.

Альдо просто не слышит того, чего не хочет слышать. Он самый умный, самый хитрый, самый знающий, он сядет на талигойский трон при помощи древней магии, обведет вокруг пальцев гоганов и «истинников», отберет у Эсперадора жезл и разобьет Ворона Рокэ, а пока будущий король продувает бой за боем своему маршалу, всякий раз спотыкаясь об одну и ту же веревку. Отец любил повторять, что если хочешь кого-то понять – позови его в фехтовальный зал. Иноходец Эпинэ не раз наблюдал, как клинок в руке преобразует человека: громогласный нахал превращается в нечто суетливое и жалкое, а женоподобный щеголь становится смертельно опасным, но Альдо Ракан фехтовал так же, как жил, уповая на силу и удачу. Самоуверенно, лихо и... глупо! Правда, поражения сюзерен принимал на удивление добродушно, пребывая в полной уверенности, что настоящего врага прикончит на месте. Иноходец на сей счет придерживался противоположного мнения, но Альдо был непробиваем.

Из боковой галереи вынырнул Дик. Еще одна беда. Юный Окделл и думать забыл о своих несчастьях и рвался в Гальтару. Сын Эгмонта накрепко уверовал в Альдо Ракана, и

ничего хорошего в этом не было. Ничего удивительного, впрочем, тоже. Дикон вконец запутался в придворных интригах, остался у разбитого корыта, а тут все просто и понятно. Залез в развалины, нашел амулет, сел на трон, и сразу стало все хорошо и справедливо, как в сказке. Только вот жизнь не сказка. В жизни выросшему в изгнании принцу корона не светит, по крайней мере корона, добытая собственными руками.

– Доброе утро! – сын Эгмонта Окделла с обожанием уставился на Альдо.

– Много спите, герцог, – хихикнул сюзерен.

– Я уже давно встал.

Как все же парень похож на отца. Тот тоже вечно оправдывался и совершенно не понимал шуток. Бедный Эгмонт, он всю жизнь плыл по течению, пока не утонул. Дику повезло выбраться на берег, так ведь нет! Дурень снова наладился прыгать вниз головой да в мутную реку. Еще бы, ведь с ним Ракан! Робер со злостью глянул на сюзерена, тот истолковал этот взгляд по-своему и лихо отсалютовал шпагой.

– Маршал, вперед!

Ну вперед так вперед, хотя зритель им вряд ли нужен! Впрочем... А почему бы и нет?! Дикон знает, что такое настоящий мастер клинка, пускай смотрит на Альдо Ракана и сравнивает со своим бывшим эром. Может быть, что-нибудь поймет. Сначала как о бойце, потом как о короле.

– Я готов, – Робер поднял клинок.

Как всегда, Альдо попер вперед не хуже дриксенского быка. Эпинэ с неожиданной яростью отбил бестолковый натиск, сделал ответный выпад. Есть! Убит! Альдо глупо хихикнул и вновь ринулся в бой. Школа у принца была та же, что и у Робера, и у большинства дворян Золотых земель. Старая добрая дриксенская школа, но даже в Лаик унар унару рознь.

Закатные твари, да что же это такое?! А про защиту можно вспомнить, ну хотя бы раз? И с чего ты взял, что я не знаю этот финт? Заиграешься же! Разрубленный Змей, опять!.. Так было, есть и, похоже, так и будет.

Отступил. Решил обмануть. Зачем?! Запутать соперника под силу только настоящему мастеру... Ты б еще в голос заорал, что собрался делать. Простая защита, шаг вперед-вбок, а не назад – и все. Левый бок открыт. Эх, твое высочество, ты и с гоганами так хитрить собрался?! Обманывал осел лисицу...

– Я тебя опять убил!

– Ерунда, – тряхнул головой Альдо. – Отступился... Продолжаем.

Продолжаем и лезем в Гальтару?! Во имя Астрапа, как же тебе вправить мозги? Чтоб и сам жив остался, и других за собой не утянул... Того же Дика.

Прямая атака, простая, как правда. И четвертый укол. Вы четырежды убиты за пять минут, ваше высочество. Четырежды! Робер отскочил в сторону, пропуская разогнавшегося сюзерена, и столкнулся с удивленным взглядом Дика. Может, хоть что-то понял?! А не понял, так поймет...

4

Альдо нападал. Робер оборонялся. Его высочество в деле Ричард видел впервые, а вот с Робером они разминались чуть ли не каждое утро. Иноходец был юноше не по зубам, Дикон понял это после первого же поединка. Ричард пытался сравнивать Эпинэ с Вороном, но это было непросто. В настоящем деле юноша видел эра только раз, в Нохе, но тогда все кончилось слишком быстро. А на занятиях монсеньор успел показать ученику едва ли десятую долю того, чем владел сам.

Юноше очень хотелось верить, что Робер не уступает Алве. Во всяком случае, Иноходец был куда лучшим бойцом, чем Альдо. Уж это Дик понял сразу. Его высочество допускал те же ошибки, что и сам Дикон, пока за него не взялся эр. Святой Алан, каким же

косоруким он был! А ведь когда-то ему казалось, что капитан Рут – гений клинка, а Баловник – прекрасный конь...

– Дикон, – крикнул Иноходец, – я что-то устал... Будь другом, подмени!

Подменить? Против его высочества? Вот так, сразу?!

Дикон отсалютовал клинком.

– Ваше высочество, я к вашим услугам.

– Мое высочество тоже, только вот шею оботрет, – Альдо было взялся за полотенце, но потом внимательно посмотрел на Робера.

– С тобой все в порядке? Ты не болен?

– Нет, – Дику показалось, что в глазах Эпинэ мелькнуло что-то непонятное. – Я здоров.

– Ну смотри... Мне нужен здоровый маршал!

Робер пристроился на резном сундуке, том самом, на котором только что сидел Дик. Маршал и принц перешучивались, но юноше было не до смеха. Одно дело – смотреть на чужой бой и подмечать ошибки, другое – скрестить шпагу со своим сюзереном. Руки вдруг налились тяжестью, а гибкая рапира стала неповоротливой, как эскадрон. Только бы не опозориться! С чего он решил, что Альдо – слабый фехтовальщик? Они с Робером просто дурачились, а на самом деле сюзерен отменный боец, достаточно взглянуть на руки и плечи!

Альдо встал напротив Ричарда, взмахнул клинком, залихватски улыбнулся и сразу же пошел вперед. Стремительно и сильно... Так дрался Эстебан Колиньяр... В их последнем поединке в Лаик «навозник» при первом же выпаде Дика выбил у него шпагу и засмеялся... Клинок Альдо мелькнул у самого лица, Ричард поспешно отступил. Принц ободряюще подмигнул, от чего стало еще тошнее. Ракан атаковал, Окделл пятился, закрываясь простейшими защитами: в грудь – отбил, в правый бок, под руку, повторный в грудь – снова отбил... Перевод в бедро – вовремя отступил...

Они почти уперлись в стену, Дик невольно дернулся вбок и сам не понял, как развернулся. Длинная атака его высочества окончилась ничем, и непонятно было, кто больше удивился: сюзерен или вассал. Недоумение на лице Альдо стало для Дика ушатом холодной воды. Закатные твари, надо ж быть таким дураком! Пятился, как испуганный рак, а ведь ничего хитрого...

Альдо пожал плечами и засмеялся:

– Держитесь, герцог.

Ричард не ответил, не нашлось слов, зато рука оказалась толковой головы. Она ловко парировала сыплющиеся удары, такие простые и совершенно нестрашные, хоть и сильные. А теперь связать чужой клинок, не давая развить атаку!

«Вы не бык, юноша... И не лиса... Меньше упора на силу, меньше финтов и обманов... Большие скорости... Вы видели мангустов?... Ах, в Надоре их нет? Но это не повод становиться быком... Скорость и движение... И защита!.. Защита, юноша... Покойниками становятся только раз...»

Пусть его высочество считает его трусом, но он держится! Держится и все понимает. Его ни разу не зацепило, ни разу! Надо решаться на ответ, сколько можно топтаться... Его высочество недоволен, еще бы... Это же не дуэль, клинки защищены, а он осторожничает!

Удары Альдо стали жестче и чаще. Святой Алан, он же мадура! ⁵⁸Он и сам был таким, ну или почти таким...

«Закатные твари, что у вас с кистью?! Тверда и незыблема?»

«Юноша, с деревянной головой жить можно, но с деревянной рукой вы протянете до первой дуэли...»

Святой Алан, так вот что имел в виду эр! Клинок Альдо дергался, как ошпаренный, принц только готовил удар, а Дик уже все знал. Какие прямолинейные движения... Робер дерется так же, но раз в десять лучше! Сейчас откроется! В ушах у Дика зазвенело, он

⁵⁸ Дословно «деревянный» (кэнналл.).

бросился вперед, нанося удар в опрометчиво подставленную грудь сюзерена. Удивленный Альдо едва не выронил шпагу, сделал шаг назад, засмеялся...

– А ты лихой драчун, Дикон, хотя со школой у тебя что-то не так.

Не так?! Не так у тех, кто проигрывает! Ричард закусил губу и не ответил. Альдо Ракан – его сюзерен и будущий король Талигойи. От того, что он слабый фехтовальщик, он не стал хуже. Он спасет Катари и восстановит справедливость. Королю не нужно драться самому и водить в походы армии, у него будут маршалы. Эпинэ и Окделл. Дело Альдо – править. Разве эр Август фехтует? Или Дорак? Но именно они правят Талигом!

– Продолжим?

– Да, ваше высочество!

Вторая схватка началась еще стремительней первой, но Дику уже было море по колено. Окделлы рождаются воинами! Не политиками, даже не полководцами, а воинами и Людьми Чести! Ричард Окделл покажет своему королю, как он будет ему служить!

Выпад, еще выпад...

Сударь, ну нельзя же так откровенно... Святой Алан, а если он попадет в настоящую битву?! Его нельзя оставлять без защиты, нельзя!

А вдруг он с эром Рокэ встретится?.. Нет, этого не случится, не должно случиться! Это был бы конец всему, всем надеждам... Конец Талигойе, Чести, Катари...

Ох, а это что? Принц отступил вбок и улыбнулся... Он больше не рвался вперед... Он что-то задумал... Что-то хитрое...

«Дело, конечно, хозяйское, но с вашими увертками только жаб пырять!

Держитесь прямых ударов. В бою прямой удар и прямой отвод – самое действенное. И самое безопасное... Особенно в драке с дундуком!..»

Эр прав! Четыре тысячи раз прав, а сам он был упрямым дундуком... Еще хуже Альдо! Святой Алан, что он творит?! Принц слишком мало тренируется... Робер все время со шпагой, а Альдо по утрам спит. Ну кто же так делает?! Очевидно, медленно, с ненужными паузами... Сюзерен ждет сопротивления, а его не будет!

Вместо жесткого отбива Дик мягким движением кисти увел рапиру по кругу в сторону-вниз, а сам, стоя на месте, слегка качнулся. У эра Рокэ это выходило изящней и быстрее, но для Альдо Ракана хватило и Дика. Не ждавший простого и мягкого ответа принц «провалился», подставив рапире Дика весь бок. Бей – не хочу! Простой, но аккуратный укол на уровне сердца получился очень достойно. Пожалуй, одобрил бы даже Ворон.

– Ерунда! – крикнул сюзерен. – Я споткнулся!

– К вашим услугам! – Жаль, что его сейчас не видит эр... И Катари... И этот ледяной Придд! Они еще скрестят шпаги, так, в шутку, но чтобы Спрут понял, что не ему спорить с Вепрем!

Клинки лихорадочно звенели. Дик больше не уходил в защиту и не выжидал. Атака нарывалась на атаку, обмен ударами становился все ожесточенней. Сюзерен не привык подолгу защищаться и сорвался. Очень быстро сорвался.

Отмахнувшись от прощупывающего укола, Альдо Ракан рванулся вперед с длинным выпадом. Такой удар, ваше высочество, надо готовить – и готовить как следует. В случае неудачи вы просто не успеете закрыться. Вы и не успели.

«...прямой удар и прямой отвод – самое действенное и самое безопасное...» Без лишних затей, но вовремя! Рапира Повелителя Скал в третий раз коснулась наследника Раканов...

Альдо отыскался в примыкавшей к арсеналу галерее. Внук фехтовал с Диком Окделлом, а Робер сидел на сундуке, наблюдая за поединком, и улыбался. Матильда встала у двери, не желая мешать. Сама она в шпажных премудростях разбиралась слабо: в Алате

предпочитали сабли, сказывалась близость Сагранны, а покойный муженек и его приятели если каким оружием и владели, то вилкой, ложкой да языком. Тем не менее то, что Ричард дерется лучше, понял бы даже Клемент.

Внуку не нравилось проигрывать, он злился и пер вперед. Ричард тоже вошел в раж, только он, в отличие от Альдо, не ошибался. Твою кавалерию, и этот мерзавец Кариани драл по два уэрта за урок и вопил, что Альдо – прирожденный мастер клинка! Мастер... с кавэндишами, а если кто путный попадется?..

– Убит! – припечатал Робер и спрыгнул со своего сундука. – Bravo, Дикон!

– Молодец, – согласился и Альдо, натягивая куртку. – Что-то меня морозит сегодня, простыл, наверное.

Врет! А кто б не врал, проиграв мальчишке, хотя Дикон дерется, как зверь. Кариани надо бы придушить, но он вроде сам помер. И чего она польстилась на знаменитость?! Любой наемник был бы лучше, но Альдо от этого не легче!

– Еще бы не морозило, – назидательно произнесла Матильда. – Меньше шлейся по ночам, вот и не будет морозить.

– Как это меньше?! – внук охотно принял помощь. – Один раз живем.

– А потому не стоит помирать раньше времени, – заметил Робер. – Женщин много, ты – один.

– Именно, – подмигнул Альдо. – Матильда, ты пофехтовать хочешь?

– Я хочу тебя пристрелить, – с достоинством произнесла принцесса, – и пристрелю, если и дальше будешь лыбиться. Праздник у нас будет, молодые люди! Увидите, как веселиться надо, а то все мхом зарастет.

– Мхом? – возмутился внучек. – Мхом?!

– Зеленым! По ночам служанок тискать, а днем зевать каждый дурак сможет. Твою кавалерию, Анэсти – и тот умел! А ты попробуй с сотней перепляши да полсотни перецелуй! И чтоб никому не обидно было...

Глава 2 Фельп

«Le Dix des Bâtons & Le Un des Deniers & Le Neuf des Bâtons»⁵⁹

1

Гран-дукс вольного города Фельпа появился удивительно не вовремя. Марсель как раз уговорил Эмиля Савиньяка навестить виллу Бьетероццо, и теперь они уламывали Рокэ. Тот не возражал, но при условии, что Эмиль с Марселем сойдут с пути истинного Курта Вейзеля и Герарда. С утренним чудическим сложением не возникло – с эром оно потащилось бы хоть в Закат, но артиллерист оборонялся стойко, и это было ужасно смешно. Разумеется, все прекрасно понимали как то, что добропорядочный бергер никуда не пойдет, так и то, что остальные пойдут обязательно. И тут Леворукий принес Ливио Гампану.

– Вот видите, Курт, – посетовал Алва, – что наделало ваше упрямство. Согласись вы, и господин Гампана не застал бы нас дома.

– Ваши шутки, Рокэ, – побагровел артиллерист, – иногда переходят все границы.

– Только иногда? – поднял бровь Алва. – Неужели вы предпочитаете общество гран-дукса обществу хороших женщин? Это же извращение!

– Господин Ливио Гампана, – жизнерадостно доложил Герард, который еще не

⁵⁹ Десятка Посохов, Туз Динариев и Десятка Посохов.

понимал, что теряет.

Гран-дукс величественно внес в гостиную свои закутанные в меха мощи. Неужели ему не жарко?! Рокэ с каменным лицом поднялся навстречу непрошеному гостю.

– Господин Гампана, какая честь! Но вам не стоило обременять себя.

– Я счел своим долгом лично передать послания его величества Фердинанда Оллара и его высокопреосвященства кардинала Сильвестра.

– Благодарю вас, сударь, и в вашем лице всех отцов города Фельпа. Не мне осуждать его величество и его высокопреосвященство, но, боюсь, Талиг несколько злоупотребляет вашим расположением.

– Что вы, герцог, – Ливио Гампана воздел руки горе. – После того, что вы сделали для нашего города...

После того... мы счастливы... нет, это мы счастливы... нерушимая дружба... бесконечная признательность...

Рокэ Алва и Ливио Гампана упражнялись в велеречивости, а вечер безнадежно кончался. Когда эта скелетина в соболях уберется, наносить визиты будет поздно; вместо этого придется читать и обсуждать дурацкие депеши. Можно подумать, в Олларии что-то горит! И ведь не уйдешь, потому как на службе! А Алва тоже хорош, мог хотя бы их с Эмилем отпустить. Вейзеля не жалко – все равно от него на Бьетероццо толку что от пушки без пороха. Какой же Рокэ все-таки негодай. Ладно уж, влип со своей дипломатией, так другим ночь не порти!

– Сударь, мне совестно вас обременять такими мелочами, но не привез ли доставивший послания курьер писем моим офицерам?

– К сожалению, на сей раз – нет. Его величество прислал очень милое письмо мне, я счастлив...

Как мало надо этому болвану для счастья – меховая мантия посреди лета и письмо от Фердинанда. Хорошо, папенька не озаботился написать, надо полагать, не успел – сочиняет родительские наставления о сорока листах. К астрологу не ходи, непочтительному сыну достанется за краткость, но, когда отправляли донесения о победе, было не до того, чтоб растекаться чернильной лужей. И почему он только не списал у Герарда – тот накатал целую поэму, даже картинки намалевал.

– Мы будем готовы через четыре дня... вы понимаете... это такая сложная церемония...

– Не стоит беспокоиться, мы отложим отъезд.

Отъезд? Какой отъезд? Куда?! Только бы не домой! Папенька не выпустит, пока не устанет слушать про их похождения, а устанет он не скоро.

Гампана наконец убрался. Рокэ пошел его провожать. Злокозненный дукс мало того что привез какую-то гадость, так еще и проторчал чуть ли не два часа.

– Эмиль, – Валме старался говорить как можно небрежнее, – я как-то прослушал, куда мы должны отправиться.

– Вы, – с нажимом произнес кавалерист, – в Урготеллу к Фоме, а мы с Куртом и Альмейдой, который скоро подойдет, остаемся здесь.

– Ах, в Урготеллу...

Почему бы и нет? Столица Ургота – богатый город, там нет дуксов, зато есть зимний карнавал и балы с мистериями. Правда, послом в Урготе дядюшка Шантэри, а он хуже зубной боли, но вряд ли старик будет досаждать доверенному офицеру Первого маршала.

– Но до отъезда мы, надеюсь, выполним то, что задумано, – спросил воспрянувший духом виконт.

– Почему бы и нет? – подмигнул Эмиль Савиньяк. – А сегодняшний вечер пустим на уговоры. Курт, так что вы думаете о визите к «морским пантерам»?

– Ваша шутка затянулась, – строго ответил бергер. – Нам следует обсудить полученный приказ.

– Вы правы, Курт, – Рокэ Алва разделался с дуксом и стоял в дверях, хмуро глядя на

своих офицеров. – Похоже, мы поторопились. Надо было заставить Капраса поосаждать Фельп хотя бы до осени.

– Что-то не так? – осведомился Эмиль. – Кроме того, разумеется, что мы никуда не идем?

Алва бросил на стол письмо с королевской печатью.

– Читайте. К вам, Марсель, это тоже относится. Не вижу необходимости скрывать то, что известно каждой, гм... птице-рыбо-деве!

Марсель честно воткнулся между Куртом и Эмилем и уставился на исписанный каллиграфическим почерком лист, украшенный заковыристой высочайшей подписью. Его величество Фердинанд Второй выражал глубокое удовлетворение победами герцога Алвы и приказывал ему после полной деблокады города оставить армию и флот в Фельпе на попечение высших офицеров, расторгнуть договор с дуксией и отправиться в Ургот на предмет обсуждения весенней кампании с герцогом Фомой.

– А чего желает его высокопреосвященство? – поинтересовался Эмиль Савиньяк, пощипывая гроздь черного винограда.

– Того же, что и его величество, – махнул рукой Ворон, – и еще шадди.

– Я бы сказал, – уточнил Савиньяк, – это его величество желает того, что желает его высокопреосвященство.

– Как бы то ни было, – подвел черту Вейзель, – вы отправляетесь в Урготеллу, а мы зимуем и ждем, когда Фельп объявит Бордону войну.

– Или когда мы объявим войну Гайифе, – кавалерист отправил в рот несколько ягод. – Нет, я ничего не имею против высадки в Ланчии, но «павлина» сподручней бить из Эпинэ.

– Не из Эпинэ, а из западной Кагеты, – поправил Вейзель.

– Закатные твари, опять забыл, что Лисенок пошел к нам в собачки.

– У сына Адгемара нет другого выхода, – наставительно произнес Курт Вейзель. – Гайифе он не нужен. Дивин хочет видеть на троне казарона Хаммаила-ло-Заггаза.

– А это что за зверь? – полюбопытствовал Марсель.

– Ызарг, – пояснил Савиньяк. – Но причесан по последней гайифской моде, прошел курс наук в Академии его величества Дивина и женился на гайифской девице. Кстати, Рокэ, не обрить ли нам его?

– О нет, бритый ызарг – это слишком, – не согласился Алва. – К тому же мы ни с кем не воюем. Дуксы решат добить дожей? Имеют полное право, те сами дали повод. Бордону остается либо поднять лапки и откупиться, либо кинуться к Дивину, а тот десять раз подумает, прежде чем влезать в большую войну.

– Вы не верите, что «павлин» станет защищать «дельфина»? Тогда дожи заплатят Фельпу и Фоме, мы получим хлеб и золото, а Дриксен и Гаунау ударят по Бергмарку.

– Прибавьте Кадану, – Алва откинулся на спинку кресла. – Основная кампания будущего года развернется на севере и северо-западе.

– Если ничего не случится, – хмуро бросил бергер.

– А что может случиться? – не понял Савиньяк. – То есть война, конечно, будет, но мы это и так знаем.

– А что обычно случается на изломе эпох? – поднял палец артиллерист. – Мне не нравится это лето, господа. И эта победа. Слишком легкая даже для вас, Рокэ. Судьба не любит, когда над ней смеются.

– Разрубленный Змей, – хмыкнул Эмиль, – вы б еще к астрологу сбегали. Год назад мы над судьбой еще не так издевались, а пронесло!

– Год назад, – с нажимом произнес Вейзель, – это год назад!

– Успокойтесь, Курт, – Савиньяк вновь потянулся к блюду с поредевшим виноградом, – для паники нет причин. Мы не одни в Золотых землях. Излом времен затронет или всех, или никого. Забавно, если сейчас кто-то пугает им Дивина, а кто-то – Хайнриха.

– Вы дурно поступаете, когда отворачиваетесь от проверенных примет, – отрезал бергер. – Удача кружит вам голову, но в один прекрасный день она от вас отвернется, как

отвернулась от Эридани Счастливого⁶⁰ и Анэсти Красивого.

– По мне, – заметил кавалерист, – лучше сломать голову на ровном месте, чем всю жизнь смотреть под ноги. Эридани был умницей, а Гонорий и Пий – ослами. Да и какая, к Леворукому, удача?! «Дельфины» продули, потому что у них с мозгами хуже, чем у Рокэ.

– Я не отрицаю несомненного таланта Первого маршала, – церемонно произнес Курт, – но ваше, Эмиль, легкомыслие удручает. Вы не желаете думать о том, что находитесь на войне и что неудача экспедиции Капраса – еще не победа.

– Именно победа! – запротестовал Эмиль. – И преотличнейшая!

– Победа была в прошлом году, – отрезал Вейзель. – А сейчас мы нашли ее в пыли, как странник Энарий – отравленный плод.

– Фи! – лицо Савиньяка скривилось, словно виноград оказался кислым. – Писание! Натощак... Ужас!

– Курт, не будь вы столь благодетельны, вы бы знали разницу между любовью до гроба и визитом к куртизанке, – Рокэ резким щелчком расправил манжеты. – Прошлогодня и нынешняя кампании разнятся так же.

– Вы правы, – как ни странно, слова Алвы артиллериста не возмутили. – Воевать по найму и защищать Отечество – разные вещи. И все равно я бы предпочел переждать. Разрубленный Змей, Эсператор просто обязан объявить излом эпох временем мира!

– Вот как? – Алва медленно поднял голову и посмотрел на разволновавшегося артиллериста. – Значит, обязан?.. А что обязаны мы?

– Схватить за хвост Зверя, – фыркнул Эмиль, – не иначе... Между прочим, Рокэ, раз мы никуда не едем, прикажите подавать обед.

– Здравая мысль. – Алва повернулся к Марселю, и тому отчего-то стало неуютно. – Виконт, что вы думаете о нынешней кампании?

Что он думает? Да ничего... Он шел за одним, нашел другое, и, в конце концов, все не так уж и плохо... Конечно, были и неприятные моменты: когда взрывали стену и потом, когда пропал Муцио, но это ведь было уже после.

– Ну... Мы победили, – неуверенно произнес Валме, – значит, все в порядке. Только, монсеньор, во имя Леворукого, разве обязательно вставать ни свет ни заря?! Нет, когда сражение, я готов, но в обычные дни?

– Вот слова истинного храбреца, – Эмиль от души двинул Марсея по плечу, а рука у маршала была железной. – Хватит! Я не желаю больше никаких пророчеств. По крайней мере до обеда.

– Эмиль, – довольно сухо сказал Рокэ, – я буду вам весьма признателен, если оставшееся до обеда время вы потратите на написание писем братьям. К вам, Марсель, это тоже относится, хотя вас бы я просил написать отцу. Какую-нибудь глупость. Денег попросите, что ли, а то вы просто неприлично забываете о родителях. Не забудьте и о прелестной Марианне. Герард!

– Монсеньор?

– Помнится, с последним курьером вы посылали письмо матери.

– Да, монсеньор.

– Я посылаю гонца в Олларию. Идите, пишите новое, да поторопитесь!

– Спасибо, монсеньор, – ходячее совершенство пулей вылетело из комнаты.

– Рокэ, – Вейзель подался вперед, – что за каприз? Конечно, писать родичам – наш долг, но меня вы об этом не просите.

⁶⁰ Персонажи старинных легенд. Эридани Счастливый – легендарный император, которому до тридцати семи лет везло во всем и который в этом возрасте в ясный день был убит молнией. Анэсти был найден мертвым в своей спальне на следующий день после рождения первенца. Гонорий и Пий также были рождены счастливыми, но в отличие от Эридани попытались обмануть судьбу. Гонорий несколько раз пытался причинить себе вред, но, потерпев неудачу, не в силах дожидаться удара судьбы, бросился со скалы в море. Пий покинул мир, принял обет молчания и дожил до ста шестнадцати лет.

– А чего вас просить? – хмыкнул Савиньяк. – Вы и так супругу не забываете.
– Не все так просто. – Алва на мгновение прикрыл руками глаза. Устал? – Ваша супруга, Курт, в Бергмарке. Она не могла воспользоваться оказией.
– Ты хочешь сказать, – черные глаза Эмиля сузились, как у охотящейся кошки, – что я должен был получить письмо от Лионеля, а Герард – от матери?
– Именно. Я не верю, что вас все разлюбили.
– Значит, – тихо сказал Эмиль, – случилось что-то такое, о чем в Олларии знают все, но что нам, по мнению его высокопреосвященства, знать не обязательно. Но Фердинанд жив...
– Да, – согласился Алва, – безусловно.

2

Луиджи Джильди поправил шпагу и присоединился к поднимавшимся по лестнице святого Андия. Рядом сопел Дерра-Пьяве, то неся по всем кочкам гран-дукса и его свору, то расхваливая свою новую галеру. Коротышка был верен себе и назвал корабль «Бравый ызарг», а нос и корму украсил изображениями варастийских чудищ. Разумеется, в собственном понимании.

«Бравый ызарг» был не одинок. Мастер Уголино закладывал галеру за галерой, фельпский флот стремительно оживал, обещая стать к весне лучше прежнего. Корабли построить можно, это люди умирают раз и навсегда. Или исчезают. Муцио так и не нашли, хотя перерыли весь город. Теперь уже никто не сомневался, что адмирала выманили из дома и убили. Нож в спину, труп в море – такое в Фельпе бывало не раз, чему удивляться?

По закону Муцио будет жив еще четыре года. Франческа не может надеть траур, младший брат – вступить в права наследования, а слуги вольного города Фельпа – вручить адмиральскую перевязь другому. Только закон – одно, а жизнь – совсем другое. Франческа больше не улыбается, Лорио Скварца спешно вернулся из Ургота и поселился в родовом палаццо, а «Влюбленная акула» стала флагманской галерой. Луиджи Джильди еще не адмирал, но должность у него адмиральская. Отец, хоть и сожалеет о Муцио, доволен. Все довольны...

– ...скоты безрогие, – заключил Ланцо Дерра-Пьяве.

Луиджи кивнул. Он пропустил, о каких именно скотах шла речь, но можно было поставить «Акулу» против дырявой лоханки, что капитан поминал либо генералиссимуса, либо старшего адмирала.

– Вот я и говорю, – возрадовался коротышка и отчаянно замахал руками, кого-то приветствуя. Дуксия кишела народом, еще бы – такое зрелище! Первый маршал Талига получает награду за неслыханную победу и прощается с вольным городом, гран-дукс, генералиссимус и верховный адмирал в восторге, хотя полному счастью мешают Савиньяк, талигойская армия и договор. Нравится дуксам или нет, а кормить союзников и воевать с Бордоном придется.

Двери в Гербовый Зал торжественно распахнулись, сортэо закончилось, теперь могли войти простые смертные. То есть не совсем простые – в Дуксию кого попало не пустят, – но не облаченные в подбитые седоземельскими мехами тряпки.

Зал стремительно наполнялся. Луиджи и Дерра-Пьяве устроились среди других капитанов в боковой ложе наискосок от почетной скамьи, где, как и полагалось, сидели талигойцы.

Взвыли трубы, и Ливио Гампана понес обычный вздор, другие дуксы подхватили. В речах было столько сахара, что Луиджи удивлялся, почему незаконно проникшие в Дуксию мухи не вязнут на лету. Впрочем, болтуны были правы: Рокэ Алва на самом деле разбил врага и выиграл войну, причем малой кровью. Капитан Джильди в очередной раз приказал себе не думать об умирающей девушке, зовущей своего капитана. И о ночи святого Андия тоже. Сейчас, в переполненном зале, это было не так уж и трудно, а вот в темноте, в

одиночестве...

Дуксы иссякли, и за дело взялись слуги Фельпа. Титус велеречиво благодарил Рокэ из Кэналлоа, при этом давая понять, что, если б не подагра, сделал бы то же, но лучше и быстрее. Алва слушал, слегка склонив голову к правому плечу, а может, и не слушал.

Речь следовала за речью, а в перерывах приглашенные выражали свое одобрение, сдержанно, как и положено солидным людям, хлопая в ладоши. Поднялся епископ Фельпский, возблагодарил Создателя, даровавшего городу победу над врагом, в воздухе поплыл сизоватый дым. Говорят, мориски и гоганы жгут ароматические смолы, чтобы отогнать зло. Может, окурить «Акулу», так, на всякий случай?

– Вольный город Фельп с большой неохотой отпускает столь замечательного полководца. – В голосе вновь взявшего слово гран-дукса слышалась умеренная скорбь. – Но нельзя удержать ветер, даже забросав его золотом. Нашего друга ждут новые подвиги, но Рокэ из Кэналлоа должен знать: Фельп не забывает оказанных ему услуг. В ознаменование великой победы при Диормиде в Гербовой Галерее Дуксии будет установлена мраморная статуя Рокэ из Кэналлоа. А теперь, наш друг, мы возвращаем тебе твой залог и вручаем оговоренную плату.

Гампана картинно махнул рукой, и девушки с картонными крыльями за спиной и в узких струящихся платьях внесли два открытых ларца. Побольше, с золотом, и маленький, в котором среди россыпи синих огней горела алая звезда, злая и тревожная.

– Я был счастлив служить вашему городу, – роскошный мундир превращал Алву в чужака, отрезая от охоты на киркорелл, абордажа, безумной ночи с «пантерками» и еще более безумного дня на вилле Данунциато. Кэналлийский Ворон сделал свое дело и уходит, а вместе с ним уходит что-то важное, что Луиджи второй месяц пытается понять и не может.

– Рокэ из Кэналлоа, доволен ли ты платой? – Гампана произнес ритуальные слова так, словно и в самом деле с волнением ждал ответа.

– Да, – кивнул талигоец.

– Рокэ из Кэналлоа, проверь, в целости ли возвращен тебе залог.

– Да, – Алва даже не взглянул в шкатулку, хотя Луиджи не исключал, что число сапфиров поуменьшилось.

– Рокэ из Кэналлоа, есть ли у тебя просьбы к городу Фельпу, которому ты оказал неоценимую услугу?

– Да, – спокойно произнес талигоец, и Луиджи показалось, что Гампана от неожиданности свалится. Тем не менее гран-дукс сумел проблеть:

– Чего хочет Рокэ из Кэналлоа?

– Я прошу славный город Фельп отпустить в мое распоряжение сроком на год три боевые галеры с полными командами. Но я никоим образом не хочу ослаблять город и прошу принять назад причитающуюся мне плату и четверть моего залога, а этот камень, – Алва поднял на ладони алую искру, – пусть украсит ожерелье Хранительницы Фельпа. Остальную часть залога отдаю капитанам и командам галер в качестве платы за их помощь.

– Раскуси меня зубан! – Дерра-Пьяве и не подумал дожидаться ответа гран-дукса. – «Бравый ызарг» ваш! И пусть кто-то что-то вякнет!

Коротышка еще не закончил, а Луиджи уже стоял рядом. Дуксия отпустит, еще бы не отпустить за такую-то плату! Отец будет недоволен, но Луиджи Джильди уйдет с синеглазым чужаком и вряд ли вернется. В Фельпе остаются Карло, Горацио и Тереза, этого довольно, чтоб продолжить род, а его зовет дорога. После войны, после встречи с закатными тварями, после смерти Поликсены он не может жить, как прежде. Не может и не хочет...

– Рокэ, зачем вам понадобились галеры? – Курт Вейзель был хмур, как, впрочем, и всегда. Бергер был редкостным занудой, но неплохим человеком. Марселю он нравился.

Издали.

– Ну, – хмыкнул Савиньяк скорее по привычке, чем от большого веселья, – почему бы и не иметь под рукой три хорошие галеры. Вещь полезная.

– С командами, которые за вами без всяких сапфиров в Закат прыгнут и не поморщатся, – бергер упрямо обращался к Ворону. – Рокэ, я хотел бы знать...

– Насчет Луиджи и Дерра-Пьяве ничем помочь не могу, а Рангони, Курт, нужен в первую очередь вам.

– Мне? – удивленный артиллерист выглядел уморительно, но Марселью отчего-то смеяться не хотелось.

– Именно. – Алва развязал воротник, блеснула серебряная цепочка. – Курт, я ценю ваше общество, но здесь вы свое дело сделали. Вы пойдете навстречу Альмейде. Думаю, он уже пришел или вот-вот придет на Марикияру. Ваше дело – его завернуть до того, как сменится ветер.

– Его высокопреосвященство отзывает эскадру назад? – уточнил Вейзель.

– Нет. В Олларии об этом узнают, когда «Франциск Великий» бросит якорь в Хексберге. В Померанцевом море от океанских парусников толку, что от кавалерии в болоте. Тут нужны галеры, а нам флот понадобится у берегов Придды.

– Ты отсылаешь эскадру, потому что она бесполезна здесь или потому что она нужнее в Придде? – Савиньяк отбросил то, что некогда было кистью винограда. Он больше не улыбался.

– И то и другое. Мы не знаем, что творится в Олларии, но и в Олларии не знают, что делаем мы. Курт, я напишу Рамону, герцогу Ноймаринену и наместнику Алвасете. Эмиль, «Бравый ызарг» в твоём распоряжении. Если верить мастеру Уголино, это самая быстрая галера Померанцевого моря. Держи ее на внешнем рейде и не шляйся по ночам.

– Хорошо. – Кавалерист выглядел слегка растерянным. – Во имя Леворукого, чего ты опасаться?!

– Излома эпох, – хмыкнул Алва. – Курт так доступно все объяснил. Впрочем, мне и впрямь не понравилась одна вещь.

– Только одна? – Эмиль с отвращением оттолкнул блюдо с изувеченными фруктами. – Я насчитал самое малое три. Тебя в одиночку отправили к Фоме, мы остаемся здесь, а из Олларии ни слуху ни духу. Лионель, конечно, предпочитает собственных курьеров королевским, но маменька Герарда не могла упустить оказию. Да и вообще, братец уже сорок раз должен был написать...

– Близнецы имеют обыкновение чувствовать друг друга, – заметил Вейзель. Марсель был готов поклясться, что артиллерист не только встревожен, но и доволен, что от его пророчеств больше не отмахиваются. – По крайней мере, так было в знакомых мне семьях.

– Если б у Лионеля были неприятности, я бы понял, – кивнул Савиньяк. – Я уверен, с ним все в порядке.

– С ним в порядке, но он не пишет. Зато пишет Сильвестр, и много. Курьер не жалел ни казенных денег, ни лошадей. Его высокопреосвященство среди всего прочего озабочился сообщить, что я отправляюсь в Урготеллу, но о том, что мне следует расторгнуть договор с Фельпом, ни слова. Письмо написано в ночь на двенадцатый день Летних Волн. Фердинанд подписал указы двенадцатого, нет сомнений, что они были готовы с вечера.

– А о том, что армия остается здесь, он написал? – внес свою лепту Марсель.

– Нет, но это подразумевается само собой. Капрас оставил недурной лагерь, обитатели славного города к нам весьма расположены, в Урготелле зимой отвратительная погода, да и солдаты заслужили отдых, а не новый марш... Кстати, Марсель, почему бы вам не составить компанию Эмилю? «Пантеры» будут в восторге, если вы их займете, пока дожди торгуются с дуксами.

Остаться в Фельпе? А что, вполне милое местечко – птице-рыбо-дуры для красоты, Франческа Скварца для души, София для тела и «Бравый ызарг» на всякий случай...

– Ну нет! – выпалил виконт. – Может, я всю жизнь мечтал увидеть урготеллские

мистерии и герцога Фому? И вообще, Рокэ, я – офицер для особых поручений при вашей персоне, и я от вас ни ногой. Не надейтесь!

4

За «Влюбленной акулой» шел «Черный ворон» Джузеппе Рангони, а следом «Бравый ызарг». Не столь уж долгое пребывание Рокэ в Фельпе явно ознаменовалось новой модой в названиях кораблей. Приятно, как ни крути...

Вольный город отступал назад, превращаясь в набор цветных пятен. Прощай, птице-рыбо-дура, ты так и осталась девственницей. И быть тебе таковой вечно!

Марсель Валме блаженно потянулся и подставил лицо легкому ветру, убеждая себя, что жизнь прекрасна, а плыть по спокойному морю куда приятней, чем трястись в седле по пыльной дороге. Виконт не испытывал ни малейшего желания любоваться на обвалы и подлые озера, на дне которых, по словам Франчески Скварца, лежит погибший Гальбрэ.

Виконт так и не попрощался с женой пропавшего Муцио, и это было печально. Благородная дама, у которой исчез муж, должна скрываться от посторонних глаз и страдать. Красавица перебралась в палаццо Гампана и никого не желала видеть, правда, цветы приняла с благодарностью, если только благодарность не выдумал гран-дукс.

Франческа не походила ни на Марианну, ни на «пантер», ни на кислых домашних праведниц. Одетой она привлекала не меньше, чем раздетой, они могли бы стать друзьями, гулять, читать дурацкие легенды... Муцио тоже было жаль. Выжить в аду и угодить в ловушку в собственном доме, как это глупо и... подло. Конечно, в жизни всегда есть место подлости, но налетать на них чуть ли не каждый день? Увольте! Марселю вполне хватило дуэли в Нохе, вернее, того, что ей предшествовало. Алва скрытен, как Леворукий, но не нужно быть пророком, чтобы понять – маршала пытались убить, не вышло. А Муцио убили. Ариго и Килеан отправились в Закат, убийцы Скварца выражают надежду на его возвращение и изображают вселенскую скорбь... Мерзость...

За Монти-Остро «Черный ворон» повернул на запад, «Влюбленная акула» – на юг, а «Бравый ызарг» отсалютовал уходящим четырьмя холостыми залпами, лихо вспенил воду и помчался домой.

Галеру Дерра-Пьяве скоро скрыли полосатые скалы, но «Ворон» все еще виднелся среди невысоких зеленоватых волн, становясь все меньше и меньше. Марсель загодя разжился зрительной трубой и за какими-то кошками уставился на две высокие фигуры на корме. Капитан Рангони и генерал Вейзель...

Паршивая все-таки вещь – разлука, а бергер своей каменной физиономией и вовсе превратил ее в похороны. Савиньяк тоже мог бы поменьше вспоминать о том, что писем из Оллари по-прежнему нет. Кавалерист не хотел оставаться, вернее, не хотел, чтобы они разделились... Закатные твари, неужели они больше не встретятся?

На душе стало почти так же мутно, как перед взрывом Веньянейры. Ничего нет глупее, чем смотреть в спину уходящим, вечно лезет в голову всякая чушь. Марсель ощутил острую необходимость в собеседнике, и тут судьба послала ему Ворона. Алва медленно прошел по куршее и стал на носовой платформе, глядя куда-то вбок. Кажется, там находился юго-восток, но полной уверенности у виконта не было. Валме облокотился о борт рядом с маршалом и брякнул первое, что пришло в голову:

– Рокэ, вы когда-нибудь проигрывали?

– На войне и в карты – нет. Впрочем, я играю редко... Да и войны, которые мы ведем, далеки от совершенства.

– А чем вам не понравилась наша война? – возмутился Валме. – Савиньяк прав, это была преотличнейшая победа.

– Армия войны всегда бьет армию мира, – Рокэ все так же вглядывался в даль. – По крайней мере вначале. Это один из основных законов.

– Вечно вы говорите загадками! – взвыл виконт. – Я же не генерал какой-нибудь.

– Будь вы генералом, вы бы или замечали очевидное, или нет. Курт прекрасно знает, что получится, если к двум пушкам прибавить десять мортир, но сложить две армии с тремя урожаями, вычесть одного предателя и разделить на трех дураков он не в состоянии. То, что война – продолжение политики иными средствами, повторяют все кому не лень, но это чушь. Мира в Золотых землях нет уже круга четыре, а есть продолжение войны иными средствами. То бишь политикой.

– Мира нет, а армия мира есть?

– Конечно, правильной их назвать армиями политики, – Алва наконец соизволил повернуться к собеседнику. – Армиями, которые десятилетиями не воюют, а пугают чужих и вдохновляют своих. Это безобразие существует только в спокойное время и первые несколько дней настоящей войны, после чего гибнет. Выигрывает тот, кто ухитрится первым выставить армию, заточенную под войну, не приемлющую и не желающую мирной жизни. Обычно это лучше выходит у тех, на кого нападают. Страх за свой дом, обида и желание отыграться прямо-таки чудеса делают...

– Много бы дуксы сделали без вас.

– Дуксы бы не сделали ничего, – хмыкнул Ворон, – на то они и дуксы, но Джильди и Скварца сделали бы, потому что они – люди войны. Просто они раньше не сталкивались с такой толпой, вот и пришлось их слегка встряхнуть.

Красное солнце коснулось воды, рывкнула вечерняя пушка, салютуя закату. Алва вновь уставился в багровеющие дали, но Валме не имел ни малейшего желания думать о вечном. Виконту хотелось продолжить разговор: во-первых, это отвлекало от пакостных мыслишек, а во-вторых, когда они вернутся в Олларию, парадоксы Ворона украсят любую беседу.

– Рокэ, – деловито спросил Марсель, – мы разобьем «павлинов»?

– Если дойдет до войны, несомненно. Гайифа гремит оружием на все Золотые земли, но всерьез в ход его не пускала со времен Золотого Договора. За что Капрас и поплатился. Так же как и Адгемар, хотя казар в молодости все же успел повоевать с Холтой. Что делать, за тридцать лет вырождается любая армия.

– Значит, мы победим, – удовлетворенно вздохнул Валме. – Не поймите меня превратно. Я не то чтобы волнуюсь, но господину Вейзелю что-то не нравится.

– Господину Вейзелю не нравится ничего, кроме его пушек и его жены. Впрочем, он довольно часто оказывается прав.

– А теперь?

Герцог пожал плечами, глядя на пенные буруны, потом вполголоса запел что-то кэналлийское. Галера шла у самого берега, оттуда тянуло дымом и полынью, над горизонтом зло мерцала одинокая звезда. Разговор был окончен.

Глава 3 Оллария

«Le Dix des Cupes & La Dame Deniers & La Dame des Bâtons»⁶¹

1

«Мама, если ты не согласишься, я откажусь, но монсеньору не нравится наша фамилия. Он хочет, чтобы я ее забыл навсегда и стал реем Кальперадо. Рей – это по-кэналлийски будет «барон» и даже больше. Кэналлийские реи в Талиге считаются баронами

⁶¹ Десятка Кубков, Королева Динариев и Королева Посохов.

или графами. Понимаешь, монсеньор – властитель Кэналлоа, он может давать титулы, и они сразу становятся законными, но если ты обидишься... »

Она обидится! Создатель, неужели Герарду могла прийти в голову такая глупость... Нет, дело в другом – сыну стыдно отказываться от отца. Ну и пусть. От такого, как Арнольд, отречься не грех, но зачем это монсеньору? Святая Октавия, она все чаще называет синеглазого герцога, как Герард.

Монсеньор... Думала ли она хоть когда-нибудь? Думала! Только и делала, что думала, только другим не говорила. Когда родился Жюль, она едва не предложила назвать его Рокэ, потом схватила себя за язык. И не потому, что могли догадаться о ее тайне, просто сын мог утратить в Арнольда. Арамона по имени Рокэ, что могло быть ужасней?! А теперь Герард станет бароном. Кальперадо... Герард Кальперадо. Звучит странно, но красиво...

– Милая Луиза, – знакомый писк заставил женщину вскочить, – что пишет ваш чудесный сын?

– Ваше величество, у него все хорошо.

– Надеюсь, они скоро вернуться, – тихо произнесла Катарина, вновь склоняясь над сонетами Веннена. Луиза очень не хотела верить ее величеству, но верила. Потому что унять Манриков мог только Первый маршал.

Луиза свернула письмо и положила на стол. Никаких тайн в нем не было, и его наверняка прочли еще до того, как передали ей. Манрики и прочли. Теперь все проходит через веснушчатые руки Леонарда, и это противно. Луиза со злостью всадила иголку в натянутый на пальцы ядовито-зеленый шелк, на котором распускалась поросычьего цвета роза. Дворец вообще заполонило розовое и зеленое, одно слово – Манрики!

Госпожа Арамона мечтала о том, как вернется монсеньор и задаст трепку обнаглевшим выскочкам. И это при том, что ей и девочкам ничего не угрожало. Новый канцильер прямо сказал, что рассчитывает на помощь госпожи Арамоны и умеет быть благодарным. Леопольд и Леонард ненавидят королеву, она тоже – отчего же так муторно?

– Ваше величество, в парадной приемной канцильер, – баронесса Заль присела в реверансе, но сделала это нагло. Гадина раньше на брюхе ползала и медом истекала, а теперь чуть ли не в глаза шипит. И не она одна... Благородные дамы, причеши их хорек!

– Пусть войдет, – Катарина Ариго отодвинула книгу, но не закрыла, словно собираясь вернуться к прерванному занятию. Временщик мог входить куда и когда угодно, разрешение ему не требовалось, но королева упорно вела себя... как королева!

– Граф Леопольд Манрик, – Залиха произнесла имя канцильера с таким же придыханием, как раньше произносила имя кардинала, – просит ее величество выйти в малый кабинет.

– Нет, – спокойно произнесла Катарина Ариго. – Королева Талига выходит лишь к своему супругу и его высокопреосвященству.

Баронесса заткнулась и выползла из гостиной, Катарина уткнулась в свои сонеты. Неужели читает? С нее станется!

2

Королева выиграла – граф Манрик появился в дверях и отвесил вполне учтивый поклон. Ее величество медленно подняла голову от книги, и не подумав задрожать. Оно и понятно, при лисице зайчика из себя лучше не корчить.

– Мы удивлены вашим визитом, – Катарина казалась слегка раздосадованной. Как человек, которого отвлекли по пустякам от важного дела.

– Ваше величество, – Луиза была готова поклясться, что бывший тессорий лопається от злости, – я настаиваю на приватной аудиенции.

– Граф, – голос Катарины оставался тихим, – вы просите о невозможном. Для человека, чей сын – придворный церемониймейстер, подобное незнание этикета по меньшей мере

странно.

– Ваше величество, уверяю вас, это для вашего же блага.

– Вы забываетесь, – четко произнесла Катарина Ариго. – Прошу вас немедленно удалиться.

Может, Манрик и был опытным царедворцем, но он был рыжим, а рыжие чуть что – звереют. В Кошоне был рыжий лавочник, зарубивший топором ущипнувшего его гусака. Кансильер выглядел не лучше, однако сдержался и вышел. Даже дверью не хлопнул. Катарина обвела взглядом придворных дам и девиц.

– Баронесса Заль, – королева была само сочувствие, – мы видим, что вы нездоровы, и отпускаем вас.

– Ваше величество ошиблись, – квакнула Залиха, – я здорова.

– О нет, – грустно покачала головой Катарина. – У вас начинается лихорадка. Я знаю, как развивается эта болезнь. К несчастью, она весьма заразна. Вам следует вернуться домой и пригласить врача. Герцогиня Колинъяр, баронесса Мей, баронесса Заль ваша близкая подруга, вы могли от нее заразиться. Мы вас также отпускаем.

Три титулованные жабы позеленели, но перечить наглости у них не хватило. Катарина вернулась к своим сонетам, а Луиза проводила взглядом выставленных с позором баб и прикусила губу. Пташка таки оказалась кошкой, но радости от осознания своей правоты госпожа Арамона не чувствовала. Больше всего ей хотелось схватить в охапку Айрис и Селину и убраться подальше, но это было невозможно. Вдова капитана Лаик вновь взялась за вышивание.

Королева читала или делала вид, что читает, время от времени перелистывая страницы, десятка полтора куриц, крыс и каракатиц сидели по углам, стараясь не глядеть друг на друга. Луиза покончила с поросячьей розой и занялась обсевшими ее золотыми пчелками. Вышивка получалась гаже некуда, но дуэнья должна вышивать розочки, это одна из основ мироздания.

Дверь распахнулась, пропуская капитана Личной королевской охраны, не озаботившегося даже постучать. Леонард Манрик поклонился и ледяным голосом возвестил:

– Его величество король Талига.

3

Фердинанд изменился, так изменился, что Луизе стало страшно. Куда делся счастливый, улыбающийся человек, ворвавшийся в приемную с известием о фельпской победе?! Глаза короля были красными, щеки обвисли, носовые складки стали глубже раза в два.

Королева порывисто вскочила навстречу супругу, но остановилась, словно налетев на невидимую стену, опустила глаза и сделала реверанс.

– Счастлива видеть ваше величество в добром здравии.

Да уж, в добром... Фердинанд или болен, или ему так худо, что хоть ложись и помирай. Его величество казался стариком и одновременно походил на испуганного ребенка. Бедняга затравленно оглядел гостиную, оглянулся на вошедшего с ним кансильера и произнес:

– Прошу нас оставить.

Курицы, жабы и родственницы Приддов шарахнулись к дверям, и тут на Луизу накатило. Воспользовавшись суматохой, женщина, прикрываясь пальцами, отступила в глубь комнаты и юркнула за расшитый цветами занавес, отделявший Жемчужную гостиную от Голубого будуара. То, что она затеяла, было неопикуемой наглостью и еще более неопикуемой глупостью, но нахальство города берет. Госпожа Арамона должна знать, что происходит, и госпожа Арамона узнает.

В будуаре было сумрачно, пахло лилиями, сквозь спущенные шторы пробивался слабый свет. Луиза вжалась в стену у дверного проема и замерла, готовясь, если надо, простоять и час, и два, и три. Что-что, а подслушивать дочь Аглаи Кредон умела:

осведомленность о материнских настроениях и намерениях спасала от множества неприятностей. Луиза успешно играла с огнем лет с шести, но впервые проделывала это на пороховом складе. Если ее обнаружат, остается надеяться на то, что Манрики считают ее своей собакой, а Катарина – своей.

Вины перед королевой Луиза не чувствовала, перед Манриками тем более, уж слишком ретиво новый канцильер и его сыновья распоряжались в чужом доме. Новые метлы, побери их Леворукий! Хуже всего, если о ее выходе узнает Фердинанд, хотя от него никакой угрозы и нет. Хорошие люди не заслуживают, чтобы за ними шпионили.

В гостиной молчали, и молчали пакостно. Скрипнуло кресло у стены (оно всегда скрипело). Кто-то сел. Его величество? Луиза слышала тяжелое дыхание и не сомневалась, что это король, которого было ужасно жалко.

– С разрешения его величества.

Это Манрик. Скотина! Он что, всерьез вообразил себя Сильвестром?

– Ее величество должна объяснить некоторые вещи, которые всплыли во время расследования покушения на герцога Алву.

– Да, – повторил Фердинанд пустым голосом, – да... Мы хотим знать правду.

– Слуги Ги Ариго показали... – зашелестели бумаги, еще раз скрипнуло кресло, что-то мягко стукнуло, – показали, что их покойный господин находился в переписке с Гайифой и Дриксен, а также тайно созывал собрания, в которых принимали участие Август Штанцлер, Вальтер Придд, Людвиг Килеан-ур-Ломбах, братья Феншо-Тримейн и другие лица. Мажордом слышал, как Иорам Ариго говорил Августу Штанцлеру, что Оллары досиживают свой круг и через год на троне будет здоровая кровь, на что Штанцлер велел соблюдать осторожность, а Иорам засмеялся и сказал, что «навозники» ничего не заметят. Ваше величество может пояснить, что имели в виду заговорщики?

– Да, – зачастил король, – на что намекал Штанцлер? Леопольд полагает...

– Ваше величество, – вмешался Манрик, – пусть ее величество отвечает на вопрос.

– Да, конечно... Пусть отвечает.

– Пересказ слугами слов умершего господина не имеет веса, – тихо произнесла королева. – Мои братья, к несчастью, мертвы и не могут ничего сказать. И все равно эта ложь опровергнута.

– Каким же образом, ваше величество? – скрипнул Манрик.

– Мои братья были взяты в Багерлее, – Луиза не могла видеть собеседников, но не сомневалась: Катарина смотрит только на короля. – И они вышли оттуда. Его высокопреосвященство счел их невиновными, а в его распоряжении находились те же улики и те же свидетели. По Уложению Франциска, нельзя вновь выдвигать единожды опровергнутое обвинение. Мои братья оправданы.

– Это правда, – перебил Фердинанд, он был явно обрадован. – Сильвестр сам нам сказал, что Ги и Иорама надо отпустить. Он бы не стал этого делать, будь там заговор. Это все Гайифа и Дриксен, они всегда нас ненавидели. С Варастой и бунтом у них не вышло, они решили внести разлад в нашу семью...

– Ваше величество не осведомлены обо всем, – влез канцильер. – Его высокопреосвященству не удалось проследить связи братьев Ариго и графа Килеана-ур-Ломбаха с дриксенскими и гайифскими шпионами, а подвергнуть родственников ее величества допросу с пристрастием посчитали неправильным. Именно поэтому графа Ариго и графа Энтрага отпустили. Временно. Я это знаю, его высокопреосвященство со мной советовался. Он не сомневался в существовании совместного заговора Приддов, Окделлов, Ариго и Раканов с одной стороны и иностранных агентов – с другой. И в этом заговоре немалая роль отводилась ее величеству и ее братьям.

– Придды и Окделлы, – с ненавистью проговорил Фердинанд Оллар. – Всегда Придды и Окделлы.

– И Эпинэ, – подсказал канцильер. – Эта фамилия виновна более других. Герцоги Эпинэ были обласканы предками вашего величества и отплатили черной неблагодарностью.

– Да-да, – король был рад любому поводу сменить тему разговора. – Я помню. Я сегодня же подпишу указ о введении в Эпинэ военного положения и передаче губернатору Сабве особых полномочий.

– Это мудрое решение.

Луизе показалось, Леопольд Манрик сейчас замурлычет. Госпожа Арамона по-прежнему ненавидела Катарину Ариго, но в данный момент хотелось удавить не ее, а рыжего выскочку.

– Ваше величество, – прошептала Катарина, – в Эпинэ живут ваши подданные, а не враги. Простые люди не должны платить за преступления знати.

Мерзавка права, никуда не денешься. Она говорила так, как должен говорить сюзерен, защищающий своих вассалов. А сюзерен только сопел! Святая Октавия, что ж такое творится?

– Эпинэ – рассадник крамолы, – отрезал Манрик, – так же как и Надор. «Простым людям» пора понять, что они подданные Олларов, а не выродившихся аристократов. Тогда корона будет их охранять, но не раньше. Пусть берут пример с варастицев, бергеров, кэналлийцев.

– Кэналлийцев не нужно охранять, – голосишко Катарины дрожал, но она не сдавалась. – Введите туда войска и посчитайте, сколько оттуда сумеет выйти. А простые талигойцы...

– Ваше величество, – Манрик явно терял терпение, – ее величество умело уводит разговор в сторону, но мы не должны поддаваться. Введя в Эпинэ военное положение, вы поступите весьма мудро, особенно в свете предстоящей передачи герцогской короны и титула достойным слугам вашего величества. Но нам следует вернуться к доказательствам вины ее величества перед короной и королем. Герцог Колинъяр полагает, ее величество осведомлена о предательстве своих братьев, способствовала бегству Августа Штанцлера и изменяла своему супружескому долгу.

Рыжий скот замахнулся на Ворона? На пару с Колинъяром?! С тем все ясно – мстит за сына, но Манрик?!

– Мы... Наше мнение таково... Мы рассмотрели...

Закатные твари, чего он так мычит? Он король или корова?! Вышвырни Манрика вон, дай жене пощечину, встряси из нее правду, если ты ее не знаешь, хотя как это не знаешь?! Все знают, а ты – нет?

– Если ее величество виновна, она будет наказана, – разродился Фердинанд. – Но пока вина не доказана, человек невиновен.

– Она доказана, ваше величество.

– Катарина, – голос короля стал глухим и хриплым, – поклянитесь здоровьем детей, что вы не виновны перед Талигом и его королем.

– Клянусь, – шлюха врала, но она спасала не только себя, но и детей. Луиза на ее месте тоже бы солгала четыре, четыреста, сорок тысяч раз. Любая мать будет защищать своих детей, хоть с пистолетом, хоть в постели с тем, у кого этот пистолет есть.

В гостиной что-то зашуршало. Платье Катарины?

– Я исповедовалась своему духовнику во всех своих грехах. – Луиза отдала бы один глаз за возможность видеть лица королевы и короля. – А мой духовник исповедовался перед его высокопреосвященством. Квентин Дорак знал обо всех моих преступлениях, но он ушел в Рассветные Сады. Ваше величество, по праву Франциска, вы – глава нашей церкви. Примите исповедь моего духовника, и узнаете все. Но, – в голосе Катарины засквозило отвращение, – господин Манрик не является моим исповедником.

– Мы... Мы готовы... Мы...

– Ваше величество, – не отступил Манрик, – семейство Ариго тайно исповедует эсператизм, вряд ли ее величество исповедовалась оллариянскому священнику во всех своих преступлениях. Герцог Колинъяр собрал убедительные доказательства тайных встреч ее величества в аббатстве Святой Октавии с Эгмонтом Окделлом, Мишелем Эпинэ, Джастином

Приддом, Оскаром Феншо-Тримейном и Ричардом Окделлом.

Вот, значит, как... На Ворона Манрик с Колиньярм замахнуться не смеют, вот и притягивают за уши все, что под руку подвернулось. Эгмонт Окделл и Морис Эр-При подошли бы больше, но в отцы пятилетнему наследнику покойнички не годятся. Нет, в том, что королева – прирожденная шлюха, госпожа Арамона не сомневалась, но королеве Талига завести любовника непросто. Вернее, не завести, а скрыть. Про Алву знали все, про других никто не слышал, и немудрено. Катарина жила в стеклянном ящике: днем не продохнуть от титулованных баб и камеристок, ночью в смежных с опочивальней ее величества комнатах торчат дежурные дамы. Изменишь тут, кошки с две! Остаются храмы, но и там не особо разгуляешься.

– Аббатиса Моника призналась во всем, – бросил на стол следующую карту Манрик.

– Да, – эхом повторил король, – аббатиса во всем призналась...

– Аббатиса призналась во всем? – переспросила королева, и Луизе показалось, что она засмеялась. – Вы говорите, во всем?

– Во всем, – с расстановкой произнес Манрик. – Мать Моника проявила благоразумие.

– Умолчав о встрече с Эстебаном Колиньярм и попытке этого развращенного юнца изнасиловать свою королеву? О да, она проявила благоразумие, ведь ее допрашивал отец Эстебана!

– Клевета! – выкрикнул кансильер. – Эстебан Сабве мертв!

– Так же, как и остальные, – отрезала Катарина. – Но юный Ричард жив, так что один свидетель у меня есть. К несчастью, он далеко отсюда. Как и Рокэ Алва, наказавший Эстебана. Пусть кансильер Манрик повторит свои обвинения в присутствии Первого маршала Талига! Я не оскверняла прелюбодеянием святую обитель, я... Я, как могла, пыталась уговорить Лучших Людей Талига сложить оружие... И только Эстебана Колиньяра я приняла, потому что хотела его образумить... У меня сохранились его письма, которые мне подбрасывали подкупленные слуги.

В полной тишине раздался стук, словно хлопнула деревянная крышка, и глухой звон.

– Они здесь, ваше величество... Читайте...

Стон, дробь стремительно сменяющихся звуков, еще один стук, мягкий, глухой, тяжелый...

– Катари! Ей плохо...

– Воды...

– Камеристка! Где камеристка?

– Помогите!..

4

Главное она слышала, теперь бы убраться подобру-поздорову! Луиза метнулась в запиравшуюся изнутри королевскую туалетную, выждала, когда мимо двери промчалась дежурная камеристка, и выскользнула в небольшой коридорчик для прислуги. Там не было никого: то ли повезло, то ли Манрик озаботился.

Госпожа Арамона влетела в туалетную для свитских, где незамедлительно сунула два пальца в рот, без колебаний расставаясь с остатками обеда. Если что – у нее прихватило живот, и она просидела полчаса в месте, о коем даму спрашивать неприлично, чему доказательство – честно позеленевшая рожа. Тут и врач запутается, хотя если кто о ней и вспомнил, то это девочки.

Разоблачения Луиза не опасалась. Придворные были слишком утонченными, чтобы столь душераздирающий момент посещать низменные места, а забраться в будуар никто не догадался! Дуры!

Госпожа Арамона, придав лицу смущенно-расстроенное выражение, вышла в малую столовую. Дверь в большую приемную была открыта, и Луиза видела спины придворных

дам и фрейлин. Вдова капитана Лаик прикрыла губы слегка испачканным платком и замерла, выжидая подходящий момент.

Двери Жемчужной гостиной распахнулись, на пороге появился Фердинанд, и Луиза шмыгнула за спину графини Рафиано: почтенная дама могла бы загородить парочку Луиз, правда, это имело свои неудобства – графиня не только закрывала госпожу Арамону от всего мира, но и весь мир от нее.

– Мы, – промямлил король, – мы, Фердинанд Второй, король Талига, выслушали обвинения и оправдания и не были убеждены ни одной из сторон. Мы поручаем канцильеру проверить представленные герцогом Колиньяром доказательства. Наша супруга впредь до выяснения поступает под покровительство его высокопреосвященства Агния и под ответственность нашей Личной охраны. Мы разрешаем нашей супруге взять с собой необходимое количество слуг, а также разрешаем разделить ее одиночество придворным дамам, буде они согласятся сопровождать свою госпожу.

Король замолчал, придворные торчали истуканами, и тут впереди пискнуло:

– Ваше величество, позвольте мне... остаться с ее величеством!

Селина! Закатные твари! Луиза обругала себя последней идиоткой. Можно подумать, она не знала, на что способны влюбленные дурехи, но теперь деваться некуда. Не бросать же дочку на растерзание пойманной за хвост кошке и... Манрикам.

Луиза торопливо протиснулась вперед, но все равно оказалась не второй, а третьей. Айрис стояла рядом с подругой в полной готовности к драке. Окделл – он и в юбке Окделл, кто же это сказал первым?

Вдова капитана Лаик сделала реверанс.

– Ваше величество, я также прошу вашего согласия.

Король растерянно моргнул, на трясущихся губах появилась улыбка.

– Мы... Мы разрешаем... и мы... благодарим вас. Ее величество... Ей стало дурно...

Бедный Фердинанд, бедный, добрый Фердинанд, как же ему плохо. Узнать, что твоя жена – мерзавка и предательница, страшно, не знать наверняка – еще хуже.

Глава 4

Урготелла. Оллария

«Le Roi des Deniers & Le Un des Deniers & Le Six des Coupes» ⁶²

1

Фома Урготский выглядел в точности так, как должен выглядеть Фома Урготский. Полный, улыбчивый, в коротком кудрявом паричке и удобном коричневом камзоле, герцог с распростертыми объятиями бросился навстречу дорогому гостю, явственно напоминая Валме трактирщика или негоцианта. Да Фома и был негоциантом – хитрым, любезным и удачливым.

– Дорогой друг. – Голос у герцога, надо отдать ему справедливость, был низким и приятным. – Мы так рады вас видеть. Увы, наша встреча омрачена. Поверьте, Ургот оплакивает вашу потерю вместе с вами. Примите наши искренние соболезнования, все произошло так неожиданно...

– Некоторые вещи предотвратить невозможно. – На лице Ворона не дрогнул ни один мускул. – Так же как и предвидеть, но я искренне благодарю ваше величество за добрые слова.

⁶² Король Динариев, Туз Динариев и Шестерка Кубков.

Значит, все-таки «величество», а то Марсель сомневался, как называть урготского правителя. С одной стороны, Фома был монархом, с другой – не королем, а герцогом, хоть и великим. И кто же все-таки умер? Кто-то важный, раз ургот начал со скорби. Может, королева или наследник? А Рокэ хорош! Нипочем не подумаешь, что он знать не знает, что случилось.

– Но жизнь продолжается, – стоически заключил Фома, – а война только начинается. Талиг и Ургот остаются союзниками и друзьями, и подтверждение тому – ваш приезд. Нам так много нужно обсудить, но сначала я должен спросить, как вы себя чувствуете после столь утомительной дороги.

Рокэ Алва слегка поклонился:

– Не беспокойтесь о нас, ваше величество, мы бывалые путешественники. Тем более морской переход из Фельпа в Ургот не дорога, а прогулка.

Ничего себе прогулочка! Начиналось и впрямь вполне мило, но последние два дня! «Влюбленную акулу» мотало, как щепку, и Марсель не струхнул только потому, что взбунтовавшийся желудок очистил заодно и голову, напрочь выбивая из нее все мысли. Попасть на морское дно казалось не так уж и страшно, ведь там не было качки. Когда галера бросила якорь на рейде Фьянтины ⁶³, виконт несказанно удивился, что до сих пор жив, но вместо отдыха его ждали дождь и два пренеприятных часа в седле.

– Увы, вам не повезло с погодой, – Фома сочувственно покачал париком. Полезная вещь, особенно если не успел привести голову в порядок. Рокэ хорошо, у него от сырости волосы начинают виться, а как быть тем, кому не повезло?!

– Что поделать, – философски произнес Алва, – ваша осень славится дождями. Некоторые полагают, что урготеллские красавицы обязаны своей чудесной кожей именно климату.

– Весьма вероятно, – затряс паричком ургот, – весьма... Но вы, без сомнения, устали. Мы отвели вам комнаты в восточном крыле дворца, их можно занять немедленно, там есть все необходимое, а на слуг можно положиться.

– Благодарю ваше величество за заботу, – наклонил голову Рокэ, – но я предпочел бы сначала обсудить дела, хотя бы в общих чертах. Что до комнат, то я остановлюсь в посольстве Талига. Поверьте, я не самый приятный гость, к тому же моя репутация не позволяет мне находиться под одной крышей с юными девицами. Особенно с учетом некоторых обстоятельств...

– Ваша знаменитая хватка, герцог, – ургот приятно рассмеялся. – Что ж, прошу в кабинет. Кажется, я понимаю, о каких обстоятельствах идет речь, но мы еще поговорим об этом...

Приспичило им говорить о делах, можно подумать, завтра конец света. Хотя если завтра конец света, зачем говорить о делах? Лучше выпить и поехать к женщинам... Жаль, им не отвели отдельный особняк: жить под одной крышей с дядюшкой Шантэри – это ужасно. Хотя во дворце всяческих сложностей не меньше, и в нем наверняка подслушивают. Валме оглядел приемную – неплохо, но нипочем не скажешь, что здесь обитает чуть ли не самый богатый правитель Золотых земель. То ли у Фомы нет вкуса, то ли жадничает.

– Мой дорогой Марсель, как здоровье вашего почтенного батюшки?

Дородный человек с тоскливым собачьим лицом смотрел на виконта, как на сахарную кость. Так и есть! Четвероюродный дядюшка, раздери его кошки! И именно тогда, когда Ворон заперся с Фомой.

– Благодарю вас, дядюшка Франсуа! Когда я покидал Валмон, отец чувствовал себя неплохо.

– Мой мальчик, я был весьма удивлен, когда твоя матушка написала, что ты пошел в армию. Раньше я не замечал у тебя склонностей к воинской службе.

⁶³ Порт в четырех хорнах от Урготеллы, ее морские ворота.

Марсель и сам ее не замечал, просто так вышло. Встретил по дороге во дворец Ворона, и понеслось.

– Ну, – замылся Валме, – мне давно советовали заняться делом, а первый Валмон был военным.

– Я горжусь тобой, – старый пень взволнованно засопел. Неужели в самом деле растрогался? С него станется! Марсель подтянул живот, благо после фельпских походов это труда не составляло, и выпалил:

– Моя жизнь принадлежит Талигу и его королю!

Родственничек растроганно шмыгнул носом, но потом нахмурился:

– Теперь талигойцы, как никогда, должны быть готовы к любым неожиданностям. И, мой дорогой, вам и вашему патрону следовало бы повязать черные ленты. Конечно, вы одеваетесь по-походному, но приличия обязывают. Все добрые олларианцы надели траур, и даже герцогу Алве не следует шокировать своих соотечественников.

– Мы ничего не знали, – пробормотал Марсель. – Море, знаете ли...

– Не надо лгать дядюшке Франсуа, – нос снова шмыгнул, на сей раз осуждающе. – Поведение герцога Алвы не оставляет сомнений в вашей осведомленности.

– Ворон? – выпалил Валме. – Он ничего не знает, просто он вообще такой... Его ничем не проймешь. Мы в Фельпе получили приказ от Фердин...

– От его величества, – поправил старый зануда, заставив Марселя в очередной раз порадоваться бегству из-под крыла родичей. – Все талигойцы, оказавшись за пределами отечества, являются послами своей державы и не должны забывать о столь важных вещах, как титулование монарха.

– В любом случае, – огрызнулся виконт, – мы вышли в море, не зная ни кошки. То ли нас не сочли нужным известить, то ли какая-то скотина сперла письма. Последнее, что мы получили, это было письмо Силь... то есть его высокопреосвященства и королевские грамоты.

– Когда это было? – лицо дядюшки оставалось умеренно скорбным, но глазки стали жесткими. – Когда прибыл курьер и когда написаны послания?

– Получили в первый день Летних Молний. Рокэ, то есть Первый маршал Талига, сказал, что курьер не жалел лошадей. А написано было в ночь Ундий...

– Когда? – не понял дядюшка.

– С 11 на 12 Летних Волн...

– Ты не ошибаешься?

– Чтоб мне облысеть!.. То есть я не ошибаюсь. Письмо его высокопреосвященство написал ночью, а его величество подписал указы утром.

– Есть вещи, которыми не шутят, – затаил свою песню дипломат. – Я склонен тебе верить. Меня ввело в заблуждение поведение герцога, но Рокэ Алва умеет скрывать свои чувства. Тем не менее вам следует надеть траур.

– Я надену, – заверил Марсель, мимоходом пожалев об урготских портных. – Дядюшка, во имя Леворукого, скажите же наконец, кто умер?!

– Его высокопреосвященство.

Марсель едва не присвистнул, но дядюшка Шантэри такого бы не потерпел, а свистеть во дворцах было признаком дурного тона.

2

Катарина немедленно отпустила госпожу Арамону к заболевшей дочери, хотя от ее величества зависело мало: из дворца входили и выходили по пропускам, подписанным капитаном Личной охраны его величества. К счастью, Манрик смиловился, и Луиза, позабыв обо всех королевах и канцильерах мира, помчалась на улицу Хромого Цыпленка.

Дверь открыла Дениза, и у Луизы немного отлегло от сердца – будь с дочкой что-то

серьезное, кормилица выглядела бы иначе.

– А вас уже ждут, – сообщила Дениза, водружая на место многочисленные крюки и цепи.

– Ждут?

– Папаша ваш ждет.

– Как Амалия?!

– Здорова она, – махнула рукой Дениза, – у себя сидит. Это все граф затеял. Ох, не дело врать про хворости, накличешь еще...

Слава Создателю, с Амалией все в порядке. Луиза сбросила накидку и прошла в гостиную, где узрела господина графа и маменьку.

– Луиза, – Аглая Кредон прижала к груди ухоженные ручки, – милая Луиза... Как долго я тебя не видела... Я все понимаю, ты теперь дама из общества, тебе не до бедных мешан...

Если б не присутствие отца, Луиза б в очередной раз узнала, что она не мать, а мармалюка ⁶⁴, но в присутствии любовника нежная Аглая воздерживалась от простонародных выражений.

– Ну что вы, маменька, – выдавила из себя Луиза единственное, что можно было сказать.

– Не надо оправдываться, – Аглая Кредон поднесла к глазам вышитый платочек. – Ты здесь, с нами, это главное.

– Дорогая, – папенька взял из ручек любовницы платочек и промокнул несуществующие слезки, – Луиза не виновата. Сейчас покинуть дворец весьма непросто. Я прошу тебя оставить нас, нам нужно поговорить наедине.

Маменька вздохнула, накинула новую алатскую шаль и, окинув любовника и дочь грустным и нежным взглядом, выплыла из комнаты.

Будет подслушивать, а потом мотать жилы всем, кроме господина графа.

– Луиза, – господин граф протянул руку для поцелуя, – у нас долгий разговор. Садись.

Госпожа Арамона коснулась губами бледной кожи и опустила на банкетку. Итак, отец на два месяца раньше обычного вернулся из своих имений и устроил тайную встречу с самой неудачной из своих дочерей. Вот что значит удостоиться внимания Кэналлийского Ворона! И все бы ничего, но папенька и помыслить не может, что маменька подслушивает. Вот и крутись теперь, чтобы и пшеница была цела, и курица сыта, и лисица довольна. Одна радость – родители считают дочь не то чтоб вовсе дурой, но близко к тому. Значит, поглупеем еще больше.

– Я так волновалась, – заахала Луиза, – так волновалась... Это жестоко – написать, что Амалия больна...

– Так было надо. Я должен тебе кое-что объяснить.

Закатные твари, с такой же миной господин граф объявил ей о том, что внизу ждет жених. Арнольд пытался вести себя прилично, но она сразу же поняла, что за счастье ей досталось. Только вот выхода у нее не было.

– Да, сударь.

– С сегодняшнего дня я исполняю обязанности тессория. Надо ли говорить, какие это накладывает обязательства на нас всех?

– На нас? – вдова капитана Лаик вылупила глаза. – Но, господин граф... Я помню, что никому не должна рассказывать, что вы...

– Помолчи! – прикрикнул новоявленный тессорий. – Ты, хвала Создателю, не болтунья, но есть вещи, которых не утаить. Многие вельможи имеют внебрачных детей и внуков и оказывают им протекцию, в этом нет ничего зазорного. Но ни ты, ни Селина, ни Герард не

⁶⁴ Фольклорный персонаж, которым пугают детей. Ослица-оборотень, похищающая детей и принуждающая их работать на себя, пока они не умрут от истощения.

должны забываться.

Забудешься, как же! А тебе возьмут и напомним.

– Господин граф, – начала внебрачная дочь, не сомневаясь, что ее перебьют. И ее перебили.

– Так вышло, что твой сын заинтересовал Первого маршала Талига. Не сомневаюсь, причиной тому стал присущий твоей матери такт и то, что Герард – мой внук. Я рад, что герцог его взял на место юного Окделла, который запятнал себя отвратительным поступком.

– Создатель... – выдохнула Луиза, на сей раз совершенно искренне.

– Ты об этом не знала?

Святая Октавия, неужели нельзя было встретиться в аббатстве или в дворцовом садике? Маменька же разнесет сплетню по всей Олларии!

– О нет... Монсеньор... То есть герцог Алва предложил Герарду стать его порученцем. Я так поняла, что Ричард Окделл уехал за границу.

– Не уехал, а был выслан, – отрезал папенька. – Алва проявил чрезмерную мягкость. Есть все основания полагать, что молодой Ричард покушался на жизнь своего господина.

Ерунда, будь это так, монсеньор никогда б не оставил в своем доме Айрис, но зачем спорить? Дуры не спорят, дуры слушают, открыв рот, и в нужных местах ахают.

– Мы больше не будем миндальничать с заговорщиками, – заявил господин тессорий, и Луиза честно ахнула. – Покойный кардинал был человеком излишне мягким. Он мог раз и навсегда положить конец беспорядкам и заговорам, но не сделал этого. Леопольд Манрик из другого теста, с внутренними врагами Талига он поступит столь же решительно, сколь маршал Алва – с врагами внешними.

А папенька доволен! Еще бы, исполнилась мечта всей жизни, но счастливые люди глупеют. Она бы тоже одурела, посватайся к ней Ворон, но Ворон к ней не сватается, так что она в здравом уме и твердой памяти. Манрик вообразил себя Сильвестром, папенька вообразил себя Манриком, должен же хоть кто-то знать свое место!

Госпожа Арамона приоткрыла рот, надеясь, что выглядит махровой курицей. Новоиспеченного тессория это вполне устраивало, а может, он готовил речь на Высоком Совете. Речь была длинной, и Луиза поняла, что заговорщикам и тем, кого таковыми объявят, не поздоровится. А ей-то что? Пусть фламинго жрут спрутов и прочих леопардов, она и не чихнет, а на Ворона Манрики не замахнутся, куда им! Папенька вещал, Луиза кудахтала, а по стеклу ползали две мухи – маменька опять убрала Денизины травы, как глупо!

– ...так что я не советовал бы тебе впредь оказывать услуги Катарине Ариго, – возвысил голос господин граф, переходя от отвлеченных материй к делам насущным. – Самым разумным для тебя будет исполнять просьбы кансильера и капитана Личной королевской охраны. Это исключительно достойные люди, радеющие о благе Талига! Ты никогда не пожалеешь, что связала свое будущее с будущим Манриков. Разумеется, о ваших добрых отношениях не должны знать. Это относится не только к Катарине Ариго и дамам, принадлежащим к так называемым Домам Чести, но и в не меньшей степени к графине Рафиано и особенно герцогине Колинъяр.

Господин граф больше не называл Катарину ее величеством, а господин граф – мужчина предусмотрительный. Выходит, до возвращения Алвы наша скромница не дотянет. По крайней мере как королева. А что будет с детьми, чьими бы они ни были?

– О... – замялась Луиза. – Господин граф, а господин маршал не рассердится?.. Ну ведь... То есть королева... Все знают, и вы сами говорили...

– Луиза, – папенька мученически вздохнул, – это тебя не касается.

– Касается, – затарахтела глупая дочь. – Если у нас не будет королевы, как Селина сможет быть фрейлиной, а я придворной дамой? И потом, мне надо отвечать Герарду... Он такой хороший сын и так часто мне пишет. Монсеньор хочет сделать его кэналлийским бароном... То есть не бароном, я забыла, как это у них называется...

– Герцог Алва возводит Герарда в реи? – у папеньки отвисла челюсть, удивительное

зрелище. Выходит, Манрики писем из Фельпа ему не показывают?

– Да, – выпятила грудь Луиза, – в реи. Просто я слово забыла. Герард ждет моего согласия, ведь ему нужно отказаться от старого имени. Я должна ему разрешить, а он спрашивает, как мы и как ее величество, то есть Катарина Ариго, а монсеньор...

– Я лично поблагодарю герцога Алву, но заруби себе на носу, что сплетни о связи Первого маршала Талига и Катарины Ариго являются выдумками гайифских шпионов и продавшихся им изменников. Герцог Алва никогда не оскорбит своего сюзерена. Увы, Катарина Ариго оказалась недостойна оказанной ей чести. Герцог Колинъяр доказал, что она находилась в греховной связи с Оскаром Феншо-Тримейном и прижила от него троих детей.

Значит, Оскар Феншо-Тримейн... Понятно... Манрикам не нужна Катарина – любовница Первого маршала, потому что им нужен Первый маршал, без него Талиг – как собака без зубов. Что же сделают с Катари? Отравят? Отправят в Багерлее? В монастырь?

– Господин граф, – захлопала глазами Луиза, – его величество не считает вину ее величества доказанной.

– Этот... его величество слишком добр и доверчив, но я не расположен вести пустые разговоры. Твое дело – слушать, что тебе говорят. Герарду повезло попасться на глаза герцогу Алве, а Селине хватило то ли ума, то ли глупости отклонить предложение Леонарда Манрика, когда тот оказался, хм, в весьма непростом положении. Теперь Манрики нам обязаны, а они всегда платят за любезность любезностью. Их покровительство стоит не меньше, чем покровительство покойного кардинала, но мы должны быть благоразумны. Ты должна объяснить это Айрис Окделл.

Вот-вот... А еще объяснить петуху, что лучше не кукарекать, маменьке – что не стоит воевать с булочниками и задирать нос, а Манрикам – что надо сменить цвета.

– Я постараюсь.

– В скором времени эта девица получит жениха, и я надеюсь, что обойдется без глупостей.

Зря надеешься. Айрис втемяшила себе в голову, что она – невеста Ворона, и не откажется от этого ни за какие сокровища. Да кто бы на ее месте отказался?

– Господин граф, – выдохнула Луиза, – когда следует ждать предложения?

– Зимой. А теперь ты при мне напишешь письмо Герарду, – папенька схватил Луизу за руку, резко притянул и шепнул, – слава Создателю, Лу, ты не дура и не сплетница, но это не повод считать глупцом собственного отца!

3

Посольская резиденция на улице Жеребца хоть и считалась одной из лучших в Урготелле, Марселю не понравилась. Не то чтобы виконт тосковал по фельпским палаццо и олларийским особнякам, но столь любимые дядюшкой Шантэри розочки и рюшечки нагоняли хандру, а лакеи в белых стеганых ливреях походили на гусakov. Марселя раздражало все, хотя причин столь дурного настроения виконт не понимал. Разве что родственничек и дождь, если верить Ворону, зарядивший не меньше чем на два месяца.

Переодеваясь к ужину, Марсель был угрюм и небрежен, но траурную ленту повязать не забыл. Не хватало, чтобы старый зануда принялся его отчитывать при Рокэ и Герарде. И чего его понесло в Урготеллу, сидел бы как человек в Фельпе среди цветов и «пантер», так ведь нет!

– Господин посол ждут, – объявил «гусак». Валме поправил шейный платок и спустился в обтянутую персиковым атласом малую столовую. Стол был накрыт на троих, значит, порученцев в доме Шантэри держат в строгости, и на том спасибо. Дядюшка уже возвышался над кастрюлями, кастрюльками, мисками и соусниками. Старый дипломат вырядился, словно для приема, и рожа у него была самая занудная.

Валме пожелал доброго вечера и уселся на обитый местным бархатом стул. Часы

пробили девять, и появился Рокэ. Дядюшка мог быть доволен – на Вороне не было ни единой цветной нитки. Черный бархат оживляла лишь знаменитая Полуночная цепь.

– Добрый вечер, сударь, – Рокэ слегка наклонил голову, кажется, он решил следовать этикету. – Добрый вечер, Марсель. Дождь, я вижу, льет по-прежнему.

– Это только начало, – Франсуа Шантэри принялся приподнимать крышки со стоящих на столе блюд, возвещая: – Сердца перепелов в гранатовом соусе... Паштет по-ардорски... Горячий урготский сыр...

– Я доверяю вашему вкусу, граф, – заверил Ворон, – но сейчас меня больше занимает ваш нюх. Нас подслушивают, и если да, то кто?

– В этом мире нельзя ни за что ручаться, – дядюшка положил себе немного паштета и сердец, – но я принимаю меры. К тому же от нас ждут разговора тет-а-тет, а стол сервирован на троих. Это должно охладить пыл шпиона, если он, разумеется, в доме. Марсель, мальчик мой, мне, право, очень неприятно, но мы были бы тебе весьма признательны, если бы ты прошел в овальный кабинет. Дверь за ширмой с двумя пастушками. Разумеется, ты можешь взять с собой со стола все, что захочешь.

– Оставайтесь, виконт, – Рокэ поднес к глазам бутылку. – «Черная кровь» 374 года... Неплохой выбор.

– Простите, если я вас неверно понял, – Шантэри отправил в рот парочку перепелиных сердец. – Мне показалось, вы хотите совместить ужин с беседой на, ммм... некоторые темы.

– Хочу, – Алва ловко разлил вино. – Нас с вами нельзя назвать близкими знакомыми, граф, но мы в одной лодке, а она дала течь.

– Мне говорили и о вашей скрытности, и о вашей откровенности. Вы хотите, чтобы сын моего старого друга и родственника присутствовал при нашем разговоре?

– Да. Я знаю Валме лучше, чем вас. Мы вместе воевали и вместе развратничали. Это сближает. О вас я знаю лишь со слов графа Рафиано, он вас весьма ценит.

– Похоже, герцог, я удостоен встречи с вашей откровенной ипостасью. Итак, чем могу служить вам и Талигу?

– Что слышно из Олларии? Как вы, без сомнения, догадались, от меня и Савиньяка смерть Сильвестра скрывали столько, сколько могли.

– Вы не удовлетворены письмом нового канцильера и королевским рескриптом, которые я имел честь вам вручить?

– Отчего же, они довольно поучительны, но все познается в сравнении. Экстерриор упоминал, что вы немного доплачиваете шпионам Фомы, которые делятся с вами своей добычей. Рафиано находил это остроумным.

– Я польщен. – Дядюшка пододвинул Рокэ изящный серебряный соусник: – Умоляю, только с этой подливой! Итак, вы хотите знать, насколько правдивы письма Манрика и что происходит в Олларии? Начну с самого главного. Я не сомневаюсь, что его высокопреосвященство скончался от естественных причин. Насколько мне известно, тело обнаружили утром в кабинете у полка с книгами. Судя по всему, кардинал доставал труды Авесалома Кубмария. Смерть была мгновенной. Его высокопреосвященство не оставил никаких важных документов, кроме письма для вас. Или же их не нашли. Дальнейшее представляется чудовищным нагромождением случайностей и совпадений.

– Вот как? – Алва замолчал, пытался распробовать то ли соус, то ли новости. – Вы правы, восхитительно. Если не ошибаюсь, ваш повар увлечен эстрагоном... Так какие случайности вы имели в виду?

– Вы тонкий ценитель, герцог. Что до совпадений, то судьбе было угодно, чтобы в Олларии не оказалось ни экстерриора, ни вас, ни Салины, ни Ноймариненов, ни Савиньяков, ни Альмейды, а стоящие в непосредственной близости от столицы полки были сформированы недавно на средства, изысканные тессорием Манриком.

– О причинах отсутствия Салины, Альмейды, Эмиля Савиньяка и себя я догадываюсь, – заметил Алва. – Марсель, вы решили уморить себя голодом? Это один из самых отвратительных способов самоубийства.

– Вот еще, – возмутился Валме, хватаясь за нож. – Просто я не умею одновременно ужинать и скорбеть о бедах отечества.

– Учитесь, – посоветовал Ворон, – иначе заработаете несварение. Итак, граф, куда же и когда делись Резервная армия и Лионель Савиньяк и кто принял столичный гарнизон? Последние заслуживающие доверия известия я получил в начале месяца Летних Волн.

– Фома знает больше вас на целый месяц. Ваше здоровье, герцог!

– Я никогда не сомневался в Фоме, – Алва улыбнулся одними губами и поднял бокал: – Ваше здоровье, граф.

– Итак, возвращаемся в месяц Летних Волн. – Франсуа Шантэри отрезал кусочек темно-красного мяса и капнул на него соусом. – Его величество получил депешу о победе на море и пришел в неописуемый восторг. Насколько мне известно, он больше месяца был занят исключительно статутом нового ордена и созданием эскизов орденских знаков. К вашему возвращению, без сомнения, все будет готово. Получить эскиз шпионы Фомы не смогли, его величество оберегает государственные тайны весьма тщательно. Здоровье его величества.

– Создатель, храни Талиг и его короля. Итак?

– Итак, становилось очевидно, что Дриксен и Гаунау воспримут ваши победы менее восторженно. Поступили сведения о том, что они намереваются разыграть каданнскую карту. Бывшая Южная армия по вашему приказу была выдвинута к каданской границе, но его высокопреосвященство счел необходимым ее усилить за счет трех полков Резервной армии. Таким образом, границы Талига оказались на надежном замке, но его высокопреосвященство волновали ключи. В частности, вызывал сомнения Симон Люра, и его заменили на Лионеля Савиньяка. Предлогом послужила дуэль, на которой был легко ранен Леонард Манрик. Люра отозвали в столицу. Временно исполняющим обязанности командующего гарнизоном Олларики стал полковник Морен. Разумеется, герцог Ноймаринен в сложившейся ситуации не мог оставить север, а граф Рафиано отбыл в Ардору, чтобы принять участие в церемонии, посвященной совершеннолетию наследника. Что до Людей Чести, то они в подавляющем большинстве разъехались по своим имениям. Остались лишь те, кого задержали придворные обязанности.

– Судя по всему, в Олларики было весьма душно, – предположил Алва, отодвигая пустую тарелку.

– О да, – кивнул Франсуа Шантэри, – но это никоим образом не мешало герцогу Колиньяру искать тех, кто желал вашей смерти, сударь.

– Неблагодарное занятие, – Алва откинулся на спинку стула с бокалом в руке, – их так много... Впрочем, Колиньяр мог начать с себя.

– Он предпочел начать со слуг покойных Ариго и Килеана-ур-Ломбаха.

– И кем же он закончил?

– Трудно сказать, так как изыскания были прерваны смертью его высокопреосвященства. Как видите, герцог, считать происшедшее переворотом не приходится. Иначе нам пришлось бы признать, что во главе заговора стоял его высокопреосвященство, предусмотревший собственную смерть.

– Или не предусмотревший, – заметил Алва, потягивая вино. – Что было дальше?

– Дальше? Агний совершенно растерялся. В отличие от Леопольда Манрика. Этот действовал стремительно и успешно. Фердинанд подписал указы о назначении Леопольда Манрика канцильером, а Жоана Колиньяра обер-прокурором.

– Отвратительное слово, – скривился герцог, – впрочем, дриксенское наречие вообще отличается грубостью.

– Вы – знаток древних языков, – тонко улыбнулся дипломат, – помогите найти господину канцильеру имя для новой должности.

– Мне что-то не приходит в голову ничего, кроме производных от эмпызы⁶⁵, – пожал

⁶⁵ Эмпоза, эмпа – в гальтарской мифологии вестник дурной смерти, являющийся в виде домашнего

плечами герцог. – Может быть, эмпозорий? Нет, не звучит... Так что случилось дальше?

– Дальше Леонарда Манрика произвели в маршалы и передали под его командование Резервную армию и гарнизон Оллари. Все было сделано совершенно законно. Политика нового кансильера в целом продолжает политику покойного кардинала, хотя Манрики жестче. Судя по всему, предполагаются большая война и развод его величества. Новой королевой, вероятно, станет одна из урготских наследниц. Полагаю, на руку второй будет претендовать Леонард Манрик. Если, разумеется, его не опередят, – дядюшка Шантэри очень внимательно посмотрел на собеседника. – Обе принцессы в восторге от побед Кэналлийского Ворона.

– Я польщен, – Алва допил вино и аккуратно поставил бокал. – Благодарю за восхитительный ужин, граф. Боюсь, я вынужден вас покинуть. Мне нужно ответить на письма его величества и господина кансильера.

4

Проклятый дождь лупил в стекла, мешая спать. Валме ворочался с боку на бок, считал кошек, вспоминал «пантерок» и Марианну, придумывал новую вышивку на шарф. Он докатился до того, что перечислил по порядку всех императоров от Эрнани Святого до Эрнани Одиннадцатого и последнего, чего от унара Марселя не мог добиться ни один ментор, но уснуть так и не удалось. В три часа ночи виконт встал, оделся и вышел в коридор. Дядюшка Шантэри давным-давно дрых, слуги тоже, свет был погашен, горели только масляные ночные лампы на лестницах. Марсель прошелся по спящему особняку, то и дело налетая на мебель, нашел заполненную отвратительными книгами библиотеку, вернулся назад, с отвращением посмотрел на смятую постель и наконец постучался к Рокэ.

Дверь распахнулась сразу же – Ворон не спал. Герцог был без камзола, ворот рубахи расстегнут так, что виднелся еретического вида медальон. На столе горели четыре свечи и стоял бокал с вином. Второй, пустой, Алва держал в руках.

– Простите, – церемонно произнес Марсель, с подозрением переводя взгляд с застеленной кровати на широченное кресло и внушительных размеров сундуки, – я думал, вы один.

– Я один, – подтвердил Алва, ставя на каминную доску пустой бокал. – Располагайтесь, до рассвета еще далеко.

Герцог вернулся к столу, взял второй бокал, подошел к камину, пригубил, на мгновение опустил голову и выплеснул вино в огонь. Зашипело, пламя слегка пригнуло голову и с новой силой набросилось на дрова.

– Яд? – участливо поинтересовался Марсель. – Вот уж не ожидал от дядюшки Франсуа.

Алва не ответил, прикрыл ладонями глаза, потом провел по бровям к вискам. Мерно стучал маятник, глухо барабанил дождь, треснуло, прогорая, полено. Создатель, почему так муторно?!

– Спокойной ночи, – не очень уверенно произнес Валме. – Я, пожалуй, пойду.

– Прекратите, – Алва отнял руки от глаз. – Раз не спится, будем пить. Вино на столе у окна, не стесняйтесь...

Дядюшка Шантэри не поскупился. Вина было много, дорогого красного вина, пей – не хочу. Может, и впрямь напиться до одури, чтобы всякая чушь вроде излома эпох в голову не лезла? Вейзель напроорочил всяких гадостей, а теперь умер Сильвестр. То есть, конечно, он умер раньше, но для них – только сегодня.

Страшновато получается – одни умирают, а другие знать не знают. Для живых смерть не скелет в саване, а курьер на лошади: нет письма, нет и смерти...

– О чем задумались, виконт? – Маршал сидел на краю стола, поигрывая королевскими

печатами на черно-белых шнурках. Рядом лежали еще какие-то письма. От Манрика?

– Об эпохе, – признался Марсель. – Сильвестр умер, она и кончилась.

– Кончилась, – Рокэ небрежно подбросил письмо и поймал левой рукой. – Но «фламинго» танцуют, и огонь горит.

– Герцог...

– И? – Алва еще раз подкинул указ.

Под ложечкой у Марселя засосало, но он все же выпалил:

– Рокэ, почему мы ничего не делаем?

Алва отложил указ и занялся кольцами на руках. Объясняться с каким-то там виконтом он не собирался, но в Валме вселился кто-то тянущий за язык и толкающий в спину.

– Рокэ, вы должны вернуться. Нужно что-то делать, мы не можем сидеть и ждать, кто кого съест, то есть вы не можете...

Ворон медленно поднял голову, в синих глазах не было ничего, кроме холода.

– Что вы предлагаете?

Что он предлагает? Что он может предложить?! Можно подумать, это он играет королевскими печатами и чужими коронами.

– Разрубленный Змей, откуда мне знать? Это вы у нас Первый маршал Талига, вы и решайте.

– Первый маршал Талига может послушаться приказа своего короля лишь в одном случае, – зло бросил герцог, – если он тем самым спасает жизнь этому самому королю. Его величество весьма недвусмысленно приказывает оставаться в Урготелле и готовиться к войне с дожами. Его жизни ничего не угрожает, к тому же на улице дождь.

Вот так, Марсель Валме! Знай свое место и скажи спасибо, что тебя с твоими глупостями не послали к закатным тварям. Ворон соизволил взять тебя с собой, ты его забавляешь, с тобой можно пить и ездить к куртизанкам, но не суйся, куда тебя не просят. Кто ты такой, чтобы лезть с советами? Не твое это дело, а собственно говоря, у тебя и дел-то никаких нет. Даже у Герарда есть, а у тебя нет. Ты при кэналлийце то ли шут, то ли ученая собачка. И никто в этом не виноват.

– Рокэ, я далек от того, чтобы...

– Вы далеки, а я близок, – перебил Алва, бросая Марселю письмо, которое тот невольно поймал.

– Что это?

– Весточка из Заката.

– Но это же... Это же ваше!

– Неужели вы думаете, что новый кансильер был столь любезен, что переправил мне письмо покойного кардинала, не сняв с него копию? Если тут и были тайны, то все вышли... Читайте. Сильвестр заслужил, чтоб хоть кто-то его знал. Я не в счет, фламинго тем более.

...Письмо было остроумным и немного грустным. Постаревшая любовница, дочери Фомы, дурной шадди, собрано Алваро, кардинал Диомид, классическая поэзия, смерть Гийома Эпинэ, рассказанная экстерриором притча, немного политики, немного астрологии, будущая война, доракские вишни... Все вперемешку на нескольких страницах. Жизнь от начала до конца или все-таки от конца до начала?

– Прочли?

Марсель кивнул, не зная, что говорить и говорить ли. Рокэ взял из рук виконта исписанные листки, пробежал глазами, смял, бросил в камин. Пламя с кошачьей ловкостью поймало подачку, огненная лилия расцвела и завяла. Валме молча взялся за бокал. «...у Вас и Ваших ровесников есть куда более приятные возможности скоротать ночь, чем смотреть на гаснущие угли...»

Глава 5 Сакаци

1

Агарис был чужим, отвратительным, опасным, а Сакаци – добрым и гостеприимным. Здесь не бесились лошади, отсюда не ушли крысы, но от этого было только хуже. Когда тебе плохо, ничего удивительного, если тебя тянет в счастливое прошлое. Если тебе хорошо, если рядом друзья, у тебя все есть, а ты можешь смотреть только назад, – это конец. В лицемерном Агарисе Робер Эпинэ еще надеялся, что сможет где-нибудь прижиться, в милом, дружелюбном Сакаци он понял, что не создан для чужих краев.

Взгляд упрямо тянулся к закрывающей горизонт гряде, за которой лежала Эпинэ. День был ясным, ближние, заросшие буками и лиственницами горы отливали старой бронзой, дальние – вечерней синевой. Странно, почему Горную Алати называют Черной, это имя ей не подходит. Откуда вообще берутся названия, что они значат, на каких языках?

В Агарисе они с Матильдой были одинаково чужими, но теперь вдовствующая принцесса дома, а Робер Эпинэ – нет. Он может жить только в Талиге, и с этим ничего не поделать. Иноходец и не думал осуждать тех, кто нашел себя в чужих краях, он им завидовал. Конечно, отыскать местечко, похожее на Эпинэ, просто. В равнинном Алате много таких – с пологими холмами, виноградниками, оврагами, которые после ливней превращаются в бурные потоки, дикими вишнями, черными жаворонками. Там в каштановых рощах отъедаются свиньи, пылят дороги меж живых изгородей, в речных излучинах прячутся старые замки... Как похоже на южный Талиг, как отвратительно похоже!

Эпинэ попытался следить за птичьей стаей, но та вопреки здравому смыслу и подкрадывающейся осени летела в Талиг. Острый клин медленно таял в высоком небе. Завтра, к вящей радости обитателей Сакаци, будет ясно, и алаты всласть напляшутся вокруг своих костров. В Эпинэ Золотую Ночь называют Темной и не пляшут, а сидят по домам меж четырех свечей. Вернее, сидели, пока эсператисты не запретили, и все равно народ помнит. Девушки гадают, мужчины пьют, женщины с детьми собираются вместе, поют и жгут полынь и вереск, отпугивая пришедших за детьми закатных тварей.

Зачем чудищам человеческие младенцы, Робер не понимал даже в детстве, а однажды в Темную Ночь удрал от няnek и вышел в парк. Его никто не подменил, он не увидел ничего интересного – ночь как ночь, – но, когда попытался вернуться в дом, служанки подняли крик.

Дед, узнав, в чем дело, сам прижег руку внука раскаленным ножом, запретив скрывать ожог. Повелители Молний не верят старым сказкам, но слуги и крестьяне не должны сомневаться в своем сюзерене и болтать, что среди его внуков затесался подменыш. Шрам остался до сих пор. Если в Эпинэ вспомнят, кто из сыновей Мориса Эр-При разгуливал Темной Ночью, его точно ославят кукушонком. А может, уже ославили...

– Гици! Вот вы где! А то я избегалась прямо, – Вицушка кокетливо тряхнула кудрявой головкой, на стройной шейке весело звякнули образки и монетки.

– Да я вроде и не прятался, – невольно улыбнулся Иноходец. При виде Вицушки не улыбнулся бы только истинник – столько в этой резвухе было жизни и радости. Ему бы хоть кусочек, чтоб прожить, сколько отпущено, и не рехнуться от тоски.

– Гици, как кот, норовит повыше забраться, – припечатала девушка и деловито добавила: – Вас хозяйка ждет. Письмо вам прислали. С печатью. А гица у себя.

– Спасибо, – другой бы шлепнул красавицу пониже спины или чмокнул в пухлые

⁶⁶ Король Кубков, Туз Мечей и Тройка Мечей.

губки, но Робер не мог, хоть и злился на себя. Это было таким же лицемерием, как и все в его жизни. Не целовать Вицу и видеть сны о Мэллит. Клясться в верности Талигойе и убивать ее защитников. Жить у Матильды и думать, как сбежать в Эпинэ. Почему мы все время врем и кому врем больше – другим или себе?

Робер в последний раз глянул на горы и отправился к принцессе. Вдовице возвращение в Алат пошло на пользу, возможно, потому, что она навеки избавилась от париков и Хогберда.

– Я уж думала, ты в трубу вылетел, – сообщила Матильда, на плече которой восседал оскорбленный в лучших чувствах Клемент. – Эту Вицу только за пегой клячей посылать.

– Я на башне был, – Робер взял стоящий на столе кубок, близнец которого посверкивал у вдовицы в руке. – Что это?

– А ты попробуй, – подмигнула Матильда. – На меду и трех перцах! После охоты лучше не бывает.

Робер честно глотнул и едва не задохнулся. Матильда расхохоталась, Клемент чихнул. Тоже пробовал или за компанию? Принцесса лихо хлебнула закатного пламени, словно это было кэналлийское, и потребовала:

– До дна!

Это до дна?! Хотя почему бы и нет? Робер поднял кубок.

– Благословенна будь во имя Астрапа!

– Во имя кого? – Матильда ссадила Клемента в корзинку с хлебцами и ловко подхватила с бронзовой тарелки кусок вяленого мяса.

– Был такой, – сообщил Робер. – То ли демон, то ли нет, но молнии и прочие пожары – это по его части. И твоя касера, без сомнения, тоже.

– Это не касера, – возмутилась Матильда, – а настоящий тюрэгвизэ.

– Закатное пламя это!

– Может, и так, – пожалала плечами вдовица. – Ты почему не поехал друзей встречать?

– Альдо нужно поговорить с Ричардом.

– Вот дурни, – Матильда плюхнулась на покрытую медвежьей шкурой скамью, – нашли, чем заняться: тайны развели. А вы часом не поссорились?

Пока нет, но к тому идет. Потому что Робер Эпинэ не поведет Альдо Ракана и Ричарда Окделла в Гальтару. Вернее, он их туда не пустит.

– Матильда, Вица что-то сказала про письмо.

– Ах да, – Матильда хлопнула кубком о стол и толкнула Роберу футляр с дерущимися конями. – Альберт переслал. Из Эпинэ вроде... Я смотрела, Клемент нюхал и на зуб пробовал. Печати целы, и никакой дрянью не пахнет.

Из Эпинэ? Как письмо попало к Альберту? Хотя это как раз понятно. Писали в Агарис, его не нашли, отыскиали Хогберда, а тот и расстарался.

Робер нерешительно тронул печать, на которой под сцепившимися жеребцами проступал венок с мечом внутри, эфес с одной стороны отпечатался слабее... Личная печать отца... После Ренквахи она должна была перейти к новому маркизу Эр-При, но оказалась у матери.

Матильда сделала попытку подняться, и Робер вдруг понял, что не хочет читать письмо в одиночестве. Протянув принцессе пустой кубок, Иноходец торопливо сорвал восковую блямбу и вытащил желтоватый листок. Да, это мать. Ее почерк и ее манера оставлять верхнюю четверть листа пустой. Во имя Астрапа, почему он боится?

Слева зашебуршало – его крысейшество стоял на задних лапках, вцепившись передними в рукав Робера. Поблескивали глазки-бусинки, дергался нос, а усы с одной стороны крысей физиономии были гуще, чем с другой.

– Говоришь, читать? – спросил Робер и, не дожидаясь ответа, уставился на письмо.

«*Ро, дорогой!*» Следующее слово расплылось. Слеза? Или вода? В комнате матери всегда стояли цветы, только зимой их сменяли колючие ветки с красными ягодами.

Робер поднял голову, столкнулся взглядом с Матильдой, хлебнул подsunутой

принцессой касеры и одним духом прочел:

«Ро, дорогой, твой дед умирает и хочет видеть своего наследника. Я пыталась объяснить, что ты не можешь приехать, но он настаивает. Его состояние весьма плачевно. Врачи утверждают, что агонию продлевает уверенность больного в том, что он не может отойти, не передав тебе нечто важное. Что, он не говорит. Я ни на чем не настаиваю и ничего не прошу, но я поклялась именем Создателя написать тебе правду, хотя материнский страх едва не пересилил долг невестки и слово, данное на эспере Мориса.

Решай сам. Что бы ты ни выбрал, я благословляю тебя.

Храни тебя Создатель...»

Вот и разгадка. Дед! Лошади чуют чужую боль. И собаки тоже, а вот люди не всегда. А может, просто не понимают? Он думал, что сходит с ума, а его просто ждут. Дед ждет. Неужели правда, что Повелитель не может умереть, не благословив наследника? Раньше думали именно так, но Эгмонт умер легко и быстро, не увидев Дика.

Робер Эпинэ осторожно поставил пустой кубок на стол, положил письмо в футляр, закрыл и только после этого повернулся к Матильде.

– Я должен ехать. Немедленно.

2

Вот и не читай после этого чужих писем! Додумалась, отдала человеку какую-то пакость, можно подумать, не знала, что ничего хорошего из Эпинэ не придет. Что бы в Талиге ни творилось, это не повод лезть под топор, но поди-ка объясни это тридцатилетнему дурню, которого хлебом не корми, дай себя изгрызть! Матильда отхлебнула тюрэгвизэ и ворчливо осведомилась:

– Что прикажешь передать Альдо?

Робер вздрогнул и уставился на нее, словно его только что огрели чем-то тяжелым, причем из-за угла. Несчастный парень! Жаль, не придумали средства от совести, у некоторых ее слишком много, а это вредно. Взять бы у Робера лишнее да разделить между братцем и хогбердами. Человек на десять точно хватит, а если пожмотничать, то и на двадцать. И будет у нас тогда Альберт Фомой, а Хогберд Альбертом.

– Матильда...

– Твою кавалерию, заговорил, а я уж думала, ты языка лишился.

– Прочти, – он сунул проклятое письмо ей в руку, одна ладонь на мгновение накрыла другую. Он так ничего и не помнит, ну и хорошо. Но руки у него красивые. Нет ничего гаже мужчин с короткими толстыми пальцами! Короткие пальцы, короткие клинки, короткая совесть...

– Прочитай, – повторил Робер. Хорошо он о ней все-таки думает – вообразил, что она стесняется. Кошки с три!

Вдовица пробежала послание, потом перечитала внимательно. Провалиться ей на этом самом месте, если мать хочет, чтобы сын вернулся. Свекор ей проел в голове дыру, вот она и написала. Но так не зовут, так гонят.

– Робер, – бить его некому. – Твоя мать не хочет, чтобы ты приезжал. А дед... Уж извини, но из ума он выжил.

– Не знаю, – глаза у парня были как у лошади. Загнанной. – Говорят, Повелители тяжело умирают. Я места себе не нахожу, хоть и не знал, в чем дело.

Это правда, он и в самом деле как шальной бродит, а умирают все по-разному. Кто быстро, кто медленно, как повезет. Старику Эпинэ не повезло, и поделом! Это ж надо, тащить на убой единственного внука. Тяжело умирать, говоришь? А яд и кинжал на что? Чтобы в герцогском дворце не нашлось яда?! А грех на душу взять боишься – попроси. Та же невестка тебя с наслаждением прикончит, чтоб от сына отстал. Вообще-то дура она, эта

маркиза. Чем такие письма писать, отправила бы старика в Закат, и все!

– Теперь ты понимаешь?

– Не понимаю и понимать не хочу. Нечего тебе там делать. Я уж не говорю о том, что ты охоту пропустишь.

– Охоту?

– Охоту... Можно подумать, это я Борнов с Саво сюда вытащила. Что я с ними делать буду?

Так она и думала – неспроста вы с Альдо этих субчиков высвистали. Теперь тебе выбирать между вашей затеей и дедовыми воплями.

– Я поеду, – голос Робера звучал устало, но решительно. Куда решительней, чем минуту назад. Выходит, она напортачила? Точно напортачила! Богоданный внучек затеял какую-нибудь чушь, Робер не знал, как его унять, а теперь все само собой отпадет. Оболтусы будут охотиться и ждать Робера, а он... Создатель, если ты когда-нибудь кого-то слышишь, защити этого человека, он того стоит.

– Езжай, раз приспичило, – только б не сорваться. Не хватало возрыдать на груди черноокого красавца. Лет тридцать назад это, может, и помогло бы, а сейчас от такого зрелища сбежишь впереди своего визга. – Только если твой дед без тебя умереть не может, два дня не задержка. Отпразднуем – и проваливай. А Клемента не бери – жалко животину!

Робер на мгновение задумался, глядя на хвостатого приятеля, потом покачал головой:

– Мы поедем вместе. Как в Кагету... Завтра. Сегодня и впрямь не успеть. Надо Дракко перековать и вообще...

Про «вообще» Матильда спрашивать не стала. «Вообще» хлопало длинными ресницами в соседней комнате и не замечало своего счастья. Потому что видело лишь несчастье, и несчастьем этим был Альдо.

Твою кавалерию, пороть дуру некому! А еще гоганни. Одни разговоры, что рыжие своего не упустят! Хотя сама она еще дурей Мэллицы была, Альдо хоть не слизняк, как Анэсти...

Матильда сунула Эпинэ опустевший кубок, который тот честно наполнил.

– Ладно, утро вечера мудренее.

А всего мудренее ночь. Если у них сладится, он не уедет. Дед дедом, но когда это дедов предпочитали возлюбленным? Подпоить их обоих, что ли? Не поможет! Если мужчина пялится на красотку, как на святую, пои не пои – толку как от мерина. А влюбленная девчонка того хуже, в чистом поле сосну не заметит, не то что парня.

– Матильда, – Робер поднялся с кубком в руке. – Я хочу выпить за тебя!.. Ты столько... Я тебе жизнью обязан...

Чушь какая! Это она ему обязана последним счастьем в своей жизни.

– Вот-вот, сейчас считаться будем! А за меня пить не дам, не дело! Пить, так за тебя! Твою кавалерию, только попробуй шею сломать, пристрелю!

3

«Альдо, я получил письмо от матери. Теперь я понял, почему не поехал с тобой и Ричардом и почему последнее время мне было не по себе. Умирает мой дед, и я должен ехать к нему, это мой долг. Существует поверье, что глава Великого Дома не может уйти, не благословив наследника, не знаю, так ли это, но для того, чтобы дед ушел с миром, он должен меня увидеть. Я понимаю, что мой отъезд меняет твои планы, но иначе я поступить не могу. Если судьбе будет угодно сохранить меня и на этот раз, я вернусь весной. Это не так уж и плохо – я узнаю дорогу, расспрошу знающих людей, договорюсь с контрабандистами. Один человек легко пройдет незамеченным там, где отряду из семерых пришлось бы драться, а нам нужна тайна.»

Матильда знает обо всем, она читала письмо и отпускает меня, хоть и с неохотой. Твоя бабушка – изумительная женщина, я попытался сказать ей об этом, но она в ответ лишь обещала меня пристрелить, если я не вернусь. Как видишь, выхода у меня нет, я просто обязан уцелеть. Клемента я беру с собой, он приносит мне удачу, и потом, я просто не в силах с ним расстаться. Я еду завтра, хотя Матильда и соблазняет меня Золотой Ночью, но время не терпит. Простись за меня с Ричардом. В любом случае один Повелитель у тебя останется. Передай привет нашим друзьям, я очень сожалею, что наша встреча откладывается, но смерть – весьма несговорчивая дама, ей нет дела до наших намерений.

Желаю вам удачной охоты и умоляю: жалею лошадей и побольше фехтуй с Ричардом. Человек, который его учил, знал, что делает. У нас с тобой совсем другая школа, и, как ни печально это признать, она безнадежно устаревает. Ричарда не назовешь талантливым фехтовальщиком, но у него есть чему поучиться. Тебе и Борнам найдется чем заняться зимой, даже когда твоя красотка выйдет замуж. Впрочем, я не сомневаюсь, что ты скоро отыщешь ей замену в лице разумной вдовы или страстной девицы. Только будь милосерден к Мэллит, ведь ты – единственное, что у нее осталось, а ее сердце стоит дороже всех гальтарских сокровищ. Когда-нибудь ты это поймешь. В любом случае твой маршал желает тебе счастья и удачи и не сомневается, что так и будет!

Робер Эпинэ, пока еще маркиз Эр-При».

Больше писать было не о чем, а в том, что он написал, вранья было не меньше, чем правды. Робер не собирался помогать Альдо в его гальтарской затее, но как иначе задержать сюзерена в Алате хотя бы до весны?! Енниоль говорил про излом эпох, другими словами, но говорил. Старому кругу осталось всего год и четыре месяца, и эти четыре месяца Альдо Ракану следует гонять кабанов в Сакаци, а не лазить по древним лабиринтам в поисках сдохшего величия. Зимой в Мон-Нуар никто не сунется, а до весны надо еще дожить. Робер прижал письмо бронзовым подсвечником, потом передумал и запечатал, ведь там шла речь о Мэллит. Неужели сюзерен так и останется слепцом или ребенком, играющим разноцветными стеклышками и не замечающим подлинных сокровищ?

Зашуршало. Над краем стола возникла голова Клемента с миндальным сердечком в зубах. Крыс влез наверх, протопал к письму, положил на него добычу и громко пискнул.

– Решил, что мне грозит смерть от голода? – спросил Робер. Его крысейшество вопрос проигнорировал, занявшись помятыми усами. Эпинэ глянул на приношение: ни пылинки, ни паутинки, но такие коржики лежали в корзинке не меньше чем неделю назад. Делится запасами, можно сказать, от сердца отрывает.

– Спасибо, – Робер взял печенье и поднялся. – Ты настоящий друг.

Настоящий друг ничего не ответил, Робер опустил подарок в карман и вышел. Не проститься с Мэллит он не мог, хотя последнее время думал о ней меньше: странное щемящее чувство потеснило ставшую привычной тоску о невозможном. Нет, Иноходец Эпинэ не стал меньше любить девочку с золотыми осенними глазами, но, когда человеку холодно, остальное куда-то отступает. Роберу Эпинэ было холодно, и началось все с кошмара с тонущими в гвоздиках мертвецами, перешедшего в чудовищную ложь о Мэллит. Гоганни исчезла, превратившись в Лауренсию, и это был последний сон в жизни Робера. Больше ему не снилось ничего, и Эпинэ сам не знал, хорошо это или плохо.

...Мэллит сидела на постели, обхватив колени и положив на них подбородок. Она могла сидеть так часами, глядя в окно или в стену и о чем-то думая. Обрезанные Альдо волосы немного отросли и падали на плечи тяжелыми кольцами. Разрубленный Змей, пройти мимо такой красоты и вцепиться в хохочущую черноглазую Вицу?!

– Робер, – лицо гоганни озарилось улыбкой. – Ты знаешь, когда вернется... Альдо?

– Когда встретит наших друзей. Они хорошие люди, Мэллит, по-настоящему хорошие. Они тебе понравятся.

– Мне нравятся все, кто верен Первородному и Царственной, – застенчиво произнесла девушка.

Гоганни давно уже называла обитателей Сакаци по именам, ходила в обычных платьях и даже немного ездила верхом, но с Робером и Альдо превращалась в правнучку Кабиохову. Иноходец ее понимал, ведь они были последней ниточкой, связывавшей ее с уничтоженным домом.

– Мэллит, – Робер присел в кресло, стараясь не видеть тени от ресниц на нежной щеке, – я пришел попрощаться.

– Робер едет встречать Первородного?

– Нет... Я должен ехать домой, у меня умирает дед... Понимаешь, у нас есть обычай, он должен благословить наследника.

– Ты будешь старшим из колена Флохова, – кивнула Мэллит, – и узнаешь скрытое. Ты должен спешить, если тайное утечет в могилу, твое наследство уподобится коню без упряжи и клинку без рукояти.

– В нашем роду нет никаких тайн. – Как тяжело гнать от себя то, чего никогда не было, но что намертво впечаталось в душу. Ну почему он тогда проснулся?!

– Ты не можешь этого знать, пока не преклонишь колени перед отцом твоего отца, – Мэллит склонила голову на плечо, рыжая прядка вырвалась из-под зеленой ленты и упала на лоб. – Внуки Кабиоховы хранят ключи, но двери их занесло песком. Правнуки Кабиоховы, как псы, лежат у запертых дверей, и не им их отпереть.

– Я не хочу отпирать никаких дверей, Мэллит, – во имя Астрапа, что он несет?! – Я хочу просто жить. И чтоб все жили...

– Ты вернешься? – тихо спросила Мэллит. – Ты не можешь оставить Первородного, ты ему нужен.

Первородному... А тебе? Нужен ли тебе, хоть немного? Не как собака Первородного, а сам по себе?!

– Конечно, я вернусь, Мэллит, куда я денусь?

Глава 6 Сакаци. Оллария

«Le Trois des Bâtons & La Dame des Épées & Le Deux des Bâtons» ⁶⁷

1

Два секретаря, врач, шесть камеристок, два повара, две швеи, четыре вышивальщицы, восемь придворных дам, двенадцать фрейлин. С точки зрения Луизы, этого хватало с избытком, но графиня Рафиано утверждала, что столь малочисленная свита – неслыханное унижение для ее величества. Наверное, так оно и было, хотя Катарина Ариго недовольства не выказывала.

Королева не повела и бровью, когда ее переселили в пустовавшие восемь лет покои Алисы Дриксенской. Кое-как прибранные и едва протопленные, они производили впечатление склепа, но ее величество молча куталась в беличью накидку и на все причитания отвечала, что не чувствует холода и что ей во дворце ее супруга ничего не грозит. Луиза не сомневалась, что Катарина Ариго врет, причем нагло. Она мерзла, и она боялась, да и кто б на ее месте не боялся?!

В собственных апартаментах Катарины распоряжались люди Манрика и Колиньяра, и они могли найти не только то, что там было, но и то, чего там не было. В чем, в чем, а в этом госпожа Арамона не сомневалась, в том числе и потому, что дважды присутствовала при

⁶⁷ Тройка Посохов, Королева Мечей и Двойка Посохов.

обысках как свидетельница со стороны обвиняемой.

Чего искали хурии ⁶⁸, Луиза не знала и знать не хотела, но ей было противно, словно кто-то рылся в ее собственных вещах. В свое время маменька изрядно покопалась в тайниках дочерей, извлекая на свет божий то засушенный цветок, то список модного сонета, то раздобытое с помощью служанок средство от угрей. Самая невинная вещица в руках Аглаи Кредон превращалась в улику несуществующего преступления, а проповеди о неподобающем и подобающем поведении привели к тому, что Луиза стала держать свои тайны в голове. И все равно смотреть, как в женскую спальню вламываются чужие мужчины, простукивают пол и стены, выдвигают ящики с бельем, выворачивают наизнанку сорочки, было омерзительно. Чем тщательней люди Манриков искали улики, тем больше Луизе хотелось, чтобы они остались с носом.

Катарину Ариго загнали в угол, впереди ее ждали позор и, скорее всего, смерть, но она боролась. Каждым жестом, словом, взглядом, улыбкой. Королева оставалась такой, как и раньше, не изменив ни одной из своих привычек, разве что запрещенные именем короля поездки в аббатства заменили ежедневные чтения.

Разумеется, читали Книгу Ожидания. Женщины в придворных платьях бубнили о кознях Леворукого, возвращении Создателя, справедливости, наказании виновных и оправдании невинных, а Луизе казалось, что она сидит в материнском доме и ждет, когда у погромщиков дойдут до них руки.

«Тяжело устоять пред Леворуким, умело он расставляет сети, обещая каждому то, чего жаждет неискушенная душа. Обещает дать здесь и сейчас и дает, ибо, пока Создатель далеко, Леворукий близко...»

Если бы! Будь все так просто, Леворукому пришлось бы побегать, исполняя желания. Смерть, она когда еще придет, а желания – вот они. Девушка Кредон первая бы сунулась к Чужому со своей душонкой сначала за красоту, потом за ночь с синеглазым кэналлийцем, а что теперь? Во время бунта она б отдала все, только бы спасти детей, но Арнольд хотел заполучить именно их. Куда он делся и где Цилла?

Если бы она могла плакать о дочке, это был бы знак: та упокоилась с миром. Но живые не могут оплакивать выходцев. У нее нет слез, значит, Цилла где-то бродит... Она всегда была злой, ее девочка, почему?

«...чтобы унижить Создателя, он расставляет ловушки, обещая спасение и защиту. Ниспосланные Создателем испытания Леворукий превращает в силки и капканы, в кои ловит слабых и усомнившихся».

Слабых и усомнившихся... Умирающий с голоду, да просто умирающий примет любую помощь. Или почти любую... Мать у постели больного ребенка будет слабой и усомнившейся. Приговоренный к казни будет слабым и усомнившимся. Да появись здесь Повелитель Кошек, Катарина Ариго повисла бы у него на шее не хуже, чем у Алвы, и Луиза Арамона ее бы не осудила.

В прихожей послышались стук и шаги, но королева и не подумала оглянуться. Катарина Ариго сидела у стола, подпирая рукой подбородок, и, казалось, была полностью поглощена откровениями святого Симона. Она не повернула головы даже тогда, когда в комнату ввалились мужчины в черно-белом. Леонард Манрик! Собственной персоной, с ним двое секретарей, четверо хуриев и несколько гвардейцев.

Чтица вздрогнула и замолчала, испуганно глядя на рыжего теперь уже маршала. Тот поклонился.

– Добрый вечер, ваше величество. Простите, что отрываю от столь благочестивого занятия.

Катарина Ариго чуть шевельнула рукой, прерывая дурацкие излияния.

– Я слабая женщина, сударь, и не могу помешать вам и вашим спутникам войти.

⁶⁸ Дознаватели, ведущие дела о государственной измене.

– Ваше величество, я буду краток. Мне известно, что вы ночью написали четыре письма. Я доподлинно знаю, что эти письма при вас, и прошу их показать.

– Вы делаете успехи, маршал. Из вас получился отменный тюремщик.

– Благодарю, ваше величество. Покажите письма. Если они не несут в себе ничего предосудительного, я распоряжусь незамедлительно доставить их адресатам.

Закатные твари, какие у всех рожи, в гробу и то веселее.

– Благодарю за заботу, но я не писала никаких писем.

– Ваше величество, не следует скрывать то, что скрыть невозможно. Ночью вы зажигали свечи, а в вашем бюваре недостает четырех листов.

– Вот как? – приподняла бровь королева. – После того как вы пересчитали мои сорочки и чулки, вы взялись за листы бумаги. Если бы вы не были тюремщиком, маршал Манрик, вам следовало бы стать лавочником или ростовщиком. Подсчеты у вас в крови, так же как у Алва и Савиньяков – война.

– Я исполняю свой долг перед моим государем. – Лицо Манрика начало багроветь. – И я не уйду, пока не получу то, за чем пришел. Отдайте мне письма, или я буду вынужден прибегнуть к обыску.

– Вы намерены превратиться в уборщика? – пожала плечами Катарина Ариго. – Что ж, приступайте. Не сомневаюсь, вы не забудете получить плату за поденную работу. Селина, дитя мое, смени графиню Рокслей.

В спальне, гостиной, приемной шуршало, звякало, шелестело, но королева Талига не отрывала взгляда от золотистой головки, склоненной над Книгой Ожидания. Селина читала о видениях святого Адриана, откровениях блаженного Леонида, Иоанновых дикреталиях, читала, пока капитан Личной королевской охраны не захлопнул последнюю шкатулку и не навис над столом.

– Мы осмотрели комнаты, – Леонард Манрик изо всех сил старался казаться спокойным, но веко у него подергивалось, а лицо пылало, – и не нашли никаких писем. Теперь я должен подвергнуть личному досмотру сначала ваших дам, а потом и вас.

– Должны? – Катарина говорила очень тихо и очень спокойно. – Знает ли об этом долге наш супруг?

– Его величество снабдил меня чрезвычайными полномочиями, – Манрик слегка поклонился. – В Эпинэ зреет бунт, сударыня, а связи вашего величества с мятежной провинцией общеизвестны.

– Зреет бунт? – переспросила королева. – Этого следовало ожидать, и это только начало...

– Вы угрожаете? – рыжий маршал подобрался, словно охотничья собака.

– Кому я могу угрожать? – покачала головой Катарина. – Тем более в моем нынешнем положении. Но вы правы, я родилась в Эпинэ, и я ее знаю. Провинцию взбунтовали вы с Колиньярами, вернее, ваша глупость. Эпинэ – породистая лошадь, она не потерпит дурного седока и не позволит возить на себе бочки с нечистотами.

– Эпинэ будет возить то, что следует, а мне нужны письма! Даю на размышление пять минут, нет, минуту!

Сорвался, сейчас ногами затопает, как покойный супруг. Закатные твари, да он мокрый, как утка! Чего доброго, удар хватит. И поделом, но обыск... Ладно, Катарина не помрет, а она тем более – задерут юбку, им же хуже, но девочки!.. Рыжий мерзавец положил глаз на обеих. А может, обыск – повод? Нет, Манрикам не до женщин, им главное – не подавиться Талигом. Голову они проглотили, но до хвоста далеко...

Рыжий маршал громко щелкнул часами.

– Время истекло, ваше величество. Я последний раз предлагаю отдать письма.

Королева резко вскинула голову, она смотрела не на Манрика, а на пришедших с ним офицеров и чиновников, и те один за другим краснели и опускали глаза. Леонард дернул щекой, он был красней свеклы. Если б не Селина с Айрис, это было бы хоть и мерзко, но

смешно. Луиза поймала взгляд графини Рафиано. Толстуха едва заметно подмигнула, и Луиза опустила глаза. Личный досмотр так личный досмотр! Графиня Рафиано – жена экстерриора, а язычок у нее не хуже, чем у отсутствующего супруга.

Капитан Личной королевской охраны поклонился.

– Ваше величество, соблаговолите проследовать в будуар.

Обошлось. Решил начать с королевы. Может, ей же и закончат? Письма наверняка за корсажем.

– Королева Талига не может уединиться с мужчиной, – равнодушно произнесла Катарина Ариго.

– В таком случае... В таком случае...

Графиня Рафиано с силой толкнула столик, на котором стояла здоровенная дриксенская ваза, расписанная фруктами и цветами. Наследие Алисы шмякнулось об пол, разлетевшись на сотни кусков. Грохот остановил бы багряноземельского носорога. Но не Манрика.

Катарина рванула цепочку на шее, ее лицо было блее платья.

– О да, – хмыкнул Манрик, – самое время падать в обморок. Впрочем, обыску это не помешает, напротив...

Дальше Луиза ничего не поняла, не успела понять. Между Катариной и Манриком возникла Айрис Окделл. Раздался громкий шлепок, голова маршала странно дернулась, а юная герцогиня прошипела: «Навозник».

– Вы за это поплатитесь!

Из носа Леонарда хлынула кровь – Айрис Окделл была не киской, а лошадьё и била не лапкой, а копытом. Хотя из носа могло и само потечь. От напряжения.

– Ничтожество! – Айрис не собиралась отступать. – Трус! Мерзкий трус! Твое место на виселице!

– На виселице место изменников, – Манрик отчаянно шмыгал носом, пытаясь унять кровь, – в частности Окделлов.

– Тварь навозная! – орала Айри. – Я все расскажу монсеньору! Слышишь, все... Жаба! Он тебя раздавит, как крысу.

– Герцог Алва не защищает изменников, – новоиспеченный маршал уже справился с собой и теперь зажимал лицо платком, – и изменниц. Даже если они распускают слухи о близости с маршалом.

– Это не слухи! – вскинулась Айрис. – Герцог Алва – мой жених, и он узнает все!

– Герцогиня Окделл, – Катарина лишь слегка повысила голос, но Айри вздрогнула и захлопала глазами, словно ей за корсаж бросили кусок льда. – Благодарю вас, но я пока еще королева Талига. И я не позволю дотрагиваться до себя забывшим свое место выскочкам! Вы хотели прочесть, что я писала этой ночью? Извольте!

Катарина придвинула к себе Книгу Ожидания, подняла обеими руками и потрянула. Выпало несколько листков, три упали на стол, один, кружась, опустился на пол рядом с юбкой ее величества.

– Читайте, хотя не думаю, что вы и ваш почтенный батюшка разбираетесь в правилах стихосложения. Это не счета за мыло и не долговые расписки!

Луиза Арамона повидала в своей жизни множество счетов и расписок, но формулу великого Веннена – два раза по четыре строчки и два раза по три – она тоже знала. Катарина Ариго ночами писала сонеты, а Манрик в очередной раз остался с носом. Разбитым. И он отнюдь не производил впечатления человека, склонного прощать. Выходцев останавливают старыми заветами и четырьмя свечами, а вот долго ли удастся заклинать Манриков именем Ворона, тем паче тот о своей якобы помолвке ни сном ни духом?

что готов немедленно пуститься в путь. В Сакаци крыс процветал, стоило ли брать приятеля с собой? Насчет своей участи Робер не загадывал, но Клемент имел все права на счастливую и долгую жизнь, хотя крысы, кажется, живут года четыре, не больше. Если смотреть с этой колокольни, его крысейшество старше своего хозяина лет на двадцать. Клемент, почувствовав взгляд, загадочно дернул хвостом, чихнул и посеменил к Роберу. Герцог позволил крысу вскарабкаться по спине на плечи. Будь что будет, а приятель отправится в Талиг. Он везучий, ему ни кошки, ни войны нипочем!

Крысиная шерстка привычно щекотала щеку. В галерее Эпинэ прорва Повелителей Молний – кто с мечом наголо, кто с соколом на плече, и ни одного с крысой. Он будет первым и последним. Хотя вряд ли ему случится позировать художнику. Робер решительно сунул пискнувшего Клемента в сумку. Пора было идти, но как же не хотелось!

Странные все же твари люди. Зверю хорошо, когда он силен, сыт и свободен, человеку этого мало. Он сам на себя охотится и сам себя ест. Кто заставил деда, отца, братьев сражаться за, в общем-то, неправое дело? Кто вынуждает Робера хранить верность фантому, тому, чего нет и, наверное, никогда не было? Герцог Эпинэ может остаться в Алате, охотиться, пить, есть, жениться, наконец. Разумный человек так бы и поступил, а он метался по Сакаци, как волк по клетке. Что ж ты, мой дорогой, когда дверцу открыли, пятишься назад? Ехать так ехать! Герцог Эпинэ перекинул через плечо сумку с крысом, одернул куртку, подхватил плащ.

Матильда позаботится о Мэллит, сюзерен – о Дике, и вообще, если решил, делай и не оглядывайся. Вино выпито, последние слова сказаны, а прошлое цепляется за ноги, как колючий степной выюн. Закатные твари, хватит себя жалеть!

Повелитель Молний почти выбежал из своих покоев, промчался полутемными коридорами в противоположную от комнатки Мэллит сторону и спустился во двор. Под ногами темнели заботливо политые камни, пахло еловым дымком и жареным мясом – на поварне готовились к празднику, но во дворе о предстоящем веселье напоминали только огромные кучи хвороста и ждущие своего часа бочки с вином. Кто-то маленький и хитрый, затаившийся в уголке души, зашептал, что один день ничего не изменит и вообще напоследок можно повеселиться. Можно, конечно; можно вообще не уезжать. Робер ускорил шаг, стараясь не глядеть по сторонам. Он решил, и он не свернет.

До разговора с Мэллит еще была возможность отступить, теперь такой возможности нет. Если он останется, гоганни решит, что он солгал. Если он задержится, он столкнется с сюзереном. Нет, нельзя ему оставаться...

На конюшне пили, и это было хорошо, потому что пьяного ничем не удивишь. Ну приспичило гици на ночь глядя куда-то ехать, его дело. Сам взялся седлать коня? И вообще хорошо!

Старый Калман, нос которого был еще ярче, чем обычно, отворил двери и заговорщицки подмигнул:

– Золотая Ночка, гици. Не мешает погреться.

– Золотая? – переспросил Робер и понял, какую чушь сморозил.

– Она, родимая, – брови Янчи взмыли вверх. – Да еще и полнолуние... Переждали бы, мало ли...

– Ничего со мной не будет.

– Ну, дело хозяйское, – пожал плечами конюх, спихивая со стола живо заинтересованного ужином кота. – Может, и пронесет. Только с коня не сходите. Да не оглядывайтесь, хоть бы маменька родная вас кликала.

– Не буду.

Некому его кликать. Мать далеко, сюзерен тоже, Матильда будет скакать между костров, Мэллит он не нужен, а его крысейшество и так с ним.

– Гици!

– Вица?! Сдурела! – Калман оторопело уставился на заплаканную девушку, та в ответ только носом шмыгнула.

– Гици, возьми меня с собой.

Вица была одета для дороги, но кое-как. Косы с яркими лентами, колушок расстегнут, под ним праздничная вышитая кофта и монисто из образков и эспер. Ясно, наряжалась к празднику, но что-то случилось. Схватила одежду и галопом на конюшню.

– Вовсе стыд потеряла, – наставительно произнес конюх. – Вот отцу расскажу...

– Я убью его! – выпалили Вица. – И Магду убью! Вот те знак святой, убью.

– Ну и дура, – припечатал Янош, – нашла за кем бегать. За Балажем Надем! У него на каждой опушке по подружке, а в каждой корчме – по вдове. Шла б умылась, праздник, чай!

– Я тут не останусь, – завела свое Вица. – Гици, вы все одно едете, возьмите до Яблонь. А то в Золотую Ночь одной на дороге...

Робер с сомнением поглядел на конюха. Тот подмигнул:

– А и возьмите! Не уймется она... Да и вам веселей будет. И у куста, и под кустом. Ишь чего удумали, в Золотую Ночь разъезжать!

Иноходец был осведомлен, что в Золотую Ночь по дорогам бродят сплошные закатные твари, но сам он таковой не являлся, да и Вицушка была Вицушкой, семнадцатилетней дурехой, рассорившейся с дружкой и сбежавшей к родичам. Будь она упырицей, не болталась бы по замку, не было б на ней эсперы, да и кони с Клементом забили бы тревогу.

– На лошадь заберешься?

– Як бы гици руку дал...

Робер протянул руку, Вица уцепилась и ловко устроилась за спиной Робера. Пальцы у нее были горячие и сильные, с ней было все в порядке, а вот он после агарисских чудес вконец одурел, везде ему нечисть видится. Эпинэ сунул Калману пару золотых.

– Выпей за мою удачу, она мне понадобится.

– За нами не задержится, – рассмеялся алат. – Возвертайтесь поскорее. Ну, Вица, смотри, не затащишь гици в хоровод да на сеновал, грош тебе цена!

Вица фыркнула сквозь слезы, конюх заржал не хуже жеребца и распахнул дверь конюшни.

3

В дворцовых парках жгли листья, горьковатый дым пробирался всюду, напоминая о приближающейся зиме, но Луизе это нравилось. Она всегда любила осень, даже когда не знала, что Рокэ Алва родился на седьмой день Осенних Волн. Этой осенью герцогу исполнится тридцать семь, надо заказать молебен, если, конечно, ее отпустят в храм, хотя почему бы не отпустить? Покидать покои Алисы запрещено только Катарине, свитские могут входить и выходить почти свободно. От тех, кого держат за сторонников королевы, ждут какой-нибудь глупости, те, кто шпионит для Манриков, должны отлучаться для доносов. Она и сама честно рассказывает кансильеру обо всем, что видит. Другое дело, что видит она мало: королева отнюдь не была дурой. Луиза тоже, но об этом Манрик не знал, а о том, что думает доносчица, не спрашивал.

– Госпожа Арамона, вас проводить? – гвардеец из всех сил старался быть любезным. Шпион? Или провинциал, для которого любая придворная рожа – большое начальство?

– Не стоит, я просто пройду по саду. Душно.

– Да, сударыня, – согласился молодой человек, распахивая дверь в Летний садик, где правила бал осень. – Когда вернетесь, позвоните.

Луиза кивнула и спустилась по пологим ступенькам. В полумраке белели статуи, к носу мраморной астрэры ⁶⁹ прилип желтый лист, на плече веселого лесного духа сидела

⁶⁹ В доэсператистской мифологии спутник одного из древних божеств, дитя стихии или дух местности. Эсператисты почитают их демонами, но Франциск ввел моду украшать сады и парки копиями древних скульптур. Впоследствии талигойские художники развили эту тему, а после Двадцатилетней войны мода на «галтарский стиль» распространилась и на эсператистские государства. Исключение составлял Агарис.

сумеречная сойка, под ногами скрипела каменная крошка, обиженно журчал одинокий фонтанчик. Садовники еще и не думали укутывать кусты роз сосновыми лапами, всю цвели георгины, дымчатые лилии и дриксенские астры. Эти бледно-лиловые звездочки на тонких стебельках убивают только настоящие морозы, а до них еще далеко. Может быть, сорвать несколько веток? Цветы могилу – и ту оживят, а тут как-никак королевские покои, хоть и заброшенные.

Луиза забралась в пахнущие то ли лимоном, то ли полынью заросли и вдохновенно принялась ломать хрупкие стебли. Это отвлекало от выходки Айрис, с которой нужно что-то делать... Дурочка загоняет себя в такую яму, из которой не выбраться. Разве что Ворон и впрямь на ней женится, с него станется, но тогда воспитанница из огня угодит в полымя.

Арнольд, раздери его наконец закатные твари, был скотиной, а маменька и господин граф соизволили объяснить дочери, что с ее внешностью нужно лопать то, что ей купили. И она лопала, но всякий раз, когда муженек гулял на стороне, ей хотелось выть. От унижения, обиды, чего-то непонятного и злого, что раздирало душу на куски. А что станется с Айри, когда Рокэ отправится хоть к королеве, хоть к Марианне? Святая Октавия, девчонка с ума сойдет, хотя ей-то какое дело? И вообще, курица еще и яйца не снесла, а она, дура эдакая, уже кошек от цыплят гоняет...

Луиза сорвала еще несколько веток, попятилась назад и налетела на кого-то живого.

– Их можно поставить в яшмовую вазу.

Катарина! Тьфу ты пропасть, подкралась, как привидение!

– Ваше величество...

– Я просила называть меня по имени, и вы обещали. Правда, это было раньше... До смерти его высокопреосвященства. Святая Октавия, если б кто-то мне сказал, что я стану сожалеть о человеке, которого считала своим главным врагом... И врагом Талига...

А если бы кто сказал, что Луиза Арамона станет на сторону коронованной шлюхи... Что она, кстати говоря, здесь делает? Подышать захотелось?

Вдова капитана Лаик переложила цветы в левую руку и вздохнула:

– Смерть его высокопреосвященства – большой удар для Талига.

Для Талига... А для Рокэ Алвы? Они ведь ладили. Он уже знает? Конечно, знает, он все знает. Если б он захотел, он уже был бы тут.

– Манрики были руками Дорака. – Королева сорвала ветку астр, и Луизе не осталось ничего другого, как присоединить ее к своему букету. – Но руки без головы могут только разрушать. На радость Гайифе и Дриксен. Если будет восстание, страшно подумать, сколько прольется крови.

И что прикажете отвечать? Соглашаться? Спорить? Разинуть рот и выпучить глаза? Врет она или нет? Леворукий разберет, но Манрики от ее вранья лучше не станут. И хуже не станут, потому что хуже некуда.

– Создатель защитит невинных, – на всякий случай пробормотала Луиза.

Катарина не ответила, сорвала еще несколько астр, поднесла к лицу. День стремительно угасал – осень, куда денешься.

– Лучше выйти из зарослей, – королева бережно раздвинула стебли. – Пусть видят, что мы здесь...

Правильно, пусть видят. Они собирали астры, только и всего. Утром Манрик спросит, о чем они говорили. И она ответит, что о цветах и о смерти Сильвестра.

– Как скажете, ваше величество.

– Катарина, – мягко поправила королева. – В моем теперешнем положении титул – издевка.

А положение у тебя незавидное, хотя после сонетов Манрик должен поутихнуть. После сонетов и после Айрис... Рыжий кобель выставил себя полным дураком. И так и надо, не лезь, куда не просят!

Королева Талига и ее придворная дама медленно брели между кокетливых статуй. Катарина молчала, глядя куда-то вдаль. Надо полагать, на окруженный ореолом лунный диск. Ночь будет холодной и ясной, а завтра начнется осень. Предпоследняя осень Круга Скал.

– Луиза, – королева резко остановилась, – это правда?

Закатные твари, о чем она? Что Луиза Арамона шпионит для Манриков? Правда, что шпионит. Неправда, что на Манриков.

– Я не понимаю...

– Айрис Окделл... Она выходит за Ро... за герцога Алву? Вы это знали? Знали и молчали!..

А вот теперь Луиза едва не упала. Она ожидала чего угодно, но не этого, а Катарина судорожно сглотнула и заговорила. Быстро, лихорадочно, словно боясь, что ее остановят.

– Я понимаю, – руки королевы теребили цветы, руки жили, а лицо было совсем мертвым, – я все понимаю... Он должен жениться... Но если он женится, я умру. И если он умрет, я тоже умру, потому что не могу без него. Понимаете, не могу! Когда он уходит на войну, я не живу, а он живет только на войне. Ты знаешь, как я цепляюсь за свою красоту... Ради него... Айрис хуже меня! Она глупа, упряма, а в постели будет никакой. Я это вижу, я говорила с ее матерью. Дочь будет такой же... Жилистой, худой, с бледными губами. О да, лучше северянка, чем кэналлийка или мориска. Она ему быстро наскучит, он вернется ко мне... Но как же я ее ненавижу!

Закатные твари! Закатные твари, Разрубленный Змей и Леворукий со всеми своими кошками... Вот тебе и скромница... Мы хотим маршала и не хотим, чтоб он женился. Мы ревнуем, и мы даже не врем...

– Ваше величество, успокойтесь.

– Простите, – королева отшвырнула изувеченные цветы. – Я... Мне в последнее время так страшно... Королева не должна быть слабой, но я больше не могу. Карл – мое отражение. Они все спрашивают, кто его отец... Леонард, Колинъяр, тессорий... Я не могу называть его кансильером... Манрик не кансильер, а Агний не кардинал... Это куклы, злые куклы! Они все знают, всегда знали, но им не нужна правда. Они не могут обвинить Рокэ Алву в прелюбодеянии – без его шпаги им конец. И они не признают Карла сыном Фердинанда. Они хотят развести его со мной и женить на Лионелле Манрик. Женить до возвращения Рокэ.

А ведь похоже на правду. Тут испугаешься. Манрикам с Колинъярами отступить некуда. И Катарине тоже.

– Но...

– Фердинанд... – Катарина взяла Луизу за руку, и женщина с готовностью замолчала. На такие откровения лучше не отвечать, а всего лучше их вообще не слышать. – Бедный... – Луиза не сразу сообразила, что Катарина имеет в виду своего супруга. – Он так любит Карла... Он не смог отправить меня в Багерлее. Но и защитить не смог. Фердинанд знает все. Про меня, про Рокэ... Он любит нас обоих, а мы... Мы ненавидим друг друга...

Так ненавидите или любите? Начала говорить, говори дальше, чего уж там! Знать бы еще, когда ты врешь, сейчас или раньше? Или ты врешь всегда?

– Вы не хотите, чтоб герцог Алва женился на Айрис, но... Прошу меня простить, правильно ли я расслышала...

– Вы не понимаете, – зашептала королева, – мы ненавидим друг друга, потому что... любим. Я не хочу любить человека, который всегда будет хозяином, ведь я не собака. И Рокэ не хочет. Я не такая женщина, которая нужна Ворону. Его бесит, что я вздрагиваю от любого звука, а по утрам молюсь. Он думает, я лгу, но я на самом деле такая. Я не могу назвать вещи своими именами, не могу раздвинуть ноги и засмеяться, а для него это трусость. Я часто

теряю сознание, для него это ложь. В меня влюбляются желторотые мальчишки, делают глупости, ссорятся, дерутся, он считает, что это – моя вина, но я не виновата! Как он не виноват, что в него влюблена половина женщин Талига.

Не виноват? Наверное, нет. Любовь, она как крапива, прет из земли, никого не спрашивая.

– Герцог Алва – весьма красивый кавалер, – брякнула Луиза первую попавшуюся пошлость в ужасе от того, что Катари догадалась. Мать, отец, Арнольд ничего не заметили, а эта...

– Мы с Рокэ как день и ночь, – королева продолжала говорить о своем. Нет, она ничего не знала, иначе бы не завела этот разговор. Влюбленная кошка счастливой сопернице глотку перервет, уж кто-кто, а Катарина это знает. Айрис у нее в голове, Айрис и Манрики... Их величество ревнует и боится. Ничего, ей полезно...

– Мы никогда не поймем друг друга, – ныла кошка, – и никогда не сможем друг без друга. Он уходит, а я остаюсь ждать. Теперь я жду, что Рокэ вернется и спасет меня, и он придет и спасет, а потом... Потом скажет что-то грязное, и я его возненавижу. До слез, до смертельных оскорблений, а он будет смеяться и говорить, что, когда я бросаюсь на него с кулаками, он спокоен. И я брошусь на него с кулаками, окажусь у него на клинке, забуду все на свете, кроме нашей любви, а он скажет, что я снова лгу, встанет и уйдет... И я не буду знать, когда он вернется, где он, с кем – с мужчиной, с женщиной, с врагом, с другом... Я буду желать ему смерти до... до следующей любви...

– Ваше величество. Нужно вернуться, мы гуляем слишком долго.

– Вы правы... Но я не могу сейчас.... Там свет, будет видно...

Будет. Губы она искусала ой-ой-ой как, хотя после сегодняшнего неудивительно. И что прикажете теперь делать? Сообщить Манрику о великой любви королевы Талига к Первому маршалу? А почему бы и нет.

– Ваше величество, успокойтесь. Вы сейчас должны думать о детях.

Королева остановилась и опять схватила Луизу за руку. Сильно схватила, ручонки даром что тоненькие, а при случае придушит, не охнет.

– Я думаю, – королева задыхалась. – Только и делаю, что думаю! Если не о Рокэ, то о Карле... Девочки – не так страшно, девочек могут оставить. Будь я бездетной, я бы сказала все, что им нужно, и пропади оно пропадом! Монастырь так монастырь, Багерлее так Багерлее. Если б Карл походил на Ворона, его бы не тронули, не посмели...

Закатные твари, скажешь ты наконец без вывертов, от кого твой выводок?! По всему выходит, от кэналлийца, но от киски крыски не родятся, хотя, может, потемнеют еще.

– Дети... – Катарина словно бы забыла о собеседнице. – Это – расплата... Моя мать... Моя мать в юности любила другого человека, не нашего отца. Она стала графиней Ариго, но мой старший брат... Все, кто его видел, все понимали... Отец добился, чтобы титул достался Ги. Это было справедливо, но Жермон стал нашим врагом. Он нас возненавидел. Всех: мать, отца, братьев. Я помню, как это было. День шестнадцатилетия Ги, все собрались в Гайярэ, в большом зале, все, кроме Жермона... Пришли крестьяне, принесли молодое вино, Ги был в красном и золотом...

Ги был мерзавцем, уж в этом Луиза не сомневалась, мерзавцем и трусом, затеявшим Октавианскую ночь. Рокэ его убил и правильно сделал, но сестра есть сестра.

Луиза вздохнула, при желании это могло сойти за сочувствие, но Катарина утонула в воспоминаниях, она не видела никого и ничего.

– Было так весело, – королева мечтательно улыбнулась. – Я заплела новые ленты и ужасно важничала, а отец надо мной смеялся. Приехал Морис Эпинэ со старшим сыном, потом Савиньяки, Пуэны, Агиррэ, Миллэ. Эпинэ привез Ги шпагу, а матушке и мне – корзины роз... Жермона не было, отец решил его не ждать и начал церемонию... Жермон пришел, когда Ги стоял на коленях перед сюзереном и приносил присягу Молнии. Жермон... Он вел себя ужасно, он был пьян, вернее, думали, что он пьян. Отец рассвирепел, приказал слугам привязать его к седлу и отвезти в Торку. Больше в нашем доме счастья не было...

Осенью слуги что-то нашли в подвале, мне не говорили, боялись испугать. Приходил священник, потом съентифики. Мать боялась, отец и братья смеялись... Съентифики допускали, что проклятие возможно. Они спорили о природе магии, как спорят о... О том, есть ли в Бирюзовых землях внутреннее море и в каком году построили Гальтару. Они спорили, а наша семья погибала, и никто ничего не понимал, не мог сделать.

Первым сошел с ума отец, потом умерла мать, теперь – братья. Осталась я... Последняя Ариго. Я, мои дети и проклятие... Жермон походил на своего отца и потерял графство. Карл теряет корону и жизнь, потому что он – одно лицо со мной. Я... читала, спрашивала, думала... Я надеялась снять проклятье, но это невозможно. Моя любовь – тоже проклятие. Рокэ устал и от ненависти, и от любви... Я тоже устала.

Рокэ устал не от ненависти и любви, а от тебя. Любую любовь можно истрепать, так что тебе, милая, конец. Без него ты и впрямь не можешь, тут ты не врешь, а вот все остальное... Хотя чьим бы сыном ни был Карл, не Манрикам решать, сидеть ему на троне или нет. Луиза решительно взяла королеву под руку.

– Если мы сейчас же не вернемся, нас посадят на цепь. Ваше величество, вы привыкли молиться, ну и молитесь. Создатель не допустит, чтобы страдали невинные.

Как же, не допустит он, тысячи лет допускал, а тут не допустит, но надо же что-то ей сказать. Закатные твари, еще не хватало утешать эту дохлую кошку, вот ведь...

Глава 7 **Черная Алати. Сакаци**

«Le Quatre des Coupes & Le Huite des Êpêes & Le Neuf des Coupes» 70

1

Дракко покинул конюшню с готовностью, но на мосту встал и оглянулся – зачем, дескать, куда-то тащиться на ночь глядя. Конь был прав, но Робер слегка сжал колени, посылая жеребца вперед. Будь Дракко человеком, он бы пожал плечами, но полумориск мог лишь фыркнуть, что и сделал, после чего послушно порысил залитой вечерним солнцем дорогой. У поворота Робер оглянулся и совершенно зря, смотреть назад – дурная примета, а он только и делает, что оборачивается да ловит давным-давно разбежавшихся кошек. Ничего, к полуночи они доберутся до Яблонь, Вица останется у тетки, а он отправится в Ракери. Дальше Робер не загадывал: нет ничего глупей, чем седлать еще не купленную лошадь, уж лучше поболтать с попутчицей о какой-нибудь ерунде.

– Вица.

– Да, гици...

– А ты не боишься?

– Чего? – девушка хихикнула. – Гици или Золотой Ночки?

Ну, красotka! Только что носом хлюпала, а теперь смеется. Ему б так! Матильда права – он слишком серьезно ко всему относится. Что ж, попробуем посмеяться.

– А хоть бы и меня!

– Ох, гици, – Вица тоненько хихикнула. – Да вы никак меня в кусты потянуть грозитесь. Ну дак и потяните! Как Балаж со мной, так и я с ним!

А что? Другой бы на его месте так и поступил. Вицушка – прелесть, Альдо зря не скажет, и вообще, честней иметь любовниц, чем засыпать в надежде на бесстыдные сны о девушке, которая тебя не любит и никогда не полюбит. «Ты не можешь оставить

70 Четверка Кубков, Восьмерка Мечей и Девятка Кубков.

Первородного», – сказала Мэллит. Попроси она: «Останься, ты нужен мне», – он бы послал к Леворукому и деда, и самого Создателя.

– Вица, окстись, тебе ж замуж идти!

– Ну и пойду, – в голоске не было ни удивления, ни стыда. – Хозяйка мне так и так приданое справит. С золотом любая свекровка примет, а с кровавой рубашки какая прибыль?

Матильда справит ей приданое? Ах да, Альдо! Куда ж без него. Мэллит знает или нет? Что она вообще знает о Первородном, о чем они с Альдо говорят? И только ли говорят?

– Ты не только с Балажем гуляла?

– С Балажем – гуляла, – мурлыкнула Вица, – с Альдо – не только, а с гици – как гици решит...

А чего решать, один раз живем! Золотая Ночь, какой ни есть, а праздник, а что дальше, только Леворукому ведомо.

– Уговорила! Дай только до твоих Яблонь добраться, а то как бы дождя не было.

– Не будет, барич, – заверила Вица. – В Золотую Ночь всегда ясно. Громыхнет разок-другой на закате, лето в осень упадет, и все.

Разок-другой... Робер с сомнением глянул на выраставшую на глазах свинцовую стену, впереди которой мчались серые облачные звери. Сухая гроза? В Эпинэ такие случались, особенно осенью. Марикьярский холм, на котором Повелители Молний возвели свой первый замок, словно притягивал к себе небесные стрелы. Иноходец подозревал, что этому обстоятельству предки и обязаны своим титулом. Точно так же как Окделлы – надорским скалам и вошедшему в поговорку упрямству, Борраски – степным ветрам, а Придды – тому, что поселились на побережье.

А гроза все-таки будет, и немалая! Ну не могут такие тучи не нести с собой дождя! Вернуться? Дурная примета, да и сколько можно возвращаться? Талигоец слегка сжал колени, Дракко с готовностью перешел на кентер. Стремительно темнело, вдалеке порывкивал гром, поднявшийся ветерок играл с желтыми листьями, словно расшалившийся котенок, ему было весело, и Роберу, как ни странно, тоже. Будь его воля, он пустил бы Дракко галопом, но загонять коня – последнее дело.

До Яблонь оставалось часа три, ненастье их застигнет как раз на перевале, ну да Черная Алати не Сагранна, не утонут. Полумориск легко бежал среди высоченных буков, приближающееся ненастье его не пугало, так же как и Вицу, затянувшую какую-то варварскую песенку. Пела девушка неплохо, а мелодия как нельзя лучше сочеталась с конским бегом и шумом деревьев.

Мой дружок меня поцеловал,
Ночь бросает звездные огни.
Никому его я не отдам,
Только с темной ночью поделю.
Эх, подружки, разбегайтесь кто куда,
Разбегайтесь побыстрей,
Мои когти поострей,
К моему дружку не лезьте,
Будут косы целей!

2

Да, она пьяна, ну и что?! В Золотую Ночку не пить – Осень и Лето гневить. Матильда осушила кубок красного, ухватила за руку Мэллицу и потащила в несущийся между костров хоровод. Жарко, весело, и плевать, что тебе давно не пятнадцать и с тобой отплясывает не дружок, а гоганская девчонка.

Жаль, Робер уехал. Дурень, что б ему было остаться, вино и огонь и не таким кровь поджигали. Может, и сладилось бы у него, не с Мэллит, так с другой, эх...

Мой дружок садился на коня, —

жаловались скрипки, —

На меня он даже не взглянул,
Черный конь унес его на юг,
Не вернется мой дружок ко мне.
Плещет речка под горою, —

вмешались цимбалы и дудки, —

твоя молодость еще, милая, с тобою!

Матильда выхватила из рук доезжачего Ласло Надя старую бронзовую чашу, ополовинила, сунула назад, Ласло глотнул, кто-то толкнул его под локоть, красное вино залило белую рубашку. Доезжачий засмеялся, бросил пустую чашу виночерпию, рядом Имре Бибок подхватил под локти какую-то девчонку, понесся в лихом гатоше ⁷¹. Альдо – болван, прозевать Золотую Ночь! А еще на четверть алат.

Матильда пихнула локтем Ласло Надя.

– Хозяйка!

– Я те дам хозяйка! – Матильде море уже было по колено. – Твою кавалерию, мы пляшем или нет?

Доезжачий оказался понятливым, и они полетели вслед за Балажем, в толпе мелькнула Мэллица – дуреха не танцевала. Не умеет? И не научится, если будет ушами хлопать. Гоганы всем хороши, но веселиться не умеют, потому у них все и наперекосяк. Кто-то швырнул в костер пару начиненных порохом кружек, гроыхнуло, полетели искры, раздались радостные вопли, скрипачи наподдали – то ли старались заглушить крики, то ли вносили свою лепту в общий шум.

Эй, неси скорей вина,
Гейя-гей,
Ну-ка выпьем, старина,
Пей до дна, пляши!

Что они и делали. Перед Матильдой и Ласло летел его братец Балаж со своей невестой, ленты девушки развевались, широкая юбка вздувалась парусом, кружилась, обнажая стройные ножки.

– Парочка хоть куда! – выкрикнула Матильда на ухо кавалеру.

– Точно, хозяйка, – кивнул тот. Принцесса резко отстранилась, так что Ласло ее едва удержал, потом, наоборот, бросилась к нему. Доезжачий понял, подхватил, да и с чего ж ему было не понять, так в Алати плясали испокон веку. Дальше пошло как по маслу. Они вертелись, как заведенные, сходились, расходились, менялись парами, вновь неслись меж костров под обезумевшие скрипки. С шумом рвался порох, к небу взлетали шутихи, и им отвечали дальние сполохи.

– Лихая ночка! – выкрикнул капитан Дьердь Габоди, отчаянно стуча коваными каблуками по выдавшим виды камням.

⁷¹ Быстрый парный танец.

– Твою кавалерию! – согласилась Матильда и нахально чмокнула вояку в жесткие усы. Габоди заржал, ухватил принцессу за бедра и поднял над танцующими. Силен, бычара! Рядом Ласло подкинул вверх какую-то рыжюлю. Жужанну никто не подбрасывал, но толстуха не унывала, размахивая, словно платком, вышитым передником. С треском разорвалась очередная шутиха, Матильда вновь ощутила под ногами камни, рассмеялась в лицо капитану, оказалась в объятиях доезжачего, в который раз сообщившего, что она – красавица. Врет, но как кстати! Вдовица дернула Ласло за ухо, прошипела «укушу», скрипки взвизгнули, кавалеры вновь поменяли дам, и принцесса обхватила необъятную талию Имре Бибока.

– Ух ты! – выкрикнул изрядно набравшийся комендант. – Барышня!

– Ух я! – показала язык Матильда. – Имрек, а покажем-ка мы им!

И они показали. Имре хоть и отрастил себе три пуза, прыгал, как мяч, топал, хлопал, вертелся, припадал на колено, Матильда скакала вокруг. Так она не плясала даже в ту сумасшедшую ночь, когда Ферек... Дурак он, этот Ферек.

Ну-ка, братцы, веселей,
Гойя-гей!
Тосковать, дружок, не смей!
Пей до дна, пляши!

Как-то вышло, что остальные остановились, глядя на них и хлопая в ладоши:

Скачет всадник по дороге,
А подружка уже ждет на пороге.
Плещет речка под горою,
Твоя молодость пока, милая, с тобою...

3

Луна висела прямо над головой, изо всех сил освещая искрящуюся от инея дорогу, а по обе стороны лежала тьма, древняя и тревожная. Сухая гроза давно отгремела, ветер стих, тучи развеялись, но лучше б они остались. Робер сам не понял, когда непонятный восторг сменился еще более непонятной тревогой. Все было спокойно: деревья на обочинах – и те не шевелились. Над Черной Алати стояла дремотная тишина, но Иноходец предпочел бы ненастье или, на худой конец, нападение разбойников, которые, по слухам, шуровали в здешних краях, не забираясь, однако, в окрестности Сакаци. Неудержимо захотелось проверить пистолеты, но Робер сдержался. Если шарахаешься от темных кустов, не шлйся по ночам, а сиди дома у огонька под образами. А поехал – кончай трястись!

Дракко наступил на сухую ветку, та хрустнула, и звук этот показался громче крика. Робер невольно вздрогнул, вполголоса выругался и постарался сосредоточиться на дороге. Нет, дальше Яблонь он не поедет, выпьет вина – и спать. Ездить по ночам – глупость несусветная.

Сзади вздохнула Вица. Живое тепло одновременно успокаивало и возбуждало. Пожалуй, ляжет он сегодня не один. Хотя с чего это он решил, что Вица жмет к нему из похоти, мало ли, что девушка сболтнет от обиды на дружка? Она тоже может бояться! Наверняка боится, женщина как-никак, да и народ в Алати суеверный дальше некуда, хоть и смелый до одури во всем остальном.

В сумке завозился Клемент, раздался осторожный писк, и Робер, сам не зная почему, натянул повод. Крыс пискнул еще разок, потом зашипел – ему что-то не нравилось.

– Ой, гици, – зашептала Вица, – худо тут. Поехали назад...

Худо? Все оставалось на месте: дорога, небо с луной, лес, но крыс шипел, а Дракко втягивал ноздрями воздух с явным подозрением. Вернуться? Их на смех поднимут, особенно если Вица разболтается. Робер зачем-то коснулся кинжала и тронул поводья, но Дракко уперся. Он не хотел идти вперед, как когда-то не хотел в Агарис. Клемент рвался из сумки и, забыв о приличиях, возмущенно верещал.

– Гици, – Вица сзади теребила за плечи, – вернуться надо...

Робер кивнул, все еще не решаясь развернуть коня. Что же там впереди? Труп? Или и впрямь какая-то нечисть?

Цок, – раздалось в холодном воздухе. Цок-цок-цок– цок...

Лошадь! Почему же так жутко? Обычная лошадь, причем одна. Один всадник – не враг, с одним он управится. Или нет? Эпинэ лихорадочно дернул за узду, Дракко развернулся и карьером понесся назад, в лицо ударил ветер, кованые копыта загрохотали, как кагетские барабаны. Клемент заткнулся, значит, все правильно, крыс хотел, чтоб они повернули. Во имя Астрада, что же там такое? Лошадь... Лошадь?.. Когда он болел, ему тоже чудилась лошадь, но он все забыл. Все, кроме страха!

Дракко мчался, словно за ним гнались закатные твари. Таким аллюром, да с двойной ношей, он скоро свалится. Что бы ни цокало на дороге, они от него оторвались. Робер натянул поводья, но жеребец продолжал хрипеть и рваться вперед. Эпинэ удалось остановить коня лишь с большим трудом, но, едва смолк стук копыт, послышалось знакомое неровное цоканье. Лошадь, если это была лошадь, плелась сонной трусцой, они летели наметом, но проклятый звук приблизился, хотя ночью слышно далеко. Разрубленный Змей, что за тварь навязалась на их головы?!

– Гици, – теперь Вица прижималась к нему всем телом, и Робер даже сквозь одежду чувствовал, как она дрожит. – Гици... Беда!

Он и сам видел, что беда, понять бы еще какая!

– Ты слышишь? – Робер заставил идти Дракко походной рысью, не давая сорваться в галоп. Если они уморят коня, им конец.

– Слышу, – горячее дыхание у щеки... Как же хорошо, что он не один. – Это Она!

– Она? Что это за тварь?

– Не знаю... Никто не знает... Она ночами ходит... Это очень плохо...

– Готов согласиться.

Вица не ответила, только изо всех сил цеплялась за его пояс. Проклятое цоканье становилось отчетливей. Да что же там за страсть такая?! Лисы, когда их гонят, исхитряются забраться на камень и поглядеть на охотников. Влезть на дерево? Много увидишь в такой тьме! Дорога петляет, с нее не свернешь, остается либо ждать, либо бежать. Дракко оглянулся на хозяина, в лиловом зрачке вспыхнуло лунное пламя. Конь чуял, что позади, хозяин – нет. Полумориск всхрапнул и без спросу сорвался в галоп, Робер его сдерживать не стал.

Они убегали от луны, а она недвижно висела над головами. Клемент притих, Вица тоже, в кромешной тиши слышался только топот Дракко, но Робер не сомневался – погоня не отстает. Теперь он точно знал, кто их преследует – лошадь без всадника. Эпинэ словно бы видел ее: толстая пегая кобыла с длинным светлым хвостом и давно нестриженной гривой, один глаз закрыт светлой челкой, над другим темное пятно. Тварь спала на ходу, но отвязаться от нее было так же невозможно, как от зависшей над головой луны. Робер отчаянно заморгал и затряс головой: видение исчезло, ощущение смертельной угрозы осталось. Он знал, чуял, где сейчас тварь, хоть и не представлял, откуда пришло это знание. И все равно Эпинэ дважды переводил Дракко в кентер, давая ему отдышаться. Сейчас главное – конь, без него они с Вицей – покойники, если не хуже.

– Гици! – рыпнулась Вица. – Гици, пустите меня.

– Что? – он ослышался или она рехнулась?

– Гици, я сойду! А вы скачите...

В ответ на такую чушь можно только зарычать, по крайней мере если руки заняты.

Робер зарычал, девушка замолчала. Храброе сердечко! От какой ерунды порой зависит, жить или нет. Обидеться на дружка и погибнуть ни за грош!

– Гици, пустите!

– Помолчи!

Дракко мчался, очертя голову. Сумасшедший мориск Алвы – и тот бы его догнал не в раз, но толстая кобыла приближалась медленно и неотвратно... Как старость или зима.

– Я сойду!

– Заткнись!

– Гици! Гици! Стойте!

Дракко вскинулся на дыбы и захрипел, но они усидели. Сзади мерно цокала спящая лошадь, впереди прыгала босая девочка в белой рубашке и кружевном чепчике.

Робер никогда не видел ее и не знал, что она такое, но это было концом... Смертью, ужасом, бороться с которым нет ни сил, ни смысла. За спиной зашевелилась Вица. Она была живая, еще живая. Дракко захрипел и обернулся к хозяину, в огромных глазах замерла обреченность. Они попались, им не вырваться. На всякий случай Робер сжал дрожащие конские бока, Дракко всхлипнул, но с места не двинулся. И не двинется. Не может. Сзади была одна смерть, впереди – другая, еще более отвратительная.

Девчонка улыбнулась щербатым ртом, на губе у нее была родинка. И на щеке тоже. Из-под чепчика выбивались короткие прямые прядки, рубашка с крахмальными оборками обтягивала толстый животик.

– Гици, – шептала Вица, – гици...

Робер оглянулся. Проклятая лошадь остановилась. Она сделала свое дело – пригнала добычу к... К кому?! Почему-то Роберу приспичило узнать, как зовут лыбящееся чудовище, а полуголая девчонка была именно чудовищем – беспощадным и хитрым. Толстые губы шевельнулись.

– Я сказала, что заберу, и я заберу, – голос детский, писклявый, капризный... Страшный голос.

Дракко трясся и храпел, в своей сумке верещал Клемент. Они все еще живы, и это он затащил их сюда. Подлец! Рука Робера потянулась к пистолетам, но сил хватило лишь на то, чтоб выпустить повод. Рука вязла в лунном свете, точно в смоле.

– Я сказала, – надулась девчонка, – и я заберу. Но она мне не нужна! Не нужна!

– Неужели?

Во имя Астрапа, кто это? Где?!

Оглянуться он не мог, лунная смола держала крепко.

– Иди вон! Вон! – маленькая гадина топнула пухлой ножкой, и без того уродливое лицо исказила злобная гримаса, но это было лучше прежней щербатой улыбки.

– Нет!

Луна ослабила хватку, Вица тоже разжала руки. Что с ней? Обморок? На этот раз он сумел обернуться.

Белые волосы, зеленые глаза... Опять сон?! Нет, на этот раз нет! Где Вица?! Или... Или он вез за спиной Лауренсию с самого начала?!

– Это мой разговор, – женщина быстро поцеловала его в губы, – мой... Не бойся... Я крикну, а ты скачи!

Он все понял, но...

– Лауренсия...

– Молчи!

Вновь раздался смолкший было цокот. Большая тварь двинулась на помощь маленькой. Беловолосая красавица спрыгнула наземь и пошла вперед, грациозно покачивая бедрами. Ошалевшая луна заливала бледным светом дорогу, превращая ели на обочинах в черную иззубренную стену, а за спиной мерно цокала смерть.

Между женщиной и девочкой оставалось пять шагов, четыре, три... Лауренсия обернулась.

– Скачи! – голос был звонким и ясным, как удар колокола. – На огонь... Во имя Астрада!

Стройная фигура взметнулась в прыжке, перешедшем в полет, и исчезла. Осталось пламя. Когда-то Робер видел подобное – в Эпинэ бушевала гроза, из струй дождя выплыл светящийся шар. Тогда он был размером с два кулака, теперь...

Крылатое, сотканное из огня создание, отдаленно напоминавшее женщину с кошачьей головой, обрушилось на оскалившегося гаденыша. Два диких вопля слились в один, сцепившихся в смертельной схватке тварей окружило нестерпимо зеленое кольцо. Сухой треск и яростные вопли заглушили поступь сонной лошади, Робер чувствовал ее приближение, но не мог отвести взгляда от полыхающего клубка.

– Лэе Астрада! Скачи!

Кто закричал – Лауренсия или он сам? Робер вонзил шпоры в бока полумориска, Дракко прынул вперед.

– На огонь!..

Они пролетели в ладони от плюющего искрами сгустка и понеслись сквозь лунные волны в никуда.

4

Твою кавалерию, она сейчас сварится заживо! Матильда с завистью глянула на отплясывающих девчонок, побросавших отороченные мехом безрукавки и оставшихся в ярко вышитых блузках. Дернуло ж ее натянуть охотничью куртку, под которой ничего, кроме сорочки без рукавов. Матильда развязала ворот и попятилась от костра... Голова слегка кружилась, ноги гудели, но не сдавались, притопывая в такт очередному танцу.

– Хозяйка, – Ласло, лукаво улыбаясь, протягивал кубок. – Новое! Играет – песня!

– Одна не буду, – отрезала Матильда. Ласло согласно кивнул. Вот мерзавец, он же ей в сыновья годится! Ну и ладно! Вдова Анэсти Ракана от души хлебнула вина, а потом тоже от души поцеловала Ласло Надя. Удачно поцеловала... Сейчас все мужчины поили своих избранниц молодым вином, а те пили, и это означало «да». И неважно, на одну ночь или на всю жизнь. Руки Ласло «случайно» соскользнули с плеч принцессы на талию и ниже, Матильда ничего «не заметила».

Горный ветер пригнул огненные гривы, взвизгнула скрипка, подавая сигнал товаркам. Руки доезжачего сомкнулись на бедрах принцессы, и та, разумеется случайно, прижалась грудью к своему кавалеру. Еще пару танцев, и... Матильда прекрасно поняла, что будет дальше, и Ласло тоже понимал. Твою кавалерию, жаль, ее не видят все эти хогберды и карлионы. Ну и рожи б у них были!

Вдовствующая принцесса и доезжачий с хохотом ворвались в толпу танцующих. В отблесках костра возникали и исчезали лица, вспыхивал порох, жизнерадостно вопили скрипки, взвизгивали женщины, летели в огонь пустые бочонки...

– Упала!

– Кто упал?

– Вица! Переплясала, видать!

– Ох, ты...

– Вина б!

– Хватит с нее, воды неси!

– Ой, лю-у-уди!

Музыканты один за другим опускали смычки, танцующие останавливались, удивленно озирались по сторонам. Откуда-то выскочила рыжая собачонка, уселась у опустевшей бочки и самозабвенно взвыла. На нее цыкнули, собачонка поджала хвост, но не ушла, а вновь завывала, вскинув острую лисью морду к ошалевшим осенним звездам.

Костры горели всюду, но Матильде вдруг стало зябко, и не только ей. Жужанна

торопливо запахнула расшитую розанами стриженку ⁷², стоящая рядом молодка вздрогнула и прижалась к своему дружку.

– Лекаря!

– Где этот... Фери!

– Тут был...

– Балаж! Ты чего!

– Балаж!!!

Ласло потянул Матильду туда, где шумели. Хмель куда-то делся, в голове принцессы прояснилось, словно она не пила ничего крепче воды.

– Святой Иштван, что ж творится-то?!

– Эй!

– Ты чего?!

– И он?!

Балаж Надь лежал, уткнувшись лицом в грудь невесты. Мертвые глаза девушки смотрели в злое лунное лицо, казалось, бледный круг ухмыляется. Ласло нагнулся, тронул брата за плечо:

– Вставай!

Подбежал Пишта с кубком, Ласло потряс брата сильнее, вздрогнул, попытался поднять, неудачно. Балаж неловко упал рядом с Вицей.

– Тоже готов, – пробормотал псарь Герге. – Никак отравил кто...

– Тогда уж обоих...

– Аполка! – взвыла Жужанна. – Как есть Аполка! Вернулась...

– Страсти какие...

– Не, Аполка, она только парней прибирает.

Люди приглушенно галдели, пьяненький лекарь озабоченно качал головой, проклятая псина самозабвенно выла. Твою кавалерию, надо что-то делать! Матильда решительно стащила с плеч поварихи шаль и прикрыла лежащих. Какие молодые...

Золотая Ночь, луна, собачий вой, треск пламени, смерть и что-то еще, что?! «...только кровь помнит, фокэа, кровь, а не разум. Было четверо и один. Старый долг не заплачен, старые раны не залечены, а время на исходе...»

5

Дракко ронял на дорогу хлопья пены. Бедняга... Им не уйти! От такого не уйдешь. Он не уйдет, он и Дракко, но Клемент – не человек и не конь...

Робер сам не понял, как умудрился отвязать сумку с крысом, но он это сделал. Его крысейшество полетел в заросли можжевельника. Прости, друг, но жить лучше, чем не жить. Откуда он знает, что от пегой твари можно только бежать, что спрятаться, отсидеться не получится, а драться бесполезно?! Бежать тоже бесполезно, Дракко вот-вот упадет. «На огонь!» – крикнула Лауренсия... Кто она?.. Сколько б ему ни осталось, он будет ее помнить под этим именем. «На огонь!» Где в ночных горах отыщешь огонь?

Дракко рвался вперед, но расстояние между ним и пегим чудовищем не уменьшалось. До Сакаци не дотянуть, а огонь горит только там. Тот самый огонь, что зажигают в Золотую Ночь во дворах и на площадях, правильно зажигают. Почему он уверен, что это не сон? Такого не может быть... Не может...

Вот и развилка... До замка совсем близко, но силы Дракко на исходе. Пять, может, десять минут – и все! Конь захрапел, вскинулся на дыбы и свернул налево... Налево? К Белой Ели?! Почему? Дракко виднее, сейчас все решает он. Если спрыгнуть, жеребец

⁷² Одежда замужних женщин – длинная, до половины бедер, безрукавка на стриженном меху.

уцелеет, но к такой смерти Робер Эпинэ не готов.

Черные ветки, черное небо... Луна окончательно спятила, вокруг нее закрутилось огненное колесо, из ноздрей Дракко валит пар. Во имя Астрапа, сколько еще?! Сколько чего? Робер больше не оглядывался, зачем? Он и так знал, что погоня изменилась. Раньше его гнали навстречу девчонке, неторопливо, равнодушно, уверенно. Он вырвался, пегая тварь увязалась за ним, чтоб заморить лошадь, и только теперь взялась за дело по-настоящему.

Дракко споткнулся, выровнялся, перескочил через какую-то корягу, или это была тень? «На огонь»... Но вот же огонь! Не может быть, это звезда, звезда, отчего-то повисшая над самой землей. Или все-таки костер? Жеребец помчался быстрее, хотя быстрее было невозможно. Воистину нет шпор острее ужаса, а то, что сзади, – смерть не только для всадника, но и для коня. Знал ли Ворон, какую лошадь дарит врагу? Вряд ли...

Кусты распахнулись, Дракко вылетел к Белой Ели. Нет, это все-таки было сном, это просто не могло быть ничем иным! По краям поляны полыхали четыре костра, у которых лежали огромные псы, а на границе света и тьмы трясли гривами рыжие кони. Еще один костер пылал у самых корней Белой Ели, вокруг него сидели охотники, валялись убитые косули, стоял откупоренный бочонок, над которым возвышался светловолосый воин в странном одеянии.

– Ин намээ Астрапэ, – голос был низким и зычным, – камэ ин даксис, анигас!

– Ин намээ Астрапэ, – слова сами слетели с губ Робера, непонятные, вечные, прекрасные. – Аэдатэ маэ лэри. Лэйе Астрапэ, лэйе Абвениэ!

6

Надо идти, надо встать и идти, иначе будет поздно! Он не может, не должен... Ричард Окделл попробовал подняться, но голова закружилась, и юноша сел, прижимаясь к стене. Стена была теплой, она дышала, как лошадиный бок, она была доброй, но не хотела отпускать. Вот так бы и сидеть всю жизнь, но он должен идти, потому что его зовут... Он нужен...

Вдалеке прогремел гром, сквозь его раскаты прорывался какой-то визг. Святой Алан, его ждут, а он даже встать не может.

– Эй, гици! Вставай!!!

– Ой, с этим-то чего?

– Да ничего... Перебрал, дело молодое.

– Сейчас встанет как милый!

– Как бы не застыл, на дворе-то...

Как это застынет? Стена такая теплая, но ему некогда отдыхать, у него дело...

– Понесли, что ли...

– Куда?

– Да в горницу, а там разберемся!

В дрожащем тумане мелькнули кабаньи морды, они улыбались. Разве бывают люди с кабаньими головами? Чего они хотят? Пусть уходят, это его дело и его долг... Он сейчас встанет и пойдет на охоту... Надо подковать Соню, пока не кончилась гроза, иначе она собьет копыта. Кабаны ушли, это хорошо, они были такими докучливыми.

– Вставайте, юноша!

Эр Рокэ... Откуда?! Он же...

– Вы живы?

– Насколько мне известно, жив, – Ворон поправил меч Раканов и засмеялся: – Хватит прохлаждаться, юноша, вставайте.

Дик честно попытался, но тело не желало слушаться.

– Вы так и не научились пить, – нахмурился Рокэ, протягивая оруженосцу руку. Он не сердился, ну, или почти не сердился...

– Эр Рокэ.... – юноша вздрогнул, увидев на пальце Ворона кольцо с карасом. – Вы... вы его нашли, где?!

– Я ничего не терял, – в голосе почувствовалось легкое раздражение. – Вы соизволите встать или нет? Я не могу ждать до бесконечности.

На этот раз Дику удалось подняться. Камни под ногами вздыхали и жаловались, их замучили лошади. Проклятые лошади, и кто только додумался подковывать им копыта.

– Никогда не слушайте доносов, Ричард, – Алва уже сидел в седле. – Доносчики врут, даже когда говорят правду.

Ослепительно блеснула молния, Рокэ зло выкрикнул что-то непонятное и хлестнул коня. Вороной рванул с места в карьер, из-под копыт брызнули лиловые искры, и Ричард остался на дороге совсем один.

Юноша лихорадочно оглянулся в поисках Соны, но ее нигде не было, только у стены, за которой полыхали зарницы, понуро стоял Бьянко, возле которого увивалась пегая беспородная кляча. Почувствовав взгляд, лошаденка потрусил к Дику. Бьянко отчаянно заржал и топнул ногой, обиженно вскрикнул круглый черный камень... Святой Алан, как холодно! Да что ж это такое?!

– Извини, гици, но в енту ночь не спят! – какой-то алат отбросил пустое ведро. – Можно не проснуться.

7

Человек, лошадь, собака, ястреб, человек, лошадь, собака, ястреб, от костра до костра... Четыре раза по четыре... На плечах охотников хохлились ловчие птицы, лес тянул к огню руки, в рыжих отблесках покрывший ветви иней казался золотом. Почему он не тает? Почему так тихо? Охотники ждали, Эпинэ видел, как напряжены их спины. Шерсть на хребтах собак стояла дыбом, глотки рвало глухое рычанье, должно было рвать, но в свинцовой тишине слышалось лишь лошадиное цоканье, и было не разобрать, далеко ли тварь, близко ли.

Луна висела над самой головой, превращая мертвое дерево в серебряную колонну. Лэйе Аstrapэ! Что б это ни было, пусть оно придет скорее: ни убежать, ни ждать сил больше нет. Лэйе Аstrapэ, лэйе Абвениэ ин азритис кэро!

...Они выступили из темноты одновременно. Четыре пегие крестьянские лошадки, обросшие к зиме косматой шерстью. Толстые, полусонные, с длинными бледными гривами, одинаковые, как отражения в зеркальном коридоре. На них не было ни седел, ни хотя бы недоуздов, Робер видел влажные ноздри, мягкие губы, полускрытые челками пустые глаза, блестящие, словно стеклянные осколки. Клячи медленно брели к Белой Ели. Видели ли они костры и замерших между ними охотников или же были слепы?

Робер Эпинэ прижался спиной к белому стволу, не в силах отвести глаз от цокающих тварей. Они были такими, как ему почудилось на лесной дороге. В точности такими! Выходит, он видел пегую смерть раньше? Тогда где?! Во сне? В бреду?

Иноходец собрал в кулак все, что осталось от его воли, и оторвался от умершего дерева. Трястись за спинами тех, кто видел его в первый раз и все равно защищал, недостойно. Нужно встать рядом, и он встанет! Ноги не желали слушаться, но Робер все же потащился вперед, туда, где, положив руку на холку рыжего коня, стоял кто-то высокий с льняными волосами. Между ним и пегой кобылой оставалось не больше четырех шагов. Сейчас все и решится. Зачем-то Робер потащил из ножен кинжал, не шпагу, а именно кинжал, и тут же поляна осветилась ослепительным лиловым светом. Во имя Аstrapа, молния! Откуда?!

Рогатая огненная стрела пропорола безоблачное небо и вонзилась в белый ствол. Пламя охватило мертвую ель раньше, чем до земли долетел удар грома. Дерево полыхнуло, заливая поляну странным, тревожным светом, и ему ответили четыре вспышки. Огонь с победным

ржаньем взмыл вверх, молотя в воздухе огненными копытами. Четыре багровых жеребца, оторвавшись от воющих костров, бросились к четырем кобылам.

– Лэйе Аstrapэ! Саидери!

Он не понимал, что прокричал светловолосый, и одновременно понимал. Откуда-то взялся Дракко. Несмотря на ночную скачку, конь был свеж и весел, Робер ухватился за растрепанную гриву и оказался в седле. Охотники один за другим вскакивали на коней. Стройный юноша, чем-то похожий на Ворона, поднес к губам янтарный рог, над поляной зазвенела странная песня, древняя и гордая, как сама ночь.

– Эгда ра Отония! Эгда ра Кэртиэн!

Конь предводителя сорвался с места, и кавалькада рванулась в сверкающую бездну, Робер завертел головой, но не увидел ни пылающей ели, ни пегих тварей, ни пламенных жеребцов, только золотую выюгу, частью которой стали они с Дракко.

Золото листьев, золото пламени, золото плащей и конских тел, древняя песня и полет сквозь осенние звезды! Дракко мчался бок о бок с предводителем, под ногами коней пела дорога, в лицо бил ветер, он был жив, свободен и пьян от жизни и свободы; пьян и счастлив, потому что эта скачка и была счастьем, невозможным, невероятным, неожиданным. В сумасшедшей ночи звенело «Эвоэ, лэйе Аstrapэ!», трубили рога, кричали ловчие птицы, торжествующе выл ветер, и с ним сливались волчьи голоса, оповещающая мир о том, что пришла осень.

Они мчались, не разбирая дороги, кони топтали осеннее золото, перелетали через ручьи и реки, вновь неслись по лунной тропе. Робер полной грудью вдыхал пахнувший дымом и опавшей листвой воздух, не загадывая о грядущем и почти ничего не помня, – только где-то на самом краю сознания билась мысль о Кlemente, а летящие навстречу искры казались глазами Лауренсии.

Мысли скользили, как паутинки, слишком легкие, чтобы причинить боль, и слишком заметные, чтобы забыть об осени, а охота мчалась по сжатым полям и ржавым перелескам. Вдали и сбоку мелькали огоньки, показалась и исчезла большая вода, в которой дрожала окруженная ледяным ореолом луна, а в небе смеялся ее двойник, за которым они и гнались. Сколько это продолжалось? Вряд ли долго, ведь даже лучшая лошадь не вынесет подобного бега, а Дракко и так досталось.

Скоро все кончится, и он проснется в чужом доме среди чужих людей. Только бы не забыть об этом полете, о том, как мчится навстречу земля, а с безоблачного неба бьют невозможные лиловые молнии. Иноходец не знал, откуда пришли его спутники и что ожидает его самого, но разве это важно, когда поет охотничий рог и ржут обгоняющие время кони... Вечно мчатся, не разбирая дороги, не зная ни прошлого, ни будущего, а лишь бег, стремительный и неукротимый! Если и есть под этими звездами счастье, то это или любовь, или вечная погоня!

Он навеки запомнит эту скачку, начавшуюся ужасом, перетекшим в дикую, неистовую радость, к которой примешивалась боль проигранной любви и последней утраты. Мэллит и Лауренсия, золото и зелень, чужое золото и ушедшая весна...

Кони мчались все тем же бешеным наметом, но небо неумолимо светлело, предвещая рассвет. Потускневшая луна ушла за горизонт, счастье догорало, подергиваясь пеплом неизбежности. Сумрак над дальними холмами стал прозрачным, горизонт окрасился кровью, в полыхающем небе закружились птицы. Куда они скачут? Чем закончится этот бег? Рассветными Садами? Закатом? Почему утреннее пламя – благо и награда, а вечернее – кара за грехи, не все ли равно, в каком огне сгореть??

Впереди что-то замаячило. Башня! Та самая, из снов. Охота повернула прямо к ней. Значит, все-таки Закат, ну и пусть! Он не свернет, не отступится, не предаст своих спутников, они приняли его к себе, и он их до последнего вздоха, до последней мысли.

Над острыми зубцами кружили черные птицы. Скоро он поднимется на площадку, кого он там встретит? Эгмонта? Адгемара? Рамиро-Предателя? Древних демонов? Самого Леворукого?

Дракко не выдержал гонки и начал отставать. Сначала незаметно, потом сильнее и сильнее. Страх грядущей потери вынудил Робера прищипорить коня. Дракко безропотно бросился вперед, это было преступлением: он и так бежал всю ночь; пусть это четырежды сон, подлость и во сне остается подлостью. А спутники мчались вперед, к башне, не замечая, что один из них отстает. Робер закричал, но его не услышали.

Рассветный ветер взъерошил золотистые волосы предводителя, с его плеча сорвался и взмыл ввысь ловчий ястреб, смешавшись с кружащей в небе стаей. Теперь охота мчалась не по дороге, а по воздуху, поднимаясь выше и выше. Дальше гнаться за мечтой не имело смысла, Робер осадил коня, и в тот же миг люди и лошади рассыпались золотыми искрами, нет, не искрами – стихающий на глазах ветер кружил пронизанные солнцем листья, заматавая дорогу золотом и багрянцем, а впереди на пологом холме маячил замок.

Светлые стены, шестнадцать башенок, разлапистый каштан у моста, каштан, на котором он так часто сидел в детстве... Эпинэ! Лэйе Астрапэ, как?!

Робер опустил глаза и увидел измученного Дракко. Полумориск с трудом держался на ногах, у него не было сил даже застонать. Будь все бредом и сном, пусть даже предсмертным, но издеваться над лошастью он не станет. Робер соскочил на землю и принялся торопливо обтирать взмокшего жеребца сухой травой, а перед глазами все еще мчались Осенние Всадники.

Дракко благодарно фыркнул, Робер обнял коня, вдыхая запах увядающей гербы ⁷³. Дальше он поведет Дракко в поводу. Пока они дойдут до ворот, конь остынет, его можно будет напоить... Напоить коня и поднять на башне флаг. Наследник Повелителей Молний вернулся домой. Или умер, а за коваными воротами его ждут то ли Рассветные Сады, то ли закатное пламя. Дом... Он ведь может быть и адом, и раем...

Глава 8 Сакаци. Эпинэ

«Le Deux des Deniers & La Dame des Coupes & Le Cinq des Coupes» ⁷⁴

1

Заявись он в родимый замок ночью, решил бы, что его приняли за выходца. Во всяком случае, физиономия у старика Роже была именно такая.

– Роже, – Робер постарался не обращать внимания на побледневшее лицо, – не узнаешь?

– Сударь! – выдохнул бедняга. – Живой!

– Пока, – уточнил Иноходец. – Возьми Дракко.

– Хорош, – старик расплылся в восхищенной улыбке.

– Не то слово. Я успел?

– Сударь? – Роже выпучил и без того рачьи глаза еще больше.

– Как дед?

– Ой, – брови Роже подскочили до середины лба, – да ведь его почитай два месяца, как схоронили.

Два месяца? Сколько же шло письмо?! И когда б он добрался, если б не Золотая Ночь?

– Мать здорова?

⁷³ Степная трава, распространена по всем Золотым землям к югу от Оллари.

⁷⁴ Двойка Динариев, Королева Кубков и Пятерка Кубков.

– Маркиза-то? Как всегда... Сердце у нее слабое, а так ничего... С покойным герцогом они, уж вы простите, не ладили.

Раньше мать с дедом не ссорилась, она вообще ни с кем не ссорилась.

– Сударь, – Роже выглядел смущенным, – просим прощения, вас видали? Ну, когда вы в замок заезжали...

– Я сквозь стены ходить не обучен.

– Да я про Маранов этих, чтоб им лопнуть! Лучше б ехали вы, а? Я Демона заседлаю, ваш-то с ног валится. Этьен вас в надежное место проводит, а то как бы беды не было.

– Надоело мне бегать, – махнул рукой Робер.

Роже хотел возразить, но Робер быстро спросил о Демоне. Просто так, чтоб перебить разговор. Конь Мишеля, если жив, седьмой год таскает какого-нибудь «навозника», но в Эпинэ всегда были жеребец по кличке Демон и кобыла, которую звали Молния.

– Где, говорите? – переспросил старый плут. – Да вон он!

Робер ожидал увидеть какого-нибудь двухлетку, но Демон оказался тем самым! У Робера подкосились ноги, когда к нему потянулся игрневый красавец, вбирая ноздрями позабытый запах.

– Он молодец, – Роже с гордостью потрепал жеребца по холке. – А уж сынок у него – закачаешься!

Демон коротко заржал, изогнул шею колесом, и время повернуло назад. Сейчас скрипнет дверь, вбежит Мишель, засмеется, сунет коню лакомство...

– Как его нашли? – выдавил из себя Робер.

– Сынок барышни Арлетты привел. Тот, который генералом опосля стал. Он и коней привел, и шпаги привез... Ворон приказал. Он, хоть и тварь закатная, обычай понимает, не то что эти!

«Этими» могли быть только дядюшка Альбин с тетушкой Амалией, ну и пошли они к кошкам! Значит, Ворон вернул оружие погибших не только Окделлам. Хогберд углядел бы в этом издевательство, но Роберу так не казалось. Иноходец вспомнил адуанскую палатку, синие прищуренные глаза, серебряную фляжку в длинных пальцах. *«Если кто-то воображает себя барсом, а других – скотиной, рано или поздно он нарвется на охотника...»* Дед вообразил и нарвался, погубив и сыновей, и внуков. Восстание было несусветной глупостью, теперь это ясно даже Клементу, верней, было бы ясно, не останься его крысейшество в Алатских горах...

– Робер, какая радость! – тетушка Амалия в ядовито-розовом плаще стояла у денника Дракко и улыбалась во всю пасть, но радости в глазах у нее было не больше, чем у Матильды при виде Хогберда. – Мы так давно, так давно не виделись.

– Вы рано встали, тетя, – Робер отступил за спину Роже, дабы избежать родственного поцелуя. Надо же, а он забыл, как ненавидит Амалию. Стерва. Стерва, тля и зуда. Заела Альбина до полного отупения.

– Ты похудел, – сообщила тетка, – и очень, очень повзрослел. Создатель, у тебя седина. Откуда?

Седая прядка надо лбом осталась Роберу в память о суде Бакры, но говорить Амалии правду Иноходец не собирался. Та, впрочем, уже вовсю разглядывала Дракко.

– Какая чудесная лошадь. Это линарец?

– Мориск.

Полумориск, но Колиньяры в лошадях понимают как бакраны в арфах.

– Понимаю...

И про «понимаю» он тоже забыл. Рыцарский кодекс запрещает убивать женщин. Неужели, когда его принимали, в мире не было амалий? Жаль, Клемент далеко, самое бы время его выпустить.

– Какое странное клеймо, – палец с рубиновым кольцом ткнулся в плечо Дракко. Конь, хоть и был измотан до предела, мотнул головой и клацнул зубами. Умница! Но на золотистой шерсти и впрямь выделялся какой-то знак. Еще вчера его не было. Робер

пригляделся и едва не грохнулся на пол. Во имя Астрада, молния! Такая же, как на оставшемся у истинников браслете.

– Ничего особенного, – Эпинэ старательно пожал плечами, – личное клеймо торговца.

– Понимаю... Но тебе надо отдохнуть, переодеться... Я прикажу приготовить твои комнаты.

Вообще-то герцогу Эпинэ надлежит жить в Южной Башне, но забираться в апартаменты деда...

– Благодарю.

Противное словечко, но говорить с Амалией по-человечески он не может. Бедная мать, семь лет смотреть на эту рожу! Робер потрепал Дракко по клейменному плечу. Тавро выглядело старым, еще одна небывальщина.

– Я пойду к матери.

– Понимаю...

Понимаешь? Да что ты, увези тебя пегая кобыла, можешь понимать?! Семь лет назад у матери были муж и четверо сыновей. Вернулся один... Вернулся и не знает, что говорить. Лэе Астрада, он вообще ничего не знает!

2

Замок дрых. Еще бы, столько вылакали! Другое дело, что начали за здоровье, кончили за упокой. Матильда с тоской глянула в сереющее окошко. Голова была тяжелая, но спать не хотелось. Принцесса с грехом пополам поднялась и воровато глянула в сторону зеркала. Нет уж, в ее годы да после эдакой ночки на себя лучше не смотреть! Матильда медленно оделась, на ощупь пригладила волосы,хватила предусмотрительно припасенной касеры, спустилась во двор.

Вицу с Балажем давно унесли, у башни Матяша догорал последний костер, валялись пустые бочонки, перевернутые котлы, разбитые кружки, а на помосте для музыкантов вертела головой сорока, за которой наблюдала кухонная кошка. Сорок Матильда терпеть не могла – сплетницы, воровки и вообще бабы! Принцесса оглянулась по сторонам в поисках палки или камня, заметила откатившуюся в сторону кружку-шутиху, бросила в огонь, отошла. Кружка лопнула, выплюнув сноп оранжевых искр, сорока, издав возмущенный стрекот, убралась, кошка с укоризной глянула на испортившую охоту дуру и шмыгнула в подвал. Двор залила вязкая тошнотворная тишина. Вот и повеселились, твою кавалерию!

Делать было совершенно нечего, самым умным казалось вернуться в спальню, хватить пару бокалов и уснуть, но Матильда побрела к хозяйственным дворам, где шевелились наиболее ретивые слуги. На душе было тошно. То ли от вчерашнего, то ли от того, что Робер уехал и один Леворукий знает, вернется ли. Что он там говорил про Альдо и про своих приятелей? Чтоб они его ждали? Внучек приедет, она из него вытрясет, куда это он наладился...

– Ах ты, старое брехло! Скот безрогий, в гробу я тебя видела, zenки твои бесстыжие...

Визгливый голос, без сомнения, принадлежал ключнице Шаре, а отчитывала она, разумеется, мужа. Надо полагать, за вчерашнее!

Матильда прислушалась. Ссоры между прислугой ее никогда не занимали, просто хотелось перебить пакостные мысли.

– Ну, чего уставился? – неистовствовала Шара. – Так я тебе и поверила!

– Говорю же, уехала она! – огрызнулся хриплый бас. Точно, Калман. – С гици уехала! Своими глазами видел!

– Сдурел, старый пень? Как она могла уехать!

– А я говорю, уехала, – настаивал Калман. – Я еще из ума не выжил, не то что некоторые.

– А кто ж тогда в церкви лежит? Аполка?!

– Не, Аполка в церкви лежать не может...

Матильда наподдала ногой подвернувшееся ведро и шагнула вперед. Супруги прервали перебранку и уставились на хозяйку.

– Так кто уехал с гици? – в упор спросила Матильда.

– Вица, – пробормотал Калман. – Вот лопнуть мне на этом самом месте, Вица! Видел прям как вот ее, – конюх ткнул пальцем в Шару. – Живая, здоровая, только зареванная. С Балажем своим погавкалась.

– И Робер ее взял?

– Упросила она его. Барич спервоначалу не хотел, потом взял...

– А как же она назад вернулась?

– Дак я и говорю, не возвращалась она, – выпалил Калман. – Солнце село, мост и подняли. Сами знаете, Золотая Ночь...

Да, в Золотую Ночь все за текучую воду, живой огонь да заговоренные травы прячутся. Не вернулся до заката, сиди за воротами до полуночи.

– Да врет он все, – сплюнула Шара. – Никуда она не ездила и ни с кем не ссорилась. Видела я ее, с подружками шушукалась, веселая... И то сказать, замуж брали!

И не кто-нибудь, а первый красавец Сакаци. Выходит, повариха права, а Калман просто хватил лишку?

– Калман, ты один их видел?

– Еще чего! – возмутился конюх. – Их и приворотник видал, и Янчи с Пиштой...

Хлопнула дверь, раздались шаги. Ласло Надь! Решение пришло само собой.

– Ласло!

– Хозяйка! – Глаза доезжачего запали, щеки покрывала щетина. О том, на что походила она, Матильда почла за благо не думать.

– Калман видел, как Вица уезжала с Робером, – Матильда говорила, а Ласло слушал так, словно не они вчера чуть было не перешли грань между госпожой и слугой. – И другие видели.

– Святой Матяш! – широкие плечи вздрогнули. – Быть такого не может!

– Не может, а было, – взъелся Калман. – Я еще из ума не выжил.

Ласло молчал, только на скулах перекатывались желваки.

– Ох, не к добру это, – завывала Шара, – как есть не к добру.

Надо думать... К добру люди не умирают и собаки не воют.

– Седлай коней, – рявкнула Матильда, – поднимай парней и свору возьми. Проедемся до Яблонь.

– Слушаю, хозяйка.

Почему она вспомнила агарисское кладбище?! Не вспоминала, не вспоминала и вдруг вспомнила?

3

Мать молчала, только смотрела широко раскрытыми черными глазами. Надо было о чем-то говорить, но Роберахватило только на то, чтоб опуститься на колени.

– Зачем ты вернулся? – Голос маркизы Эр-При звучал спокойно, но по щекам катились слезы. Как же она изменилась... Это не старость, это что-то более страшное. В Агарисе, в резиденции Эсперадора, висит святая Валерия⁷⁵ работы Диамни Коро. У нее такой же взгляд.

– Я получил ваше письмо.

⁷⁵ Пятерых детей святой Валерии пожрали вырвавшиеся из катакомб изначальные твари, а ее муж, офицер Лорио Борраски, погиб, пытаясь образумить обезумевшую толпу. Валерия приняла эсператизм и взяла в свой дом шестнадцать сирот, среди которых были и дети растерзавших ее мужа безумцев.

Он не может называть ее «матушка», как положено по этикету. В детстве, подражая отцу, они все называли ее Жозиной, а она поддерживала эту игру. Потом Жозину сменила «эрэа Жозефина», как же давно это было.

– Мое письмо? – в провалившихся глазах застыло робкое удивление, словно она опасалась, что не расслышала. – Я давно не писала... Не знала куда...

Как же так? Это был ее почерк, ее печать, ее манера писать...

Робер вытащил смятый листок. Надо было взять футляр, но он не подумал. Мать замерла, вглядываясь в темные строки. Бледное лицо, потухшие глаза, совершенно белые волосы. Когда они уезжали, у нее были черные косы.

– Это подделка, – она утерла слезы. Алый платок с черно-белой каймой... Родовые цвета, он их почти забыл. – Тебе не следовало приезжать.

– Но я тут.

– Конечно, – маркиза Эр-При улыбнулась, но слезы продолжали течь. – Все Эпинэ – Иноходцы, как я могла забыть... Ты стал так похож на Мишеля.

Больше всех она любила Мишеля... И отец тоже, и слуги. Они с Арсеном и Сержем не ревновали – Мишеля нельзя было не любить, уж таким он уродился, но выжил Робер. Что поделать, лучшие выживают редко.

– Сын Эгмонта меня принял за Мишеля...

– Так похож, – то ли она не расслышала, то ли ей не было дела до наследника Окделлов. – Даже страшно... Мне показалось, но... Из Рассвета не возвращаются.

И из Заката тоже. Смерть – это навсегда. Остальное, к счастью, проходит.

– Я... Я не смогла вас остановить, – прохладные пальцы коснулись его подбородка, заставляя поднять голову. Робер узнал это прикосновение и вздрогнул, лишь сейчас осознав, что он дома. – Должна была, но не смогла. Я слишком... слишком стала тенью Мориса. А Морис был тенью отца.

Грешно винить мертвых, но как я могу простить, Ро? Эр Гийом убил моих детей. И своих тоже. Эр Гийом, и никто другой... Мы жили под одной крышей, я и убийца. Ро, он так ничего и не понял, он ненавидел Олларов, Дорака, Алву, а я ненавидела его!..

Мать наконец заплакала, закрыв лицо руками. Так же безнадежно рыдала на залитом грязью берегу бирисская старуха. Ее детей тоже убили... Как легко проклинать нажавших на курок, как трудно признать, что виноват ты сам. Ты и твои близкие.

– Жозина, – Робер сам не понял, как с языка слетело детское прозвище. – Не надо, Жозина... Не надо!..

– Уезжай, – мать схватила его за руки, – немедленно уезжай! Я не дам убить еще и тебя.

Смерть не спрашивает разрешения. Варастийцы были готовы разодрать его на куски и разодрали бы, если б не Ворон и бакраны. Как часто ему казалось, что так было бы проще... Подонок, он совсем забыл о матери.

– Я уеду, – Робер вскочил и рывком обнял мать. Впервые в жизни. Раньше ее защищали отец, Арсен, Мишель, теперь остался только он. – Уеду...

– Ночью, – Жозина уже справилась с собой. – Эти не должны знать, куда ты поедешь. Тебе надо в Ургот.

Робер был согласен на что угодно, но что он забыл в Урготе? Фома дохлых лошадей не скупает.

– Сядь, – мать указала на скамеечку у своих ног. Раньше это было место Мишеля, а они с Сержем сидели на подоконнике. – Ты знаешь, в юности я дружила с Арлеттой. Нас было три подруги, три фрейлины ее величества Алисы... Мы всегда были вместе...

Это Робер помнил. Три фрейлины в одно лето вышли замуж за троих друзей по Лаик. Арлетта Рафиано стала графиней Савиньяк, Каролина Борн – графиней Ариго, Жозефина Ариго – герцогиней Эпинэ. Переворот Диомида превратил друзей во врагов. Эпинэ остались верны Алисе, Савиньяки пошли за победителями, Ариго повисли между молотом и наковальней... Дети друзей выросли врагами. Глупо, вернее, было бы глупо, если б одни не

топили других в крови. У Ренквахи Савиньяки были с Алвой, а Эпинэ – с Окделлом. Робер заставил себя улыбнуться.

– Я помню Арлетту Савиньяк.

– Лионель теперь маршал, – с каким-то удивлением произнесла мать. – Арлетта говорит, он лицом в Арно, а головой в Рафиано. Его брат, тот Савиньяк во всем.

Близнецы Савиньяк... Робер знал Эмиля, оба служили в одном полку, оба понимали в лошадях, на чем и сошлись, обоим не было дела до политики. Зато политике было дело до них. Из Эпинэ пришло письмо – вызов к больному деду. Дед был здоров, но в полк тенъент Эпинэ больше не вернулся.

– Я служил с Эмилем, а Лионель был в столице.

Но несколько раз приезжал к брату. Один раз они отправились на разведку, хотя их никто не просил, и поймали дриксенского капитана. Второй раз забрались на постоянный двор и устроили потрясающую пьянку. Теперь они враги, как глупо...

– Арлетта сейчас не в Савиньяке, а в Сэ... Думаю, по просьбе Лионеля. Он к ней приезжал, а потом Арлетта была у меня, – мать подняла ставшие сухими глаза. – Робер! Постарайся меня понять. Дело не во мне, я... Я думала, ты тоже погиб. Вместе... вместе с отцом и братьями. И я не умерла, не понимаю почему. Я живу без Мориса, без детей, в моем доме хозяйничают ызарги... Прости, я опять не о том. Неужели ты не видишь, что это бессмысленно?

Он видел, но все-таки спросил. Чтобы ей было легче.

– Что, Жозина?

– Эти ваши войны... Вам не победить.

Не победить. Это он понял окончательно и бесповоротно. Более того, он не хочет победы, только другой дороги у него нет. Эгмонт, отец, братья выбрали за него, а Матильда и Альдо протянули руку изгоя. И еще неизвестно, кто держит крепче, мертвые или живые.

– На все воля Создателя.

Почему мы говорим о высшей воле, когда надо оправдать собственное безволие?

– Создатель не может хотеть, чтобы его дети убивали друг друга! – Мать никогда так не кричала, она вообще никогда не кричала.

– Прости...

Прости, что не обещаю уцелеть. Я постараюсь. Ради тебя, но я ничего не могу обещать. У меня есть сюзерен, и я теперь – Повелитель Молний.

– Робер, – она все понимает, но не может принять, – послушай. Дорак не хотел отдавать Эпинэ Альбину, этого никто не хочет. Кроме Колиньяров. Поезжай к Эмилю, он в Урготе с Вороном. Напишите оттуда Фердинанду, тебе позволят вернуться... Мертвых надо хоронить, иначе начнется чума. Морис... Твой отец был для меня всем, он и дети. Семеро, Робер... Остался только ты... У меня должны быть внуки, Ро, и они должны жить здесь.

Глава 9 Эпинэ

«Le Sept des Êpêes & La Dame des Êpêes & Le Huite des Deniers» 76

1

Как заманчиво. Спрятаться за Эмиля и, скажем прямо, за Ворона, отречься от прошлого, от друзей и вернуться. Его и впрямь могут простить и даже наверняка простят.

⁷⁶ Семерка Мечей, Королева Мечей и Восьмерка Динариев.

Лионель пошел в дядюшку-экстерриора, слов на ветер не бросает. Дорак не хотел усиления Колинъяров? Похоже на то. А Ворон с Дораком всегда были заодно, не потому ли он и выпустил пленника? Судьба как нанялась отводить от Робера Эпинэ пули: Ренквах, Сагранна, Агарис, Алати...

Говорят, Леворукий гонит от себя тех, кто не дорожит жизнью. Если так, Иноходцу Эпинэ грозит бессмертие. Свинья, он опять забыл о Жозине: чтобы она умерла спокойно, он обязан ее пережить. Хотя бы на день. Выходит, Ургот? А что сказать Альдо? Попросить подождать? Смешно, сюзерен взорвется и наделает глупостей. Его нельзя пускать в Гальтару и вообще оставлять без присмотра. Матильда ничего не знает, а Мэллит Альдо не указ. Тот, кто любит, не удержит равнодушного. Умереть с ним и за него – это да, но не остановить.

– Сударь, завтрак подан.

– Я сейчас, Мари.

Мари... Она постарела, как и мать. Надо спросить, куда делась Берта, наверное, вышла замуж. За Гастона или нет? Робер с робостью взялся за торжественно разложенную одежду, пахнущую лавандой и сундуком. Завтрак в тихом семейном кругу – он, мать и родичи... Твою кавалерию, как сказала бы Матильда.

Жозина младше принцессы на четыре года и тоже потеряла всех, кроме одного, но Матильда и смирение – понятия несовместные, а мать превратилась в тень. И она не хочет мести, как Мирабелла Окделлская. Матери нужно, чтоб он вернулся, женился и жил вместе с ней. Арлетта обещала помочь, значит, поможет, Рафиано никогда не бросались словами. Так же как и Савиньяки. У него есть шанс вырваться из ловушки, в которую их всех затащил дед. Жозина права – хватит с Талига восстаний и гражданских войн, только как загнать в один денник двух морисков?

Даже если гоганы и «истинники» отступятся, Альдо с Диконом полезут в Гальтару, и один Леворукий знает, что они там раскопают. Если доберутся туда живыми, разумеется. А если «рыжие» и «серые» продолжат игру, полетится кровь. Как в Варасте и Сагранне.

Куда ни кинь, всюду клин, или это он не видит выхода, а Лионель его найдет? От поездки в Урготеллу беды не будет. Нужно попробовать, хотя бы ради Дика и других мальчишек, которых швыряют в огонь собственные семьи. Если Раканы, Эпинэ и Окделлы пойдут на мировую, хогбердам и кэвендишам конец. И войнам конец, по крайней мере внутренним, а с Гайифой и Дриксен Алва справится.

– Ро, что с тобой? – мать, и когда только вошла, пыталась улыбнуться, но к исхудававшему лицу прилипла тревога.

– Я поеду в Ургот, Жозина, – твердо сказал Робер, – и попробую договориться! Эмиль был моим другом, а с Вороном мы... встречались. Он не так уж и страшен.

– Слава Создателю, – она по-детски шмыгнула носом. – Прости... Я все время плачу... Раньше этого не было.

Раньше они скрывали от Жозины все, что могло ее расстроить, потом стена в одночасье рухнула, и она осталась одна на восьми ветрах. Вдова и мать мертвых сыновей... Мэллит тоже одна, Жозина б ее не обидела.

– Идем завтракать, – Робер учтиво предложил матери руку. – Я постараюсь никого не убивать. Даже Амалию.

– Я ее боюсь, – призналась маркиза Эр-При. – Ты не представляешь, как она хочет заполучить Эпинэ. Для Жюстена.

– Пустое, – Робер улыбнулся как можно беззаботней. – Я поеду не к границе, а в Сэ. Пускай ищут.

– Правильно, – мать сжала его пальцы. – Арлетта что-нибудь придумает. Она тоже говорит, что герцог Алва не сделает дурного.

– Госпожа Амалия просили передать, – молоденькая служанка присела в низком реверансе, – они беспокоятся. Мясо может...

– О да, – перебил внезапно развеселившийся Иноходец, – бросать мясо на произвол судьбы – преступление. Мы уже идем.

Собаки поджимали хвосты и жались к храпящим лошадям. Они не желали идти ни к Яблоням, ни к Белой Ели. Враз покрывшиеся пеной кони тоже упирались. Матильда до боли сжала хлыст, хмуро оглядела примолкших алатов и прыгнула на землю.

– Только не говори, что дело плохо, сама вижу.

– Хозяйка, – Ласло последовал ее примеру, и на том спасибо, хотя кому и идти, если не ему. У него брат умер, у нее Робер пропал. – Не пойдут они.

– Вижу. Мы не лошади. Мы пойдем.

– До Яблонь же хорн восемь, – не понял доезжачий.

– Зато до Белой Ели близко, а мерзость эта то ли от Ели к Яблоням гуляла, то ли наоборот. В Сакаци она не совалась.

– Точно, – хмуро кивнул Ласло Надь. – До поворота чисто все было. Только, сударыня, садитесь в седло. Я сам посмотрю.

Сам он! Так она его и отпустит!

– Тебя не спрашивают, – Матильда сунула поводья в руки Герге. – Идем, пока не полило.

– Выждать бы, – подал голос какой-то псать. – Пусть дождик божий погань смое.

– Погань смое, следы тоже, – прикрикнул Ласло. – Ждите. Если не вернемся, до дождя туда не суйтесь.

Псари смущенно закивали. И рады, что их к нечисти в пасть не тащат, и стыдно, что рады. В Черной Алати хлебом не корми, дай про нечисть потреться, а тут готовая сказка. Золотая Ночь, двое влюбленных... Красивая пара была. Что же с ними случилось? Отравили? Чем? Таких ядов она даже в Агарисе не видала!

Ласло плюнул через плечо и свернул к Белой Ели, Матильда двинулась следом. Тропа как тропа, никаких следов, точно и не ездил никто. И на дороге ничего, а земля сырая: заяц проскакал бы, и то заметно б было. И как тихо! На погосте и то веселей.

Справа и слева чернели облепленные ядовитыми ягодами кусты, за ними торчали пожелтевшие за одну ночь лиственницы. Рыжая хвоя, черные ветки, серые тучи, за которыми то ли есть небо, то ли нет. Сейчас полдень или что-то вроде того, а кажется, вечер. Хоть бы ветер поднялся, все легче было бы.

– Не ехал тут никто, – подал голос Ласло. – То есть никто живой... Упыри, они следов не оставляют.

Матильда промолчала. Чего спорить? Следов и правда нет, но их и на большой дороге не видно. До развилки есть, а дальше как корова языком. Ничего они не найдут, ничего и никого, хорошо, если сами живыми выберутся. Надо вернуться, дожждаться дождя и ехать в Яблони. Если Робер там был, его запомнили, а к Белой Ели его занести не могло, с кем бы он ни поехал.

– Боже ж ты мой, то ж торба!

Застрявшую в кустах сумку принцесса узнала сразу. В ней Робер возил Клемента, он не мог ее потерять. Если был жив, конечно! Матильда сунулась было вперед, но Ласло уже выпутывал добычу из густых колючих веток. Вдовица выхватила у доезжачего сумку, словно в ней была талигойская корона, хотя корона ей и даром не нужна.

Торба была завязана, а пряжки, которыми она крепилась к седлу, расстегнуты. Внутри что-то задергалось. У Матильды затряслись руки, но ей все же удалось открыть сумку, и его крысейшество выскочил на свободу. Крыс был встрепан и зол, шерсть свалаясь, он миглом взобрался на плечо Матильды и зашипел.

– Они были здесь, – сообщила вдовица то ли Ласло, то ли самой себе. – За ними кто-то гнался, и Робер выбросил сумку.

– Аполка за ними гналась, – пробурчал Ласло. – Она и есть, подлюка, никак не уймется.

К Белой Ели загнала, там и найдем его, упокой Создатель его душу.

– Не каркай! – рявкнула Матильда. Доезжачий пожал плечами и быстро пошел вперед, принцесса с Клементом на плече двинулась следом. Его крысейшество молчал, то ли впереди не было ничего страшного, то ли...

– Хозяйка, – Ласло обернулся, – а крыса эта, она в порядке?

– Клемент это, – отрезала принцесса, – не трясись, не заяц.

– Ох, хозяйка, с тобой хоть на медведя, хоть на войну!

Вот-вот, вчера того лучше, чуть в постель не забрались. И забрались бы, если б не Балаж с Вицей. Кто ж увязался за Робером и что здесь случилось?

Ласло остановился так резко, что Матильда врезалась в пахнущую дымом и мокрой кожей куртку. Нет, того, чего вдова боялась увидеть, на поляне не было. Только полегшая трава и обгорелый пенёк посередине. Белой Ели, которой в Сакаци пугали детей, больше не существовало. Матильда сама не поняла, как вцепилась в плечо Ласло. Надя. Вдовствующая принцесса и доезжачий долго смотрели на черный обломок, потом на дальнем краю поляны дрогнула ветка. Что-то живое. Белка? Дятел? Матильда оторвалась от твердого мужского плеча и зачем-то пошла к тому, что когда-то было Белой Елью. Что здесь случилось? Куда делся Робер, если он, конечно, сюда добрался? Клемент на плече жалобно пискнул. Матильда стащила его крысейшество с облюбованного им места и сунула за пазуху. Она заботилась не о крысе, о себе.

Глаза принцессы шарили по бурой траве в надежде найти хоть что-то: перчатку, подкову, пряжку, кольцо, – но не было ничего. Матильда коснулась почерневшей древесины – казавшийся целым пенёк осел и рассыпался на множество черно-серых обломков.

Ласло встретил ее возвращение угрюмым взглядом.

– Пошли назад, – Матильда старалась выглядеть уверенно. – Тут больше делать нечего.

– А дальше-то куда?

– В Яблони. Робер должен быть там, – принцесса сама не верила в то, что говорила, но, пока она не увидит тело, она будет искать.

– Ох, хозяйка, все одно не жилец он теперь, – нахмурился доезжачий. – Коли Аполка на кого глаз положила, пиши пропало. Достанет, как пить дать достанет!

– Помолчи, твою кавалерию! – еще немного, и Матильда бы его ударила.

3

Мать указала глазами на место во главе стола, и Робер кивнул, хотя похожее на трон дедово седалище не вдохновляло. Оно не могло достаться третьему сыну наследника, но досталось. Иноходец подвел мать к ее креслу и, стараясь казаться невозмутимым, взгромоздился на украшенного гербом и герцогской короной монстра. Впрочем, определенное преимущество в этом было – со своего места Робер видел всех собравшихся за столом, другое дело, что, кроме тетюшки с дядюшкой да толстяка-лекаря и его худосочной жены, он не знал никого.

Рядом с матерью хмурился крепыш лет тридцати с некрасивым, но славным лицом. Красный камзол военного покроя, черно-белая оторочка, на плече – герб Эпинэ. Надо полагать, капитан гарнизона. Тогда рядом – его помощники, а вот магистра Октавиуса Робер помнил. Почтенный доктор за время разлуки еще сильнее растолстел, но в целом изменился мало. Что ж, это справедливо, тот, кто лечит, и хорошо лечит, должен быть здоров. Напротив располагался оллариянский священник. Судя по тому, что клирик предпочел общество угрюмого носатого юнца Жозине, святой отец на стороне Колинъяров. Эпинэ тайком оглядел кузин и кузенов, в очередной раз позабыв, троюродные они ему или четвероюродные, хотя какая разница.

Кравчий в траурном платье наполнил кубки и почтительно замер у двери. Чего все ждут? Ах да, он – глава дома, ему и говорить. Робер поднялся. Противно скрипнуло старое

кресло, словно напоминая о семейном долге.

– Создатель, храни Эпинэ!

Вино на вкус Робера было слишком сладким, хоть и хорошим. Сколько ему лет? Кого из Повелителей Молний застала эта лоза?

Слуги понесли блюда. Люди менялись, обычаи – нет. Мать вздрогнула и отвела взгляд, но Робер понял: Жозина за него боится. Ерунда, как бы Амалия ни хотела усадить в это дурацкое кресло своего Альбина, она не станет в первый же день травить герцога. Мать виновато улыбнулась. Робер повернулся к предполагаемому капитану.

– Сударь, прошу вас назваться и представить своих офицеров.

Молодой человек встал. Он был не очень высоким, но, судя по всему, сильным и ловким.

– Никола Карваль. Исполняю обязанности капитана гарнизона Эпинэ. Разрешите представить: первый тенъент Леон Дюварри.

Стройный блондин лет двадцати пяти вскочил, уронив салфетку. Дюварри...

– Вы племянник Ноэля Гайара.

– Да, монсеньор. Окончил Лаик. Служил в Тронко.

И оказался в Эпинэ. Можно не спрашивать когда. Три года назад из армии без объяснений выставили сотни полторы офицеров. Дорак заподозрил заговор, и, видит Леворукый, основания у него были.

– Рад познакомиться, тенъент.

Сидевший рядом с Дюварри рыжеволосый парень неторопливо поднялся, не дожидаясь приглашения.

– Рауль Левфож – второй тенъент гарнизона Эпинэ. Счастлив приветствовать монсеньора.

– К несчастью, Жюстен выехал по неотложному делу, – совершенно не к месту встрял дядюшка, – но он к ужину вернется.

Жюстен? Ах да, наследник Альбина. Робер не был уверен, что видел его раньше, хотя это не имеет никакого значения. Пятнадцатилетний подросток совсем не то, что двадцатидвухлетний кавалер.

– Но зато мы с гордостью представим дорогому Роберу нашу Ивонн, – запела Амалия. Девушка с замысловатой прической опустила глаза. Она была очаровательна, Амалии и Альбину было чем гордиться.

Сестру Ивонн звали Камилла, она обещала стать хорошенькой, но пока мешали прыщи на лбу и подбородке. Робер сказал какую-то любезную чушь и торопливо заговорил с кузенами, каковых за столом обнаружилось двое. Еще двое до взрослого стола не доросли, а неоднократно поминаемого Жюстена куда-то унесло.

– Кузен Робер, вы столько повидали, не то что мы, жалкие провинциалы, – Ивонн улыбнулась и тут же утратила половину очарования. Улыбка не была живой, она крепилась к лицу, как брошка к платью. Слова тоже были сшиты в глупые затасканные фразы. Вот оно, хорошее воспитание – убить себя и напялить на труп маску, похожую на сотни других.

– Кузина, – ради матери он будет вежлив с этой курочкой, – вы себя недооцениваете. Вы не жалкая провинциалка, вы самая очаровательная девица Эпинэ.

Или не самая. Какое это имеет значение? Мэллит далеко, а Повелитель Молний должен жениться. И он женится. На ком угодно, но не на этой красавице с заученными жестами и глупым голоском.

Глава 10

Эпинэ

1

Построивший новую резиденцию маршал Рене исходил из того, что врагов во Внутренней Эпинэ нет и быть не может, а от бродяг уберегут обычные стены, кованые ворота и привезенные из Торки волкодавы. Их потомки и сейчас охраняли обиталище Повелителей Молний, но из нынешней своры Робера признали только Грэтье и Конди. Пара псов, Демон, десятка полтора слуг да старик-врач с женой – вот и все, что уцелело от прежней Эпинэ. Не считая стен и деревьев, разумеется. Новое вино в старой бутылке...

Замок можно было и не осматривать, по крайней мере не осматривать немедленно. Возбуждение схлынуло вместе с данным матери обещанием. Больше всего Роберу хотелось лечь и уснуть, тем более ночью ждала дорога, но нельзя было обижать сначала родичей, потом слуг и, наконец, Никола Карвалья с его смехотворным гарнизончиком.

Когда-то у Эпинэ были многотысячные дружины, после восстания Эгмонта деду оставили сотню охранников и троих офицеров. Унизительно было не то, что в Олларию решают, сколько мушкетеров и алебардщиков дозволено содержать Повелителям Молний, а что дед руками и ногами вцепился в жалкий огрызок. Карваль, впрочем, относился к своим призрачным обязанностям серьезно, он вообще был ужасно серьезен и многозначителен. Как оруженосец, получивший первое поручение. Молодой человек решил продемонстрировать свои достижения, и Роберу не оставалось ничего другого, как хвалить и благодарить. Зачем обижать хорошего парня?

Иноходец честно осмотрел четыре мортирки, оказавшиеся в полном порядке. Оказалось, что стрелки знают, с какой стороны заряжаются мушкеты, а алебардщики лихо управляют с набитыми соломой чучелами. Никола и его помощники сияли, и, разумеется, Робер не мог не пригласить офицеров распить бутылку вина в Арсенальной башне.

Поговорили о бордонской и варастильской кампаниях, октавианском бунте и смерти Дорака, помянули деда и Эгмонта, обсудили погоду и дела на конюшнях. Наконец гости поднялись, но Иноходец рано обрадовался. Дюварри и Левфож честно ушли, но Никола попросил разрешения задержаться. По серьезному лицу капитана было очевидно, что речь пойдет или о философском камне, или о свободе Талигойи. Что ж, один раз этого не избежать, дед наверняка подзуживал всех, до кого мог дотянуться, а Амалия склоняла к бунту одним своим видом. Теперь придется объяснять, что лаять, сидя на цепи, глупо, а грызть железо и того глупее.

Повелитель Молний указал на обитые алым бархатом кресла у окна, с трудом сдержал накотившую зевоту и обреченно спросил:

– Капитан, вы хотите сказать что-то важное?

– Монсеньор, гарнизон Эпинэ счастлив, что вы вернулись. Теперь мы победим!

Ну и уверенность, не хуже чем у достославных, но гоганы хотя бы торговать умеют. Иноходец с тоской взглянул на исполненное уверенности круглое лицо.

– Победим? – только бы не уснуть посреди неизбежной речи. – Кого вы имеете в виду?

– Олларов, – отрезал Карваль. – Мы готовы. Ждали только вас, но не надеялись, что вы приедете так быстро.

– Меня?! – вот теперь Робер не только проснулся, но и обалдел. – Так это вам я обязан приглашением? Вам не кажется, что подделывать чужие письма недостойно, особенно если это письмо матери к сыну?

– Монсеньор, – кажется, теперь черед капитана падать в обморок, во всяком случае, бедняга побледнел как полотно. – Это не так! Мы б никогда не осмелились!.. Я...

– Хорошо. – В любом случае с письмом следует разобраться, и чем скорее, тем лучше. – О чем вы мне писали, если писали, кто повез письмо, когда это было?

И без того сросшиеся брови Никола превратились в сплошную черту.

– Монсеньор... Это было за неделю до кончины его светлости. Письмо я помню. Не наизусть, конечно, но помню. Я сам его писал под диктовку монсеньора.

– Чего хотел дед?

Капитан сжал и разжал кулаки, особой сообразительностью он явно не страдал.

– Говорите, капитан. Я приказываю.

– Монсеньор... Его светлость был человеком резким.

– Я знаю, – еще бы он не знал. Резкий – самое малое и самое лестное, что можно сказать про Гийома Эпинэ. – Оставьте извинения, капитан. Письмо пропало, и я должен знать его содержание. И не пытайтесь ничего смягчить. Вы поняли?

– Так точно! – Карваль посмотрел сюзерену в глаза. – Его светлость писал, что вы – его последний внук и долг повелевает вам поднять знамя Эпинэ и очистить свой дом от олларского мусора. Он приказывал вам немедленно вернуться. Его светлость надеялся дожить до того дня, когда вы швырнете к его ногам черно-белые тряпки. А если бы вы отказались приехать и остались, простите, под чужой юбкой, его светлость обещал вас проклясть.

Подробности гонец должен был передать на словах. Его светлость перечел письмо, я его запечатал и вызвал гонца. Моего брата. Его светлость пожелал сам дать ему наставления.

– Я не видел вашего брата.

– Монсеньор, Аннибал не подменял письма!

– Это не имеет значения, – Робер глянул на помертвевшее лицо капитана. Только б неизвестный Аннибал не был его единственным родичем. – Скорее всего, мы разминулись. Вы искали меня в Агарисе?

– Да, монсеньор.

– Я был в Алати. Надо полагать, ваше письмо просто опоздало и не имеет никакого отношения к подделке.

А кто имеет? Это не мать, не дед и никто из Маранов. Им приезд наследника нужен меньше всех. Однако неизвестный прекрасно осведомлен и о делах в Эпинэ, и о семейке Повелителей Молний. И у него есть или был доступ к отцовской печати.

– Монсеньор, позвольте вас заверить...

– Прекратите, капитан. Не будем гадать, откуда взялось письмо. Что должен был передать ваш брат на словах?

– Монсеньор, – в глазах Карваля вновь засиял фанатичный огонь, и Робер поежился. – Сколько можно кормить бездельников-чужаков и терпеть безродных королей? Эпинэ не вотчина Олларов, у нас есть свой сюзерен, и у нас есть своя гордость. Мы освободили бы Талигойю, если б не тупость северян, но пора сбросить этот камень с нашей шеи. Эпинэ проживет и без них!

О великой Эпинэ Робер уже слышал. От кого-то из агарисских сидельцев... Или речь шла не о великой Эпинэ, а о великой Придде? Хотя, по большому счету, великой может стать только Кэналлоа, выбор у остальных провинций невелик: или держись Талига, или отправляйся в брюхо кому-то из соседей.

Только сейчас нет даже такого выбора. «Великая Эпинэ» просуществует ровно до подхода Южной армии и вкусит любовь по-имперски. Но не от Дивина, а от Ворона, хотя попробуй втолковать это инсургенту с горящим взглядом.

– Вы намерены отложиться от Талига, Никола?

– И мы отложимся. Монсеньор, все готово, мы ждали только вас.

Это он уже слышал. Если дед и впрямь собирался отложиться от Талига, те, кто навязал ему опекунов, были правы. В здравом уме и твердой памяти такое не придумаешь!

– Никола, – Робер старался говорить спокойно и понятно, – восстание обречено. У Эгмонта Окделла было намного больше сил, чем сможем собрать мы.

– Окделлы никогда не были блестящими полководцами, монсеньор, а в вас течет кровь маршалов.

И все эти маршалы служили Талигу, а дед и отец маршалами не были. Ни по званию, ни по талантам. Сейчас в Талиге настоящих полководцев двое: Алва и фок Варзов. Хотя, может быть, он несправедлив к Савиньякам и Рудольфу Ноймаринену.

– Монсеньор, мы не сомневаемся в вашей шпаге, а вы не сомневайтесь в наших чувствах!

– Капитан, – только бы не сорваться. Во имя Астрада, нужно удержать этих коней, иначе здесь будет вторая Сагранна. – Мое имя не Шарль и не Рене, и у нас нет ни армии, ни оружия, ни фуража.

– У вас есть армия, – в голосе Никола послышалось торжество, – мы готовились все эти годы. Ваш дед был великим человеком. Он понял, что нельзя освободить всю страну и что страна эта недостойна свободы. Эпинэ отдала делу спасения Талигойи лучшее, что у нее было. Мы ничего не должны ни Окделлам, ни Приддам. Пришло время подумать о себе! Монсеньор, пришло наше время. Дорак мертв, в Олларии заправляют Манрики и Колиньяры. Ворон и Эмиль Савиньяк в Урготе, фок Варзов и Лионель Савиньяк на севере. В распоряжении губернатора только обленившиеся гарнизоны. Горожане и крестьяне недовольны тем, что Оллары утроили налог. В Эр-При и Риенне ждут нашего сигнала. Мы восстанем...

– ...и будем разгромлены!

– Нет, потому что в Урготе дожди. Южная армия не сможет переправиться через Кайн, а Северная – слишком далеко. Против нас будут только драгуны и сборщики. Гарнизонам хватит дел в городах, там тоже есть наши люди.

– Не стоит, – начал было Иноходец и замолчал. Никола явно повторял чужие слова, и слова эти слишком напоминали рассуждения Хогберда о Варасте, чтобы от них можно было отмахнуться. – Говорите, капитан.

– Мы обратимся к Святому Престолу, – жизнерадостно сообщил Никола Карваль, – и к странам Золотого Договора с жалобой на Олларов, обложивших нас непосильным налогом. Мы потребуем признать Эпинэ суверенным государством по тем же причинам и на тех же правах, что и Алат, а если...

– Не так быстро. Сначала ответьте, вы это сами придумали?

– Это то, что мой брат должен был передать вам на словах.

Поехал бы он, получив настоящее письмо? Может, и поехал бы, но поднимать бунт не стал бы. И сейчас не станет. Лучше быть проклятым за непослушание, чем угробить тысячи людей и проклясть себя самому.

Если бы дед не умер, его следовало убить, чтобы не дать ему превратить Кайн в Биру... Чудовищно... Даже по сравнению с варастийской авантюрой! Восставших кроликов затопчут и не заметят, не осенью, так весной. Отсюда даже к границе не пробиться. Вернее, пробиться-то можно, как раз чтобы налететь на Южную армию. Алва найдет, где встретить бунтовщиков, а уповать после Сагранны на Золотой Договор и вовсе самоубийство.

После Сагранны... Вот и ответ. Дивину нужно отвлечь Ворона от Бордона, а может, и от своих границ, и павлины швыряют в топку все, что горит. А Эпинэ по милости Манриков и деда вот-вот загорится.

Как они не понимают, во что их втягивают?! Лэйе Астрада, как?! Зато теперь прояснилось с письмом. Гайифа постаралась. Для полного парада восстанию нужен вождь. Ошалевшим юнцам и недолюбленным в Ренквах старикам нужно за кого складывать головы. Глупые головы, отчаянно глупые.

Семь лет назад никто не сомневался в победе. Кроме Эгмонта, но Повелитель Скал не смог сказать «нет». Повелитель Молний сможет, но этого мало. Он Иноходец, а не баран, ведущий овец на бойню.

– Никола, у вас есть воинский опыт?

– Я служил в Южной армии под началом маршала Ариго, – отчеканил капитан, – и был

уволен вместе с другими офицерами. Моя семья всегда была верна дому Эпинэ. Его светлость пригласил меня возглавить гарнизон Эпинэ, и я согласился.

Никола Карваль пороку не нюхал, а последние три года и вовсе кузнечиков гонял, вот и стал великим стратегом. Чем меньше знаешь, тем все кажется проще. Этих идиотов нужно удерживать, пока они не завели себе жожака, который потащит всех на убой! Нужно добраться до той дряни, которая заморочила голову деду. И вот с этой-то дряни он и спросит и за Эпинэ, и за Варасту! Пусть записывают его в предатели.

– Капитан Карваль. – Обманывать тех, кто тебе предан, тошно, но идти у них на поводу – преступление. – Когда и где я могу встретиться с вашими единомышленниками?

– Я взял смелость сообщить о вашем возвращении самым надежным. Они, в свою очередь, оповестят тех, в ком не сомневаются, и будут ждать знака.

Быстро! Никаких сомнений, сплошные действия... Что ж, Робер, пора тебе расплачиваться за Варасту и за сохраненную жизнь. Честь ты потеряешь, это точно, но по счетам надо платить. Даже если понадобится кого-то посадить под замок, а кого-то пристрелить... Он будет сдерживать коней, сколько сможет, а Арлетта даст знать Лионелю, чтобы не сказать Ворону.

2

– Ро!..

Мать возникла словно из воздуха. Робер не сразу вспомнил про потайную дверцу. Жозина судорожно дышала и не могла произнести ни слова. Робер бросился к ней, но та предостерегающе вскинула руку.

– Беги!

– Что случилось?

– Драгуны... Они все знают... Кто-то донес.

Никола схватился за шпагу. Еще чего не хватало!

– Спокойно, капитан!

– Монсеньор, мы вас защитим!

– Спокойно!

– Беги, – она рванула цепочку с эсперой, ее губы посинели. Она замахала руками, указывая на потайную дверцу, и пошатнулась. Робер все-таки опередил Никола, подхватив мать на руки.

– Во имя Астапа, за врачом!

– Нет, – она пыталась его оттолкнуть. – Беги... Ро...

– Врача! – проорал Робер, лихорадочно оглядываясь в поисках хоть какого-то ложа, но Арсенальную строили не для любовных утех и тем более не для больных.

Жозина все еще пыталась его оттолкнуть, в ставших огромными глазах бились боль и ужас. Если бы тут был достославный! Гоганы – лучшие в мире врачи, гоганы и мориски...

– Монсеньор, вам нужно бежать, я позабочусь о...

– Приведи Октавиуса!

Проклятый дурак, проклятый толстокожий дурак!

Карваль наконец соизволил переступить порог, но тут же подался назад, и в комнату шагнул высокий худощавый блондин, за спиной которого блестели каски. Прошло больше семи лет, но Робер узнал бывшего однокорытника Мишеля с первого взгляда. Барон Ойген Райнштайнер отличался весьма приметной внешностью.

– Господин герцог, – холодные голубые глаза остановились на запрокинутом посиневшем лице. – Сударыня!..

– Барон, – со спокойным отчаяньем произнес Робер, – соизвольте позвать врача, а я в вашем распоряжении.

Робер сидел в кресле, а драгуны Райнштайнера выламывали дверь, чтобы пронести Жозину. Сам Иноходец никогда бы до такого не додумался, но Ойген был знаменит своей дотошностью и любовью к целесообразности. Если больную нужно нести на носилках, а носилки не проходят в дверь, долой дверь. Если исполнению поручения мешает лошадь или человек, долой лошадь или человека. Райнштайнера никто бы не назвал злым, разве можно назвать злым мушкет или топор, но и разговаривать с ним – все равно что разговаривать с мушкетом.

– Роб... Простите, ваша светлость, я сделаю все возможное, – руки Октавиуса дрожали, – у эрза больное сердце... Ей нельзя подниматься по лестницам и...

И волноваться. Если Жозина умрет, то ее убил собственный сын, который сначала свалился как снег на голову, а потом попался. Кто-то донес... Бедный Никола, он утверждал, что Эпинэ исполнена верности. Вот и ответ. Всегда найдется кто-то, кто станет играть на врагов, и неважно почему. Важно, что будет война.

– Монсеньор... Я могу дать вам успокоительное.

– Не надо, Октавиус.

– Герцог Эпинэ не нуждается в лекарствах, – Райнштайнер положил конец дурацкому разговору, и слава Создателю. – Что маркиза Эр-При?

– Я не могу ни за что ручаться.

– Ваш долг – сделать все возможное.

В воздухе плавала известковая пыль, с лестницы тянуло холодом. Драгуны покончили с дверью и взялись за носилки. Бедняга Октавиус что-то забормотал и покатился следом. Мимо Робера проплыл заострившийся профиль Жозины, она лежала с закрытыми глазами. Он видит ее в последний раз? Видимо, так и есть...

– Я сожалею, герцог, – таким же тоном Райнштайнер мог заметить, что идет дождь, – мы в одинаковом положении. Моя мать тоже очень нездорова, и я ее последний живой сын.

– Вы исполняете свой долг, барон.

– Но я в щекотливом положении, – в больших голубых глазах мелькнуло нечто трудноуловимое. – С одной стороны, я нахожусь в вашем доме и являюсь вашим гостем. С другой стороны, я, исполняя свой долг, вынужден вас арестовать.

– Логика учат, что некоторые задачи не имеют общего решения, а лишь частное, – пожал плечами Робер. – Сейчас хозяином положения являетесь вы. Будем исходить из этого.

– Вы сняли камень с моей души, – совершенно серьезно произнес бергер. – Ваша матушка нуждается не в вас, а в умелом враче и милости Создателя. Я же на правах хозяина приглашаю вас поужинать. Остаться здесь неразумно.

Все-таки хорошо, что его взял Райнштайнер, а не какой-нибудь жаждущий выслужиться улюдок. Бергер лишь исполняет то, что ему велит присяга. Не будет ни издевательств, ни заигрываний, ни попыток обращения в свою веру.

Они молча перебрались в дедов кабинет. Угрюмый лакей принес корзину с запыленными бутылками, но Ойген покачал головой и послал драгуна за своей флягой. У другого это выглядело бы оскорблением, у Райнштайнера – обычной предосторожностью.

– Герцог, – бергер на треть наполнил стаканы чем-то темным и пахнущим горечью, – эта комната прослушивается?

– Насколько мне известно, нет.

– В таком случае прошу, – Райнштайнер указал на стол, заставленный холодными закусками. – Я налил нам настойку темной полыни. В моей родине это весьма любимый напиток. В малых количествах он благотворно действует на желудок и на голову.

– В таком случае его следует пить всем, – не выдержал Робер. – Наши головы нужно лечить, и немедленно.

– Не могу не согласиться, – медленно произнес барон. – Должен вам заметить, Эпинэ,

вы не могли выбрать худшего времени, чтобы вернуться.

– Не вы первый мне об этом говорите, – усмехнулся Робер, поднимая стакан.

– Я должен увозить вас из Эпинэ как можно быстрее, – сообщил барон, умело разрезая оленину. – Глупость, благородство и золото способны творить чудеса даже по отдельности, но когда они объединяются, мир оказывается на краю.

– Я не совсем вас понимаю.

– Готов пояснить. Глупость Манриков, благородство таких, как вы, и гайифское золото могут породить зверя, который пожрет многих и многих, хотя вы, без сомнения, не разделяете моего мнения.

«Без сомнения»... Это Райнштайнеры живут без сомнений. Ненависть бергеров к Гаунау и Дриксен – залог их верности Олларам. Альдо тоже не сомневается, и дед не сомневался, а Эгмонт? Он сделал, что от него требовали, но ни веры в победу, ни уверенности в своей правоте у бедняги не было. А Эгмонт не жил в Агарисе и не воевал в Сагранне...

– Я понимаю, что вы не имеете особого желания говорить, – Ойген Райнштайнер отхлебнул своей настойки, – тогда буду говорить я. Я хочу, чтобы вы понимали мою позицию.

Бергер уставился на Робера, и тот устало кивнул. Пусть говорит, о чем хочет.

– Я видел прошлой зимой генерала Вейзеля, он состоит в родстве с моей матерью, урожденной фок Ротшпейер. Господин генерал любезно рассказал мне о кагетской военной кампании. Это было произведение искусства.

С точки зрения Райнштайнера, безусловно, но Робер никогда не забудет заляпанную грязью глыбу и торчащие из-под нее женские ноги, лохмотья и цепь. *«Шил, шил шила, киска крыску задушила...»*

– Я преклоняюсь перед военным гением маршала Алвы, – сообщил барон Райнштайнер, – но я не доверяю тому, что он говорит. Рокэ Алва обманывает всех. И тех, кто ищет в нем все известные церкви грехи и пороки, и тех, кто на него молится. Первый маршал Талига совершенно вменяем и ничего не делает зря. Он отпустил вас, вызвав тем самым цепь событий. Одно из них – ваше возвращение в неблагонадежную провинцию.

– Вы можете мне не верить, барон, но я не сторонник восстания.

– Отчего же, – какие у Ойгена холодные глаза, еще холодней, чем у Придда. – Я готов поверить, что вы не имеете дурных намерений, но ваше присутствие в Эпинэ весьма нежелательно. Более того, хотите вы или нет, вы подталкиваете противников его величества к действиям.

Барон прав, он заложник покойного деда, потому его и выманили в Талиг.

– Я был вызван подложным письмом.

Зачем он это сказал? Это похоже на попытку оправдаться, но ему оправдания не нужны, да и не помогут они. Робер Эпинэ – мятежник, скрывающийся от правосудия, да и обвинения, выдвинутые Адгемаром, никто не отменял. Равно как и его признания.

– Насколько я понял, вы приехали утром? – Ойген был по-прежнему невозмутим. – Ваше здоровье, герцог.

– Вы полагаете, оно мне понадобится?

– Есть вещи, которые нужны всем и всегда. Я был бы благодарен вам за рассказ о том, как вы оказались в Эпинэ. Насколько я понял, вы прибыли один.

Попробовать соврать, чтоб ему поверили, или сказать правду, чтоб не поверили наверняка?

– Я выехал в... – как же в Бергмарке называют Золотую Ночь? – Меня проводила Осенняя Охота, барон. Я встретил ее в Алатских горах.

– И на рассвете она рассыпались желтыми листьями?

– Увы...

– Я и не думал, что вы назовете тех, кто вам помогал. Более того, не уверен, хочу ли я это знать.

Белокурый барон не верит в Осенних Всадников, и его можно понять. Робер и сам не верил в то, что с ним случилось.

– Другой истории вы не услышите.

– Таможенные посты и драгунские разъезды проявили беспечность, – белые зубы впились в мясо. На гербе Райнштайнеров красовался стоящий на камне лис, но Ойген был более крупным зверем, – но я не намерен исправлять все ошибки губернатора Сабве.

Здесь был бы уместен вопрос о том, что господин Райнштайнер намерен делать. Барон явно ждал вопроса, не дождался и усмехнулся тонкими розовыми губами.

– Я лично отвезу вас в Олларию, герцог. Я не могу доверить вашу безопасность никому, так как вы – очень заметная карта в начавшейся игре. Не удивлюсь, если некие силы, давайте называть их «зимними всадниками», – Райнштайнер с победным видом улыбнулся, – постараются нам помешать, но у них ничего не получится. Мы выедем завтра днем. Если дожди позволят переправиться через Данар, дорога займет у нас неделю. Если стихии не будут благоприятствовать нашему путешествию, я доставлю вас в безопасное место.

Яснее выразиться нельзя. В Эпинэ его убьют, но у Ойгена Райнштайнера особое мнение. Скорее всего, дожди помешают бергеру доставить пленника в Олларию, и ему придется дожидаться решения своей участи или в Бергмарке, или в Варасте. Райнштайнер никогда не пойдет на сделку с союзниками Хайнриха, кем бы они ни были, но Манрики и Колиньяры ему тоже не друзья. Робер поднял стакан.

– Благодарю вас за участие, барон, но я в самом деле устал. Вы не могли бы меня где-нибудь запереть? Я хотел бы выспаться перед новой дорогой.

– Разумеется. Комнаты готовы, вам будет предоставлено все необходимое.

– Смогу я попрощаться с матерью?

– Это зависит от воли врача и милости Создателя. Надеюсь, утром маркизе Эр-При станет лучше.

Когда Робер выходил, Ойген Райнштайнер невозмутимо кромсал ножом очередной кусок мяса.

Глава 11 Эпинэ

«Le Un des Bâtons & Le Huite des Épées & Le Cinq des Bâtons» ⁷⁸

1

Высоченные волны одна за другой бросались на выраставшую из глубин башню и разбивали увенчанные пенными шлемами головы. Капли крови подхватывал ветер и уносил к низким стремительным облакам. Облака, камни и птицы, с резкими криками носящиеся над ревущим морем, были черными, небо и волны – темно-красными, как вино или кровь.

– Бессмысленно, – произнес усталый голос, – но стихии не имеют привычки думать.

Робер вздрогнул и оторвал взгляд от беснующегося моря. Рокэ Алва стоял рядом, тяжело навалившись на балюстраду. Герцог изменил своим родовым цветам, вырядившись в красное и черное. В закатном пламени синие глаза Ворона казались лиловыми, словно у изначальной твари.

– Рокэ! Во имя Астрапа, откуда?

– Зря вы сюда забрались, – Ворон откинул со лба влажную прядь. – Это неразумно. И невежливо... Надо уступить дорогу...

⁷⁸ Туз Посохов, Восьмерка Мечей и Пятерка Посохов.

- Кому? – обиделся Иноходец. – Сударь, я не понимаю вас...
- Разумеется, – поморщился Алва, на шее герцога горели алые ройи.
- Эр Алва!

– Эр Эпинэ? – Герцог соизволил поднять свои диковые глаза. Он был чем-то недоволен, а может, просто устал. В Сагранне Ворон казался старше, сейчас никто не дал бы ему больше тридцати. Странное дело, Робера не удивили ни появление Алвы, ни место, в котором они оба оказались, а только ройи, которые кэналлиеэ никогда не надевал.

- Вы больше не носите сапфиров?
- Нет.

Ворон Рокэ не горел желанием откровенничать с Иноходцем Эпинэ, а чего он, собственно говоря, ждал? Они стали врагами еще до рождения и умрут врагами, хотя это не их выбор, у них вообще не было выбора, все решили дед и собрано Алваро. И все-таки нужно остановиться самим и остановить других. Сколько можно убивать?!

– Я видел бирисские села после наводнения, эр маршал, – Леворукий, что он несет, он совсем не то хотел сказать...

– Как трогательно, – Ворон зло ухмыльнулся. – А я видел варастийские села после пожара. А пожары, как известно, следует тушить. Водой...

На горизонте за спиной кэналлийца поднялась волна невиданной высоты, ее гребень сверкал так, что Роберу показалось: на них мчится ледяное поле. Чудовищный вал рвался к полыхающим облакам. Устоит ли башня и на этот раз? И на этот? Почему он так подумал, он же здесь впервые?..

– Рокэ! Волна!!!

Алва обернулся, но как-то медленно. На красивом лице читалась досада.

– Эпинэ, я был бы вам весьма признателен, если бы вы предоставили мне любоваться закатом в одиночестве.

Кэналлийскому Ворону никто не нужен, ну и пусть его.

– Не смею вам мешать.

– Прощайте, герцог.

Тучи расступились, словно рассеченные гигантским клинком, в образовавшуюся прореху хлынули острые лучи. Ослепленный Иноходец заморгал, как вытасченная из дупла сова, и опустил глаза. Его сапоги были в крови, как и каменные плиты. Кровь или вода, которую закат сделал алой? Герцог Эпинэ нагнулся, коснулся мокрой плиты, поднес руку к лицу. Такой знакомый солоноватый запах... Все-таки кровь.

– Рокэ, вы ранены?

– Не ваше дело!

Как же он сразу не заметил! Одежда насквозь промокла, но красный бархат скрывает кровь... Если Ворона не перевязать, причем немедленно, он истечет кровью. Придется рвать рубашку, другого выхода нет...

– Робер, – окровавленная рука схватила его за плечо, – мальчик мой, проснись...

Альбин!.. Снова сон, и какой... неприятный.

– Робер, тебе нужно бежать, Амалия все устроила.

– Бежать? – Голова была тяжелая, словно с похмелья, перед глазами все еще метались кровавые волны.

– Что с... – Робер замялся, но он говорил с Альбином, и Иноходец выдавил из себя лицемерное: – Что с матушкой?

– Мне очень жаль...

Все понятно. Матери у него больше нет, у него вообще нет ничего, кроме жизни, которая ему не очень-то и нужна. Он спал, а она в это время умирала... Как он мог уснуть?

Робер не закричал и не упал в обморок, а молиться он толком никогда не умел. Дядюшка горестно вздохнул и часто-часто заморгал. Свечка в его руке дрожала, в бывшей отцовской спальне было прохладно, но лицо Альбина блестело от пота. Несчастный человек... Хотя почему несчастный? Спокойная жизнь, прорва детей, от него ничего не

зависит, он никому не мешает...

Иноходец сунул ноги в сапоги, потряс головой, прогоняя остатки бреда, украдкой глянул на руки. Крови не было. Ни своей, ни чужой.

– Надо торопиться. Мы все очень, очень рискуем...

– Я понимаю.

Он обещал Жозине уцелеть, а себе – остановить бойню, только вот родичам с чего его спасать?

– Как вы сюда попали?

– У нас есть все ключи. Драгуны спят, отвар беличьих ушек...

Еще бы у Амалии не было бы ключей, а вот с драгунами Леворукий знает что случилось. Или Ойген. Барон ясно дал понять, что Повелитель Молний в Талиге не нужен ни живым, ни мертвым. Значит, надо убираться, пока Эпинэ не превратилась в Варасту. Робер с трудом поднялся, кошка-судьба продолжала свои игры.

2

Коридоры были пусты, так пусты, что казались призрачными. Огонек в руках Альбина бился, словно бабочка, – дуло изо всех щелей. Дядюшка молчал, Робер тоже. Он пытался думать о чем угодно, но не о Жозине и не о том, что сейчас окажется на темной дороге. Один.

Эгмонт Окделл как-то признался, что бьется, как заяц в силках, с каждым рывком затягивая петли все сильнее. Эгмонт, отец, Жозина теперь свободны. Неужели вырваться из сплетенных гонором предков сетей можно только в Закат?

– Осторожно, здесь ступенька!

Можно подумать, он не знает. Он бродил по этим переходам, когда Альбина и его жену не подпускали к Эпинэ на выстрел. Дед не простил племяннику женитьбы на «навознице», а «навозница» получит все. Альбин Маран – Повелитель Молний! Амалия Маран – герцогиня Эпинэ... Закономерный итог. Нет, Иноходец был благодарен родичам, но обстановка к душеспасительным беседам не располагала. Если он вырвется, попросит прощения за все, в том числе и за теперешние свои мысли. Когда-нибудь, но не сейчас.

Винная галерея закончилась низкой сводчатой дверцей. Раньше она не запиралась, раньше сыновья маркиза Эр-При играли здесь в осаду Ноймаринен. Мишель всегда был маршалом Рене, а они с Сержем бросали жребий. Кто-то становился генералом Ариго, кто-то – предателем Пеллотом, которого ловили и вешали... Между прочим, совершенно правильно!

Альбин вставил в замочную скважину ключ, противно скрипнули несмазанные петли. Старая часть дворца встретила тишиной и нещадно дымившими каминами. Беличьи ушки валят с ног не хуже пули, похоже, в Эпинэ не спят лишь они с Альбином да бдящие ⁷⁹ над гробом Жозины... Мать семь лет прожила с чужими, чужие провожают ее в Рассвет, а последний уцелевший сын удирает из родимого дома, как заяц.

Разрубленный Змей, неужели он никогда не станет хозяином своей судьбы?! Есть же на свете счастливы, которые спорят с ветром. И побеждают. А его опять подхватило и несет, как осенний лист, который не нужен ни себе самому, ни стряхнутому мертвый груз дереву.

Герцог Эпинэ шел знакомой анфиладой и чувствовал себя чужаком. Даже не чужаком – призраком, вернувшимся из преисподней в родной дом и не нашедшим ничего, кроме равнодушных камней и старых доспехов. Оружейная, Алая гостиная, портретная галерея... Двери в бальный зал заперты, последний раз их отпирали незадолго до восстания Эгмонта –

⁷⁹ Бдящие – наемные чтецы, проводящие четыре ночи над гробом умершего, если родные по каким-то причинам не могут отдать последний долг.

праздновали помолвку Арсена с Леоной Салина.

Арсен волновался, а невеста смеялась, и в ее черных волосах алели живые цветы. Как у крестьянки! Дед, когда увидел, взбеленился, а к вечеру всю ухаживал за марижаркой. Леоны было позволено все: она могла спать до полудня, брать из конюшни любых лошадей, не носить корсета. Салина прогостили в Эпинэ два месяца, и как же все тогда были счастливы. Свадьбу назначили на день святого Армана, гости уехали, а через неделю примчался гонец из Надора...

Леоны пятый год замужем за наследником Ноймаринен. Герцогскую корону марижарка получит, а что до счастья, кто там разберет... Лэйе Абвениэ, ну почему дед не отказался?! Почему Салина не задержались, они бы остановили обвал. Может быть...

Южная лестница. Кто-то снял со стен старинное оружие и развесил старые охотничьи трофеи. Зачем? Альбин прижал палец к губам, открыл дверь, выглянул на улицу, успокоительно закивал. Теперь Робер не сомневался – ему намеренно дают уйти. Ойген Райнштайнер не из тех, кто забывает выставить караулы. Если их нет, значит, так надо.

Резкий ветер, россыпь звезд, огромная злая луна. Жаль, он не волк, не может взвыть в голос. По матери, по братьям, по себе самому...

– Она в часовне?

– Кто? – дядюшка вздрогнул. – А... да-да, конечно... Не сомневайся, Амалия сделает все как надо.

Робер не сомневался. Амалия Колиндьяр похоронит вдовствующую маркизу Эр-При со всеми почестями. И останется единоличной хозяйкой замка и титула. Не то чтобы Иноходец цеплялся за старые камни, но Амалия и Альбин не подходят Эпинэ, как не подошел бы Дракко какой-нибудь толстый лавочник.

– Я хочу проститься с матерью.

– Милый Робер, – завел свою песню Альбин, – это невозможно... Там бдящие... Они не должны тебя видеть...

Что самое мерзкое, он прав. Родичи и Ойген рискуют головой, не нужно их подводить, да и Жозина... Она бы велела ему ехать.

Робер, ничего не говоря, свернул к конюшне. Пустой двор был еще гаже пустых коридоров. Да, дружок, прихватило тебя, если тебе проще отправиться в Багерлее, чем проехать ночью с десятков хорн.

– Конюхи спят, – сообщил Альбин.

– Я еще не разучился седлать коней, дядюшка.

– Я и не сомневался. Ты всегда был прекрасным наездником.

Так же как отец, дядя, братья. Про Эпинэ говорили, что они знают «лошадиное слово», а вот человеческое забыли.

Повелитель Молний шагнул в теплый полумрак. Вот бы никуда не ехать, налакаться беличьих ушек, завернуться в плащ, упасть рядом с Дракко, уснуть и не просыпаться.

Полумориск был в порядке. Драгуны заявили за государственным преступником, но грабить замок им не приказывали. Еще бы, ведь Эпинэ принадлежит Талигу! Иноходец понимал, что несправедлив к Ойгену. Каким бы бергер ни был, он служил честно, и все равно было мутно. Беглый герцог молча взял седло и вошел в денник, Дракко радостно заржал. Какой мерзавец записал лошадей в домашнюю скотину? Они куда лучше людей!

– У тебя очень приметный конь, – засуетился Альбин, – очень! Возьми другого. Вереск очень хорош...

Может, и хорош, но Дракко он не бросит. Он и так бросал слишком многих. Думал – на время, оказалось, навсегда.

– Благодарю, дядюшка, Дракко – мой друг.

– Ну, тебе видней.

Альбин всю жизнь просидел под юбкой у жены, он не терял ни коней, ни друзей, да и были ли у него друзья? Кто-то сказал, что лучше не иметь друзей, чем видеть, как они превращаются во врагов или покойников. Дурак! Причем несчастный дурак...

Робер кончил седлать Дракко и вывел из денника. Конь готов, дело за всадником. Плащ, перчатки, шляпа, шпага, кинжал, пара пистолетов, кошелек с золотом... Все на месте! То ли Амалия, то ли Альбин не забыли ничего. Можно подумать, только тем и занимались, что устраивали побег.

– Ты едешь к границе?

– Разумеется.

– Храни тебя Создатель.

– Благодарю за все, дядя. Засвидетельствуйте мое почтение тетушке.

– Конечно...

Ворота Повелитель Молний открыл сам. Тяжелые створки сопротивлялись с упорством живых существ. Эпинэ изо всех сил удерживал своего сюзерена. Чего он хотел? Погубить или спасти? Робер приналег плечом, и ворота уступили. Впереди тянулись пустые поля. Темень, ветер и тревога, вечная волчья тревога осенней ночи. Что хуже: отправиться в кандалах в Олларию или услышать в звенящей тишине неровное конское цоканье?

– Ты что-то забыл?

– Ничего, – Робер ухватился за гриву Дракко и вскочил в седло. Он ничего не забыл, потому что забывать ему было нечего. У него ничего не осталось.

3

Дорога была одна. Единственная. От Арсенальных ворот, мимо неласковых полей через быстрый, но мелкий Жолле и старую каштановую рощу, давным-давно заслужившую право называться лесом. За рощей до старого Крионнского тракта тянулись виноградники, а дальше нужно было либо рвануть к границе, либо свернуть в Сэ. Стать беглецом и изгоем или попытаться сбросить с хребта чужие грехи? Конечно, Робера Эпинэ будут искать. Когда проснутся и соберутся. Ойген постарается его не найти, и у него в любом случае фора часов в восемь и лучший если не в мире, то в провинции конь. Дракко в отличие от хозяина отменно отдохнул, к утру они добрались бы до Мантье, но он не поедет в Мантье. Он встретится с Арлеттой Савиньяк, и гори все закатным пламенем!

Иноходец Эпинэ не собирался никого предавать, но выслушать то, что ему хотят сказать, он право имеет. И выслушает. Вдруг Лионель нашел выход, который устроит всех? Матильда не хочет никаких войн, засевшие в Агарисе обтрепки воевать не способны, остается Альдо.

Сюзерен от своей мечты просто так не откажется, но в Гальтаре ему делать нечего. Что бы ни искали гоганы и «истинники», пусть оно лежит, где лежит. Альдо о магии знает лишь от гоганов, он не понимает, что это за кошмар. А твари, которые, по слухам, гнездятся в развалинах! Если пегая нечисть вырвалась из Мон-Нуар, понятно, почему Эрнани бросил все и укрылся за Данаром.

Мысли о проклятой кобыле пришли удивительно не вовремя, Робер как раз пересекал узкий мостик над темной, как память, водой, за которой начиналась роща. Могучие каштаны тянули к путнику перекрученные ветрами ветви, их тени плясали по дороге, превращая ее в натянутую над светящейся бездной сеть. Робер вздрогнул и остановил коня. Это было трусостью и несусветной глупостью, но Иноходец ничего не мог с собой поделать. Оказаться среди гигантских искореженных временем стволов, за которыми, без сомнения, затаилась пегая тварь, было выше его сил.

Здравый смысл заметался и с жалобным писком улетучился, остался древний, животный ужас. Покажись сейчас на дороге драгуны, Повелитель Молний бросился бы к ним, как к родным, и будь что будет. Но драгун не было, не было вообще никого. Эпинэ с тоской глянул вверх: луна, которая еще не казалась ущербной, старалась вовсю, но от мертвого зеленоватого света было только хуже. Черные стволы, черное небо, призрачные лучи, стук и скрежет, в котором то ли проступал, то ли нет проклятый цокот, – все словно

сговорилось, вынуждая повернуть коня и бежать, бежать, бежать...

Иноходец мысленно обругал себя трусом и болваном. Не помогло. Руки намертво вцепились в поводья, не желая повиноваться, к горлу подступил пульсирующий, мерзкий комок, по спине ползли мурашки. Дракко обернулся и, как показалось Роберу, с укором посмотрел на хозяина. Торчать холодной ночью на дороге ему не улыбалось. Конь не чуял ничего страшного, и все-таки Эпинэ свернул в поля.

Объезжать рощу было верхом нелепости, он терял драгоценное время, не говоря о том, что Дракко рисковал угодить ногой в кроличью нору, но в поединке страха с волей победил страх. Робер спустился к Жолле и потрусил берегом, благо речка широкой дугой огибала рощу. От черной маслянистой воды тянуло холодом, лунные блики плясали на поверхности, словно подхваченные потоком осенние листья. Говорят, текущая вода отгоняет нечисть. Живая вода и живой огонь. Если что, он заведет Дракко в речку... Из сухой травы и веток можно соорудить подобие факела, но для этого нужно сойти с коня и забраться в рощу, и Робер от этой мысли отказался.

Они ехали берегом, объезжая похожие на гигантских черепах валуны. Пару раз Дракко спотыкался, однажды пришлось прыгать через глубокий ручей. Откуда-то вылетела ночная птица и, едва не задев крылом лица всадника, исчезла в полях. Испуганный конь шарахнулся в сторону, Робер ту же натянул поводья, заставив полумориска перейти с рыси на шаг, и оглянувшись, пытаясь понять, куда его занесло.

Луна любезно освещала черную стену рощи и поседевшие от инея поля. Вдалеке по правую руку мерцало несколько огоньков, один повыше и побольше. Нерюжский пост! Значит, он почти добрался до тракта. Рвануть напрямик? Почему бы и нет. Лауренсия велела ехать на огонь, это другой огонь и другие места, но в мире нет и не может быть ничего прекрасней и долгожданней огня в ночи. Робер направил Дракко к воде, но жеребец заупрямился. И то сказать, переходить ночью вброд скачущую по камням речку – безумие. Не хватало покалечить коня, а тракт уже близко, от силы четверть часа.

Эпинэ пустил Дракко рысью. Огоньки Нерюжа призывно подмигивали, страх исчез, нахлынули стыд и злость на собственную дурь. Конечно, после скачки наперегонки с осенью можно рехнуться, но не до такой же степени!

Впереди замаячили кусты, нет, не кусты – придорожники, от которых летом нет житья. Похожие на вымахавший в полтора человеческих роста укроп чудища стеной стояли вдоль дорог, обдавая неосторожных жгучим соком. К осени придорожники теряли яд, но не наглость, объехать их было невозможно, только проломиться. Счастье, что полые внутри стебли хоть и были толщиной чуть ли не в руку, отличались хрупкостью. Робер с каким-то извращенным удовольствием ломал заиндевевшие зонты, срывая злость и унижение на обнаглевшей траве. Побежденные придорожники с треском падали под копыта Дракко, они не сделали Роберу ничего дурного, просто попались под руку, хотя лучше б на их месте был... Кто? Это было дико, но, продираясь сквозь заросли, Повелитель Молний понял, что врагов у него нет. Есть те, с кем он воевал и, скорей всего, будет воевать, но он их не ненавидит.

Как же он устал от войн и свар, а ему нужно только одно – покой! Пусть его оставят в покое со своими коронами, неоспоримыми правами, священной мезтью и прочим мусором, от которого толку не больше, чем от сдохших придорожников.

4

Конский топот раздался в тот самый миг, когда Робер выбрался на тракт. Робер торопливо спешил и припал ухом к земле, вслушиваясь в приближающийся стук. Кто-то изо всех сил гнал коня. Эпинэ боялся и ожидал услышать знакомый неровный цокот, но лошадей было много. Не меньше десятка. Погоня! И скорей всего – за ним.

Робер вскочил в седло, заставляя Дракко пятиться по своим следам, пока они не

укрылись в ломкой трескучей чаще. В темноте отряд промчится мимо, должен промчаться, но как же они быстро! Пусть он потерял часа полтора на объезд, но все равно его хватились сразу же. Выходит, Ойген не собирался отпускать пленника? Ничего, пусть скажут к границе, а он повернет на Сэ. Следов на убитой земле не видно, а Арлетта его не выдаст.

Дракко вздрогнул и передернул ушами, он не любил стоять, когда другие бегут. Робер погладил полумориска по голове, вслушиваясь в наполненную топотом тьму. Происходило что-то странное. Конь того, кто скакал первым, явно выбивался из сил. Так, если впереди пустая дорога, не преследуют. Так бегут, несутся изо всех сил, спасая свою шкуру.

Эпинэ зачем-то глянул на уходящую к горизонту луну. Выходит, гонятся не за ним? Тогда за кем? Кто что позабыл на дороге к опальному замку? Грабить здесь некого и некому, это не Алати и не Торка с их вольными баронами, нет— нет да и пополнявшими отощавшие кошельки за счет проезжих купчишек.

Выстрелы в стылой ночи показались чудовищно громкими, конский бег оборвался, словно лошадь налетела на невидимую преграду, раздался отчаянный крик, перешедший во всхлипывания, утонувшие в грубых голосах и лошадином топоте. Преследователей было не меньше десятка, и они ничего не опасались.

Робер сам не понял, как оказался на обочине с пистолетом в руке, просто так вышло. На дороге билась оседланная лошадь, рядом двое мужчин трясли третьего, его голова нелепо моталась, словно у тряпичной куклы из балагана. Чуть дальше толпились всадники с закутанными лицами, двое держали в поводу чужих коней. Иноходец приметил коренастого человека в шляпе с обвисшими краями и поднял пистолеты. Ему б сейчас таланты Ворона!

— Отпустите его. Иначе стреляю.

Два крика сошлись в один.

— Монсеньор! — голос коренастого показался знакомым. — Закатные твари, монсеньор!

— Я не хотел! — взвизгнул пленник. — Я... Меня заставили!

Никола?! Во имя Астрапа, что они тут затеяли?! Подбитый конь забился сильнее, Робер закусил губы и разрядил пистолет в хрипящую голову. Жеребец перекатился на бок, дрыгнул всеми ногами и ткнулся мордой в землю. Как козел у Барсовых врат... Эпинэ медленно сунул разряженный пистолет за пояс, стараясь унять дрожь в руках.

— Монсеньор, — предводитель снял шляпу, это таки был Никола. — Вы целы, слава Создателю...

— Леворукий и все кошки его! — Эпинэ обвел глазами разбойников, один за другим снимавших свои тряпки и превращавшихся в солдат гарнизона. — Что здесь происходит?

— Кузена вашего спросите, — Никола сплюнул в сторону притихшего пленника.

Кузена? Этот заяц его кузен? Его же не было, хотя Амалия что-то говорила про Жюстена... А, он должен был вернуться к обеду. Выходит, вернулся...

— Робер, — замыкал родственничек, — я... Я не хотел...

Чего не хотел? Лэйе Астрапэ, как же люди мешают друг другу жить!

— Монсеньор, — Никола перезарядил пистолет и сунул за пояс, — пусть господин Жюстен расскажет, что он тут забыл.

— Пусть расскажет, — повторил Иноходец, чувствуя себя внутри таким же пустым, как высохший придорожник.

Двое солдат восприняли слова Робера как руководство к действию и хорошенько встряхнули свою жертву. Надо приказать, чтоб отпустили... Проклятье, он уже ничего не соображает.

— Отпустите его!

— И то, — откликнулся один из солдат, кажется, именно он вчера срубил у чучела «голову», — куда ему деваться.

Руки разжались, Жюстен, шатаясь, сделал несколько шагов, из носа у него шла кровь.

— Сядь и запрокинь голову. Вода у кого-нибудь есть?

— Обойдется!

Правду говорят, все повторяется. И при этом выворачивается наизнанку. У горы Бакра

Робер Эпинэ выглядел не лучше кузена. Ворон вытащил его, он вытаскивает Жюстена, только Алве никто не перечит.

– Сходите к речонке, – отдельно произнес Робер. – Принесите воды.

Солдат спешился, сунул поводья товарищу, исчез в зарослях. Жюстен судорожно всхлипнул и схватился за горло. Сейчас стошнит. Щенок... На кой он сдался Никола?

– Монсеньор, – капитан Карваль был невозмутим, как бакран, – лучше я расскажу. От крысенка толку, что от рыбы песен.

– Говорите! – наверняка какая-нибудь гадость. Разве может в наше время случиться что-нибудь хорошее?

– Монсеньор, мы узнали, что на вас будет засада.

Никола говорил коротко и четко. Он был офицером и не имел обыкновения ходить вокруг да около, подстилая соломку себе и начальству. Хотя при чем тут соломка, Колиньяры для него «навозники», сиречь мерзавцы. Честный капитан еще не понял, что дерьмо найдется в любой конюшне, старой ли, новой ли. Хотя в старой, пожалуй, дерьма побольше.

– Драгун привел он, – Никола явно брезговал называть имя Жюстена Марана, – за ними и ездил. Только барон этот рыбоглазый сказал, что вас могут помиловать, вот Амалия и решила устроить вам побег и послать засаду. Роща-то, вон она, мимо не проедешь. Мы, как узнали, чуть не рехнулись... Думали, конец вам...

– Я поехал в объезд, – бросил Робер, – мне не нравилось это место.

Его спасли пегая кляча и страх. Если б он не струсил, лежал бы на дороге, и не все ли равно, спустили бы Райнштайнер и Никола с кого-нибудь шкуру или нет. Иноходец устало вздохнул и обернулся к кузену:

– Это правда?

Тот только голову опустил. Значит, правда. Ну и что прикажете с ним делать?

– Что с засадой?

– В Закате, – зло бросил капитан. – Этот в сторонке был, чуть не удрал, да Создатель не попустил.

Создатель? Или Леворукий? А скорей всего, дурной случай, что играет нашими судьбами и никак не наиграется.

– Монсеньор, возвращаться пора. Светает уже. Пока доедем.

Возвращаться? Куда? В объятия к драгунам? Ойген ему зла не желает, но раз он вырвался, то будет решать за себя сам...

– В Эпинэ все в порядке, – капитан понял его молчание или решил, что понял, – черные хорошо уснули – не проснутся!

– Что?!

– А то, – вмешался какой-то сержант, – что порезали мы эту сволочь. Давно пора было! Хватит, погуляли!

– Всех? – Робер не узнал своего голоса.

– Надеюсь, – Никола поправил плащ. – Мы, как узнали, за вами кинулись, ну да в Эпинэ, слава Создателю, солдат не два десятка. И у слуг руки тем концом вставлены.

Так обычно и начинается. Порезанные драгуны, повешенные сборщики, сожженные склады. А потом приходят королевские войска и в свою очередь вешают, жгут, режут. Бедная Эпинэ... Закатные твари, ну почему так вышло? Воистину, преданность бывает хуже подлости, а наивность страшней любого расчета.

– Поехали, монсеньор.

А что ему остается? Бросить тех, кто его спасал, на произвол судьбы и удрать?

– Оттащите лошадь с дороги и едем.

– Будет сделано...

Будет сделано... Да уж наделали делов, четырьмя ведрами не вычерпашь!

– А те, в роще?

– Я приказал сбросить всех в овраг.

– Хорошо.

И впрямь хорошо. Прямо-таки изумительно. Ночи стоят холодные, но днем солнце припекает по-летнему. Да и лисы осенью наглеют. Придется хоронить...

– Готово!

– Едем.

Кто-то подхватил трясущегося Жюстена и водрузил перед собой. Робер не мешал – он слишком устал. Кони двинулись строевой рысью, отряд въехал в рощу. Здесь не было пегой лошади, только овраг, в который побросали трупы. Небо светлело, из облепивших вековые деревья гнезд с пронзительным карканьем взлетали птицы. Почему они орут на рассвете и на закате? В башне из сна тоже были птицы – черные, большие, много больше этих...

Деревья расступились. Разгоралась заря; на алом полотнище опять чернели башни Эпинэ, повторяя вчерашний день, день, когда он нашел и потерял мать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «ОТШЕЛЬНИК» 80

Нелегко разглядеть, чем вызван честный, искренний, благородный поступок: порядочностью или дальновидным расчетом.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Эпинэ. Сакаци

«Le Cinq des Épêes & Le Valet des Bâtons & Le Chevalier des Épêes» 81

1

У моста стояло семейство Роже. Конюх нацепил старый шлем и кирасу, и где только нашел – таких не носили самое малое лет пятьдесят. Внуки старика тоже вооружились до зубов, хотя Иноходец отнюдь не был уверен, что юнцы представляли, чем рапира отличается от бастарды. Над воротами и над крышей дворца развивались боевые стяги Эпинэ, без сомнения, также извлеченные из арсенала. Да, обитатели замка времени зря не теряли!

Роже гордо стукнул древком допотопной алебарды о землю, приветствуя возвращающихся. Ворота величественно распахнулись, даже не скрипнув. Успели смазать – надо же! Повелитель Молний подавил вздох и изобразил рукой нечто вроде приветственного жеста. Получилось совсем по-кагетски, но Роже расцвел. Дракко, за какими-то кошками преисполнившийся воинского духа, изогнул шею и принялся бить копытом. Вот уж воистину, куда конюх – туда и конь. В воротах возник Леон Дюварри – от теньента за хорну несло чувством выполненного долга, и Роберу стало страшно.

Дюварри очень красиво отдал честь:

⁸⁰ Высший аркан Таро «Отшельник» символизирует благоразумие, управляющее волей, осмотрительность руководителя действий, развитие вглубь, отчуждение, одиночество, горечь. Карта советует быть осмотрительным и внутренне собранным. В мире все взаимосвязано, и малый толчок может привести к большому обвалу. П.К. – означает самостоятельное достижение цели и эмоциональную связь с мудрым и вдохновенным человеком. На низком уровне может означать упрямство, подозрительность или неоправданную осторожность.

⁸¹ Пятёрка Мечей, Паж Посохов и Рыцарь Мечей.

– Гарнизон Эпинэ в распоряжении монсеньора.

Лэ́е Астрапэ, какой он им монсеньор?! Перед монсеньором ходят по струночке, а тут без него его женили и довольны. Почему его не оставят в покое хотя бы до похорон, почему его вообще не оставят в покое?!

– Докладывайте, тенъент!

– Монсеньор, замок Эпинэ готов к бою.

С кем? С воро́нами, возможно, но не с королевскими войсками. Эпинэ даже не замок, просто поместье. Ни гор тебе, ни приличной реки. Это Ноймар или Хексберг можно месяцами оборонять от превосходящих сил, а здесь нужны обученные войска и хотя бы дюжина сносных пушек. Ну и артиллеристы, вестимо. Настоящие артиллеристы, а не выученики Никола с их мортирками и единственной пушчонкой времен Двдцатилетней войны.

– Благодарю, Дюварри.

– Честь и верность!

Вспомнили! Вытащили из сундука Алисины тряпки, разогнали моль и напаялили. Только агарисского Карлиона с его «дгажайшим гегкогом» и обглоданной куриной ногой в благородной руке не хватает, но не обижать же исполненных гордости дурней. Их и так скоро жизнь обидит.

– Верность и честь! – Эпинэ прыгнул с Дракко, которого тут же ухватил Роже. – Капитан, вы со мной.

Надо что-то решать с родственничками, раздери их кошки. Выгнать бы взащей, но вдруг сгодятся в заложники? Какой-никакой, а повод для переговоров. Если, разумеется, герцогу Колинъяру хоть немного нужны сестра с племянниками, а нынешние олларские заправила оглядываются на Колинъяров.

– Никола, мне понадобятся курьеры.

– Монсеньор, я взял на себя смелость отправить гонцов в Гайярэ, Шевр-эр-Аржан, Леграж и Лэ.

С каждым шагом веселее. Как в старой сказочке – все прекрасно, монсеньор, только ножичек сломали, когда снимали шкуру с козла, который задохнулся в дыму, когда горела конюшня, которую подожгли конокрады, которые увели коней, за которыми погнался ваш батюшка и сломал себе шею, а ваша матушка... Хватит! Он не дед! Думайте про него что хотите, но ему плевать на «великое дело» покойной Алисы. Все, кто заварил кашу, мертвы, пусть наконец отцепятся от живых!

– Монсеньор, – укоризненно закачал головой капитан, – вам бы перекусить. До обеда далеко, а вы в последний раз...

– Хорошо, – согласился Иноходец, – идем завтракать.

Идем завтракать... В храме бдящие читают молитвы над Жозиной, в замке валяются зарезанные солдаты, трясутся пленные родичи, по дорогам скачут гонцы, призывая к бунту... Самое время жрать!

Из последних сил сдерживая растущее раздражение, Повелитель Молний завернул за угол и замер.

Посередине Арсенального двора на знакомом до последней веточки старом каштане болтались два тела. Амалия Колинъяр никогда не станет хозяйкой Эпинэ. Она вообще никем больше не станет.

Право Франциска запрещает вешать женщин, но кто в наше время исполняет законы, да еще написанные врагом?!

Над высокими крышами выл ветер, иноходцы на флюгерах бешено скакали на запад, но в закрытом со всех сторон дворе было тихо; два нелепых длинных тела неподвижно висели на своих веревках, а на соседней ветке сидели два воробья. Бедный Альбин, при жизни был не графом Мараном, а мужем Амалии Колинъяр, а после смерти воронья – и то не удостоился.

Робер с трудом оторвал взгляд от черно-бурых пичуг. А он думал, что не может быть

ничего страшней валявшихся в грязи утопленников и отрубленных голов в разукрашенных лентами корзинах. Бывает. Каштан в родном дворе, превращенный в виселицу.

– Кто это сделал?

– А все! – обрадовал Никола. – Чего с ними цацкаться? Драгун навели, вас на смерть погнали, матушка ваша... Из-за них все! Уж лучше б они эрэа ножом ударили, чем так!

Да, из-за них. И еще из-за того, кто подделал материнское письмо. А вообще во всем виноват Ворон: пристрели он прошлой осенью маркиза Эр-При, и не было бы ни зарезанных драгун, ни повешенных Маранов...

– Дети где?

– Леворукий их знает, – бравого капитана судьба младших Маранов не волновала, – заперли где-то, не вешать же было.

И на том спасибо. Выводок Амалии нужно разыскать. Ивонн хорошенькая, мало ли что придет в голову борцам за свободу. Особенно если напьются, а напьются они обязательно. Кровь порождает кровь, кто же это сказал? Святой Иоанн? Святой Лукиан? Нет, святой Адриан... Прежде чем податься в эсператисты, основатель ордена Славы навоевался досыта, так что знал, о чем говорит.

– Распорядитесь снять трупы, привести в порядок и похоронить... по-оллариански. Если вы, разумеется, не повесили еще и клирика.

– Будет исполнено, монсеньор. – Видно было, что Никола не согласен, но приказы не обсуждаются. – Но аспид удрал.

– Что сделано, то сделано, капитан. Я не стану искать зачинщиков, но больше никаких расправ!

– Какая ж это расправа? – возмутился Никола. – Пускай дверь в Рассвет вашей матушке придержат, сволочи. Только эрэа все их головы не перетянут.

Не перетянут, а потянут. В Закат. Убийство Маранов – вызов не только Колиньярам, но и короне. И это шило в мешке не утаить, не стоит и пытаться.

– Где барон Райнштайнер?

– Монсеньор... Ему удалось бежать, но его ищут.

Этого следовало ожидать. Такие звери, как Ойген Райнштайнер, в крестьянские ловушки не попадают.

– Найдите детей, пусть за ними присмотрит Мари. Жюстена поместите отдельно.

Знать бы еще, что с ним делать. Казни он не допустит, но дальше-то что?

– Монсеньор, вы ступайте перекусить, а я займусь.

Прекрасный совет, и какой своевременный! Если не знаешь, что делать, ступай съешь чего-нибудь. А перед этим полюбуйся на повешенных, повешенные – это к счастью. Вороньему, надо полагать.

Закатные твари, из какой ерунды вырастает война! Мараны всего-то хотели заполучить титул и пожить в свое удовольствие. Между ними и Эпинэ стоял один человек, к тому же изгнанник. Казалось бы, какая малость. И вот Амалия стронула камень, из-под которого хлынула река, и только Леворукий знает, сколько народа в ней захлебнется... Робер рванул ворот рубахи, из последних сил сохраняя спокойствие.

– Капитан, вы идете со мной. Голодающие офицеры мне не нужны.

2

Как быстро пришла осень, несколько дней – и горы из зеленых стали золотыми. В Надоре лиственницы не росли, и Дик принял их за что-то вроде елок, которые зимой и летом одним цветом. Оказалось, нет.

– Странно как, – заметил Рихард Борн, – до моста было лето, а тут – осень.

– Черная Алати, – откликнулся Альдо, – тут все не как у людей. Жалко, праздник пропустили. И что б вам на неделю раньше приехать!

– Ты нас пригласил на охоту, – откликнулся Удо Борн. Он был младше Рихарда, но серьезней и обстоятельней, – а охота начинается после Осеннего Излома⁸².

– Ну да! – засмеялся Альдо. – Уверяю вас, мы отлично поохотимся.

Дик тоже засмеялся: гости еще не знали, какая охота им предстоит. Альдо просил ничего не говорить, пусть шпионы Олларов и Альберта думают, что друзья принца и впрямь собираются добыть несколько медвежьих шкур. Сюзерен был прав, Темплтон и Саво слишком простодушны, они могли проболтаться, а поход в Гальтару следовало держать в тайне даже от Матильды. Женщин не стоит посвящать в мужские дела, даже таких, как вдовствующая принцесса.

Ее высочество всем довольна, она не понимает, что ее внук не вправе хоронить себя в Черной Алати. Оллара́м отпущен один круг, в Талигойю должен вернуться законный король. Дик завертел головой, узнавая знакомые места. Дорога была достаточно широкой, чтоб в ряд могли проехать четверо или даже пятеро, но принц что-то обсуждал с Рихардом, а Удо затеял спор с Анато́лем Саво и Дугласом Темплто́ном.

Речь шла об агарских и алатских красотках. Анато́ль горой стоял за алаток, Удо с Дугласом не соглашались. Проведший пять ночей с черноглазой Вицушкой Ричард не сомневался, что Борн и Темплтон проиграют, но предпочитал помалкивать, тем более что у него побаливала голова. Конечно, эта боль не шла ни в какое сравнение с тем, что с ним приключилось после Золотой Ночи. Надо ж было так напиться, да еще на постоялом дворе! Решено, он больше не станет пить местную касеру, только вино. От хорошего вина голова не болит, хотя кошмары все равно снятся...

– Ричард, – Рихард Борн придержал каракового полумориска, – ты уже охотился на медведей?

– Нет...

– Но ведь в Надоре они водятся.

Водятся. Именно медведю отец был обязан хромотой, он не любил об этом рассказывать, а после его смерти в Надоре позабыли все забавы.

– Матушка не хотела, чтобы я охотился.

– Понятно, – кивнул Рихард, – ты же – единственный наследник. Нас все же трое...

– Есть еще Конрад, – пояснил Удо, – ты его не знаешь, он думает только о своей Лотте. Что ж, он по крайней мере уцелеет.

– Не думаю, чтоб нам что-то грозило, – возразил Рихард. – Разве что, поохотившись на медведей, мы поспешим на помощь к «дельфинам».

– Мы должны освободить Талигойю, – твердо сказал Дик.

– Было бы неплохо, – согласился Удо, – если знать, с чего начинать. Иначе мы будем похожи на тех зайцев, которые собрались изгнать из леса лис.

– Но, – начал Дикон и замолчал. Еще не время раскрывать карты, – но... Круг кончается, а с ним и Оллары...

– Ну и что? – хмыкнул Рихард. – От того, что следующим королем станет кэнналлийский бастард, нам не жарко и не холодно.

Кэнналлийский бастард... Как просто они говорят о сыне Катари, как просто и как грязно!

– Тебе что-то не нравится? – участливо спросил Удо.

– Ее величество выше любой клеветы!

– А разве это клевета? – не понял Борн. – Королева живет с Вороном, и лично я ее не осуждаю. Фердинанд – редкостное ничтожество. Кстати, Ричард, давно хотел спросить, как

⁸² День осеннего равноденствия. Дни Изломов (Весеннего, Летнего, Осеннего и Зимнего) в доэсператистские времена наделялись мистическими свойствами и совпадали с четырьмя празднествами в честь древних богов. День Осеннего Излома был посвящен Астрапу, среди прочего считавшегося покровителем охотников. После смены религии в эсператистских странах Дни Излома перестали отмечать как праздники, но связанные с ними суеверия и некоторые обычаи уцелели.

вышло, что ты оказался здесь?

– Меня выслали из Талига, – бросил Дикон. Это было правдой, хотя и не всей, но они с Робером сошлись именно на этом ответе. Матильда и Альдо «знали» чуть больше. Про покушения на его жизнь и про то, что Алва по просьбе ее величества отпустил оруженосца, снабдив деньгами и проездными грамотами.

– Разумно, – согласился Удо Борн, – если не хочешь убивать волчонка, прогони его со двора в лес. Мы тут только зубами клацать можем...

Они могут больше, но об этом потом. Сначала надо добраться до Гальтары.

– Сплетничаете? – засмеялся Альдо Ракан, вклиниваясь между Ричардом и старшим Борном. – И о чем же?

– О бастардах ее величества, – живо откликнулся Удо.

– Я не стану мстить детям, – твердо сказал Альдо, – в достойном доме они вырастут настоящими талигойцами. В них течет старая кровь, а ее осталось гораздо меньше, чем хотелось бы.

Ричард склонился к гриве Соны, чтобы справиться с охватившим его ликованием. Альдо Ракан будет великим королем. Пусть принц не очень сильный фехтовальщик, у него ум и сердце истинного повелителя, а благородством и мужеством он превзойдет даже Алана Святого. Альдо Ракан возродит славу своих предков, он исправит ошибки Эрнани и восстановит Золотую Империю во всем ее блеске. А место Повелителя Скал рядом с его королем! На Робера Эпинэ и герцога Гийома тоже можно рассчитывать, но Ветер мертв, а Волны... Ричард вспомнил холодные глаза Валентина Придда. Можно ли ему доверять? Придды – достойная семья, но среди них попадались всякие. Тот же Джастин, а горошины из одного стручка похожи. Нет, Повелители Волн ненадежны, и вообще они сделали для Талигойи меньше Окделлов и Эпинэ.

3

Слуги исхитрились сделать все как надо: оранжевые иммортели, кипарисовые ветви, алые и золотые свечи, разорванная на четыре куска подвенечная фата. И никого, кроме сына, хотя ночь над гробом герцогини должны проводить дочери, невестки, внуки... Мужчины оплакивают мужчин, женщины – женщин. Так повелось исстари, но женщин в доме Эпинэ не осталось. Впрочем, олларрианство признает смешанное бдение, оно вообще многое признает, но дед упрямо вцепился в эсператизм. Зачем? При маршале Рене в Эпинэ не хваталось за старье, это Алиса вновь ввела в моду сдохшие было обычаи. Ни к чему хорошему это не привело.

В Садах Рассветных ожидать
ты будешь возвращения Его,
и придет Он,
и отделит праведных от неправедных,
и откроет тебе дорогу Светлую...

Вызванный из ближайшей деревни священник-олларрианец срывающимся голосом дочитал положенные молитвы и, пятясь, ушел. Больше всего святоша мечтал убраться подальше от опасного замка, и Робер его не осуждал. Жить хотят все или почти все. Может, клирик и верил в Рассветные Сады для избранных, но дрожать за свою шкуру это ему не мешало.

Мари и Жанна последний раз поправили венки и тоже ушли. Они любили Жозину. Именно Мари и Жанна были с ней, пока сынок болтался по чужим землям. Робер хотел оставить служанок, но те лишь расплакались и замотали головами: дед приучал и приучил челядь знать свое место, но у Жанны, Мари, Никола, Леона благородства поболее, чем у

засевшего в Агарисе сброда! Обитатели Эпинэ спасали сюзерена и мстили за его мать, только овчинка не стоила выделки, а жизнь Робера Эпинэ – мира в провинции.

Иноходец опустился на положенное бдящему место и попробовал прочесть эсператистскую молитву, но непонятные слова отчего-то казались оскорблением. Почему с Создателем говорят на мертвом языке? Может, потому он и не отвечает?..

Ветер закатной тварью бросился на окно, задрожали цветные витражи, всколыхнулось пламя свечей и лампадок, и Робер понял, что в храме очень холодно. Без зимнего плаща он к утру превратится в сосульку. Хорош сын, нашел о чем думать – о плаще! Как был неудачником и себялюбцем, так и остался, молиться и то не может.

Буря крепчала, в ее вое слышались зов далекого рога, завывание вставшей на след своры, хлопанье крыльев... Глупости, Осенние Всадники не возвращаются. Их встречают только раз в жизни, и им нет дела до людских войн и смут. Что сделает Арлетта Савиньяк, получив его письмо? Что еще можно сделать? Жозина попыталась разорвать круг, в который их загнала дедова гордыня или глупость, что, впрочем, одно и то же, но стена выросла еще выше. Робер смотрел на застывшее тонкое лицо. Он семь лет не вспоминал, что у него есть мать, а теперь никогда не забудет, что ее больше нет.

Одна из свечей догорела и погасла, Повелитель Молний вынул огарок, бросил в серебряное ведро, достал новую свечу, зажег от горящей перед образом святой Женевьев. Манрик не станет отзывать Ворона из-за провинциального бунта. Две сотни никогда не воевавших солдат да несколько десятков стариков с доезжачими и лесничими – не армия. Их раздавит первый же гарнизон...

– Сударь, – топтавшийся на пороге Никола, казалось, был готов провалиться сквозь землю. Вот она верность: без колебаний резать глотки спящим драгунам и бояться потревожить сюзерена.

– Что случилось?

– Гонец из Гайярэ. Срочно.

– Идем.

Он не может проводить мать в Рассвет, потому что в ответе за тех, кто жив. Жозина простит, простила бы... Иноходец зачем-то коснулся золотистых иммортелей у выхода. Никола придержал тяжеленную дверь с дерущимися конями. Когда-то Мишель раскрасил их красным и зеленым, дед был вне себя, отец и Жозина смеялись...

– Где гонец?

– В приемной эра Гийома... Простите, в вашей.

Да, у него теперь есть приемная, подданные и война... Все хотят воевать. Все уверены в победе. Еще бы: прикончили полсотни спящих, вздернули предателей, как просто и как весело!

Горбоносый парень как ошпаренный отскочил от стола, на котором дымился кубок с горячим вином.

– Мой герцог! Ариго ⁸³ с вами!

– Кто вы, сударь?

– Жильбер Сэц-Ариж счастлив приветствовать Повелителя Молний.

Сэц-Арижи... Как же звать старого барона? Он еще жив, иначе бы сын представился полным титулом.

– Как чувствует себя отец?

– Сэц-Арижи верны великой Талигойе.

Закатные твари! «Великой Талигойе» не существует лет пятьсот. Есть великий Талиг, который пытаются угробить.

– Благодарю, Жильбер, – не объяснять же мальчишке то, что не понимает его отец. – Что за новости вы привезли?

⁸³ Имеется в виду одно из одиннадцати графств провинции Эпинэ.

– Драгуны и сборщики уничтожены, – радостно выпалил наследник достойного барона, – их начальники повешены вверх ногами на стенах Гайярэ и Сэ.

– Сэ?! А что графиня?

– Мать предателей бежала. Мой герцог, вы отмщены.

Вот она, закатная волна! Поднялась и накрыла. Вместе с целой провинцией. Что чувствует факел, который швырнули в пороховой склад? Что он может изменить? Прикажи Робер Эпинэ остановиться, его не послушают, а хоть бы и послушали, сделанного не воротишь. Зарезанные драгуны, повешенные мытари, перебитые «навозники». Тут ни Савиньяки, ни сам Алва ничего не изменят, бунты умирят одним способом – кровью.

Повелитель Молний улыбнулся:

– Жильбер, благодарю вас. Вам выпала трудная дорога.

– Я загнал двух коней! – в голосе юнца слышалась гордость.

Только дураки загоняют коней. Только дураки пилят сук, на котором сидят, и поджигают собственный дом, но дело сделано. С бегством Арлетты исчезла последняя надежда покончить миром.

– Никола, позаботьтесь о господине Сэц-Ариже и соберите в оружейной тех, кого сочтете нужным. Бдящие еще не ушли?

– Нет, сударь. Позвать?

– Пусть отправляются в храм и делают, что положено.

Ему не удалось побыть с мертвой Жозиной, как не удалось побыть с живой. Нет времени ни на молитвы, ни на сожаления. Нужно налаживать оборону, собирать людей, искать оружие... Лэйе Астрапэ, ну почему все это свалилось на его голову?! За что?

Глава 2 Оллария

«Le Neuf des Deniers & Le Roi des Deniers & Le Valet des Coupes» 84

1

О том, что его величество желает видеть на Совете Меча свою пока еще супругу и будет в ее будуаре через час, Катарину Ариго уведомил Леонард Манрик. Сынок кансильера держался так, словно только что проглотил палку, к тому же прекислую. Головастик и тот бы понял – поручение рыжему ублюдку поперек горла. Это могло означать многое, а могло ничего не означать. После приснопамятной истории с сонетами Леонард в покоях опальной королевы больше трех минут не задерживался, чему Луиза была несказанно рада. Что по этому поводу думала Катарина Ариго, никто не знал, но она спокойно выслушала новоявленного маршала и приказала подать черное бархатное платье.

От драгоценностей, кроме обручального браслета, ее величество отказалась. Надо полагать, чтобы мужчины, до которых она наконец доберется, видели, что королева страдает. Страдала ли Катарина на самом деле? Скорее всего, страдала, но не забывая ни о молитвах, ни о притираниях. И была тысячу раз права: пока ты не махнула на себя рукой, не опустилась – ты жива. Смерть для женщины начинается с незавитых волос и мятого платья.

Королева обвела взглядом оставленных ей дам, подбирая положенную по этикету свиту.

– Госпожа Рафиано, госпожа Рокслей, госпожа Биггот и госпожа Арамона.

Три графини и вдовица Арнольда! Ну и компания, впору лопнуть от гордости, хотя

⁸⁴ Девятка Динариев, Король Динариев и Паж Кубков.

пусть лучше другие лопаются. От чего хотят. Главное, она все увидит своими глазами и можно не трястись из-за Айрис с ее выходками. Вчера Луиза вытащила из-под подушки воспитанницы кинжал и очень надеялась, что герцогиня Окделл не успела раздобыть новый. Не то чтоб госпожа Арамона не хотела, чтобы Айрис зарезала какого-нибудь Манрика, но у девочки были бы неприятности.

Катарина Ариго оделась быстро. Отпущенный час еще не истек, а свита ее величества уже подпирала стены, не зная, чем себя занять. Последние минуты ползли, словно улитка по поганке. Катарина сидела у стола, по своему обыкновению глядя в горние выси, дамы и девицы жались по углам, дуры-морискиллы прыгали и щебетали в своих клетках, но от этого было только хуже. Когда раздались шаги и скрип дверей, Луиза испытала облегчение, впрочем, недолгое. Достаточно было взглянуть на Фердинанда, чтобы понять – ничего хорошего не предвидится.

Его величество сопровождали аж трое Манриков и похожий на ошипанную цаплю кардинал. При виде жены Фердинанд побледнел, обвисшая щека дернулась. Катарина присела в реверансе и тихо сказала, что счастлива. Король воровато оглянулся, Луиза была готова съесть свою юбку, если бедняга не хотел, чтоб «фламинго» убралась к кошкам, но Леопольд не собирался оставлять супругов наедине. Король сглотнул, на обрюзгшей шее дернулся кадык.

– Ваше величество одеты не для Совета Меча, – король явно хотел сказать что-то другое, – а для похорон. Срок траура по вашим братьям истек.

– Ее величество не носила траура по графу Ариго и графу Энтрагу, – быстро сказал Манрик-старший.

– Я ношу траур по его высокопреосвященству Сильвестру, – вздохнула королева, – и по великому Талигу, умершему вместе с ним.

Не получи Луиза столь сурового воспитания, она бы, невзирая на высочайшее присутствие, разинула рот. Воистину Катарина была величайшей стервой и настоящим бойцом. Выстрел попал точно в цель – Агний опустил глаза и залепетал о невосполнимой потере, а троица Манриков изобразила из себя вареную свеклу. Не подкачал только его величество. Фердинанд поцеловал руку жены, а на затравленном лице проступила улыбка. Святая Октавия, ну и кто у нас после этого мужчина?!

– Ваше величество, – морда кансильера была пунцовой, но он уже взял себя в руки, – осмелюсь напомнить, что Лучшие Люди уже собрались. Я бы просил вас посоветовать ее величеству надеть драгоценности, чтобы пресечь ненужные разговоры.

– Люди не слепы, граф, – королева смотрела только на мужа, – они не спутают ворона с фламинго...

– И все же, – залепетал король, – Катарина... я прошу вас...

– Желание вашего величества – закон для Талига, – губы королевы изобразили улыбку, губы, но не глаза. – Госпожа Рокслей, подайте нам шкатулку с леопардом.

Луиза Арамона никогда не видела алые ройи, но шалая звезда на тонкой золотой цепочке не могла быть ничем иным! Казалось, камень светится собственным светом – тревожным и волнующим, от него нельзя было оторвать глаз, от него и от надевшей его строгой женщины.

Королева сделала еще один реверанс.

– Ваше величество, мы готовы.

2

Кошек, как известно, губит любопытство, а Луиза Арамона, без сомнения, была наивернейшей подданной Леворукого. Оказавшись на Совете Меча, она не превратилась в одно большое ухо только потому, что нужно было еще и смотреть, благо имелось на что. Зал был роскошным: черное дерево, белый мрамор, вызолоченная бронза и мечи, мечи, мечи...

На дверях, на стенах, в руках знаменитых полководцев, среди которых Луиза немедленно опознала троих герцогов Алва: Рамиро Второго, Алонсо и Рокэ. Первый маршал Талига на краю скалы вздымал на дыбы белоснежную лошадь, не забывая указывать мечом на невидимого врага, а сверху парил крылатый полуголый дурак и изо всех сил дул в трубу. Под картиной висело кагетское и бирисское оружие. Видел герцог эту роскошь или еще нет?

Луиза так загляделась на портрет, что о Совете вспомнила, только когда заговорил Фердинанд.

– Садитесь, господа. Мы собрали Совет Меча, чтобы выслушать и обсудить новости из Эпинэ. Господин кансильер, доведите все, что вам известно, до Лучших Людей.

Лучшие? Ну, это с какой стороны посмотреть. Некоторых из присутствующих Луиза видела раньше, другие были ей знакомы лишь понаслышке. Все больше столичные крысы. Тоже мне, Совет Меча – ни единого маршала, кроме Леонарда! Если это – полководец, то она – Марианна!

Леопольд Манрик вышел вперед. Зеленый камзол, розовая оторочка, бледная морда. Мерзость...

– Мой король, – на Катарину Ариго кансильер не смотрел, – ваше высокопреосвященство, господа, я должен сообщить вам, что в провинции Эпинэ вспыхнул бунт, зачинщиком которого стал тайно вернувшийся в Талиг Робер Эпинэ. Подробности сообщит губернатор Эпинэ маркиз Фернан Сабве.

Леопольд Манрик поджал губы, медленно отошел и опустился в обитое черным бархатом кресло. Его сменил породистый мужчина лет сорока пяти. Луиза его видела в Фабианов день лет шесть назад, тогда он назывался графом Лэ.

– Ваше величество, – Сабве преклонил колено, – ваше высокопреосвященство, не могу выразить, как мне тяжело...

– Встаньте, маркиз, – довольно резко бросил Фердинанд, – мы хотим знать, как вы допустили бунт?

– Мой государь, я готов понести любое наказание. Увы, я не мог предвидеть, что Робер Эпинэ проскользнет мимо всех таможенных и пограничных постов. Его появление в сердце Талига стало для меня полной неожиданностью. И не только для меня.

Означенный Эпинэ дважды повинен в государственной измене. Вместе с отцом и тремя братьями он принял участие в мятеже, поднятом подстрекаемым врагами Талига Эгмонтом Окделлом. Избежав возмездия, мятежник нашел убежище в Агарисе, но ненависть к родной стране привела его в Варасту, где он возглавил бирисские банды. Вторично ускользнув из рук правосудия, этот человек вернулся в Агарис, где возобновил сношения с гайифскими и дриксенскими агентами и с их помощью тайно проник в Талиг.

Сообщники Эгмонта Окделла и Карла Борна, в свое время помилованные его величеством, расценили проявленное к ним милосердие как слабость. Все эти годы они копили силы и наконец ударили – предательски, подло, из-за угла. Их жестокость превысила все мыслимые пределы. Вот здесь, – губернатор взмахнул кипой бумаг, – свидетельства очевидцев. Я прошу разрешения вашего величества не зачитывать их в присутствии ее величества, есть вещи, не предназначенные для женских ушей. Повешенные, сожженные заживо, зарезанные во сне, утопленные, забитые камнями... Женщины, старики, дети...

Беда не обошла и мою семью. Первыми жертвами Робера Эпинэ стали граф Маран, его жена и дети. Мятежник расправился с ними, черной неблагодарностью отплатив за доброту, которой Мараны окружили его деда и его мать. Маркиза Эр-При пыталась остановить сына, но он не внял материнским увещаниям. Робер Эпинэ заставил мать присутствовать при казни, вернее, при убийстве близких ей людей. Сердце маркизы не выдержало ужасного зрелища, и она скончалась на месте. Однако смерть матери не образумила мятежника.

Тризна по маркизе вылилась в оргию, на которой вынудили присутствовать детей Маранов. Пятеро из них не пережили этой ночи.

По приказу Робера Эпинэ были вырезаны королевские драгуны и сборщики налогов, а собранные средства разграблены, равно как и замки и дома верных подданных короны.

Только чудо спасло от ужасной гибели графиню Савиньяк, ныне находящуюся в своих южных владениях под надежной защитой.

Мятежники захватили и разграбили арсеналы Лэ и Шакрэ, вооружив крестьян и городской сброд. В настоящее время огнем охвачены два графства – Старая Эпинэ и Ариго. Граничащие с ними Пуэн и Агиррэ подвержены брожению. Южная и Приморская Эпинэ сохраняют полное спокойствие. К сожалению, графы Валмон и Дорак отказываются оказывать содействие губернатору, ссылаясь на отсутствие сведений, а граф Савиньяк, граф Рафиано и граф Креденьи находятся за пределами провинции. Маршалы Дьегаррон и Кортнэй не соглашаются отвести войска от границ, полагая бунт отвлекающим маневром. В этой ситуации мне не остается ничего иного, как просить помощи вашего величества.

3

Сабве замолчал, и стало тихо. Король тяжело дышал, его руки вцепились в подлокотники кресла, королева казалась ледяной статуей, кардинал суетливо перебирал четки – Луизе казалось, гранаты в худых пальцах стучат друг о друга, словно игральные кости. Кансильер требовательно взглянул на Фердинанда, у короля снова дернулась щека, и он громко и безжизненно произнес:

– Мы хотим слышать, что думают Лучшие Люди.

Лучшие Люди делиться мыслями не спешили.

Фердинанд заелозил в кресле, кашлянул и произнес, как показалось Луизе, с надеждой:

– Граф Гектор Рафиано.

Экстерриор красой не блистал, но без красоты худо только женщинам, да и то первые пятьдесят лет. Рафиано сдержанно поклонился:

– Ваше величество не будет возражать, если я возьму на себя смелость порадовать Лучших Людей небольшой притчей? Рассказ маркиза Сабве произвел слишком удручающее впечатление.

Притча? Ах да, экстерриор никогда не говорит прямо...

Король кивнул, облизнув сухие белые губы.

– Ваше величество, господа... В окрестностях одного села появились волки и принялись таскать овец. Расстроенные крестьяне попросили помощи у жившего по соседству барона, известного охотника. Тот согласился помочь. Три дня барон со слугами и собаками рыскал по лесу и наконец нашел логово и в нем дряхлого волка, утолявшего свой голод мышами и лягушками. Озадаченный барон пустил гончих по следу пропавших овец в надежде поймать похитителя. Собаки привели его к болоту, где по недосмотру пастухов и тонули животные. Барон посоветовал крестьянам прогнать бездельников и поискать тех, кто будет пасти скот, а не лодырничать. Крестьяне так и поступили, и больше овцы у них не пропадали, а волк к весне сам издох от голода и старости.

Экстерриор поклонился и спокойно вернулся на свое место, что-то сказав сидевшему рядом папеньке. Губернатор Сабве позеленел, придя в полную геральдическую гармонию со своим нарядом⁸⁵. Граф Креденьи поднял руку.

– Мы слушаем нашего тессория.

– Ваше величество, господа, – любопытно, заметил господин Креденьи родимую дочь или не совсем? – Я полагаю, барон дал крестьянам разумный совет. Не стоит гоняться за подыхающим волком. Очевидно, что мятеж не пересечет пределов четырех графств и к весне захлебнется сам собой. Бунтовщики отрезаны от границ и не располагают сколько-нибудь заметными силами. Предлагаю блокировать мятежные графства и предъявить вожакам ультиматум.

⁸⁵ Герб герцогов Колинъяров – коронованный бурый медведь на зеленом поле.

– Граф, вы на удивление спокойны, – вскочил кто-то столь же породистый, как и маркиз Сабве, но постарше.

– Господин обер-прокурор, – холодно произнес Леопольд Манрик, – господин тессорий еще не закончил. Говорите, граф.

– Да-да, – закивал король, – мы вас слушаем.

– Благодарю моего государя. Господа, я полагаю, что причина бунта лежит не только и не столько в неожиданном возвращении Робера Эпинэ, сколько в неумелом управлении провинцией. Маркиз Сабве добивался и добился для себя весьма широких полномочий. И что мы видим в итоге? Полагаю разумным направить в Эпинэ другого губернатора, а владения покойного герцога Гийома временно взять под королевскую опеку. В создавшемся положении решать вопрос с наследством и титулом преждевременно.

Папенька со значительным видом проследовал к своей скамье. Король глубокомысленно молчал, вбирая ноздрями воздух. Потом пошевелился и изрек:

– В словах тессория и экстерриора есть смысл, но мы не можем оставить своих подданных на произвол судьбы. Мы слушаем герцога Колиньяра.

Герцог и брат Сабве, то-то они так похожи... Что в Совете Меча хорошо, так это то, что всех называют по имени, иначе с непривычки запутаешься.

Обер-прокурор Колиньяр был вне себя. Его ноздри раздувались, и он явно хотел кого-то придушить. Красивый мужчина, очень красивый. В отличие от жены. Интересно, сколько и чего нужно было дать герцогу, чтоб он женился на серой мыши? Надо спросить господина графа, хотя не все ли равно...

– ...если мы станем выжидать, наши враги примут это за признак слабости, – герцог почти кричал, – стремительная и беспощадная расправа над преступниками должна стать предостережением всем. Всем, господа! Время полумер прошло, мы достаточно сильны, чтоб не церемониться с врагами Талига и не оглядываться на Золотой Договор!

Я понимаю, главной заботой экстерриора многие годы было улаживать Гайифу, Дриксен и Гаунау. Вначале осторожность и впрямь была необходима, но теперь графу Рафиано пора вспомнить о гордости. Никто не вправе указывать Талигу, как поступать с мятежниками. Никто не вправе спрашивать у Талига отчета. Следует раз и навсегда покончить со скопившейся за века крамолой. Сторонники допотопных обычаев, родичи и друзья удравших в Агарис предателей всех мастей, иноземные прихвостни – каждый должен получить свое. Мы слишком долго щадили изменников и заговорщиков, господа, слишком долго! Кровь, которая льется в Эпинэ, порождена нашим долготерпением и ничем иным!

Вверх взяла холеная рука, тускло блеснул огромный аметист.

– Супрем⁸⁶ Вальтер Придд.

Повелитель Волн был бледен, впрочем, Луиза не исключала, что бледен он всегда. В самом деле, кто видел румяных спрутов?

– Ваше величество, ваше высокопреосвященство, – герцог Вальтер слегка наклонил голову, – Талиг силен, это так. И именно его сила делает жестокость излишней. Покойный кардинал это понимал, именно поэтому наша страна успешно избегала междоусобиц, а редкие мятежи оканчивались неудачей.

Если мы бросим на вооруженный косами и старыми алебардами сброд армию, наши враги решат, что мы слабы. Львы не гоняются за крысами, за крысами гоняются кошки. Разумеется, виновные должны ответить за свои преступления, но лишь после тщательнейшего судебного разбирательства.

Я присоединяю свое мнение к мнению тессория и экстерриора – бунт в центральных графствах свидетельствует либо о дурном управлении, либо о злонамеренном подстрекательстве. Это требует расследования, и я полагаю, благородный Колиньяр должен от него самоустраниться сразу по двум причинам. Он может невольно принять точку зрения

⁸⁶ Высший судебный чин.

своего брата и, огорченный гибелью сестры и ее семейства, рискует предаться гневу. Со своей стороны полагаю своим долгом сказать, что герцоги Эпинэ не опускаются до насилия над женщинами и детоубийства.

– Герцог Придд полагает, что я лгу? – бросился в бой Фернан Сабве.

– О нет, – не согласился некто худой и благообразный, – он всего-навсего не уверен в достоверности полученных вами сведений.

– Геренций ⁸⁷, вы бы заговорили иначе, приди беда в ваш дом.

– Мой дом в Ноймаринен, – ага, значит, мы имеем дело с графом Гогенлоэ-цур-Адлербергом, – а в Ноймаринен подобные беспорядки невозможны. Во многом потому, что моя провинция управляется справедливо и мудро. Я полагаю, именно герцог Ноймаринен или же его наследник смогут честно и нелицеприятно прояснить ситуацию в Эпинэ.

– В самом деле, – пошевелился в своем кресле Фердинанд, – то, что рассказал губернатор, слишком ужасно, чтобы быть правдой. Герцог Эпинэ не станет вести себя как дикий бириссец.

– Мой государь, – преклонил колено Колиньяр, – я сам не мог поверить, пока не расспросил мою чудом спасшуюся племянницу. Юная Ивонн здесь, я взял на себя смелость привести ее во дворец.

4

Юная Ивонн была прелестна, растрепанна и заплаканна. Если б ее насильовали полчаса назад, это выглядело бы весьма убедительно, но у несчастной было достаточно времени, чтобы помыться и причесаться. Катари бы на месте Ивонн оделась в черное и замоталась в вуаль, но Урсула Колиньяр была преисполненной собственного достоинства дурой, а мужчины никогда не видят того, что очевидно женщине. Впрочем, для затеянного кансильером и обер-прокурором балагана сойдет и так.

Герцог Колиньяр, видимо, счел, что Лучшие Люди достаточно насладились зрелищем растерзанной невинности, и бросился в бой:

– Ваше величество, – голос герцога дрогнул, – эта девушка припадает к вашим стопам, моля о защите и отмщении.

А также о приданом для себя и о чем-нибудь повкуснее для родственничков. Луиза украдкой глянула на папеньку. Господин граф сидел, выпятив нижнюю губу, что у него служило признаком величайшего отвращения и нежелания вмешиваться. А чего вмешиваться? Манрики и Колиньяры поделили все, до чего могли дотянуться, но граф Креденьи внакладе тоже не остался...

– Мы слушаем, – несколько растерянно произнес король.

Да, здесь было и что послушать, и на что посмотреть! Девица довольно удачно заломила руки и бросилась на колени перед его величеством. Фердинанд вздрогнул, Катарина не повела и бровью.

– Ваше величество! – возопила Ивонн. – О, ваше величество...

– Мы слушаем, – повторил король и с явной неохотой прибавил: – Дитя мое!

Те же слова он сказал и Селине, но как же иначе они звучали! Юная Ивонн наконец перестала ползать по полу и заговорила. Бойко, как по писаному... Больше госпожа Арамона не сомневалась: герцогиню Колиньяр никто никогда не насильовал, а ее мужа тем более, иначе б они не сочинили подобную чушь.

Свою первую брачную ночь Луиза помнила урывочно, и не только за давностью лет, но и из-за страхов и волнений. В памяти всплывали отдельные слова, жесты, лица, смешки. Раскрасневшаяся рожа супруга, поджатые губы матери, розовые свечи в спальне – вот,

⁸⁷ Управляющий королевской канцелярией.

пожалуй, и все. Изучать завитушки на потолке и припоминать, что приказать кухарке, она стала потом, тут же несчастная жертва сыпала подробностями, именами, числами, как хороший прознатчик.

Лучшие Люди слушали и молчали: прочитав что-то по многоопытным придворным рожам было весьма затруднительно. Кажется, экстерриор и папенька прячут ухмылку, кажется, Придд и пожилой дворянин рядом встревожены, кансильер чего-то ждет, геренций раздражен. Может, так оно и есть, а может, у нее просто разгулялось воображение.

Говоря по правде, дуэнье Айрис Окделл до Робера Эпинэ, которого она если и видела, то не помнила, дела не было, но бывших соседей по Кошоне, угодивших между деревом и топором, жалко. Даже Жавотту. Пожалуй, королевские войска в городе лучше толпы перепившихся бунтовщиков. С другой стороны, бунтовщики могут не перепиться, а в войсках наверняка отыщется десяток-другой арнольдов, которые, если воевать, то в обозе, а если грабить, то впереди лошадей.

Плаксивый голосок смолк.

– Вы рассказали все? – с надеждой спросил Фердинанд.

– О да, – прошептала юная Ивонн, опуская глаза, – как бы я мечтала забыть пережитый кошмар, но он навеки врезался в мою память.

– Мы выслушали. Что скажут Лучшие Люди?

– Мой государь, – Жоан Колинъяр преклонил колени, – как брат погибшей я умоляю об отмщении. Как талигоец прошу защиты и как обер-прокурор настаиваю на расследовании. У меня есть все основания говорить о заговоре, опутывающем весь Талиг. Вне подозрения только герцог Ноймаринен, герцог Алва, граф фок Варзов и еще несколько сановников и военных, приговоренных заговорщиками и их покровителями к смерти. Именем покойной сестры клянусь раскрыть этот заговор, даже если это будет последним, что я сделаю в своей жизни!

– Мы верим вам, герцог, – послушно произнес Фердинанд, – и мы не сомневаемся в вашем усердии. Как скоро вы надеетесь достичь успеха?

– Если я получу соответствующие полномочия...

– Вы их получите.

– Я смогу назвать первые имена завтра к вечеру. Ваше величество, умоляю, спасите Эпинэ! Пусть маркиз Сабве недооценил жестокость и изощренность мятежников, он исправит свою ошибку.

– Отмщенья, государь, – юная Ивонн выскочила из-за спины обер-прокурора и снова бухнулась на колени, – отмщенья! Во имя святой Октавии, дайте маркизу Сабве армию!

Фердинанд вздрогнул и обернулся, на бледном лице проступили разочарование и обреченность. Луиза не сразу сообразила, что король по привычке ждал помощи от кардинала, но кардинал был не тот. Он тупо перебирал четки, глядя прямо перед собой, и выглядел таким же несчастным, как и Фердинанд. Кансильер тоже молчал, а граф Рафиано и папенька делали вид, что их тут нет. Только Гогенлоэ-ур-Адлерберг поднял руку.

– Ваше величество, если вы решаетесь на военную операцию в пределах Талига, она должна быть осуществлена по возможности быстро и бескровно. Я испытываю определенные сомнения в способностях маркиза Сабве. Он не военный. Я бы рекомендовал отозвать из Каданы маршала Савиньяка.

– Мы не можем ждать, – возвысил голос обер-прокурор, – каждый день промедления – это новые жертвы! Ваше величество!..

– Ваше величество, – поднялся Леопольд Манрик, – рассказ Ивонн Маран потряс меня до глубины души. Я согласен с обер-прокурором, нужно положить конец предательствам и заговорам. Но я согласен и с геренцием. Маркизу Сабве понадобится помощь опытного военачальника, я полагаю, нам и впрямь следует вызвать...

– Ваше величество, – статный моложавый красавец в щеголеватом мундире вышел вперед, – отправьте меня в Эпинэ, и я остановлю бунт. Мне будет довольно одного полка.

– Генерал Люра, – скривился обер-прокурор, – ваш порыв делает вам честь, но вы не

знаете Эпинэ.

– Так узнаю, – пожал плечами генерал, – законы войны одинаковы везде.

– Генерал Люра имеет опыт, – заметил Гогенлоэ-ур-Адлерберг. Манрик молчал – споры с обер-прокурором в планы кансильера не входили. И Фердинанд решил.

– Генерал Люра, мы поручаем вам подавить мятеж. Вернитесь с победой, и вы получите достойную награду.

– Ваше величество, – генерал опустился на одно колено, – моя жизнь принадлежит моему королю. Единственная награда, которую я осмелюсь просить по возвращении, это рука Ивонн Маран.

– Но, – сквозь усталость и равнодушие проглянул прежний Фердинанд, ворвавшийся к жене с вестью о фельпской победе, – как давно вы ее знаете?

– Я сейчас увидел ее впервые в жизни. Мой государь, я не думал, что когда-нибудь обременю себя семейством, я понимаю, что идет война, я понимаю, что мое происхождение несравнимо с происхождением графини Маран, но... Если я вернусь и если графиня Маран окажет мне честь...

– Ивонн Маран, – в голосе короля зазвучала сталь, – с благодарностью примет вашу руку. Клянусь Франциском Великим, она будет вам преданной женой. Возвращайтесь с победой, и вас будет ждать не только невеста, но и титул графа Маран, которого вы достойны. Не беспокойтесь о своей нареченной, о ней позаботится ее величество.

– Нет! – голос Катарины Ариго был чистым и холодным, как иней на крышах аббатства. – Пока я королева, эта женщина мой порог не переступит.

5

Король вздрогнул, быстро глянул на Манрика, но тот сосредоточенно любовался своими руками. А Луиза Арамона любовалась королевой. Именно любовалась. Черное платье, алая звезда на шее, глаза, горящие не хуже драгоценных камней. Хорошо, Ворон не видит, зато видят другие мужчины. Уж они-то оценят. Особенно в сравнении с Ивонн...

– Графиня Маран, – королева и не подумала повысить голос, но девица съежилась, словно от хорошей пощечины, – как вы смели явиться во дворец в столь неподобающем виде? У вас было довольно времени, чтобы переодеться и причесаться, а ваши родственники достаточно богаты, чтоб снабдить вас придворным платьем.

Ивонн Маран затравленно огляделась и метнулась к дядюшкам. Обер-прокурор немедленно взял племянницу за руку.

– Ваше величество, то, что пережила эта девушка...

– Герцог Колиндьяр, – отчеканила Катарина, – первое, что сделает женщина, если она и вправду обесчещена, это смое с себя следы насилия. Если, разумеется, она не сойдет с ума и не наложит на себя руки.

Фердинанд оторопело уставился на супругу, словно видел ее в первый раз, а Катарина в упор глядела на побелевшую Ивонн.

– Я не верю ни одному слову этой женщины. В Золотых землях запятнавшие себя девицы больше тысячи лет играют в Беатрису Борраска. Только пока у людей есть глаза, сороке не стать голубкой, а лгунье – праведницей. Ивонн Маран, отвечай: чем ты сводила синяки с рук и лица? Где лекарь, который тебя осматривал, и священник, которому ты исповедовалась? Какие шрамы на теле Робера Эпинэ? Кто из мужчин сочинил повторенную тобой ложь?

Красная как рак Ивонн жалко хлопала глазами, затем спохватилась и, не удосужившись поблуднеть, упала на руки подхватившего ее жениха. Катарина повернулась к супругу:

– Я предупреждала ваше величество, что Эпинэ обложена непосильными поборами, а управление губернатора Сабве ведет к бунту. Я не знаю, делал он это по недомыслию или с расчетом, но в том, что случилось, виновен он, и только он. Я – уроженка Эпинэ, и я

остановлю мятеж, если мой король явит милость к ошибавшимся и вступится за действительно обиженных и оскорбленных. И мне для этого не потребуется армия. А теперь позвольте мне вас покинуть. Лжесвидетели и клятвопреступники – неподходящее общество для королевы Талига.

Катарина сделала реверанс королю и стремительно вышла, почти вылетела из зала.

Глава 3 Эпинэ

«Le Dix des Coupes & Le Trois des Deniers & Le Huite des Bâtons» 88

1

Два жеребца, черный и белый, сошлись в смертельной схватке. Резкий холодный ветер яростно трепал алое полотнище, и вышитые кони казались живыми и злыми. Раньше Робер Эпинэ не предполагал, что вид собственного знамени, развевающегося на башне родового замка, может вызывать ужас. Какой безумец избрал своим символом сцепившихся насмерть родичей, кто расколол поле герба на две равные части золотым зигзагом? Лэйе Астрапэ, зачем?!

Теперь Робер все чаще думал, что пегая кобыла была смертью для него и спасеньем для рехнувшейся провинции. Началось бы восстание, если б не вернулся Повелитель Молний? Повелитель... Смешно, разве можно повелевать стихиями, разве можно вырваться из лап судьбы?

– Монсеньор, – разумеется, это Никола! – Возьмите плащ.

– Не нужно, я поднимусь к себе. Пополнение прибыло?

– Да, сто двадцать три человека, двадцать три мушкета, восемь аркебуз, остальные вооружены холодным оружием.

Это значит вилами, косами и цепями. В лучшем случае арбалетами и дряхлыми алебардами.

– Устройте их и приходите с докладом.

– Слушаюсь, монсеньор...

Доложить Карваль доложит, он это любит, но оттого, что в Эпинэ уже набилось больше тысячи человек и в скором времени зайвится раза в три больше, не легче. Резиденция Повелителей Молний, в отличие от заброшенной крепости на Марикьярском холме, для обороны годилась, как левретка для медвежьей травли. После Двадцатилетней войны люди собирались жить, а не драться. И жили. Даже ударившийся в великое прошлое дед – и тот не вернулся в родовое гнездо: уж больно унылыми казались каменные мешки с низкими сводчатыми потолками.

Ноги понесли Робера направо; он опомнился только у порога своей старой спальни. Она была заперта, как и комнаты Арсена, Мишеля, Сержа. Иноходец зачем-то тронул дверной косяк и вернулся на главную лестницу. Вождь восставших должен обитать в покоях Повелителя Молний, иначе не поймут. Навстречу герцогу вскочили вчерашний эконо́м, подавший в интенданты, и парочка скороспелых офицеров. Иноходец махнул рукой, отвечая на бравые приветствия, плотно прикрыл за собой дверь и рухнул в кресло. Скачка к пропасти продолжалась. Чтобы победить, да что там победить, хотя бы укусить Олларов, не хватает ни людей, ни оружия. Чтоб дать повод жечь и вешать, и того и другого более чем достаточно.

88 Десятка Кубков, Тройка Динариев и Восьмерка Посохов.

Мятежные графства задавят не осенью, так весной. Свободная Эпинэ! Как бы не так... Дорак, Савиньяк, Маллэ, Валмон, Рафиан, Эр-При и Эр-Сабве ⁸⁹ и не подумали примкнуть к восстанию, да и с чего бы? Свободная Эпинэ для крестьян – звук пустой, а губернатор со своими сборщиками знает, на чьих землях дозволено буйствовать, а чьи – обходить десятой дорогой.

Иноходец в который раз устался на карту – добротную, разукрашенную никому не нужными штукovinaми вроде городских и дворянских гербов и нелепых коронованных зверей, поддерживавших надпись: *«Рисовано сие смиренным магистром землеописания Гансом Клаусом Цербелем из Левенберга»*. Робер до одури вглядывался в разноцветный лист в поисках выхода и не находил его. Куда денешься, не все рождаются умниками. Герцог Эпинэ готов вести в бой конницу, в крайнем случае – пехоту, но, Астрапэ шлемоблещущий, он не полководец и никогда им не станет. Только вот другого нет...

Зачем-то Робер взял грифель и надругался над творением Клауса Цербеля, закрасив восставшую область. Получившаяся клякса между Данаром, отрогами Мон-Нуар, Дораком и Кольцом Эрнани ⁹⁰ не вдохновляла. Старая Эпинэ, Ариго, Пуэн, Агиррэ... Четыре графства из одиннадцати! Что они могут противопоставить королевскому войску? От силы тысяч восемь рвущихся в бой дворян, гарнизонных солдат и отставных вояк, хоть как-то управляющихся с оружием. И все! Горожане и крестьяне разбегутся от первого же выстрела, даже самые воинственные. Артиллерия и того смешней – собранные по замкам допотопные «хлопушки».

Карваль с приятелями сравнивает Эпинэ с Алатом времен Балинта. Сравнили киску с крыской! Алат был связан с Агарией в единое королевство насильно, причем алаты и агары друг друга терпеть не могли. И все равно, если б не Двадцатилетняя война, ничего бы у Балинта не вышло, и уж тем более не выйдет у них. И, положа руку на сердце, оно и к лучшему. По-настоящему свободная Эпинэ невозможна, а в том, чтобы стать еще одной гайифской шавкой, чести немного.

Не сегодня-завтра Оллария ответит бунтовщикам, но как? Предложит сдаться? Ударит без предупреждения? У Фердинанда хватает и солдат, и генералов... Нет, бунт нужно остановить, пока Эпинэ не превратили в Варасту. Только как прикажете его останавливать, когда застоявшиеся дурни рвутся в бой? И ведь как уверены в победе, в том, что вот-вот подойдет помощь! Откуда, с неба?! И где, во имя Леворукого, Лионель?! Он должен что-нибудь предпринять, для него Эпинэ – не пустой звук, он здесь вырос, он не может позволить... Не может? А как ты сам позволил? Как позволили Эгмонт и Борн?

Робер вновь уткнулся в карту, прикидывая, как перевезти через реку зерно, кур и лисиц, чтоб никто никого не съел. Ничего путного в голову не приходило, а тут еще Большой Совет. И что прикажете говорить жаждущей драки ораве, которая слышит лишь себя? Хуже только пегая кобыла, да и то ночью...

2

Когда королева уходит, дамы следуют за ней, даже если очень хочется остаться. И Луиза последовала вместе со всеми, а теперь они ничего не знали: ни чем кончился Совет Меча, ни что будет с ними. Через несколько минут после их возвращения у апартаментов Алисы встала стража. Новая и еще неразговорчивее прежней. Луиза сильно подозревала, что

⁸⁹ Графства, входящие в состав провинции Эпинэ.

⁹⁰ Кольцо Эрнани – название сооруженной при Эрнани Святом кольцевой системы укреплений, защищавших внутренние области империи, расположенные вокруг новой столицы. Имело скорее символическое значение, так как прилегавшие к Кольцу провинции, которыми управляли Повелители Стихий, были составной частью Золотой Империи.

дело плохо, то есть дело Катарина Ариго. И за какими кошками она вылезла?! Неужели думала, что Манрики с Колиньярами ее отпустят в Эпинэ?! Сидела бы тихо, может быть, дождалась бы Алву, а что теперь?!

Госпожа Арамона не сомневалась, что Анна Рафиано и Дженнифер Рокслей с ней согласны, а Гризельда Биггот была дурой. Странное дело, в жизни Луиза встречала четырех Гризельд, и все были глупы, как пробки. Именно Биггот разболтала, что случилось в Зале Мечей, вернее, расшептала, потому что громко в присутствии ее величества никто не говорил.

Катарина, так и не сменившая черного платья, не обращала внимания ни на траурные физиономии своих дам, ни на перекатывавшийся из угла в угол шепоток. Королева сидела в своем любимом кресле и слушала житие святого Адриана, которое читала графиня Рокслей, вряд ли соображавшая, что за слова она произносит. Остальные чего-то ждали, то и дело скашивая глаза в угол, где стучали огромные дриксенские часы. Короткий осенний день сменился сумерками, слуги внесли свечи, осведомились об ужине. Катарина сказала, что ей все равно, но можно подавать. Подали свиное желе, перепелок, булочки со сливами и фрукты. Ее величество сообщила, что у нее нет аппетита, и попросила ужинать без нее. Луиза честно обглодала птичью тушку и вернулась к опостылевшим пальцам.

Пошел и прекратился дождь, стемнело, к стеклу прилип мокрый мертвый лист, Ангелика Придд уронила молитвенник. Толстенная, тисненая золотом книжечка шлепнулась об пол, герцогиня нагнулась, подняла, руки у нее дрожали. Луиза торопливо отвернулась и встретила взглядом с супругой экстерриора. Анна Рафиано ей нравилась. Если бы почтенная дама не была графиней, они с их неземной красотой и скверным характером могли бы стать подругами, но каждый сверчок должен знать свой шесток. Свой Луиза знала.

Толстуха вздохнула, как хорошая корова, и, понизив голос, заметила:

– Посмотрите в окно.

Госпожа Арамона посмотрела. Ничего особенного: темнота, рваные тучи, несколько звезд, огни...

– Вы думаете, завтра снова будет дождь? – Луиза чувствовала, что ей на что-то намекают, но понятия не имела, на что именно.

– Леворукий с ним, с дождем, – в отличие от супруга, Анна Рафиано говорила без обиняков. – Я еще не видела, чтоб в Старом крыле вечерами зажигали свет. Только в ночь Весеннего Излома да на именины Франциска и Октавии, и то лишь на первых этажах.

Луиза честно уставилась на горящие окна. Анна зря волноваться не станет, она женщина многоопытная, и она слышала то же, что и Луиза.

– Графиня, – не очень уверенно произнесла Луиза, – вы думаете, что-то не так?

– Все, – фыркнула толстуха, – я б на месте Гектора рассказала сегодня другую сказку.

...А на месте королевы сидела бы тихо, какмышь.

– Госпожа Арамона, – проклятье, эта мерзавка мысли читает, что ли?

– Да, ваше величество.

– Меня беспокоит Селина, она выглядит такой бледненькой. Ее следует уложить в постель. Я бы на вашем месте попросила разрешения отправить девочку домой. Конечно, вас задерживают ваши обязанности, но за подругой может присмотреть Айрис...

О да, Айрис может, Айрис такое может... Ее и впрямь следовало бы отправить куда-нибудь подальше. Лучше всего в подвал и запереть на четыре замка. Сейчас здесь произойдет что-то неприятное, и лучше, чтобы девочек это не коснулось.

– Ваше величество правы. У Селины слабые легкие, но я не уверена, что...

– Что отсюда выпустят хоть кого-нибудь? – королева отважно улыбнулась. – Может быть, и так. Что ж, если вам откажут, мы будем знать наверняка.

– Благодарю, ваше величество.

Кого будет трудней уломать: Айрис или начальника караула? Конечно, будь Селина в самом деле больна, Айри бы подругу не оставила, но все шито слишком белыми нитками.

– Айрис, – слегка повысила голос королева, – подойди ко мне.

Герцогиня Окделл, она же «невеста герцога Алвы», появилась тотчас, глаза у нее воинственно блестели, и Луизе это очень не понравилось. Кошки бы разодрали дуру Гризельду, растрезвонившую о выходе королевы. Дурость, но только не для Айрис.

– Ваше величество, – выпалила девица Окделл, – разрешите нам с Селиной сопровождать вас в Эпинэ!

У Луизы опустились руки.

3

– Господа, нам следует обсудить один-единственный вопрос, – Робер с тоской уставился на цвет дворянства четырех восставших графств. – Прошу говорить по очереди, не вступая в споры до тех пор, пока не выскажутся все. Граф Пуэн, ваше слово.

Анатоль Пуэн сомнений не испытывал:

– Мы будем сражаться.

– Согласен, – Дени Агиррэ был на удивление краток.

– Люди Чести умирают, но не сдаются, – разумеется, это Сэц-Ариж.

– Долой чужаков! Эпинэ – наш дом!

– Свобода или смерть!

– Смерть, но «навозникам»!

– Ха-ха-ха... Хорошо сказано!

– Мы победим!

То же, что и семь лет назад. Сражаться, сражаться, сражаться... «Люди Чести умирают, но не сдаются...» Какая глупость! Пока одни умирали в Ренквах, другие удирали без оглядки или сидели по своим норам и ждали, что получится.

Те же Придды и Ариго к Ренкваху не явились. «Спруты» не получили известия, «леопарды» спрятались за сестру, дескать, Катарина – заложница, они не могут рисковать ее жизнью. Может, они и правы – это дед с ходу пожертвовал семьей, дед и Эгмонт. Другое дело, что Дорак и Алва не стали мстить женщинам и детям, но сейчас один – в Урготе, а другой – в могиле.

– Нужно драться, – Александр Горуа стукнул по столу кулаком.

– Эпинэ будет свободной! – Жорж Гайяр заменял разбитого ударом отца. В девятнадцать лет все готовы пробить лбом стену.

– Все зависит от тактики, которую изберут Оллары. В открытом бою нам не победить, – Констанс Гаржиак был чуть ли не единственным, кто, набив шишек с Повелителем Скал, взялся за старое с Повелителем Молний. – Предлагаю выдвинуть наблюдательные посты за Кольцо Эрнани, в Валмон и Дорак. В случае появления королевских войск, не принимая боя, отступать в Мон-Нуар.

– И что там делать? – сверкнул глазами Сэц-Ариж. – Глодать камни?!

– Нет, – завопил Гайяр, – лучше умереть в сражении, чем....

– У нас нет другого выхода, – перебил расхаживавшихся юнцов Гаржиак, – Эпинэ не годится для войны, здесь все распахано, на каждом шагу – деревни. А рощи... В них разве что кролик спрячется – насквозь просвечивают. Если мы не уйдем, нас разобьют, а от провинции оставят одни головешки.

– Мы не сбежим! – сжал кулаки Горуа. – Пусть мы умрем, но с честью!

– Олларам плевать, с честью ты умрешь или без, – безжалостно бросил Гаржиак. – Главное, что умрешь и не будешь им мешать. Королевская армия пройдет от Кольца Эрнани до Дорака, а освободившиеся уголья кому-нибудь да пожалуют...

– Мы не оставим северянам ни единого целого дома, – вскочил Никола Карваль, – они

не получают ничего, кроме пепла и пуль!

– Королевские солдаты тоже умеют жечь и вешать, – Констанс Гаржиак не собирался сдаваться.

– И хорошо, – граф Агиррэ был спокоен. – Народ Эпинэ поймет, кто его враг, а крестьянки все равно рожают каждый год.

– Я согласен с вами, Констанс, – подал голос молчавший до этого Флоримон Шуэз. – Крестьяне и ремесленники трусливы и не имеют военного опыта. Печально, но им важнее судьба своей деревни или лавки, чем судьба Эпинэ.

– Свобода превыше всего, – отчеканил Пуэн. – Я согласен с капитаном Карвалем. Олларские ублюдки не получают ничего, кроме головешек и пуль. Эпинэ будет свободной!

– Сейчас крестьянам все равно, – тихо сказал Гаржиак. – Если их дома будут жечь королевские драгуны, они возненавидят Олларов, а если мы – нас.

– Это слова труса! – глаза Карваля налились кровью.

– Вы что-то сказали, молодой человек? – спокойно переспросил Констанс Гаржиак.

– Он ничего не сказал, – с нажимом произнес Робер.

Констанс кивнул головой, но спор увял. Все смотрели на Повелителя Молний. Если он скажет о безнадежности их затеи, его не станут слушать, если согласится вести героев и мстителей в Закат, заорут «виват».

Робер поднялся.

– Правильно ли я понял, что большинство намерено сражаться?

Восторженные вопли заглушили несколько вздохов. Иноходец повернулся к Гаржиаку:

– Граф, вы высказали очень ценную мысль о наблюдении за Кольцом Эрнани. Не возьметесь ли вы воплотить ее в жизнь?

– Разумеется, – Констанс спокойно поправил перевязь. – Я не имею обыкновения перекладывать ношу на чужие плечи.

– Что ж, значит, о приближении королевских войск мы узнаем заблаговременно, тогда и будем решать. Я понимаю ваши чувства, господа, но нам остается только ждать и крепить оборону. Первый ход делаем не мы, но мы должны быть готовы к ответу.

4

Насколько было бы легче, если б в комнате лежал покойник. Покойник – это понятно: он уже умер, его следует проводить хоть в Закат, хоть в Рассветные Сады и жить дальше. Любая беда, если она уже случилась, лучше неопределенности – кто-кто, а Луиза Арамона испытала это на собственной шкуре. Сейчас лично ей ничего не грозило, но госпожа Арамона, как последняя дура, тряслась за компанию с бабами, которых терпеть не могла. И еще она боялась, что Манрик ее выдаст, хотя как он может ее «выдать», если ни кошки не знает?! И все равно, если кансильер даст понять, что она на него шпионит, Айрис сорвется с цепи, хотя она и так сорвется.

Луиза в очередной раз глянула в окно – огни в Старом крыле горели по-прежнему, хотя давно миновала полночь. Получил ли Герард ее письма, вернее, письмо господина графа и ее собственное? Догадался ли показать монсеньору? Дуэнья надеялась, что Манрики, без сомнения, сующие носы в ее послания, не обратят внимания на материнское кудахтанье. А вот в том, что монсеньор во всех подробностях помнит их разговор, капитанша весьма сомневалась. Сама Луиза помнила каждое слово, каждый жест, потому ей и пришлось в голову вывернуть все наизнанку. Госпожа Арамона изливалась в своей любви к сладкому, умоляла сына извиниться перед монсеньором за ее многословие и слишком долгие сборы.

Только бы Алва прочел и понял намеки, большего она сделать не могла, не писать же: «Монсеньор, «фламинго» вообразили себя орлами, а мозги у них все равно куриные. Возвращайтесь и сверните им шею. Вместе с Колиньями и прочей сволочью...»

Опять зашипели часы, и все снова вздрогнули. Все, кроме Катарины, железная она, что

ли? Луиза оставила опротивевшую вышивку и подошла к Селине. Дочка сидела рядом с Айрис и смотрела в ночь огромными, безнадежными глазами.

– Посмотри, – Луиза протянула несколько ниток, – не могу понять, они одинаковые или нет?

Селина послушно поднесла шелк к свече, губы Айрис упрямо сжались.

– Эрза Луиза, как вы можете сейчас вышивать?

– Ты права, – надо, чтобы голос звучал спокойно и скучно, – ночью вышивать неразумно, можно закапать работу воском, и потом, при свечах меняются цвета, но вышивка успокаивает. Особенно когда нечего делать.

Айрис упрямо свела брови, но не ответила. И на том спасибо. Девочек не отпустили. Не отпустили никого, даже дуру Биггот, которая была совершенно безобидна и упала в самый честный обморок.

– Эти и эти одинаковые, – тихо произнесла Селина, – а эта темнее. Мама, что с нами будет?

– Не бойся, – Луиза с трудом сдержала желание прижать дочь к себе, – в Октавианскую ночь было хуже.

Селина вздохнула:

– Тогда монсеньор был в Олларии, а теперь мы совсем одни...

Ответить помешал властный стук. И за какими кошками стучать, если ты все равно войдешь?

– Войдите, – бросила королева, и они вошли. Маршал Леонард Манрик, обер-прокурор Жоан Колинъяр и четверо хуриев. Сквозь раскрытую дверь Луиза разглядела толпящихся в приемной солдат в армейских мундирах. Закатные твари, куда делись парни из Личной охраны?!

Обер-прокурор коротко поклонился:

– Ваше величество, прошу простить столь поздний визит, но дело не терпит отлагательства. К моему великому прискорбию, установлено, что против его величества существовал обширный заговор, в котором принимали участие многие видные сановники. Мне необходимо допросить герцогиню Придд и баронессу Дрюс-Карлион.

Эту-то за что?! Она же глупа, как все пробки мира! Даже глупее Гризельды Биггот.

– Ваше величество! – Розалин Дрюс-Карлион бросилась к королеве. – Ваше величество... Я ни в чем не виновата, ни в чем! Это кузина... Я просто передала письмо...

– Какое письмо? – быстро переспросил Колинъяр. – Кому? От кого?

– Вероятно, любовное, – пожала плечами королева, – девицы думают исключительно о любви, а Розалин к тому же весьма экзальтированна. Герцог, мы не разрешаем вам допрашивать наших дам.

– Ваше величество боится их показаний?

– Мне нечего бояться и нечего скрывать.

– Ваше величество в этом уверены?

– Разумеется! Господа, время и в самом деле позднее. Мы приказываем вам удалиться.

На холеном лице Колинъяра отразилось сомнение и почти сразу же исчезло.

– К сожалению, долг не позволяет мне исполнить приказание вашего величества. Более того, я должен сообщить, что, руководствуясь высшей целесообразностью, его величество подписал предписание о взятии своей супруги под стражу вплоть до окончания дознания. Мне вменено в обязанность препроводить вас в Багерлее, а герцогиню Придд и баронессу Дрюс-Карлион – на очную ставку со сделавшими признание преступниками. Что до прочих присутствующих здесь дам и девиц, то они могут идти по домам. Или же разделить участь вашего величества, но без права изменить решение.

– Что ж, – Катарина Ариго оттолкнула книгу, на тонкой шее тревожно сверкнула алая звезда, – я предполагала нечто подобное с того самого мгновения, как к власти в Талиге пришли предательство, глупость и корыстолюбие. Ангелика, Розалин, я не могу вас защитить, но мои молитвы пребудут с вами. Я благодарна тем, кто не покинул меня до

сегодняшнего дня, но сейчас прошу меня оставить. Я сама за себя отвечу и перед супругом, и перед палачами, и перед Создателем!

Святая Октавия, она это серьезно?! Эта ломака с жалким голоском? Серьезно?!

Анна Рафиано сделала реверанс.

– Ваше величество милосердной моей совести. Я проклинаю свое малодушие, но ухожу.

Катарина улыбнулась:

– Я все понимаю, графиня. Передайте господину экстерриору мое восхищение его... его притчами. Ему следует их записывать...

– Я передам! – нос толстухи недвусмысленно покраснел. – Закатные твари, да я сама их запишу!..

– Сударыни, прошу поторопиться, – поморщился Колинъяр, открывая двери, – тенъент Эриз, проследите, чтоб покинувшие апартаменты ее величества дамы были доставлены по домам с должным почтением.

Дженнифер Рокслей опустила глаза:

– Я никогда себя не прощу, но моей дочери всего два года...

Анна Рафиано, Дженнифер Рокслей, Леонора Пагон, Саманта Кракл, Гризельда Биггот, Джулия Фукиано... Ушла бы она, если б все было всерьез и если б не было девочек? Сбежала бы, как миленькая, и постаралась бы все забыть, только вряд ли бы это удалось.

– Время истекло, – сообщил обер-прокурор, – я вынужден....

– Стойте, герцог, – взмах тонкой руки, и Колинъяр заткнулся. – Герцогиня Окделл, графиня Феншо, госпожа Арамона, Селина, уходите. Я приказываю!

– Я не уйду, – задрала голову Айрис, – Повелители Скал не бросают своих королей.

– Да, – Луиза ухватила воспитанницу за руку, – мы не уйдем. Что мы можем взять с собой и смогу ли я написать сыну и матери?

– Разумеется, – торопливо, даже слишком торопливо заверил молчавший до этого Манрик, – только прошу вас ничего не запечатывать.

Можно подумать, она не знает, что письма читают!

– Ваши вещи после досмотра будут перевезены в Багерлее, – обрадовал Колинъяр.

Что ж, значит, пороссячи розы будут вышиты до конца. Вот и говори после этого, что жизнь дуэньи скучна и монотонна. А Манрик что-то бледноват и неретив. В отличие от Колинъяра... Любопытно, получил братец обер-прокурора армию или нет? И, во имя Создателя, что с Фердинандом?!

Катарина Ариго заложила житие святого Адриана на последней прочитанной странице и поднялась.

– Идемте.

Жоан Колинъяр двинулся к двери, королева холодно улыбнулась:

– Герцог, полагаю, вы все же пропустите дам вперед.

Обер-прокурор бешено сверкнул глазами, но отступил. Ее величество королева Талига покинула гостиную первой.

Глава 4 Эпинэ

«Le Chevalier des Coupes & Le Trois des Épées & Le Cinq des Bâtons»⁹¹

⁹¹ Рыцарь Кубков, Тройка Мечей и Пятерка Посохов.

Стук в дверь. Негромкий, но уверенный. Никола!

– Входите, капитан.

Сам Робер предпочел бы обойтись без этикета, но Карваль изо всех сил соблюдал дистанцию. Он был гордецом, этот капитан, и Повелитель Молний смирился. С такими переходят на «ты» или в бою, или на эшафоте, или никогда.

Никола не забыл щелкнуть каблуками, но лицо у него было каким-то странным. Злым и... вдохновенным.

– Докладывайте, – еще один ритуал. Карваль не раскроет рта, пока его не спросят.

– Монсеньор, гонец от Гаржиака. Королевские войска стоят лагерем в Марипоз.

– Где гонец?

Капитан без лишних слов распахнул дверь. Особым многословием он не отличался, если, разумеется, не говорил о свободной Эпинэ. Гонец, впрочем, истолковал жест офицера совершенно правильно. Он вошел и отдал неизбежную честь, Робер подавил вздох:

– Кто ты?

– Пауль... Пауль Нозер. Бывший капрал роты господина Удо Борна.

– Что скажешь, капрал?

– Письмо монсеньору, – Нозер вытащил зеленый футляр. – Войска на нас идут.

– Ты, вероятно, проголодался, – Робер вымученно улыбнулся. – Идите в казармы, там тебя накормят.

– Благодарю монсеньора, – засмущался капрал, – я завтракал в Шарли.

– Сейчас пора обедать. Капитан, распорядитесь... И разошлите курьеров. Завтра в полдень – Большой Совет.

Нозер и Карваль ушли, и Робер о них тут же забыл. Главное сказано: передышки не будет, Оллария решила покончить с восстанием до зимы. Иноходец пару раз обошел кабинет, затем встал у окна и распечатал донесение, очень толковое, как и все письма Гаржиака. Теперь заяц точно знает, какой масти вставшая на его след гончая.

«На подавление восстания, — писал барон Констанс, — брошено четырнадцать пехотных полков и шесть кавалерийских. Еще пять полков оставлены в резерве в Марипоз. Есть и пушки — десяток крупных осадных орудий и полторы дюжины мелких.

Королевская армия движется быстро и, если ничего не изменится, через два дня будет у Шакрэ. Я более чем когда-либо убежден в необходимости отступления в Мон-Нуар и Надор и требую созыва Большого Совета...»

Гаржиак видит дальше других, еще не осознавших, во что они ввязались. Робер тоже не понимал, пока не оказался разменной картой в игре, где одни делают ставки, а другие умирают. Играли гоганы, умирали талигойцы, кагеты, бириссцы, а Лис, эсператисты, Гайифа подбрасывали дров в чужой костер, чтобы сварить собственное варево...

Иноходец поднял глаза, зная, что столкнется взглядом с дедом. Анри-Гийом в шлеме, кирасе и алом плаще грозил усомнившемуся внуку клинком, а напротив, на фоне Торских гор, улыбался маршал Рене. Странно, что дед сохранил именно этот портрет – кто-кто, а повесивший Пеллота Рене никогда не пошел бы за Алисой.

Робер Эпинэ отвернулся от предков и уставился на карту, пытаюсь сосредоточиться. Дед готовил бунт. Обреченный, глупый, старческий. Потом умер кардинал, появился наследник, и понеслось... Черета случайностей и совпадений, история знала и не такое. Если ты слышишь мяуканье, это еще не значит, что рядом Леворукий... И не значит, что его здесь нет.

Иноходец намалевал на и без того испакощенной карте несколько стрел и с отвращением отбросил грифель. Закатные твари, ну почему в голову то и дело лезет Лис?! С того мгновения, как Робер увидел превращенный в виселицу каштан, он, как ни старался, не мог отделаться от мыслей о покойном казаре. Адгемар стоял и смотрел, как убивают казаронов, не давая Луллаку вмешиваться. Он играл свою игру и выиграл бы, окажись его противником другой. Казар стал бы королем, казаронов похоронили, а во всем обвинили бы

Талиг... У Саграннской войны было несколько шкур, а здесь похоже, до боли похоже.

– При чем здесь Лис? – кажется, он спросил это вслух, но у кого? Не у деда же. И не у Рене Эпинэ. Робер вновь уткнулся в карту, пытаясь сосредоточиться. Данар, Марипоз, Каррона, Эр-Гри, Эр-Эпинэ, Гайярэ, Сэ, Шарли... Стоп!.. Эр-Эпинэ, Гайярэ, Сэ, Шарли. Вот оно!

Иноходец рывком распахнул дверь.

– Где гонец Гаржиака? – почему до него дошло только сейчас?!

– Монсеньор, – Никола казался удивленным, – он же все рассказал.

– Есть одна вещь, которую нужно уточнить!

– Хорошо.

...От капрала пахло луковой похлебкой и молодым вином, и он ничего не знал, то есть не знал, что знает.

– Почему ты завтракал в Шарли?

Глаза вояки стали круглыми, он явно ни кошки не понимал.

– Ты должен был ехать через Шакрэ. Шарли в стороне.

– Так я ж письмо завозил. Господин капитан приказали сначала в Шарли. Да мне не трудно. Подумаешь, четыре хорны!

– Что за капитан?

– Дейгарт который. Он за Данар ходил, на этих... смотреть. – Капралу явно захотелось выругаться, но он сдержался.

– Кому письмо, помнишь?

– Еще б не помнить. Марион Нику, златошвейке в замке Шарли, в собственные руки. Невеста она ему, господину капитану то есть.

Невеста... Будь у него невеста, разве он не писал бы? Если б ее звали Мэллит, еще как бы писал! Каждый день по четыре раза, а перед битвой – восемь. Пусть Марион Нику дожидется своего Дейгарта. Смелый он человек, если ходит за Данар и женится накануне войны, а вот ты – дурак, даром что герцог. Ожегся на Адгемаре, теперь ищешь подлость во всех.

– Что-то не так? – глаза капрала были несчастными, словно у потерявшейся собаки. – Я, почитай, и не задержался. Всю ночь гнал.

– Ты все сделал правильно, – заверил Робер, – война только подгоняет любовь. И что, у господина капитана невеста красивая?

– Да я ж ее не видел, – расплылся гонец. – Меня на воротах к господину барону завернули. Он у них ранняя пташка, а уж любопытный! И то сказать, племянник его у нас в полку, а он сам бы и рад, да скрючило его. Так что письмишко я передал, обсказал, что знал, коня сменил, перекусил малость – и сюда!

– А как же «собственные руки»? – пошутил Повелитель Молний. – Влюбленная девица ради письма в любую рань встанет.

– Да господин барон сам спросил, есть у меня письмо или нет. Видать, не первое оно.

– Хорошо, можешь идти.

Робер некоторое время рассматривал свои руки. Дурная привычка, появившаяся после исчезновения браслета. Хозяин Шарли – убежденный холостяк и завзятый собачник, мог встать ни свет ни заря. Капитан разведки Сэц-Арижа мог влюбиться в златошвейку и слать ей письма. Златошвейка могла оказаться незаконной дочерью скрюченного барона. Что с того, что гонцы раз за разом заезжают в замок Шарли? А что с того, что они с Альдо раз за разом ходили в гоганские трактиры?

Робер проверил пистолеты, нахлобучил шляпу и вышел из кабинета. Никола торчал в приемной. Что ж, сейчас и проверим, кто сошел с ума.

– Капитан, мне нужны вы и десять, нет, двадцать человек по вашему выбору.

– Куда едем? – Карваль и не подумал удивиться. – И когда?

– Сейчас. Проедемся по окрестностям.

– Вы хотите выбрать поле будущего боя?

– Да.

Зачем он соврал? Если кому в этом мире и можно верить, то именно Никола Карвалю. Пока капитан при всей его дури видит в Повелителе Молний жоака, он незыблем, как четыре Окделла.

– Завтра в полдень совет, – напомнил Карваль.

– Мы успеем.

Хватит ли двадцати человек? Будем надеяться. Брать большой отряд – привлекать ненужное внимание. Или он последний осел, или лис в норе все-таки есть.

2

Глядя в окно на осеннее солнце, невольно ждешь тепла, но его нет и быть не может. Осенью не стоит надеяться. Робер Эпинэ придержал Дракко и махнул рукой, подзывая своего капитана.

– Мы едем в Шарли. У меня есть основания полагать, что там кое-кто скрывается.

– Кто?

– Сейчас узнаем.

Если он ошибся, ничего не изменится. Если не ошибся, по большому счету, тоже – дом уже горит, кто бы его ни поджег! И все равно лучше идти в Закат с открытыми глазами, чем в Рассвет на поводу и в шорах!

– Там Райнштайнер?! – Глаза Карваля загорелись охотничьим огнем. Никола так и не простил бегства бергера ни себе, ни своим людям, но Робер был рад, что Ойген жив. Он не желал Эпинэ зла, и он приказал ломать двери, чтоб вынести Жозину...

– Я ищу другого человека.

Ойген давно или за Данаром, или в Дораке. Жаль, им так и не удалось довести до конца разговор. Как же бергер говорил: глупость Манриков, павлинье золото и благородство Эпинэ породят зверя... Глупость Манриков никуда не денется, так же как и гайфские деньги. Значит, к кошкам благородство! Енниоль не зря предупреждал о шаре судеб на изломе эпох.

– Монсеньор, я поеду первым.

– Нет, Никола, это мое дело.

– Но если там Райнштайнер...

– Да хоть бы сам Леворукий!

Ворота были открыты. То ли обитатели Шарли были бдительны и заблаговременно узнали отряд, то ли, наоборот, усиленно хлопали ушами.

– Монсеньор! – капитан гарнизона молодецки вскинул обрубок ладони к облезлой шляпе. – Замок Шарли счастлив вас приветствовать...

Замок? Очередное поместье с садом и псарней. Мирное и не такое уж и богатое.

– Мне нужен барон.

Густав Шарли, плотный кареглазый весельчак, лучился радушием, несмотря на согнутую ревматизмом спину. Он болтал без умолку, но ни словом не обмолвился об утреннем гонце. Не хотел подводить влюбленного капитана? Шарли повел гостя в дом, и тут Роберу показалось, что его чересчур быстро ведут через отделанную дубовыми панелями гостиную. Барон просто обязан был похвастаться развешанным по стенам оружием и завести разговор о славных предках и нынешней войне, а он не хвастался и не спрашивал. Робер остановился точно посередине комнаты и улыбнулся.

– Господин Шарли, я счастлив отобедать с вами. Но не раньше, чем вы меня представите девице Марион Нику. Если не ошибаюсь, она златошвейка?

– Монсеньор, – красные пятна на лице говорили сами за себя, – я... Я не могу знать всех слуганок.

– Эту вы, без сомнения, знаете, – на всякий случай Эпинэ взял барона под руку. – Будет лучше, если девица Нику появится по собственной воле. Конечно, мне не хотелось бы

опаздывать на завтрашний совет, но я готов задержаться. В этом зале много завитушек, но двадцать человек до рассвета простучат все панели.

Барон открыл рот и тут же закрыл, не издав и звука, зато звук издала резная башенка, медленно отошедшая в сторону.

– Оставьте, Густав, – полный пожилой человек стоял в узком проеме и улыбался. – Робер, как же ты похож на отца и эра Гийома!

– И на братьев, – бросил Иноходец. – Ричард Окделл спутал меня с Мишелем, но я – это я!

– Да, – вздохнул Август Штанцлер, – Повелители Молний повторяют друг друга не только лицом, но и сердцем...

А лисы повторяют друг друга улыбками, вздохами и увертками. Закатные твари, он схватил Штанцлера за хвост, но что с ним теперь делать?

3

– Никола, прошу вас выйти и приставить к двери и окнам охрану. У нас важный разговор.

– Разумеется, монсеньор.

Несчастный дурак так ничего и не понял! Все они несчастные дураки, запутавшиеся в паутине, которая не исчезнет, даже если прихлопнуть паука.

Робер мысленно просчитал от одного до шестнадцати, потом от шестнадцати до одного. Ему б выдержку Алвы или Приддов. Эр Август что-то говорил – шевелились густые брови, поблескивали глаза, двигались губы, но слова куда-то улетали, а герцог Эпинэ стоял и ненавидел. Тяжело, глухо, безнадежно, чуть ли не впервые в своей изодранной жизни. Адгемара слишком быстро убили, а Кэналлийский Ворон для Робера был в одной цене со стихией, стихии же принимают как данность. Пожалуй, Иноходец ненавидел Хогберда. При встрече. Но эта ненависть не шла ни в какое сравнение с яростью, навалившейся на него в замке Шарли.

Иноходец с трудом заставил себя разжать кулаки и прислушаться к словам полного пожилого человека. Кансилльер Талига, бывший кансилльер...

– ...признаюсь, я удивлен твоим появлением, – Штанцлер взмахнул белой рукой. – Я и сам собирался с тобой поговорить, но сначала решил убедиться, что...

– Господин Штанцлер, – нужно узнать все как есть, и нужно быть спокойным, очень спокойным, – сначала ответьте, что за кольцо вы дали Ричарду Окделлу и... Во имя Астрапа, на что вы подбили сына Эгмонта?!

– Слава Создателю, – Штанцлер глубоко вздохнул, – мальчик жив и в безопасности...

– Не по вашей вине, – бросил Иноходец, понимая, что экстерриор из него точно не выйдет. И не надо.

– Да, Робер, ты вправе меня обвинять, – бывший кансилльер вздохнул. – Что поделать, старики тоже теряют голову, я ошибся. Страшно ошибся.

Нет, Август Штанцлер не походил на Адгемара Кагетского. Он был им – разные бутылки, одно вино, приправленное ядом.

– Господин Штанцлер, – Робер четырежды сжал и разжал кулаки, – давайте проясним все раз и навсегда. Сначала с Ричардом и кольцом. Потом с восстанием, которым мы тоже обязаны... девице Нику!

– Робер, – голос эра Августа задрожал. Если б Эпинэ не слышал Лиса, он бы расчувствовался, – я понимаю, что ты пережил, и не виню тебя, но пойми...

Он винит именно потому, что понимает.

– Именно это я и хочу сделать. Понять. Сначала про кольцо.

– Это была ошибка...

– Какая именно? То, что вы послали сына Эгмонта убивать человека, которому он

присягнул? Или то, что вы сделали из Эпинэ отравителей?

– И то и другое, – развел руками Штанцлер, – но я... Каюсь, я принял жертву эра Гийома и солгал Ричарду, но у меня были благие намерения. Те самые, которыми выслан путь в Закат. И теперь я живу в аду, потому что из-за моей ошибки убиты четверо Людей Чести и едва не погиб сын Эгмонта... Я не смог защитить мальчика. Так же как и многих других.

– Вернемся к кольцу, – Робер невежливо перебил стенания о постигших Талигойю и эра Штанцлера потерях. Пусть расскажет о кольце и о том, что затеял, а потом... *«Пусть свершится чья-нибудь воля...»*

– Этот перстень ваш дед подарил королеве Алисе. Не знаю, правильно ли я делаю, раскрывая тайну умерших, но Анри-Гийом всю жизнь любил королеву. Алиса родилась в Дриксен, но ее сердце было сердцем истинной талигойки.

Ее сердце? Да было ли у нее вообще сердце, у этой старухи с холодными глазами? Хотя, возможно, дед и впрямь любил Алису. Он рано похоронил жену, никто и никогда не слышал о его любовницах... И должна же быть хоть какая-то причина тому, что он натворил.

– Даже если так, он не мог послать возлюбленной кольцо с ядом.

– Ты прав. Перстень переделала сама Алиса. Ее величество понимала, на что идет, и не исключала, что единственным достойным выходом для нее будет смерть.

И при этом прожила семьдесят один год и скончалась в своей постели. Как же «готовые на все» любят трясти кинжалами и склянками с ядом и как же не спешат убивать себя!

– Дальше, – Робер скрестил руки на груди, не переставая думать о пистолетах за поясом. Удравший из Ренквахы Кавендиш, мародер, сдиравший с раненого сапоги, головы Мильжи и Луллака, кольцо с отравой – все это слилось во что-то склизкое, бесформенное, хищное, в тварь из сна, сожравшую Адгемара. Теперь эта тварь обрела лицо и голос Августа Штанцлера.

– Дальше... Дальше ее величество, умирая, передала перстень своей невестке, которая стала ей родней собственного сына. Катарина Ариго не сочла возможным оставлять залог чужой любви у себя и попросила меня вернуть кольцо эру Гийому.

– Но вы этого не сделали.

– Сделал, – Штанцлер сцепил и расцепил руки. – Повелитель Молний, узнав о том, что Алиса готовилась к смерти, впал в неистовство. Воистину он был достоин своего титула. Эр Гийом велел мне забрать кольцо и, когда потребуется, пустить в ход.

Сказка для Дикона и иже с ним. Красиво придуманная сказка. Дед никогда бы не взялся за яд, он был, прости ему Создатель, слишком глуп и слишком горд. И уж точно он не стал бы подстрекать другого. Вот сам эр Август – это да! Неужели старый хорек допускал, что Дик сумеет отравить Ворона? А если б смог, как бы он жил дальше? Окделл-клятвопреступник, Окделл-отравитель?! Немыслимо...

– И вы его пустили в ход. Только не сами.

– Отчаянье толкает на глупости. Я узнал, что задумали Дорак и Манрики. Они докатились до того, что продали Южную армию Фоме. Цвет Талига отправили умирать на чужбину. За деньги. Как простых наемников! Что мы забыли в Урготе?! Зачем нам влезать в чужие войны! Талигойские матери, жены, дети нас не простили бы...

– А как насчет матерей Эпинэ?

– Свобода стоит дорого, и потом... Робер, олларская свора решила покончить со всеми нами. Одним ударом. Их надо было остановить, я не знал как... И я попросил Ричарда Окделла о помощи. Я сказал ему всю правду и предложил выбирать...

– Всю правду? – Закатные твари, сколько же в одного человека может влезть лжи! – Вы имеете в виду кольцо Эпинэ?

– Я не рискнул открыть мальчику тайну Алисы и эра Гийома.

– Вы могли бы дать ему другой яд. Понадежней...

– Чтобы Ворон умер на месте, а Ричарда растерзали кэналлийские дикари?

Дикари... Для Штанцлера дикари – кэналлийцы, для Лиса дикарями были бириисцы и

бакраны, а в Гайифе величают дикарями талигойцев...

– А о том, что он растерзает себя сам, вы не подумали? Есть люди, которые не умеют убивать в спину. И, если на то пошло, почему вы сами не взялись за кинжал или не распили с Вороном бутылку вина?

– Потому что не имел права умирать, как это ни странно звучит. Так же как сейчас не имеешь права умереть ты.

Есть, тут он прав. Робер Эпинэ не может ни умереть, ни послать всех к кошкам и уехать. Только пусть его заберет пегая лошадь, если эр Август не спрятался за Ричарда, как до этого за Эгмонта.

– Я надеялся, что Ричард просто... положит яд в кувшин с вином и уйдет. Робер, что произошло, как Дик попал к вам?

– Ворон все понял. Но Дика он отпустил. Даже не отпустил, а выслал из Талига. Вместе с перстнем.

– Неужели мальчик...

– О нет, своему эру Ричард не сказал ничего.

– Слава Создателю, – руки Штанцлера дрожали, – я боялся, что Ричард нас предал.

Нет, он всего-навсего предал своего эра. И себя самого.

– Успокойтесь, эр Август. Вас Ричард Окделл не предал. И Эгмонт Окделл не предал. И мои братья, и отец...

– Робер, я не понимаю! Ты...

Он – сын мертвых родителей и брат мертвых братьев, и он в Талиге не один такой. Именно в Талиге, потому что Талигойи нет и не будет.

– Робер!

– Не Робер, – прошипел Иноходец, выхватывая пистолет, – а Повелитель Молний! И я требую ответа! Кому вы нас продали на этот раз? И за сколько? Вы – не Человек Чести, Штанцлер, и даже не «навозник». Вы – дриксенский голодранец, и вы получили в Талиге все, так за какими кошками вам все эти игры?!

Штанцлер, шатаясь, отступил к стене, налетев на допотопный доспех, с грохотом рухнувший на каменный пол. Бледный, как покойник, бывший кансильер молча хватал ртом воздух. Сердечный приступ? Очередная брехня? Не все ли равно?! Если он издохнет, ничего не изменится, разве что судьба убережет Иноходца Эпинэ от убийства старика.

– Монсеньор, – влетевший Карваль походил на вытащенную из воды рыбу. Бедняга, для него Штанцлер – живая легенда. – Монсеньор, господину кансильеру плохо.

– Так дайте ему воды, – отрезал Эпинэ, – но он такой же кансильер, как вы кардинал талигойский.

Никола ворвался вовремя. Или наоборот. Что ж, Август Штанцлер поживет еще немного. Робер вздохнул, с удивлением оглядел пистолет, сунул за пояс. Нестерпимое желание убить ушло, уступив место гадливости и удивлению.

Откуда-то взялся слуга с подносом. Никола сунул в дрожащие старческие пальцы стакан, на лице капитана были ужас и непонимание. Думает, не сошел ли Повелитель Молний с ума, а он, наоборот, поумнел. Только поздно. Робер устало посмотрел на эра Августа. Нет, не умрет, такие не умирают, их надо убивать, причем вовремя. Штанцлер пил, а перед глазами Иноходца стояли ледяное нездешнее небо, закрывающая горизонт гора, седины Лиса, синий взгляд Ворона.

«Молитесь Создателю, чтобы Бакра рассудил по справедливости и покарал истинного виновника бед Талига...»

Штанцлер вернул кубок Карвалю, умудрившись оказаться за спиной капитана. Если б Лис и Штанцлер оказались рядом, кого бы выбрал Бакра и кого бы выбрал Рокэ? Впрочем, Ворон носит с собой два пистолета...

– Я понимаю вас, Робер, – Амалия тоже «понимала», – понимаю... Нет ничего страшнее, когда друзья уходят, а ты остаешься тащить свой воз. Я трижды проходил через это, Робер, трижды...

– Больше вам это не грозит, – герцог Эпинэ посмотрел бывшему кансильеру в глаза, – клянусь вам.

– Как бы я хотел разделить вашу уверенность, – покачал головой Август Штанцлер. – Но нам будет очень, очень трудно, вы даже не представляете как.

– Представляю, – медленно проговорил Робер, – именно я и представляю. По Ренквахе, Барсовым Вратам, Дараме... Но вы, эр Август, на сей раз нас не переживете. Если восстание захлебнется, вы отправитесь в Закат раньше тех, кого втравили в это безумие.

Глава 5 Урготелла. Эпинэ

«Le Un des Deniers & Le Roi des Êpêes & Le Six des Coupes» ⁹²

1

Принцесса Елена называла принцессу Юлию пампушкой, та в ответ величала сестричку зайчиком, намекая на выступающие вперед зубки. Впрочем, для знатных наследниц дочери Фомы были очень даже неплохи, куда лучше других принцесс. По крайней мере, если верить графу Шантэри. Марсель верил. Виконту больше нравилась Юлия, дядюшка Франсуа предпочитал Елену, и именно у нее был день рождения, по случаю которого во дворце играли мистерию ⁹³.

Мода смешивать балы и театр родилась при гайифском дворе лет пятнадцать назад и в считанные годы завоевала чуть ли не все Золотые земли. Исключение составляли дикие засагранные страны и Талиг. Его величество Фердинанд уперся, как четыре осла, и, к вящему разочарованию блестящих молодых людей, запретил гайифские балеты. Унять разбуянившегося короля то ли не смогли, то ли не захотели, и Талиг остался без мистерий, о чем Валме весьма сожалел. Зато теперь виконт получил все и больше, и нельзя сказать, что это его обрадовало, хотя начиналось все исключительно мило.

Елена еще весной заказала музыку к «Элкимене» Софимета ⁹⁴. Выбор казался странным, но именинница имеет право на причуды, особенно если она принцесса. Главную роль в своем балете Елена предложила Ворону, и тот, не моргнув глазом, согласился, а теперь исчез. Вышел утром из особняка и как сквозь землю провалился.

Граф Шантэри рвал и метал, Герард с круглыми от отчаянья глазами порывался искать монсеньора, а Марселю было смешно. До тех пор, пока дядюшка не объявил железным голосом, что, если герцог не объявится, изображать Черного Гостя будет виконт Валме. Марсель возмутился, но старый дипломат был непреклонен – если наследница Фомы в день своего рождения по вине талигойского герцога останется без балета, случится страшное. Виконт немного поупирался и согласился. Не то чтоб он боялся скандала – Ворону сходило с рук и не такое, тем более перед войной, но девушку было жаль. Принцесса отказала чуть ли

⁹² Туз Динариев, Король Мечей и Шестерка Кубков.

⁹³ Мистерия представляла собой музыкальную костюмированную пантомиму, в основе которой лежал известный сюжет. Главные роли исполняли хозяин или хозяйка праздника и выбранные ими партнеры. Обычно мистерия состояла из трех или четырех «выходов» главных героев, перемежающихся характерными танцевальными номерами, которые исполняли профессиональные танцовщики. В основе хореографии «выходов» лежали известные балльные танцы, не требующие от исполнителей главных ролей дополнительной подготовки.

⁹⁴ Гальтарский драматург эпохи Эодани Гордого.

не дюжине набивавшихся к ней кавалеров, заполучила то, что хотела, и на тебе.

К обеду Алва не вернулся, ждать дольше было невозможно. Марсель закутался в длинный плащ с капюшоном и в сопровождении возмущенного до глубины своей дипломатической души посла забрался в карету. Их уже ждали – на крыльце крутил головой некто носатый, оказавшийся распорядителем мистерии. Валме уныло поплелся за ним, предоставив дядюшке объясняться с хозяевами. С каждым шагом обуревавшие виконта сомнения возрастали, но главная напасть скрывалась внутри жарко натопленной комнаты, где дожидался жертвы странного вида костюм: черный шелк, серебряная парча, алый бархат, подвитые перья... И это не считая золотого пояса с коротким деревянным мечом, шлема и сандалий. Тоже золотых. Именно так, по мнению портного и танцмейстера, наряжался таинственный незнакомец, сначала случайно встретивший прекрасную Элкимену, вырвавший ее из лап разбойников и в конце концов уведший в свое загадочное царство.

Виконт вздохнул и отдал себя на растерзание четверым слугам. Больше он исчезновению Алвы не удивлялся – наверняка Ворон узнал, что ему предстоит надеть, и спасся бегством. Марсель герцога не осуждал: показаться в таком виде было еще тем удовольствием, а ведь нужно еще и танцевать! Правда, от главных героев мистерий не требовали особого мастерства, но ударять в грязь лицом не хотелось.

Одевание заняло чуть ли не полтора часа. Наконец потрясенный собственным видом виконт прилип к зеркалу и столкнулся с очень грустным взглядом. Марсель обернулся – за ним стояла Елена в длинной розовой тунике. Русые волосы принцессы скрылись под высоким черным париком, в ушах покачивались длинные «гальтарские» серьги, обнаженные руки украшали браслеты. Наряд девушке шел, но она все равно казалась несчастной. В первую очередь потому, что пыталась улыбаться.

– Господин Валме, – дочь Фомы старалась говорить небрежно, – благодарю вас за помощь.

– Пустое, ваше высочество, – Марсель очень надеялся, что его голос звучит твердо, – я счастлив оказать вам услугу.

– Вы знаете роль?

– В общих чертах.

– Она нетрудная. В первом акте у нас ланнуэ и вуэлверин ⁹⁵. Перед выходом вам дадут охапку лилий, вы, – она запнулась, – вы бросите их к моим ногам, я подниму цветы и снова уроню, а вы мне поможете их собрать. Потом я кладу лилии к подножию статуи, и мы танцуем обычный ланнуэ. Затем мы садимся на скамью, смотрим, как пляшут пастухи, я подаю вам знак, мы выходим еще раз – и конец первого акта.

– Действительно, нетрудно, – согласился Марсель, – хотя должен признаться, это моя первая мистерия.

– Я понимаю, – Елена героически улыбнулась, – в Талиге это не принято.

– Увы, ваше высочество. Но я постараюсь не подвести.

– Вы... – Елена запнулась, – если можно никому не говорите, что...

– Конечно, – какой Ворон все-таки мерзавец, у нее даже зубы несчастные, – я до последнего не верил своему счастью и поэтому держал наш договор в тайне...

– Нет, – обведенные черной краской глаза Елены казались огромными, не меньше, чем у Софии, – это я не верила своему счастью и все держала в тайне. Простите, мне пора... Я выхожу раньше, за вами придут... Не забудьте про лилии.

– Разумеется, ваше высочество, – заверил Марсель, но Елена уже исчезла. Виконт хотел было сесть, но не решился помять чудовищный наряд и встал столбом посреди раздевальни. Надо ж додуматься выбрать «Элкимену»! Черный Гость... Нечего сказать, похож!.. Как павлин на ястреба.

– Виконт, у меня нет слов... Скажите, это – и в самом деле костюм Черного Гостя?

⁹⁵ Парные бальные танцы.

– Во имя Леворукого... Рокэ! Куда вы исчезли?

– Исчез? – Алва бережно водрузил на стол нечто завернутое в белый шелк. – Напротив, я появился.

– Что это?

– Я не имею обыкновения осыпать дам поддельными цветами, – доверительно шепнул Алва, снимая материю.

Леворукий и все кошки его! Лилии! Лилии в конце осени...

– Откуда?! Как вам удалось?

– Гоганы как-то умеют договариваться с цветами, – пожал плечами Алва, – и они по-прежнему корыстны – не лилии, гоганы. Фома еще жив?

– Да. О том, что все пошло не так, знают только Шантэри и Елена.

– Тогда она тем более заслужила цветы. Кстати, примите мою благодарность. Вы второй раз кряду соглашаетесь меня заменить.

– А вы мне не даете, – засмеялся Валме, – хотя, не скрою, ваше исчезновение в Нохе меня огорчало несколько больше. Закатные твари, вы же еще не одеты?!

– Виконт, – в голосе Алвы слышалось страдание, – неужели вы полагаете, что я облачусь в этот, гм, туалет... Глядя на него, понимаешь, что родина мистерий – Паона. Вам бы тоже не помешало вернуться в свое обычное состояние, если вы, разумеется, не желаете вкусить любви по-имперски... Этот костюм располагает...

– Рокэ!

– Тсс, начинают!..

Невидимый оркестр заиграл что-то веселое и быстрое. Марсель с наслаждением стянул с головы шлем и парик и занялся сандалиями. И как только древние в них ходили?! К счастью, выпутаться из проклятого костюма оказалось куда проще, чем в него влезть. Валме с наслаждением воссоединился со своими штанами и камзолом и едва не упал при виде стоящего посреди раздевалки Черного Гостя. Словно сошедший с древних фресок зорий в короткой тунике и отнюдь не выглядевших глупо сандалиях рассеянно застегивал пояс со странного вида мечом.

– Закатные твари, – ахнул Валме, – нельзя же так...

– Можно, – Алва покончил с вороненой пряжкой и поднес к лицу лилию. – Запомните, виконт, отвратительней поддельных цветов может быть лишь поддельное оружие.

– Сударь, вам пора, – ворвавшийся танцмейстер узрел черную фигуру и прилип к полу.

– Если пора, идемте, – Алва и не подумал повысить голос, но несчастный балерун сделал какое-то дикое па и выскочил в коридор. Рокэ подхватил свои лилии и вышел следом, в рукояти меча зло блеснул лиловый камень. Ошалевший Валме огляделся в поисках выпивки, не нашел, ухватил сунувшего в комнату нос слугу и потребовал провести его в ложу Шантэри. Дядюшка неодобрительно покосился, но промолчал. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы выражать свое возмущение во время действия, и слишком счастлив появлению Ворона. Марсель тихонько опустился на скамью и глянул в залитый золотистым светом зал – в Священной Роще готовились к празднику...

2

Можно подумать, если не спать три ночи кряду, что-то изменится. Манрики расточатся серным дымом, Сэ превратится в бурную реку и унесет королевскую армию, из Рассветных Врат выйдет Создатель и отделит правых от виноватых...

Робер поднялся, разминая затекшую спину, несколько раз прошелся из угла в угол, в тысячный раз постоял у портрета маршала Рене, потом у окна. Сел за стол, нарисовал на листе бумаги барса. Барс вышел грустным, чтобы не сказать жалким. Робер добавил несколько пятен, стало еще хуже. В приемной раздался какой-то шум, Эпинэ торопливо накрыл рисунок картой – и вовремя.

– Монсеньор, – лицо Леона Дюварри было в красных пятнах, глаза горели, – член ратуши Шакрэ... С ультиматумом.

– Ублюдки не осмелились прислать парламентаря, – пояснил вошедший следом Карваль. В отличие от тенъента, капитан был бледен. – Они отправили пленника, оставив в заложниках его семью.

Пленник!.. В центре собственной страны.

– Давайте его сюда.

– Монсеньор! – возгласил Дюварри. – Мэтр Орас Гукэ.

Мэтр Гукэ был толстым, круглолицым и насмерть перепуганным. Казалось, он даже пах страхом. Робер повернулся к приплясывавшему от нетерпения порученцу.

– Дайте ему касеры.

Гукэ выпил, вряд ли соображая, что именно пьет. Бледное полное лицо походило на невыдержанный сыр.

– Рассказывайте.

Толстяк открыл рот, снова закрыл и вдруг плюхнулся на колени. Робера передернуло от безгливой жалости.

– Встаньте!

Стоящий на коленях человек затряс головой, словно глиняный болванчик.

– Мэтр Гукэ, – Эпинэ старался говорить так, как говорил с загнанными или перепуганными лошадьми, – что случилось? Я вас слушаю.

– Письмо, – забормотал тот, – вам... Вам письмо... Я привез... Иначе повесят Клару... И детей... У нас шестеро, – глаза Гукэ стали белыми, – шестеро. Вы слышите?! Их повесят, если вы не одумаетесь! Мою семью повесят! Из-за вас! Вы должны сдать...!

– Как ты смеешь! – рявкнул Никола. – Трус!

– Замолчите, капитан! – прикрикнул Робер. – Давайте письмо и уходите.

– Вы! Вы не можете!.. Вы должны!

– Уведите его и проследите, чтоб без глупостей. К вам это тоже относится.

Легко сказать «без глупостей», а попробуй без них обойтись в этом подлейшем из миров. Робер взял запечатанный конверт, не коснувшись трясущейся пухлой руки.

На печати белого воска рыцарь поражал дракона. А он, вопреки здравому смыслу, надеялся на оленя. Что же с Савиньяком?

– Никола, я должен подумать, а вы... Полагаю, вы знаете, что следует делать.

– Разумеется, монсеньор. Я отдам все необходимые распоряжения.

Капитан Карваль – замечательный офицер, но читать ультиматумы лучше без свидетелей, хотя Эгмонт вскрыл письмо Ворона при всех. Почему? Не желал иметь тайн от соратников или боялся самого себя? Лично он боится. Повелитель Молний со злостью сорвал печать.

«Робер, незаконно именующий себя герцогом Эпинэ! – начало было многообещающим. – Твои преступления превысили чашу нашего терпения! Повелеваем тебе незамедлительно сложить оружие и предать себя и своих сообщников в руки наших верных слуг: маршала Талига маркиза Леонарда Эр-При, маркиза Фернана Сабве и графа Симона Марана.

На размышление тебе, по великой нашей милости и в память твоих предков, оказавших Талигу ряд важных услуг, даем четыре дня, по истечении которых все не сложившие оружие будут объявлены государственными изменниками, подлежащими смертной казни на месте.

Фердинанд, милостью Создателя король Талига» .

Леонард Манрик – маркиз Эр-При... Фердинанд отдает титул Повелителя Молний «навозникам»? На такое не решился даже Франциск. Понятно одно – истинные хозяева Талига Колиньяры и Манрики. И, во имя Леворукого, кто такой Симон Маран?!

Повелитель Молний отбросил высочайший рескрипт, из которого явствовало одно: переговоров не будет. Временщики ошалели так же, как и повстанцы. Не сражаться

невозможно, сражаться – тем более. Отступать некуда. Сложить оружие не позволят свои же. Сдаться в одиночку? Он уже однажды попробовал.

Если бывают безвыходные положения, вот вам одно из них. А из безвыходных положений находят выход только великие или сумасшедшие. Робер потряс головой – глаза болели, словно в них насыпали перца. Иноходец зло усмехнулся, прижал к глазницам ладони, немного задержал, провел по бровям к вискам. Стало легче, хоть и ненадолго. Так, один секрет Ворона он разгадал, разгадать бы еще парочку...

3

Черный Гость и Элкимена кружились, словно подхваченные незримым вихрем, герцог склонял голову к своей даме и слегка улыбался, Елена лучилась невозможным, горячечным счастьем, а скрипки предвещали беду, хотя все еще было спокойно.

Мистерии, как и большинство подобных забав, являли собой переделки доэсператистских легенд и трагедий, но эта, на вкус Валме, была слишком уж мрачной. Демон, ставший свидетелем праздника, перешедшего в кровавую резню, и девушка, которую он спас, поддавшись минутной прихоти, и которой не нашлось места среди живых... Брррр!

Скрипки замолчали, тревожная, злая волна спала, и Марсель облегченно откинулся на спинку кресла. Первая часть мистерии была закончена, и слава Создателю! Музыканта, написавшего этот кошмар, следует если не придушить, то высечь. Можно подумать, никто не знает, что в конце концов помрет, так за какими кошками об этом напоминать, да еще на празднике?!

Дядюшка Шантэри зашевелился и вытащил огромный носовой платок. Марсель не стал дожидаться трубных звуков и неизбежных нотаций и пулей выскочил из ложи. Виконт намеревался отыскать Алву, но судьба послала ему Фому. Герцог стоял посреди круглой, расписанной птицами комнаты и распекал хмурого человека с львиной гривой. Рядом с папенькой голубела принцесса Юлия и благоговейно топтались придворные и дипломаты. Обойти разряженную кучу, не нарушая этикета, было невозможно, оставалось присоединиться.

– Слишком мрачно, – палец Фомы качался у самого носа его жертвы. – Я понимаю, что вы связаны сюжетом, но вы испортили даже праздничные танцы.

Ага, значит, это и есть сочинитель музыки. Марсель и сам был готов всыпать ему по первое число, но стойкая нелюбовь к назиданиям и выволочкам свое дело сделали – Валме принял сторону композитора. Разумеется, мысленно.

– Ваше величество, – музыкант был мрачен, но спокоен, – Ее высочество настаивала на том, чтобы тема судьбы звучала уже в увертюре.

– Вам следовало показать ноты маэстро Луккини. Он, в отличие от вас, сочинил четырнадцать отличных мистерий.

– Луккини не имеет понятия об искусстве, – отрезал композитор, – в отличие от ее высочества...

– Правильно ли я понял, что музыкой мы обязаны вам? – Рокэ в своей черной тунике вышел из потайной двери. Рядом, опустив глаза, семенила сияющая Елена.

– Да, – вскинулся маэстро, – и я этим горжусь.

– И вполне справедливо, – герцог снял с руки кольцо и протянул музыканту. – Могу я узнать ваше имя?

– Эберхард Гроссфихтенбаум.

– Я запомню. Ваш талант достоин большего, чем дворцовые мистерии. Вы смогли преодолеть гайифскую слащавость. Хорошо, что в финале вы убрали все инструменты, кроме скрипок. Этот инструмент создан, чтобы кричать о неизбежности...

– О, – маэстро уставился на Ворона с живейшим интересом, но без намека на подобострастие, – я был бы счастлив писать по вашему заказу.

– Пожалуй, я закажу вам реквием, – задумчиво произнес Ворон, – или даже два. Тема смерти весьма созвучна вашему таланту, вы создадите истинные шедевры... Приходите в особняк на улице Жеребца, и мы обсудим подробности.

– А сейчас можете вернуться к оркестру. – Леворукий разберет этого Фома, доволен он или нет? – Завтра казначей вам выплатит шестьдесят ургов.

Эберхард Гроссфихтенбаум вышел с удивительным для дворца достоинством. И где только Елена раскопала это чудо?

– Герцог, вам и вправду нравится эта музыка? – удивилась принцесса Юлия.

– Она необычна и отвечает сути легенды, – объяснил Алва, – для того чтобы превратить танец в дурное предзнаменование, нужен талант, и немалый.

Юлия озадаченно замолчала, разглядывая Черного Гостя.

– Рокэ, – Марсель вспомнил поучения дядюшки Шантэри и решил проявить дипломатичность и такт, – вам не кажется, что последний танец чем-то похож на то, что вы как-то пели.

– А что именно? – поднял бровь Ворон.

– Такое веселое... От чего повеситься хотелось. Про луну, которая пляшет...

– Да, – вспомнил маршал, – что-то общее есть, хотя в Кэналлоа на такие вещи смотрят легче.

– Герцог, – встрепелась Юлия, – так вы поете? Я всю жизнь мечтала услышать кэналлийские песни.

– Увы, ваше высочество, – Алва был сама куртуазность, – кантины требуют не лютни, а гитары. И потом, ваш августейший отец прав, не стоит омрачать день рождения вашей сестры грустными песнями.

Именинница вспыхнула и протянула Ворону руку, которую тот не замедлил поцеловать. Юлия слегка нахмурилась.

– Герцог. – Елена в отличие от сестры и своей героини была совершенно счастлива. – Я обещала в присутствии отца поблагодарить вас за лилии. Вы сотворили настоящее чудо!

– Нет, – не согласился Ворон, – мне просто повезло.

– Ваше везение стало легендой, – выдохнула Елена.

– Пожалуй, – не стал спорить Алва, – только везучий человек целует руки столь прелестным созданиям.

Принцесса опустила глаза, Фома, напротив, внимательно оглядел талигойца и, видимо, остался весьма доволен.

– А вы, оказывается, льстец, – хихикнула Юлия, – признайтесь, скольких женщин вы обманули?

– Ваше высочество, – слегка поклонился Ворон, – ни одной. Все очень просто. Я в каждой женщине вижу принцессу, но в принцессе я вижу прежде всего женщину.

– Вы, Алва, опасный человек, – с отеческой укоризной произнес Фома и немедленно удалился, прихватив свиту и оставив то ли наследниц на растерзание Ворону, то ли наоборот.

Елена на правах Элкимены взяла Черного Гостя за руку и потащила в альков, где стояли подносы с напитками и фруктами. Юлии ничего не оставалось, как вцепиться в Валме.

– Ваше высочество, – Рокэ учтиво протянул своей даме бокал, – вы довольны вечером?

– О, – прошептала Елена, – я счастлива.

– В таком случае, я сожалею.

– Сожалеете? – осеклась принцесса.

– Счастье имеет обыкновение иссякать, оставляя за собой тень длиной в жизнь, – пояснил Алва. – Ваше высочество, я желаю вам радости, удачи, покоя, чего хотите, но только не счастья.

– Герцог, а любовь? – бросилась в бой Юлия. – Неужели вы и в нее не верите?

– Я не сталкивался с этим явлением, – Ворон приподнял свой бокал, – но я отнюдь не

утверждаю, что его не существует. Мой порученец, исключительно правдивый молодой человек, встречал выходца. У меня нет никаких оснований ему не доверять. И уж тем более я не стану отрицать существование предмета, о котором со знанием дела говорит столько достойных всяческого уважения людей.

– О, сударь, – Юлия прикрыла личико веером, – вы над нами смеетесь.

– Я смеюсь надо всем, – признался Ворон, – но это не мешает мне говорить правду.

– А этот ваш знакомый молодой человек, который видел закатную тварь...

– Выходца, ваше высочество. Согласно теории Авессалома Кубмария, выходцы и закатные твари имеют совершенно различную природу и происхождение. Более того, они враждебны друг другу.

– Почему? – чужим голосом произнесла Елена, она все еще держала свой бокал, и он был полон.

– Я не очень внимательный читатель, – признался Рокэ, – без сомнения, съентифик объяснил бы лучше. Кубмарий исходил из того, что выходцы зарождаются спонтанно и в некоторой степени являются родичами призраков и привидений. Что до закатных тварей, то они ведут свой род от высших существ, некогда обитавших в Кэртиане. Таких, как герои сегодняшней мистерии.

– Герцог, – Юлию мудрствования Кубмария не вдохновили, и Валме был полностью согласен с принцессой, – в месяц Весенних Волн вы еще будете нашим гостем?

– Скорее всего, – Алва поставил недопитый бокал и потянулся к блюду с виноградом.

– Я могу рассчитывать на вас в моей мистерии?

– Ты же не хотела участвовать в столь глупых затеях, – сдавленно произнесла Елена.

– О, я передумала. Сударь, я хочу поставить кэналлийскую мистерию, а маэстро Гроссфихтенбаум напишет музыку.

– Кэналлийскую? – герцог задумчиво тронул апельсин. – Это непросто, но Эберхарду такая задача по силам. Могу я спросить о сюжете?

– Нет, – глаза Юлии торжествующе блеснули, – это я вас спрошу. Моя мистерия будет о первом из Кэналлийских Воронов.

– Юлия, – не выдержала Елена, – это же неприлично...

– Отчего же? – Алва оставил в покое апельсин и улыбнулся. – Мне даже странно, что старик Дидерих не испек из моих предков самую приторную из своих трагедий. Видимо, нас спасла репутация двух Рамиро, Предателя и Вешателя.

– Так вы согласны? – не отставала Юлия.

– Рассказать – безусловно, – Алва освежил бокалы дам, а Марсель позаботился о себе сам, – что до остального, то все в руках маэстро.

– А вы можете начать прямо сейчас? – Юлия отправила в ротик лиловую виноградину. – У нас еще есть время.

Елена подавленно молчала, Рокэ усмехнулся и поднял бокал.

– Здоровье именинницы! Как говорили в древности: «Радуйся!»

Елена вспыхнула и опустила глаза:

– Я присоединяюсь к просьбе сестры.

– Не смею отказать. Итак, Беатриса Борраска и ее благородный супруг... Борраски приняли эсператизм одними из первых, не понимаю, почему их не причислили к лику святых... С этими причислениями вечно случается путаница – то вознесут грешника, то не заметят праведника. Как бы то ни было, Беатриса и Лорио прижили троих детей...

– А ребенок Ринальди, он действительно умер? – не выдержала Елена.

Рокэ усмехнулся:

– История Беатрисы все еще будоражит умы. Пожалуй, во всей священной и не очень истории не найдется более знаменитой дамы. Увы, гордая эория родила мертвую девочку, что никого не удивило, а многих обрадовало. Мориски говорят, что дороже глупости обходится только доброта. Не причисленный по недоразумению к лику святых полководец приютил у себя несколько вдов и сирот, чьих родных сожрали чудища. Был среди них и

мальчик, которого угораздило иметь светлые волосы и зеленые глаза. Бедняга родился года за два до преступления Ринальди, и его мать была честной женщиной, но для сплетников это не довод. Досужие языки превратили юношу в сына Ринальди Ракана.

– Превратили? – подалась вперед Елена. – А если это было правдой?

– Эрнани, хоть его и ославили святым, был недурным политиком. Племянника, пусть и незаконного, он бы не потерпел. Раканы чувствовали родную кровь.

– Вы в это верите? – не удержался Марсель.

– Скорее да, чем нет. Прошу прощения, но дальше моя история банальна, как какая-нибудь «Плясунья-монахиня». «Они росли вместе и полюбили друг друга». В юности это случается чуть ли не со всеми, но лишь избранным удастся натворить глупостей, о которых помнят века. Дочь Беатрисы и Лорио влюбилась в зеленоглазого сироту. Отец и мать не встали стеной против столь неподобающего союза только потому, что ничего не знали. Рано или поздно эорию Альбину выдали бы замуж. Скорее всего, она бы изменяла супругу с другом детства или с кем-нибудь другим...

– Но вы обещали рассказать, – влезла Юлия, – как Борраска... то есть ваши предки очутились в Кэналлоа.

– Терпение, ваше высочество. У влюбленной девицы был брат-близнец. То, что известно про Альбина Борраску, не оставляет сомнений: именно он подбил сестру и друга удрать.

– Но почему? – проворковала именинница.

– Ваше высочество, вы отличите музыку нашего друга Гроссфихтенбаума от творений маэстро Луккини?

– Конечно, – зарделась принцесса, – с первых же тактов.

– Наши поступки – тоже своего рода музыка, всегда можно понять, кто ее написал. Итак, трое негодников умудрились выбраться из Империи, пересечь Померанцевое море, но в конце концов попали в плен. И не к кому-нибудь, а к нар-шаду Багряных земель Заллаху. Его еще называли Черным Львом. Кстати, вы не видели этих животных?

– Нет, – Елена покраснела так, словно не видеть черного льва было верхом неприличия, – откуда?

– Действительно... Мориски охотятся на них только перед большой войной. Красивый обычай...

– А вы видели?

– Я бывал в Багряных землях. Мориски чтут родство до сорокового колена, а мы куда более близкие родичи.

– И потому, – в дочери Фомы заговорила старая торговая обида, – талигойцы ходят сквозь Астраповы Врата⁹⁶, а остальные – в обход Кагеты.

– Морские шады – решительные люди, – светским тоном заметил Алва, – впрочем, равнинные тоже.

– Теперь ясно, откуда пошла присказка, что понять шад может только рей, – внес свою лепту Валме, – но вы говорили о ваших предках...

– Юные обалдуи изрядно позабавили Черного Льва. Влюбленные ему быстро наскучили, зато Альбин пришелся ко двору. Заллах научил чужака обращаться с оружием, лошадьми и женщинами, выдал за него собственную дочь и сколько-то там шадских и спровадил завоевывать себе царство.

Тогдашний кэналлийский шад выказал себя полным глупцом. Разумеется, кэны и аллийцы перестали грызться между собой и собирались сбросить морисков в море. Заллах посоветовал Альбину подхватить то, что падает, и тот подхватил... Ах да, разумеется, в Талигойе беглецов объявили погибшими на охоте, но слухи все равно пошли, и главным в

⁹⁶ Изначально скалы по обе стороны пролива, разделяющего Кэналлийский полуостров и полуостров Клинок Заллаха на крайнем северо-западе Багряных земель. Затем название самого пролива. Своим именем Астраповы Врата обязаны тем, что во время гроз в них часто били молнии.

этих слухах был зеленоглазый злодей...

– И все? – Марсель вопреки здравому смыслу чувствовал себя разочарованным, хотя история была хоть куда.

– Почти. Лет через тридцать Альбин, тогда уже нар-шад Кэналлоа Алва-ар-Заллах, прислал подарки брату и племянникам. Ответа не последовало, и шад повернулся к Талигу спиной. Тогда же он выбрал своим знаком ворона. Полагаю, назло белым ласточкам. Будь символом Боррасок красная собака, Альбин поместил бы на щит синюю кошку.

– Я всегда думала, что Алва по-кэналлийски означает «ворон», – задумчиво произнесла Елена.

– Нет, это измененное на морисский лад Альбин. Мориски не выговаривают «ль», «б» путают с «в», а «ин» означает принадлежность к женскому роду. В Кэналлоа будущий шад прибыл Алвахом, а местные связали его имя с Алвасете. Он не спорил.

– А что значит «Алвасете»? – не отставала именинница.

Ворон медленно повернул голову:

– Этот язык забыт, как и многое другое.

– Вы как-то говорили, что нужно многое вспомнить, – заметил Марсель.

– «Нужно» не значит «возможно», – пожал плечами герцог, – а кое-что вспоминать и вовсе не стоит.

– Ваше высочество, – носатый танцмейстер был одновременно смущен и самодоволен, – монсеньор. Нижайше напоминаю, что время на исходе. Второй акт мистерии. «Смерть».

4

Сражения не избежать, победить невозможно, остается не проиграть. Или проиграть не до конца... Ударить Манриков по лапам и пробежать мимо? Мальчишки получают свой бой и поймут, что воевать не так уж и приятно. Хорошо, допустим, мы охладим горячие головы и сбережем большую часть людей. Что дальше?

Эпинэ перевернул рисунок с барсом, разделил белый лист на две половины и написал:

«1. Золотой Договор обойти нельзя.

2. Регулярная армия не справится с летучими отрядами.

3. Барсовы Врата неприступны.

4. Семь тысяч не победят сто тысяч.

5. Лиса нельзя перехитрить».

Он сам не знал, зачем это делает. Скорей всего, чтобы отвлечься. Занятный вышел реестр... На первый взгляд написанное КАЗАЛОСЬ неоспоримой истиной, но не являлось таковой. Ворон сумел проскочить между невозможным и невероятным, а что бы сделал Повелитель Ветров, угоди он в ту же ловушку, что Повелитель Молний?

Отступать через мятежные графства глупо, потому что Манрик ждет именно этого. До Надора поздней осенью не дойти – они замерзнут и утонут в той же Ренквахе, и кто сказал, что южане соизволят пойти на север, а север присоединится к бунту. В Варасте мятежников по головке не погладят, да и как прикажете переправляться через Рассанну? В Алат и Агарию дорогу перекроют. Наверняка уже перекрыли, и опять-таки туда идти через всю Эпинэ, а затем прорываться через позиции Кортнэя. Мон-Нуар? Спасибо, только Гальтары ему и не хватало!

Что ж, раз все остальное отпадает, остается юго-запад. Если повезет, они доберутся до побережья и разыщут контрабандистов. Но кораблей на всех не хватит... выходит, бросить армию, а самому с сотней-другой сообщников в Агарис? К Хогберду под хвост?! Так, а если... Робер сжал ладонями виски, уже понимая, что сделает, и пусть будет, что будет! Он

собирался к Эмилю? Он к нему и пойдет, но не один. На границах с Урготом лишь таможенные заставы, армиям там делать нечего, а Манрик помрет – не догадается, что Иноходец удирает под крылышко к Ворону.

Итак, он даст бой. Достаточный, чтобы герои растеряли половину перьев. Затем он повторит старый маневр Рене: конный арьергард, увлекая за собой «победителей», отступит на Агарию, а основные силы тайно свернут к Эр-При. Когда арьергард отойдет достаточно далеко, составляющие его эскадроны рассеются в марикьярских холмах, оставив Манрика с носом, а конники поодиночке рванут на соединение с армией.

Самым трудным будет не утонуть в грязи и заставить дураков сдаться. Что ж, придется стать предателем. Он скажет, что ведет армию к морю, чтоб отплыть в Агарис, а сам... Пошлет весточку Эмилю, пусть встречает! Это единственный способ сохранить и Эпинэ, и большую часть своей армии, а что будет с ним, это уж как Леворукий пожелает.

Робер пнул оброненный мэтром-как-его-там кубок и вышел в бывшую дедову приемную, где стоял неопикуемый галдеж. Воинство Эпинэ жаждало поквитаться с Олларами за сожженный город. Повелитель Молний окинул тяжелым взглядом «мстителей», сдерживая рвущиеся наружу слова – злые, горькие, запоздавшие.

– Мы дадим бой, – твердо произнес Эпинэ. – Пускать эту сволочь в Эпинэ нельзя. Нужно идти им навстречу...

– Монсеньор! – от избытка чувств Сэц-Ариж едва не задохнулся. – Монсеньор!! Мы победим или погибнем!!!

Глаза Жильбера сияли, он был в полном восторге. Несчастные казароны тоже радовались и кричали про конский навоз, в который втопчут врагов. Кем надо быть, чтоб гнать этих дурней на смерть? Что за глупые вопросы. Штанцлером надо быть. Или Адгемаром. Или Хогбердом. Тварей, для которых свое корыто – все, чужая жизнь – ничто.

– Тише, теньент, – улыбнулся Робер, – разумеется, мы победим, но совам и кошкам об этом знать не обязательно.

5

Виконт Валме находился в полной гармонии с окружающим миром и особенно с креслом, камином и горячим вином. Праздник удался, и никакие скрипки его не испортили. Если имениннице нравятся допотопные кошмары, нужно терпеть.

– Рокэ, – окликнул виконт, и сидевший у камина герцог поднял голову, – а если б вас попросила спеть Елена, вы бы тоже отказали?

– Я же говорил, что не делаю различия между женщинами, – поднял бровь Ворон. – Я не пел для «пантер», так зачем мне петь для принцесс?

– И жениться вы тоже не намерены?

– На ночь глядя? – зевнул Ворон. – Нет, не намерен... Кстати, Марсель, я вам задолжал вечеринку. Еще в Фельпе. Не желаете как-нибудь составить мне компанию?

– А меня будут рады видеть?

– Почему нет? – Ворон вновь занялся камином. Его очередной любовницей стала жена престарелого алатского посланника. Госпожа Евгения Ругьяди ходила в лиловом и благоухала померанцами и полынью. Непривычно и красиво, она вообще знала толк в благовониях. И в мужчинах.

Мечты о прекрасной даме были прерваны отнюдь не прекрасным кавалером. Дядюшка Франсуа был в стеганом ночном халате и колпаке, но желание хихикать у Марселя пропало при первом же взгляде на побледневшую физиономию. Дипломат, не дожидаясь приглашения, налил себе вина, залпом осушил стакан и требовательно взглянул на Рокэ:

– Герцог, что вы знаете?

– Многое, – признался Алва, – у меня для нашего времени вполне сносное образование.

– Я говорю серьезно.

– Разумеется, – Алва пошевелил угли в камине, – большинство дипломатов иссушающе серьезны. Впрочем, вы держите неплохого повара, значит, ничто человеческое вам не чуждо.

– Вы хотите, чтобы я первым произнес ключевое слово? Извольте. Что вы знаете о покушении?

– А было покушение? – Алва наконец соизволил обернуться. – И на кого же?

– На вас!

– Опять? – на лице Ворона проступило неподдельное отвращение. – Эти убийцы на удивление докучливы и тупы. Кажется, уже можно понять, что у них ничего не получится.

– Возможно, убийцы и докучливы, но я их понимаю. Рокэ, вы можете говорить серьезно?

– Вы напоминаете мне покойного кардинала. Так кто, где и когда меня убивал на сей раз или это удовольствие еще только предстоит?

– То есть вы утверждаете, что ничего не знаете?

– Вовсе нет. Слова «я знаю только то, что ничего не знаю» принадлежат какому-то древнему бедняге. Я о себе несколько лучшего мнения... Хорошо-хорошо, граф, я вовсе не хочу, чтоб вас сразил удар. О покушении на мою столь многих удручающую персону мне ничего не известно. Если угодно, могу произнести любую из известных мне клятв.

– В таком случае вам будет небезынтересно узнать, что цветы, которые вы во время мистерии должны были преподнести принцессе Елене, были отравлены. Если бы не ваш трюк с лилиями, мы бы с вами сейчас не разговаривали, а у Фомы осталась бы всего одна дочь.

– И как же стало известно об этом кошмаре?

– Служанку, которой Елена отдала ненужную корзинку, нашли мертвой. Налицо все признаки отравления. Фома вне себя от того, что не знает, кого казнить, и надеется узнать у вас.

– Я бы посоветовал ему бросить монетку. Дракон – Гайифа, решка – родственники.

– Рокэ, во имя Создателя, почему вы заменили лилии?

– Вы будете смеяться, – зевнул Алва, – но я терпеть не могу поддельных цветов. Тем более надушенных. Нет, от каких все же мелочей зависит успех отравителя... Вам налить?

– Наливайте! Хуже не будет.

– Разумеется. Будет лучше. Граф, мне нужна ваша помощь.

– Неужели?

– Отсутствие писем из Талига становится удручающим. Я не имею в виду официальные рескрипты, их более чем достаточно.

– Вы хотите послать кого-то в Талиг? К кому? К графу Савиньяку?

– Я хочу, чтобы вы написали на меня донос. Если, разумеется, вы этого до сих пор не сделали.

Глава 6 Эпинэ

«Le Cinq des Épées & Le Chevalier des Épées & Le Sept des Deniers» ⁹⁷

1

Мокрые черные стволы, поредевшая рыжая листва, каштановая кожура на траве. Хорошо, что сегодня нет дождя. Робер Эпинэ с надеждой глянул на небо – оно было

⁹⁷ Пятёрка Мечей, Рыцарь Мечей и Семерка Динариев.

высоким, синим и почти чистым, только над самой головой серебрились перистые облака. Ночью снова будет заморозок, и это прекрасно. Что может быть лучше конной атаки по примороженной, звенящей земле?! Теньент королевской армии Робер Эпинэ узнал это в Северной Придде девять лет назад.

Отгоняя непрошенные воспоминания, Иноходец хмыкнул и послал Дракко вперед. О чем думал Рамиро Алва, открывая ворота Кабитэлы? Скорее всего, ни о чем, вернее – о том, как исполнить то, на что решился.

Над головой что-то возмущенно застрекотало. Сорока! Матильда их терпеть не может и правильно делает... Сорока – не птица, сплетник – не человек.

– Монсеньор! – любопытно, капитан когда-нибудь спит или отложил отдых на «после победы»?

– Что-то случилось?

– Вы опять уехали один!

– Мне надо было подумать, – и не хотелось никого видеть, но командующий повстанческой армией обречен таскать за собой исполненный отваги хвост.

– Каковы будут приказания?

– Проедемся до Эр-Огюст. Хочу глянуть на лагерь Манрика.

– Я в вашем распоряжении.

– А что с Дюварри? Сегодня его день.

– О, ничего особенного, – сдержанно произнес Никола.

– А «не особенного»?

– Леон Дюварри проиграл пари и был вынужден раздеться ниже пояса и сесть в муравейник. Теперь он не может ездить верхом.

Леворукий и все кошки его, ну и олух! В бою от таких больше хлопот, чем проку. А таких – большинство! Рассчитывать можно на тысячу человек, от силы – на две. Остальные не умеют ни воевать, ни хотя бы подчиняться. Казароны, как есть казароны! Шуму много, а толку...

– Что за пари? – холодно поинтересовался Робер, заворачивая коня.

– Дюварри побился об заклад, что из восьми пистолетов подстрелит восемь сорок, но подстрелил только одну.

– Пусть утешается тем, что я знаю лишь одного человека, которому такое под силу. И это не я. «Пушки» готовы?

– Да, монсеньор. Издали ни за что не догадаешься.

– Будем надеяться.

Может, новоявленный маркиз Эр-При и проглотит наживку. Если не удосужится проследить, откуда у повстанцев взялась тяжелая артиллерия. Разрубленный Змей, поверили же кагеты, что под набросанными ветками скрываются волчьи ямы, не подумав, что у Алвы не было времени их копать.

К сожалению, Робер о Леонарде Манрике знал мало. В больших войнах тот не участвовал, по крайней мере в качестве военачальника, но это ничего не значило – Робер тоже армиями не командовал, так что здесь они были равны.

Эпинэ пытался расспрашивать Штанцлера. Эру Августу можно было верить, потому что тот, в свою очередь, верил Роберу. Бывший кансильер не сомневался, что в случае проигрыша его прикончат, а ему совершенно не хотелось в Закат. Другое дело, что Штанцлер много знал о Манриках-интриганах и ничего о войне. Тем не менее Иноходец пришел к выводу, что его противник предпочитает учиться на чужих ошибках, обстоятелен, осторожен, но ни в коем случае не труслив и не глуп. Вот Сабве, тот попер бы на рожон. Что до Симона Марана, то он был темной лошадкой. Штанцлер по крайней мере о нем ничего не слышал, но хапнуть освободившийся титул нужно суметь. Неужели все сыновья Альбина погибли? Или их просто не стали искать?

– Смотрите! – с гордостью произнес Никола, указывая на поставленные на скороспелые лафеты бревна.

А что? Издали и впрямь выглядит неплохо! Леонард склонен преувеличивать силы противника, если повезет, он не полезет в «укрепленную рощу». Рощица по меркам Борна или Алати была хиленькой, но здесь ее гордо величали лесом Святой Мартины. Лучшей позиции в здешних местах не найти, по крайней мере лучшей для того, что он задумал.

– Никола, ночью мы устроим налет на вражеский лагерь.

– Налет? – Карваль казался обескураженным. – Но разумно ли это?

– Разумно. Если Манрика напугать, он будет действовать аккуратно. Особенно если примет толпу с деревьяшками за приличную армию. Утром перед боем мы пустим в глубокий обход еще один отряд. К вечеру Манрик убедится, что мы намертво засели в роще, и успокоится. Вот тогда-то обходной отряд и устроит у него в тылу суматоху, а мы контратакуем.

– Монсеньор, – от избытка чувств Никола заерзал в седле так, словно это он на спор сел в муравейнике, – монсеньор, ваш план достоин Шарля Эпинэ!

Скорее Рамиро-Предателя, но он не даст превратить тех, кого поманили призраком свободы, в пушечное мясо. За красивыми словами слишком часто стоит некрасивая смерть.

– Не следует праздновать заранее.

– Но мы победим! Разрешите мне возглавить ночной рейд!

– Нет, отряд поведу я.

– Эпинэ не может рисковать вами!

– Со мной ничего не случится.

Его должны увидеть в бою, это заставит повстанцев верить в вожака до последнего. А заодно он покажет соплякам, что такое конная атака!..

2

Он угадал – к вечеру подморозило. На небо важно выползла половинка луны, вокруг нее сияло бледное кольцо – настоящая осенняя ночь, ясная, холодная, пахнущая горечью. Робер потрепал по шее Дракко, вспоминая Черную Алати, подарившую Повелителю Молний смертный ужас и великое счастье, к которому нет возврата. Золотые всадники не вернуться, но что делать, если лунный свет и полынный ветер сводят с ума, а в душе звенит охотничий рог? Иноходец вдохнул полной грудью ночной холод и обернулся к Никола:

– Пора.

Капитан кивнул. Он был смелым, умным, невероятно выносливым, но он никогда не воевал. Так же, как половина собранного Робером отряда. Сотня ветеранов и сотня рвущихся в бой щенков – Эпинэ решил разбить их на пары: если повезет, вернуться почти все, но Манрика нужно встряхнуть. Конечно, существовала опасность оказаться в бирисской шкуре, но Робер пришел к выводу, что переоценивать новоявленного маркиза Эр-При так же глупо, как недооценивать. Иноходец сделал все, чтобы рыжий маршал чувствовал себя в полной безопасности. Повстанцы ни разу не потревожили королевские войска налетами, Манрик просто обязан поверить, что от мятежников никаких сюрпризов быть не может.

Подъехал Флоримон Шуэз. Барон по-прежнему настаивал на отходе в Мон-Нуар, но согласился принять участие в вылазке. Эпинэ был ему искренне благодарен: Шуэз десять лет воевал в Северной Придде, он головы не потеряет.

– Мы готовы, – коротко бросил барон.

– Хорошо, – Робер прыгнул наземь, – не забудьте про факелы.

– А вы про лошадей.

– Лучше вы поедете с нами. Кони в поводу – слишком большая обуза.

– Вы правы. Мы начнем, как только услышим шум.

– Удачи, барон.

– Вам она тоже понадобится...

Отряд на рысях пошел вдоль прикрывавшего рощу оврага, обходя вражеский лагерь по

широкой дуге. Прежде чем лезть в бутылку, подумай, как станешь вылезать. Возвращаться они будут напрямиком, через поле, но сейчас главное – скрытность.

Луна исправно освещала темные дали, к утру они поседеют... Прав ли он, бросая в огонь новичков, пусть и под присмотром? Может, и нет, но поворачивать поздно. Робер с трудом удержался от того, чтобы остановиться в тени холма и еще раз объяснить, что нужно делать и чего не нужно. Все уже сказано, зачем лишний раз дергать людей?

На усыпанном звездами небе замаячили стройные колонны – тополя вдоль королевской дороги, как часто он их вспоминал... Есть ли у Манриков сторожевые псы или «маркиз Эр-При» выше этого? Вырыть рвы и поставить частокол Леонард не озаботился, обошелся простыми рогатками. Разумеется, он же не в Бергмарке!

Робер остановил Дракко, ветер благородно дул в лицо. Если в лагере и есть собаки, они ничего не учуют. Успел ли Шуэз? Ехать верхом, пусть и в обход, не то что ползти по стерне... Когда все кончится, надо поговорить с бароном об Урготе. Если кто и согласится уйти туда по доброй воле, так это он. Иноходец оглядел отобранных с вечера ветеранов. Двадцать четыре человека, по восемь на проход. Хватит? Должно! Из темноты вынырнул Никола. Капитан порывался идти с ними, пришлось прикрикнуть. Карваль был бесценным помощником, но он не служил в Торке и не бывал в Сагранне. Крепыш упрямо сдвинул брови, и Робер торопливо сказал:

– Я на вас рассчитываю. Увидите факелы – гоните во весь опор. Дракко на вашей совести.

Капитан угрюмо кивнул. Иноходец спешил и осторожно выглянул из-за ствола: лагерь был совсем близко. Хорошо, что сухо: ползать по грязи – удовольствие сомнительное. Иноходец проверил подаренный Мильжей кинжал, заткнул за пояс. Когда он доберется до ограждений, то возьмет его в зубы.

– Вперед!

Мертвая трава предательски шуршала, нет, не шуршала – шипела, трещала, скрежетала, а сам он тащился, как улитка, и пыхтел, как котел. Кабан в плавнях – и тот ходит тише! Нужно быть глухим и слепым, чтоб прозевать такого увальня, но его не заметили.

Лагерь спал, только горели костры в проходах меж окружавших лагерь рогаток. В свете луны аккуратные ряды палаток казались горной цепью. На левом фланге огней больше – значит, туда лучше не соваться. Посредине лагеря на высоком шесте трепыхалось знамя, видимо, рядом дрых Манрик. Попытаться его убить? Нет, потому что прикончить еще и Сабве вряд ли получится, а фламинго в противниках предпочтительней стервятника.

До ближайшего прохода осталось не больше десятка бье, и Робер замер, поджидая остальных. Совсем рядом горел костер, у огня сидели трое. Еще несколько человек лежали. Спят или любуются на звезды?

– Монсеньор? – Жан-Жак двадцать лет оттрубил в Северной Придде и знал толк в ночных вылазках. – Который ваш?

– Левый.

Десяток бье показался сотней. Для начала он убьет одного талигойского солдата, а потом – сколько повезет. Две переносные рогатки были слегка сдвинуты. На мгновение Робер замер, ожидая подвоха, но земля между деревьяшками была утопанной – ни мусора, ни веток, под которыми можно спрятать капканы. Похоже, им повезло – кто-то за- чем-то выходил и не озаботился привести ограждение в порядок. Что ж, подползем поближе... До границы света.

Эпинэ ужом скользнул в благословенную дыру. Теперь костер пылал совсем рядом. У огня усиленно клевали носом трое солдат, еще четверо растянулись на земле, отлынивая от стражи. Один из сидевших почесался и подбросил в огонь хвороста. Громко треснула сырая ветка, вверх взметнулась стайка искр. Лежащий по ту сторону костра караульный шевельнулся, недовольно дрыгнул ногой и перевернулся на другой бок. Следивший за костром солдат уселся на землю спиной к рогаткам и принялся рыться в каком-то мешке. Эпинэ вынул подарок Мильжи, пальцы сомкнулись на роговой рукояти. Повелитель Молний

с бириским кинжалом в руках!.. Жан-Жак вскочил первым, Робер – вторым, кто был третьим, Иноходец не разглядел.

Сагранный клинок вошел в тело, словно в масло, безымянный талигоец разок вскрикнул и замолчал. Эпинэ выдернул кинжал, в лицо ударила показавшаяся горячей струя. Робер повернулся в поисках новой жертвы. Все сидевшие были мертвы, пришлось ударить спящего, бедняга вряд ли понял, что умирает.

– Готовы, – прошипел Жан-Жак.

– Рогатки!

Деревяшки оттащили быстро. Робер выхватил из кучи хвороста пару длинных сучьев, сунул в костер. Пламя вгрызлось в добычу, как Клемент в печенье. Эпинэ сунул горящий сук парню из Гайярэ, они встали по обе стороны прохода. Как дела у других? Управились или нет?

– Вроде тихо, – шепнул Жан-Жак, – осмелюсь доложить, у вас кровь на щеке.

– Только на щеке? – усмехнулся Робер. Да он по уши в талигойской крови, и ему вовек не отмыться.

– Только, – не понял солдат, он был чужд высоких материй. Делал свое дело и спокойно спал. – Где эти, сдохли, что ли?

«Эти» не сдохли. В осеннюю ночь ворвался нарастающий топот.

– Ваш конь, монсеньор.

– Благодарю, Никола.

Они помчались застигнутым врасплох лагерем, круша все на своем пути. Взвизгнула и замолчала труба, что-то треснуло, Робер швырнул в ближайший костер висевший у седла мешочек с порохом. Пламя взвилось вверх, перекинулось на ближайшую палатку. Сзади истошно завопили, у щеки Робера вжикнула пуля, Дракко сбил кого-то растерявшегося в белых подштанниках. Додумался: перед боем спать в исподнем! Слева громко взвыли трубы. «Тревога»? А вы что хотели? Если ты фламинго, сиди в болоте и не пытайся каркать.

Робер прищепил Дракко и вылетел к шесту с флагом. Спускать его было долго, и Эпинэ, пристрелив обалдевшего часового, перерубил бечевку. «Победитель Дракона» свалился на какие-то бочки, Робер нагнулся, подхватил холодную, отсыревшую тряпку, едва успев отмахнуться шпагой от не в меру ретивого пехотинца.

Вовсю трещали выстрелы, труба продолжала будить спящих, если таковые еще оставались. Эпинэ завертел головой, пытаясь понять, где проходы. Впереди и справа метались два факела. Молодец, Шуэз! Робер промчался наметом сквозь бестолково мечущуюся толпу, разрядил второй пистолет в нехстати опомнившегося офицера, пытавшегося собрать солдат, перескочил через поваленную палатку и вылетел прямо на Флоримона Шуэза. Барон методично размахивал пикой, к которой приделали факел.

– Залезайте, – Робер протянул руку, – Дракко выдержит.

– Не задерживайтесь, – буркнул Флоримон, не прекращая сигналить, – не хватало, чтоб вас пристрелили.

– Не пристрелят, – Эпинэ отъехал в сторону, освобождая проход. Из очумевшего лагеря одна за другой вылетали стремительные тени. Всадники, как и было велено, галопом уходили в сторону рощи. Судя по всему, то же творилось справа и слева. Шум нарастал. Зачем-то грохнула пушка, мимо Робера пролетели несколько лошадей без всадников, следом выскочили пятеро конных...

– Похоже, все, – барон Флоримон был спокоен и даже скучен, – кто не успел, тот не успел.

– Монсеньор, вам нельзя здесь оставаться, – Никола потерял шляпу, но не занудство.

Робер взгляделся в мечущиеся огни. Разобрать что-то в орущей круговерти было невозможно, если кто-то там и остался, его не найти. Война – это война. Повелитель Молний тронул Шуэза за плечо:

– Бросайте факел, барон. Дело сделано.

Из двухсот человек не вернулось девятнадцать. Еще три дюжины были ранены, в основном легко. Потери Манрика, без сомнения, были больше, хотя для двадцатитысячной армии пара сотен убитых – капля в море. И все равно «маркиз Эр-При» просто обязан грустить. Когда в твой лагерь среди ночи врывается вражеская конница, бьет, режет, уволанивает флаг, это неприятно. Особенно если главнокомандующий пришел за славой. Теперь одно из двух: либо Манрик поспешит вперед, как буйвол, либо начнет осторожничать. Робер очень надеялся на последнее.

– Никола, позаботьтесь о раненых, а мы с бароном проедемся до оврага.

– Слушаюсь, монсеньор, – показалось или капитан чем-то недоволен? Похоже, он начинает считать «монсеньора» одновременно своей собственностью и своим ребенком, причем неразумным.

Омытая лунным светом роща казалась старой гайифской гравюрой на серебре. Днем она снова станет чахлым леском, в который набилось восемнадцать тысяч человек, и один Леворукий знает, сколько из них увидят еще одну ночь.

– Барон, что вы думаете о завтрашнем бое? – Робер пытался говорить небрежно, но провести Шуэза не удалось.

– Его надо пережить. Боюсь, нынешняя удача кое-кому вскружит голову.

– Вы не верите в успех? Тогда почему вы примкнули к восстанию?

– Мне не хотелось бы говорить об этом перед боем.

Тропинка сузилась, Шуэз придержал коня, пропуская Дракко вперед. Сказать или не сказать? Флоримон – человек не только честный, но и разумный, а он так устал врать. Как просто лгать хогбердам и «истинникам». Вернее, не просто, а не стыдно, а тут так и хочется залепить самому себе пощечину. Говорят, ложь во спасение – благое дело. Может, и так, но как же это мерзко...

Робер так и не понял, что случилось раньше: споткнулся Дракко или раздался выстрел. Над плечом мерзко свистнуло, и тут же выстрелили снова. Эпинэ стремительно обернулся – Флоримон Шуэз валился под копыта коня, а в руке Никола Карваля блеснул пистолет...

– Монсеньор, – капитан так и не расстался со своей проклятой вежливостью, – в вас стреляли.

– Я догадался.

Флоримон Шуэз! Немногословный, сдержанный Шуэз. Он не хотел пускать Манриков в Эпинэ и настаивал на отступлении в Мон-Нуар. Его не послушали, и он решил убить вожжа. И убил бы, но Дракко споткнулся. Очередное чудо, скоро Повелитель Молний сойдет со счета... Он снова уцелел, а Флоримон погиб. Потому что поверил Иноходцу Эпинэ, поверил, что тот собрался драться насмерть.

Узнай барон правду, все было бы иначе, но внук Гийома Эпинэ научился слишком хорошо врать. И вот человек, который понимал, что они своим жалким бунтом льют воду на чужую мельницу, мертв. Застрелен верным Никола, который точно так же пристрелит и Робера. Если догадается, что у него на уме.

Откуда-то вылез Гаржиак со своими стрелками, подскакали Сэц-Арижи, мелькнула шляпа Пуэна... Надо было что-то объяснять, и Робер объяснил. Разумеется, поднялся гвалт. Борцы за великую Эпинэ потрясали кулаками и проклинали предателя, а над ними висела половинка луны. Ночь Флоха? Или Вентоха? Он забыл, он почти все забыл, даже Мэллит. А может, он умер и попал в Закат? Просто там не огонь, а война, никому не нужная война, от которой не уклониться.

– Капитан Карваль, похороните барона Шуэза, – распорядился Эпинэ и сквозь зубы добавил: – Он сделал то, что считал своим долгом.

Недовольные лица, еще бы! Предателей бросают на растерзание псам или вешают вверх ногами. И уходят с чувством выполненного долга.

- Капитан Карваль, – ровным голосом повторил Эпинэ, – проследите!
- Никола нехотя развернул коня и скрылся в рыжих зарослях. И тут началось.
- Монсеньор, – начал Агиррэ, – вы не должны оставаться без охраны!
- Капитану Карвалю тоже нужно спать, – рявкнул граф Пуэн.
- Вы больше не будете ездить один...
- Мы вам этого не позволим.
- Ваша жизнь принадлежит не вам, в Эпинэ...
- Закатные твари, теперь думай, как избавиться от защитников!
- Хорошо, господа, вы меня убедили, но теперь всем следует отдохнуть.

Глава 7 Эпинэ

«Le Huite des Êpêes & Le Chevalier des Coupes & Le Sept des Bâtons» ⁹⁸

1

Осень решила обойтись без солнца и выгнала из загонов жирные серые тучи. Чего доброго, к вечеру пойдет дождь. Дождь, который никому не нужен. Отвратительное утро, так и тянет кого-нибудь убить, но для сражения это неплохо. Робер сунул руку в карман и обнаружил что-то твердое. Печенье! Подарочек от Клемента... Прощальный. Иноходец до боли стиснул зубы, удерживая неуместные и неприличные слезы. Вождь повстанцев, страдающий по пропавшему крысу, – сюжет для Дидериха и Веннена вместе взятых.

Миндальное сердечко на ладони что-то напоминало, что-то непонятное и неизбежное. Робер вздохнул и протянул печенье Дракко. Конь мягко взял угощение, хрумкнул, многозначительно покосился на хозяина.

– Прости, – развел руками Робер, – это все.

Дракко деликатно отвернулся. Робер разобрал поводья и вскочил в седло, стараясь не глядеть на десяток доблестных дворян, исполненных решимости защищать вождя от супостатов. Кто же это просил избавить его от защитников, дескать, с нападающими он сам справится? Рамиро-Вешатель, единоутробный брат Октавия Оллара и оруженосец и преемник Шарля Эпинэ... В Талиге все всем успели побывать родичами, врагами, друзьями, потом снова врагами, какая чушь!

Робер Эпинэ медленно выехал на опушку и пустил коня вдоль кромки полысевших за ночь кустов, иногда останавливаясь и поднося к глазам зрительную трубу. Пусть соратники видят, что Повелитель Молний занят и не расположен к пустым разговорам.

– Монсеньор, – Дюварри, видимо, справился с последствиями сидения в муравейнике, поскольку был верхом, – монсеньор! Вас ищут. Они отказываются себя назвать, это могут быть...

– Не могут быть, а есть!

Лэйе Астрапэ, этого еще не хватало!

– Альдо! Ты?!

– Не только, – Альдо лихо осадил могучего вороного коня, за спиной принца виднелись сияющие физиономии. Дикон, Дуглас, Анатолий Саво, Рихард с Удо...

– Так друзья не поступают, – сюзерен грозно хмурил брови, но светлые глаза смеялись. – Поднять восстание?! Без нас! Да за это голову отрубить мало!

– Но мы все равно успели, – встрял Дуглас. – Нам обещали хорошую охоту, и мы

⁹⁸ Восьмерка Мечей, Рыцарь Кубков и Семерка Посохов.

поохотимся!

– Надеюсь, мы вовремя?

Никогда не думай, что хуже некуда, всегда найдется, куда падать и в чем тонуть. Робер очень весело расхохотался:

– Вы опоздали к завтраку, но не к сражению.

– Сколько их, сколько нас? – резко спросил Рихард. Хоть этот не ловит свой хвост и не вопит о неизбежной победе.

– Если считать по головам, у Манрика тысяч двадцать, у нас – около восемнадцати...

– Хорошее соотношение, – значительно произнес Альдо. Ох, сюзерен, сюзерен, ну и стратег же ты...

– Соотношение хорошее, – Иноходец смотрел только на братьев Борнов, – но из этих восемнадцати воевали от силы две. Еще тысячи четыре чему-то учились, остальные никуда не годятся. Альдо, во имя Леворукого, откуда вы?

– Мы узнали, что ты уехал, и пустились вдогонку. Нам повезло, – сюзерен обернулся, подзывая двоих высоких парней, – это Дьюри и Лаци. Они называют себя вольными торговцами, хотя на самом деле самые настоящие контрабандисты. Были. Теперь они талигойские бароны, а войну закончат графами. Добраться до Эпинэ было самым простым, но пока мы вас разыскивали, с нас четыре пота сошло, – сюзерен прищурился, вглядываясь в даль. – Это и есть Оллары? Дай глянуть.

Робер механически протянул зрительную трубу, лихорадочно соображая, как быть дальше. Самым правильным было связать Альдо с Диконом, а Дугласа с Анатолем и отправить назад. С баронами-контрабандистами. К несчастью, самое правильное редко оказывается возможным. Придется объезжать сюзерена на кривом коте, уговаривая не лезть в огонь и не мутить воду.

Насупленный Никола доложил, что обходной отряд готов. Капитан явно хотел сказать что-то еще, что-то, не предназначенное для чужих ушей. К счастью, сюзерен все еще любовался на королевский лагерь, а остальные были слишком солдатами, чтоб перед боем дергать полководца. Робер кивнул Карвалю и отъехал под защиту здорового каштана.

– В чем дело?

– Монсеньор, – капитан Эпинэ был чрезвычайно серьезен, – мы не знаем этого человека и не хотим знать. Он такой же чужак, как и Оллары. Мы идем за вами и верим вам, а не какому-то юнцу!

– Этот юнец – мой друг, – огрызнулся Робер и схватил себя за язык. Альдо был прежде всего Раканом, забывать об этом не следовало, иначе хлопот не оберешься, – и он – прямой потомок Эрнани.

– Ну и что? – Карваль упрямством посрамил бы всех ослов мира. – Кто такие Раканы? Мы их не видели четыреста лет. Много они нам помогали, когда нас объедали север и столица? Эпинэ нужен король-южанин, а не залетный выскочка.

– Хватит! – прикрикнул Робер. – Нам сейчас драться, а вы тут...

Что именно «тут», Робер с ходу придумать не смог, но Карваль уже отдавал честь.

– Прошу меня простить, монсеньор. Прикажете строиться?

– Никола, – не хватало еще ссоры перед боем, – четверо моих друзей – опытные воины. Я понимаю, они для вас – чужаки. Что ж, они пойдут с обходным отрядом и покажут себя в деле. Альдо Ракан и Ричард Окделл останутся со мной. Так же, как и вы. Об остальном поговорим после. Не хватало нам перегрызться. На радость Манрику и Сабве.

– Как скажете, – на лице южанина особой радости не было, – но мы свою победу никому не отдадим. На троне Эпинэ никаких Раканов не будет.

– После боя, – устало повторил Робер, – а пока разыщите Агиррэ.

– Отряд поведет Агиррэ?

– Он, – по справедливости и по опыту командовать должен был Рихард, но он из Придды. Счастье, что им придется уносить ноги, а не делить лавры, иначе без склок точно бы не обошлось.

Никола умчался. Оставалось объяснить полковнику Борну, почему отряд поведет местный граф, и что-то сделать с Альдо. Сюзерен не из тех, кто остается в стороне, но он не нюхал пороха и не понимает, что южане не горят желанием становиться его подданными. Ну прямо тебе старая притча о бедолаге, которому пришлось запрягать в одну телегу волка, собаку, курицу и кошку...

2

Альдо не зря торопил проводников, промедление и в самом деле было смерти подобно. Эпинэ восстала против узурпаторов,хватило одной-единственной искры, теперь пожар не погаснет, пока над Олларией не взвоятся стяги Раканов. Святой Алан, не над Олларией, над Кабитэлой! Как же все-таки прилипают к нам чужие слова.

Ричард Окделл улыбнулся невысокому офицеру в цветах Эпинэ.

– Разрешите представиться, Ричард Окделл.

– Капитан Никола Карваль.

Почему он такой хмурый? Не верит в победу? Или просто устал?

– Рад знакомству с истинным талигойцем.

– Прошу меня простить, – офицер слегка наклонил голову, – я должен исполнить поручение монсеньора.

– Монсеньора?!

– Моего герцога, – Карваль казался удивленным, и правильно казался. Для капитана Робер Эпинэ – монсеньор. Кто ж виноват, что Ричард Окделл привык так называть другого человека?! Настроение немного испортилось, и Ричард торопливо подъехал к Роберу и Альдо. Они о чем-то спорили.

– ...место короля на холме у знамени, к тому же ты не знаешь местности, а люди не знают тебя.

– И никогда не узнают, если я стану прятаться за других. В том числе за тебя!

– Тебе за меня не спрятаться, – засмеялся Робер, – ты же выше! Альдо, пойми, это не то сражение, где нужно махать шпагой и бросаться вперед. Нам главное – продержаться до вечера.

– Я сам поведу отряд!

– Отряд поведет граф Агиррэ, он здесь свой, а Борны ему помогут. Ты должен командовать всей битвой, если, разумеется, собираешься стать королем, а не полковником.

– Убедил, – улыбнулся Альдо, – я остаюсь.

– Мы остаемся, – поправил Робер, – ты, я и Ричард. Не волнуйся, драки на наш век хватит.

– Хватит, – глаза принца блеснули. – Робер, мы на нашей земле, и мы наконец-то взяли свою судьбу в собственные руки! Начинается новая жизнь. Сейчас самое время принести клятву.

– Клятву? – не понял Робер. – О чем ты?

– Ты и так мой маршал, и другого мне не надо. Но ты еще не приносил присяги своему королю.

– Не рано ли? Матильда говорит, снимать шкуру с неубитого медведя – дурная примета.

– Ерунда, – твердо сказал принц. – Я вернулся в свое королевство и вернулся навсегда. Все происходит стремительней, чем я рассчитывал, но удивляться не приходится: на носу излом эпох, а я венчан на царство самой Кэртианой. Когда я добуду реликвии Раканов, я присягну в Гальтаре своим предкам, но сегодня я жду клятвы своего маршала.

Робер без лишних слов обнажил шпагу:

– Клянусь Честью служить Талигойе и своему королю!

– Не сомневаюсь, – улыбнулся принц, расстегивая седельную сумку, – но возрождение величия начинается с памяти. Вот древняя клятва, я нашел ее в поучениях Бланш.

– Альдо, – Робер взял листок, – сейчас здесь будет отряд, который я отправляю в тыл Манрикам. Я не успею все запомнить.

– Запоминать ничего не нужно. Просто прочти и произнеси вслух последние слова, а потом поговорим о сражении.

Иноходец кивнул и опустил глаза. Когда он вновь взглянул на сюзерена, его лицо выражало недоумение.

– Ты уверен, что это та самая клятва?

– Конечно, – принц казался удивленным, – а что такое?

– Она чуть ли не слово в слово повторяет присягу Первого маршала Талига, нам ее читали в Лаик.

– Значит, Франциск украл и ее, но я не стану выбрасывать трон предков потому, что на нем сидел узурпатор. То же и с присягой. Итак, мой маршал, я жду! Колени можешь не преклонять, это эсператистские выдумки, они унижают и меня, и тебя.

Так говорить может лишь истинный король. Ничтожество вроде Фердинанда будет кутаться в горностаевую мантию и протягивать руку для поцелуев, но Фердинанду осталось чуть больше года. Грядет новое время, и оно станет временем Чести.

– *Во имя Ушедших и Их именем,* – медленно произнес Робер, глядя в низкое небо, – *моя кровь и моя жизнь принадлежит Талигойе и Раканам!*

Робер по праву стал маршалом, он не просто Повелитель Молний и потомок великих полководцев. Он потерял семью, прошел через ад; он в конце концов поднял восстание, которое сметет с лица земли черно-белую плесень, но Повелитель Скал тоже имеет право на клятву.

Ричард Окделл звонко выкрикнул прямо в серые осенние облака:

– *Клянусь, моя кровь и моя жизнь принадлежат Талигойе и Раканам! Во имя Ушедших и Их именем!*

3

...Резкая боль в запястье, отдаленный удар грома и покой, блаженный, неслыханный покой. Осознание того, что все правильно, так, как должно быть, ничего не пройдет зря, не будет забыто, не исчезнет. Он там и с теми, с кем должен, он больше не один, теперь все будет хорошо...

– Монсеньор, вы все-таки ранены!

– Ранен?

– Рука...

– В самом деле, Робер! – Сюзерен казался растерянным, Никола – сердитым, а левая манжета и впрямь намочила от крови. Робер быстро засучил рукав: ничего особенного, ранка совсем небольшая, и кровь уже почти не идет.

– Все в порядке, – он зажал руку платком, – старая царапина. Открылась не вовремя. Никола, все готово?

– Да, но я продолжаю настаивать на своем участии.

– Капитан Карваль, – иногда приходится рычать, иначе доброхоты сядут на голову, – вы мне нужны здесь.

Леворукий тебя побери, Никола, мне без тебя не обойтись, когда я буду гнать это стадо в Ургот. Шуэза больше нет, зато есть сюзерен, с которым справиться потрудней, чем с четырьмя ослами. И потом, ты еще не нюхал порошу, ты почти такой же щенок, как Альдо Ракан.

– Робер... Мой маршал...

Дикон, и какой серьезный!

– В чем дело, Ричард?

– Я... Прошу меня отпустить с графом Агиррэ. Я имею опыт кавалерийских стычек. Опыт? Ах да, в Сагранне он был вместе с Эмилем, но это не повод.

– Герцог Окделл, вы поступаете в распоряжение капитана Борна, – улыбнулся Альдо. – Я уверен, вы не уроните Чести Скал!

– Честь и Верность!

Закатные твари, нечего Ричарду там делать. Нечего! Но спорить сразу с ним и с Альдо, да еще при южанах...

Робер тронул поводья и поравнялся с Ричардом и Удо.

– Мы так и не поздоровались как следует.

– Сам виноват, – рассмеялся Ричард. – Развоевался тут! Нам обещали прогулку в горы, а ты что учудил?

– Не я, – признался Иноходец, – жизнь. Приглядите за Ричардом. И за Агиррэ. По справедливости командовать тебе, но мои земляки, мягко говоря, закусил удила.

– Я заметил, – усмехнулся Удо.

– Для того чтоб бунтовать сейчас и здесь, нужно взбеситься, – Ричард задумчиво тронул усы, Робер помнил этот жест. – Кто их укусил?

– Штанцлер, раздери его кошки!

Удо присвистнул, Ричард промолчал, но глаза его потемнели.

– Долгий разговор, – вздохнул Робер, – а вам пора. Проводник у вас неплохой, но граф Агиррэ – дурак. Впрочем, тут все такие. Кроме барона Гаржиака, но он нужен мне здесь.

– Я понял, – кивнул полковник Борн. – За Окделла не беспокойся, Удо его придержит. Леворукий, как же я рад тебя видеть!

– А я вас, – засмеялся Робер. Он и впрямь был рад появлению Борнов. Но насколько больше бы он был рад, если б Альдо и Дикон остались в Сакаци.

Глава 8 Эпинэ

«Le Neuf des Bâtons & Le Valet des Épées & Le Chevalier des Deniers» ⁹⁹

1

Все случилось неожиданно. Еще ночью они кружили по каким-то виноградникам в поисках армии Робера, а теперь он скачет в бой. Сразу, не отдохнув, хотя, правду сказать, он вовсе не устал. И Сона тоже. Ричард любовно погладил атласную шею, кобылица благодарно фыркнула и кокетливо покосилась на коня Ричарда.

– Как бы не было дождя, – Дуглас хмуро глянул на низкие тучи. – Носиться по раскисшим полям – то еще удовольствие.

Дождь? Странное дело, если бы Дика спросили, какая сегодня погода, он бы, не задумываясь, ответил, что прекрасная. Наверное, потому, что он дома, и не просто дома, а сражается за свободу Талигойи и дело Раканов. Было бы ужасно, если б они опоздали и сражение закончилось без них. Ричард улыбнулся спутнику:

– Как хорошо, что мы успели.

– Скорее, угодили, – Удо переложил поводья в одну руку и поправил шляпу. – Не

⁹⁹ Девятка Посохов, Паж Мечей и Рыцарь Динариев.

скажу, что наши дела блестящи. Робер погорячился. Конечно, если считать по головам, силы почти равны, но если по умению... Ты заметил, в лесу сплошные крестьяне? Они ничего страшней вил в руках не держали, а у Манрика – настоящая армия. Может, и не лучшая в мире, но нам хватит и такой.

– Нельзя сомневаться в победе! – выпалил Ричард. – На нашей стороне Честь и Правда!

– Они на нашей стороне уже четыреста лет, – вмешался Рихард Борн, – правда, вино изрядно разбавили мочой.

– Сударь! Как вы можете... – Разрубленный Змей, ну почему он никак не научится вовремя находить нужные слова?!

– Не обрывай чужие крылышки, братец, – покачал головой Удо. – Дикон слишком мало пробыл в Агарисе и не успел насладиться обществом хогбердов и кавендишей. Кстати, вам не кажется, что нам тут рады далеко не все?

– Скорее, нам все не рады, – откликнулся Рихард, – и южан можно понять. Мы свалились на голову их любимому Повелителю Молний без армии, но с сюзереном.

– Альдо – Ракан, – выпалил Ричард, – он вернулся в свое королевство!

– В свое? При последних Раканах провинции были верны своим герцогам, а не королю... Не забывай, если не считать Рамиро, первым на сторону Олларов перешел маршал Шарль. И с ним Савиньяки и Дораки. О Раканах в Эпинэ тоскуют не больше, чем о засохшей лебеде.

– Пойми, Дикон, – поддержал брата Удо, – то, что несколько графств взбунтовались против Олларов, а вернее, против Колиньяров, отнюдь не означает, что здесь ждут не дождутся Раканов. Если восстание не прихлопнут, придется очень постараться, чтоб на юге нас признали хотя бы за ровню. Эпинэ никогда не любила Придду и Надор.

Святой Алан, как же это?! Они спешили на помощь, а им не рады? Эти южане думают Леворукий знает о чем, а не о Талигойе.

– Им нечем гордиться! – обиделся Ричард, хотя Удо и Рихард были в том же положении, что и он. – Южане дважды бросали нас на произвол судьбы. Если б они поддержали отца или вашего брата, мы бы были свободны.

– Ты только Роберу это не говори, – нахмурился Удо. – Если кто и пришел на помощь Эгмонту Окделлу, то это Морис Эпинэ.

– Да, – смутился Дик, – конечно...

– Господа, – молодой южанин в черном плаще не улыбался, – граф Агиррэ просит к себе господ Борнов.

– Благодарю, – Удо подмигнул Дику и, пропустив брата вперед, последовал за порученцем. Повелитель Скал вздохнул – навязывать свое общество полковникам и капитанам корнет не может. Будь он оруженосцем Альдо или Робера, с ним бы обращались иначе. Ничего, в бою он покажет, чего стоит. Скорей бы сражение!

– Дуглас...

– Что?

– Долго еще?

– Наберись терпения. Робер хочет шугануть Манрика под вечер, а сейчас нет и полудня. Мы еще успеем выспаться.

2

Укрепленная опушка выглядела внушительно. Впереди – подобие вала с баррикадой из срубленных деревьев, укрепленной легкими пушками. Дальше, у самого леса – вторая линия: завалы из бревен и нечто, издаലെка весьма похожее на тяжелые батареи. По крайней мере, проехав от оврага на левом фланге до подступающих к лесу холмов на правом, Робер едва сам не поверил, что каким-то чудом разжился артиллерией.

Иноходец надеялся, что замеченный им расфуфыренный всадник, в окружении

офицеров осматривавший позиции повстанцев, во-первых, был Манриком, а во-вторых, дал себя обмануть. Во всяком случае, действия королевских войск говорили именно об этом. Не успели Агиррэ и его люди скрыться из глаз, как «фламинго» принялись вытаскивать из лагеря артиллерию.

Устанавливать орудия – дело небystрое, королевские артиллеристы провозились часа три, но к полудню все было готово. Тяжелая батарея встала в центре развернувшейся вражеской линии, легкие пушки выдвинулись вперед. Ламброс из Гайифы, без сомнения, расположил бы их ближе к лесу, но маршал Леонард, к счастью, и впрямь был осторожен.

Первый залп застиг Робера еще в лесу. За деревьями глухо рывкнуло, сидящий на бревне крестьянин вздрогнул и выронил ложку – он как раз собирался перекусить.

– Да не дергайся ты, – прикрикнул расположившийся рядом усач, – сюды не долетит.

Ответ обладателя ложки Эпинэ слушать не стал. Тяжелые пушки грохнули снова, мелкие пока молчали. Еще бы. Оттуда, где их поставили, стрелять по лесу – только порох изводить. Стенобитные бьют дальше, но из-за деревьев наводчики не видели, попали или нет.

Чугунные ядра падали наземь, попадали в деревья, ломали кусты и, без сомнения, причиняли огромные страдания законным обитателям леса Святой Мартины и их небесной покровительнице.

Обстрел окончательно погубил поврежденный Леоном Дюварри муравейник, распугал всех сорок, а белок, зайцев и травяных мышей заставил панически отступить на противоположный край рощи. Бревнам на лафетах и засевающим в глубине леса крестьянам обстрел урона не наносил. По крайней мере пока.

Конечно, будь у Манрика не десять, а шестьдесят орудий, он бы снес опушку вместе со всеми баррикадами, «пушками» и вороньими гнездами, а так... Пусть лупит в белый свет, как в «яблочко», и да здравствует осторожность, особенно чужая!

Эпинэ, не удержавшись от искушения, помахал шляпой королевским войскам, выстраивающимся двумя линиями под прикрытием батарей, и тут же поймал укоризненный взгляд Карваля. Поднявшая было голову радость издохла на месте. Чтобы скрыть смущение, Робер рывкнул на расположившегося слишком близко к опушке недоросля и поскакал на правый фланг, где развивались стяги Повелителя Молний и Раканов.

На холмике под знаменами все было спокойно. Гаржиак умудрился занять Альдо азами линейной тактики, хотя, говоря по чести, сюзерену следовало это знать. Хотя бы в теории, тем более что Манрик действовал в строжайшем соответствии с фундаментальными трудами фельдмаршала Гаунау Рейнгольда Пфейхтайера, что изрядно облегчало задачу повстанцев.

– Они ожидают фронтальной атаки из леса или попытки конной атаки из-за холмов в обход своего левого фланга, – объяснял Констанс Гаржиак, и сюзерен с умным видом кивал. – На левом фланге у них сосредоточено достаточно конницы, чтобы предотвратить подобный удар, хотя тут все зависит от командующего. Если вы помните битву при Каделе...

– О, Робер, – просиял Альдо, – а что ты знаешь о сражении при Каделе?

– Спроси Ричарда, – посоветовал Робер, бросая поводья кому-то из порученцев. – Он обожает старые битвы.

– Ты прав, – вздернул подбородок сюзерен, – за нами не прошлое, а будущее.

– Я проверю своих людей, – Констанс Гаржиак коротко поклонился и вскочил в седло.

Сюзерен проводил его взглядом:

– Я был с ним любезен. По твоему совету, между прочим. Возможно, он и не дурак, но человек неприятный.

– Быстро же ты забыл Хогберда... Ладно, скажи, только честно, ты понимаешь, что тут происходит?

– Честно? – сюзерен потер переносицу. – Нет. И это довольно досадно.

– Бери трубу и смотри на «черно-белых». Видишь, пехота развернулась в линии? Сейчас их две, но может быть и больше. Длинные линии вместо колонн позволят Манрику

использовать преимущество в числе мушкетеров. Это сказалось бы, попри мы на них в лоб. На флангах у мушкетеров – колонны пикинеров. Их дело – при необходимости быстро выдвинуться вперед, развернуться и прикрыть стрелков от нашей атаки, а пока они не должны закрывать мушкетерам обзор. Судя по построению, Манрик к решительным действиям не склонен. Думаю, он хочет выждать.

– И долго они будут так торчать? – спросил Альдо, опуская трубу.

– Чем дольше, тем лучше, но вряд ли больше двух часов.

3

Обход получился не просто глубоким, а очень глубоким, и все равно до вечера оставалась уйма времени. У деревеньки Важоле устроили привал, чему Дик был искренне рад. Утреннее возбуждение улеглось, и юноша понял, что устал, причем сильно. Еще бы, ведь их рывок из Сакаци в Эпинэ был сплошной гонкой.

Альдо хотел ехать еще быстрее, меняя коней, но Борны его отговорили. Братья, как и Дик, были не в силах расстаться со своими лошадьми и утверждали, что несколько дней ничего не меняют. Они ошибались: в Эпинэ счет шел на часы.

Юноша угрюмо огляделся. Ничего хорошего. Агиррэ ему не нравилась, если на то пошло, Вараста с ее просторами куда красивее, а тут... Перегороженные колючими изгородями бурые поля, хилые рощицы, грязные овцы, неряшливые деревни – все унылое, жалкое, скучное. На юге хотя бы виноград растет, да и живут там не в пример лучше! Конечно, во всем виноваты Оллары, ограбившие истинных талигойцев и откормившие «навозников», но крестьяне не должны были признавать узурпаторов и отрекаться от настоящих королей.

Рихард и Удо не правы: Робер знал, что делает, а вот его помощники... Южане не понимают, что нельзя думать только о своем болоте! В Надоре думают о всеобщем благе, но предки Эпинэ слишком долго шли на поводу у Олларов. Повелители Молний забыли Честь и гордость, а вместе с ними опустили их подданные. Окделлы никогда себя не роняли, никогда!

Теперь Ричард сожалел, что не остался с сюзереном и Робером. Здесь и поговорить не с кем. Борны что-то обсуждали с графом Агиррэ, а Дуглас и Саво спали у ног своих лошадей. Ричард еще раз погладил Сону и побрел куда глаза глядят, обходя разлегшихся кавалеристов. Его никто не замечал – и не надо! Повелитель Скал обойдется как-нибудь без пахнущих чесноком дворянчиков, забывших об истинной Чести.

– Простите, – высокий светловолосый офицер нерешительно улыбнулся Дик, – разрешите представиться. Леон Дюварри. Младший тенъент замка Эпинэ.

– Герцог Окделл, – буркнул Дикон, спохватился и добавил: – Ричард.

– Я знаю, – Дюварри казался немного смущенным. – Вы сын Эгмонта Окделла. Хотите вина?

Дик хотел, но отчего-то поднял бровь и заметил:

– Вино хорошо после битвы, но в бой лучше идти с трезвой головой.

– Простите, – в голосе Дюварри прозвучало удивление, – вы участвовали во многих кампаниях?

– Молодой человек, – отдельно произнес Дик, – я дрался при Дараме.

– Вместе с монсеньором?

– Святой Алан, разумеется!

– Монсеньор не любит рассказывать о той войне, – извиняющимся голосом произнес тенъент. – Я был бы весьма благодарен, если бы вы...

Монсеньор не любит? Можно подумать, этот офицерик с ним знаком! Дик с возмущением уставился на наглого лжеца, и тут до него дошло, что он второй раз кряду спотыкается на одной ступеньке. Для тенъента Дюварри, так же как для капитана Карваля,

монсеньором был Робер Эпинэ. Разрубленный Змей, неужели он никогда не избавится от Ворона?!

– Теньент, я с удовольствием с вами поговорю, но не сейчас. Сначала нужно выиграть сражение. Как вы думаете, что происходит на главных позициях?

4

Фельдмаршал Пфейхтайер полагал правильным после артиллерийского обстрела выпускать кавалерию, а маршал Манрик полагался на знаменитого стратега.

Всадники на застоявшихся лошадях пошли вперед крупной рысью. Кавалерийская атака впечатляла, но Робер не сомневался, что до леса конница не доскачет: в лесу лошади – обуза, это понимают даже «фламинго». В точном соответствии с трудами Пфейхтайера черно-белые всадники, поравнявшись с батареями, перейдут на галоп, доскачат до кромки леса и повернут назад, уступая место пехоте.

Непосредственной угрозы позициям повстанцев подобные маневры не несут, но кто-то из наездников может оказаться слишком глазастым и раскрыть обман. Пороха и пуль у Робера было мало, пушек и ядер и того меньше, и все-таки он приказал стрелять. Кавалеристы, как и следовало ожидать, под огонь лезть не пожелали. Едва раздалась первая залпа, они развернули лошадей и отошли красивой строевой рысью. Теперь самое время перетащить пушки на другое место, врать так врать!

– Ты слишком рано взмахнул шпагой, – посетовал Альдо, – надо было подпустить их поближе. А так только порох потратили.

– Альдо, – как там в «Эсператии» говорится? «И это твоя ноша и нести тебе ее вечно»? – Пусть убираются, только б наши «пушки» не разглядели.

– Робер, мы тут, чтобы сражаться. Сидеть в лесу можно было и в Сакаци.

Ох, как было бы хорошо, если б кое-кто там остался!

– Альдо, ополченцы не выдержат настоящей атаки, это же не солдаты!

Надо полагать, завтра «маркиз Эр-При» подтащит артиллерию поближе, но завтра здесь останутся только несчастные муравейники и пустые птичьи гнезда.

Если бы не появление сюзерена, Иноходец был бы почти спокоен, но управляться с Альдо, Карвалем и Гаржиаком одновременно может разве что Леворукий, поднаторевший в повелевании кошками. Теперь Эпинэ жалел, что оставил капитана при себе: с сюзереном следовало переговорить без свидетелей, и чем скорее, тем лучше. Конечно, можно оттащить Альдо в сторону, но южане насторожатся. Не потому, что заподозрят Робера Эпинэ в измене, а потому, что им не нравится Альдо Ракан.

Соратники смотрят на принца, как бакраны на бириссцев, хорошо, сюзерен слишком добродушен и возбужден, чтобы это замечать. И все равно Робер почти обрадовался, когда Манрик в строгом соответствии с военной теорией начал вторую атаку. На сей раз пришел черед пехоты.

Шли подлецы красиво, даже шикарно. Еще бы, ведь братом маршала Леонарда был главный церемониймейстер Талига. Манрик отлично вышколил своих красавцев для парадов, но каковы они в деле? Иноходец подозревал, что марширующие по полю солдаты и в подметки не годятся ветеранам торских и каданских кампаний. Фок Варзов не терпел бессмысленной муштры, и тем же отличались его выученики.

– Ну, – будущий король нетерпеливо дернул своего маршала за рукав, – что скажешь? Станут они воевать в конце концов?!

– Очень надеюсь, что нет, – честно признался Робер.

Под Дарамой все было иначе. Там были ярость и отчаянье, а здесь бой выглядел глупой игрой. Колонна приблизилась на расстояние мушкетного выстрела и остановилась. Королевские мушкетеры заряжали и стреляли так же четко и красиво, как шли.

В несчастную рощу полетели пули, но с деревьев не вспорхнула ни одна ворона – все

разлетелись еще утром. В ответ твякнуло несколько снятых со стен Агиррэ и Гаржиака пушек и огрызнулись все имеющиеся в наличии мушкеты. Расстояние между противниками для прицельной стрельбы было слишком велико, и хотя королевские стрелки поначалу пороха и пуль не жалели, перестрелка вскоре затихла.

«Черно-белые» аккуратно развернулись и отошли на прежние позиции, не потеряв ни единого человека. Повстанцы тоже остались невредимы. Очень скучная война. Для жаждущих подвигов дурней, но для Робера Эпинэ в самый раз.

– Жалкие трусы, – процедил Никола.

– Каков король, такова и армия, – припечатал Альдо, не видевший ни Ворона, ни фок Варзова, ни Савиньяков.

– Это только разведка, – вздохнул Робер. – Они пытаются понять, какими мы располагаем силами.

– Больше всего их волнует артиллерия, – в голосе Гаржиака чувствовалось раздражение. – Они будут приходить и уходить, пока не заговорят «большие пушки».

– Им придется долго ждать, – заверил Робер, глядя на засуетившихся артиллеристов, – а вот нам – нет. Бедные муравьи!

Королевская батарея проснулась и взялась за дело. Пушки грозно бухали, ядра, призванные крушить каменные стены, исчезали среди черных стволов. В лесу во все стороны летели щепки и сучья. Шальное ядро пробило трухлявый ствол, прикончив на месте обитавшего в дупле филина. Толстенная ветка свалилась на разинувших рот крестьян, одному разбило в кровь голову.

Артиллерии повстанцев, буде таковая имелась, был бы нанесен немалый урон, но нигде не сказано, что можно сломать то, чего никогда не было.

Отстрелявшись, «маркиз Эр-При» перешел в наступление на правом фланге. Колонна мушкетеров направилась к оврагу, перестроилась, подняла стволы для очередного залпа по пням и муравейникам. Повстанцы ответили пулями и ядрами, шлепнувшись в десятке шагов от аккуратной шеренги. Тот, кто ею командовал, не собирался делать больше, чем приказано, и не сомневался, что осажденные пристреливаются и вот-вот саданут крупным калибром. Солдаты подхватили свои мушкеты и удалились, частично растеряв чувство собственного достоинства.

Робер повернулся к своим офицерам и своему сюзерену.

– Господа, полагаю, самое время отобедать, так как ужинать нам вряд ли придется.

5

Теперь они спешили. Начавшийся дождь грозил превратить дорогу в грязное месиво, а до леса Святой Мартины было далеко, дальше, чем хотелось бы.

– Если так пойдет и дальше, будет не до войны, – хмуро бросил Дуглас.

– Будем надеяться на лучшее. – Удо смахнул со щеки нахальную каплю. – Здесь все-таки не Урготелла.

– Осень в Старой Эпинэ всегда была дождливой, – вспомнил Темплтон, – это еще Мишель говорил.

– А в Ренквах дождливое все, – зло бросил Рихард. – О чем жалею, так это о том, что не убил на дорожку Кавендиша. Будет несправедливо, если мы издохнем, а эта мразь уцелеет.

– Справедливости он захотел, – хмыкнул Дуглас. – А я хочу, во-первых, высохнуть, а во-вторых, выспаться. Остальное приложится.

Разговор угас. Кони чавкали по грязи, сверху лило, горизонт и тот съежился: не поймешь, то ли уже вечер, то ли еще нет. Сона угодила правой ногой в лужу, окатив себя и всадника грязной холодной водой. Все было серым, унылым и мерзким. Насколько лучше в горах: камни хотя бы не раскисают!

Ричард попытался думать о чем-то приятном, но утренняя радость вымокла и опустила крылья. В Эпинэ их не ждали, да и что они могут сделать ввосьмером? Надо было, никуда не сворачивая, ехать в Мон-Нуар. Главное – вернуть древнюю силу и древнее знание. Тогда они не будут зависеть от возомнившего о себе невесте что сброд.

Веннен прав, люди слабы, глупы и неблагодарны, по крайней мере большинство из них. Конечно, есть Альдо, Робер, Матильда, есть Катари, но как же мало жемчуга и как много грязи! Местные бароны просто глупы, но Колиньяры, Манрики, Рафиано, Валмоны, Креденьи не имеют даже такого оправдания.

Теньент из Эпинэ рассказал, как Колиньяры подстроили убийство Робера. Мерзавцы! Эта семья всегда была подлой, один Эстебан чего стоил! С предателями и мерзавцами церемониться нельзя! Их надо уничтожать... Жаль, Дорак ускользнул от возмездия, но Колиньяры и Манрики ответят за все.

– Ричард!

Дик вздрогнул и вернулся в дождливую Эпинэ.

– Да, Удо?

– Мы на месте. Проверь, не отсырел ли у тебя порох. Если отсырел, возьми у меня и перезарядишь пистолеты. Во время драки вцепись мне в хвост и не вздумай геройствовать. Наше дело – вызвать переполох и убратся. Твое – не отстать от меня. Ты понял?

– Я прошел Дараму! – обиделся Ричард.

– Не сомневаюсь, но это не повод протянуть ноги в этом болоте. Я обещал Роберу доставить тебя к нему в целости и сохранности, и я доставлю.

Святой Алан, сколько можно говорить с ним, как с мальчишкой? Он видел такое, что Борнам и не снилось. Удо скоро это поймет. И не только Удо.

6

Манрик честно следовал рекомендациям Пфейхтайера, используя то кавалерию, то пехотинцев. Королевская армия пыталась выманить противников в поле, те не поддавались, предпочитая нудно отстреливаться. Никола и Альдо, заключив временный союз, издевались над маршальской трусостью и изнывали от нетерпения. Гаржиак мотался между своим полком и командным холмиком, не забывая напоминать о Мон-Нуар и отступлении. В конце концов пошел дождь, да не какой-нибудь мелкий, моросающий, а настоящий ливень, холодный и по-осеннему злой.

Хлещущая с неба вода немного сблизила Ракана и Карваля, дружно вознегодовавших на погоду, зато Робер возрадовался несказанно. Во-первых, королевским солдатам в поле было хуже, чем повстанцам в лесу, а во-вторых, мерзкая погода не способствовала воинственному настроению и вызывала единственное желание: забиться в какую-нибудь щель.

Никола приволок Роберу кожаный плащ, Иноходец пожертвовал его сюзерену, и лицо Карваля вновь закаменело. То, что капитан Эпинэ невзлюбил Альдо Ракана, не заметил бы только слепой и Альдо Ракан. Сюзерен и не замечал, обращаясь ко всем людям Робера с присущим ему дружелюбием.

Карваль терпел, односложно отвечая на шутки принца. Пуэн и Сэц-Ариж помалкивали, а с неба хлестала вода, не делая различия между сторонниками Олларов и повстанцами.

– Похоже, у них подмок порох и погасли фитили, – заметил Гаржиак. – Не стреляют и уже давно.

– Пойду посмотрю, – Робер выбрался из кое-как сооруженного шалаша и отвязал Дракко.

– Я с тобой, – тряхнул влажными кудрями Альдо. – И где только эти бездельники? Уже темнеет...

– Появятся, – утешил сюзерена Робер, – через час или около того. Мы подгадали под

вечер, чтоб Манрик выдохся.

– Он уже выдохся, – засмеялся сюзерен, – и вымок в придачу. Эх, ударить бы теперь, а то как бы кони вязнуть не начали.

– Здесь холмы, – напомнил Робер, искренне радуясь, что за ними не увязался Карваль. Вправлять Альдо мозги при свидетелях – дело безнадежное.

– Слушай, – сюзерен тоже был настроен поговорить, – как вышло, что ты так быстро добрался?

Врать смысла не было. То, что он уехал из Сакаци в канун Золотой Ночи, а объявился следующим утром, не спрячешь.

– Можешь смеяться, но меня проводили Осенние Всадники.

– Я не смеюсь. – Альдо и впрямь был невероятно серьезен. – Ты был нужен здесь, и ты здесь оказался. По воле Кэртианы. Мы избраны и призваны, и вот тебе очередное доказательство!

– В таком случае Кэртиана не хочет, чтобы мы лезли в Гальтару.

– Возможно, ты прав, – медленно проговорил сюзерен, – иначе тебя бы провели в Мон-Нуар. Значит, к перелому эпох мы должны выиграть войну и занять Кабитэлу. Корона Раканов там!

– Но жезл в Агарисе, а меч у Ворона. Не знаю, чего хочет Кэртиана, но восстание готовила не она, а Штанцлер, а я попал, как кур в ощи́п.

– Штанцлер? Где он?!

– Под охраной. Я пригрозил его убить, если нас разобьют.

– И правильно, – согласился последний из Раканов. – Столько раз выходить сухим из воды может только предатель. Никогда не верил Алисиным прихвостням, да и что можно ждать от людей, ворующих чужие имена?! Дриксенская ящерица даже не удосужилась нам написать! Раканы ей были не нужны, она просто хотела править. Признаться, Робер, не понимаю я твоего деда. Чего он в ней нашел?

– Я его еще больше не понимаю, но Штанцлер говорит, дед был влюблен в Алису. Альдо, ты случайно не знаешь, что с Клементом? Мне пришлось его бросить.

– Его Матильда нашла. Я бы взял его с собой, но он теперь сумок боится и на своих бросается. Мы твоего зверя оставили в Сакаци. Ничего, Матильда привезет.

Клемент жив и у Матильды, хоть какая-то радость.

– Как она тебя отпустила?

– А я не спрашивал. Мы вроде как на охоту уехали. Конечно, я оставил ей письмо. У Мэллит. Она отдаст через неделю, то есть уже отдала.

– А что с Мэллит?

Голос Робера невольно дрогнул, но сюзерен не заметил.

– Приболела немного, но ничего страшного. Хорошо, что я с ней наконец развязался. Матильда ее не бросит. Только б она ее замуж выдала до того, как к нам приедет, а то я повешусь...

– Замуж?!

– А куда ее? Ара сдохла, Мэллит больше не Залог или как там его. Матильда найдет ей какого-нибудь барона и приданое справит. Слушай, где Леворукий носит этих бездельников?

– Где надо, там и носит. Рано еще.

«...какого-нибудь барона!» Лэйе Астрапэ, на свете нет ничего более жестокого, чем нелюбовь. Она была больна... Чем? Альдо, говорит, все в порядке, но он не врач.

– А что с ней было?

– Простыла. Разрубленный Змей, знал бы ты, как я от нее устал!

Матильда ищет Мэллит жениха... А что сама гоганни? Закатные твари, он не должен думать о том, о чем думать не должен. Это рыцари из песен гонят коней к рыдающим девам, а он – предводитель дурацкого мятежа и маршал лезущего на рожон принца. Скоро подойдет Агиррэ и начнется потеха. До Ургота для Робера Эпинэ нет и не должно быть ничего, кроме войны.

– Слушай, я вот что придумал. Нужно захватить их пушки, они нам нужны.

Робер сжал зубы и, чтоб сразу не отвечать, поднял зрительную трубу, вглядываясь в едва различимую за серыми струями армией. Пушки молчали уже с полчаса, но воинство Манрика продолжало топтаться в поле. Надо полагать, солдаты думают только о том, чтобы вернуться в лагерь, переодеться в сухое и хватить касеры. Об атаках на сегодня можно забыть и, судя по тому, на что похоже небо, на завтра тоже, но уходить нужно немедленно, пока дороги окончательно не развезло.

Глава 9 Эпинэ

«Le Six des Êpêes & Le Trois des Êpêes & Le Un des Deniers» 100

1

«Дражайший отец!

Сомнений больше не осталось – Робер Эпинэ намерен дать генеральное сражение на рубежах мятежных графств. В противном случае он не подтянул бы в Агиррэ тяжелую артиллерию. Я принял решение закончить кампанию здесь и сейчас, что является предпочтительнее погони за мятежниками по всей Эпинэ...»

– Господин маршал, граф Маран.

– Пусть войдет.

Командующий левым флангом генерал Симон Люра, он же граф Маран, был решительным и мокрым. Школа старика фок Варзова давала себя знать – Люра упорно торчал в поле, отлучаясь только для того, чтобы в очередной раз потребовать решительных действий. Чего ему понадобилось на этот раз?

– Господин маршал, прошу разрешения атаковать холмы у леса.

Закатные твари, опять?! На ночь глядя и по такой погоде... Впору поверить, что генерал влюблен и жаждет мести, а не титула и поместий. Надо же, стихи получились, впрочем, мерзкие, как и все вокруг.

– Ваше предложение неразумно, – отрезал Манрик, с трудом сдерживая привычное раздражение. – Дождь, люди устали, к тому же у нас нет точных сведений об артиллерии противника.

– Я покончу с Эпинэ одним ударом! – заверил Люра.

– Именно этого они и ждут. Подождите, скоро у них кончатся боеприпасы.

– Мы должны смыть позор с нашего знамени, – не унимался генерал, – варварская ночная выходка не должна остаться безнаказанной.

– Неужели вы не поняли, что на лагерь напали для того, чтоб спровоцировать нас на поспешную атаку?

– И все же, господин маршал, я...

– Вы будете делать, что вам приказано, – рявкнул Леонард, – по крайней мере, пока армией командую я. Вы меня поняли?

Свежеиспеченный граф понял, причем правильно. Он не забыл ни о том, кто вытащил его из Торки, ни о том, в чьей власти вернуть его в исходное состояние. Отец полагал генерала своей удачей и, видимо, был по своему обыкновению прав. Возможно, был прав и Люра, но Манрик не хотел рисковать, по крайней мере, без крайней на то необходимости.

Сколько у Эпинэ народу и какого, маршал более или менее представлял, а вот

артиллерия его беспокоила. Мятеж готовился не год и не два. Мало ли где и каких орудий припрятали герцог Гийом и его сторонники. Осторожность не помешает, тем паче один неприятный сюрприз Робер уже преподнес.

Леонард Манрик присел к походному столу и взялся за перо. В такую погоду только и остается, что писать письма. Командующий армией перечитал почти готовое донесение. Отец будет доволен, а вот ему удовольствие доставило бы одно – подписанное королем прошение об отставке.

Отец не служил в армии, он не знает, что нет ничего хуже, чем перепрыгнуть собственные возможности. Свой предел Леонард понял еще в Торке. Он был сносным начальником штаба при хорошем командующем, но никоим образом не полководцем.

Можно зазубрить все правила стратегии и тактики и оставаться полной бездарью, к каковым Леонард относил и себя. Он очень долго считал самым мерзким в своей жизни день, в который на него нацепили генеральскую перевязь. Оказалось, бывает и хуже. Бездарных генералов хватает, но бездарные маршалы в Талиге – редкость. Леворукий бы побрал отцовское тщеславие и его собственную трусость... Он ни разу не сказал «нет», ни разу! Единственное, на что его хватает, это изображать заносчивую, уверенную в себе скотину. В этом он преуспел, слов нет!

– Маркиз, вы не представляете, что творится снаружи. Потоп, форменный потоп! – Фернан Сабве-Колиньяр позволил порученцу снять с себя мокрый плащ с капюшоном и принялся поправлять воротник.

– Дождь осенью – дело обычное, – поддержал разговор Леонард. Маршалу страстно хотелось взять господина губернатора за шиворот и вытолкать в шею, но он этого не делал, как никогда не делал того, чего хотел. Закатные твари, ну почему отец навязал ему на шею эту парочку? Неужели нельзя было отправить в Эпине счастливого жениха с безутешным родственником, а его оставить в покое?!

Сабве весело потребовал у порученца вина и уселся на табурет, заложив ногу за ногу. Уходить он не собирался. Леонард схватил первую попавшуюся бумагу и сделал вид, что просматривает. Не помогло, над ухом раздалось:

– А вы, маркиз? В такую погоду не выпить – грех.

– Простите, Фернан, во время военных действий я предпочитаю не пить.

– Вы слишком к себе суровы.

– Мне так удобнее, не обращайтесь внимания.

Что может быть гаже, чем отвечать на лживую любезность еще более лживой?! Леонард утешался, не называя Фернана столь милым его сердцу титулом.

– Дорогой маршал, – проклятье, теперь Сабве в надежде получить в ответ «маркиза» будет бить на звание, – я просто обязан вам сказать...

– Так говорите...

– Но вы же не слушаете! Я считаю, нам следует уничтожить мятежников немедленно. Иначе мы или утонем, или схватим простуду.

– Вы можете избежать этой участи. – Закатные твари, он сейчас не выдержит.

– Что вы имеете в виду? – подозрительно переспросил Сабве.

– То, что вы можете вернуться в Олларию, – огрызнулся Леонард, теряя остатки терпения. Сколько раз клялся держать себя в руках и все равно срывался. Как тогда, с королевой. Маленькая дрянь, вечно из-за нее неприятности...

– Нет-нет, – замахал руками Фернан, – я не могу уехать. Кровь Маранов вопиет...

Вопиет. О потрясающей подлости и глупости покойников. Леонард был полностью согласен с бароном Райнштайнером, хоть в угоду отцу и устроил бергеру выволочку. Восстание в Эпинэ на руку кансильеру. Прекрасный повод не отдать Колиньярм вожделенную провинцию, а заодно вцепиться в горло остаткам старой знати. Сабве спит и видит вырвать Эпинэ из лап Люра, то есть из лап кансильера, но отец никогда ничего не отдает, даже такую мелочь, как командование армией.

Впрочем, тут никуда не денешься. Фердинанд сделал жениху Ивонн подарок,

Колиньяры обиделись, а отдувается он. Сидеть в этом болоте и любоваться на Сабве, да лучше застрелиться!

– Вам не понять, что значит терять близких не на войне, – разорвался губернатор, при известии о смерти племянника едва не путившийся в пляс.

– Сударь, я оплакиваю ваши утраты вместе с вами, но несчастный Эстебан, вызывая юного Окделла на дуэль, немного погорячился. Какое несчастье, что у вашего брата был только один сын, а ваша невестка уже немолода и нездорова.

Сабве заткнулся. Слегка приободрившийся Леонард крикнул порученца и вышел что-нибудь проверить. Небесные хляби воистину разверзлись, но лучше хляби, чем Колиньяры и собственная трусость. Нет, пуль и шпаг Леонард Манрик не боялся, а вот отца и собственных ошибок... Говорят, плох тот унар, который не мечтает стать Первым маршалом, а что сказать о маршале, который хочет стать полковником и в придачу убраться подальше от двора?!

2

Плащ, шляпа, камзол, сапоги – все промокло насквозь. Дик и сам был мокрым и замерзшим, словно в его жилах текла не кровь, а дождевая вода. Сона хлюпала по грязи рядом с конем Удо Борна, впереди маячили спины проводника, Агиррэ и Рихарда. Все молчали, говорить было невозможно, разве что ругаться последними словами. Ливень угрюмо сшивал низкое небо с пустыми полями. Неужели где-то светит солнце?

– Приехали! – Ричард вздрогнул и обернулся к Удо. Тот тоже вымок до нитки: каштановые волосы висели сосульками, перо на шляпе превратилось в какие-то водоросли.

– Что? – переспросил Дикон, изо всех сил стараясь не дрожать.

– Приехали, – повторил Удо, – за этим холмиком лагерь. Агиррэ послал разведчиков, нужно ждать.

Дик уныло кивнул, но этого оказалось достаточно. Стекавшая со шляпы вода обнаружила новую лазейку и ринулась за воротник. Юноша вполголоса помянул закатных тварей. Причем с нежностью – в Закате было тепло и сухо.

Рихард закончил беседу с Агиррэ и окликнул брата. Удо покосился на Дика, ничего не сказал, отъехал в сторону. К Борнам присоединились Саво и Темплтон. Окделла, разумеется, не позвали, ну и пусть себе шепчутся. Ричард отвернулся от людей, которых еще утром считал друзьями. Ворон правильно говорил, что дружбы не существует, но любовь есть, и ради нее можно вытерпеть все: дождь, войну, несправедливость. Только б эти мерзавцы не причинили зла Катари! Королева сейчас совсем одна, и она из восставшей провинции.

Нужно было не пытаться отравить Алву, а вывести королеву в безопасное место и только после этого бунтовать. Эр Август зря думал, что такое невозможно. Восемь человек спокойно перешли границу, добрались из Алата в Эпинэ, и никто их не остановил, а если можно войти, можно и выйти.

Братья-контрабандисты много раз бывали в Олларии и всякий раз благополучно возвращались. И, в конце концов, можно было попросить о помощи Короля Висельников. Разумеется, никто бы не знал, что дама в маске, которую они сопровождают, – королева... Катари могла отправиться на несколько дней в аббатство, а ночью бы они исчезли. Деньги он бы взял у Ворона, тот сам говорил, что оруженосец может брать столько, сколько нужно. Ну почему он только сейчас понял, что должен был сделать?! И, Леворукий его побери, сделает!

Катарину нужно вывезти из столицы до того, как олларовская свора поймет, что ей конец. Решено, он сегодня же переговорит с Альдо. Робер, конечно, замечательный человек, но он не знает, что такое настоящая любовь, и он вбил себе в голову, что о Ричарде Окделле нужно заботиться. Ну зачем было приставлять к нему Удо? Теперь Борны его считают ни на что не годным мальчишкой, которого надо водить за ручку и при котором нельзя обсуждать серьезные вещи, а южане это видят. Из-за глупой заботы Робера он оказался не у дел, хотя военного опыта у него побольше, чем у Темплтона и Саво, уж не говоря об этих южанах, не

видевших дальше своего носа и своих овец.

Еще посмотрим, чего они стоят в бою, наверняка половина разбежится, а все эти Агиррэ и Пуэны горазды только кричать. Нет, Повелителю Скал с южанами делить нечего, завтра их пути разойдутся.

Пусть Робер Эпинэ воюет с Манриком, Ричард Окделл поскачет в Олларию и спасет королеву. Когда Катарина будет в безопасности, он скажет ей о своей любви и о том, что оллариянский брак недействителен. Святой Алан, да это подтвердит любой настоящий священник! Конечно, они не смогут пожениться сразу же, но он готов ждать столько, сколько она скажет...

3

У коновязи понуро мокли лошади. Охрана и дневальные забились под телеги, но при виде командующего торопливо полезли наружу. Еще бы, ведь он утром расстрелял тех часовых, которых не прикончили повстанцы.

Леонард Манрик отвернулся и пошел дальше. Кавалеристы его ненавидели. Точно так же, как мушкетеры, пикинеры, артиллеристы, фуражиры... Он пытался быть с ними справедливым, следил, чтобы все были сыты, одеты и обуты, не бросал в бессмысленную мясорубку, но «спасибо» не дождался ни разу. Ни от солдат, ни от офицеров.

Это Ворон может одеваться как разбойник, напиваться, грубить, расстреливать – за ним все равно пойдут хоть в Закат... Алве позволено все, Манрику – ничего, и эту дыру не залатать ни королевскими указами, ни краденными титулами.

Глупо, но Леонарду еще с Лаик хотелось, чтобы его любили. Так, как любили Савиньяков, Эпинэ, Борнов, Салину, Валмонов, фок Варзовов, но его лишь терпели. И отнюдь не из зависти, как убеждал отец. Тех, кто ему завидовал, сын тессория презирал, тех, кто его презирал, хотел бы видеть друзьями. Не вышло.

После дуэли в Нохе Леонард надеялся сблизиться с Рокэ, но кэналлиец умчался на войну, прихватив с собой виконта Валме и братца Селины. Селина... Именно такая жена ему нужна, но дети тессория принадлежали не себе, а Леопольду Манрику. Отец положил глаз на Надор, а сыну предстояло связать себя с Айрис Окделл. Вздорная, угловатая девица с мерзким характером и еще более мерзкими родственниками! Потому-то он и сорвался. Злился на себя и, как обычно, все вывернул наизнанку, оскорбив Селину.

Лионель был прав... То есть был бы прав, если бы вступился за девушку, но он просто хотел его прикончить. Потому что не доверял, потому что в отличие от своего взбалмошного братца граф Савиньяк такой же паук, как покойный кардинал, удравший Штанцлер и обожаемый папенька. Лионель спрячется за фамильную улыбку и предаст кого угодно.

Скромная на вид лужа оказалась безобразно глубокой, хлынувшая за отворот ботфорта вода вырвала маркиза Эр– При из мерзких воспоминаний и вернула в нынешнюю войну. Леонард резко развернулся и пошел вдоль унылых палаток, в которые забились те, кто не мок в поле. Королевская армия! Проспали все на свете, а если б против них были не ополоумевшие мятежники, а гайифские или дриксенские солдаты?! Отец думает, за полгода из бездельников можно сделать воинов, были бы деньги... Как бы не так, хотя мысль натаскать новую армию в Эпинэ и впрямь удачна. Вести этих красавцев в Кадану или Придду рановато.

Дождь припустил еще сильнее, а вот пушечная пальба смолкла. Надо полагать, артиллеристы не озаботились как следует прикрыть порох и фитили. С мушкетами, без сомнения, то же самое. Конечно, в такую погоду не до боя, но наказать виновных придется. На будущее, иначе набранные вербовщиками бараны так и не станут солдатами.

Впереди показалась еще одна лужа, явно намеревавшаяся стать озером, а то и морем, только герба не хватало. Любопытно, что помещают себе на щит лужи? Три танцующих пузыря? Маршал вполголоса выругался и повернулся спиной к самозваному океану,

посредине которого валялось сломанное колесо.

Закатные твари, неужели отец никогда не уймется? Однажды Леонард попробовал поговорить с родителем. После дуэли с Савиньяком. Тессорий пришел узнать, как себя чувствует сын. Сына лихорадило, к тому же лекарь напоил его горячим вином, и плотину прорвало.

Он сказал, что хочет в отставку, а в ответ услышал, что в нем говорит жар, но когда он придет в себя, ему будет стыдно за свою трусость. Трусость... Это был чуть ли не единственный случай, когда он ее преодолел.

– Господин маршал! – мокрый с головы до ног тенъент старательно отдал честь. Господин маршал приучил армию щелкать каблуками, вот и все, на что он оказался способен. Это видят и офицеры, и солдаты, и даже лошади. Человека не на своем месте всегда видно. Как собаку на заборе.

– Докладывайте.

– В четверти хорны от лагеря замечен крупный кавалерийский отряд без знамен. Около полутысячи всадников.

– Кто они? Откуда и куда движутся?

– Они не движутся, а стоят. За холмом, на нем еще разрушенная часовня...

– Молодой человек, – холодно произнес Манрик, – вы тенъент королевской армии Талига, а не контрабандист. Извольте доложить так, как должно.

Мальчишка изменился в лице. Вот так на ровном месте и заводишь врагов. Зачем? Как все глупо...

– Господин маршал, к северо-западу от лагеря дозорными были замечены четверо всадников, по виду военных. Полковник Пикмаль счел их вражескими разведчиками и отправил в холмы три разъезда. Один из них и обнаружил упомянутый отряд.

– Кто именно обнаружил?

– Я, – в глазах парня мелькнул вызов, – тенъент королевской армии Джаспер Куртис.

– Вы будете награждены. Продолжайте.

– Осмелюсь предположить, – глаза парня оставались холодными и злыми, – что отряд направляется на соединение с мятежниками. Я видел группу офицеров, они расспрашивали вернувшихся разведчиков.

– Вы оставили наблюдателей?

– Так точно.

– Хорошо, ступайте. О новостях докладывайте незамедлительно.

Джаспер Куртис действовал верно, но в выводах он ошибся. На пополнение этот отряд не похож. Скорее Эпинэ задумал еще один удар. Из Повелителя Молний такой же стратег, как из коня собака. Удался ночной налет, вот и вообразил, что будет везти до бесконечности. То, что в лагере оставлены значительные силы, простофили и в голову не пришло...

Если, конечно, цель Эпинэ – лагерь. А если он задумал ударить в тыл правому флангу и сбросить крайние колонны в овраг? Это было бы весьма неприятно. Справа стоят новобранцы, они могут поддаться панике...

– Полковника Пикмалю, полковника Редера, полковника Гьоманьоли ко мне!

Он был прав, когда, несмотря на все вопли Сабве, оставил в лагере половину кавалерии и два пехотных полка. Пригодилось...

4

Сколько они стояли у грязно-бурой горки, на вершине которой торчала какая-то развалюха, Ричард не понял. Братья Борны кончили шептаться и вернулись. Удо заставил Ричарда сжевать несколько превратившихся в кашу сухарей. Юноша послушно проглотил холодную, расползающуюся пакость. Он уже ничего не хотел и ни о чем не думал.

– Господа, – сообщил всадник с красным носом, – вас просит граф Агиррэ.

Сона двинулась за знакомыми лошадьми, Дик не успел ее сразу остановить, а потом это стало глупо.

Граф Агиррэ, такой же вымокший, как и все его люди, казался озадаченным. Рядом крутились несколько офицеров с красными перевязями.

– Господа, – просипел Агиррэ, – я хочу посоветоваться. Мы вышли на исходные позиции. Разведчики подобрались вплотную к лагерю.

– Их не заметили? – быстро спросил Рихард.

– Разумеется, нет, – фыркнул Агиррэ. – Эти северные свиньи не видят дальше своих копыт. Лагерь почти пуст, все войска выведены в поле. Дело в другом. Здесь дорогу еще не развезло, но на подступах к оврагу глина. Если мы, как и задумывалось, ударим по правому флангу, сможет ли монсеньор нас поддержать?

– Вы предлагаете вернуться назад, не принимая боя?

– Никоим образом. Мы ударим, но не на правом фланге, а на левом.

– Простите, – медленно проговорил Рихард, – но в таком случае меняется весь замысел. Смысл атаки на правом фланге был именно в том, чтобы отвлечь противника от левого.

– Мы атакуем с тыла вражескую линию, сомнем ее и поскачем к лесу. Если Эпинэ захочет нас поддержать, прекрасно. Нет, нас примут за отставший отряд, прорывающийся к своим. Ублюдки никогда не догадаются, кто мы и откуда, а когда поле у оврага подсохнет, мы повторим свой маневр.

– Прошу меня простить, – Рихард говорил вежливо, но твердо, – вы меня не убедили. У нас идеальная позиция для того, чтобы неожиданно атаковать правый фланг, но до левого нужно добраться. Холмы кончаются, и нас, безусловно, заметят из лагеря.

– Именно, – в простуженном голосе зазвучало торжество, – но мы не станем обходить лагерь с тыла, а проскочим коридором между ним и линией войск.

– Сударь, это безумие.

– Вы осторожны, как и все уроженцы Придды. Север думает, юг рискует и выигрывает. Мы не будем нестись галопом и палить из пистолетов, а пойдем походным строем на рысях. В сумерках да еще во время дождя нас примут за своих!

– Браво, сударь, – выкрикнул высокий капитан, – в вас умер великий полководец!

– Почему умер? – засмеялся Агиррэ. – Родился.

– Замечательное решение, – поддержал графа южанин постарше, – но я бы предупредил монсеньора.

– И проторчал бы здесь еще два часа? Легче сразу утопиться.

– Граф Борн, вы согласны?

– Нет, – отрезал Рихард. – Нужно или придерживаться первоначального плана, или, если это невозможно, отступить тем путем, которым мы пришли. Да, мы потеряем ночь, но сохраним отряд. Не стоит недооценивать Леонарда Манрика только потому, что он вам неприятен.

– Вот слова истинного северянина, – холодно произнес капитан.

– Это слова человека, который воевал, – Рихард говорил совершенно спокойно. – Я помню, что отряд ведет граф Агиррэ, и я подчинюсь его решению.

– Мы пойдем «коридором».

Рихард наклонил голову и отъехал.

– Тебе это не нравится? – Удо снял шейный платок и принялся выжимать. – Мне тоже.

– А мне кажется, Агиррэ прав, – заметил Саво, – риск может себя оправдать.

– Может – не значит оправдает, – Удо Борн обмотал мокрую тряпку вокруг шеи и скривился. – Но выбора у нас нет. Разве что послать их к Леворукому...

– И окончательно убедить, что северяне ни на что не годятся. Закатные твари, если Агиррэ прав, наши южные друзья окончательно сорвутся с цепи, а если нет?

– А если нет, – Темплтон сдвинул то, что утром было шляпой, на левое ухо, – постараемся отложить встречу с усопшими на потом.

– Итак, мы остаемся?

– Увы, – развел руками Удо.
– Дуглас? Анатоль? Ричард?...
– Вы меня спрашиваете?
– Нет, Сону.
– Сона хочет в конюшню, – хмыкнул Анатоль.
– Все хотят, – передернул плечами Дуглас, – и вообще, не пора ли нам занять место в строю?

Отряд успел кое-как перестроиться для рывка между лагерем и мокнущими войсками. Южане хмуро глянули на припоздавших, и Рихард благоразумно занял место в хвосте колонны.

– Не отставай от меня, – завел свою песню Удо, – слышишь?!
– Слышу. – Сил злиться у Дика не осталось. Есть ли у Робера хоть какое-то укрытие и что-то сухое? Сухое и теплое...

Агиррэ поднял и резко опустил руку, пятьсот всадников взяли с места бодрой рысцой, забирая в сторону от оврага, превратившегося по случаю ливня в злобный, грязный поток.

Глава 10 Эпинэ

«Le Dix des Bâtons & Le Deux des Épées & Le Valet des Deniers» 101

1

Леонард Манрик выпрямился в седле, глядя прямо перед собой. Как всегда, в голову лезли чужие ошибки, и одна из них – погнаться за зайцем и упустить оленя или угодить в капкан. Неизвестный отряд мог оказаться приманкой и помчаться назад, в холмы, привлекая королевскую кавалерию в ловушку. Что ж, Робер Эпинэ может изображать бириссца, сколько его душе угодно, Леонард Манрик при всех своих недостатках не покойный Феншо...

Сбоку послышалось хлюпанье, но маршал не счел нужным замечать порученца, пока тот не отдал честь. Только после этого Леонард поднял бровь.

– Итак?
– Господин маршал, они разворачиваются.
– Хорошо. Прикажете убрать рогатки. Быстрее!

Порученца как ветром сдуло, хоть этого он добился. Леонард тронул пистолет, но вытаскивать не стал, чтоб не подмочить порох. Дернул же его Леворукий стрелять на спор, да еще валить неудачу на оружие! Решено, после этого похода он станет самим собой, а не тем, кем хочет видеть его отец. Его сделали маршалом? Отлично! Маршал Талига подчиняется не кансильеру, а Первому маршалу.

– Господин маршал, рогатки убраны.
– Полковник Редер.
– Господин маршал?
– Ваше дело – перехватить повстанцев, если они зайдут в тыл пехоте. Исполняйте.
– Слушаюсь.

Полковник отдал честь и завернул коня. Старый друг, честный служака... Закатные твари, да Редер терпеть его не может. Еще бы, он ведь до сих пор не генерал.

Леонард подавил вздох и поднес к глазам зрительную трубу. В ясную погоду отряд

101 Десятка Посохов, Двойка Мечей и Паж Динариев.

повстанцев был бы замечен издали, а так покрытые грязью всадники возникли из хлещущей с неба воды, как балаганные фокусники из сундука.

Отряд шел строевой рысью, стараясь держаться поближе к лагерю и не проявляя никаких поползновений свернуть. По такой погоде стоящие во второй линии пехоты наверняка приняли их за своих. Вражеская колонна не спешила. Первые всадники уже достигли правого фланга, последние только-только миновали овраг. Закатные твари, что они задумали?!

– Господин маршал, – не выдержал полковник Гьованьоли, – как вышло, что они идут сюда?

А вышло, что тенъент Куртис был прав. Это пополнение, причем наглое! Решили проскочить между деревом и топором.

Леонард приподнялся в стременах, чувствуя, как его захватывает охотничий азарт. Охота была единственным удовольствием, которое ему позволялось, и в этом искусстве равных Леонарду Манрику было мало.

– Полковник Пикмаль!

– Господин маршал!

– Они сами лезут в «мешок». Ваше дело – затянуть веревку. Поднимайте ваш полк и перекройте путь к отступлению. Приказ Редеру – задержать наступление, затем действовать совместно с Пикмалем. Приказ Лю... графу Марану – перерезать выход. Гьованьоли, вы вступаете после Пикмалю и Марана.

Жаль, уже не успеть предупредить войска в поле, хотя какая разница! Это будет не бой, а избиение, но без этого не обойтись. В конце концов, эти болваны сами виноваты. Кем надо быть, чтобы решиться на совершенно безнадежный бунт?! Борн и Окделл рассчитывали на вражеские войска, а Эпинэ на кого? На закатных тварей?! А теперь изволь делать грязную работу, утешаясь пошлостями вроде того, что ненависть и страх лучше презрения.

2

– Рядом! – рывкнул Удо, заворачивая коня вслед за братом. Агиррэ куда-то делся, теперь их вел Рихард... Их и скакавших следом южан. Что случилось? Почему они свернули?!

– Держись, Окделл! За мной!

Дикон был слишком ошарашен, но Сона как-то поняла, что от нее требуется. Кобыла, как пришитая, мчалась рядом с жеребцом Борна, а впереди вырастали вражеские шеренги. Что же случилось? Юноша ничего не понимал, просто раздался какой-то шум, Рихард рванул в голову колонны, но сразу же вернулся, и все вдруг свернули вправо. Зачем?! Дик помнил, чем кончилась кавалерийская атака на ошестинившийся пиками и мушкетными дулами строй. Картечью и валом из человеческих и лошадиных тел.

Бросаться в конном строю на пехоту нельзя... Ричард хотел это сказать, но слова застревали в горле, а черно-белые, вернее, черно-грязные ряды приближались. Сейчас выстрелят! Дику очень хотелось зажмуриться, и именно поэтому он не отводил глаз от вырастающих из дождя врагов, ошалело пытающихся переменить фронт. Святой Алан, у них нет пик! Только мушкеты...

– Рихард! – проорал летевший справа Саво. – Ты умница!

Умница?! Сейчас их расстреляют в упор!.. Черные дула дрогнули... Целы!.. И он, и Сона... И Анатолий... Какой жидкий залп!

– Посторонись! – рывкнул Удо. Дик послушно дернул поводья, пропуская Борнов вперед. Рихард с Удо вружились в королевских мушкетеров, первый залп оказался единственным – времени на второй уже не было!.. Святой Алан, дождь! Дождь прикрыл их серой завесой. Дождь подмочил порох – у него тоже осекся пистолет! Дождь, как же это прекрасно...

Братья Борны проломили первые ряды «черно-белых»... Тьфу ты, не первые, а последние, потому-то они без пик... Пики еще будут! И пули тоже... У них один выход – прорваться к лесу, один-единственный! Неужели сейчас все закончится?! Вот под этим ливнем, у незнакомого оврага... Сона по-прежнему рвалась за конем Удо, пробивавшимся сквозь расстроенных пехотинцев, а сзади напирали южане. Все слиплось в какой-то ком, орущий и мокрый.

Дик тыкал шпагой в перекошенные рожи, Сона ржала и лезла вперед, но ее все-таки оттерли от серого жеребца. Краем глаза Дик заметил Дугласа, потом что-то случилось, и он пропал, зато из дождя вынырнул кричащий Рихард. Дик не понял, но повернул лошадь. Только бы вырваться, только бы не оставаться одному...

Кто-то сзади врезался в Сону, кобылица захрапела и прыгнула вправо, перед юношей вырос солдат с гайфской алебардой, Дик махнул бесполезной шпагой, но мориска встала на дыбы, и предназначенный Дику удар пропал зря. Сона взбрыкнула задом, в седле Рихард удержался, но шпага выскользнула из рук и исчезла под копытами. Сам не понимая, что делает, Дикон схватил подмокший пистолет и огрел пехотинца по голове. Рядом возник давешний южанин... Как бишь его... Дюварри! И он сам, и его лошадь были в крови. В чьей?

Где-то грохнула пушка. Закатные твари, неужели порох все-таки сухой?! Мелькнула алебарда, Дюварри осел и откинулся на спину коня – Дик едва успел схватить повод, иначе их бы разнесло в стороны. Теперь одна рука юноши была занята, хорошо, Сона знала, что делать. Знала лучше всадника. Они вертелись в какой-то карусели, голова кружилась, холод сменился жаром, юноша уже ничего не соображал и только боялся выпустить чужой повод. Пушки выстрелили еще раз, сбоку раздался дикий крик, что кричали, было не разобрать.

– За мной, – Удо был жив, и его конь тоже был жив. Дик пришпорил Сону, потянул за собой Дюварри.

– Бросай, – заорал Борн, – он мертв!

Дик понял, но лишь сильнее вцепился в ремень. Борн выругался, сверкнул кинжал, в руке юноши остался разрубленный повод. Вопли становились все громче... Святой Алан, что же там творится?!

3

Разрубленный Змей, сначала Редер поторопился и спугнул добычу раньше времени, а теперь новая накладка... Болваны на левом фланге спутали своих и чужих и принялись палить из пушек по собственной коннице. Граф Маран, чтоб его! На то, чтобы сохранить порох и фитили сухими, его хватило, на то, чтобы отличить кавалерию повстанцев от королевской, – нет. Конечно, в такую погоду Создателя с Леворуким спутаешь, но на войне виноват тот, кто виноват. Основой дисциплины в армии являются неотвратимое наказание и обязательное поощрение.

Пушка грохнула снова; Леонард Манрик дал шпоры коню и поскакал на левый фланг – драть шкуры с ослепших артиллеристов. Нет, все-таки хорошо, что Люра, несмотря на надежность, не досталась Каданская армия. У генерала все всегда было в порядке, он был исполнительней охотничьей собаки, но собака – это только собака. Правду сказать, Леонард чувствовал гаденькую радость при виде того, как милейший Симон изготавился к драке с неприятельской кавалерией. Воистину, не отгонишь глупца от миски – лопнет!

Леонард осадил линарца у красиво выстроенного каре. Фитили у мушкетеров и артиллеристов были в порядке, порох – тоже, но сами вояки, открыв рот, тарасились на смешавшихся конников. Маршала и его порученцев, однако, заметили сразу, первые ряды расступились, пропуская Люра.

– Мой маршал, – красивое лицо генерала было бледным, – произошла какая-то ошибка. Мы готовились отразить атаку вражеской конницы, но она...

– Вы переусердствовали, – холодно отчеканил Манрик, испытывая удовольствие от того, что ошибся не он, – но об этом после сражения. Разворачивайте людей, как положено. С вражеским отрядом управятся без вас.

– Вы уверены? – надеется скрыть свою глупость, не выйдет.

– Уверен. Их не более полутысячи.

Леонард повернулся туда, где в пелене дождя клубилась драка. Что-то рассмотреть было трудно, Манрик видел лишь толпу и выезжающих из лагеря кавалеристов полка Гьованьоли. Маршал усмехнулся и повернулся ко все еще ждавшему Люра. Нет, он положительно болван. Даже странно, что отец с ним связался.

– Граф, – в голосе Леонарда было раздражение, – сколько можно ждать?

– Прошу простить, замешкался, – Симон Люра жестко усмехнулся и разрядил пистолет в грудь маршала.

Леонард ничего не понял, только серый мир внезапно стал багровым, дождь пошел вверх, а звуки исчезли, словно накрытые толстым холтийским войлоком. Еще какое-то время Манрик видел убийцу: генерал смешно размахивал руками и шевелил губами, а вокруг, словно ярмарочные паяцы, кривлялись порученцы. Затем Люра оказался совсем близко. Жесткие усы шевельнулись, блеснули зубы и что-то еще. Манрик не мог отвести взгляда от круглого черного зрачка. Зрачок приблизился, из него вырвался огонь, и все кончилось окончательно и бесповоротно.

4

– Предательство!

– Окружают!

– Леворукий! Леворукий!! Леворууу... – вопль оборвался хриплым кашлем, раздался залп, сзади нарастал какой-то вой, впереди кипела мешанина из людей, лошадей и дождя. Дик уже ничего не соображал, единственным спасением в этом аду был Удо, и юноша думал лишь о том, как не отстать. Пистолет он выронил так же, как и шпагу, оставался отцовский кинжал, от которого в конном бою толку было мало. Удо рванулся в сторону, выбираясь из расстроенного вражеского каре, и они выбрались, но тут же угодили в другую свалку – конную. Чужие всадники, сбившись в кучу, куда-то мчались. На Борна и Окделла внимания они не обратили, их просто подхватило и понесло, как сель несет камни. Горному Зверю все равно, откуда доставшиеся ему камни, Горный Зверь владеет всем по праву Смерти...

Ричард видел мокрые спины и крупы коней, сбоку продолжало греметь, остановиться было невозможно, вырваться – тем более. Королевская конница плотной лавиной катилась вперед, увлекая с собой оказавшихся на пути чужаков. Что случилось с Рихардом, Анатолем, Дугласом, Ричард не знал, он вообще плохо соображал.

Исчезло все, кроме вытянутой шеи Соны, рукояти кинжала и залитого кровью Удо. Самым страшным было отстать, затеряться среди чужих всадников – серых, слепых, одинаковых. Поля шляпы обвисли, закрывая глаза, но поднять руку и сорвать помеху не получалось. Ричарду казалось, он тонет, под ногами Соны не мокрый песок, а бездонная трясина.

– Убили!

– Дорогу!

– Назад! Осади назад...

– Прочь!

– Вперед!

– ...твоих... в...!!!

Живой сель несли туда, где из серой мглы выступали деревья. Лес, проклятый лес из саграннского кошмара, он существовал на самом деле, он хотел остановить их, задержать, уничтожить... Скрюченные, когтистые ветви тянулись к Дику, норовя вырвать из седла,

ослепить, разлучить с Удо. Теперь орали не только сзади и сбоку, но и впереди. Страшно орали – люди так не кричат... Кто сказал, что люди?! Здесь нет людей, только камни и подстерегавшие их деревья, и еще вода, много воды, холодной, безжалостной, равнодушной...

– В сторону! В сторону... Кому говорят!

Кто это? Кому?! О чем он?

– Дикон! Закатные твари, заворачивай!!!

Он не может свернуть... Камни не сворачивают... И Окделлы тоже...

– Ричард!!!

Черный ствол перед самым лицом, два ствола... Удо, где Удо?! Темная щель как пасть! Он не поедет туда, нет, только не туда!! Удо!!!

5

Астрапэ шлемоблещущий, Манрик что, с ума сошел?! Это не атака, это... То, что катилось к лесу, меньше всего походило на армию, даже кагетскую. Пешие и конные, толкаясь и топчась друг друга, перли вперед, как бараны. Будь у Робера пушки и картечь, от толпы осталось бы одно воспоминание, но засевшие в роще стоили атакующих.

Королевские кавалеристы вломились на опушку. Очумевшие всадники исчезали среди деревьев, что творилось в самом лесу, с холма было не разглядеть. Робер ринулся к Дракко, но его схватили.

– Монсеньор, – Гаржиак был силен, как медведь, – там ничем не поможешь...

– Я не могу их бросить!

– Вы не можете бросить нас! – рявкнул Пуэн. – И вы ничего не сделаете...

Ничего?! Что-то всегда можно сделать... Наверное...

– Пустите!

– Нет, – хватка Гаржиака была железной, – нужно ждать, а потом уходить. В Мон-Нуар! Полторы тысячи конных не так уж и плохо, мы прорвемся.

– Замолчите! – заорал Эпинэ, но было уже поздно. Слово прозвучало, и Альдо его услышал – чего доброго, опять воспылает страстью к древней пакости. Иноходец вполголоса выругался, Гаржиак принял на свой счет, но не обиделся.

– Признаться, я озадачен, – ветеран все еще держал Робера, но глаза его были обращены к лесу, – каким бы дурнем ни был Манрик, он не мог погнать на нас сразу и пехоту, и кавалерию.

– Пустите, граф, – спокойно произнес Робер. Он и впрямь был спокоен, ведь худшее уже произошло.

Констанс Гаржиак не возражал. Робер потерял многострадальные запястья и вытащил зрительную трубу. Толпа продолжала валить в лес на левом фланге и в центре, а прямо перед холмами творилось нечто еще более странное. Вернее, там как раз не творилось ничего. Кавалерийские и пехотные полки стояли на месте, не собираясь присоединиться к дикой атаке, и... Закатные твари, они стреляли во фланг своим! Сошли с ума?! Не поняли, где кончается обходной отряд и начинается собственная конница, или...

Эпинэ передал трубу Гаржиаку.

– Констанс, что скажете?

– Скажу... Скажу, что они не отступают, а наоборот.

– Что такое? – Альдо добыли собственную трубу, но принц еще не видел сражений. – Почему мы здесь? Наше место на поле боя!

– Мы здесь, чтобы нас не затоптали, – не очень почтительно объяснил Гаржиак, – а там... Или левый фланг Манрика рехнулся еще сильнее, чем правый, или перешел на нашу сторону...

Глава 11

Эпинэ

«Le Trois des Bâtons & Le Quatre des Épées & Le Valet des Coupes» 102

1

Грязная, мокрая и очень уставшая кобыла вышла из темноты, прихрамывая, подошла к Дракко и ничтоже сумняшеся положила голову тому на шею. Дракко приветливо повел ушами, и Робер узнал Сону. Мориска была без Дика, а это означало одно: с парнем что-то случилось. Чему удивляться, из полутысячи человек, ушедших с Агиррэ, вернулось несколько десятков. Все они твердили о дожде, оказавшейся в лагере коннице, прорыве к лесу и всеобщем сумасшествии.

Стремительно смеркалось, дождь продолжал полосовать поля и многострадальную рошу. Нужно было что-то решать. Если уходить, то сейчас, когда Манрику не до преследования. Полторы тысячи приличных кавалеристов, стоявших у командного холма, в поднятой обходным отрядом заварухе не пострадали, сидевшие в лесу крестьяне разбежались, как и было задумано.

– Монсеньор, – твердо сказал Констанс Гаржиак, – надо отходить.

Отходить, не узнав, что с Диком, Борнами, Темплтоном, Саво, со стрелками Пуэна, кавалерией Агиррэ? По располосованной дождями глине? Не поняв, что стряслось с королевскими войсками?

– Мы не будем отступать, – нахмурился Альдо. – Разве не ясно, левый фланг противника перешел на нашу сторону. Утром мы соберем рассеявшихся воинов, примем у новых союзников присягу и пойдем вперед.

– Куда вперед? – не выдержал Гаржиак. – Сегодня нас спас дождь, но два дня кряду только кошкам везет.

– Вы забываетесь, сударь, – голос Альдо нехорошо зазвенел, и Робер счел за благо вмешаться.

– Никола, поднимайте людей, мне... Его высочеству нужен эскорт. Две сотни человек. Мы посмотрим, что происходит в лагере Манрика.

Карваль молча отдал честь. Он старался не выказывать своей неприязни, но получалось у него, прямо скажем, плохо. Разрубленный Змей, как же все мерзко: дождь, ссоры, глупость.

– Робер, мне это не нравится.

– Что именно, Альдо?

– Поведение твоего капитана и этого графа... Один – откровенный трус, второй не внушает доверия.

Ну вот, начинается... Вернее, продолжается. Котов сунули в мешок и несут топить, а они мышью в подвале делят...

– Гаржиак был в Ренквахе. Если кто не трус, так это он. А Никола... Он обижен на весь Талиг за Эпинэ, я тебе потом объясню.

– Мне ты можешь объяснить потом, – не стал спорить сюзерен, – но им ты должен объяснить все раз и навсегда, причем немедленно. Мне не нужны офицеры, не исполняющие приказ. И никому не нужны.

Ему не нужны... Но не сообщать же под дождем на ночь глядя, что Альдо Ракан для Никола – пустое место. Даже хуже – помеха на пути его мечты о Великой Эпинэ.

– У мен... у нас нет других офицеров. И вообще нужно понять, на каком мы свете, и

102 Тройка Посохов, Четверка Мечей и Паж Кубков.

найти Дика и Борнов...

Не пояись Сона, Робер бы не волновался или почти не волновался. Погибло не так уж и много народу. Просто двадцать тысяч насмерть перепуганных людей передавили несчастные муравейники и разбежались. Рихард и Удо головы не теряют, они вернутся и приведут с собой большую часть отряда, хорошо бы без Агиррэ, но Дикон! Робер не должен был его отпускать...

– Закатные твари, – ругнулся Альдо, – ты прав... Где их только Леворукий носит?! Не нужно было отпускать Дикона, мало ли...

Не нужно, но кто же знал! Дело Агиррэ было поднять небольшой шум, не более того, но Манрик явно усвоил дарамский урок. Куда Ворон с крылом, туда и фламинго с клювом. На то, чтоб оставить в лагере резервы, его хватило. На то, чтоб не спутать вожжи, нет. И где теперь прикажете искать Дика и остальных?!

– Робер, – сюзерен казался смущенным, – извини. Зря я на тебя набросился, но отступать мы не будем. Даже в Мон-Нуар.

2

Первое, что увидел Дикон, была внушительных размеров коряга. Грязно-коричневая, сверху присыпанная желтыми листьями и немного гнилая. Юноша глубоко вздохнул и едва не закричал от боли в груди. Было тихо, то есть не совсем тихо, но никто не орал и не стрелял. Просто шумел дождь, потрескивали кусты, что-то шуршало. Ричард попытался подняться, но боль вновь заставила лечь. Юноша ощупал грудь, она была мокрой, но от воды или от крови? Дик собрался с духом и поднес пальцы к глазам. Вода! Значит, он не ранен. Нужно встать и оглядеться.

Очень осторожно, стараясь не дышать, Ричард сел и только тут заметил, что лежит не на земле, а на мокром, грязном плаще. Кто-то его уложил... Но куда в таком случае делся спаситель?

Герцог Окделл огляделся и понял, что угодил в небольшой овражек. В дальнем конце поблескивала лужа, там, где лежал Дикон, было просто мокро. Над овражком нависали кусты и возвышалось огромное дерево. Юноша оперся руками о корягу и встал, не представляя, что делать. Если его здесь оставил Удо, нужно ждать, а если нет? Последнее, что он помнил, это крики. Кто-то орал о предательстве и о том, что их окружают... Как он оказался в лесу, что это за лес и... и где Сона?!

Кобылу нужно найти, пока ее не забрал какой-нибудь негодяй. Конечно, Сона абы с кем не пойдет, но она устала и голодна, и потом, поводья... Мориска может запутаться в кустах и стать легкой добычей. Ричард еще раз огляделся, прикидывая, как лучше выбраться наверх. Стены овражка были крутыми, но в одном месте корни образовывали что-то вроде лестницы. Дик шагнул туда и с криком схватился за грудь. Его словно ударили ножом, но не снаружи, а изнутри. Святой Алан, да что же это?! Второй шаг дался с еще большим трудом, на третьем Ричард сдался и замер, боясь пошевелиться. Скоро совсем стемнеет, он тут просто замерзнет и умрет. Удо наверняка убили, Сону увели, а его бросили, кому он нужен?!

Страх придал решимости, и юноша двинулся к «лестнице». Боль немедленно проснулась и набросилась на жертву с новой силой, но Ричард не останавливался. Только бы не умирать в этой луже!..

– Дикон!

Удо был мокр, грязен, но жив. И он его не бросил. Ричард резко повернулся и заорал от боли.

– Балда, – прикрикнул Борн, – стой, где стоишь, у тебя ребра сломаны.

Ребра? Всего-то, а он думал...

– Удо, где все?

– Спроси что полегче, – Борн принялся стаскивать с Дика куртку, и юноша вновь чуть

не взвыл. – Терпи... Выпить бы тебе, но где тут найдешь!

Ричард кивнул, с трудом сдерживая слезы. Повелитель Скал не должен вопить и дергаться, словно девица, но как же больно! Удо содрал с юноши все, вплоть до рубашки, приладил какие-то палки, начал приматывать. Ледяные струи хлестали по голому телу, холод был еще хуже, чем боль.

– Ч-ч-что с Сс-оной? – зубы Дика выбивали какой-то дикий танец.

– Убежала, – процедил Удо, – когда тебя из седла выкинуло. Скажи спасибо, что цел. Ребра быстро срастаются...

Сона убежала, а говорят, мориски раненых хозяев не бросают... Или кобылица не считает его хозяином? А кого считает: Ворона, Хуана, Антонио? Даже лошади он не нужен! Свалился с коня, как какой-нибудь унар, и это после Сагранны...

– Удо, кто победил?

– Никто, – Борн закончил перевязку и принялся осторожно натягивать на юношу какую-то одежду. Влажную, но не мокрую. – Из-за этого дождя все спятили. И ослепли в придачу. Мы вломились в пехоту, а с тыла нам наподдала выскочившая из лагеря конница. Тут бы нам и конец, но кто-то на левом фланге принял своих за нас и лупанул из пушек. Стоящие в линии вообразили, что их обходят, трусили и бросились бежать. Назад было некуда, они рванули вперед, ну а мы оказались начинкой в очумевшем пироге. Короче, королевские вояки смели с тыла собственные батареи и всей толпой вломились в лес. Разумеется, наши крестьяне тут же дали деру. Стрелки Пуэна пытались драться, но их размазали по пням свои же. В конце концов разбежались все... В лесу пусто, если не считать покойников и всякой дряни. – Удо закончил возиться с курткой и нахлобучил на Дика какой-то колпак. – Готово, только старайся глубоко не дышать. Попробуй шагнуть.

Юноша послушно шагнул. Было больно, но не так сильно, как раньше.

– Ну что? Не умрешь?

– Наверное, – не очень уверенно сказал Дикон, – а куда мы теперь?

– Искать Робера. Он стоял на холме справа от рощи, должен уцелеть...

3

Королевский лагерь выглядел жалким и растрепанным, не спасала даже ночь. Брошенные пушки, перевернутые и завязшие в колеях телеги, сбитые палатки. Не оставалось сомнений, что его обитатели бежали, причем спешно и позорно. Солдаты так не бегают, но, судя по тому, что творилось на поле, у Манрика с людьми было не лучше, чем у Робера.

– Вот видишь, – назидательно произнес сюзерен, – они удрали. Кроме тех, кто перешел на нашу сторону. И ты еще сомневаешься в победе?

– Если исходить из того, что поле боя и вражеский лагерь остались за нами, мы и впрямь победили. Только что нам с этой победой делать?

– Ну, хотя бы разместить людей в приличных палатках, – заметил сюзерен, и у Робера сжалось сердце: устами Альдо говорила Матильда.

– Прежде чем кого-то размещать, нужно узнать, что думают... – Робер замялся, не зная, как назвать тех, кто стрелял по своим...

– Сейчас узнаем, – заверил принц, посылая вороного в галоп. Робер воззвал к Леворукому и поскакал следом. Кого помянули братья-контрабандисты и Карваль, осталось тайной, но эскорт помчался за предводителями.

Несмотря на дождь и позднее время, колонны в поле были в полном порядке. Робер не сомневался, что они готовы к любым неожиданностям. Правда, пехота и особенно артиллерия за конницей не угонятся, так что в случае подвоха можно ускакать. И бросить Дика на произвол судьбы?

Сюзерен осадил коня, подняв тучу брызг. Несчастный жеребец осел на задние ноги и заржал, вернее, заорал от боли, но Альдо, разумеется, не понял. Дуболом!

– Талигойцы! – сюзерен снял шляпу и замахал ею. – Я вас приветствую и благодарю. Я Альдо Ракан, ваш законный король. Я вернулся, чтобы занять трон предков, а Талигойе вернуть силу, славу и честь. Мы пойдем вперед от победы к победе. Олларам отпущен лишь один круг, и он на исходе. Новую эпоху мы встретим в королевском дворце!

Сюзерен говорил как по писаному, вернее, он именно говорил по писаному. Принц-изгнанник, воодушевляющий свое войско... Только дождь и брошенный лагерь не вязались с бодрыми словами. Робер держался рядом с Альдо, готовясь при первом намеке на опасность ухватить коня сюзерена под уздцы и, что бы тот ни кричал, утащить в безопасное место, но этого не понадобилось. Темная шеренга раздвинулась, пропуская всадника. Одного-единственного. В седле наездник держался отменно, конь тоже был весьма неплох. Лэйе Астрапэ, кто же это? Ясно, что не Манрик...

Всадник остановился в нескольких шагах от Альдо. Он был уже немолод, с хорошим волевым лицом.

– Ваше высочество, армия, которой я имею честь командовать, в вашем полном распоряжении.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ «СУД» 103

Бесстрашие – это необычайная сила души, возносящая ее над замешательством, тревогой и смятением, порождаемыми встречей с серьезной опасностью. Это сила поддерживает в героях спокойствие и помогает им сохранять ясность ума в самых неожиданных и ужасных обстоятельствах.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Эпинэ. Замок Лэ

«Le Valet des Bâtons & Le Roi des Deniers & Le Dix des Épées» 104

1

Битва кончилась, дождь – тоже, они оказались в каком-то замке, куда привел их граф Пуэн и название которого Ричард тут же забыл. В камине горел огонь, но юноше было холодно. Переломанные ребра зверски болели и мешали не то что кашлять – дышать. Наверное, поэтому Дик не мог ни радоваться победе, ни жалеть о погибших. Он понимал, что, не будь Рихарда, они бы все разделили судьбу графа Агиррэ, но понимать – одно, а чувствовать – другое. Смерти старшего Борна и Анатоля Саво словно бы прошли мимо Ричарда Окделла. Юноша трясся под меховыми одеялами, не соображая, утро сейчас или вечер, и был не в состоянии думать ни о чем, кроме холода и боли. Потом боль слегка притихла, и Ричарду удалось уснуть. Снилось ли ему что-то и что именно, Дикон не помнил,

¹⁰³ Высший аркан Таро «Суд» символизирует перемены и окончание как плохого, так и хорошего. Конец, в котором есть зерно нового начала, надежды и освобождения. Карта также означает возвращение к давним делам, бывшим истоком нынешних перемен. П.К. – нерешительность и сомнения при принятии решений, разрыв отношений, разлука.

¹⁰⁴ Паж Посохов, Король Динариев и Десятка Мечей.

но разбудили его Альдо и Робер. Принц был весел, Иноходец казался уставшим – покрасневшие глаза, осунувшееся лицо...

– Ты долго собираешься валяться? – поинтересовался Альдо, усаживаясь в ногах Ричарда. – Скоро выступать, а ты разлегся...

– Выступать? – Дик торопливо сел, позабыв о переломанных ребрах, что было ошибкой.

– Да, – кивнул Альдо, – мы идем на Марипоз! И, клянусь Зверем, мы его возьмем! Последний год Скал ты встретишь в столице.

– Не стоит загадывать, – поморщился Иноходец.

– Я не загадываю, – твердо сказал принц, – я знаю.

Это не было пустой похвальбой – последний Ракан отвечал за свои слова. Воистину, ничто не заменит благородства! Пусть Ворон – лучший боец и непревзойденный полководец, но внутри он пуст. Оскар Феншо и эр Август не зря говорили, что Алва – человек конченный, у него нет ни цели, ни совести, ни чувств – только злоба и равнодушие. Альдо – другой, они с Вороном рознятся, как Рассвет и Закат.

– Ваше высочество, – неважно, что больно, от боли еще никто не умирал, – я готов сопровождать вас.

– Не сомневаюсь, – засмеялся принц, – ведь ты – Окделл, но маршал прав: тебе лучше отдохнуть...

Ответить Дикон не успел: в комнату вошел незнакомый тенъент, длинный, белобрысый, с ярко-розовым лицом. Офицер что-то шепнул сюзерену, тот удивленно поднял брови и быстро вышел.

– Ты не очень-то дергайся, – посоветовал Робер, – день-два мы еще тут пробудем.

– Где «тут»? – спросил Дик, устраиваясь поудобнее. – И какой сегодня день?

– Не помнишь, где ты?

– Забыл, – признался юноша.

– Мы в замке Лэ в гостях у Пуэна. Это в двух хорнах от леса Святой Мартины. Битва была третьего дня, а нагрянули в гости мы позавчера. У тебя голова не кружится?

– Нет. Только так холодно, что хочется залезть в камин.

Встреча, обход, ссоры с южанами, струи воды, марш вдоль вражеского лагеря, крик Рихарда «Заворачивай!», несущийся навстречу лес... Неужели прошло всего три дня? Теперь Дикон смутно припоминал дорогу, какие-то лица, Робера, его высочество, Сону, но все тонуло в дожде, холоде и запрещающей дышать боли.

– А вот мне жарко, – пожаловался Эпинэ, – как в Закате, хотя там наверняка веселее. Леворукий бы побрал эту войну...

– Я понимаю, – тихо сказал Дик. Иноходец как-то странно посмотрел на юношу, словно хотел что-то сказать, но передумал и промолчал.

– Рихард был твоим другом... нашим, – поправился Дик, поймав хмурый взгляд, – но он погиб за Свободу и Честь. Жаль, он не узнал, что мы победили.

– Это не победа, это ошибка. Мы не должны были победить, но хуже всего, что после победы мы угодили в плен.

– Куда? – переспросил Дикон; холод понемногу отступал, зато откуда-то вылезла тревога.

– В плен, – повторил Робер, разглядывая небольшую ранку на запястье. – То ли к судьбе, то ли к господину Люра. Ты помнишь, чем все закончилось?

– Ну... Конница Олларов погналась за нами, смяла своих, и все вместе ворвались в рошу... И еще кто-то перешел на нашу сторону.

– Не кто-то, а левый фланг армии Манрика. Самого Манрика убили. Уцелевшие во главе с Фернаном Сабве отступили, верней, удрали, на юго-запад. От нашей армии осталось тысячи две, правда, вполне боеспособных, но к нам пристал генерал Люра, а у него людей вчетверо больше.

– То есть у нас десять тысяч? – восторженно спросил Ричард. – Это хорошая армия. У

монсеньора при Дараме было меньше...

– Твой монсеньор...

– Он не мой, – выкрикнул Дик и сморщился от боли, – не мой!

– Не жди, что я тебя с этим поздравлю, – Робер прижал ладони к глазам и тотчас отдернул, заставив Дика вздрогнуть от непрошеного сходства с Вороном. – Закатные твари, чтобы воевать, нужно быть уверенным в каждом солдате, а я могу рассчитывать только на Никола. Удо и Дуглас после смерти Рихарда не в себе, остальные сами себе генералы, а хуже всех – Люра.

– Но он же перешел на нашу сторону! – не понял Дик.

– А за какими кошками?

– Он – честный человек и понял, что наше дело – правое.

– Я не верю в подобные прозрения, – задумчиво произнес Робер. – Симон Люра – давнишний любимчик Леопольда Манрика. Перед самым походом он получил титул, после подавления восстания его ждала награда... Что выиграл генерал Люра, присоединившись к мятежникам? Сейчас – ничего, потом – палача с топором. Мы ведь, скорее всего, проиграем.

– Этого не может быть! – Дик невольно поежился, представляя то, что их ждет в случае разгрома. Багерлее, самое малое – Багерлее, хотя и это вряд ли. «Навозники» поквитаются с Окделлами и Эпинэ за все. Этого допустить нельзя!

– Робер!

– Да? – Иноходец откликнулся не сразу, он вообще был каким-то рассеянным. – Ты что-то хотел?

– Надо увеличить армию...

– Разве что за счет местных овец. Дикон, восстали только четыре графства, и те не полностью. На границах – сильные армии, и они Олларам не изменят. Мы не можем стоять на месте, и нам некуда отступать, остается идти вперед, увязая все глубже.

Иноходец прав, дело плохо. Вернее, было бы плохо, будь эта война обычной, а Альдо Ракан – простым смертным. Юноша тронул Робера за плечо:

– Нужно уходить в Мон-Нуар. Мы ведь туда и собирались.

– Нет! – отрезал Эпинэ. – Глупо искать прошлогодний снег. Тем более с армией, которую в Мон-Нуар не прокормить, а бросать людей и бежать в горы – подло. Я не Кавендиш, ты, надеюсь, тоже.

– Я – Окделл, – возмутился Ричард, – но Гальтара – наш единственный шанс. Альдо призовет силу Раканов, и тогда нам никто не страшен. Конечно, можно разделиться. Вы с Никола останетесь с армией. Мы с Альдо и Удо поскачем в Мон-Нуар, найдем что нужно и вернемся.

– Дикон, – Робер опять смотрел на свое запястье, – ты не пробовал понять, почему Эрнани Святой отказался от силы и покинул Гальтару?

– Он струсил.

– Эрнани? Я был лучшего мнения о твоих менторах. Эрнани был очень смелым и очень сильным человеком...

– Сильным?! – Дик аж задохнулся от негодования. – Да он с рождения всего боялся! Это ничтожество погубило Золотую Империю, а...

– Вставай, – заорал Робер, – и бери шпагу. Живо!

Ричард вздрогнул, и ребра тотчас напомнили о себе. Что с Робером, он что, сошел с ума? Пьян? Наверное... Позвать на помощь? Не услышат...

– Вставай, – Иноходец зло тряхнул темными волосами, – слышишь, ты, ничтожество!

Дикон торопливо вскочил, едва сдержав крик. Робер ждал с обнаженной рапирой, ноздри герцога раздувались, на скулах ходили желваки.

– Робер!

– Защищайся!

Дик неловко подставил шпагу под чужой клинок, столкновение отозвалось невыносимой болью; юноша, шатаясь, отступил, сглотнув слезы и крик.

– К бою!

– Я... Робер, что с тобой?!

– Трус! В позицию!

Дикон шагнул вперед, не соображая, где кончается боль и начинается страх. Неужели это – Робер Эпинэ? Юноша покосился на дверь – безнадежно... Святой Алан, что же это?!

Эпинэ хмуро вбросил шпагу в ножны.

– Ну и как? Понравилось тебе быть калекой?

– Ты... Зачем ты так?!

– Затем, что следующий раз думай, кого называть трусом и ничтожеством. Когда тело ни на что не годится, от человека остается или пустота, или воля и ум. Ты через месяц будешь здоровее Соны. Эрнани болел с рождения и ни на что не надеялся, но смог то, что не под силу здоровенным быкам...

– Ты не понимаешь, – Дик был слишком потрясен и напуган, чтобы обижаться, – может, Эрнани и хотел, как лучше, но он все погубил...

– Робер! – Его высочество! Слава Создателю, он объяснит лучше.

– Альдо? – Иноходец упрямо свел брови. – Нам надо поговорить, и чем скорее, тем лучше...

– Потом... Робер, кое-что произошло. Ты мне нужен, и немедленно!

2

Закатные твари, опять! Выходя за сюзереном, Робер знал, что его ждет: очередное объяснение с южанами. Карваль и Пуэн требуют остаться в Эпинэ, Альдо рвется в Олларию, а Люра его подзуживает. Разнимать голыми руками дерущихся котов – и то приятней.

Иноходец ожидал немедленного водопада упреков и претензий, но сюзерен помалкивал. И на том спасибо, не хватало спорить на ходу, налетая на стражников и слуг. Альдо торопливо свернул к своим комнатам, и Робер решил: сначала маршал выслушает сюзерена, но потом сюзерену придется выслушать маршала. Тянуть с объяснением и дальше – растить из кошки леопарда. Нет слов, Гальтара, сила Раканов, древние клятвы и прочие изыски – хороши. В Сакаци за стаканом вина. Строить расчеты на старых преданиях было бы глупо, не будь это столь опасно. Увы, мало того, что сюзерен уютно устроился на четвертом небе и свесил ноги, он еще затащил за собой Дика.

– Робер, – Альдо остановился у двери, – я должен тебе кое-что сказать.

– Я это уже слышал! – Закатные твари, надо держать себя в руках: если они рассорятся, никому лучше не будет.

– Понимаешь... – принц выглядел виноватым, нападать он не собирался. Неужели и здесь отыскалась девица? Или все-таки вдова? – Я убил одного мерзавца. Нечаянно.

– Кого? – выбор невелик. Или Никола, или Констанса, других Альдо за мерзавцев не держит, а зря. Если кто таковым и является, то это флюгер Люра.

– Рыжего, – голос Альдо звучал зло и устало, – я не хотел.

Рыжего? Манрика прикончили свои; других рыжих поблизости нет.

– Ты, вижу, о них тоже забыл, – сюзерен попробовал засмеяться, – а вот они о нас – нет. Достославные, твою кавалерию! С артиллерией в придачу!

– Постой, – Дик прав, и впрямь холодно, чудовищно холодно, – ты о гоганах?

– Нет, о закатных кошках! Говорю же, они нас подловили, да как гнусно!

– Но гоганам завещано избегать Талига.

– Завещано, – хмыкнул сюзерен. – Только рыжие любые запреты обойдут. Да, гоганы в Талиге не строят домов, не торгуют, не молятся и не касаются женщин, но это не значит, что их здесь нет.

Может, и так. Это в Агарисе гогана от негогана не отличит только слепой и глухой, а в том же Алате распознать правнуков Кабиоховых непросто. Они носят обычное платье,

стригут бороды, говорят без вывертов, и даже имен у них два – местное и свое, не выходящее за пределы семьи. Тариоль, которому Енниоль препоручил «первородных», ходил в коричневых штанах и зеленом камзоле и назывался господином Эрвином Балажи. Заподозрить в нем нечто достойное можно было, лишь как следует приглядевшись.

– Кто к тебе приходил? – Закатные твари, что же делать? Мало на их голову черепиц попадало, так еще и правнуки Кабиоховы! – И что ему было надо?

– Я его раньше не видел, – произнес Альдо с некоторым сомнением. – Или он одет был иначе, но этот рыжий точно не на кошке скачет ¹⁰⁵... скакал.

Сюзерен повернул ключ и с отвращением распахнул дверь:

– Смотри сам. У камина.

Зрелище было достаточно мерзким. Робер почему-то вообразил, что Альдо гогана заколол, а все оказалось проще и пакостней. Принц в припадке ярости схватил незваного гостя за грудки, пару раз тряхнул и отшвырнул. Тот пролетел через всю комнату, не удержался на ногах и ударился затылком об угол камина. Нелепая смерть.

– Ты его видел? – Альдо старательно смотрел в сторону, он еще не привык к покойникам. – В Кагете там или в Гайифе?

Эпинэ честно нагнулся над лежащим. Мертвец походил на гогана, но с таким же успехом мог оказаться и урготом, и гайифцем, и талигойцем, и алатом. Лет пятьдесят, может, чуть больше. Правильное незнакомое лицо, темно-рыжие курчавые волосы, короткая борода... Одет и причесан как негоциант средней руки. Пройдешь мимо – не заметишь.

– Ты его знаешь? – повторил сюзерен.

Робер молча покачал головой.

– Он на кого-то ссылался? На Енниоля, Тариоля?

– Нет! – Взгляд Альдо стал жестким. – Робер, это еще не все.

Эпинэ оторвал взгляд от безмолвной фигуры.

– То есть? – Как странно слушать свой голос, оказывается, он звучит совершенно спокойно.

– С ним приехали трое слуг. Их тоже нужно убить.

– Не сходи с ума. Одну глупость ты уже сделал.

– Это не глупость, – твердо сказал Альдо, – сначала я и впрямь потерял голову, но теперь вижу: иначе нельзя.

– Да ладно тебе, – Робер старался выглядеть беззаботным. – Никто ничего не узнает. Здесь нет ковров, кровь с камней легко стереть, а тело мы куда-нибудь вынесем... В подвал. Есть же здесь подвалы! Кто-то видел, как он к тебе заходил?

– Ты ничего не понимаешь, – глаза Альдо были странными, – совершенно ничего!

– Тогда объясни, – неловко раскинутые ноги, вывернутая рука с массивным кольцом, жирные брызги, темно-красная лужа. Убитые в бою выглядят пристойнее. Иноходец оглядел комнату, схватил лежащий на кресле плащ и набросил на мертвеца. Принц внес свою лепту, загородив покойника креслом, в которое и плюхнулся.

– Мы решили, что от них избавились, ну, после ары, – такое лицо у Альдо бывало, когда он проигрывал в кости. – И Мэллит говорила, что до нас теперь не добратся...

– Давай по порядку, – во имя Астрапа, неужели все еще хуже, чем кажется?! – Что он от тебя хотел?

– Гальтару. И немедленно.

– Ну и что? Гоганы купили Адгемара, но из этого ничего не вышло. Больше мы с ними дел не вели. Енниоль исчез, а у Тариоля мы не взяли ни суана, да он нам и не предлагал. Мы им ничего не должны, как и они – нам.

– Должны, – голос Альдо стал чужим и хриплым, – ты даже не представляешь, сколько

¹⁰⁵ По смыслу близко к «Не лаптем щи хлебает».

должны.

Робер взял огниво, высек огонь, зажег ненужные средь бела дня свечи. Просто чтобы занять руки.

«Ваше высочество, армия, которой я имею честь командовать, в вашем распоряжении». Пальба по своим, мертвый Манрик под осенним дождем, восемь тысяч человек, перешедших на сторону безземельного принца, – такое стоит дорого. Очень дорого.

– Люра – их подарок?

– Если б только он, – Альдо махнул рукой, – еще гарнизоны Марипоз, Барсины, Мергана и Оллари. Они так или иначе перейдут на нашу сторону.

– «Так или иначе», – зачем-то повторил Робер, – «так или иначе»...

Тех, кто не изменит, прирежут во сне, отравят, застрелят в спину или в упор. От предателей не защитят никакие стены, но как гоганам удалось то, что было не под силу Гайифе и Дриксен? И почему рыжие не сделали это сразу, а начали с Варасты?

– Теперь понимаешь? Я не могу отдать им Гальтару, и я не могу им отказать. А еще эта дохлятина...

– Их трое?

– Да.

– Где они?

– Не знаю, где-то в замке.

– Они знают, зачем этот... этот достославный пошел к тебе?

Альдо пожал плечами. Весьма выразительно.

– Хорошо, – Робер поправил воротник, – оставайся здесь. Я их разыщу, но убивать придется ночью. Запрись и никому не открывай. Я скоро вернусь.

– Я пойду с тобой, – сюзерен был тверд и прямо-таки незыблем. – Это я затеял, а ты попался вместе со мной.

– Альдо, кто-то должен искать слуг, а кто-то – караулить труп. У твоего приятеля в замке наверняка есть знакомые, иначе б он сюда не попал. Закатные твари, если не спрятать концы в воду, незачем и начинать!

– Хорошо, иди, – Альдо был бледен, но держался неплохо, а ведь это его первый покойник. – Мы с этим красавчиком подождем.

– Будем надеяться, достославный начал с Лэ. Если эта продажная шкура знает, что гоган пошел по наши души...

– Не знает, – перебил сюзерен. – Рыжий хотел, чтобы я пригласил мерзавца сюда.

Так, полку «мерзавцев» прибыло, и господин Люра этого звания достоин. Счастье, что он в королевском лагере за две хорны от замка. Теперь дело за малым: прикончить троих гоганов и спрятать четыре трупа. И все это в напичканном людьми замке, вокруг которого болтается десятитысячная армия.

3

– Честь и Верность, – часовой браво стукнул о пол алебардой. Надо же, он уже на главной лестнице – добрался и не заметил. Робер махнул рукой, отвечая на очередное приветствие. Если б сюзерен не распустил руки, гоганам можно было отказать. Дескать, условие не соблюдено, Ракан еще не коронован, и вообще они заключили сделку с Енниолем и будут говорить только с ним...

– Монсеньор!

– Здравствуйте, Жильбер. Все спокойно?

– Конечно, – заменивший убитого Дюварри Сэц-Ариж смотрел на вожака с обожанием, и Роберу отчаянно захотелось влить дурню подзатыльник. Чтоб не обожал кого не надо.

– Кто сегодня прибыл в Лэ?

– Никто, – удивился Жильбер, – но к вечеру подойдет ополчение из Гайярэ.

– Так-таки и никто?

– Никто достойный вашего внимания.

Дубина! Хотя в чем-то Сэц-Ариж прав: скромные негоцианты высочайшего внимания не достаиваются. Разумеется, если они те, за кого себя выдают. Нет, искать слуг «достопавного» в открьтую нельзя. Лэ не такой уж большой замок, куда меньше Эпинэ, но людей в нем немало и Леворукий знает, кто из какой кормушки жрет.

– Где капитан Карваль?

– Отдыхает.

Никола окончательно спутал день и ночь: когда все дрыхнут, он сторожит. Знает ли капитан о рыжем негоцианте? В любом случае без него не обойтись, Карваль со своей вечной бдительностью может совать нос в каждую миску, это никого не удивит.

– Прикажете разбудить?

– Я сам к нему зайду.

Предстоящий разговор не радовал. Капитан не переносит Альдо и сходит с ума по свободной Эпинэ. Для него все средства хороши, а Гальтара, к несчастью, слишком близко от Пуэна. Убить легко, особенно сдуру, вы попробуйте скрыть убийство, а скрыть необходимо: восемь тысяч против двух – это несерьезно.

Будь жив Рихард, Иноходец посоветовался бы с ним, но полковник так и не вышел из безумной атаки, а Удо... Человек имеет право на горе. Эпинэ глянул на запястье – дурацкая привычка, надо от нее избавляться – и постучал.

Карваль открыл сразу, хотя на выпавшего человека не походил.

– Капитан, мне нужно с вами поговорить.

– Да, монсеньор. – Закатные твари, с чего же начать? Робер невесело усмехнулся, глядя на застывшего столбом офицера. Вот ведь характер, пока не прикажешь, не сядет.

– Садитесь.

– Благодарю, монсеньор.

Если ищешь лисицу, нельзя врать собаке, но правду Никола Карваль знать не должен, по крайней мере всю.

– Никола, мне нужна ваша помощь. Я не вправе раскрывать все карты, скажу только, что в комнате его высочества лежит труп. Этот человек погиб случайно, но допустить, чтобы об этом стало известно, нельзя.

– Монсеньор...

– Я еще не закончил. Погибший прибыл в Лэ не один. С ним были трое слуг, которые сейчас в замке. Я должен знать, где они.

– Прошу прощения, – Никола шумно втянул воздух, – это касается господина Ракана или вас?

– Нас обоих, и не только. Капитан, я не могу вам приказывать, я вас прошу.

– Вы – мой король, – лицо офицера стало угрюмым. – Правильно ли я понял, что должен тайно убрать труп, а затем отыскать слуг и... И убить.

– Только найти. Остальное – мое дело, – не хватало заставлять других расплачиваться за их с Альдо глупость.

– Монсеньор, ваши заботы – это заботы всех ваших подданных, и потом... Чтобы не было неожиданностей, троих должны убивать трое, а еще лучше – шестеро.

– Сначала их нужно найти.

– Найдем. Могу я увидеть труп? Возможно, я встречал этого человека.

– Конечно.

Они поднялись к Альдо. В комнате пахло кровью, и Робер распахнул окно. Никола мрачно отдал сюзерену честь и занялся покойником. Кровь вокруг раны загустела, превратившись в омерзительное желе. Какое счастье, что осенью нет мух.

– Я его никогда не видел, – Никола водрузил окровавленный плащ на место. – Я отдам распоряжения моим людям и сейчас же вернусь. Нам понадобятся мешки и топор.

– Пойдите, капитан, – Робер взобрался на здоровенный сундук и дотянулся до

висевшей на стене старинной секиры; зрение его не подвело, оружие было отменно отточено. – Топор не понадобится.

– Тем лучше, – очередной поклон, и Карваль исчез за дверью. Робер вздохнул и уселся прямо на сундук, стараясь не глядеть в сторону камина.

– Похоже, нам придется поработать мясниками.

– Что? – у Альдо дернулась щека.

– Вынести труп тайком у нас вряд ли получится. Даже ночью. Придется по частям.

Сюзерен с тоской глянул на дело рук своих, но кивнул.

Глава 2 Эпинэ. Замок Лэ и его окрестности

«Le Chevalier des Êpêes & Le Dix des Deniers & Le Deux des Êpêes» 106

1

Как называют того, кто убивает заимодавца, чтобы не отдавать долгов? А того, кто продает ковер вместе с вырытой под ним ямой? Один другого стоит! Эсператисты не признают клятв, вырванных силой или обманом, любой клирик простит Альдо нарушенное слово, зато взъеется на принца за участие в богомерзком гоганском обряде и будет прав. Им и впрямь следовало держаться от ары подальше, а от «истинников» тем более – игры с магией до добра не доведут.

– Пора проверять караулы, – хмуро произнес Никола. Они не называли вещи своими именами, но это не меняло сути.

– Идем, – Робер достал подарок Мильжи, тронул пальцем холодную сталь. «Барсы» верили, что кровь притягивает кровь, а новая кровь смывает старую, поэтому на клинке только одна кровь, последняя, а воина за Порогом ждет только один враг. Эх, было бы так же и с совестью...

Иноходец со злостью сунул бирисский кинжал в ножны. Сегодня он будет доволен. После варастийцев и солдат Манрика – гоганы, из-за которых все и началось. Как заманчиво – свалить все на рыжих и почувствовать себя жертвой.

– Я с вами! – не терпящим возражения тоном заявил Альдо. Брови принца были сведены, Робер прекрасно знал это выражение: оно означало упрямство, упрямство и еще раз упрямство. Карваля передернуло, но он промолчал, предоставив объясняться с Раканом своему герцогу.

– Альдо, – вряд ли получится, но попробовать нужно, – мы с капитаном справимся. Нам уже приходилось убивать спящих, а тебе – нет.

Никола тоже не приходилось, но это неважно.

– А я могу все испортить? – усмехнулся Альдо. – Может, и так, но гог... Эти прицепились ко мне, а не к тебе. Плох тот король, который прячется за своего маршала.

– Как хочешь, – препираться дальше что стегать дохлую лошадь. Ладно, Леворукий не выдаст, «истинник» не съест. Кроме того, сюзерен прав, за все надо платить. И за пареную морковку, и за жареную курицу, и за собственную глупость и жадность.

Принц Ракан, герцог Эпинэ и капитан Карваль поднялись и, не глядя друг на друга, вышли.

Первый караул. В дюжине шагов от двери Альдо. Солдат на каждом углу понаставили – ни труп вынести, ни в гости заглянуть, а гоганы по замку разгуливают как хотят.

106 Рыцарь Мечей, Десятка Динариев и Двойка Мечей.

- Монсеньор, в Лэ все спокойно.
- Хорошо, тенъент. Когда вас сменят?
- В три часа.
- Постарайтесь не уснуть!
- Как можно?!

Утром служанки придут прибираться, заметят ли они что-то подозрительное? Иноходец надеялся, что нет, но из военных плохие уборщики, они могли что-то проглядеть. Та же секира – на ней теперь нет пыли, хотя само по себе это ничего не значит, а труп у камина больше нет, вместо него на каменном полу в луже чесночной подливки валяются осколки блюда и куски баранины. Чтобы сбить с толку собак, вернее, не собак, а псарей. Сколько еще придется сбивать с толку, пока кошка-судьба не загонит их в сапог, как когда-то Клемента?

Пост на лестнице, посты на галереях, во дворе, у ворот, на стенах... Какой же Никола обстоятельный! Тенъенты, капралы, солдаты – кто-то заспан, кто-то бодр, от кого-то несет луком, от кого-то чесноком, от кого-то дешевым молодым вином. «Все спокойно», «ничего подозрительного не замечено», «никто не входил, никто не выходил».

Они проверяли караул за караулом, неотвратимо приближаясь к конюшенному крылу, где Никола разыскал гоганов. Оказывается, убитого в Лэ прекрасно знали – преуспевающий торговец шерстью из Сабве лет десять вел дела с графом Пуэном. Мятеж негоцианта не испугал, ибо война войной, а прибыль – прибылью. По крайней мере так считал графский управляющий, несмотря на тесноту, приютивший «господина Вукрэ» и его помощников. А сколько еще таких «негоциантов» ездят по талигойским дорогам, скупая не шерсть и не вино, а чужие шпаги?

Конюшенное крыло было темным – слугам не позволялось зря переводить свечи. Никола поднял фонарь повыше. Перед капитаном приплясывало и кривлялось желтое пятно, темнота пахла прогорклым маслом, переваренным гороховым супом, еще какой-то дрянью. Поворот, лестница, снова поворот.

– Здесь.

Единственная на весь коридор дверь, из-под которой выбивается полоска света. Гоганы не спят. Ждут старшего? Молятся? Хотя молиться в Талиге правнукам Кабиоховым запрещено, так же как ложиться в талигойскую землю. Можно подумать, покойник может выбирать.

– Придем позже? – в голосе Альдо сквозила надежда.

– Нет, раз не спят, то не уснут, пока не вернется главный.

Альдо ничего не ответил, просто постучал. Коротко и властно. Дверь открыли сразу. Стоящий на пороге человек был одет добротно и скромно, как и положено слуге богатого негоцианта. Может, гоган, а может, и нет.

– Господа, чем могу служить?

– Доброй ночи, – Альдо улыбнулся и пошел вперед, вынуждая хозяина посторониться. Замыкавший процессию Никола заботливо прикрыл дверь. Робер не сделал ничего, хотя начинать предстояло ему – так решили они с Никола, – но сначала нужно оглядеться.

Небольшая клетушка, четыре свечи по углам, два человека у стола, третий у двери. Двое лет пятидесяти и мальчишка, ровесник Дика. Есть ли у Мэллит брат или только сестры?

– Господа желают видеть мэтра Вукрэ? – впусивший гостей слуга казался услужливым и дружелюбным. Судя поговору, если и гоган, то не агарисский. Или приучился говорить без экивоков?

– Мэтр Вукрэ уехал, – брякнул Альдо, – по делам. Я не хотел его отпускать, но не драться же с ним было.

Стрелять нельзя, в соседних клетушках спят слуги. Только ножом и одним ударом. Стены толстые, но все-таки... Расспросить бы их, но при Карвале это невозможно.

– Мудрые знают, какой дорогой идти, – у второго на щеке было родимое пятно, а в голосе пробивались властные нотки, – мы должны последовать за ним?

«Мудрые знают»... Нет, все-таки гоган.

– Так решил господин Вукрэ, – быстро произнес Никола Карваль, посылая Роберу многозначительный взгляд. – Я и мои люди проводим вас в условное место. Там нас будут ждать.

Обладатель пятна согласно кивнул. Без сомнения, в отсутствие «Вукрэ» принимал решения он.

– Любезный господин и его люди пойдут с нами и дальше?

– Да, – выдавил из себя Робер. – Нельзя терять времени, утром вы должны быть далеко.

– Сын моего отца готов к дороге, – достославный больше не считал нужным скрываться. – Шар судеб скоро сорвется с горы, правнуки Кабиоховы не могут медлить.

Не будь Карваль Карвалем, он бы разинул рот, а так только поднял брови и вышел. Что он знает о гоганах, если вообще знает? Оставлять капитана наедине с достославными нельзя.

– Мы вернемся через полчаса, – и за эти полчаса нужно избавиться от Альдо, иначе они с Никола на обратном пути друг друга сожрут.

– Пусть дорога блистательных будет устлана розами.

Дорога в Закат устлана не розами, а нарушенными клятвами и неотданными долгами, и с нее не свернуть, что бы ни плели клирики. Робер перешагнул порог, поймав напоследок улыбку мальчишки. У него были золотистые глаза.

2

Над горизонтом поднималась Малая Кошка – два уха, хвост, зеленый прищуренный глаз, вытянутая лапа... Астрологи говорят, рожденные под этим созвездием удачливы и неуязвимы. Мишель родился под Малой Кошкой, брата называли счастливым, и он сам в это верил. Как же они все дурачились и шутили, но звезды еще никого не спасли.

Робер привстал в стремях, глядя в подсыхающую за три дня дорогу. Справа заблестели огоньки – лагерь Люра. Почти приехали. Овраг у леса Святой Мартины напротив королевского лагеря – очень подходящее место для тайной встречи. И для убийства. Жертвы ничего не подозревают, так же как и обитатели Лэ. Мало ли зачем герцогу Эпинэ и его капитану понадобилось выехать ночью – дело военное. И уж разумеется, никто не станет смотреть на увязавшихся с отрядом торговцев на мулах. Гоганы не сомневались, что едут на встречу с Люра и своим достославным, после чего Никола проводит их в Гальтару, но их ждет иная дорога. Робер невольно покосился на двух вьючных лошадей в поводу – достославный Вукрэ, истинного имени которого они никогда не узнают, упокоился в шести седельных сумках, что отправятся на дно приснопамятного оврага. Дождь кончился еще позавчера, но в овраге стоит вода и будет стоять до весны, ведь зима в Эпинэ – это не снег, а дожди и ветры.

– Сын моего отца благодарит блистательного за заботу, – гоган с родимым пятном говорил вежливо, но настойчиво, – однако каждый должен лишь то, что должен. Не следует вождю провожать недостойных, ведь о нем могут спросить.

– Я часто езжу ночами, – Роберу как-то удалось остаться спокойным, – и мне в любом случае нужно встретиться с господином Люра и... и с четвертым из вас.

Две дюжины солдат, капитан и герцог. Неплохой эскорт для троих человек, вряд ли знающих, как держать пистолет.

– Пусть блистательный будет осторожен. Сердце названного по имени тверже камня и грязней логовища шакала.

А сердце «блистательного»? Лэйе Аstrapэ, если не прости, то пойми – у них нет другого выхода. Или эти трое сегодня, или две тысячи и пол-Эпинэ – завтра.

– Достославный не верит Симону Люра? Но это вы его нашли.

– Великие дела требуют и великой грязи, и великой чистоты, – вздохнул достославный. – Тот, кого сын твоего отца зовет Люра, рожден от дурного семени и

свободен во зле, как и все, созданные из праха. Они вольны клясться и нарушать клятвы. Им страшны лишь руки людские, стражи Кабиоховы их не видят и не остановят. Лишь рожденные от семени сынов Кабиоховых закланы ото лжи именем Его.

Закляты ото лжи? Ну-ну... Рыжие многое помнят, они знают толк и в золоте, и в магии, но как же они наивны. «Мэтр Вукрэ» не сомневался, что Альдо исполнит клятву, и умер, а клятвопреступник жив и здоров.

– Лгут все, – честно сказал Робер Эпинэ, – просто одним это легче, другим трудней.

– Всеотец знает цену всему, – согласился обладатель пятна, – можно, радуя сильного, назвать пса львом. Можно продать глупому мула как коня, но цена великой клятве назначена единожды и навеки.

Единожды, навеки и до леса Святой Мартины, который следует называть лесом Леворукого.

– Я не знаю про великую клятву. – Закатные твари, они на месте, еще четверть хорны вдоль обрыва – и все. Их никто не услышит, разве что Малая Кошка, но она не смотрит вниз.

– Блистательный шутит. Он был свидетелем, его глаза видели, его уши слышали.

...А его мозги не понимали, зато желудок требовал мяса, а гонор желал вырваться из-под опеки Эсперадора. Вот он и вырвался.

– Я не знал, как это называется. Мы просто дали слово.

– И оно было принято.

Отряд развернулся, углубляясь в лес. Здесь уже убивали. Могила Флоримона Шуэза совсем рядом, а у гоганов могил не будет, они просто исчезнут. «Шар судеб», а говоря по чести, просто подлость. Судьба делает из нас покойников, но мерзавцами мы становимся по собственному выбору.

Кривое дерево, опрокинутый «лафет», с которого свалилось изображавшее пушку бревно. Где-то здесь упал Рихард Борн с шальной пулей в спине. Полковника убил кто-то из повстанцев. В тот день все стреляли во всех, не разбирая, где свой, а где – чужой. Те, кто заплатил за пролившуюся в лесу Святой Мартины кровь, лягут здесь же, хотя Робер с Никола об этом не думали. Просто искали подходящее место. И нашли.

Отряд остановился – это были люди из Эпинэ, те самые, что спасли своего герцога от засады Маранов. Довез ли Жюстен сестер и братьев до Оллари?

Спутник Робера улыбнулся в коротко стриженную бороду. Кто он на самом деле? Не все ли равно!

– Сын моего отца видит, что те, кто должен прийти, еще в пути. Недостойные готовы ждать, сколько нужно. Эта ночь – первый шаг к обретению вечного.

Вернее, последний. Слева обрыв, справа заросли каких-то кустов, путь назад и вперед перекрыт. Излишняя роскошь для троих ничего не подозревающих бедолаг, но разъезжать ночью без эскорта герцог не может.

– Я могу узнать имя достославного? – во имя Астрада, зачем ему это?

– Блистательный может многое, но памяти не стоит нести лишний груз.

Если бы мы могли решать за нашу память, забывая и помня по своему желанию, но это невозможно.

– Монсеньор, – Никола, как они и договаривались, подъехал слева, – мы прибыли слишком рано.

– Нет, – условленные слова Робер произнес отдельно и четко, – мы приехали *вовремя*.

Они выстрелили одновременно: Карваль в молчаливого человека на пегом муле, Робер в своего собеседника. Иноходец попал, пистолет Никола осекся.

– Блистательные не могут нарушить слово, – Робер не видел лица гогана, но слышал голос – недоумевающий, растерянный, – не могут...

Новый выстрел. На этот раз пистолет послушался. Мул с мертвым всадником на спине захрапел и бросился в кусты, но поводья зацепились за колючие ветки. Обезумевшее

животное билось и ревело, в суматохе о гоганском мальчишке как-то позабыли, а тот то ли прыгнул, то ли свалился на землю и с диким криком бросился бежать. Вдоль оврага, а не в лес, дурень несчастный.

Нужно было стрелять, но пальцы Робера вцепились в поводья и не желали их выпускать. Никола тоже промешкал, но кто-то курок все-таки спустил. Любую подлость следует доводить до конца, иначе она останется подлостью, но потеряет смысл. Черная фигурка дернулась, на мгновение замерла и помчалась дальше на радость луне. Ночная хозяйка была на стороне охотников – бледные светящиеся пальцы тыкали беглеца в спину. Робер все-таки выстрелил, но сам не понял, попал или нет. До парнишки наконец дошло свернуть в тень. Никола вполголоса ругнулся, спешил и бросился следом, за ним побежали несколько солдат. Иноходец опустил пистолет.

– Монсеньор, – капрал из Агиррэ прятал глаза, – мулов тоже надо бы... Нечего им тут бродить, мало ли!

– Хорошо, – где люди, там и мулы. Снявши голову, по волосам не плачут, а голову он снял в болотах Ренквахи. Семь лет прошло, а волосы все растут. У мертвецов всегда растут ногти и волосы.

В чаще грохнул выстрел, в ответ заржал чей-то конь, и стало тихо, словно ничего не случилось. Все спокойно, только черная кровь на бледной земле, следы копыт да лунный свет. Еще день или два, и полнолуние... Ночь Луны, только какая? То ли Флоха, то ли Гоха. Можно было спросить, но он не спросил, а теперь спрашивать не у кого. Дети Кабиоховы не вмешались, бросив внуков своих на произвол судьбы, впрочем, сыновей они тоже давным-давно оставили.

В зарослях затрещало, черные ветви раздвинулись, показался Никола. Один. С докладом он не спешил, но Робер все понял и так: мальчишка с золотистыми глазами не сумел обмануть луну.

3

– Я его догнал, будете смотреть?

Робер покачал головой. Лес Святой Мартины. Лес смерти, глупости и предательства, лес судьбы...

Никола отдавал распоряжения, Повелитель Молний сидел в седле, глядя в бархатное небо. Малая Кошка стояла в зените, двенадцать разноцветных звезд сулили удачу и долгую жизнь родившимся. Должен же сейчас кто-нибудь родиться – жизнь не должна уступать смерти.

– А ну, стой, чтоб тебя!

Короткий, оборвавшийся храп, мул с перерезанным горлом валится на бок, за ним второй, третий. К весне от бедняг останутся только кости. Всех в овраг – и двуногих, и четвероногих. Шорох, всплески, кто-то вполголоса выругался, фыркнула лошадь.

– Монсеньор, можем ехать.

– Благодарю, капитан.

– Не за что, монсеньор, – Карваль поправил сбившуюся набок шляпу и неожиданно добавил: – Мерзкое дело. Я... Я не слюняй какой-нибудь, но этот мальчишка... Вы не знаете его имени?

– Откуда? – махнул рукой Робер. – Да и зачем оно?

– Поминать, – просто сказал Никола. – Про других не скажу, может, они и за дело получили, а парень ничего не понимал. Такого грех убивать.

– Грех, – подтвердил Робер, – но его имени я не знаю, а Заката нам с вами так или иначе не миновать. Мы по уши в крови, а я – больше всех.

– Зачем вы так? – запротестовал Карваль. – Мы правы и перед Создателем, и перед Эпинэ.

– Правы?! – Закатные твари, кому он это говорит? Дураку, готовому четырежды сдохнуть за южное королевство, которого никогда не будет. – Никола, да из-за меня люди мрут, как мухи! Я приношу беду.

– Не вы, – набычился Карваль, – ваши друзья. Как они заявили, так все и пошло вкривь да вкось. Монсеньор, пускай они убираются хоть в Олларию, хоть к кошкам, а мы останемся в Эпинэ. Оллариу теперь не до нас – пусть грызется с Люра и этим, вашим...

– Это невозможно, – Робер сжал бока Дракко, и жеребец послушно двинулся с места.

– Но почему? – настырный капитан не собирался отступать. – Вы должны думать о своих людях и о своих землях, а не о чужаке, утратившем все права на престол.

– Не хочу лгать, капитан, тем более вам, а правду сказать не могу, но в чем-то вы правы. Оставайтесь. Может быть, у вас с Пуэном что-то и получится.

– Монсеньор, – бедняга едва не свалился с коня, – как вы можете?! Я вас никогда не покину!

– А я не покину Альдо, – устало произнес Иноходец. – Не могу, даже если б хотел.

«Если б хотел...» Он хочет, да кто ж его спрашивает? Семь лет назад тенъент королевской армии Робер Эпинэ мог стать хозяином своей судьбы – не стал. Как пошел за дедом, так и сейчас идет.

– Монсеньор, – Карваль уже совладал с собой, – я, конечно, всего не знаю, но появление ваших друзей перед битвой вряд ли было случайным.

– То есть?

– Для того чтобы Люра перешел на сторону Ракана, нужен был Ракан, вот он и появился.

– Может быть, – не стал спорить Иноходец.

– Все связано, – Никола потер рукой подбородок, – разве вы не видите? Уж не знаю, кому нужен этот ваш принц, но деньги за него платят бешеные, только этого мало...

Капитан даже не представляет, насколько он прав. Мир сходит с ума, все связаны со всеми, все мешают всем, все губят всех.

– Что вы предлагаете?

– Поговорить по душам с проводниками. Пусть скажут, как это они подгадали прямиком к битве.

Разрубленный Змей, ведь чуял же, что не все так просто, да руки не доходили.

– Хорошо, – устало согласился Робер, – как только вернемся, разыщем эту парочку.

Они бы так и сделали, но бароны-контрабандисты исчезли, и никто не заметил, как, когда и куда.

Глава 3 **Урготелла. Оллария**

«Le Quatre des Épées & Le Six des Coupes & Le Sept des Coupes» 107

1

Личный секретарь ее высочества Юлии барон Себастьян Дежу заявился в особняк на улице Жеребца сразу после ужина, о чем сообщил вышколенный, как и все слуги дядюшки Шантэри, лакей. Господин посол отправил «гусака» за важным гостем и со значением посмотрел на Ворона. Ворон меланхолически пригубил «Змеиной крови» и расправил манжеты.

107 Четверка Мечей, Шестерка Кубков и Семерка Кубков.

Что Алва думал об охоте, устроенной на него дочерью Фомы, понять было трудно, но Марселя попытки принцесс выудить из озера луну забавляли необычайно. Виконт сожалел лишь о том, что не может рассказать о ловле заглянувшему на огонек Луиджи. Мешали дядюшка Шантэри и его посольские предрассудки.

«Гусак» торжественно распахнул двери, пропуская улыбающегося барона, за которым маячил кто-то длинный, худой и незнакомый.

– Ее высочество Юлия посылает Первому маршалу Талига гитару и надеется, что услышит, как она поет в его руках, – возгласил Дежу.

– Передайте ее высочеству мою признательность, – наклонил голову Ворон, – но слухи о моем искусстве несколько преувеличены.

– О, – закатил глаза секретарь, – герцог Алва слишком скромен, но мы доверяем господину Валме.

– Да, – согласился Ворон, – однажды я в его присутствии проявил неосторожность.

– Монсеньор, с вашего разрешения мастер настроит гитару так, как вам угодно, – барон еще разок поклонился и сделал знак рукой, подзывая своего спутника. Тот поспешно опустился на одно колено, на вытянутых руках возлежала гитара черного дерева. Алва окинул мастера оценивающим взглядом.

– Как ваше имя, любезный?

– Ничтожный Лаим к услугам вашей светлости.

– Эта гитара – ваших рук дело?

– Господину угодно услышать, как она звучит?

– Угодно, – Алва откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Выглядит красиво, – одобрительно заметил Марсель.

– Гитара не женщина, – поднял палец дядюшка, – для нее молчание – не золото, а внешность – не главное.

Словно в ответ, мастер взял несколько глубоких аккордов, затем прижал ладонью струны и опустил голову.

– Неплохо, – медленно произнес Алва, – очень неплохо, но настроено слишком низко. Идемте со мной, эта комната не годится для настройки. Барон, прошу засвидетельствовать мое почтение и мою благодарность ее высочеству.

– Господин Дежу, – дядюшка, не оставлявший надежды женить своего дикого гостя, был еще любезней, чем обычно, – устраивайтесь поудобнее. Желаете вина?

Довольный секретарь с готовностью плюхнулся в кресло и, разумеется, заговорил о погоде. Франсуа Шантэри ответил, слуги подали горячее вино со специями и подбросили в камин поленьев.

– В Урготе очень мягкая зима, – Дежу изящно отпил из высокого бокала, – и ранняя весна. В день рождения ее высочества в окрестных холмах цветут анемоны.

– У женщин, рожденных весной, особое очарование, – сладким тоном произнес Луиджи, пять минут назад несший по кочкам непрекращающийся дождь и ургов, умудрившихся построить столицу в столь мокром месте.

– О да. Ее высочество у нас так и зовут – принцесса Весна и Урготская Фиалка.

Если Юлию и называли Весной, то Марсель этого не слышал. И на фиалку румяная, кругломорденькая пышка не походила, скорее на пиончик. Марсель отхлебнул вина. Жаль, здесь нет Дерра-Пьяве, он бы наверняка что-нибудь добавил. Коротышка не был ни дураком, ни невежей, но любил таковым казаться.

– А как называют принцессу Елену? – поддержал светскую беседу далекий от двора Фомы Луиджи.

Секретарь задумался, разрываясь между нежеланием хвалить соперницу патронессы и лояльностью правящему дому. Последнее взяло верх.

– Принцессу Елену называют Ласточкой. Ее высочество родилась на борту королевской галеры «Белая Ласточка».

– Красивое имя, – Марсель понимал, что после ухода ургота дядюшка его придушит, но

удержаться не смог, – а то один наш друг назвал свой корабль «Бравым ызаргом».

– Остается надеяться, – Луиджи, неслыханное дело, улыбнулся, – что на корабле Дерра-Пьяве не родится ни одна принцесса.

Марсель едва не захлебнулся, хотя принцессы, достойные имени ызарга, отнюдь не были редкостью. Те же дочери Хайнриха...

– Веселитесь? – Алва стоял в дверях. – Ургот может гордиться мастером Лаимом. Инструмент превосходный.

– Ее высочество желает знать: согласитесь ли вы спеть для нее и ее подруг?

– В Кэналлоа говорят: хорошая гитара не может не петь.

– В таком случае поспешу во дворец, – барон поставил бокал на розовый столик и неторопливо поднялся.

– Не смею вас задерживать. – Шантэри тоже встал. – Позвольте вас проводить.

И правильно, пусть провожает, на то он и посол. Жаль, не до дворца. Марсель не имел ничего ни против Дежу, ни против дядюшки, но при них приходилось выбирать слова, чего виконт терпеть не мог. Особенно вечером и под вино.

– Вы и впрямь будете играть? – удивился Луиджи Джильди.

– А почему бы и нет? – Алва лениво подошел к окну, приподнял портьеру и приник к черно-синему стеклу, по которому барабанил ставший привычным дождь. Герцог стоял и смотрел в осень, а огонь свечей играл сапфирами кинжала. Марсель вспомнил шрамы на спине маршала и поежился. Когда-то Рокэ повернулся спиной не к тому, к кому нужно. К кому?

– Уехал, – сообщил Алва, опуская золотистый атлас. – Так вы говорили...

– Нет, это вы говорили, – улыбнулся вернувшийся дядюшка, – о гитаре. Насколько мне известно, в Кэналлоа новую гитару угощают старым вином.

– Угощают, – подтвердил Ворон, трогая черное дерево. – Мастер Лаим меня и впрямь удивил, я подобного не ожидал.

– Желаю хорошего вечера, – церемонно произнес Джильди, – но мне пора, путь до порта не близкий.

– Оставайтесь, – улыбнулся кэналлиец, – льет как из ведра, но зачем вода, если есть вино?

– Хорошо, – не стал спорить фельпец. Марсель поставил бы Марианну против пропавшей Зои, что Луиджи заговорил об уходе исключительно из вежливости.

– Вот и правильно, – Алва пристроил инструмент на коленях, лак сверкнул темным весенним льдом. Герцог провел пальцами по струнам и вновь улыбнулся. – Эта ночь, моя эрэа, ваша и только ваша. Герард, вина всем и себе!

– Монсеньор!

– Наливайте бокал и идите сюда. Господа, здоровье рэа Герарда Кальперадо!

– Нет, – мальчишка совсем раскраснелся, – монсеньор, я не могу... Я должен доказать... заслужить...

– Какая пошлость, – Рокэ залпом осушил бокал. – Герард, запомни и передай детям. Ничего, никогда и никому не доказывай.

– Но... Я не любил отца. – Какой славный мальчик и какой правдивый! – Он... жил, как свинья, но, монсеньор, я не хочу, чтобы подумали, что я стыжусь своей семьи.

– А ты ее стыдишься? – в синих глазах было нечто похожее на любопытство.

– Нет!

– Так в чем же дело? Ты знаешь, кто ты такой, а остальное – неважно. Прав ты, и только ты, какое тебе дело до других? Ну а если кто-то раздражает, его всегда можно отправить к Леворукому.

– Рокэ, – простонал шокированный дядюшка, – чему вы учите молодых людей?!

– Пить, – пожал плечами Алва, – и еще жить. И избавляться от того, что мешает. К слову сказать, это ко всем относится.

– Ну извините, – Валме шумно втянул воздух, – учить пить меня? Меня?!

– Успокойтесь, Марсель, – покачал головой Луиджи, нет, он положительно оживал, – в ваших талантах никто не сомневается.

– В таком случае, рэй Кальперадо, – провозгласил Валме, – позвольте совет. Чтобы стать настоящим дворянином, нужно не только книжки читать и за герцогом бегать, но и дурака валять. Красотки, вино, карты – без этого из тебя такой же рэй, как из меня – клирик. Понял?

– Да, Герард, – неожиданно поддержал дядюшка Шантэри, – благонамеренность в юном возрасте суть порождение мещанства. Забудь о ней и станешь настоящим военным. Порох нюхать – дело хорошее, но «запах женских волос, забирающий разум», тоже необходим. Ты к девицам-то ходил?

Мальчишка захлопал глазами и не нашелся, что ответить. Задумался, надо полагать. Валме хихикнул и снял с подноса в руках лакея чашечку шадди. В доме Алвы его готовили лучше – урготы знают толк в закуских и сладостях, но не в шадди и не в вине.

– Господин посол, – Луиджи не стал связываться с шадди по-урготски и плеснул себе «Вдовьей слезы», – вы, без сомнения, правы, но молодые люди нуждаются не столько в советах, сколько в примере.

– О, – промурлыкал дядюшка, – в этом я вполне полагаюсь на Марселя.

– Я готов, – кивнул Валме. – Герард, послезавтра вечером пойдете со мной.

– Если прикажет монсеньор, – неуверенно пробормотал юноша.

– Прикажет, – заверил Марсель, – не сомневайся.

– Считай, что уже приказал, – сверкнул глазами маршал. – Господа, наполним бокалы и выпьем за душу гитары. «Эвэ рэ гуэрдэ сона эдэрмьенте...» 108

Валме опрокинул бокал под нарастающую мелодию, но вкуса не заметил, потому что Алва запел. Сначала очень тихо, потом все громче. Виконт сразу узнал напев, но под гитару он звучал иначе, чем под цокот подков или скрип снастей. Кэналлийского Валме не знал, но воображение рисовало полосу прибоя, кружево пены, мокрый песок, исчезающие на глазах следы, красное закатное солнце и что-то еще, неуловимое и зыбкое, словно запах дыма.

В окно рвался дождь, трещали поленья, над чашей с горячим вином поднимался пряный пар, а Марселю чудились похожие на коней облака да пылающий горизонт. Может быть, Ворон пел о другом, даже наверняка, но виконт Валме слушал свою песню, и до перевода ему дела не было.

2

Окно выходило на крышу – плоскую, унылую, покрытую неопрятным ядовито-зеленым мхом. За крышей была стена, над которой мерцали звезды и глупо ухмылялась стареющая луна. Луиза, как в детстве, показала ей язык и уселась на постель. Знай она, что за скучища в этой Багерлее, лопнула б, а сюда не полезла и девиц бы своих не пустила. Собаки от жары бесятся, а люди – от безделья. Госпожа Арамона в тысячный раз оглядела чистенькую спальню. Аделаиде Феншо досталась такая же, Айрис с Селиной отвели одну комнату на двоих, а у опальной королевы была целая анфилада.

По мнению Луизы, в Багерлее было уютней, чем в Алисиных апартаментах, которые и протапливались-то с трудом. Если б не решетки на окнах, наружные замки и слуги в мундирах с золотым псом ¹⁰⁹ на плече, страшная темница сошла бы за очень хороший постоянный двор. Ни ржавых оков тебе, ни прелой соломы, ни страшных подземелий... Бедная Айрис была так разочарована: она ожидала всяческих кошмаров, а тут поссориться

108 «Чтоб струна звенела вечно» (кэналл.).

109 Золотой пес, лежащий в воротах башни, – герб Багерлее.

толком и то не с кем.

Луиза встала, поправила покрывало и начала ночной обход: увешанный иконами тупичок с молитвенными скамейками, закрытые двери спален, комната, возведенная августейшей узницей в гостиную, приемная, прихожая, гардеробная, каморка служанки, из которой доносится самозабвенный храп, запертая снаружи дубовая дверь... Снаружи дрыхнет охрана – и правильно делает. Луиза тоже могла не утруждать себя бессмысленными бдениями, вряд ли Катарина стала бы ей выговаривать за небрежение, но если только есть и спать, можно рехнуться. До недавнего времени Луиза наивно полагала, что ничего не делать – это счастье! Может, и так, но лишь когда над тобой висит с десяток дел, а если их нет и не предвидится?! Закатные твари, она даже бояться не может: ей с девочками ничего не грозит. Сиди себе в болоте да квакай помаленьку.

Казалось, о Катарине Ариго забыли все, кроме повара, истопника и очаровательного господина, которого называть тюремщиком язык не поворачивался. Манрики больше не появлялись, коменданта Багерлее узницы видели только раз, а приставленный к ним господин Пико оказался прекрасно воспитанным, бесконечно терпеливым и печальным. Луизе было его откровенно жаль: живешь себе помаленьку, и вдруг на твою голову валится королева со свитой и всяческими книжками-тряпками. И что прикажете со всем этим добром делать? Тут хоть в узел завяжись, все равно окажешься виноват. Не перед августейшей узницей, так перед начальством, не говоря уж о таком счастье, как девица Окделл.

Не дождавшаяся сырых подвалов, крыс и скелетов Айри не растерялась и заявила, что королеву или отравят, или задушат. Катарина в ответ лишь печально улыбнулась, покачала головой и уткнулась в молитвенник. Этого хватило: Айрис обрушилась на господина Пико, вынудив беднягу пробовать все присылаемые из кухни блюда. То, что, убивая королеву, канцильер запросто пожертвует каким-то тюремщиком, в голову девице Окделл не приходило. По мнению Луизы, жизни Катарины не грозило ничего, кроме честного палача, иначе представление с Багерлее теряло всякий смысл. Убивать легче во дворце, там внезапную смерть можно свалить на неугодных придворных или на скоротечную лихорадку... Нет, Манрику нужна или казнь, или развод...

– Мама!

Луиза вздрогнула и завертела головой, пытаясь понять, где кричат.

– Мама! Ну где ты там?! – Цилла?! Дочка зовет ее именно так, но что у нее с голосом? Откуда эти хрипы?!

– Мамка!

Святая Октавия, что же это? Кто ее привел? Зачем?! Она же просила не впутывать малышню в придворные пакости.

– Ну мамка же! – вопль шел из ее спальни. Луиза опрометью бросилась к себе – в комнате никого не было.

– Мама... Ну где ты? Совсем загуляла?

За окном! Но там же крыши, туда не забраться! Луиза едва не сорвала портьеру, в глаза женщине вцепились обглоданная луна и десятка полтора звезд.

– Мамка! Ты что, совсем? Я тут...

Скок, скок, скок-поскок,
Ты попался, голубок!
Скок, скок, скок-поскок,
Отдавай-ка свой должок...

Цилла неуклюже скакала вокруг трубы, распевая дурацкую считалочку, которой научил ее отец. Капитанша прекрасно видела дочку: это была она, но в каком виде! Босая, в обгоревшей ночной рубашке, волосы спутаны, лицо и ручки в ожогах.

– Мама, – дочка прекратила скакать, рот скривился в преддверии плача. – Мама, холодно! Больно...

Как ее занесло на крышу? Что с ней?! Обварилась, упала в очаг, в костер?! Луиза рванула оконную раму, та послушно распахнулась, осталось что-то сделать с решеткой. Чтоб вывернуть эдакие прутья, нужна дюжина солдат с ломами!

– Пусти! – Цилла обливалась слезами и кашляла. – Скорее... Мама!!! Пусти... Я хочу... К тебе!..

Женщина изо всех сил затрясла холодные железяки. Без толку! Нет, без мужчины не обойтись. Святая Октавия, надо ж быть такой душой – чего-чего, а мужчин здесь как тараканов...

– Детка, потерпи, я сейчас... Я очень-очень быстро...

Только б солдаты дрыхли прямо под дверью! Она им заплатит, деньги у нее есть.

– Не уходи!.. Не смей уходить! Аыыыы... Холодно!

– Девочка моя, я не могу открыть окно. Я сейчас приведу...

– Нет, можешь, – зашлась плачем дочка, – можешь, можешь. Можешь! Никого не хочу, они грязные... Грязные! Пусти... Я войду!!!

– Детка, не говори глупостей... Я сейчас позову сержанта. Помнишь, ты хотела сержанта?

– А теперь не хочу! У меня будет король, вот! Ну пусти же...

– Да как же я тебя пущу, решетка же...

– Ты что, совсем дура? Ну скажи...

– Мама! – горячие пальцы вцепились в руки Луизы, отрывая их от решетки. – Мама, не делай этого!..

Селина! Слава Создателю, теперь не придется бросать малышку одну на этой клятой крыше.

– Селина, приведи солдата... Двух!

– Пошла вон! – взвизгнула Цилла. – Вон, подлая!!! Вон!!! Все испортила... Ненавижу!!!

– Детка...

– Вон!.. Убирайся...

– Селина, что ты стоишь?! Она же больна...

– Мама, – прошептала Селина, – она не болеет, она... как папенька...

– Чтоб ты сдохла! – замахала руками Цилла. – В церкви! Насовсем... Убирайся к зеленым монахам!.. Гадина свечная, от тебя воняет!..

– Замолчи! – прикрикнула Луиза. – Сколько раз тебе говорить!

– Мамка-шмаколявка, – дочка высунула бледный язык, – ууууу... Мамка-шмаколявка...

Скок, скок, скок-поскок,
На лицо накинй платок.
Скок, скок-поскок,
Ты глупее ста сорок!

Она и раньше так дразнилась! Из-за спины Арнольда, а тот ржал, как мерин, скотина! Какая луна... Белый свет, черные тени – от труб, башен, стены. А тени у Циллы нету...

Луиза схватилась руками за виски: ее дочка – выходец, очень маленький выходец, и ей плохо. Кто сказал, что мертвым не бывает страшно? Они же чувствуют что-то, они же понимают... Цилла плачет, значит, ей больно. Откуда эти ожоги? Что с ней сделали? Кто?!

– Детка моя, я сейчас к тебе выйду.

– Не хочу! – Цилла топнула ножкой, какие жуткие волдыри! – Пусти меня в дом!.. Там сладко...

– Нет, – твердо сказала Луиза, – в дом тебе нельзя. Я сейчас выйду и тебе помогу. Селина, а ты сиди здесь. Зажги свечи. Четыре. Ты заговор помнишь?

Дочка кивнула, губы ее дрожали.

– Мама, я с тобой!

– Нет! Сиди тут, или... Шла бы ты к Айрис.

– Дай мне Айрис! – восторженно воскликнула Цилла. – Ты не годишься... Сестра не годится, сестра грязная, а другую Она возьмет... Это будет весело... Хочу другую! Дай!

«Дай!..» Любимое словечко Циллы. «Дай!» и еще «хочу», «вот тебе» и «дура». Смерть ничего не меняет. Мертвый ли, живой – нутро то же. Дениза предупреждала, что дочка вернется, будет плакать, а мать откроет. Забудет, что Цилла мертва, и откроет. Так бы и вышло, если б не Селина и не решетка... Хотя решетка выходцу не помеха. Луиза оглянулась на возившуюся с огнем Селину. Цилла мертва, этого не исправить, ей не место среди живых.

– Уходи, – как у нее язык поворачивается, ведь дочка же, родная дочка! – К отцу уходи...

– Ну и уйду! – Цилла высунула язык еще дальше, ухватила руками уши и растопырила ладони. – Бу! Бу! Бу!!! Вот тебе! Дура!.. Все портишь, рожа порченная, молью траченная!

– Пусть четыре Молнии падут четырьмя мечами на головы врагов, сколько б их ни было, – Селина бросилась между матерью и окном, поднимая свечу, – уходи!

Цилла с шипеньем шлепнулась на спину, замолотив в воздухе ногами. То ли ей стало больно, то ли дразнилась. Луиза выходила из себя, пытаясь надеть на младшую рубашку, а та колотила ногами и орала, как сейчас...

– Фульга! – визжала Цилла. – Поганая фульга! Злая... Вы с ней заодно... Ненавижу вас! Ненавижу этот город! Я его уничтожу! А кого хочу, получу... Приду и возьму, скоро приду... Здесь все будет мое!.. Я здесь буду жить! В этом доме!.. Мне его подарят! Здесь будет мое королевство... Вот вернется папенька с Ней и ваши свечки сдохнут! И вы сдохнете... Насовсем! Все сдохнут, все будет Ее. И мое!.. И папеньки... И его жены... Она лучше тебя! Лучше!.. Лучше!!!

Луиза с силой захлопнула окно, за которым бесновалось существо, когда-то бывшее ее дочерью. Женщина больше не чувствовала ни жалости, ни страха – только омерзение. Какая же она бесчувственная коряга, хорошая мать на ее месте рыдала бы, честная олларианка тряслась бы от ужаса и шептала молитвы, а она просто устала.

– Мамка-шмаколявка! – двойные рамы и не думали глушить вопли. – Мамка-шмаколявка!.. Ты папеньке не нужна! Он тебя не хочет... Ты не мать, а мармалюка! Хуже фульги... Я Ей расскажу. Она тебе покажет!.. Дура кривоногая, на лицо убогая...

Визгливые вопли разрывали уши. Сюда должна сбежаться рота охранников, почему же никого нет? Что со стражниками, Айрис, Катариной, дурищей Феншо?

– Пусть четыре Скалы защитят от чужих стрел, сколько б их ни было, – забормотала Луиза, сжимая свечу. Их, не спящих, всего двое – она и Селина, у них нет ни рябины, ни оскоки, но Цилла внутрь не войдет, нет у нее такой власти – входить, – пока ее не позовут.

3

Первым сдался посол, затем герцог выгнал осоловевшего порученца. Марсель продержался дольше, но в конце концов тоже ушел. Здравый смысл подсказывал отправиться спать, но Луиджи сидел и слушал позабывшего о нем Ворона. Голова немного кружилась то ли от вина, то ли просто так, по потолку плясали рыжие отсветы, в ушах бился струнный перебор.

– Это гвэнте кондо, – Рокэ отложил гитару и взялся за бокал, – старая кэналлийская манера. Вы бывали в Кэналлоа, Луиджи?

– Нет, – покачал головой Джильди, – но надеюсь наверстать.

– Не тяните. «Потом» – очень коварная штука, оно имеет обыкновение не наступать. Отправляйтесь в Кэналлоа при первой возможности и начинайте с Алвасете... Вам налить?

– Не откажусь.

Маршал взялся за бутылку. Спать он не собирался, и Луиджи был этому только рад.

После попойки с «пантерками» Джильди на твердой земле засыпал с трудом, уж лучше дожидаться утра и на «Акулу».

– Расскажите, – начал Луиджи, глядя на багровую струю...

– Расскажу, – Рокэ пригубил вино и чему-то улыбнулся. – О чем?

– Ну, хотя бы об Алвасете.

– Он стоит на сбегающих к морю холмах, заросших дикими гранатами. Когда рощи зацветают, склоны становятся темно-алыми, чуть светлей, чем это вино, – талигоец поднял бокал, разглядывая на свет, и поставил на ручку кресла. Эту его привычку, так же как манеру прикрывать глаза руками, Джильди запомнил еще в Фельпе.

– Я где-то читал, что вокруг Урготеллы тоже были рощи, а сейчас здесь все распаханно.

– Алвасете повезло. Аллийцы считали это место священным, а морискам достало вкуса не вырубать гранаты. Алвасете растет не в глубь берега, а вширь. Представьте подкову, охватывающую залив, в который выдается скалистый мыс, а на нем – замок.

– Гнездо Воронов? – пробормотал Луиджи. – Хотел бы я увидеть...

– И увидите, – герцог тронул гитару, но играть не стал. – Зимой море в Алвасетской бухте зеленое; когда дует южный ветер, туда заносит множество медуз. Я их всегда терпеть не мог... Слизь, холод, яд... Они оскорбляют море. Давайте бокал.

Луиджи повиновался. Красное вино, красные склоны алвасетских холмов, красная кровь, «Дурная кровь». Он пьян, хотя после андийских кошмаров клялся не пить.

– Рокэ, – капитану было неловко, но ему давно хотелось знать, – я, конечно, не талигоец...

– Я заметил, – кивнул маршал, – куда труднее решить, кто такие талигойцы. Обитатели нынешнего Талига, откуда б ни занесло их предков? Потомки древних имперцев, которых разве что в Бирюзовых землях нет? Те, кто говорит на талиг?

– А вы как думаете?

– Первый маршал Талига почитает своими соотечественниками верных подданных своего короля, – Алва усмехнулся. – Франциск Оллар сочинил хорошую клятву, она не допускает разночтений. Но вы хотели о чем-то узнать?

– Да, но если это вам не понравится...

– Этой ночью мне отчего-то нравится все, даже погода. Кончайте с политесом, Луиджи, сегодня он неуместен.

Кто бы мог подумать, что гитара так меняет человека? Гитара и вино, хотя вместе они пили и раньше. Как всегда, от воспоминаний о Бьетероццо по спине побежал холодок, и Луиджи торопливо спросил:

– Почему Алва – кэналлийские герцоги, а не талигойские короли?

Первый маршал Талига поднял бровь и улыбнулся:

– Алва – владельцы Кэналлоа. Это дороже короны, которую может надеть любой ызарг.

– Вы шутите?

– В таком случае почему Луиджи Джильди не муж Джулии Ванжи?

Почему? Потому что первая красавица и одна из самых богатых невест Фельпа ему не нужна и не была нужна никогда. Отец при всей нелюбви к Титусу был польщен вниманием Джулии к его сыну, так польщен, что об этом узнал даже Ворон, а сын не представлял, куда бежать от набросившегося на него счастья.

Кэналлиец прав: то, что само идет в руки, то, о чем мечтают многие, если не все, не приносит счастья. Лучше не иметь ничего, чем стать обладателем ненужной игрушки и всеобщей зависти. Джулия Ванжи станет женой другого, а он проживет свою жизнь одиноким. Поликсена мертва, другим женщинам ее не заменить, но жить можно и без любви, это он тоже понял на Бьетероццо. Так же как и то, что, вцепившись в прошлое, станешь добычей чудовищ.

– Вы задумались, – Алва снова погладил гитару. Как кошку или женщину. – О чем?

– О той лошади... Вы ее удержали.

– Хорош бы я был, если б не удержал какую-то клячу. Даже во сне.
 – Клячу?! Это, по-вашему, кляча?!
 – Если в лошади видишь чудовище, она будет чудовищем, – зевнул талигонец, – если в чудовище увидеть лошадь, оно станет лошастью.
 – Можете сколько угодно делать вид, что ничего не произошло, но ее прогнали именно вы.
 – Видимо, кляча решила, что перед ней чудовище, – пожал плечами талигонец. – Не исключаю, что, с ее точки зрения, так и было.
 – И все равно, – не унимался Луиджи, – я ваш должник, хоть вы и отказываетесь. И когда-нибудь я отдам все долги.
 Алва прикрыл глаза ладонями, наверное, все же устал.
 – Звучит угрожающе. Прошу меня извинить, мне нужно написать пару писем, а уже далеко за полночь.
 – Я не уйду – внезапно заупрямился фельпец, – то есть не уйду, пока вы не скажете, о чем вы только что пели.
 Кэналлиец откинулся на спинку кресла, рассматривая собеседника, затем кивнул и потянулся к бутылке.
 – Тогда выпейте еще. Это старая песня. В Алвасете вам скажут, что ее сочинил первый из Алва, но на самом деле она еще старше. Ее можно спеть на талиг, хотя при этом многое теряется.
 – Спойте, – подался вперед Джильди, – и я уйду.
 Ворон не ответил, а молча допил вино и взял гитару. На красивых губах мелькнула и пропала усмешка. Первый аккорд был резким и отчаянным, словно крик в ночи, Алва прижал струны, заставив их замолчать.
 – Вы уверены, что хотите услышать именно это? Я мог бы спеть что-то более приятное.
 – Уверен.
 – Что ж, извольте...

– Брат мой сводный, брат мой с перевала,
 Что мне делать с сердцем, что болеть устало?
 – Черный камень заменит сердце,
 Ай-яй-яй, черный камень...
 – Брат мой сводный, брат мой с побережья,
 Не отмыть ножа мне, что убил надежду.
 – Горький ветер высушит слезы,
 Ай-яй-яй, горький ветер...
 – Брат мой сводный, брат мой из пустыни,
 Вспомнишь ли о мести, когда труп остынет?
 – Алой кровью умоется сталь,
 Ай-яй-яй, алой кровью...
 – Брат мой сводный, брат мой из дубравы,
 Помянешь ли брата на заре кровавой?
 – Струнным звоном расколется ночь,
 Ай-яй-яй, струнным звоном...

Гитарный перебор, отблески камина, пляшущие тени на стенах, полу, потолке и песня. Песня обо всем и ни о чем, песня, которую не забыть.

Глава 4 Оллария

1

Утро было бледным и дохлым, как подвальный проросток, но оно было! Луиза с трудом оторвала раскалывающуюся голову от подушки – нужно вставать, приводить рожу в пристойный вид, отправляться к Катарине, притворяться, что все в порядке. Служанки в Багерлее были старательными, но неумелыми, и благородным узницам отсутствующих камеристок заменяли Луиза и Селина: мать причесывала королеву, дочь – Айрис и графиню Феншо.

Госпожа Арамона кое-как влезла в утреннее платье, заплела косы, обернула их вокруг головы, покосилась на окно, не удержалась и выглянула наружу. Мокрая крыша, мох в выбоинах, облезлые голуби, дым из труб – скучно, серо и нестрашно. Женщина тихо задернула атласную занавеску – словно прикрыла лицо покойника. Хотелось ткнуться лицом в подушку и завывать.

– Госпожа Арамона, – симпатичная толстуха стояла на пороге, прижимая к животу кувшин, – ваше молоко.

– Спасибо, Грейс. Ты ничего ночью не слышала?

– Ничего... Только кошки орали, как с цепи сорвались...

Кошки? Она как-то спугала кошачьи вопли с детским плачем и выскочила на улицу среди ночи; мать долго ей это вспоминала.

– Я тоже слышала кошек, Грейс. Наверное, они решили, что весна.

Грейс хихикнула. Обычный день – решетки, слуги, молоко, хлеб, Катарина с молитвенником, зеркало, кипарисовые гребни на маленьком столике.

– Доброе утро, ваше величество.

– Доброе утро, Луиза, – Катарина улыбнулась, потом пригляделась и нахмурилась: – Дорогая, у вас красные глаза. Что-то случилось?

– Нет, все в порядке. – Вот ведь змея, все замечает!

– Я вам не верю. Что-то с Селиной? Она заболела?

– У нее все в порядке, – выдавила из себя улыбку Луиза, – они с Айрис еще спят.

– Значит, что-то с вами?

– Просто дурной сон, ваше величество.

– А я сегодня спала, как убитая, – королева казалась удивленной, – впервые в этом месте. Наверное, начинаю привыкать...

Просто, когда появляются выходцы, все вокруг засыпают. Все, кроме тех, по чью душу приходят, так что наша крошка не врет. То есть, конечно, врет, но не сейчас.

– Моя кормилица говорила, что привычка любую беду перемелет. Как вас причесать?

– Как вчера. – Ее величество пересела на высокий табурет у зеркала, Луиза встала за ее спиной. Захоти она задушить Катарину, это было бы очень просто. Знатные дамы рискуют, подставляя камеристкам свои шейки. Госпожа Арамона разделила пепельные волосы королевы на четыре части и принялась сосредоточенно разбирать мягкие пряди. Прическа была сложной и требовала полного внимания, ну и слава Создателю! Меньше всего капитанше хотелось думать.

Луиза как раз закрепляла узел на затылке ее величества, когда в приемной затопали, зашумели и перед Луизой возник Фердинанд II Оллар в роскошном белом одеянии.

Королева увидела супруга в зеркале, приглушенно вскрикнула и вскочила; освободившиеся волосы рассыпались по плечам серым эсператистским плащом.

– Ваше величество, – Катарина сделала положенный реверанс и замерла, глядя в глаза

супругу, – я готова выслушать приговор.

– Ваше величество, – глаза Фердинанда сияли, как в прежние времена, – Катари, вы свободны!

– Вы хотите сказать, что обер-прокурор взял свои обвинения назад?

– Я хочу сказать, – приосанился Фердинанд, – что Колинъяр больше не обер-прокурор и не герцог. Прошу вас опереться на мою руку. Мы возвращаемся во дворец, нас ждет Совет Меча.

– Где Карл?

– Ваше величество, – король тяжело вздохнул, – наш сын в безопасности, и мы обязательно вернем его, но сейчас идет война и нас призывает иной долг. Идемте.

– Фердинанд... Если я еще ваша королева, я... Я не должна показываться Лучшим Людям в одежде узницы.

– Вы правы, дорогая, – закивал король. – Это было бы недопустимо. Сколько времени вам потребуется?

– О, совсем немного, – королева подошла к Луизе и обняла ее за плечи, – мне поможет госпожа Арамона. Фердинанд, если я еще жива, то лишь благодаря ее преданности. Ее и других оставшихся со мной подруг.

– Сударыня, – взволнованно произнес король, – у вас сердце истинной герцогини.

Госпожа Арамона удержалась на ногах только чудом.

2

Портреты были прежними – люди по большей части новыми. Луиза узнала только экстерриора, геренция и нескольких человек, которые на прошлом Совете молчали. Не было ни Придда со спрутом, ни красавцев Колинъяров с юной Ивонн, ни папеньки, ни кардинала, не говоря уж о Манриках. Придворная дама ее величества, только что разжившаяся орденом Талигойской Розы, наспех оглядела незнакомые физиономии, гадая, что же все-таки случилось. Король был взволнован и счастлив, а граф Рафиано – нет, и это госпоже Арамоне ужасно не нравилось. Леопольд Манрик, конечно, был дрянью и выскочкой, но хотя бы не дураком.

– Садитесь, господа, – с нескрываемым удовольствием провозгласил Фердинанд. – Мы собрали Совет Меча, дабы довести до сведения Лучших Людей, что кансильера в Талиге нет и больше не будет. Мы, Фердинанд II, милостью Создателя король Талига, объявляем эту должность упраздненной. Отныне между нами и Лучшими Людьми не будет посредников. Мы сами станем объявлять и о хорошем, и о плохом.

– Виват! – завопил, как всегда, кое-как одетый Раймон Салиган. – Да здравствует король!

– Долой временщиков! – поддержал знаменитого неряху Маркус Фарнэби. В свое время Луиза поймала его взгляд, обращенный на Селину, и едва удержалась от убийства.

– Да здравствует король!

– Манриков в Багерлее!

– Вместе с Колинъярами!

– Виват!

Верноподданные вопли не иссякали. Король плавал в них, как цыпленок в укропном желе. Королева изображала собой то ли статую, то ли кошку над мышиной норой, а на белой шее вновь горела алая ройя, надетая по просьбе короля. Катари понимала не больше Луизы, это наполняло душу вдовицы рассветным нектаром.

Крылатые болваны на портретах великих полководцев радостно дудели. Граф Гогенлоэ-цур-Адлерберг что-то шепнул Гектору Рафиано. Кругленький дворянин с цепью маркиза задумчиво пожевал сочными губами и улыбнулся; очень старый кавалерийский генерал громко чихнул и принялся разглядывать свои руки; черноглазый красавец с темными

усаами брезгливо отодвинулся от старика и уставился прямо перед собой.

– Мы благодарим наших подданных, – его величество качнул головой и улыбнулся совершенно по-детски. – Мы не сомневаемся в вашей верности нам и Талигу. Да будет всем известно, что прошедшей ночью бывший кардинал Талига Агний, бывший кансильер Леопольд Манрик, бывший обер-прокурор Жоан-Эразм Колиньяр, бывший тессорий Креденьи, бывший командующий гарнизоном Оллари Арнольд Манрик, бывший генерал-церемониймейстер Фридрих Манрик...

Фердинанд перечислял удравших с пугающей ненавистью. Мягкое лицо короля внезапно стало злым и отрешенным, как у хищной птицы или Франциска Великого. И еще он был счастлив, и Луиза понимала почему. Когда госпожа Арамона осознала, что у нее есть свой дом и она в нем хозяйка, она едва не пустилась в пляс. Несмотря на Арнольда. Фердинанд тоже почувствовал себя хозяином. И не домишки в Кошоне, а целого королевства. А папенька удрал, значит, дело дрянь. И не просто дрянь, а дрянь большая и зубастая.

– Предатели хотели принудить нас бежать, – его величество запнулся то ли от негодования, то ли от смущения, – но мы остались с нашим народом. Мы лично возглавим оборону Оллари и остановим врага. Отныне мы, как во времена Франциска, принимаем на себя обязанности кансильера, кардинала и командующего гарнизоном Оллари. С нами – Создатель! С нами Правда, Сила и Закон!!! А теперь мы желаем слышать Лучших Людей. Истинно Лучших, а не тех, кто занимал скамьи в Зале Меча, будучи достойным Багерлее. Кто скажет первое слово?

Вверх взметнулся лес рук, и лицо короля еще больше просветлело:

– Граф Гектор Рафиано.

– Ваше величество, – экстерриор сдержанно поклонился, – господа. Я рискую навлечь на себя высочайший гнев, но время притч прошло, так же как и время самообмана. Нам всем, и особенно вашему величеству, грозит серьезная опасность. Я полагаю решение вашего величества остаться в Оллари гибельным...

– Позор! – маркиз Салиган стукнул кулаком по собственному колену, но Рафиано и бровью не повел.

– Господа, – старый дипломат достал какой-то документ. – Напомню, что Робер Эпинэ и Альдо Ракан приближаются к Оллари с юго-востока. Они начали свой марш во Внутренней Эпинэ, перешли Кольцо Эрнани и приближаются к Данару. На границе графства Пуэн на сторону мятежников перешла часть Резервной армии во главе с Симоном Люра. Позднее к ним присоединились гарнизоны Марипоз и Барсины. В общей сложности у Ракана около шестнадцати тысяч человек. Гарнизон Оллари и расквартированные в Мерцийском и бывшем Летнем лагерях резервные полки насчитывают четырнадцать тысяч, гарнизоны Мергана, Болы и Эр-Афор – три, четыре и две тысячи соответственно.

– Мы благодарим экстерриора за то, что он напомнил столь важные цифры, – кивнул Фердинанд. Граф Рафиано молча поклонился, напомнив Луизе лекаря из Кошоне, уговаривавшего обожравшегося Арнольда поставить пиявки. Сравнение никуда не годилось и вместе с тем было верным: экстерриор, как и безвестный лекарь, говорил то, что ему предписывал долг, ни на миг не веря, что его послушают.

– Ваше величество, как это ни прискорбно, Мерцийский лагерь, Мерган и гарнизон Оллари примкнут к мятежу. Мы можем рассчитывать лишь на Болу и Эр-Афор, но этого недостаточно.

– Откуда у вас такие сведения? – переспросил франтоватый барон, при ближайшем рассмотрении оказавшийся косым.

– Присоединяюсь к господину Краклу, – худенький седой дворянин вскочил со своего места, всплеснул ручками и снова уселся.

– Господа, довольно единожды увидеть ызарга, чтобы при встрече узнать его соплеменника, – на мгновение сквозь усталость и досаду мелькнул прежний Рафиано – любитель притч и шуток. – Достаточно перечислить перешедших на сторону Раканов, чтобы

заметить характерную особенность. Все они получили свои должности в отсутствие Первого маршала Талига по ходатайству либо Леопольда Манрика, либо Жоана Колиньяра. Все они были переведены в гарнизоны, расположенные между Внутренней Эпинэ и Олларией. Мы с уважаемым геренцием пересмотрели все приказы о смещении и назначении гарнизонных офицеров, о формировании полков Резервной армии и их дислокации.

– Совпадения исключаются, – Гогенлоэ-цур-Адлерберг с бумагами в руках неторопливо вышел вперед. – Складывается совершенно отчетливая картина. Мы имеем дело с разветвленным, умным, хорошо подготовленным заговором в центре страны, конечная цель которого до конца непонятна. Логично предположить, что Гайифа и Дриксен, опасаясь поражения в неизбежной войне, сделали ставку на смуту в сердце Талига. Против этого, однако, говорит бегство канцильера и обер-прокурора.

– Бывших, – резко бросил король.

– Как будет угодно вашему величеству. Союз господ Манрика и Колиньяра с Гайифой невозможен. Я не могу предположить, что бывший канцильер послал на верную смерть собственного сына. Переход армии Люра на сторону непонятно каким образом оказавшегося в Талиге Ракана стал для него полной неожиданностью. С другой стороны, для того, чтобы склонить к измене треть Резервной армии и несколько гарнизонов, нужны баснословные суммы или же какие-то иные рычаги, которых я не вижу.

Король задумчиво тронул орден Святого Франциска, надетый поверх кирасы. Святая Октавия, как же ему хочется воевать!

– Ваше величество, – Рафиано в глубине своей дипломатической души был готов кусаться, – представьте булыжник, брошенный с высокой башни. Ловить его смертельно опасно, но стоит ему упасть, и он не способен причинить вред даже голубю. Так же и армия Эпинэ. Это – камень, брошенный вражеской рукой, пока он летит, он опасен. Дайте ему упасть – оставьте Олларию! Пусть все предатели предадут, а трусы струсят, зато потом вы сможете спать спокойно. С утратой Олларии Талиг теряет только столицу, да и то лишь до весны, в крайнем случае до лета. Вряд ли выросший в Агарисе принц явит себя тонким политиком и умелым дипломатом, а его армия, без всякого сомнения, начнет грабить мирных жителей, что неизбежно вызовет сопротивление.

– Что вы предлагаете? – произнес король потускневшим голосом.

– Временен выехать в Хексберг. Герцог Ноймаринен и армия фок Варзова надежны. Так же как герцог Алва, адмирал Альмейда, братья Савиньяк и маршал Дьегаррон. Ваше величество можете полностью полагаться на высших офицеров, назначенных до начала минувшего лета, и на полки, формирование которых не оплачивал Леопольд Манрик. Верные трону войска во главе с опытным и умелым военачальником легко покончат с отошавшим мятежом. Возвращение законной власти население Олларии воспримет с восторгом, тогда как попытка удержать плохо подготовленный к обороне город приведет к ненужным жертвам.

3

Граф Гектор Рафиано вернулся на свое место. Они с геренцием сделали все, что могли, и даже больше, и они были правы, как Семеро Первых¹¹¹. Другое дело, что сорвавшийся с цепи король меньше всего хотел снова оказаться на этой самой цепи. Ему нравилось править.

Солнечный луч просочился сквозь стекло и погладил Луизу по плечу. Даже осенью бывает солнце, в юности госпожа Арамона выдумывала добрые приметы, а потом им радовалась. Это очень помогало.

– Мы выслушали экстерриора, – тоном обиженного, но благовоспитанного ребенка

¹¹¹ Имеются в виду семь первых магнусов, которых чтут и олларянцы, и эсператисты.

произнес Фердинанд, – и мы хотим знать, все ли думают так же? Барон Кракл, мы вас слушаем.

Краклы отличились тем, что на клетчатое марагонское поле брякнули золотого валемского льва и сказали, что так и было. На геральдическом щите это выглядело прилично, но плащи и камзолы в черно-белую клетку живо напоминали о ярмарочных фокусниках. Барон Энталь Кракл стремительно поклонился его величеству – других для него не существовало.

– Да, нас предал генерал Люра, – заявил барон высоким, хорошо поставленным голосом, – нас предали гарнизоны Марипоз и Барсины, но почему мы не должны доверять гарнизону Оллари? Только потому, что господам геренцию и экстерриору кажется, что он перекуплен? Никаких доказательств предъявлено не было, никаких! Не считать же за таковые землеописательные карты и патенты на чины! Ваше величество, почему мы должны верить дурному и подозревать тех, кто присягал защищать Талиг и своего короля? Вспомните, как Колиньяры и Манрики клялись разоблачить заговор и получили соответствующие полномочия. И что? Они погубили тех, кто мешал им, но за их спинами расцвел настоящий заговор. Трагическая судьба супрема Придда и его семьи, страшная участь десятков других безвинных и чудовищное предательство – вот цена излишней подозрительности и вседозволенности временщиков. Ваше величество, я призываю вас принять звание Первого маршала Талига и возглавить не только оборону, но и наступление. Мы сплотимся вокруг своего короля и защитим наш Талиг. Новый Талиг, без временщиков и купающихся в своей безнаказанности убийц. Талиг, в котором есть король, сильный и любимый народом, есть его верные подданные, но нет и не может быть прикрывающихся высочайшим именем воров, лжецов, палачей. Я благодарю его величество за то, что я, всего лишь барон, сегодня впервые вошедший в Зал Меча, могу бросить вызов маститым сановникам. Я горжусь тем, что дожил до этого дня, дня единения моего короля с моим народом. Ваше величество, в вашем роду было немало славных имен, но золотыми буквами в истории Талига горят два: Великого Франциска, основавшего нашу державу, и Великого Фердинанда, сделавшего ее свободной.

– Виват Первому маршалу Талига Фердинанду Оллари! – рявкнул кавалерийский генерал.

– Ведите нас к победе!

– Ваше величество, на вас смотрит Талиг!

– Да здравствует король!

– Позор экстерриору!

– Ваше величество, – черноволосый усатый красавец лет тридцати преклонил колено перед тронем, – я не верю эктерриору и геренцию. Зачем они здесь? Их место с их трусливыми сообщниками.

– Мой король, новое время требует новых людей. Окружите себя достойными.

– Владения Рафиано в Эпинэ, конечно, я далек от того, чтобы...

– Не хочу обидеть господина геренция, но ему скоро семьдесят. Он – человек прошлого, а вы, ваше величество, владыка настоящего и будущего!

– Только король может вести в бой армию Талига!

Кошки б разодрали этих доброхотов. Подхалимы шелудивые! Луиза кусала губы, а воображение рисовало оставшуюся в Кошоне скалку, которой она как-то проучила мерзавца Арнольда. Неужели Фердинанд совсем ничего не понимает? А Катарина? Уж она-то не дура, ей голову не заморочишь...

Ее величество королева Талига глядела прямо перед собой – бледное лицо, тонкие пальцы, впившиеся в подлокотники кресла. Чего она ждет, кошка драная?

– Ваше величество!

– Мы слушаем, маркиз Фарнэби.

Нашли кого слушать! Чтобы не глядеть на непотребную морду, Луиза уставилась на Первого маршала Талига, к несчастью, нарисованного. Ответа на ее письма так и не было.

Герард не мог забыть о матери и малышне, значит, почту воровали, но когда? По дороге в Урготеллу или на обратном пути?

– ...для того чтобы загонять оленей, есть гончие. Охотник, который лает сам, вызовет удивление. Ваше величество, на ваших плечах лежит ноша, которую никто, кроме короля, не может поднять. Отдайте то, что по силам другим, полководцам, сановникам, священникам. Ни император Гайифы, ни кесарь Дриксен не водят войска лично, только Хайнрих сам командует своими голодранцами, но всем известна его скупость. Всем честным талигойцам будет горько, если гайифцы и дриксенцы станут смеяться над моим королем, а они будут.

А еще ты боишься за свою задницу, которую его величество кошки с две защитит, и правильно боишься. Неужели в Зале Меча не найдется хотя бы десятка умных трусов, или все уже удрали, а остались сплошные дурни, которым дай сегодня пожрать, а завтра – трава не расти?

– Маркиз Фарнэби позавчера разговаривал с Леопольдом Манриком, – веско произнес давешний недоверчивый брюнет.

– Кавалер Вускерд, – глазки Фарнэби из сально-сладких стали колючими, – вы на что-то намекаете? Уж не на то ли, что мечтали пристроиться к господину тессорию, хоть лакеем. Лишь бы к денежкам поближе, а от пороха подальше.

– Господа, – неожиданно громко рявкнул Фердинанд, – мы не для того собрали здесь людей, коих почитаем Лучшими, чтобы они доносили друг на друга. То, что было до сего утра, предадим забвению и будем смотреть вперед. Мы согласны с маркизом Фарнэби. Первый маршал Талига герцог Алва оказал нам немало услуг. Мы не намерены платить за преданность и смелость неблагодарностью. Рокэ Алва есть и останется Первым маршалом Талига, пока мы остаемся королем. Мы благодарим графа Гогенлоэ-цур-Адлерберга и графа Рафиано за верную службу и отпускаем из Олларию в Придду или любое другое место по их желанию. Новым экстерриором мы называем графа Кракла, новым геренцием – маркиза Фарнэби, новым обер-прокурором – барона Вускерда, да-да, именно графа Кракла и барона Вускерда. Мы и наш двор остаемся в Олларии. Мятужники никогда не войдут в столицу Талига, никогда!

– Ваше величество, – бывший геренций был спокоен, видимо, ничего другого он и не ожидал, – я принимаю неизбежное, но мне искренне жаль ваше величество и Олларию.

– А я возьму на себя смелость еще раз призвать к благоразумию, – граф Рафиано смотрел не на короля, а на королеву. – Ваше величество, умоляю вас, убедите вашего супруга не принимать заведомо проигранного боя. Зиму следует переждать в доме, а весной снег растает.

Катарина затравленно оглянулась и замерла, склонив голову к левому плечу. Потом покачала головой, словно отвечая сама себе.

– Будь мы супругой экстерриора, мы бы тоже призывали к бегству, но мы – королева Талига. Граф Рафиано, мы безмерно благодарны вам за заботу, но мы не можем просить нашего супруга бросить Олларию на произвол судьбы. Вы советуете вернуться весной, но что мы найдем, вернувшись? И кем мы останемся в памяти наших подданных? Теми, кто оставил их в тяжелую минуту?

Змея или все-таки дура? Или не то и не другое, а просто жена, знающая мужа как облупленного и понимающая, что он закусил удила и его не остановить? Как бы то ни было, все останутся дожидаться зеленого воробья ¹¹², который прилетит и как клюнет! Закатные твари, себя не жалко – не красавица и худо-бедно пожила, но девочки...

– Ваше величество, – граф Рафиано поклонился Фердинанду, – разрешите мне и графу Гогенлоэ-цур-Адлербергу покинуть Совет Меча.

– Да будет так, – милостиво кивнул король, – мы награждаем вас за верную службу орденом Святого Карла, а графа Гогенлоэ – орденом Королевской Охоты. Мы всегда рады

¹¹² Примерный аналог «жареного петуха».

видеть вас и ваших близких.

– Благодарим, ваше величество.

Два сдержанных поклона, торжествующие рожи преемников, расступившиеся стражи, стук захлопнувшихся дверей...

Глава 5 Урготелла

«Le Roi des Coupes & Le Valet des Bâtons & Le Sept des Êpêes» 113

1

Рокэ Алва опять куда-то провалился. Барон Дежу, пятый раз за день притащившийся в особняк Шантэри, попытался с пристрастием допросить Марселя, но виконт был кристально чист: где герцог, он не знал. Ворон непредсказуем: он мог слушать реквиемы, спорить со съентификами, дразнить поэтов, покупать вино или лилии. Было ясно одно – петь для принцессы Юлии Ворон не намерен, по крайней мере сегодня.

– Барон, поверьте, я весьма сожалею, – Марсель старался, как мог. Не для себя – для дядюшки. Если Юлия надуется на Ворона, старый греховодник расстроится, а ему вредно. – Рокэ Алва весь вечер не выпускал гитару из рук, с утра у него очень болели пальцы. Герцог вряд ли сможет играть в ближайшие несколько дней.

Ворон ушел вместе с Луиджи и Герардом, когда Марсель еще спал, и вряд ли у него болело хоть что-нибудь. Не забыть бы сказать Рокэ, что он порезал руки, а то неудобно получится.

– Ее высочество будет разочарована, – ныл ургот, – она и ее фрейлины так ждут сегодняшнего вечера.

Ну и дура. Елена, та по крайней мере раньше времени язык не распускала, вот и получила лилии, а Юлия огребет бешеный огурец, и поделом – одно слово, Пиончик.

– Господин Дежу, уверяю вас, герцог Алва не предполагал, что ее высочество желает слушать его уже сегодня.

Или, напротив, предполагал, потому и удрал ни свет ни заря. Как от девицы Окделл! Ну что поделать, если Алва не добыча, а охотник – поймал, съел, побежал дальше. Излишне прилипчивые дамы его раздражают.

– Так вы полагаете, герцог вернется поздно? – Ну сколько раз можно спрашивать об одном и том же?

– Барон, как только он появится, я скажу ему о ваших визитах и о разочаровании ее высочества. – Надо похвастаться перед дядюшкой этой фразой, он оценит. – Не сомневаюсь, монсеньор сразу же пришлет свои извинения.

И, Леворукий его знает, возможно, даже разживется пионами или этими, как их... Виконт Валме неплохо разбирался в розах, лилиях и фиалках, но мордатые розовые цветы вызывали у него изжогу, как бы эти гримасы природы ни назывались.

– В таком случае мне остается лишь откланяться.

Барон был хозяином своему слову – сказал и убрался. Марсель свернулся калачиком в кресле у камина в обществе горячего вина, засахаренных фруктов и сборника любовных виршей, среди которых попадались весьма недурные.

В девять часов зазвонили к ужину, виконт захлопнул книжку и спустился в столовую. Восседавший за накрытым на троих столом Франсуа Шантэри был хмур, как оставшийся без

¹¹³ Король Кубков, Паж Посохов и Семерка Мечей.

взятки дукс. Марсель вздохнул, готовясь к неизбежному, и неизбежное грянуло.

– Это возмутительно, – протрубил дипломат, бросая на колени хрустящую салфетку с вензелем. – Герцог Алва полагает, что может безнаказанно дразнить августейших особ. Он совершенно не думает о том, к каким последствиям приведут его шутки.

– Фи, дядюшка, – поморщился Марсель, – что за намеки... Нет, я не против первой вашей посылки, но мне категорически не нравится вывод. О последствиях герцог Алва думает, иначе барон Дежу застал бы его дома.

– Мой мальчик, – посол его величества короля Талига пристально посмотрел на Марселя, – ты совершаешь ошибку. Зачем становиться посредственным военным, если можно стать блестящим дипломатом? Я поговорю об этом с герцогом, когда он соизволит вернуться. Можешь не сомневаться.

Марсель не сомневался, а герцог не возвращался. Около полуночи дядюшка отошел ко сну. Марселю спать не хотелось, и он вновь устроился у огонька, прихлебывая вино и ставя отметки рядом с приглянувшимися стихами. Три сонета и одно рондо стоили того, чтобы заучить их наизусть. Немного подумав, Марсель решил послать их Франческе Скварца. Виконт перебрался к столу и с удовольствием переписал понравившиеся строки. Посылать даме только стихи, причем чужие, было верхом неприличия. Марсель принялся сочинять письмо и увлекся. Когда он закончил, часы показывали четверть третьего. Виконт запечатал послание и решил выпить перед сном бокал-другой, благо утром будить его было некому.

От размышлений, что лучше: кэналлийское или присланное госпожой Ругьяди мансайское, Марселя отвлекли звук хлопнувшей двери и знакомые легкие шаги. Воистину, стоит мяукнуть, и Леворукий пошлет тебе кошку.

– Доброй ночи, сударь!

– Рэй Кальперадо, – простонал Марсель, – под каким балконом вы потеряли своего патрона?

– Я ходил по поручению монсеньора, – отбарабанил утренний мучитель, – и вернулся тотчас по исполнению.

– И что же ты исполнял? – подмигнул Марсель. – Носил красоткам цветы?

– Нет, – в глазах Герарда была обида, – я был у маэстро Гроссфихтенбаума. Монсеньор велел мне прослушать все написанные им реквиемы и выбрать два, которые нам подходят.

– Ты до двух ночи слушал этого зануду и остался жив?! – возопил Марсель.

– Маэстро пишет великую музыку, – Герард был серьезен, как сам дядюшка Шантэри. Вот ведь чудовище, ничем не проймешь!

– Это он сам тебе сказал? – Разговор стал столь занимательным, что виконт поставил бокал: не хватало еще расплескать вино. – Про свое величие?

– Нет, монсеньор. Он сказал, что имя маэстро останется в веках.

Ну и довод, и ведь не возразишь! Особенно в разговоре с младшим Арамоной, тьфу ты, с рэем Кальперадо.

– Ну и сколько же реквиемов ты выслушал?

– Восемь, – не моргнув глазом сообщило чудо в мундире. – Мы бы быстрее закончили, но между произведениями нужно делать перерыв не меньше часа. Чтобы они не слились в одно.

– Ну и что же ты выбрал?

– Третий и седьмой. Четвертый тоже красивый, но маэстро говорит, там слаба скрипичная партия, а монсеньору нравятся скрипки... Господин капитан, монсеньор обо мне не спрашивал?

– Герард, во имя Леворукого, как он мог спрашивать о тебе, когда я спрашивал тебя о нем?

– О нем? – Лицо мальчишки стало озадаченным, воистину слишком много музыки опасно для здоровья. – Ой! Конечно же! Прошу меня простить, я совсем забыл. Монсеньор велел, если я вернусь раньше его, передать пакет графу Шантэри. Я думал, что он уже вернулся...

– А он не вернулся. Где вы, кстати говоря, расстались?

– На Голубиной площади. Монсеньор уехал с капитаном Джильди.

Все ясно: Луиджи собирался размять свою рыбину, вот Ворон и решил развлечься. И охота им лезть в море по такой погоде! Ветер, дождь, холодина – брррр...

– Ладно, давай пакет и отправляйся спать. Монсеньор вернется к вечеру, не раньше. И не буди меня ни свет ни заря, понял?

– Понял, сударь, – заверил Герард и зевнул.

Вот тебе, господин жаворонок! Встают с рассветом огородники и молочники, а приличные люди не ложатся до утра и при этом свежи, как померанцы.

Герард еще разок зевнул и исчез. Марсель посмотрел сначала на часы, потом на запечатанный знакомой печатью пакет. «Графу Шантэри в собственные руки». Три часа ночи.... Посол встанет еще не скоро, а Марсель Валме – офицер для тайных поручений при особе маршала. Если бы он утром не спал, Ворон передал бы поручение на словах. Может быть.... И вообще, будь в пакете что-то тайное, маршал не позволил бы мальчишке таскать его по всему городу. Валме отхлебнул мансайского и прозрел: без сомнения, герцог извинялся перед Юлией и успокаивал дядюшку, причем в присущем ему стиле. Нет, прочитать эти письма просто необходимо!

Валме взял ножик для фруктов и поддел печать. Внутри оказалось несколько сложенных листов.

«Любезный граф, вы, без сомнения, будете удивлены моим исчезновением, но я делаю то, что мне представляется необходимым. Если появится другой выход, я им воспользуюсь, но пока я его не вижу.

Завтра или в крайнем случае послезавтра вы получите известия, которые вас неприятно поразят. Осмелюсь дать совет – сохраняйте спокойствие и ждите. Я принял меры, которые к весне должны дать неплохие результаты. Не думаю, что Ургот в сложившейся обстановке проявит нелояльность, напротив, заинтересованность Его Величества Фомы в Южной армии многократно возрастет.

Что до меня, то обстоятельства призывают меня туда, куда призывают. Я отправляюсь один, так как все решают скорость и неожиданность. К счастью, маршал Савиньяк не из тех людей, которым нужны подробные указания, он – неплохой импровизатор и хороший стратег, если только сможет обуздать природную горячность. Я написал ему и отдал надлежащие распоряжения маршалу фок Варзову, маршалу Лионелю Савиньяку и адмиралу Альмейде, но полагаю целесообразным оставить вам на хранение заверенные мною копии этих документов. Они находятся в моей комнате под бронзовым львом.

Разрешите выразить вам мою глубочайшую признательность за проявленное гостеприимство. Надеюсь, вас не затруднит засвидетельствовать мое восхищение Их Высочествам и оплатить из оставленных мной денег работу маэстро Гроссфихтенбаума.

С наилучшими пожеланиями,

Рокэ Алва, герцог Кэналлоа, Первый маршал Талига.

Утро 14 дня месяца Сапфира (Осенних Ветров) 399 года круга Скал.

P.S. Настоятельно рекомендую вам не покидать пределы Ургота, даже если вас официально отзовут».

Марсель, с трудом сдерживая вопль, дважды перечел письмо и взялся за остальные документы. Вторая бумага лаконично сообщала, что командование Южной армией переходит к Эмилю Савиньяку, а исполняющим обязанности Первого маршала Талига в отсутствие одного назначается Вольфганг фок Варзов, до того же, как он вступит в командование, эту обязанность исполняет все тот же маршал Эмиль. Третий документ превращал Герарда Кальперадо в адъютанта Савиньяка, четвертый отдавал капитана Валме в распоряжение посла его королевского величества Фердинанда II в Урготе графа Франсуа Шантэри. Последнюю бумагу Марсель немедленно скомкал и затолкал поглубже в камин.

– Что такое? – Дядюшка зевал, хлопал глазами и ничего не понимал. – Ты соображаешь, который час?

– Соображаю, – отрезал Марсель и сунул в пухлую руку стакан с лимонной водой, – просыпайтесь!

Дядюшка снова зевнул и дернул шнур колокольчика, вызывая слугу. Заспанного «гусака» отправили варить шадди, а проснувшийся дипломат натянул теплый оранжевый халат и строго уставился на Марселя.

– Я могу наконец поинтересоваться, что случилось?

– Здесь написано, – виконт протянул злополучный пакет.

– Мальчик мой, – возмутился Шантэри, – уж не хочешь ли ты сказать, что вскрыл адресованное мне послание?

– Дядюшка, уж не хотите ли вы сказать, что не читали чужих писем?

– Разумеется, читал, – с достоинством ответил граф, – но никогда, слышишь, никогда не передавал вскрытые по необходимости письма по адресу. Это может вызвать...

– Господин посол его величества Фердинанда, – перебил Марсель, – я не для того разбудил вас среди ночи, чтоб выслушивать нотации. Мы и так опоздали почти на сутки. Читайте.

Граф Шантэри недовольно хрюкнул и поднес к глазам послание Ворона. Читал он долго – видимо, не верил собственным глазам. Принесли шадди, разумеется, паршивый, но в четыре утра плохого шадди не бывает. Марсель залпом проглотил пресладкую горечь и сухо осведомился:

– Прочли?

– Это возмутительно, – сообщил граф Шантэри, – просто возмутительно!

– Ну так возмущайтесь, – взъелся Марсель, – только побыстрее.

– Не надо дерзить, мой мальчик, – дядюшка укоризненно вздохнул, но этим и ограничился. – Как и когда это письмо попало в твои руки? Кто его принес?

– Герард, – виконт невольно улыбнулся. – Алва отдал дураку письмо и отправил слушать реквиемы. Восемь штук! Разумеется, это ходячее совершенство вытерпело до конца и заявилось домой час назад.

– Тонкое решение, – пробормотал дипломат. – Письма написаны прошлой ночью. Я не получал никаких сведений. Когда получил их Алва, если, разумеется, получил?

Когда? Марсель вспомнил уже позавчерашний день. Около полудня пришел Луиджи, они были все вместе, потом притащился барон с гитарой...

– Я нахожу только одно объяснение, – задумчиво произнес дядюшка, – известия принес капитан Джильди, но передал их ночью, когда остался наедине с герцогом. Они ушли вместе. Не сомневаюсь, что «Влюбленную акулу» в Урготе больше не увидят... Тем не менее нужно узнать, какие суда бросили якорь в ночь на 13 день Ветров, хотя это могла быть и какая-нибудь рыбацья фелука.

– Ну, узнаем мы, – не понял Марсель, – а дальше-то что?

– Дальше настоятельно советую тебе лечь спать. Мы все равно предпринять ничего не можем.

– Спать?! – переспросил Марсель. – Ворон полез в зубы Леворукому, а мы выпьем шадди и ляжем спать?!

– Ах, молодость, молодость, – глаза Шантэри стали мечтательными, – она всегда громко кричит и куда-то бежит... А подумать? «Влюбленную акулу» нам не только не догнать, но и не найти. Герцог Алва ясно дал понять, что никакая помощь ему не требуется, давайте уважать его решение.

Марсель залпом допил дядюшкину чашку и со стуком поставил на поднос:

– Ну и трус же вы, граф Шантэри, – граф вылупил глаза, – мне стыдно, что мы

родственники! Ворон послал нас к кошкам, но лично я к ним идти не собираюсь. Разрубленный Змей! Я его найду, и плевать, хочет он этого или нет!

– Марсель, не сходи с ума!

– Ворон – мой друг!

– А сам он об этом знает? – съязвил посол его величества Фердинанда Оллара.

– Достаточно, что об этом знаю я, – отрезал Марсель.

Дядюшка Шантэри понес какую-то ахинею, но виконт Валме не слушал. Пускай старый пень надевает свой колпак и дрыхнет. Все равно толку с него, как с паука на меду!

3

Пользу можно извлечь из всего. Даже из киркорелл, даже из ранней службы и разглагольствований барона Дежу. Марсель Валме осадил коня у дворца его величества Фомы, благословляя последнего за богобоязненность и опасаясь, что принцессы увильнули от утреннего молебна. Дежурный офицер для порядка глянул на пропуск виконта и пожелал капитану Валме доброго утра.

– Сударь, – улыбнулся виконт, – не подскажите ли мне, как пройти в каплицу?

– Вас проводят...

В коридорах сустились слуги, но придворных видно не было. Еще бы, десять утра, в это время приличные люди спят, но он – неприличный. Он уже побывал во Фьянтине и узнал, что «Влюбленная акула» ушла и не вернулась. А вот чужих кораблей в порту не видели уже три дня. Закатные твари, Алве что, видение было?!

– Прошу по этой лестнице вверх.

– Благодарю.

Нет, это не церковь, это какая-то голубятня... Если Фома каждый день по два раза бегают вверх и вниз, то почему он такой толстый?

Сверхуплыли звуки органа и запах багряноземельских смол. Так мирно и так благостно, да еще с утра пораньше... Ужас! У входа восседали три дамы в розовом, и Валме едва их не расцеловал. Раз листочки тут, то и цветочек недалече.

Второй радостью стало отсутствие Юлии. Урготская Фиалка то ли проспала, то ли от вчерашнего расстройства приболела. Ну и слава Леворукому.

Орган взвыл, запищали одетые в серое детишки, скоро конец, он подгадал правильно. Марсель взял у прислужника свечку и с постной рожей опустился на пустую скамью у самого прохода. Если Елена стоит на грешной земле хотя бы одним каблучком, она его заметит.

– Да будут благословенны ходящие в незлобии, чьи сердца открыты любви небесной и свету горнему, – провозгласил похожий на мула клирик.

– Ад арбене, ад арбене, ад арбене!!!¹¹⁴ – пропел хор.

– Да пребудут в благоденствии праведные и богобоязненные, да воздастся им по мыслям их!

– Ад арбене, ад арбене, ад арбене!!!

– Да святится имя Создателя в сердцах наших, да вернется он к ожидающим, да воздаст златом за злато и сталью за сталь.

– Ад арбене, ад арбене, ад арбене!!!

Ну и зануды эти эсператисты, сначала битый час несут допотопную тарабарщину, а потом, словно этого мало, повторяют на талиг, да еще с гальтарским припевчиком. Нет, судари мои, Марсель Валме выбирает олларрианство, олларрианство и еще раз олларрианство.

¹¹⁴ Восклицание аналогичное «аллилуйя».

Оно короче.

– Виконт, мы удивлены, – Елена в сером покрывале поверх утреннего розового платья стояла и улыбалась, – мы полагали вас олларянцем.

– Так оно и есть, – Валме спохватился, что все еще сидит, и торопливо вскочил, – но я уполномочен передать...

А что именно он уполномочен? Закатные твари, ну за какими кошками принцессам столько придворных дур?

– Ваше высочество, я уполномочен обсудить с вами некоторые подробности следующей мистерии.

– Это очень мило. Прошу вас в зимний сад.

Зимний сад – это хорошо, особенно если посередине журчит фонтан, а за кадками с миртами спрячется разве что кошка. Елена – умница, а вот дурак он сам или нет, сейчас узнаем.

– Ну, виконт, – просияла глазами Ласточка, – что просил передать герцог Алва? Когда мы его увидим? Моя сестра так расстроена...

– Мы тоже расстроены, – брякнул Марсель, – и еще как... Ваше высочество, пока это знаете только вы. Герцог Алва уехал.

– Как? – улыбка сбежала с личика Елены, словно ее стерли тряпкой. – Куда? Зачем?

– Как? – переспросил Валме. – На этой дурацкой галере, а куда, можно только догадываться... Герцог узнал что-то паршивое. Ваше высочество, могу я быть с вами откровенным?

– Конечно, – пробормотала принцесса, – но что я могу?

– Ваше высочество, – убьет его дядюшка за это или нет? – Алва мог сбежать, только получив вести из Талига... Не поймите меня превратно, но мы со дня нашего приезда видели только рескрипты его величества и послания канцильера и кардинала. И все! Ни единого письма от родичей или друзей, а этого просто не могло быть. От нас что-то скрывали, что-то, о чем может знать ваш августейший батюшка...

– Он знает, – неожиданно произнесла Елена помертвевшим голосом. – Та из нас, которая не выйдет замуж за герцога Алву, должна выйти за Фердинанда Оллара. Что-то случилось с королевой... Виконт, герцог поехал спасать Катарину, ведь все знают, что они... Что Первый маршал Талига и королева... Что Катарина Ариго...

– Успокойтесь, – прикрикнул Валме и осекся. Не хватало еще орать на чужеземную принцессу, даже если она влюблена по уши. – От Катарины Ариго собирался избавиться еще Сильвестр. Ворон это прекрасно знал и не имел ничего против.

– Правда? – Так, сейчас она в ладоши хлопает, ох уж эти девушки...

– Клянусь вам.

– Идемте, – вскочила принцесса. – У вас есть пистолет?

– Нет, – растерялся виконт.

– Нет?!

– Простите, сударыня, я не мог явиться во дворец вашего батюшки вооруженным до зубов.

– Тогда давайте кинжал! Он у вас, надеюсь, имеется?

– Прошу вас, – Марсель с поклоном протянул алвасетский клинок. – Умоляю, не порежьтесь.

Любопытно, Урготская Ласточка собралась охотиться на папеньку или на кого-то другого?

– Не волнуйтесь, виконт, – Елена довольно ловко спрятала оружие в широком рукаве, – а теперь идемте.

Валме немедленно запутался во всяческих лесенках и коридорчиках и понял, где они, только у дверей кабинета его величества. Елена кивнула охранникам, взяла Марселя под руку и, вздернув подбородок, вошла к герцогу. Фома в теплом коричневом кафтане без парика восседал за заваленным бумагами столом и как никогда сильно напоминал

негоцианта.

– Папенька, – принцесса накинула на дверь массивную цепь, – виконт Валме хочет знать, куда исчезают письма из Талига. Я тоже хочу.

– Елена, – глаза Фомы забежали, усугубив и без того немалое сходство с торгашом, – я не понимаю.

– Батюшка, – твердо сказала Елена, – вы все понимаете. Я видела у вас на столе донесения гайифского посла, и не только.

– Виконт, – произнес Фома, – прошу вас выйти.

– Нет! – заявила принцесса. – Мы никуда не уйдем, пока вы не вернете письма.

Славная девочка, но письма давно стали золой и прочим прахом. Ох, и заварил же он варево, Шантэри его съест...

– Елена, что ты себе позволяешь?

– Что случилось в Талиге? – твякнула принцесса, вытаскивая кинжал. – Говорите!

Фома не испугался, но ошалел. Герцог медленно поднялся из-за стола, сверкнула богобоязненная лысина.

– Елена, я же тебя предупреждал. Виконт, вам не следовало давать ее высочеству нож.

– Кинжал, – зачем-то поправил виконт.

– Я не вижу особой разницы, а Елена тем более, – герцог говорил так, словно в кабинете не было и духу дочери, – но я надеюсь, что эта мистерия разыграна не на пустом месте. Произошло нечто неожиданное?

– Для нас – да, – резко бросил Марсель, – для вас – вряд ли. Герцог Рокэ Алва тайно покинул Ургот, оставив письмо, в котором ссылается на некие неприятные известия.

– Покинул Ургот? – лицо Фомы пошло белыми пятнами. – Как?! Этого не может быть!.. А армия, что с армией?!

– Передана под командование маршала Савиньяка. Ваше величество, что вам известно?

– Какие именно распоряжения оставил Рокэ Алва? – хрипло переспросил великий герцог Ургота.

– Сначала скажите, что было в перехваченных вами письмах? Что писал маршал Лионель?

– Ничего, – Фома утер кружевным платочком лысину и сел, – располагайтесь, виконт. Я не люблю смотреть снизу вверх. Писем от графа Савиньяка я не перехватывал, видимо, это делали другие. Мне известно лишь то, что перед самой смертью кардинала Сильвестра Лионель Савиньяк был переведен в Кадану с полномочиями, близкими к полномочиям Прозмперадора.

Это Марсель Валме знал и так, но на всякий случай дипломатично вытаращил глаза.

– Папенька, – перебила Елена, – Рокэ Алва знал про королеву, он ее не любит... Я рассказала виконту, что вы этого не знали и перехватывали письма.

– Елена, – буркнул герцог, – при других обстоятельствах ты была бы наказана. Да, сударь, я прочитал несколько писем, предназначенных вам и юному адъютанту герцога Алвы, но в них не было ровным счетом ничего, заслуживающего внимания. А что было мне делать? Я полагал правильным скрывать от герцога неприятности его, скажем так, дамы. Елена, тебя здесь нет, ты меня не слышишь. Виконт, клянусь вам, что дела в Талиге шли прилично. Манрики и Колиньяры охотились на гайифских и дриксенских прихлебателей, Рафиано, Ноймаринен, ваш достойный батюшка, Дораки и ряд других влиятельных фамилий заняли выжидательную позицию. Правда, я бы предположил, что союз Фламинго и Медведя вот-вот превратится в свою противоположность. Восстание в Эпинэ говорит именно об этом...

– В Эпинэ?! – Марсель не поверил собственным ушам.

– Успокойтесь, виконт. В Валмоне все спокойно. Взбунтовались Старая Эпинэ, Агиррэ, Ариго и Пуэн: прекрасный повод заменить губернатора, не отдать титул герцогов Эпинэ родичам Колиньяров, а заодно добить старую знать. Очень разумный ход, хотя с семейством Маран поступили чрезмерно жестоко...

- А что с ними сделали? – любопытствовал Валме.
- Повесили, – деловито сообщил Фома, – по крайней мере старших. Осталась лишь девица, по утверждению Колинъяров, обещанная Робером Эпинэ. Ее выдали замуж за фаворита Манриков, а ее величество отправили в Багерлее.
- И как давно вы это знаете? – любопытствовал Валме.
- Недели три. Если вы уверены, что слухи о привязанности Первого маршала Талига к королеве сильно преувеличены, то...
- Ваше величество, – перебил Валме, напрочь позабыв об этикете, – в прощальном письме герцог Алва ссылаясь на неприятные известия, которые мы получим сегодня или завтра.
- Виконт, я могу вас попросить об одолжении? – лицо Фомы стало сладким до горечи. – Позвольте мне ознакомиться с письмом. Моя благодарность не будет знать границ.
- Ваше величество, – поклонился Валме, – границ не знают только ветер и глупость. Позвольте, в свою очередь, предложить вам сделку. Я покажу вам одно письмо монсеньора, а вы поможете мне подделать другое.
- Виконт, – лицо Фомы изобразило живейшее возмущение, – что вы себе позволяете?!
- Всего лишь отдаю вам должное. Не может быть, чтоб у вас не нашлось человека, способного повторить чужой почерк.
- Он есть, – вмешалась Елена, – если отец не хочет, я сама его приведу. Это...
- Неважно, кто это, – мягко произнес Фома. – Что за письмо вам нужно?
- Отпуск из армии по болезни. Такой, чтоб казалось, что меня выгоняют почти с позором.
- Марсель, – глаза Елены округлились, – зачем?
- Затем, что я еду в Олларию, – выпалил Марсель. – Если Ворон там, я его догоню, если нет, разберусь, в чем дело. Я – щеголь и дурак, на меня никто и внимания не обратит. Если все плохо, то я сыт войной по горло и зол на маршала, как ызарг. Если плохо, но не совсем, я соскучился по Марианне... Ну а если все в порядке, я и впрямь приболел, но скоро поправлюсь и помчусь к своим боевым друзьям.
- Вы очень умный человек, – значительно произнес Фома, – очень. Я настоятельно вам советую, во-первых, как можно дольше сохранить нынешнюю репутацию и, во-вторых, всерьез задуматься о дипломатическом поприще. Я, со своей стороны, предупрежу маркиза Габайру. Он, как вам известно, дуайен Посольской палаты.
- Марсель, прошу вас, будьте осторожны, – Елена подбежала к виконту, поцеловала его в лоб и сама удивилась.
- Ваше высочество, – приосанился Валме, – что значит поездка домой в сравнении с абордажем? Я просто слегка развеюсь.
- Виконт отнюдь не был уверен, что хочет ехать, но, закатные твари, Ворон был его другом, а Вейзель что-то плел про излом эпох и про то, что судьбе надоедают ее любимчики. Конечно, можно было и подождать. Хотя бы тех самых дурных известий, о которых писал Рокэ, но вдруг будет поздно? Марсель как-то не подумал, что там, где бессилен Алва, он точно ни на что не сгодится, просто он не мог спокойно сидеть в Урготелле и ждать у моря погоды. Виконт Валме решительно поднялся:
- Ваше величество, если у меня к полудню не будет отпуска, мне придется дезертировать.
- Он будет, – старый хитрец внимательно посмотрел на собеседника и неожиданно подмигнул. – А заодно у вас будет урготское подданство. Так, на всякий случай.

Глава 6

Оллария и окрестности

1

Сона решительно встала у мостика, всем своим видом выказывая, что с места не тронется. Кобылицу можно было понять: деревянное сооружение за полтора года изрядно обветшало, а несколько досок и вовсе выпали и уныло гнили в наполнявшей ров мутной, зеленоватой жиже. Ричарду отчего-то стало ужасно обидно. Когда-то он Лаик ненавидел, но здесь учились отец, дед, Эйвон, множество других достойных людей. Сгнивший мост и заколоченная караулка были оскорблением их памяти. Ричард сжал колени, посылая Сону вперед, но мориска захрапела и попятилась, выказывая достойный своего полубрата норов.

– Сударь, – подал голос сопровождавший юношу капрал из Барсины, – осмелюсь заметить, не нравится ей что-то, кобылке-то вашей.

– Ерунда, – как можно небрежнее бросил Дик, – морискам нравится злиться, не нужно потакать их капризам.

Капрал пожал плечами. Дурак, и чего вылез! Можно подумать, без него не ясно, что Соне не хочется в Лаик, ему и самому не хочется, но надо. Дернул же его Леворукий посоветовать его высочеству расположиться в «жеребьячем загоне». Принц согласился, и Дик с двумя дюжинами солдат поехал проверить, может ли поместье принять Альдо Ракана и его свиту, не отступать же из-за лошадиных капризов. Юноша примирительно потрепал храпящую Сону по шее, но та даже не соизволила оглянуться. Мало того, выходки мориски взбудоражили солдатских лошадей, которые тоже заупрямились. Этого еще не хватало!

Ричард спешил и попробовал настил ногой. Мост противно скрипнул, возле перил осклизлые доски поросли грязно-белым лишайником, от воды, несмотря на холод, несло какой-то тухлятиной. Каким бы вором и бестолочью ни был капитан Арамона, при нем подъезды к Лаик содержались в порядке, но теперь корабль Олларов тонет, а крысы бегут, им не до старой школы. Дикону стало противно, но он обещал сюзерену, а это вопрос чести. Молодой человек решительно перешел ров.

Ворота поместья были распахнуты, в отличие от моста они сияли новизной, но дорогу покрывал толстенный слой слежавшихся листьев, которые никто не удосужился убрать. Дикон отшвырнул ногой сломанную ветку и пошел назад. Солдаты молча сидели в седлах, спешившийся капрал хмуро бил ногой в запертую караулку. Так, для порядка. Ричард взял Сону под уздцы и решительно повел вперед. Кобылица то ли смирилась с неизбежным, то ли привыкла к доносящейся из рва вони, солдатские клячи тоже подчинились, и отряд герцога Окделла вступил в Лаик.

Вековые тополя по-прежнему подбрасывали вверх шары омелы и вороньи гнезда, равнодушно мерцал пруд, из зарослей ведьминых слез выглядывала оллариянская каплица. Все как два года назад, даже странно! Теперь Ричард понимал, что имел в виду Дидерих в своем «Зачарованном замке». В большом мире происходит столько всего, а здесь время словно бы остановилось.

Дикон стоял на усыпанной бурыми листьями аллее, и ему казалось, что сейчас из-за поворота вылетят два жеребца – черный и белый, раздадутся громоподобный рык Йоганна Катершванца и рассудительный голос Норберта, язвительно засмеется Берто Салина, из каплицы, придерживая полы сутаны, появится отец Герман, а у шербатой лестницы разляжется важный кухонный кот.

– Сударь, какие будут распоряжения?

Какой же он дурак, размышлял и забыл, что на него смотрят солдаты. Не хватало, чтобы про Повелителя Скал начали болтать всякий вздор, довольно и того, что он был

оруженосцем Ворона. Запятнать репутацию просто, куда трудней смыть пятно. Юноша небрежно махнул рукой:

– Едем к дому. Скорее всего, там никого нет, но проверить стоит.

Он ошибся – слуги оказались на месте, хотя капитан, священник и менторы разбежались. Невзрачный серенький человечек равнодушно поклонился и застыл, ожидая то ли вопросов, то ли приказаний, и юноше стало неуютно. Умом Дикон понимал, что лаикские мышата ему теперешнему не указ, это он может сделать с ними все, что угодно: наградить, выгнать, повесить, но как же трудно отшвырнуть прошлое. Молодой человек с трудом заставил себя взглянуть в остренькое личико. Как звали слугу, Ричард забыл, у него всегда была плохая память на имена.

– Кто сейчас находится в Лаик?

– Только слуги, – поклонился «мышонок», – господа изволили уехать.

– К вечеру в поместье прибудет его высочество Альдо Ракан со свитой. Потрудитесь подготовить апартаменты и приличный ужин.

– Будет исполнено, – ни удивления, ни волнения, ни хотя бы любопытства. – Прикажете вызвать повара?

– Зачем? – не понял Ричард.

– Обсудить ужин, – пояснил «мышонок».

– Его высочество любит острое и жареное, – бросил Ричард, которому внезапно захотелось выскочить из промозглого полутемного вестибюля на лживое осеннее солнце. – И протопите как следует, а то здесь как в могиле.

– Будет исполнено, – заверил слуга. – К которому часу ожидать его высочество?

– К вечеру, – бросил Дикон, пулей вылетая на террасу, – часам к семи.

2

На двери висел устрашающего вида амбарный замок, ставни тоже были заперты, а дверной колокольчик снят. Ни письма тебе, ни хотя бы знака, вот и решай после этого, кто у нас мать, а кто мармалюка.

Луиза прошлась по увядшему палисаднику, загребая ногами желтые листья, постояла у грядки дриксенских астр, подняла ветку с рогоулькой, подперла покосившийся куст чубушника. Больше кавалерственной даме на улице Хромого Цыпленька делать было нечего, разве что сломать дверь, но зачем? И так понятно, что господин граф, уезжая из Оллари, прихватил с собой внуков и любовницу, а любовница уволокла все мало-мальски ценное. Мать по собственной воле с места бы не двинулась, но, двинувшись, утащила с собой все.

Куда они уехали? Земли Креденьи на юге Эпинэ, вряд ли отец рискнул пробираться через мятежные графства. Скорее всего, отец удрал или в Придду, или на юго-запад в Рафиан. Как бы то ни было, Амалии, Жюлю и Денизе ничего не грозит, хоть какая-то радость.

Госпожа Арамона поправила бледно-лиловую алатскую шаль и вернулась к крыльцу, где скучал сопровождавший любимую подругу ее величества тенъент. Офицерик ужасно гордился новеньким мундиром и горел желанием услужить. Совсем как Герард. Хорошо, что сын в Урготелле, еще лучше, что младшие с господином графом, и плохо, что Селина в Оллари. Нужно быть последним дураком, чтобы не согласиться с экстерриором и геренцием и остаться в столице. Манрики, конечно, не подарок, но лучше злая собака, чем добрый волк.

– Сударыня, – будь у тенъентика хвост, он бы сейчас колотил им по бокам, – вам помочь?

– Буду весьма признательна. – Госпожа Арамона умело подобрала юбки и позволила подсадить себя в карету с королевскими гербами. Порадовалась бы Аглая Кредон придворным успехам своей дочери или наоборот? Маменька была непредсказуема, она

искренне негодовала на дочерей, не унаследовавших ее красоту, но, будь все иначе, почувствовала бы себя ограбленной.

– Госпожа Арамона, мы возвращаемся во дворец?

– Сначала заедем в особняк Алва. Это...

– Сударыня, – твякнул сопровождающий, – я знаю этот дом.

Еще бы! Все гвардейские щенки бегают любоваться на обиталище Первого маршала.

Теньент галантно закрыл дверь и вскочил в седло. Кучер взмахнул кнутом и оглушительно взвизгнул, госпожа Арамона вздрогнула – она так и не привыкла к тому, что знатных персон возят с дикими воплями. Сытые лошади тронулись с места упругой, слаженной рысью, и женщина отодвинула алую занавеску, разглядывая проплывающие улицы.

Утром занятая предстоящим разговором Луиза по сторонам не глазела, прикидывая, как убедить Аглаю Кредон взять внуков и уехать в провинцию. Оказалось, она со своими советами опоздала, все сделали без нее. Это было правильно, хотя и обидно, зато теперь госпожа Арамона с чистой совестью могла смотреть в окошко, и она глядела, замерзая от наползавшего страха. Шумная, уверенная в себе столица, которую не сломил даже бунт, меньше чем за два месяца превратилась в собственную тень. Женщина узнавала улицы, дома, вывески, но все казалось полумертвым. Оллария напоминала дом, в котором побывал выходец.

Уличные торговцы почти исчезли, их место заняли гарнизонные караулы, да не обычные из двух-трех крутящих усы стражников, а усиленные. Угрюмые солдаты в касках и кирасах, настороженно оглядываясь, длинной вереницей топали вдоль запертых домов. Выглядели они внушительно, но можно ли было им доверять?

Фердинанд в столичном гарнизоне не сомневался. Увы, его величество отличался добротой, но не проницательностью. Даже странно, как он обхитрил Манриков и Колиньяра, спрятавшись так, что его не нашли. Видимо, потайные комнаты, о которых знают только короли, существуют на самом деле. Вот бы найти одну такую, натаскать туда еды и закрыться с девочками до возвращения герцога, а еще лучше – отрастить крылья и улететь в Урготеллу. Если идет гроза, нужно прятаться под крышу, если идет война, надо бежать, но попробуй это объяснить развоевавшемуся королю.

За окошками поплыл Старый королевский парк: голые деревья, кованая решетка, каскады, гроты, живые изгороди... Столичные садовники обожали кусты рособьянки, Луизе они тоже нравились, но сегодня красные ягоды среди темной неувядающей зелени казались каплями крови. Глупости, при чем здесь кусты, дело не в них, а в страхе. Дурные предзнаменования и приметы на самом деле живут в глупых головах, стоит испугаться – и тут же приснится что-то непотребное, погаснут свечи, прольется молоко, влетит воробей. От Октавианских праздников ничего плохого не ждали, вот и обошлись без предчувствий, зато теперь в каждой кошке видится Леворукий.

Упряжка свернула на Винную улицу, показалась церковь Святой Аугусты. После десятков заколоченных домов распахнутые настежь двери и теплое, золотистое сияние свечей выглядели странно. Луиза едва удержалась от искушения остановить карету и помолиться. Разговор с Создателем – дело благое, но не тогда, когда тебе на голову вот-вот свалится булыжник. Как просто было прятаться за Первого маршала и канцильера и считать себя самой умной, а ты попробуй выжить в одиночку, даже без господина графа.

Манящие огоньки остались позади, уступив место внушительному серому зданию со спрутом на фронте, и госпожа Арамона невольно поежилась. Любви к Повелителям Волн она не испытывала, но когда от славящейся многочисленностью фамилии за какой-то месяц остаются старик, мальчишка и несколько испуганных женщин, это страшно. А еще страшнее, что обер-прокурор Колиньяр жрал не только «спрутов», но и Карлионов, Килеанов, Феншо, Рокслеев. Правда, те, кому повезло оказаться в отъезде или в армии, уцелели, но что они будут делать теперь? И что будет делать господин граф? Стоило становиться тессорием, чтобы сбежать впереди своего визга! Святая Октавия, ну неужели

нельзя было оставить письмо?! А может, отец написал Герарду?

Кучер прикрикнул на лошадей, и они остановились – приехали! Услужливый тенъентик распахнул дверь, подал руку, и Луиза увидела знакомую привратницкую. Обиталище герцогов Алва выглядело ничуть не оживленной особняков, мимо которых она проезжала. Женщина поправила мантилью, раздумывая, что же делать, не навязанный ей офицер колебаний не испытывал. Отсутствие колокольчика молодого человека не смутило, и он лихо забарабанил в окошечко. Как ни странно, ему открыли!

– Дора Луиза! – Бернардо! Святая Октавия, Бернардо здесь, живой и здоровый! Она уже не одна. – Поганные времена пришли, – сообщил кэналлиец, широко распахивая тяжеленную дверь, – одно слово, рампъетэ.

Что такое рампъетэ, Луиза не знала, но привратник был прав.

– Кто-нибудь дома?

– Антонио, – Бернардо загнул палец, – Филипе, Маурисио, Хиль и я. Но это сегодня, послезавтра не будет никого.

– А Хуан? – упавшим голосом спросила Луиза.

– Он вернется послезавтра, – заверил Бернардо, – они с Пако уводили коней. Можно терять золото, но потерять коня – потерять целый мир. Дора Луиза, вам надо ехать. Вам и доритам. В Алвасете хорошая зима, добрая весна и веселые люди.

Кто бы спорил, только не она, но до Алвасете еще надо добратся, а дорит – вытащить из дворца.

– Бернардо, – Луиза воровато оглянулась, но тенъент честно стоял у кареты, – мне надо увидеть Хуана, очень надо.

– Он вернется послезавтра, – повторил Бернардо, – он недалеко, у него дела. Фрамбуа, есть такой маленький город или большая деревня. Хуан и Антонио дождутся или конца, или приказа собрано. Я скажу им, что приходила дора Луиза, что она здесь, а должна быть далеко. Хуан знает, что делать.

Кто бы сомневался. Что ж, ее дело – притащить девиц сюда, а дальше дело Хуана. Если будут упираться, пусть бьет их по голове и зашивает в мешок, а она поможет, хотя Айрис наверняка не прочь съездить в Алвасете, как-никак «невеста». Хорошо, что она не успела вправить девице Окделл мозги, будет легче загнать ослицу в стойло.

– Я приеду послезавтра, – твердо сказала Луиза, – с доритами.

– И правильно, – разулыбался Бернардо, – я поймаю дорите Селине морскую звезду. Белую, как молоко. Она ее высушит, положит под подушку и увидит во сне жениха.

3

Въездной мост подгнил, вода во рву застоялась и зацвела, а дом стал хмурым и неприветливым. Раньше Лаик не казалась Роберу угрюмой, наверное, потому, что он был молод. Повелитель Молний самолично отвел заартачившегося Дракко на конюшню и пристроил рядом с отвернувшейся от зерна Соной. Обычно спокойная и ласковая, кобылица дрожала и злобно косилась на сгребавшего навоз конюха. Чем бедолага не угодил мориске, Робер не понял, но у лошадей и женщин свои взгляды на жизнь. Эпинэ, как мог, успокоил возмущенную красавицу и отправился к сюзерену. Альдо восседал на массивном столе, еще недавно принадлежавшем капитану Лаик, и изучал какой-то фолиант. При виде Робера принц поднял голову:

– Надо же, – на лице Альдо расцвела почти забытая бесшабашная улыбка, – сколько знакомых, и ты в том числе.

Эпинэ пригляделся и узнал переплетенную в свиную кожу Книгу святого Фабиана, в которой четырнадцать лет назад расписался унар Робер Эпинэ, присягая чтить Создателя и Фердинанда Оллара. Сколько клятв он успел нарушить за прошедшие годы и сколько еще нарушит?

– Как тебе «жеребчий загон»? – Иноходец подошел к окну и задрал голову, разглядывая багровеющее небо, в котором отчего-то не было ни единой вороны. – Лошадям здесь не нравится.

– Мне тоже, – кивнул сюзерен. – Сколько лет прошло, а аббатством до сих пор несет. Хорошо хоть не торквинианским. Сейчас придет Люра, у него новости из Олларии.

– Пусть приходит, – махнул рукой Робер, – тем более от нас это не зависит.

– Робер, – нахмурился Альдо, – мне не нравится твое настроение, не все так плохо.

– Да? – поднял бровь Эпинэ. – А мне вот надоело изображать плывущее по течению бревно. Да еще перед водопадом.

– Успокойся, – прикрикнул принц, – никакого водопада не будет. Мы возьмем Олларию и пошлем всех помощничков к кошкам. Я все продумал.

– Звучит пугающе.

– Да ну тебя, – Альдо и не подумал обидеться, – трус нашелся. Лучше подумай, про кого мы забыли?

– Про морисков? – предположил Эпинэ, продолжая разглядывать тополя. – Или про холтийцев?

– Мы забыли об «истинниках», – сюзерен молитвенно сложил руки на груди и рассмеялся. – Я объявлю Талиг эсператистским, натравлю Агарис на гоганов и подпишу мир с Гайифой, Дриксен и Каданой. Пусть забирают Ноймаринен и северный Надор, зато я подстрелю двух перепелов: во-первых, меня признают, а во-вторых, отдать окраины мы отдадим, но пускай попробуют взять! Клянусь Зверем, твои Савиньяки и фок Варзовы им этого не позволят. А пока они дерутся, мы пустим корни в Олларии, выпотрошим Ноху и Гальтару. Когда я пойму, что делать со всеми этими жезлами, то приму абвениатство, а Агарис пошлю к кошкам. Со Зверем даже Ворон ничего не сделает. Ну как?

– Закатные твари, – не удержался Робер – и долго ты думал?

– Как только узнал, кто такой Люра. До коронации его придется потерпеть, ничего не поделаться, но потом – шалишь. Как думаешь, когда ждать следующих достославных?

– Леворукий их знает. Если они поверили, что Вукрэ в Гальтаре, время у нас есть.

– Точно, – просиял Альдо, – а когда рыжие заявятся, мы скажем, что нашу часть договора исполнили, а про Вукрэ знать ничего не знаем, пусть ищут.

– А если найдут?

– Робер, – засмеялся сюзерен, – нельзя от каждого куста шарахаться. Подумай сам, как они найдут? Ары нет, Залог у нас, и вообще все их угрозы – ерунда чистой воды. Мы клятву нарушили? Нарушили и еще как, но живы и здоровы. И будем живы и здоровы, потому что Раканам гоганское колдовство не страшно. Стали бы они за нами бегать, если бы были сильнее?

– Не знаю, – пожал плечами Робер. – Енниоль хотел не силу, а первородство.

– Доэсператистское старье он хотел, – Альдо захлопнул Книгу святого Фабиана и небрежно бросил рядом с собой. – Вспомни, как достославный в Матильдину шкатулку вцепился, а «первородство» – сказки для дурачков.

– Хорошо, Альдо, я тебя понял, – спорить бесполезно, что делать – неизвестно, разве что пулю в сердце, но это не выход, это предательство.

– Но тебе это не нравится.

– Не очень, – честно признал Робер, – но это долгий разговор, а сейчас явится Люра со своими новостями. То есть уже явился.

Мерзавцы бывают самыми разными. Господин Люра относился к мерзавцам лощеным, любящем до самозабвения не только себя, но и свои усы, мундиры и сапоги, не говоря уж об орденах и перевязи. Этим генерал-перебежчик изрядно напоминал маршала Пэллота, и Робер

искренне надеялся, что рано или поздно Симон Люра разделит судьбу своего именитого предшественника. Пока же с генералом приходилось быть вежливым. У Альдо это получалось хорошо, у Иноходца хуже, а у Пуэна и Карваля с любезностью было вовсе плохо. Люра, впрочем, предпочитал косых взглядов не замечать. Видимо, гоганы велели с Первородными и их свитой не ссориться, и от этого было еще противней.

– Ваше высочество, – генерал учтиво подмел пол желтыми перьями, – счастлив видеть вас и господина маршала в добром здравии.

– Садитесь, Симон, – кивнул Альдо, – что вы думаете о Лаик?

– В свое время меня признали недостойным унарского плаща, – сверкнул зубами Люра, – я был вне себя от горя, но теперь рад, что избежал этой могилы. Удивительно неприятное место.

– Мне оно тоже не нравится, – согласился сюзерен, перебираясь со стола в кресло. – Так что у вас за новости?

– Их несколько. Боюсь, первая вас несколько расстроит, зато остальные должны исправить положение.

– Хорошо, – засмеялся Альдо, – я готов расстраиваться.

– Ваше высочество, – голос Люра странным образом зазвенел, – дело в том, что я прекрасно осведомлен и о том, что вы нарушили клятву, и об убийстве достойного Гармиоля и его спутников, которое вы совершили при помощи герцога Эпинэ и капитана Карваля.

– И как давно вы это знаете? – очень спокойно произнес сюзерен.

– С самого начала, – улыбнулся Симон Люра, вынимая пистолет. – Прошу меня простить, но я не собираюсь отправляться вслед за гоганскими свиньями.

– Вы полагаете, это вас защитит? – Робер положил палец на курок. Пистолет в руках Люра – это еще не смерть, по крайней мере не смерть для двоих.

– Я не собираюсь стрелять, – заверил генерал, – мне нужно, чтоб вы выслушали мои новости до конца.

– Мы выслушаем, – зевнул Альдо, – хотя вряд ли это что-то изменит.

– Это изменит многое, – холодно произнес Симон. – Я, как вы, наверное, понимаете, могу вас уничтожить, но зачем? Вы – мой единственный шанс, так же как я – ваш. Со временем мы друг к другу привыкнем, а сейчас предлагаю открыть карты.

– Что ж, начинайте, – сюзерен поправил воротник. Он держался хорошо, даже отлично.

– Я не решился на то, на что отважились вы, – Люра слегка развел руками, – хотя, видит Создатель, мечтал именно об этом. Рыжие свиньи имели наглость мне приказывать, а я, увы, не смог отказаться.

– Вот как? – переспросил принц. – Признаться, я полагал, что вам заплатили.

– Заплатили, – щека генерала дернулась, – как водовозу или огороднику. Подлые язычники, оскорбляющие Создателя своим существованием, вели себя с талигойским дворянином как с жалким наемником.

– Вы бы перешли на нашу сторону, если б не гоганы? – в лоб спросил Робер.

– Нет, – твердо сказал Люра, – ни в коем случае. Леопольд Манрик и Фердинанд Оллар меня полностью устраивали. С ними можно было иметь дело. Да, когда меня заменили на Лионеля Савиньяка, я расстроился, но потом все обернулось к лучшему. При кансилльере-«навознике» я стал графом, меня ждали невеста, неплохой майорат и маршальская перевязь. Разумеется, я собирался честно служить своему покровителю – в некоторых случаях это разумнее всего.

Робер с наслаждением разрядил бы пистолет в жесткое моложавое лицо, но Люра был прав – они скованы одной цепью. Если прикончить этого мерзавца, его подручные прикончат его высочество Альдо Ракана и его незадачливого маршала на месте.

– Генерал, – Иноходец положил свой пистолет на колени и улыбнулся, – раз у нас вечер признаний, расскажите, как вы стали графом Мараном?

– Это было забавно, – Маран достал изящную флягу с гербами. – Ваше высочество,

герцог, не желаете выпить?

– Пейте, я не хочу, – пожал плечами Альдо. Он был бледен, как изваяние, и Робер вдруг испугался, что у сюзерена открылась рана. Он связался с этой проклятой арой, а потом нарушил слово, кто знает, чем это грозит.

– А вы, герцог? – Люра прямо-таки источал дружелюбие.

– Благодарю вас, – спокойно произнес Робер, – я с удовольствием выпью.

– Прошу вас, – предатель с легким поклоном протянул флягу, кажется, он был удивлен. – Как вы знаете, в Эпинэ начались неприятности. Это очень огорчало обер-прокурора и радовало кансильера. Вы знаете, что после восстания Эгмонта «медведи» и «фламинго» поделили имущество мятежников? Вам наверняка неприятно это слышать, но что было, то было. Сестра Жоана Колиньяра вышла замуж за Альбина Марана, но, согласитесь, превратиться из герцогини в графиню не очень весело.

– Я знаю, чего хотели Мараны, – перебил Робер, возвращая генералу его касеру, – благодарю вас.

– Здоровье Повелителя Молний! – генерал нехорошо усмехнулся. – Манрик тоже кое-чего хотел. Ему был нужен Надор, и господа «навозники» заключили союз.

– Надор?! – Люра – мерзавец, но мерзавцы знают и понимают больше других. – Зачем?!

– Тессорий немного посчитал и пришел к выводу, что вотчине Окделлов для процветания не хватает больших денег и умной головы. Гаунау не плодороднее Надора, а Дриксен не южнее. Три границы, мрамор, стеклянный песок, лес, пастбища, невыращенный лен, неостриженные овцы и непроходимая тупость Повелителей Скал, не желающих вылезать из прошлого... Леопольд Манрик решил взять дело в свои руки. Не удивляйтесь моей осведомленности, я тоже собирался осесть на севере.

– Господин Люра, – Альдо по-прежнему не улыбался, – вы отвлеклись...

– Разве? А мне казалось, герцог Эпинэ живо заинтересовался возможностями Надора. Что ж, вернемся на юг. Общими усилиями Манриков и Колиньяров губернатором провинции сделали Сабве. Он быстро понял, что в семи из одиннадцати графств ему ловить нечего, зато в четырех порезвился на славу, но я опять рискую отвлечься.

– А вы не отвлекайтесь, – отрезал Альдо. – Нужно решить все сразу и навсегда. Чего вы ждете от нашего разговора?

Генерал Симон Люра улыбнулся:

– Того, чего я лишился из-за гоганских чернокнижников. Маршальской перевязи, графского титула и майората. На девицу Маран и владения в Эпинэ я, разумеется, больше не претендую.

Глава 7 Оллария и Лаик

«La Dame des Deniers & Le Quatre des Bâtons & Le Cinq des Épées» 116

1

Луиза отрезала кусочек белого мяса, наколола на вилку и отправила в рот. Есть на людях она терпеть не могла, но его величество пожелал, чтобы госпожа Арамона ужинала за его столом, и она ужинала, предварительно проглотив пару ломтей хлеба с мясом, чтобы со своими аппетитами не казаться ызаргом в стае морискилл.

Морискиллы, впрочем, были еще теми пташками: здоровенные генералы и сановники

¹¹⁶ Королева Динариев, Четверка Посохов и Пятерка Мечей.

церемонно отщипывали кусочки хлеба, обглаживали крохотные перепелиные крылышки и по глоточку смаковали легкое вино. Как человек ел только Фердинанд, остальные маялись дурью, корча из себя нечто бестелесное.

Госпожа Арамона проглотила слюну и как могла изящно откромсала еще один ломтик. Это ее последний ужин во дворце, в крайнем случае предпоследний. Завтра вернется Хуан, и они решат, что делать. Вернее, что делать, понятно – бежать в Алвасете и чем скорей, тем лучше. Не виси на ней Айрис с Селиной, Луиза бы наплевала на здравый смысл и осталась в Олларии. Насиловать такую красотку никто не станет даже спьяну, а долги надо отдавать. Мерзко бросать короля, объявившего уродливой мещанке, что у нее сердце герцогини. Знал бы бедняга, что перед ним – подсадная кошка, которая спит и видит вцепиться его драгоценной Катари в хитрющую морду!

Капитанша со злостью осушила бокал, и это было ошибкой. Рассчитывать, что сидящий рядом герцог Придд нальет даме вина, не приходилось. Юный «спрут», выпущенный из Багерлее в один день с королевой, видел только Катарину, сидевшую над тарелкой, словно над житием очередного святого. Твари закатные! Детей увезли, мятежники за Данаром пешком ходят, а она сидит, смотрит, как муж себя гробит, и ничего не делает! Можно подумать, на Совете Меча с Манриками святая Октавия сцепилась!

В то, что страдальца не замечает влюбленного осла, Луиза не верила. Такое разве что Селина проморгает. Или Фердинанд. У Луизы прямо-таки руки чесались стукнуть его величество по голове, сунуть в мешок и утащить в Кэналлоа к морским звездам...

– Сударыня, вина?

Маркиз Фарнэби, мерзость-то какая! Старый греховодник заглядывается на дочь и обхаживает мать. Хорошо хоть, юных девиц не приглашают за королевский стол. Нашей горлинке другие голубки не нужны, то ли дело вороны да куры!

– Благодарю, вас. Немного красного.

Хорошо бы выплеснуть бокал в морду милейшего маркиза, но в уме этой скотине не откажешь. Фарнэби среди новых любимцев Фердинанда самый умный, и он иногда говорит королю правду. В отличие от Кракла с Вускердом. Жаль, сегодня нет рыбы, если каждый вечер подавать карпа, рано или поздно какой-нибудь болтун подавится. А больше всех у нас говорит кансильер, даже больше обер-прокурора.

– Дворяне Талига, – Фердинанд отложил салфетку и поднялся с бокалом в руке, – здоровье ее величества и всех присутствующих дам. Виват!

Первым, разумеется, вскочил Валентин Придд. Герцог носил траур по погибшим родичам, который ему удивительно шел. Катарина вздрогнула, растерянно оглядела пьющих за нее мужчин, задержала взгляд на юном красавце в черном и фиолетовом, торопливо отхлебнула вина, еще разок дернулась, слегка закашлялась и уставилась на скатерть. Теперь Валентин точно ночью спать не будет, остается надеяться, что новый Повелитель Волн будет верен Олларам. Так же, как Генри Рокслей, в одночасье ставший из узника маршалом и комендантом Олларии.

– Господа, виват его величеству! – один глаз нового кансильера с обожанием смотрел на короля, другой – с преклонением – на королеву. Очень удобно, из косых вообще выходят отменные придворные: Кракл, Блокхэд, новая графиня Васспард...

– Король всего лишь первый дворянин Талига, – улыбнулся Фердинанд, – я принимаю ваш тост, но с поправкой. За Лучших Людей нашего бесценного Отечества, да живет оно вечно!

– И за тех, кто за него сражается, – громко, как и положено старому глухому генералу, подхватил Хорни-Агарик. – За победы талигойского оружия!

Победы были. Вчера стало известно, что Лионель Савиньяк размазал по промерзшим камням каданцев, не ожидавших встретить столь горячий прием прямо на границе, но лучше бы белокурый маршал был в Олларии. Святая Октавия, как же здесь не хватает тех, кто способен сразу думать, решать и делать.

Лучше всего аппетит отбивает общество мерзавца. Два часа назад Робер Эпинэ был готов проглотить бакранского козла со всей упряжью, но присутствие Люра превратило ужин в пытку. Иноходец старался не замечать жующего союзничка, но Симон Люра шумел и веселился, как четыре кагета. Будущий маршал и граф был в полном восторге от своей персоны и заключенной сделки, вот и резвился, а сюзерен ему подыгрывал. Во имя Астрапа, зачем?! Робер залпом осушил бокал, налил еще, подумал и отодвинул. Если он напьется, дело кончится ссорой, а этот негодяй им и впрямь нужен. Вот так и начинаешь жрать падаль...

– У меня есть одно достоинство, которого лишены большинство придворных, – разглагольствовал Симон, уписывая урготские маслины.

– И какое же? – полюбопытствовал занятый олениной Альдо.

– Ваше высочество, неужели вы еще не заметили? Я знаю свое место.

– Неужели? – принц внимательно посмотрел в красивое лицо. Светлые глаза Альдо были спокойными и холодными, как пруд за окном.

– Я могу доказать, – Люра и не подумал отвести взгляд. – Я прекрасно понимаю, что никогда не буду Первым маршалом Талигойи. Это место принадлежит герцогу Эпинэ, а он моложе меня почти на двадцать лет. Я понимаю, что никогда не стану герцогом и не смогу претендовать на руку принцессы, но маршальская перевязь и должность пожизненного командующего столичного гарнизона по мне, как и добротный, свободный от наследников титул. Поверьте, я не намерен вырывать сосновый венец из рук вдов и сирот.

– Вы уже присмотрели подходящее графство? – полюбопытствовал сюзерен.

– О да! Так вышло, что последний представитель весьма почтенного рода был обвинен в заговоре и погиб во цвете лет, не оставив потомства...

– Увы, – Альдо вздохнул и запил вздох кналлийским, – но кого вы имеете в виду? Я слышал, что по крайней мере пять ошейников¹¹⁷ остались без законных хозяев.

– Ваше высочество, – вздохнул генерал, – я предпочел бы остаться на севере. Я недавно был в Эпинэ и пришел к выводу, что я и эта провинция не созданы друг для друга. Не правда ли, герцог?

– Вынужден согласиться, – сухо бросил Робер. – Мои соотечественники не слишком расположены к людям из столицы.

– Именно это я и имел в виду. Что до трех других титулов, то, насколько мне известно, на них претендуют союзники вашего высочества, обретающиеся за пределами Талига... простите, Талигойи. Мне не хотелось бы их разочаровывать, а вас – ставить в затруднительное положение.

– Вы хотите стать графом Килеаном-ур-Ломбахом? – удивился Робер. – А вас не смущает, что представители этого семейства в последнее время рождались под несчастливой звездой?

– Отнюдь, – успокоил претендент на титул, – ведь будь звезда счастливой, вряд ли бы я мог претендовать на имя Килеанов. С другой стороны, я человек везучий, моей удачи хватит и на меня, и на графство.

– Рад за вас. – Альдо сунул Роберу бокал: – Налей! Генерал, а зачем вам столичный гарнизон? Помнится, это место не маршальское.

– Ваше высочество, – развел руками Люра, – это же очевидно. Если я буду обычным маршалом, меня отправят на обычную войну. Весьма вероятно, что моими противниками станут люди, чьи воинские таланты я ценю весьма высоко. Мне не хотелось бы разочаровывать ваше высочество, но я не способен победить даже Дьегаррона, не говоря уж

¹¹⁷ Имеется в виду цепь особого плетения, являющаяся символом графского достоинства.

о Савиньяках, Ноймаринене, фок Варзова или пресловутом Вороне. Зато я ручаюсь, что в Оллари, или, если угодно, Кабитэле, при мне не будет ни единого бунта.

– Что ж, – кивнул Альдо, – если я стану королем Талигойским, то вы станете маршалом и графом Килеаном– ур-Ломбахом. Вы довольны?

– Несказанно, – осклабился Люра, – но я полагаю *ваше величество* царствующим королем и, следовательно, могу рассчитывать на титул и звание немедленно. Зачем дожидаться коронации? Зачем называть себя принцем, если ваш батюшка посылает вам благословение из Рассвета?

– Пожалуй, вы правы, – кивнул Альдо. – Но как быть с Эсперадором?

– Эсперадору тоже удобней молиться за монарха, а не за претендента на чужой престол. Ваше величество, могу ли я рассчитывать увидеть высочайший указ уже сегодня?

– Можете, – заверил Альдо, – в обмен на рассказ о том, как я взойду на трон и куда исчезнут ваши гоганские наниматели. Как, к слову сказать, вы с ними встретились?

– Мне не хотелось бы об этом говорить, – признался генерал. – Я ошибался в них, они ошиблись во мне, но их ошибка будет больше моей. Я всего лишь принял на веру их рассказы о невозможности нарушить клятву, а они решили, что меня можно запрячь и заставить идти за привязанной морковкой.

– А если б они догадались заменить ее непривязанной? – не выдержал Робер.

– Они не догадались. Но, ваше величество, я все еще не добрался до новости, которая, без сомнения, вас обрадует.

– Мы слушаем, – кивнул Альдо.

3

Подали десерты. Начиненные орехами и изюмом яблоки, варенные в миндальном ликере, желе, творожные корзиночки с ягодами. Король обожал сладкое, королева – нет, по крайней мере, так она говорила, хотя Луиза подозревала, что ее величество сласти любит, но свою талию любит больше. Госпожа Арамона позволила положить себе горячее яблоко и тут же пожалела об этом – разрезать капризный фрукт, не обрызгавшись, было не легче, чем пройти по канату. Женщина полностью отдалась нелегкому делу и не сразу поняла, что стало тихо. Святая Октавия, ну что там еще?

Луиза отложила нахально звякнувший нож, оглянулась и увидела нового капитана¹¹⁸ личной королевской охраны Поля Морена. Свежеиспеченный генерал стоял в дверях навтыжку и молчал. Фердинанд проглотил кусок корзиночки и улыбнулся:

– В чем дело, Морен?

Тот не ответил. Луиза ошиблась: Морен смотрел не на короля, а на коменданта Оллари, восседавшего между кансильером и графиней Феншо. Маршал Рокслей отложил салфетку и медленно поднялся.

– Докладывайте.

– Господин маршал, – голос Морена дребезжал, как телега на ухабах, – личная охрана его... Вверенный моему попечению полк готов... все готово!

– Фердинанд Оллар, – отчеканил Генри Рокслей, – вы и ваши подручные арестованы. Гарнизон Кабитэлы переходит на сторону его величества Альдо Ракана.

– Что? – не понял король. – Что вы сказали?

– Господин Оллар, – повторил Рокслей, – вы низложены, вашу судьбу решит законный король. Гвардия, взять его. В Багерлее!

Фердинанд часто заморгал, он не казался испуганным, только безмерно удивленным. Черно-белые гвардейцы вползали в комнату, вставали за спиной короля, возле двери в

¹¹⁸ Капитан личной королевской охраны имеет звание генерала.

приемную, у доходящих до самого пола окон... Король оглянулся, увидел обнаженную шпагу и вздрогнул. Скрипнул стул – канцильер Кракл отодвинулся от своего сюзерена.

– Маршал Рокслей, – значительно произнес Джордж Вускерд, – когда я смогу передать вам обличающие тирана документы?

– Когда будет время, – скривил губу Рокслей, – и не мне, а хуриям.

– Я думал, Генри, вы умнее, – маркиз Фарнэби откинулся на спинку кресла и пригубил вино. – Неужели вы не понимаете, что к весне вы снова окажетесь в Багерлее? Уже навсегда.

– Зато вы окажетесь там прямо сейчас, – отрезал маршал. – Морен, взять его! Взять всех, кроме женщин, герцога Придда, виконта Рокслея и генерала Хорни.

– Дурак, – бросил Маркус Фарнэби, смакуя вино. Рокслей сделал вид, что не слышит. Король шумно вздохнул, на высоком лбу выступила испарина; Фердинанд Оллар медленно утер лицо и поднялся, резко оттолкнув кресло.

– Измена! – крик был неуверенным, словно король боялся кого-то потревожить. – Гвардия, ко мне!

– Замолчите! – зашипел Кракл. – Во имя Создателя, замолчите!

– Ваше величество!

Высокий тенъент с обнаженной шпагой в руке ворвался в столовую из малого кабинета. Конечно же, офицерский пост у шкатулки с малой печатью! Заговорщики о нем забыли.

– Тенъент Давенпорт, – прикрикнул Рокслей, – стоять!

Офицер остановился, но не потому, что послушался, он просто растерялся.

– Чарльз, – вполголоса произнес Джеймс Рокслей, в отличие от кузена казавшийся смущенным, – успокойся, все в порядке, я тебе после объясню.

– Ваше величество, – Давенпорт смотрел только на короля, – что случилось?

– Господин маршал, – оказывается, Морен отходил, а Луиза и не заметила, – часть гарнизона во главе с полковником Анселом заперлась в казармах и не желает подчиняться вашим приказам. Я предупреждал, что...

– Замолчите, глупец! – рявкнул господин маршал. – Фердинанд Оллар, вы поедете со мной и прикажете Анселу сложить оружие.

– Полковник Ансел исполняет свой долг! – неожиданно внятно произнес Фердинанд, лицо которого из снежного стало багровым. – Он, в отличие от вас, истинный человек Чести и настоящий талигонец.

– Господин Оллар, – перебил Рокслей, – вы хотите, чтобы на улицах Кабитэлы пролилась кровь? А она прольется, причем по вашей вине. Если Ансел заупрямится, он сгорит заживо вместе со своими казармами, а заодно сгорят несколько улиц. Вы этого хотите?

Король молчал. В отличие от Кракла, лицо которого пошло пятнами.

– Оллар, сдавайтесь, – ну и канцильеры в Талиге, один гаже другого, – это облегчит вашу участь. Альдо Ракан – истинный рыцарь, я всегда восхищался этим молодым человеком, он...

– Только Ракан может владеть Талигойей! – выкрикнул Вускерд. – Эрнани Одиннадцатый был предательски убит, но убийство короля не делает таковым узурпатора.

Вот мразь! Святая Октавия, бывают же такие дряни! Ызарги и крысы по сравнению с Краклами и Вускердами прямо-таки воплощенное благородство и к тому же молчаливое.

– Тенъент, – тихо и устало произнес Фердинанд Оллар, – сложите оружие. Ваша смерть никому не нужна, как и ваша честь. Нет короля, нет присяги, нет Талига... Ничего нет...

– Что там объявил ваш Эсператор? – Давенпорт со смешком обернулся к маршалу Рокслею. – Присяга, данная против воли, не имеет силы?

– Время шуток, молодой человек, прошло, – резко бросил маршал. – Ваше счастье, что я знаю вас и уважаю вашего отца. Уберите шпагу и уходите.

Офицер задумчиво глянул на свое оружие, сдержанно поклонился королю и вдруг резко переломил клинок о колено.

– Значит, не имеет силы? – обломки полетели прямо в пятнистую морду Кракла. – Ну нет! Присяга, отмененная против воли, остается присягой. Именем Талига!

Чарльз Давенпорт спустил курок, почти не целясь. Грохнул выстрел, дико закричала Дженнифер Рокслей, ее муж, прижимая руки к животу, мешком плюхнулся в свое кресло; сквозь растопыренные пальцы хлестала кровь. Запахло порохом и чем-то отвратительным донельзя, упал и со звоном разлетелся бокал. Теньент саданул рукоятью пистолета в висок разинувшего рот гвардейца, ударом ноги распахнул окно и под доходящий до звона визг дурищи Феншо выскочил на террасу.

Луиза посмотрела на королеву. Стерва лежала в глубоком обмороке на руках Валентина Придда.

Глава 8 Окрестности Оллари

«Le Cinq des Bâtons & Le Huite des Coupes & Le Neuf des Bâtons» 119

1

Этот день все-таки наступил! Над свободной Талигойей вновь реяло знамя Раканов, а последний потомок великого узурпатора был схвачен в собственном дворце за ужином. Фердинанд сопротивления не оказал, его не хватило даже на то, чтоб покончить с собой, как подобает мужчине и дворянину.

Ничтожество, жалкое трусливое ничтожество, которому достались краденая корона и лучшая женщина этого мира, но теперь все пойдет иначе. Возрожденная Талигойя вернет себе былую славу, отдаст должное достойным и покарает предателей и мерзавцев. Погода – и та на стороне Раканов, словно сама земля радуется возвращению законного государя. И как символично, что известие о победе нашло принца в Лаик, древнем аббатстве, отобранном Франциском у эсператистов и превращенном в тюрьму для потомков знатных родов, принужденных дышать одним воздухом с юными «навозниками».

Теперь Ричард понимал, почему старое здание казалось ему опасным, оно ненавидело захватчиков и так же, как и сам Дик, надеялось на избавление. Юноша широко улыбнулся принесшему горячую воду слуге и намылил щеку. Стоит ли отпускать усы? Их носят почти все, но Альдо бреется, а Эмиль Савиньяк как-то обмолвился, что светлые усы превращают мужчину в таракана.

Сами близнецы усов не носили, равно как и Ворон, но почему? Потому, что так нравилось Катари или наоборот? Будет ли ее величество присутствовать при подписании капитуляции? Симон Люра сказал только, что королеве ничего не грозит, а расспрашивать Ричард не осмелился, хоть и не разделял неприязни Робера к спасшему их генералу. Иноходец в последнее время вообще вел себя странно. Дик изо всех сил старался не замечать злых взглядов и грубых слов, но это было невозможно. У Альдо просто невероятное терпение, Ричард на месте принца давно бы одернул рычащего на весь белый свет подданного, а сюзерен сводил все к шуткам.

Дикон понимал, что Роберу пришлось несладко, но нельзя же из-за этого бросаться на друзей. Мужчина должен владеть собой, тем более Повелитель! Впрочем, Молния – самая капризная и непредсказуемая из всех стихий, не считая Ветра. Окделлы и Придды хранили верность Раканам, а Шарль Эпинэ изменил своему королю. Нет, разумеется, Робер никогда не предаст Альдо, но ухо с ним надо держать остро, а еще эти южане!

Вассалов Эпинэ Ричард не переносил, и это было взаимно. Хорошо, что они скоро уберутся домой! Люра и его гвардейцы в состоянии защитить своего короля, что бы ни говорил обнаглевший Карваль. Симон бросил на карту все, собственными руками прикончил Манрика, спас безнадежно проигранное сражение, открыл для всех ворота победы, а вместо благодарности – косые взгляды и недоверие.

– Сударь, позвольте...

Герцог Окделл с удовольствием принял из рук слуги нагретое полотенце. Жаль, в Лаик нет приличного портного, да и какой портной успеет сшить камзол за одну ночь! Конечно, для ее величества одежда ничего не значит, но в день триумфа Чести Повелитель Скал должен выглядеть надлежащим образом. Увы, из фамильных реликвий при Ричарде были только кольцо, кинжал и медальон, а темное военное платье превращало его в одного из многих. Ничего, на коронацию он оденется как должно. Хорошо, что Катари не придется привыкать к чужим цветам. Герцогиня Окделл носит багряное с золотом, а багряное – это почти алое...

Раздался выстрел, и Ричард вздрогнул от неожиданности, не сразу вспомнив, что это всего-навсего сигнал сбора. Юноша схватил плащ без герба, промчался знакомыми коридорами, вылетел на террасу и вскочил в седло. Сона сразу же сунулась к Дракко, но юноша ее удержал. Иноходец казался злым и упрямым, как будто они не выиграли, а проиграли, говорить с ним не хотелось до дрожи, и Дикон подъехал к Симону Люра.

– Я еще не успел вас поздравить, граф.

– Благодарю, герцог, – улыбнулся Люра, вернее, граф Килеан-ур-Ломбах. – Я, знаете ли, еще не привык ни к титулу, ни к должности.

– Не сочтите за лесть, но вам она подходит больше, чем покойному графу Людвигу, – заверил Ричард. – Он был честным человеком, но не лучшим комендантом.

– Надеюсь учесть его промахи, – Симон слегка поклонился. – Я уже поклялся его величеству не допускать бунтов и мятежей.

– Скажите, граф, – надо почаще называть Люра по титулу, пусть гордится, а не стесняется, – почему вы посоветовали Альдо... то есть его величеству отложить въезд в столицу?

– Потому что опасаясь за его жизнь, – признался комендант. – Пусть в Кабитэле сохраняется спокойствие, а большинство гарнизона на нашей стороне, но в таких делах лучше не спешить. Вы знаете, что случилось с маршалом Рокслеем?

– Только то, что он ранен.

– Смертельно. Дурацкая оплошность, в которой виноват он сам. Дежурный тенъент оказался приспешником Фердинанда и отчаянным малым. Он влил маршалу пулю в живот и, пока гвардейцы во главе с Мореном ловили ворон, сбежал. Нет, сейчас въезжать в город и тем более во дворец, опрометчиво.

– Вы правы, – святой Алан, в Оллarii и впрямь стреляют из-за каждого угла. – Я не Ракан, но меня несколько раз пытались убить. Однажды прямо у особняка Алвы. Убийца бросил мушкет и сбежал.

– Избежать пули – хорошая примета. Вы счастливчик, герцог. Кстати, вы знаете, что ваша сестра в столице?

– Айрис? – Ричард не поверил своим ушам. – Как?! Откуда?

– Таинственная история, – Симон Люра улыбнулся в красивые усы, – но девица Окделл – любимая фрейлина ее величества.

Катари выполнила свое обещание и вызвала Айри к себе, как же это чудесно! Теперь все они будут вместе, и никого не удивит, что брат навещает сестру.

– Да, ее величество обещала пригласить Айрис.

– Должен сказать, – новый комендант Оллarii понизил голос, – что про вашу сестру прямо-таки чудеса рассказывают. Я был бы счастлив выказать восхищение столь решительной молодой особе.

– Я вас представляю, – заверил Ричард, – Айри будет очень рада... Она очень славная.

О, Робер!

– Простите, что прерываю ваш разговор.

Робер держался подчеркнуто сухо, неужели завидует Симону? Герцог графу? Первый маршал Талига просто маршалу? Немыслимо!

– Да мы ни о чем особенном не говорили, – заверил Ричард, – я просто поздравил графа с новым титулом.

– Он ему подходит, – Иноходец обещал Альдо вести себя вежливо и, слава Создателю, держал слово, – гораздо больше, чем тот, который ему нашел Манрик.

– О да, – Люра добродушно расхохотался, – комендант Оллари Маран, капитан личной королевской охраны Морен. Представляете, какая началась бы путаница.

– Был очень простой выход, – Робер улыбнулся, но как-то неискренне. – Объединить обе должности.

– Увольте, – махнул рукой Симон, – Манрик не доверял военным с талантом политиков. И не доверял военным с талантом военного. Я имею в виду с чрезмерным талантом. Впрочем, будь у меня последний, я бы стал маршалом Талига без посторонней помощи.

– Значит, – предположил Робер, – вы не очень талантливый военный, полагающий себя талантливым политиком?

– Не полагающий, – поправил Люра, – а талантливый, иначе мы бы с вами разговаривали в другом месте.

– Осталось вернуться к этому разговору позднее, – пожал плечами Эпинэ, – когда о вашем таланте узнают Савиньяк и фок Варзов.

– Не волнуйтесь, герцог, мы обречены на удачу.

– Возможно, – покачал головой Иноходец, – но я не люблю обреченность.

– Я тоже, – признался комендант, – поэтому вожу удачу в поводу, хорошо кормлю и вовремя меняю подковы.

– Вы, я вижу, предпочитаете линарцев? – светским тоном осведомился Робер.

– Да, – граф Килеан-ур-Ломбах выглядел несколько озадаченным, – это хорошая порода, особенно для столицы.

– Не спорю, – глаза Эпинэ стали жесткими, – но удача не линарец, а чистокровный мориск. Возможно, даже мориск-убийца. Нам пора, не правда ли?

– Пора, – подтвердил маршал, – но Оллар будет ждать Ракана сколько потребуется.

2

Альдо гарцевал по берегу подернутого ломким ледком пруда. Вороной принца капризно задирает голову, но всадник легко управлялся со строптивцем. Облитый солнечным светом, наследник Раканов казался рыцарем со старинного гобелена, которому улыбается сама Победа.

– Господа, – принц поправил шляпу с красивым золотистым пером, ее вчера привез Люра, – сейчас мы увидим прошлогодний снег.

– Не самое удачное сравнение для поздней осени, – святой Алан, неужели Иноходец не может раз в жизни если не порадоваться, то хотя бы помолчать? – На смену старому снегу придет новый, и скоро.

– И это говорит южанин! – Альдо засмеялся и хлопнул Робера по плечу. – Ничего, во дворце хорошие каминные. Граф Килеан?

– Да, ваше величество?

– Вперед! Встретим побежденных в поле, как поступали наши брезгливые предки.

Принц пришпорил своего жеребца, и черный гигант бросился вперед, едва не сбив зазевавшегося гвардейца. Дик поскакал за Альдо, слегка придерживая расшалившуюся Соню. Все-таки его лошадь в свите принца лучшая! Если, разумеется, не считать Дракко. Бедный

Оскар не дожил до этого дня, он ненавидел Фердинанда, но не верил в дело Раканов. Дик и сам не очень верил, пока не узнал Альдо.

Всадники друг за другом проскочили наспех залатанный мостик и понеслись по обсаженной тополями дороге, обгоняя ветер. Дик скакал рядом с Альдо, он давно не был так счастлив: война закончилась, власть Олларов рухнула, как карточный домик, Талиг свободен, Катари свободна, впереди только свет, радость и любовь. Конечно, враги никуда не делись, Люра-Килеан прав, нельзя недооценивать опасность, но не ызаргам остановить легендарного Зверя!

– Переходи на рысь, – Робер поравнялся с сюзереном. – Или ты хочешь показать Оллару, как падают лошади?

– Вот еще, – Альдо послушно придержал покрытого пеной жеребца. – А твой вроде сухой.

– Дракко – полумориск.

– После коронации я буду ездить только на морисках, – заверил принц, – но выбирать их будешь ты.

Теперь отряд шел походной рысью по трое в ряд. Сквозь просветы в стволах Ричард видел мушкетеров Люра, охранявших тракт. Симон – молодец, ничего не упустил, он будет замечательным комендантом.

Впереди показался всадник на гнедом белоногом коне, и Альдо натянул повод. Ричард, памятуя о судьбе Генри Рокслея, послал Сону вперед и вбок, заслоняя принца, но тревога оказалась ложной: перед ними был не убийца, а курьер. Генерал Морен докладывал, что Фердинанд Оллар доставлен в условленное место.

– Отлично, – лицо Альдо стало жестким, – я еще никогда не видел живого Оллара и вряд ли когда-нибудь еще увижу.

– У Фердинанда есть сын, – за какими-то кошками напомнил Эпинэ.

– Сын есть у королевы, – поправил Симон Люра, – но Фердинанд не имеет к этому никакого отношения.

– Тем лучше, – задумчиво произнес сюзерен, – я не намерен воевать с детьми, но из щенка может вырасти только собака, а из Оллара – только Оллар.

А что вырастет из детей Алвы? Конечно, они с Катари сделают все, чтобы Карл вырос человеком Чести, но жить ему будет непросто. Ричард помнил, что значит быть сыном проигравшего, но Эгмонт погиб за правое дело, его память чтит все истинные талигойцы; у детей Катари не будет даже этого утешения.

– Дикон, кончай считать кошек, – потребовал Альдо, – не затем приехали. Глянь, и это называлось королем!

3

Фердинанд Оллар стоял на коленях посреди пустого поля, а за его спиной маячили еще человек восемь, тоже коленопреклоненных. Какие-то «навозники», но не из главных, главные удрали, от возмездия не ушел лишь Леонард Манрик.

– Герцог Эпинэ, герцог Окделл, граф Килеан-ур-Ломбах, виконт Рокслей, – вполголоса перечислил Альдо Ракан, посылая коня вперед. Пятеро всадников, вернее четверо и один, шагом пересекли поле и остановили коней в шаге от одутловатой трясущейся туши, недавно восседавшей на краденном троне.

Бывшего короля и его прихвостней сторожили обычные гарнизонные солдаты, но позади Ричард заприметил лиловых стрелков. Разрубленный Змей, Придды! Откуда?!

– Оллар, – властно бросил Альдо, – признаешь ли ты себя побежденным?

– Да... – промычал Фердинанд, не осмеливаясь посмотреть в глаза победителю. – Признаю...

Разрубленный Змей, да он совсем потерял голову от страха. Это мужчина? Навоз и есть

навоз, ему место в хлеву, а не во дворце. Человек Чести никогда не станет блять, как овца на бойне. Святой Алан умер с гордо поднятой головой. Он мог спастись, его бы никто не посмел упрекнуть, но герцог Окделл вернулся и покарал предателя, потому что был верен своему королю и своей клятве. Единственный из всех! Остальные сдались, разбежались, предали. Даже фок Варзов, даже Эпинэ!

– Что ты просишь для себя?

Коленопреклоненный толстяк вздрогнул. Фердинанд был одет словно для дворцовой церемонии, только без короны. Приглядевшись, Ричард заметил на толстой шее веревку, почти незаметную среди многочисленных орденов цепей. По законам старого рыцарства это означает, что побежденный вручает свою судьбу победителю, победитель же задает вопрос Чести. На него мог быть один ответ: «Я не прошу ничего и вверяю свою душу Создателю, а свою Честь и свою жизнь – избраннику Его».

– Я согласен с любыми условиями, – пробормотал Фердинанд. – Мне все равно...

Трус, святой Алан, какой же жалкий трус, не имеющий понятия о Чести. С ним говорят, как с рыцарем, а он дрожит, как лавочник.

– Хорошо, – на лице Альдо была гадливость, – подпиши отречение и живи.

– Ваше величество, прошу меня простить, – Симон Люра говорил тихо, почти шептал, но Ричард слышал каждое слово, – по Золотому Договору, отречение, не прочитанное отрекающимся монархом и не оглашенное вслух в его присутствии и в присутствии не менее четырехсот его подданных, является недействительным. Более того, в оглашенном отречении нельзя менять ни слова.

– Да? – Альдо казался раздосадованным. – Я не знал. Ты говорил, что никаких сложностей не будет.

– Ваше величество, это не сложности. Ликтор готов огласить отречение.

– Что ж, – вздохнул Альдо, – придется слушать и смотреть. Оллар, хватит дрожать. Читай!

Фердинанд покорно взял протянутый листок. Руки бывшего короля тряслись, и вместе с ними тряслось отречение. Дику стало неловко. Не за бывшего короля, за Катари, которую бросили в постель слабосильному слизняку. Позор мужа ложится пятном и на жену, это несправедливо, но это так.

– Мы... Фер... Фердинанд Второй, – запыхтел Оллар, – мы...

Причем здесь монаршее «мы»? Этот человек не король и никогда им не был. Или так положено по Золотому Договору?

– Мы... Я прочел... Я уже сказал, что согласен... Мне все равно...

– Зато Талигойе не все равно, кто еще погибнет от рук Давенпорта и ему подобных, – не выдержал Джеймс Рокслей.

Давенпорт... Дик где-то слышал это имя, но не мог припомнить. Кто-то из оставшихся в Тронко офицеров Южной армии?

Альдо брезгливо поморщился, глядя сверху вниз на существо, которое не стоило даже имени врага, и махнул рукой, подзывая длинного ликтора с наспех вышитым гербом Раканов на плече. Чиновник поцеловал королевскую печать и с расстановкой произнес:

– Признаешь ли ты, что ни ты, ни твои предки не имели никаких прав на талигойский трон и занимали его незаконно?

– Да.

– Отказываешься ли ты за себя, за всех твоих потомков, родственников и сторонников от любых посягательств на корону?

– Да.

– Признаешь ли ты единственным владыкой Талигойи законного наследника династии Раканов?

– Признаю.

– Приказываешь ли ты всем своим сообщникам явиться с повинной в тот же миг, как они узнают о твоём отречении?

– Как... Как я могу теперь что-то приказывать? – на обрюзгшем лице проступило недоумение.

– На твоей совести смерть маршала Рокслея, – бросил Альдо, – за новое подстрекательство ответишь головой.

– Приказываешь ли ты всем своим сообщникам явиться с повинной в тот же миг, как они узнают о твоём отречении? – повторил ликтор.

– Да.

– Приказываешь ли ты тем, кому, не имея на то права, вручил оружие, безо всяких условий сложить его?

– Да.

– Приказываешь ли ты тем, кому ты незаконно раздавал титулы, звания и ценности, вернуть незаконно полученное короне?

– Да.

Он что, со страху забыл другие слова?

– Приказываешь ли ты тем, кто признал себя твоим вассалом, предстать перед его величеством Альдо Раканом?

– Да.

– Отвечаешь ли ты за свои слова своей жизнью? Принимаешь ли ты на себя вину за все, содеянное твоим именем в прошлом, настоящем и будущем, и готов ли нести ответ?

– Своей жизнью... Готов. Да.

– Подпиши.

Фердинанд, жалко хлопая глазами, смотрел на свиток ликтора, хотя отречение было у него в руках. Коренастый носатый человек вложил в пухлую руку перо, и Ричард тут же его узнал. Полковник Морен, бывший помощник коменданта Оллари. Ричард словно бы вновь увидел труп на перекрестке, разоренные дома, хохочущую полуголую женщину. В Октавианскую ночь Морен не щадил себя, спасая людей. Теперь Морен генерал, и это справедливо. Именно такие офицеры нужны новой Талигойе.

– Подписывайте, – шепнул Морен, и Оллар наконец сообразил, что от него требуется. В старину отречение подписали бы на щите, сейчас солдат поднес бывшему королю барабан. Фердинанд все с тем же недоумевающим видом нарисовал свою подпись и застыл, сжимая в руке испачканное перо. Четырехсотлетней тирании пришел конец, причем бесславный.

Глава 9 Лаик

«Le Roi des Deniers & Le Dix des Coupes & Le Neuf des Épêes» 120

1

– Монсеньор, вам надо выспаться хотя бы сегодня!

– Хорошо, Никола, я только зайду к сюзерену.

– А стоит ли? – буркнул капитан. – Толку-то...

Толку никакого, но не идти нельзя; и потом, лучше спорить с Альдо, чем смотреть на древний потолок, вспоминая себя шестнадцатилетнего. Лэйе Астрапэ, каким невысказанно счастливым он тогда был!

– Господин Первый маршал Талигойи, – отбарабанил мальчишка в фиолетовом, – вас ждет его величество!

– Вот видите, капитан, – попытался пошутить Робер, – судьба решила за нас.

Никола что-то проворчал, Иноходец пожал плечами и в сопровождении фиолетового юноши отправился в апартаменты старика Дюваля. Кривой полковник был славным человеком, жаль, что после его смерти в Лаик угнездился придурок.

– Наконец-то, – сюзерен был доволен и немного смущен, наверняка затеял очередную хитрость. – Спать пора, а ты где-то бродишь.

– Проверял посты. Победа победой, но мне спокойней, когда меня караулят свои.

– Мне тоже, – заверил Альдо. – Мы с графом Килеаном хотим тебе кое-что рассказать. Этот наш шанс, Робер, но сначала сядь.

– Иначе я упаду?

– Разве что от усталости, – засмеялся Килеан-Люра, – я буду говорить долго.

Робер послушно сел. Блеск в глазах сюзерена настораживал, именно он был источником большинства их ошибок.

– Я хотел бы начать с наших союзников, – комендант ОллариИ слегка поклонился, – их много, и они все чего-то хотят и не хотят друг друга.

– Погодите, – махнул рукой Альдо, – дай я скажу. Гоганы нас обманули, как последних дураков. Мы вообразили, что они всерьез сделают меня королем. Кошки с две, они об этом и не думают! Рыжие затащат меня на трон, получают, что хотят, и удерут. Все! Они свое обязательство исполнили: у меня на башке корона, а пожар под моей задницей они гасить не нанимались.

– Его величество слишком крепко выразился, – заметил Люра, – но дело обстоит именно так. Более того, гоганам не удастся продлить пребывание Альдо Ракана на троне, даже если они захотят. Если хозяин в отлучке и у тебя есть ключ, ты войдешь в дом. Но хозяин вернется, и, если он сильнее, тебе конец.

– Вы прекрасный рассказчик, граф, – сказал Робер, потому что нужно было что-то сказать.

– Ты согласен? – требовательно спросил Альдо.

– Более чем. – Зачем врать? Люра – мерзавец, но сейчас они в одной лодке. – Я, в отличие от тебя, влезал в чужой дом дважды. Первый ключ мне подсунул Штанцлер, второй – вы с господином маршалом.

– Штанцлер нам еще пригодится, – задумчиво протянул принц. – Хорошо, что ты его не пристрелил.

– Не уверен.

– Ваше величество, герцог, – Симон Килеан-ур-Ломбах поднялся и разлил вино, – предлагаю обсудить дриксенских «гусей» после. Всему свое время. Сначала следует укрепиться в столице, расплатиться с солдатами и избавиться от гоганов. Как вы понимаете, первое невозможно без второго, а второе противоречит третьему.

– Но выход есть, – Альдо с удовольствием взял бокал, – и какой лихой!

– У нас есть Оллар с его отречением, где-то бегаящий Чарльз Давенпорт, негоцианты, по требованию Манрика ссудившие деньгами Резервную армию, верные Фердинанду войска на границах, немножко Приддов и семнадцать генералов и полковников, знающих про гоганов. Из этого можно приготовить отменный обед.

– Я отдам распоряжения о подготовке к торжественному въезду в столицу и коронации, – глаза Альдо сияли, – но, понимаешь ли, этот полковник... Разрубленный Змей, опять имя забыл!

– Ансел, – напомнил Люра, – на редкость честный пес, его не поймали ни Манрики, ни гоганы, ни ваш приятель Штанцлер...

– Вот-вот, – обрадовался сюзерен, – Ансел. Он сначала решил устроить бучу, а потом передумал и удрал на север к Савиньяку.

Удрал? Уйти из города с развернутыми знаменами под барабанный бой теперь называется удрать? Ансел с двумя полками прошел между барсинцами и мерганцами, те только зубами клацнули.

– По-своему Ансел прав, – Люра со вкусом отхлебнул вина, – давать бой, когда под ногами путаются горожане, удовольствие сомнительное. Лучше присоединиться к большой армии и выждать, когда мы съедим все запасы и передеремся.

– А вам не кажется, что Ансел прав без всяких «по-своему»? – Робер все-таки выпил, хотя утром обещал себе, во-первых, не пить, во-вторых, не пить с Люра.

– Он был бы прав, – ухмыльнулся граф не Маран, но Килеан, – если бы все шло так, как задумали гоганы.

– Робер, – влез сюзерен, – дай маршалу договорить. Сейчас Ансела и Савиньяки не главное.

– Итак, – Люра поставил полупустой бокал на стол, – мы готовимся к коронации, но, опасаясь беспорядков, набираем заложников из числа сторонников Олларов. Зажиточных сторонников. Это просто мера предосторожности против Давенпорта и его единомышленников, так как с Анселом могли уйти не все. Одновременно его величество объявляет о переезде из Лаик в Тарнику, в Летний дворец, чтобы уже оттуда тронуться в Кабитэлу. Туда же мы приглашаем наших дорогих сторонников. Маршал Рокслей не в счет, он вряд ли переживет нынешнюю ночь, но остальные приедут. И вот тут-то на сцену выходит милейший Давенпорт.

– Короче, – засмеялся Альдо, – мы соберем всех, кто перешел на нашу сторону по указке гоганов, в Тарнике и отправим вдогонку за достославным Гармиолем.

Лэйе Астрапэ, они сошли с ума! Оба! Собрать во дворце тех, кому обязан победой, какой бы она ни была, и перебить! На такое Лис – и то не отважился...

– Не смотри на меня так, – засмеялся сюзерен, – лучше выпей и послушай. Меня там не будет. На выезде из Лаик на меня нападут.

– Его величество уцелеет, – торжественно провозгласил Люра, – но под ним убьют лошадь.

– Ты же сам видел, – порадовал Альдо, – она ни на что не годится. Мне нужен мориск, а не эта дохлятина!

– Разумеется, – Килеан-Люра был невозмутим, как бакран или бакранский козел. – Его величество вернется в Лаик, чтобы оказать помощь раненым солдатам (думаю, их будет не меньше шести) и сменить коня. Именно в это время Чарльз Давенпорт ворвется в Тарнику и уничтожит предателей.

– Разумеется, это будет никакой не Давенпорт, – жизнерадостно объяснил Альдо, – а...

– А ваш покорный слуга, – закончил комендант столицы. – Итак, мы избавимся от тех, кто знает о наших связях с гоганами и кто по той или иной причине связал себя с рыжими. При этом достославные не смогут ни в чем обвинить ваше величество. Найти и перебить предателей – что может быть естественней для человека, пристрелившего Рокслея на глазах у свергнутого короля?!

– Ну, – подмигнул Альдо, – что скажешь?

Сказать можно многое, но надо ли? Если эти семнадцать такие же, как Люра, их нужно убить, закопать и придавить сверху чем-нибудь потяжелее.

– Язык проглотил? – не унимался сюзерен. – Ты понимаешь, что мы наконец избавимся от рыжей заразы?

– Пожалуй...

– Но это еще не все!

– Как вы помните, герцог, – как же он горд собой, этот выбившийся в маршалы дворянчик, – мы начали разговор с того, что нам нужны деньги для наемников и власть внутри Кольца Эрнани. Иначе с нами никто не станет разговаривать. Итак, что делает его величество, потрясенный убийством друзей? Как говорится, на войне как на войне. Он вынужден отдать приказ о казни Оллара и заложников.

– Заложников? – Робер ошалело потряс головой. – Убить заложников за то, что сделаем мы сами?!

– Для всех их убьет Давенпорт, – подсказал Альдо. – Он же в глазах народа станет

убийцей Фердинанда и заложников.

– Ваше величество, – глаза Люра сверкнули, – герцог прав! Вы должны быть милосердным. Приказ о казни должен отдать другой человек, потому что вы будете ранены. О, совсем легко, в руку или в плечо, но это вызовет лихорадку. Тем не менее, узнав о казни, вы, несмотря на протесты врача, вскочите на коня и в сопровождении то ли Окделла, то ли Придда, выбирайте сами, явитесь к эшафоту и остановите казнь.

– Лучше Окделла, – Альдо решительно хлопнул ладонью по колену и засмеялся: – Сын Эгмонта и потомок святого Алана, умоляющий государя о милосердии, – это красиво. А Придду самое место у эшафота Оллара, ведь у него перебили всех родственников.

– Не всех, – поправил Люра. – После бегства Манриков Фердинанд выпустил из Багерлее всех, кто там еще сидел, но вы правы, Придд со своими стрелками украсит церемонию. Кстати говоря, ваше величество, было бы неплохо дать Фердинанду шанс. Напомню, что по условиям отречения король отвечает за все, содеянное его именем, и призывает своих подданных сдаться.

– Согласен, – кивнул Альдо, – я помилую Фердинанда, если он передаст мне истинных виновников злодеяний. Да и заложников можно отпустить. В обмен на удравших и отсутствующих преступников.

– Великолепная мысль, – одобрил комендант Кабитэлы. – Ваш манифест войдет в историю как образец милосердия, справедливости и предусмотрительности. Хотел бы я посмотреть, куда сунут Манрики и маршалы послание Оллара...

– Итак, я останавливаю казнь, – напомнил Альдо, – и разрешаю родственникам выкупить заложников. Все! Деньги у нас в кармане, мы платим солдатам, которые знать не знают, чего хотели их покойные начальники, и въезжаем в Олларию, то есть в Кабитэлу... Что скажешь? Ты согласен?

– Пожалуй...

– Но приказ о казни придется отдать тебе. Как Первому маршалу Талигойи. Остальное сделает Симон.

– Хорошо, но если вы с Ричардом проспите...

– Не беда, – махнул рукой сюзерен, – заложником больше, заложником меньше!

– Постой, – Робер уставился на Альдо, – ты же говорил, что казнь остановят.

– Ну разумеется, остановят, только не в самом начале, – сюзерен был искренне удивлен. – От Фердинанда в любом случае надо избавиться. Причем законно, в строгом соответствии с этим дурацким договором. Бывших королей оставлять в живых неприлично.

– Казнь Оллара и части заложников необходима, – веско произнес Люра, – иначе в серьезность наших намерений никто не поверит.

Как всегда, «мы» казним, «они» убивают, а ему на сей раз отведена роль палача. Был Рамиро-Вешатель, а как назовут Иноходца Эпинэ?

– Герцог, – улыбнулся Люра, – вы так красноречиво молчите. Видимо, вам разонравился наш план.

– Вы угадали, граф, – нет, это называется не «разонравился», это называется иначе!

– Господин Первый маршал, – комендант Олларики укоризненно покачал головой, – возьмите себя в руки.

– Идите, Люра, – прикрикнул Альдо. – И действуйте. С Первым маршалом Талигойи я как-нибудь договорюсь.

2

– Я хочу, чтобы о казни объявил ты.

– Ну уж нет. Пускай сей подвиг возьмет на себя граф Килеан-ур-Ломбах.

– Не лезь на рожон, – нахмурился Альдо. – Люра сделает то, что нужно, но он не Первый маршал Талигойи и никогда им не станет. Он будет командовать казнью, но

замещать меня придется тебе. Понимаю, что противно, но нам нужны деньги.

– И пока я буду смотреть, как рубят голову Фердинанду Оллари и дюжине негоциантов, ты пойдешь к разумной вдове?

– Не могу сказать, что я в восторге от твоих шуток, но я понимаю...

– Закатные твари, ну почему, когда ничего не понимают, через три слова на четвертое талдычат «понимаю, понимаю, понимаю...»?!

– Хорошо, – не стал спорить принц, – я тебя **не** понимаю, но мне надо, чтоб ты понял меня. Мне нужны жизнь, корона и деньги, но карты легли так, что без денег не будет короны, а без короны – жизни. Можно сколько угодно жалеть о том, что мы полезли в это болото, но назад дороги нет. С этим ты согласен?

– С этим согласен.

Самое мерзкое, что сюзерену эта игра нравится. Еще бы, так весело: Манрик надул Колиньяра, гоганы – Манрика, Симон – гоганов, а умный Ракан прикончит Симона и получит все и луну из лужи.

– Идем дальше. Нам нужно выиграть время и избавиться от гоганов. Выгнать их прихвостней мы не можем, открыто убить – тем более, за ними стоят войска. Неужели тебе мало одного Люра и ты хочешь еще дюжину?

– Я предпочел бы не иметь ни одного.

– Обещаю, что граф Килеан-ур-Ломбах не нарушит фамильной традиции и кончит быстро и плохо, но сейчас он мне нужен. Пусть избавит нас от своих собратьев. Ты согласен, что нам гоганская свора не нужна?

Обмануть гогана может только гоган. Сколько раз они с сюзереном принимались хитрить в надежде уколоть ежа, и ни к чему хорошему это не приводило. Конечно, Люра не им чета, если он Манрика облапошил, то и с правнуками Кабиоховыми может справиться.

– Робер, – в голосе Альдо послышалось раздражение, – ты можешь предложить что-то лучшее?

– Нет, – честно признал Эпинэ, – не могу. Альдо, ты понимаешь, до чего мы докатились?

– Если я скажу «понимаю», ты начнешь кусаться.

– Я уже начал. Альдо, я выхожу из игры, с меня хватит. Фердинанд – ничтожество, но ваша затея марает не его, а нас.

– Хорошо, – сюзерен оттолкнул стакан. – Тебе мои затеи поперек горла, это я **действительно** понимаю. Забирай своих южан и убирайся в Эпинэ. Ричард уже взрослый, справится.

– Ты хочешь затащить мальчишку под эшафот?

– Ричард Окделл не мальчишка, а Повелитель Скал. И потом, должен же я верить хоть кому-то. Проклятье, этот жирный заяц все-таки нас рассорил! Вот пусть за это и сдохнет. Подумаешь, голову отрубят, да его за это четвертовать мало!

– Ты его убиваешь не поэтому.

– И поэтому тоже. Робер, неужели все так и кончится? Дружба, надежды, совесть – все?! Я останусь править ызаргами, ты запрешься у себя на юге, а что потом? Все, что мы сделали, мы уже сделали, если сейчас отступить, все будет зря. И Рихард с Анатолем, и твои бириисцы, и даже Мупа...

– Альдо! – Вот так Леворукий и получает души. – Ты прав, мы зашли слишком далеко, а Фердинанд не стоит нашей дружбы. Пусть будет так, как ты хочешь, хотя...

– Хотя тебе это не нравится. Мне оно тоже не нравится, и хватит об этом. Симон берется за дело, вот пусть и плавает в дерьме, а я не желаю думать, что жрут ызарги. И тебе не советую. Главное, мы будем свободны, а грехи замолим потом. В старости.

Глава 10

Окрестности Оллари

1

Люра успел все: возвести эшафот, согнать людей, найти и подогнать по фигуре маршальский мундир, пока еще олларский: черно-белый с алой перевязью наивернейшего рыцаря ее величества. Верхом на роскошном белоснежном линарце маршал и граф выглядел безупречно, так безупречно, что казался ненастоящим. Да он и был поддельным, как и все остальное: титулы, звания, клятвы, преступления, милосердие... Все, кроме скорой смерти настоящего короля.

– Монсеньор, не желаете? – Никола Карваль с красными, ввалившимися глазами вытащил выдавшую виды флягу с летящим аистом. Робер уже пил из нее. У оврага в лесу Святой Мартины.

– Благодарю, капитан. Не поможет.

– Монсеньор, у нас нет другого выхода.

– Я знаю, – какое странное облако, похоже сразу и на птицу, и на двухголового коня.

– Оллар не может остаться в живых, но его кровь на Ракане и его собственных предателях, а не на нас. Зато Эпинэ получит свободу и мы скоро вернемся домой. Монсеньор, подумайте о том, сколько нам предстоит сделать! Наши дети вырастут счастливыми и гордыми. Все, что мы делаем сейчас, мы делаем ради них!

– Не сомневаюсь.

Сколько можно убеждать себя, что другого выхода нет? Сколько можно надеяться, что эта подлость – последняя, без нее не обойтись, зато потом ты выйдешь на бережок и станешь пастись, отгоняя хвостиком мошек?! Не будет ни бережка, ни травки, только Закат. Сначала в этом мире, потом – в ином.

Тропка, на которую они с Альдо вступили в гоганском трактире, завела туда, куда и должна была завести, – в трясины. Они бьются, как провалившиеся в болото мулы, с каждым рывком увязая все глубже в грязи и крови. Никола и Альдо этого не видят: одному застит глаза «великая Эпинэ», другому – корона. Им можно позавидовать. Или пожалеть – одно другого стоит.

– Монсеньор, – попробовал зайти с другого конца Карваль, – каковы будут приказания?

– Охранять его величество, – отрезал Иноходец и, глядя на вытянувшуюся физиономию офицера, пояснил: – Я не желаю, чтоб мои люди болтались у эшафота.

– Но вы сами...

– Я обязан присутствовать как Первый маршал Талигойи, но не как герцог Эпинэ.

Карваль, небывалое дело, промолчал, и Робер понял: борец за свободную Эпинэ несказанно рад, что может не смотреть на казнь. И это человек, без колебаний повесивший Маранов! От необходимости продолжать разговор Иноходца избавил Симон Люра, картинно осадивший коня рядом с хмурыми южанами.

– Мой маршал, – закаты твари, как же этот, с позволения сказать, граф самодоволен, – до церемонии остается полчаса, не желаете переодеться? Мои лакеи и мой гардероб в вашем полном распоряжении.

– Благодарю, не нужно.

– Будет весело, – Люра в тысячный раз за утро поправил свою клятую перевязь, – особенно когда толстосумы поймут, что это всерьез. Первого выбираю я, второй за вами, третий снова за мной, и так сколько успеем до появления его величества.

– Выбираем? – переспросил Робер. – Я полагал, что будет жребий.

121 Король Посохов, Восьмерка Мечей и Король Мечей.

– Зачем усложнять? – засмеялся Люра. – Все великое просто. Вышивай наши рыжие друзья не бисером, а нитками, того и гляди получили бы, что хотели.

Люра прав, слишком сложные расчеты срываются, но как выбрать из сотни ни в чем не повинных людей тех, кому не жить? Наша совесть – удивительно подлая штука: вытащил из толпы обреченных нескольких человек – спаситель, наоборот – убийца.

– Господин маршал, вы уверены в успехе? – Спокойно, Иноходец, спокойно. Придет время, и ты эту мразь прикончишь своими руками. Заодно со Штанцлером.

– Настолько, насколько можно быть уверенным хоть в чем-нибудь, – сильная рука с наслаждением погладила алый шелк. – Чтобы чего-то добиться в этой жизни, нужно уметь три вещи. Ждать, рисковать и понимать, когда нужно первое, а когда – второе. Сейчас время риска, герцог, иначе б нас тут не было.

– Вы имеете в виду излом эпох?

– Благодаря его величеству я больше не суеверен, – заверил граф Килеан-ур-Ломбах. – Деревенские рассказы деревенскими рассказами, а удача удачей. Четыреста лет назад ее поймал за хвост Франциск, сегодня – мы, а после нас хоть чума. Вы не согласны?

– Я не люблю чуму, – пожал плечами Эпинэ, – особенно в собственном доме, но, полагаю, нам пора.

– Беру свои слова назад, – засмеялся Люра. – Я совсем забыл, что собираюсь жениться. Уверю вас, я буду нежнейшим мужем, замечательным отцом и наивернейшим подданным и начну прямо сейчас. Итак, чума отменяется, а нас ждет прелюбопытнейшее зрелище.

Робер не ответил, притворившись, что не может справиться с расшалившимся Дракко. Удо Борн или Матильда раскусили бы немудреный обман немедленно, но Симон Люра Повелителя Молний не знал. К счастью для обоих.

2

Для «прелюбопытнейшего зрелища» граф Килеан-ур-Ломбах выбрал ярмарочное поле на берегу Данара. Место было удачным во всех отношениях. Обширный, хорошо утоптаный плац мог вместить прорву народа и в отличие от городских площадей был безопасен. Ни крыш тебе, ни окон, за которыми могут затаиться стрелки, все подъезды как на ладони, никаких случайных прохожих, только радетели дела Раканов, солдаты, заложники да те, кого пригнали посмотреть на торжество справедливости. Робер слегка привстал на стременах, разглядывая флаги Раканов, Эпинэ, Окделлов и Приддов на высоких шестах, шпили и колокольни за рекой, затаившийся среди облетевших тополей тракт, мельницу на холме у прозрачной рощицы... Какое все мирное, и как же не вяжутся с этой идиллией шеренги солдат, обтянутый багровым сукном эшафот и верзила в кожаной маске!

– Не правда ли, палач хорош? – Люра указал хлыстом на черно-красную фигуру. – Он словно пятно невинности на рубашке невесты.

– Вы неподражаемы, – сдержанно произнес Робер.

Верный подданный и будущий счастливый супруг отвесил церемонный поклон и картинно взмахнул белым платком. В ответ тонко и зло запели флейты и загрохотал барабан. Люра убрал платок и послал линарца к эшафоту. Предзимнее солнце заливало статную, подтянутую фигуру полуденным золотом, играло на стволах мушкетов, обнаженных клинках, трубах, пуговицах, цепях, стременах, не делая разницы между топором палача и офицерскими шпагами, хотя была ли она, эта разница?

Внезапный порыв ветра прищепил увядшие было флаги, принес запах печного дыма и короткий колокольный звон. Четверть одиннадцатого! Фердинанду Оллару осталось жить около часа, самым невезучим из заложников – немногим больше. Лэйе Астрапэ, как он будет выбирать смертников, как?! Солнечный зайчик отскочил от надраенной меди и угодил Роберу в глаз, на мгновение все утонуло в красном мареве, потом Иноходец вновь увидел две шеренги пехоты, притихшую толпу на берегу, эшафот с палачом, жалкие фигурки

заложников, кавалерийский эскадрон за их спинами, обреченного короля в сером платье. Каково это – носить траур по самому себе? Каково это – знать, что на твой вопль о помощи никто не ответил?

Застоявшийся Дракко переступил с ноги на ногу и недовольно фыркнул, странное облако растаяло без следа, из-за рощи выплывала птичья стая. Запоздавшие гуси торопились на юг через Померанцевое море в Багряные земли. Мориски не охотятся на птиц, их добыча – звери, способные дать бой человеку. Талигойские гуси на чужбине в безопасности, их бьют только на родине.

Солнечные лучи ласкали небесных странников, расталкивали друг друга, смеялись, пробиваясь сквозь тонкие черные ветки, на одной из них чудом держался одинокий лист – алое, пронзенное светом сердце. Налетел ветер, листок вздрогнул, сорвался, закружился в последнем танце, то ли стремясь за улетающими птицами, то ли не желая умирать.

Дальние флейты закончили свою песню, теперь рокотали одни лишь барабаны. Скоро начнется... Пальцы привычно ласкали пистолеты – все в порядке, оружие никогда его не подводило, не подведет и сейчас. Рокот барабанов становился все сильнее и сильнее, потом оборвался резкой, бьющей в уши тишиной, и тут же раздался тоскливый крик: гуси, мерно взмахивая крыльями, исчезали в слепящей свободе.

Листок все еще кружился, уже у самой земли. Что ж, если ты не хочешь падать, ты не упадешь. Шаг в сторону, быстрый поклон – и осеннее сердечко замерло на раскрытой ладони. Золото и кровь – вечные спутники, они не могут друг без друга.

Пора, вот теперь уже пора. Осталось лишь потрепать по шее коня, сунуть за пазуху пойманный лист, натянуть перчатки. Улыбка, взгляд в небо, прыжок в седло...

– Господин Первый маршал, половина одиннадцатого!

Лэйе Астрапэ, где он?! Ах да, конечно...

– Начинайте, – герцог Эпинэ развернул Дракко и медленно поехал вдоль вооруженных до зубов солдат. Все спокойно, врагов в округе нет и не предвидится до весны, а зубы показывают жителям столицы и окрестных городков. Чтобы поняли, что с новыми хозяевами не шутят.

– Господин Первый маршал, прикажете зачитывать манифест его величества?

– Приказываю.

За спиной перепуганные мужчины и женщины, холодная, быстрая вода, а за ней – Оллария, которой приказано вновь стать Кабитэлой. Впереди – эшафот, заложники и кавалерийский эскадрон. Рядом – соратник. Белая лошадь, черно-белый мундир, алая перевязь... По мерзавцу палач в четыре ручья слезы льет, но умрут другие, а мерзавец будет щеголять титулами и званиями и похлопывать тебя по плечу.

Робер привстал на стременах, делая вид, что разглядывает что-то за строем кавалеристов. Воистину нет ничего подлее здравого смысла! Он должен выдержать, час – это недолго, совсем недолго! Никола прав, другого выхода нет. Герцог Эпинэ должен думать о своих вассалах и своей земле, а не воевать с самим собой.

Раньше надо было думать, раньше! Когда ты не схватил Альдо за руку в доме достопочтенного Жаймиоля, когда поддакивал Адгемару, брался с бириссами, стрелял по талигойцам, брал деньги у Ворона. Когда прикончил гоганов и не прикончил Люра, хотя мог, а теперь отступать некуда. Даже если остановить казнь или задержать до появления Альдо, сюзерен не отступит, он слишком молод и уверен в себе.

А какая роскошная мишень эта красная перевязь! Кирасу Симон не надел, хотя пуля пробила бы и ее, кирасы годятся лишь для конного боя. Нет! Не смей! Убить Люра сейчас, при всех невозможно. Это приговор южанам и Альдо, и это ничего не изменит. Вернее, изменит, но к худшему. Псы, лишившись жожака, будут грызть всех, до кого смогут дотянуться...

Иноходец, наплевав на все приличия, уставился на тракт, чтобы не видеть плаху, палача и мразь на белом коне! Он будет вспоминать Мэллит, Матильду, Клементя, разглядывать кавалеристов, повторять правила стихосложения, считать кошек, наконец! Что

угодно, только не видеть, не слышать, не понимать, иначе он сорвется и разрядит пистолет в вызывающий алый шелк.

Вновь зарычали барабаны, и ликтор громким равнодушным голосом принялся зачитывать манифест его величества Альдо I Ракана. Робер не слушал, не в силах оторвать глаз от проданного короля. Понимает Оллар, что его ждет, или нет? Одутловатое лицо было бледным и спокойным до бессмысленности, словно Фердинанд уже умер. Если б он плакал, молился, просил пощады, проклинал, было бы легче, но этот бессмысленный до безмятежности взгляд... Словно у младенца или мертвецки пьяного. Неужели у Люра хватило совести и смелости дать королю саккоты? Робер скосил глаза на осанистого всадника на белом коне. Нет, этот человек до милосердия не снизойдет.

«...означенный Фердинанд отвечает перед Создателем и Нами за все преступления, совершенные с его ведома и по его приказу, как то...»

А когда спросят с сегодняшних победителей за все то, что натворили они? Как будут выглядеть у эшафота Люра, Альдо, Никола, он сам? В Сагранне он по крайней мере не чувствовал себя подонком и трусом. Тогда он еще не заглянул в глаза твари, которая прикинулась победой, твари, проглотившей их с потрохами и благими намереньями.

3

Маршал Люра изображал монумент самому себе, ликтор бубнил о немыслимых преступлениях и злодеяниях полного человека с бессмысленными глазами, длинный заложник в меховом плаще шевелил губами, его сосед раскачивался, словно баюкал невидимого младенца. Робер не хотел их видеть и все-таки видел, хоть и смотрел поверх голов на пустой, словно ночью, тракт и дальше, туда, где залитый солнцем лужок смыкался с рощицей, словно нарисованной черной тушью на синем нухутском шелке.

Ликтор добрался до восстания Борна. Закатные твари, почему он не догадался заткнуть уши корпией! Это было трусостью, но Робер Эпинэ никогда не мог взглянуть в глаза покалеченной лошади, которую требовалось пристрелить. Мишель тоже не мог, хоть и понимал, что быстрая смерть милосерднее медленной.

Иноходец уставился на обнаженные тополя, пытаясь считать про себя по-кагетски. Одинокого всадника, ехавшего сонной рысцой, он заметил не сразу. В седле незнакомец держался отменно, но на курьера не походил. Курьеры имеют обыкновение торопиться, а этот явно никуда не спешил. Скорее всего, кто-то из людей Люра, проверявших окрестности. Поравнявшись с эшафотом, всадник остановил коня, поднес руку к глазам, разглядывая забитую войсками площадь, затем, все так же неторопливо, свернул с тракта. Надо полагать, решил взглянуть на казнь. Как же, такое развлечение!

Робер с досадой опустил в седло, и перед глазами вновь оказались заложники, за которыми торчали любопытные морды кавалеристов. Из пасти ликтора вырывался пар, он почти добрался до Эгмонта Окделла; гуси скрылись за горизонтом, в небе было пусто – ни облачка, ни вороны. Откуда все-таки этот всадник? Уж лучше смотреть на него, чем на Люра или Фердинанда.

Эпинэ заставил Дракко шагнуть вбок и слегка развернулся в седле. Одиноким наездником ленивой рысцой двигался в сторону эшафота, между ним и оцеплением оставалось не больше четырехсот бье, когда гостя наконец соизволили заметить. От строя отделились пятеро всадников – тенъент, капрал и трое солдат – и не спеша двинулись наперерез чужаку, но тот даже не шелохнулся в седле. Словно слепой или спящий.

«...среди выступивших против узурпатора был маркиз Эр-При с четырьмя сыновьями...»

Уломать Альдо вычеркнуть из манифеста упоминание о своей семье Робер не сумел. Сюзерен не понимал, почему его маршал не хочет слышать об отце и братьях, и объявил это излишней скромностью. До принца так и не дошло, что творить подлости, прячась за память

погибших, мерзко. Впрочем, затею Люра Альдо подлостью не считал, скорее тонким ходом, словно одно другое исключает. Герцог Эпинэ судорожно сжал поводья. Утром он зарядил пистолеты, оба. Проверил и зарядил этими самыми руками. Минут через десять пытка манифестом кончится, начнется пытка казнью, но стрелять нельзя. Ни в Фердинанда, ни в палача, ни в Люра. Стрелять нельзя! Ничего нельзя...

Всадники продолжали медленно съезжаться. Дурак-тенъент исполосовал себе щеки бритвой, над губой виднелся тщательно замазанный прыщ. Вырядился как на парад, еще бы, такое событие! Солдаты, они и есть солдаты, в седлах держатся пристойно, но лошади, прямо скажем, не мориски, а вот капрал... Закатные твари, он что, привидение увидел?

Ветеран глядел Роберу в лицо: приоткрывшийся рот, округлившиеся глаза, поднятые брови. Метнулась вверх и вперед рука, из-под жестких седых усов вылетело какое-то слово, два слова, но Иноходец не разобрал. Пятеро всадников плавно, словно сквозь воду, поднимали стремительно увеличивающиеся лица-маски, тенъент медленно и сонно потянул из ножен шпагу, а его спутники взяли за пистолеты.

Удивленные лица вздрогнули, пошли мелкой рябью, словно отражение в пруду, когда налетает ветер. Лэ́йе Астрапэ, он смотрит разъезду в спину, он не может видеть лица, да еще так близко! Говорите, не может? А пегая кобыла! Робер знал, какая она, когда до твари было не меньше хорны. Он был сразу в двух местах, он был самим собой и еще кем-то, видевшим дальше и понимавшим больше. Робер зажмурился, пытаясь прогнать морок, и стремительно открыл глаза. Пятерка всадников замерла в полусотне шагов от конного строя, а к ним бешеным карьером летел окруженный сиянием конь. Его всадник стоял на седле во весь рост – стройный черный силуэт, парящий в алом мерцающем мареве.

...Пять лиц, прямой блестящий клинок и четыре черных дула, глядящих в живот, в грудь, в голову. Три осла и старый волк! Этот выстрелит наверняка... Именно он узнал то ли лошадь, то ли всадника. Где же мы встречались, старый капрал? Не все ли равно, новой встречи не будет! Солдат слева дернулся, вспыхнул порох на полке пистолета. Все! Мир рушится вниз, машет черной, клубящейся гривой, ноги привычно ловят стремя, в глаза бьет обезумевшее солнце. Грохот копыт, грохот сердца, грохот выстрелов, разорванное неистовым бегом небо, немыслимо, невозможно синее, и такой знакомый свист над головой – есть! Второго выстрела не будет, у них вообще ничего не будет!

Странный всадник упал. Не на землю – на спину озверевшего коня. Лэ́йе Астрапэ, он опять в седле! Вразуми и сохрани, такого не бывает, это морисские сказки, и это явь! В правой руке сверкнул клинок – не шпага, кривая широкая полоса, остановившая солнце.

Один и пятеро, еще живых, но это сейчас пройдет. Капрал посылает коня вперед, закрывая своего тенъента, поднимает второй пистолет. Как медленно движется старик, как медленно движется он сам, как медленно мчится конь! Тенъент потерял стремя, у солдата рядом дрожат руки.

Серая, истоптанная земля, смешная, короткая тень, ветер в лицо, звон далеких колоколов. Капрал все еще целится, щуря левый глаз, правый широко открыт, он светлогарий и круглый, словно у собаки – умный пес защищает глупого хозяина. Между пистолетом и вороной оскаленной мордой остается четыре конских корпуса, три, два. Рука метнулась к сапогу, выхватывая из-за отворота кинжал. С такого расстояния можно метать что угодно: шпагу, секиру, нож – не промахнешься, но этого мало. Плавное, чуть ли не ленивое движение – и клинок входит в широко раскрытый глаз, прямо под низко нависшую бровь. Рука после броска все еще впереди, а мертвый только начал заваливаться на спину.

Убийце не составило труда выдернуть кинжал, справа от него вспыхнула солнечная полоса, метнулась вперед, столкнулась с шеей растерявшегося конника, прошла сквозь нее и погасла. Голова в шляпе подскочила и свалилась под неистовые копыта, к небу взметнулся кровавый фонтан. Черный гривастый зверь с яростно-восторженным визгом врезался в бок лошади тенъента, опрокинув обоих.

Два уцелевших солдата ошалело хлопают глазами, пытаясь развернуть коней,

безнадёжно отстают, исчезают сзади, в алом, пахнущем солью тумане, перед глазами вырастают конские крупы, спины во все еще черно-белых мундирах, несколько удивленных лиц, их становится все больше. Какие глупые голубые глаза! Этот, рядом, не лучший. Красное перо, утиный нос, не хватает переднего зуба. Остроносый капрал что-то кричит, машет руками. Пытаются развернуться – без команды, наспех, мешая друг другу. Опять голубоглазый, значит, судьба...

Уже близко, еще чуть-чуть, еще... Хорош! Стальная короткая молния бьет в поросшее блеклой щетиной горло. Рука мертвеца конвульсивно дергает повод, перепуганная лошадь шарахается в сторону, налетает на соседнюю, рыжую с белым пятном над глазом, в строю открывается брешь. Туда! Во имя Астрана, скорей!

Кого-то срубили подковы коня, кого-то Робер Эпинэ просто вбил в землю. Черная молния сама выбирала дорогу сквозь человеческий лес, змеей скользя меж тупых растерявшихся деревьев. На его долю остались преграждающие дорогу ветви, от одних он уклонялся, другие приходилось рубить, и он рубил. Короткими, расчетливыми движениями, уходя из-под бестолковых ударов и оставляя за собой истекающий кровью бурелом. Никаких уколов – секущие удары по шее, рукам, растерянным лицам. Какие глупости – у деревьев не бывает лиц, глаз, разинутых ртов. Значит, это не деревья. Что ж, тем хуже для них. Прошло не больше минуты и не меньше вечности, правая рука не успела устать, но силы нужно беречь, беречь для главного.

– Создатель!

– Леворукий!

– Разворачивай, чтоб тебя...

– Огонь!

– Что там? Что такое?!!

– Стой! Убью!!

Смешавшийся строй, ржанье, лязг оружия, запоздавшие команды, дикие вопли.

– Сударь, поберегитесь...

– Леворукий!

– Алва! – Фердинанд, словно проснувшись, с перекошенным лицом мчится к краю эшафота. – Не надо! Бегите! Во имя Создателя!!! Я не хотел... Не хотел...

– Держите!

– Держите короля!

– Я вас!..

Человек в маске хватается толстяка в сером на самом краю помоста, тот кричит, неумело колотит палача ногами, из смятого строя вылетает мальчишка на серой лошади. Правой руки у него нет...

Справа просвет, неужели конец? Да, он у цели! Еще пара ударов – и все; нет, не все, откуда-то вылез толстяк на раскормленной лошади, хотел ударить и врезался в костлявого капитана. Капитан легче, слева от него никого, значит, туда! Рука начинает неметь, ничего, теперь уже недолго. Удар в шею, и капитан уже не станет полковником. Заново рожденный толстяк машет шпагой, раздается дикое, оскорбленное ржание. Шальной удар шпаги пришелся по крупу Моро, и как же кстати!

Четвероногий ураган сметает последнюю преграду, то есть предпоследнюю, на пути возникает еще кто-то. Удар сабли, помноженный на скорость коня, выходит чудовищным, всадник без головы врезается в безнадёжно смятый строй, заливая коней и людей нестерпимо алой кровью. Странно, рука не почувствовала отдачи, словно сабля резала тонкую ветку...

Истошный вопль перешел в длинный, хрустальный звон. Где-то лопнула невидимая струна, вороной демон исчез, под Робером вновь был хрипящий Дракко. Эпинэ изо всех сил сжал бока полумориска, словно боясь, что тот исчезнет.

– Закатные твари, да что там такое? – Симон Люра вертелся в седле, глядя на рехнувшийся эскадрон. Он еще ничего не понимал, как и заложники, и мушкетеры. Что-то было видно с эшафота, но палач был занят бьющимся Фердинандом. Робер поднес руку к показавшемуся ледяным лбу, он **знал**, что происходит, но ничего не делал, просто смотрел, как из взбаламученного строя вылетел черный всадник, точным, коротким движением свалив подвернувшегося кавалериста. Оставшийся сзади офицер поднял пистолет, целясь в спину незваному гостю.

– Оглянись! Во имя Астрапа, сзади!!! – Робер Эпинэ насилу удержал рвущийся из глотки крик. Наверное, удержал, ведь на него никто не обернулся. Герцог Алва выхватил пистолет, но не выстрелил. Стройный офицер спустил курок, Рокэ стремительно завалился на сторону, но тотчас выпрямился. Моро рванулся вбок, выстрел, разряженный пистолет летит наземь, следом падает адъютант Люра.

Закатные твари, на что он рассчитывает?! Один против тысячи – это слишком даже для Ворона! Черный конь резко развернулся и ринулся к Роберу. Так вот оно что! И слава Создателю, это лучший выход, по крайней мере для Повелителя Молний.

Моро несясь вперед – черная, вырвавшаяся из Заката тварь. Дракко дернулся, но Иноходец не позволил полумориску сорваться с места. Пусть будет, что будет. Он заслужил. Хотя бы за то, что не прикончил Штанцлера и Симона.

– Берегитесь, Эпинэ! – Кто это закричал? Дурак, неужели не понимает: Повелитель Молний не хочет жить. Не хочет ТАК жить.

– Стреляйте, – рычал Люра, – стреляйте же!

Робер пожал плечами, и тут вороной демон прынул вправо, взмывая в длинном кошащем прыжке. Лэйе Астропэ, так вот кто ему нужен! Люра все понял и развернул коня, готовясь встретить врага, он даже успел вытащить из ножен шпагу.

Превратившийся в полет прыжок оборвался за полшага от изготовившегося к бою предателя. Ворон стремительно и легко повернулся, привстал на стременах, раздался свист – и отвратительный, ни на что не похожий звук. Господин Люра раздвоился и с хлопаящим шлепком свалился по обе стороны захрапевшей и попятившейся лошади, что-то забулькало, словно в пыль упала откупоренная фляга.

– Разрубленный Змей, – взвыл бровастый полковник. – Разрубленный...

Кажется, он понял, что сказал, потому что осекся, дал шпоры коню и исчез за шеренгой мушкетеров, предоставив тому, что минуто назад было маршалом и графом, валяться в пыли. Удар пришелся наискосок от правого плеча к левому бедру, в точности по линии вожаемой перевязи. Алый шелк скрыл кровь, словно тело развалилось надвое само по себе...

– Перевязь Люра, – прохрипел какой-то офицеришка, заходясь в истерике. – Разрубленный Змей, перевязь Люра... Перевязь Люра...

«Перевязь Люра», ее вряд ли когда-нибудь забудут. Достойная награда за все предательства, за все шутки, за все советы, «Перевязь Люра», перевязь предателей...

Первый маршал Талига осадил коня у эшафота, спешил, зацепил поводья за луку седла, поднялся по устланной багровым ковром лесенке. Огромный палач, съежившись, отскочил от Фердинанда к дальнему краю эшафота, но Рокэ Алва на него и не взглянул. Небрежным движением стряхнув кровь, Ворон положил тяжелую морисскую саблю к ногам Оллара.

– Ваше величество, Первый маршал Талига выполнил приказ своего короля.

У смерти синий взгляд. Синий взгляд и черные, прилипшие ко лбу волосы...

Робер Эпинэ сам не понял, как оказался на эшафоте. Рядом всхлипывал и что-то бормотал Фердинанд, внизу потрясенно молчали, а Повелитель Молний видел лишь окровавленную саблю и синеглазовго человека, если Ворон, конечно, был человеком.

– Кажется, здесь меня хотели видеть? – кэналлиец улыбнулся одними губами. – Я пришел, эти люди свободны.

Герцог слегка задыхался, его лицо и одежда были в крови. Кровь стекала по сапогам, исчезая в багровой ткани, словно в воде. Бред, ставший явью, кровавая волна, накрывшая всех: Ворона, Альдо, Дикона, его самого... Робер Эпинэ, сам не понимая, что делает, нагнулся, коснулся влажного сукна, поднес палец к лицу. Это кровь, и это не сон!

– Рокэ, вы ранены?

– Нет, – голос герцога звучал спокойно, но его рубаха насквозь промокла. Красный цвет скрывает кровь, красный, но не синий.

– Зачем? – выдавил из себя одно-единственное слово Робер Эпинэ.

Во имя Астрапа, Ворон Рокэ, зачем ты сделал это?! Почему не предоставил трусливое ничтожество его судьбе, почему не выждал до весны, не пришел с армиями, не разогнал возмнивших себя львами кошек? Ты не сошел с ума, тебя никогда не пугала чужая кровь, так почему?!

– Не смотрите на меня так, – прикрикнул Рокэ. – Я в своем уме и не преисполнился благодати. Скорее наоборот.

Солдаты внизу опомнились. Они еще не решались нападать, но придвинулись друг к другу. Робер чувствовал, как стягивается кольцо, в центре которого были двое Повелителей и низложенный король. Хорошо, что здесь нет Дикона. Спасибо Создателю, Леворукому, всем демонам этого мира, прошлым, настоящим и будущим, что здесь нет Дикона, а когда мальчишка появится, все уже кончится.

– Эпинэ, возьмите себя в руки, – вполголоса бросил Рокэ, – и делайте, что нужно. Это ваши люди, так командуйте ими, пока этого не сделали другие.

Робер вздрогнул и резко обернулся. Хмурый строй дышал совсем рядом. Псы! Псы, окружившие даже не волка, а черного льва.

– Назад! – прорычал Робер, нарочито медленно спускаясь с эшафота. Двunoгие псы угрюмо замерли, Роберу померещились вставшая дыбом шерсть и угрожающее рычание. Если они сделают еще шаг, он разрядит пистолет в лицо вот того, губастого, со шрамом. Он еще не вожак, но может стать вожаком. И хочет. Губастый оглянулся на дружков, поднял голову, собираясь что-то сказать, – не успел. Пуля оказалась быстрее.

– Я сказал, назад! – у него остался только один заряженный пистолет. – Герцог Алва предстанет перед его величеством. Фердинанд Оллар останется жив. Заложники могут идти по домам.

– А плата? – подал голос кто-то из задних рядов, кто-то, кого не было видно. – Мы должны получить нашу плату.

– Покойникам деньги не нужны, – отрезал Робер, кивая на губастого. – Он подтвердит.

Строй зашевелился, псы превращались в людей или почти людей. Откуда Альдо возьмет деньги? Казна пуста, «навозники» разбежались.

Повелитель Молний обернулся. Повелитель Ветров стоял за его спиной, скрестив руки на груди, словно поднятый им ураган его не касался.

– Вашу шпагу, герцог.

Закатные твари, какая нелепая фраза, нелепая и гадкая, как эта война.

– Сожалею, у меня не осталось оружия, – светским тоном заметил Ворон. – Впрочем, можете вытащить кинжал из шеи какого-то бедолаги. Или разграбить мой особняк.

– Но вы сдаетесь в плен?

– Разумеется, нет, – пожал плечами Алва, – по ряду причин это было бы просто неприлично. Господин Альдо Ракан изволил связать мое появление с жизнью моего короля и судьбой заложников и Оллари. Я появился.

Дальние горы, мертвый казар, странная усмешка... *«Жизнь велика, что ж, буду жить надеждой, что когда-нибудь какие-нибудь силы направят вашу руку»*. Неужели он все знал уже тогда, знал и купил себе смерть ценой его, Робера, чести, свободы, жизни? Или не знал, но предчувствовал, а может, просто поддался мгновенному порыву? Неважно, почему тебе помогли, важно, что ты принял помощь и теперь в долгу как в шелку.

– Рокэ, это немыслимо!

– У вас были дурные советчики, – Алва говорил так, словно они сидели за бокалом вина. – Вам следовало потребовать луну с неба или на худой конец Зверя или Манриков, а вы потребовали меня. Что ж, карте место. Если вы, разумеется, не желаете прослыть шулерами.

Они уже шулера. Давно. С той самой минуты, как согласились на Варасту. Игра с Фердинандом стала еще одной подлостью: не первой и не последней. Манрика и Агния Ноймаринен мог выдать, и Альдо потребовал Ворона...

– Рокэ, вы же были в Урготелле! Вы не могли вернуться.

– Как видите, смог.

Моро вскинул голову и прижал уши. Что там еще такое?

– Господин Первый маршал!

Незнакомый капитан, и не один, а с отрядом.

– Что вам угодно?

– Капитан Кавиот, гарнизон Барсины. Его величество приказывает доставить пленного в Багерлее.

Пленного? В плен надо взять, но разве кто-то брал в плен бую?

– Герцог Алва не пленник, – бросил Робер.

Кавиот и его люди бестолково затоптались на месте, Рокэ не повел и бровью, зато Моро пригнул шею и вызывающе заржал. Капитан поднял было пистолет и тут же опустил, беспомощно глядя на Робера. Эпинэ знал, о чем думает барсинец: половина его людей – покойники, а сам он если не покойник, то разжалованный неудачник. Моро красноречиво прижимал уши и коротко всхрапывал: он был вне себя. Мориск-убийца поопасней медведя, а мориск-убийца, защищающий хозяина?!

Над ярмарочной площадью повисла злая тишина, прерываемая лишь конским ржанием. Люди Люра и стрелки Приддов исподлобья глядели на барсинцев. Помогать не будут: армия Альдо так и не стала единым целым, а теперь будет еще хуже. Сюзерен не должен был посылать за Вороном, есть вещи, которые король делает сам, если он, конечно, король.

Рокэ отбросил со лба прилипшие волосы:

– Эпинэ, пора кончать этот балаган. Позаботьтесь о Моро, он несколько возбужден.

Робер протянул руку к уздечке, жеребец фыркнул и оскалился.

– Пойдите, – для Ворона, кажется, не существовало никого, кроме коня, – я сам.

Кэналиец на мгновение прижался лицом к черной гриве. То ли что-то шепнул, то ли Моро понял хозяина без слов, но мориск больше не пытался бороться. Конь замер, понуро опустив голову, по блестящей черной шкуре все еще скатывались кровавые капли.

«Я был бы вам весьма признателен, если бы вы предоставили мне любоваться Закатом в одиночестве...»

Нет, тогда, в Сагранне, Ворон ничего не покупал. Такие не торгуются ни с судьбой, ни со смертью, ни с врагами, они бьются до последнего, вызывая оторопь у тех, кому не дано летать против ветра.

Алва вложил в руку Робера уздечку и скрестил руки на груди. Повелитель Ветров не сказал ничего, Повелитель Молний тоже, но один поклялся, а другой принял клятву.

– Прошу прощения, – Кавиота трясло. Кого он боится больше: Альдо Ракана, Робера Эпинэ, Ворона? – Прошу прощения, но я должен препроводить герцога Алву...

– Исполняйте, раз должны, – Алва коротко усмехнулся и спокойно пошел вперед. Мимо замершего Робера, мимо бледного Валентина и стрелков в лиловом, мимо мушкетеров

Люра и кавалеристов Рокслея. Толстый негодник с седыми висками всплеснул руками и грузно бухнулся на колени, следом в холодную пыль опустились другие заложники, Повелитель Волн поднял шпагу, салютуя уходящему. Ворон даже не повернул головы.

«Я в своем уме и не преисполнился благодати...»

А что тогда ты сделал, забери тебя Леворукий?! Не слишком ли дорогая цена за разбитые замыслы Симона Люра? Не слишком ли дорогая цена за пощечину тем, кто называет себя Людьми Чести? Или дело не в этом, но тогда, Лэйе Астрапэ, в чем?!

Моро рванулся и закричал страшно и отчаянно, как кричат живые существа, теряя дорогих и любимых. Робер с трудом удержал бьющегося коня. Он этого не забудет никогда: съездившийся беззащитный город, ошалевшие вооруженные шеренги и одинокая стройная фигура, исчезающая среди сутулящихся спин и вжатых в плечи голов.

Кавиот наконец опомнился, но его хватило лишь на то, чтобы взять Алву в кольцо, чего тот, казалось, не заметил. Где Альдо найдет деньги, чтобы заплатить наемникам? Неважно, но Олларию теперь не тронут, не посмеют тронуть. Сюзерен не может в первый же день нарушить слово.

В одуряюще синем небе не было ни единой птицы, а перед глазами Робера Эпинэ кружили вороны и вздымалась чудовищная волна. Если это – победа, то кто победитель? Робер Эпинэ знал кто, и еще он знал, что исполнит клятву, чем бы ему это ни обернулось.

Молния...

Сквозь расколотый кристалл

Молния...

Приложение

Летосчисление. Календарь. Астрономия. Астрология

Летосчисление

Летосчисление в эсператистских Золотых землях ведется от Сотворения мира и делится на чередующиеся 400-летние круги (эпохи), посвященные одной из четырех стихий: Скалы – Ветер – Волны – Молнии.

В основе кэртианского летосчисления лежат астрономические наблюдения. Солнечный год начинается в день Зимнего Солнцестояния (Зимнего Излома) и делится на 16 месяцев, за каждый из которых солнце проходит одно из созвездий так называемого Кайедонова круга (аналог земного Зодиака). Солнечный месяц, в котором 24 дня, в точности совпадает с лунным месяцем и делится на четыре недели, совпадающие с лунными фазами. В кэртианских сутках, как и в земных, 24 часа, а в часе, соответственно, шестьдесят минут.

Кайедонов круг состоит из шестнадцати созвездий, аллегорией которого является вечная охота.

Созвездия Зимы

Месяц Зимних Скал – Вепрь

Месяц Зимних Ветров – Одинокая Гончая (в старых источниках Большая Кошка)

Месяц Зимних Волн – Охотничий Рог

Месяц Зимних Молний – Ястреб

Созвездия Весны

Месяц Весенних Скал – Медведь

Месяц Весенних Ветров – Лучник

Месяц Весенних Волн – Свора

Месяц Весенних Молний – Оруженосец

Созвездия Лета

Месяц Летних Скал – Упавший Олень

Месяц Летних Ветров – Ласточка (в старых источниках Малая Кошка)

Месяц Летних Волн – Всадник

Месяц Летних Молний – Копье

Созвездия Осени

Месяц Осенних Скал – Щит

Месяц Осенних Ветров – Всадница

Месяц Осенних Волн – Враги

Месяц Осенних Молний – Конь

Календарь

После переноса столицы из Гальтары в Кабитэлу, практически совпавшего с началом нового круга – круга Волн, и преобразования Золотой Анаксии в Золотую Империю было решено разбить летосчисление на два периода. Старый, Гальтарский (г.п.), и новый, Кабитэлский. Обычно при написании даты Кабитэлский период (к.п.) не указывается.

В Гальтарский период месяцы были посвящены различным ипостасям Абвениев¹²² и их названия в начале каждого нового круга определяли жрецы-абвенииаты. После принятия эсператизма магнусом Танкредом был составлен постоянный календарь, получивший повсеместное распространение во всех Золотых землях. Став королем Талига, Франциск Оллар создал собственный календарь, однако он не обрел популярности и используется только в Талиге при составлении официальных документов.

Далее по порядку приведены названия месяцев по танкредианскому и оллариианскому (в скобках) календарям.

Месяц Зимних Скал (у оллариианцев – месяц Нефрита), Месяц Зимних Ветров (месяц Аметиста), Месяц Зимних Волн (месяц Малахита), Месяц Зимних Молний (месяц Граната), Месяц Весенних Скал (месяц Агата), Месяц Весенних Ветров (месяц Изумруда), Месяц Весенних Волн (месяц Аквамарина), Месяц Весенних Молний (месяц Алмаза), Месяц Летних Скал (месяц Бирюзы), Месяц Летних Ветров (месяц Топаза), Месяц Летних Волн (месяц Жемчуга), Месяц Летних Молний (месяц Янтаря), Месяц Осенних Скал (месяц Сердолика), Месяц Осенних Ветров (месяц Сапфира), Месяц Осенних Волн (месяц Мориона), Месяц Осенних Молний (месяц Рубина).

Астрономия

Кэртианские съентифики-астрономы придерживаются взглядов, сходных со взглядами Птолемея, полагая Кэртиану центром мироздания, вокруг которого вращается небесная сфера с неподвижными звездами, светила (Солнце и Луна) и блуждающие звезды, называемые также аксенаями.

Большинство астрономов сходятся на том, что блуждающих звезд пять. В 241 году круга Скал фельпский астроном Люциус Джарнезе составил таблицы расположения блуждающих звезд в знаках на каждый день текущего круга, учитывая их способность двигаться не только вперед, но и назад, иногда опережая солнце, иногда отставая от него.

Самый яркий из аксенаев – алый Фульгат, в попятном движении именуется Фульгой. Вторая по величине и яркости – голубой Найер (в попятном движении – Найери), третья – серебристый Эврот (Эвро), и четвертая – золотой Литтэн (Литто).

Пятая и последняя из блуждающих звезд Дейне, называемая в древних источниках Алэксион, невооруженным взглядом различима лишь в середине круга. В начале и конце ее

¹²² См. Очерк по истории религии и церкви.

свет слабеет, а в переломные годы она вообще исчезает с небосклона. Дейне обладает переменным блеском, светясь то алым, то голубым, то серебристым, то золотым. Эти особенности заставили дриксенского астронома Иоганна Берда прийти к выводу, что вокруг Кэртианы вращаются не пять звезд, а восемь, но после протеста Танкредианской академии он отрекся от своей идеи.

Астрология

Современная кэртианская астрология основана на древней Гальтарской школе. Основное различие заключается в отношении к постулату о создании Кэртианы Абвениями. Древние верили, что у каждого божества было четыре ипостаси – Рассветная, Полуденная, Закатная и Полуночная (или Весенняя, Летняя, Осенняя и Зимняя) и каждой из этих ипостасей был посвящен один из месяцев. Соответственно, родившийся нес на себе отпечаток воли божеств – хозяина круга, времени года, месяца и часа рождения.

Танкредианская астрологическая школа, признавая законы и выводы гальтарской астрологии, не связывает их с Абвениями, полагая их лишь результатом многолетних наблюдений, для наглядности привязанных к ложным верованиям. Тем не менее на построении и трактовке гороскопов это разногласие не сказывается.

Основным постулатом кэртианских астрологов является утверждение, что звезды не приговаривают, а предостерегают и что выбор всегда остается за человеком.

Для составления точного гороскопа астрологу нужно знать год, месяц, число и час первого крика ребенка и место рождения, а так же гороскопы родителей, а в идеале бабушек и дедушек с указаниями дат ключевых событий их жизни.

При трактовке гороскопов учитывается положение светил и блуждающих звезд в знаках и домах гороскопа, а также знак и звезда, восходящие над горизонтом в момент первого крика.

Солнце в гороскопе знаменует Личность. Это волевое начало, осознанные стремления, жизненная сила. В женском гороскопе знаменует супруга и отца, в мужском – успех, победы, свершения.

Луна – то, что достается от предков и высших сил. Это – подсознание, интуиция, провидческий дар, проклятия и благословения, призванные предками на головы потомков. В мужском гороскопе Луна указывает на супруга и мать, в женском – на домашний очаг и детей.

Фульгат – звезда авантюристов, гордецов и забияк. Ее проявление во многом сопоставимо проявлению Марса в земных гороскопах. Фульгат показывает, как человек сражается с превратностями судьбы. Дарует решимость, силу, выносливость, отвагу, но склоняет к необдуманным поступкам, бессмысленной смелости, излишней чувственности и жестокости. В гороскопе женщины символизирует возлюбленного. В гороскопе мужчины предвещает победы и предостерегает от поражений. Пораженный Фульгат указывает на возможность предательства и несчастных случаев.

Найер – звезда влюбленных, художников и целителей. Ее проявление сродни проявлению Венеры с элементами Юпитера. В гороскопе мужчины Найер указывает на идеальную возлюбленную и в любом гороскопе на мечту и способность любить и быть любимым. Найер одаривает стремлением к красоте, миролюбию, творческими способностями, умением понять и простить. Пораженный Найер склоняет к витанию в облаках, дурным привычкам, лени, праздности, чрезмерным любовным похождениям.

Эврот – звезда свободы и надежды. Ее проявления сродни проявлению Меркурия с элементами Марса. В гороскопе указывает на любознательность, способности к науке, языкам, общению. Дает легкий нрав, чувство юмора, привычку смеяться, в том числе и над собой. Пораженный Эврот склоняет к рассеянности, забывчивости, легкомыслию и неуместным шуткам, подчас жестоким

Литгэн – звезда философов, священников и хозяев. Ее влияние несколько замедленно, но действует дольше и неотвратимей. В земном гороскопе ближе всего Сатурн, несколько

смягченный влиянием Венеры и Юпитера. Дает надежность, обстоятельность, честность, дотошность, упорство, весьма часто переходящее в упрямство. Пораженный склоняет к злопамятности, аскетичности, тугодумию.

Дейне – самая загадочная из блуждающих звезд. Большинство астрологов сходится на том, что она связана с эпохой, в которой рожденному выпало жить, а как он впишется в эту эпоху – указывает сочетание четырех блуждающих звезд друг с другом и с пятой.

Религия и Церковь Краткий очерк

Культ Четверых

Древнейший кэртианский культ, сведения о котором дошли до потомков либо в изложении жрецов-абвениатов, либо в виде легенд, сказок и суеверий.

Суть его сводится к тому, что Кэртиана создана четырьмя божественными братьями – повелителем Скал Литом, повелителем Волн Ундом, повелителем Ветров Анэмом и повелителем Молний Астрапом. Каждый имел четыре ипостаси – Зимнюю (Полуночную), Весеннюю (Рассветную), Летнюю (Полуденную), Осеннюю (Закатную).

Четверо являлись людям в разных обликах, но чаще всего представляли в виде знатных охотников. Лит, Анэм, Унд и Астрап считались близнецами, но их уцелевшие изображения не похожи друг на друга.

Владыку Скал, Зимы, Полночи и Севера Лита древние представляли в виде могучего зрелого мужчины с резкими чертами лица. Волосы и борода его были русыми, а глаза – светло-серыми. Повелитель Скал носил черные с золотом доспехи, его любимым оружием были палица и праща, а постоянным спутником – огромный молчаливый пес, способный превращаться в вепря, быка и медведя. Лит редко участвовал в забавах своих братьев и еще реже являлся смертным, предпочитая одиночество и размышления.

Хозяин Ветров, Весны, Рассвета и Востока Анэм был высок и строен. Черноусый и голубоглазый, с черными растрепанными волосами, он одевался в синее с серебром, носил легкие доспехи и был вооружен луком со стрелами и дротиками. Спутницей Анэма была белая ласточка, становящаяся то коршуном, то стрекозой, то летучей мышью. Анэм был самым веселым и легкомысленным из братьев, он любил пошутить и поиграть со смертными, порой не рассчитывая своих сил.

Унда, повелителя Волн, Лета, Полудня и Юга, изображали стоящим на краю скалы или на берегу реки. Повелитель Волн не носил бороды, его волосы были каштановыми, а глаза – зелеными, как и одежды. Унд не признавал доспехов, а в странствиях его сопровождал лебедь, оборачивающийся чайкой, летучей рыбой или дельфином. Унд предпочитал копье и кинжал, но больше оружия любил кифару.

Повелитель Молний, Осени, Заката и Запада Астрап выглядел моложе своих братьев. Стройный и гибкий, с длинными золотыми волосами и черными глазами, он то улыбался, то хватался за меч. Иногда Астрап надевал золотые доспехи, но чаще довольствовался алой туникой и алым же плащом с золотыми молниями. Товарищем Повелителя Молний был конь-оборотень, непредсказуемый, как и его хозяин. Спутник Астрапа оборачивался леопардом, ловчим соколом и гончей, а сам Астрап всем забавам предпочитал охоту.

Абвении были равны между собой и правили Кэртианой по очереди. Легенд о ссорах и размолвках меж Четверых не сохранилось, равно как и сказаний о том, что кто-то пытался захватить власть или же удержать ее дольше, чем следовало.

Считалось, что в конце каждого круга Четверо проводили какое-то время среди смертных, и поэтому на Изломе эпох прекращались войны, а каждого незнакомца принимали с величайшим почетом.

Празднества Смены круга начинались в завершающий день старого круга и

продолжались до начала нового. Так, круг Скал завершался в День Зимнего Излома¹²³, а круг Ветров начинался в день Весеннего следующего года. Круг Ветров завершался в День Весеннего Излома, а круг Волн начинался в День Летнего и так далее.

Основными праздниками древней Кэртианы были Дни Изломов (Весенний, Летний, Осенний и Зимний), каждый из которых посвящался одному из божественных братьев. После принятия эсператизма Дни Излома перестали отмечать как праздники, но связанные с ними суеверия и некоторые обычаи уцелели.

Главным праздником года был день того из Четверых, кто владел текущим кругом, этот же день считался началом Нового года.

В жизнь людей Четверо вмешивались редко, предоставляя смертным следовать своей совести и своей воле. Древние верили, что самые достойные своей жизнью и смертью открывают врата в чертоги Четверых, становясь их спутниками. Тем, кто был привязан к земной жизни, порой удавалось вернуться и завершить незавершенное. Большинству же смертных предстояло пройти постоянно меняющимся лабиринтом в одно из Четырех Царств.

На пороге лабиринта умерший обретал спутника и провожатого, которого заслуживал. Прожившие свою жизнь недостойно до Четырех Царств не добивались, исчезая в лабиринте и становясь добычей гнездящихся там чудовищ. Вечных мук вера в Четверых не предполагала, самой страшной карой было полное небытие.

Древние верили, что у Четверых были спутники-астэры. Спутников Лита (литтэнов) обычно изображали в виде каменных быков с человеческими головами. Эвроты (спутники Анэма) казались вечно смеющимися полуптицами-полулюдьми. Найеров (спутников Унда) представляли в виде плачущих и поющих у берегов женщин с рыбьими или змеиными хвостами, а сопровождающие Астрапа фульгаты напоминали сотканных из пламени юношей и девушек с крыльями и кошачьими или леопардовыми головами.

Астэры могли принимать человеческое обличье, по собственному выбору становясь как женщиной, так и мужчиной. В человеческой ипостаси они были практически неотличимы от людей, хотя существовал ряд примет, по которым их можно было узнать.

Спутники питались силой Четверых, но могли на какое-то время покидать своих повелителей, оседая в приглянувшейся им местности или же вступая в союз со смертным. Связи эти продлевали жизнь и молодость возлюбленным астэр, но оставались бесплодными.

Удостоенные любви спутников богов почитались счастливчиками, живыми талисманами и посредниками между людьми и высшими силами. Считается, что первыми жрецами Четверых стали возлюбленные астэр, просившие сначала за своих близких, а затем за соседей.

Кроме Четверых и их спутников, древние верили в различных магических существ, большей частью враждебных людям, но отступающих перед защитными знаками и заклятиями, дарованными богами.

Каких-либо сведений о церкви Четверых, как о структуре, серьезно влиявшей на жизнь древних племен, не сохранилось. Что до обрядов, то они состояли из необременительных жертвоприношений. Считалось, что Лит благоволил к ночным бдениям, Унд предпочитал сложенные в его честь песнопения, Анэма радовали ритуальные игры, а Астрапа – пляски.

Абвениатство

Абвениатство как религия зародилось одновременно с объединением четырех избранных анаксий в единую Золотую Анаксию и вобрало в себя древние верования и суеверия.

Согласно абвениатству Четверо были вынуждены надолго покинуть Кэртиану, дабы сражаться с демонами. Уходя, боги передали часть своей силы избранным из числа

¹²³ См. «Летосчисление. Календари. Астрономия. Астрология».

смертных. С тех пор Четверых стали называть Абвениями, то есть ушедшими, а тех, кто хранит установленные ими законы – абвениатами.

Краеугольным камнем абвениатства было утверждение о божественном происхождении династии Раканов и Четырех Великих (иногда их называли Высокими) Домов, некогда правивших слившимися в Золотую Анаксию Надорэа, Борраской, Пенья и Мариқыярэ. Тех, кто принадлежал к Высоким Домам, называли эориями (наиболее адекватный перевод со старогальтарского – «существующий здесь и сейчас», «бытийствующий»).

Абвениаты считали, что Четверо, решившись на неопределенный срок покинуть Кэртиану, сделали это не сразу. Сначала боги избрали подруг из числа смертных и наделили рожденных ими сыновей частью своей силы, одновременно наложив на потомков ряд запретов и ограничений, призванных исключить использование божественных даров во зло. Сыновья Абвениев стали владыками четырех анаксий, склонившимися перед Повелителями-Раканами.

Происхождение династии Раканов, призванной объединить Четыре Дома, овеяно тайной, однако их божественность и права на престол многие века признавались неоспоримыми.

Дети Абвениев и стали первыми анаксами и родоначальниками Высоких Домов, получив титул Повелителей Стихий. Повелители хранили заповеди прародителей в тайне, передавая их от главы дома к наследнику. Абвениаты полагали, что все дети рождаются по воле и с благословения Абвениев, и поэтому в Золотой Анаксии не было понятия «бастард». Если отцовство было доказано, то ребенок становился полноправным членом семьи, а если он был старшим, то и наследником рода, но последнее относилось лишь к мальчикам. Женщины Золотой Анаксии не могли быть наследницами, и в случае пресечения мужской линии все переходило к ближайшему родичу по мужской линии.

Одной из самых таинственных и малопонятных легенд абвениатской эпохи была легенда об Оставленной. Жрецы-абвениаты ее не опровергали, но и не признавали, и она дошла до потомков благодаря трагедиям древних авторов и народным сказаниям.

Суть легенды состоит в том, что Унд привязался к своей избраннице всем сердцем, однако она не смогла подарить богу сына. Для того чтобы завершить дело защиты Кэртианы, повелитель Волн был вынужден взять себе другую женщину, ставшую родоначальницей Дома Волн. Судьба прежней подруги Унда неведома, известно лишь, что она хотела умереть, но возлюбленный умолил ее остаться жить, поклявшись исполнить любую ее просьбу. Что это была за просьба, осталось тайной, известно лишь, что Унд ее исполнил.

С легендой об Оставленной смыкается легенда о синеглазой сестре Смерти, стерегущей в лабиринтах под Гальтарой сон изначальных тварей и о самом лабиринте, якобы смыкающемся с путями умерших. В Гальтаре верили, что в подземельях находится храм Абвениев, откуда анакс и главы Высоких Домов могут воззвать к ушедшим богам, и там же спит загадочный Зверь Раканов, таинственный и всемогущий. Зверь может быть поднят волей анакса, но цена его помощи – жизнь призвавшего. Наследство, оставленное Абвениями Раканам, не исчерпывалось властью и правом вызывать Зверя, но Эрнани Святой уничтожил все письменные источники, повествующие о Силе Раканов, а устные предания слишком противоречивы и ненадежны.

Абвениатская церковь в отличие от аморфного древнего жречества являла собой жесткую структуру, во главе которой стоял Абвениарх, чье имя называл анакс. Нет сомнения, что при избрании Раканы основывались не на личном пристрастии, но признаки, по которым анакс из числа настоятелей главных храмов избирал одного, неизвестны.

Новоизбранный принимал посвящение в подземном храме Гальтар, куда не имел доступа никто, кроме Абвениарха и анакса. Бывало, что новый Абвениарх не поднимался наверх, и тогда анакс называл другого.

Абвениатство подразумевало строжайшее разграничение светской и церковной властей. Эориям было запрещено становиться жрецами-абвениатами. Известно, что

настоятели храмов умели узнавать эориев, даже если те сами не знали о своем происхождении.

Принявший посвящение Абвениарх в мирских делах подчинялся анаксу, но в делах служения Абвениям был независим. Известна легенда об Абвениархе Кермии, в прошлом первосвященнике Анэма. Кермий в угоду анаксу Эобани подтвердил облыжное обвинение, выдвинутое против одного из полководцев. Обвиняемый был казнен, хоть и не признал свою вину, но в день Весеннего Излома Кермий был подхвачен внезапно поднявшимся смерчем и убит об алтарь Анэма на глазах анакса и множества прихожан. Здесь следует подчеркнуть, что большинство легенд о посылаемых Абвениями чудесах и знамениях относятся к раннеальтарскому периоду и не могут рассматриваться как достоверные свидетельства.

Абвениатская церковь просуществовала до распада созданной Эрнани Святым Золотой Империи, но являться сколько-нибудь значимой силой перестала уже при правнукЕ Эрнани Святого Эрнани Холодном.

Эсператизм

Эсператизм – монотеистическая религия, согласно которой Кэртиана всего лишь бусина в Ожерелье Миров, нанизанных на нить Света сотворившим все сущее Создателем, которого Эсператия (священная книга эсператистов) именует так же Милосердным, Всезнающим, Всеблагим, Всемиловитым и Ожидаемым.

Создатель находится в бесконечных странствиях вдоль нити Света. Когда Он посещает очередной мир, то шестнадцать лет ходит по нему неузнанным, а затем творит суд и над живыми и над умершими, после чего вновь пускается в путь, чтобы когда-нибудь вернуться. Эсператисты живут в ожидании возвращения Создателя и Последнего Суда, когда праведные и невинные будут вознаграждены, грешные, чьи провинности были не столь велики и о спасении которых неустанно возносились молитвы, прощены, а закосневшие во Зле погибнут навеки. Судьбу же Кэртианы взвесят на весах, где на одну чашу встанут праведники, а на другую грешники.

Эсператисты верят, что в ожидании Последнего Суда всем предстоит пройти Первый Суд, открывающий душам праведных Рассветные Сады и ввергающий грешников в Закатное Пламя. Те же, кто при жизни преступил грань, отделяющую малое зло от великого, избегают Первого Суда и становятся спутниками Леворукого, закатными тварями, несущими в мир зло и скверну.

Сведения об антагонисте Создателя достаточно противоречивы. Его имя неведомо. Святая Эсператия его именует Чужой и Враг, в быту же обычно употребляют эвфемизмы Зеленоглазый, Леворукий и Повелитель кошек.

Враг традиционно изображается в виде смеющегося красавца с пестрой кошкой на плече и обнаженным мечом в левой руке. Одет Чужой в цвета Заката – черный и красный, у него длинные золотые волосы и зеленые глаза. Враг ничего не создает, но идет по следам Создателя, отвращая людские души от Истины. Последнему Суду будет предшествовать низвержение Создателем Чужого и уничтожение его свиты.

Эсператисты признают существование Абвениев, но считают их не богами, а посланными Чужим демонами, захватившими власть над Кэртианой в отсутствие Создателя. До **358 года круга Волн** среди эсператистов существовали некоторые разночтения на предмет освобождения Кэртианы из– под власти демонов. Откровения святого Торквиния утверждают, что Создатель вернулся после семитысячелетнего отсутствия, изгнал Четверых Злотворящих, осудил грешных и наградил праведных. С этим спорят Анналы святого Танкреда, согласно которым демоны бежали, убоявшись одного лишь имени Создателя.

При Эсперадоре Агии конклав сошелся на том, что Создатель, изгнав демонов, отсрочил Последний Суд, даровав смертным святую Эсператию, дабы искупили они грех демонопочитания и отринули Леворукого.

Существует множество легенд и суеверий, в отношении которых официальная церковь

хранит молчание. Наиболее широко распространено поверье о закатных тварях, которые в новолуние проходят Закатные врата и спускаются на землю. Прислужников Чужого притягивает кровь и похоть, соблазняя и очаровывая своих жертв, они могут принимать любой облик. Тех, кого не удастся сбить с пути истинного, слуги Леворукого убивают, не устоявшие обретают через них силу, долгую молодость и вечную погибель.

Весьма любопытна и легенда о кошке. Когда Создатель вернулся в Кэртиану, все твари дневные и ночные склонились перед Ним и восхвалили Его. Все, кроме кошки, повернувшейся к Нему спиной и принявшей умыться. За свою гордыню кошка была изгнана на край мироздания, где вечно горит Огонь Заката. Там, вместо того чтоб искупить свой грех смирением, она отыскивала проход в великом пламени и показала его Чужому, назло Создателю признав того своим владыкой. Именно кошки проводят сквозь Закат спутников Леворукого, за что почитаются нечистыми тварями. Эсператисты не должны пускать кошек в дом, но после эпидемии чумы, которую разносили крысы, и вызванного мором голода, Эсперадор Константин запретил уничтожать кошек, объявив, что не следует мешать Злу уничтожать Зло.

Для защиты от Леворукого и его свиты используется так называемая эспера (Защитная Звезда) – медальон в виде семилучевой серебряной звезды с изображением в середине эсператистских символов или лика одного из святых. Первую эсперу одновременно увидели во сне святой Адриан, святой Доминик, святой Иоанн и святой Танкред. Встретившись наутро в храме, они узнали, что им было послано одно и то же видение. Это было расценено как знак высшей воли.

Эспера надевается на шею во время обряда Единения, вводящего неофита в лоно эсператистской церкви. Ношение эсперы не духовными лицами (за исключением некоторых специально оговоренных случаев) не является строго обязательным, однако в период религиозных смут и гонений не носившие эсперу рисковали быть обвиненными в демонопочитании или ереси. Кроме того, простолюдины полагают, что старые эсперы (созданные в Золотой Империи) помогают женщинам при родах, облегчают боль и защищают от нечистой силы и закатных тварей. Особой ценностью являются адриановы эсперы, которых сохранилось около шестисот. В народе верят, что обладатель адриановой эсперы не только неподвластен Леворукому и его демонам, но и способен защитить других.

Главным эсператистским праздником является Полуденное бдение, отмечаемое не раньше дня Весеннего Равноденствия и не позднее Дня Летнего солнцестояния. Точный срок Полуденного бдения ежегодно определяет Эсперадор, которому помогает магнус ордена Знания. Эсператисты верят, что в полдень этого дня может вернуться Создатель, и готовятся Его встретить.

Эсператистские богослужения проводятся на старогальтарском языке, после чего следует проповедь на современном. На старогальтарском написаны Эсператия и все молитвы. Считается, что любая ошибка в священном тексте привлекает слуг Леворукого. Особенно это относится к основной эсператистской молитве «Создателю всего сущего», которой надлежит начинать и завершать день и любое важное дело.

Вознесение молитв сопровождается коленопреклонением, поклонами и ритуальным жестом. Молящийся прикладывает левую руку к губам и сердцу и склоняет голову, отрекаясь таким образом от Леворукого.

* * *

Главой эсператистской церкви является пожизненно избираемый конклавом Эсперадор, а главным центром эсператизма с **3 года круга Молний** является Агарис – город-государство, расположенный на полуострове, выдающемся в Померанцевое море.

Эсператистская церковь делится на две части – территории и ордена. К первой относятся священники, живущие среди паствы и наставляющие ее, ко второй – члены монашествующих орденов, возглавляемых магнусами. Последние в церковной иерархии

равны кардиналам, возглавляющим эсператистскую церковь суверенных государств. Эсператор назначает четырнадцать кардиналов-секретарей, являющихся его помощниками в управлении Церковью. Половина кардиналов-секретарей принадлежит к церкви территорий, а половина к орденам.

Магнусы, кардиналы и кардиналы-секретари составляют конклав, решающий принципиальные богословские вопросы (внесение изменений в Эсператию, «Трактования» и жития святых, канонизация, отлучение, объявление какого-либо постулата еретическим) и избирающий Эсператора из числа магнусов.

Эсператистские ордена считаются равными между собой, представляя собой некий круг, где каждый занимает определенное место по отношению к другим, но отсчет начинается с того ордена, откуда происходит нынешний Эсператор. За орденом Славы (символ – Лев со Свечой) всегда следует Знание (Сова со Свечой), Милосердие (Голубь со Свечой), Истина (Мышь со Свечой), Домашний Очаг (Пес со Свечой) Чистота (Агнец со Свечой) и Справедливость (Единорог со Свечой). Клирик, не состоящий ни в одном из орденов, может вступить в любой из них, переход же из ордена в орден может быть осуществлен лишь по решению конклава.

Первые магнусы орденов являются наиболее почитаемыми эсператистскими святыми. Это магнус **Славы** Адриан, магнус **Знания** Танкред, магнус **Милосердия** Иоанн, магнус **Истины** Торквиний, магнус **Домашнего Очага** Игнатий, магнус **Чистоты** Андроний и магнус **Справедливости** Доминик. Члены орденов, помимо обязательных для всех эсператистов восьми заповедей, должны исполнять семь орденских заповедей. Исторически орден Славы и орден Справедливости находятся в перманентном противостоянии с орденами Истины и Чистоты, а ордена Милосердия, Домашнего Очага и Знания сохраняют нейтралитет.

Эсператистские клирики носят светло-серые одежды, признавая тем самым свое несовершенство в глазах Создателя. Только Эсператор во время богослужений надевает белую, расшитую серебром и бриллиантами Светлую мантию, являющуюся символом его власти.

Иерархи эсператистской церкви, начиная с епископов и настоятелей крупных монастырей, носят наперсные знаки, состоящие из эсператистской символики и пастырского или орденского знака. У простых монахов орденский знак вышивается на правом плече.

* * *

Считается, что эсператизм возник во второй половине последнего круга Скал Гальтарской эпохи в Гайской провинции Золотой Анаксии. Какое-то время власти не обращали внимания на нищенствующих проповедников, но затем обладающий владениями в провинции Гайи эорий Гаэций из Дома Ветра сделал воспитателем своих детей эсператиста Павсания, обратившего в свою веру сначала жену Гаэция Лаиссу, а затем его самого. Примеру Гаэция последовало несколько других аристократов, тяготившихся зависимостью от Гальтар. Так отрицавший божественность Раканов эсператизм стал важным политическим фактором.

Анакс Эридани-Копьеносец казнил Гаэция и его единомышленников и объявил эсператистов вне закона. Вражда новой церкви с анаксами и абвениатами, то затухая, то усиливаясь, продолжалась около сотни лет. Большинство жителей анаксии придерживались абвениатства, избегая нищенствующих фанатиков, предрекавших жителям процветающей страны неисчислимые бедствия. Ситуация в корне изменилась в **397 году круга Ветра**, когда Ринальди, брат правящего анакса Эридани, похитил и обесчестил отвергшую его супругу Повелителя Ветра Беатрису Борраска.

Женщине при помощи слуги-эсператиста удалось бежать. Беатриса ждала ребенка от насильника и находилась на последнем сроке беременности, но это не остановило оскорбленную эорию. Беатриса Борраска обнаженной прошла через весь город и по праву

Ветра потребовала суда анакса. Ринальди отрицал свою вину, и анакс назначил испытание, позволяющее узнать, чьего ребенка носит Беатриса. Анакс воззвал к силе Раканов, и вокруг Беатрисы воссиял четырехцветный ореол, указывающий, что она беременна Раканом. Ринальди предали суду и приговорили к мучительной смерти в гальтарском лабиринте.

Когда осужденного вели на казнь, он проклял своего брата и все его потомство. Ряд эсператистских богословов полагают, что Ринальди Ракан воззвал к Леворукому, и тот помог нечестивцу отомстить. Другие придерживаются мнения, что Ринальди воспользовался силой Раканов, являющейся не чем иным, как демонским даром, но все сходятся на том, что принцу удалось разбудить и выпустить на поверхность чудовищных тварей, принявшихся разорять город.

Ценой собственной жизни анакс Эридани остановил чудовищ, и на престол взошел младший и последний из братьев Раканов – Эрнани. Юноша был так потрясен случившимся, что отрекся «от духов нечистых» и принял эсператизм, а спустя несколько лет перенес столицу из Гальтары в незначительную Кабитэлу. Золотая Анаксия прекратила свое существование, уступив место Золотой Империи.

В **4 году круга Волн** император Эрнани Первый издал эдикт, уравнивавший в правах эсператизм и абвениатство, что послужило толчком к созданию эсператистской Церкви, как института. Тогда же началось становление Семи Орденов и были сформулированы заповеди и исчислены смертные грехи.

В списках первых эсператистских хроник утверждалось, что святому Адриану во время ночной молитвы было Откровение. На обращенной к Рассвету стене его кельи проступили серебряные письмена, а на Закатной – кровавые. И были то Восемь Заповедей, исполнившим кои отверзнутся Рассветные Врата, и Восемь грехов, свершившие кои будут ввергнуты в Закат.

Впоследствии первоначальные (т.н. «Адриановы») заповеди претерпели ряд существенных изменений. «Истинные» заповеди были утверждены конклавом **364 года круга Волн**. Признание прежних «Адриановых» заповедей было приравнено к ереси, за приверженность которой предали церковному суду около тысячи клириков. Эсператор Пий предпринял попытку распустить созданный «еретиком» Адрианом орден Славы, однако магнус Александр (в миру Энио Марикьяре) не признал решение конклава и, засев в резиденции ордена крепости Барсина, выдержал осаду церковного воинства. В лагере осаждавших началась холера, перекинувшаяся на Кабитэлу. Из всего конклава, за исключением находящегося в Барсине Александра, уцелели лишь магнусы Милосердия и Знания. Побуждаемые перепуганными толпами на улицах, они объявили новым Эсператором Александра, принявшего имя Антония Первого.

В **365 году круга Волн** буллой Эсператора Адриановы Откровения были подтверждены, а новый список объявлен заповедями, открывшимися Эсператору Танкреду и магнусам семи орденов. В **379-м** Антоний таинственным образом исчез, и Эсператором стал магнус Милосердия Агний, сосредоточившийся на богословских вопросах. В **397 году** в Кабитэле вновь вспыхивает эпидемия, унесшая жизнь императорской семьи, и на престол садится внучатый племянник императора Лорио, четырнадцатилетний мальчик, выросший в провинции.

Фактически правители окраин империи воспользовались этим как предлогом, чтобы заявить о своей независимости. Лорио Ракан по совету своей матери принял все условия мятежников. В том числе дал согласие на перенос Святого Престола из Кабитэлы в Агарис.

Агний, так же как и Лорио, не нашел в себе сил сопротивляться, в **399 году** Эсператор выезжает в Агарис, но по дороге умирает. Эсператором становится магнус Чистоты Теоний, вернувшийся к политике Пия. Именно Теоний стал инициатором тотального искоренения Абвениатства. На территории бывшей империи начались массовые преследования абвениатов, разрушение храмов и уничтожение предметов искусства, связанных с культом Четверых. Тогда же были сожжены философ Аркений Уэртский, обнародовавший девять доказательств невозможности существования Создателя, и побывавший в Багряных землях

фельпский лекарь Люччио Рьенчи.

Религиозные гонения продолжались несколько десятков лет и пошли на спад лишь вследствие набегов морисков на агарийское побережье и разрушения в **44 году круга Молний** Агариса нар-шадом Мтсарахом-Справедливцем, собственноручно утопившим в Померанцевом море зашитых в мешки вместе с разъяренными кошками Эсперадора Ксаверия Второго и одиннадцать кардиналов и магнусов.

Император Гайифы предложил новому Эсператору Руцию перенести Святой Престол в Паону, но получил отказ. Руций объявил Агарис вольным портом, заключив соглашения с фельпскими, кэналлийскими, морисскими и гоганскими негоциантами. Город был отстроен, превратившись в один из крупнейших торговых центров на побережье Померанцевого моря. Гонения на еретиков были прекращены, а нападения морских шадов отбиты церковным войском, созданным под эгидой ордена Славы.

Наследники Руция продолжали его политику вплоть до вступления в **353 году круга Молний** на престол адепта Истины Клеменция Шестого. Новый Эсператор добился причисления Ксаверия Второго к лику святых, объявил поход против марикьярских демонопоклонников и потерпел сокрушительное поражение на море.

Следующим шагом Клеменция стал суд над предавшимися ереси кардиналами, после чего начались гонения на тайных абвениатов, еретиков и чернокнижников, вошедшие в историю, как «война с кошками».

За двадцать лет в Гайифе, Уэрте, Талигойе, Приморских герцогствах и Дриксен было казнено, заключено в тюрьмы и сослано на рудники и галеры более ста тысяч человек, в подавляющем большинстве из числа зажиточных торговцев, мастеров и съентификов. Следующим шагом Клеменция стал эдикт, направленный против части дворянства, «почитающего своими предками демонов». Эсператор предпринял попытку вторгнуться в Талигойю, но был остановлен дружинами герцога Эпинэ. Потерпев неудачу, Клеменций принял предложенную императором Гайифы и королем Уэрты помощь и начал деятельно готовиться к войне с еретиками, но скоропостижно скончался.

Новый Эсператор Винцент из ордена Знания перешел к политике увещевания и удовлетворился клятвой в верности эсператистской церкви, публично принесенной королем Эрнани Раканом и его вассалами. Это вызвало неодобрение адептов Истины и Чистоты и недовольство Гайифы и Уэрты. Винцент отступил, потребовав от Эрнани допустить в страну орденских проповедников и следователей.

Талигойский король, несмотря на протесты высшей аристократии, дал свое согласие, и страну (за исключением Кэналлоа и Эпинэ) наводнили адепты ордена Истины и Чистоты. Их деятельность вызвала стихийные возмущения, направленные как против пришельцев, так и против короля. Ситуацией воспользовался бастард марагонского герцога Франциск Оллар, вторгшийся в Талигойю с севера. Агарис направил в лагерь марагонца своих легатов.

По свидетельству эсператистских хроник, целью миссии было призвать марагонца к покаянию и вынудить под страхом отлучения от церкви покинуть пределы Талигойи. Франциск же утверждал, что послы предлагали свое посредничество в разделе Талигойи с Гайифой и Уэртой и признание и благословение Эсперадора в обмен на перенос в Кабитэлу главной резиденции ордена Истины и уничтожение старой аристократии.

В любом случае Франциск Оллар не принял предложений Агариса и продолжил победное шествие к Кабитэле. После возвращения посольства Эсператор отслужил молебен о здравии благочестивого короля Талигойи Эрнани, а позднее дал приют бежавшей из взятой Кабитэлы королеве Бланш и ее сыну Эркюлю.

Клеменций канонизировал Алана Окделла, а Франциска, его потомство и Рамиро Алву предал проклятию, но следующий Эсператор Руций Второй настоял на отмене анафемы в отношении рода Олларов, чему предшествовали две попытки Агариса сместить новую династию при помощи воинской силы. Оба похода провалились, после чего Агарис смирился с тем, что Талиг вышел из-под его власти.

Олларианская церковь была объявлена еретической, однако особой роли это не играет,

так как олларрианство исповедуют только жители Талига. Запрет на эсператизм в Талиге также носит достаточно формальный характер, массовых гонений на тайных эсператистов и судов над ними не было со времен Октавия Оллара, но и тогда эти меры были вызваны политическими, а не религиозными причинами.

Примечание

Первоначальные (т.н. «Адриановы») заповеди

1. Возвысь душу свою, ибо это есть радость Создателю.
2. Не скажи о себе – я свят и праведен, ибо лишь Создателю ведомо, кто чист пред ликом Его и на ком благодать Его.
3. Не по словам, но по делам суди человека: истинно ближе Создателю те, кто не знал Слова его, но жил так, как если бы знал, чем те, кто говорил: «Чту и ожидаю», но грешил делом и мыслию, как не грешат худшие из язычников.
4. Не сверши насилия ни над духом, ни над разумом, ни над плотью ближнего своего.
5. Не опечалься радостью ближнего.
6. Дар Создателя да не поставишь ты в упрек ближнему своему.
7. Не возжелай ни злата, ни жены, ни места ближнего твоего, и ничего, что у ближнего твоего, не возжелай. Кровь его и род его да не поставишь ты в упрек ближнему своему, ибо нет для Создателя ни эория, ни простолюдина, но все суть дети Его.
8. Не ставь клейма на ближнем своем на всю жизнь его, ибо наихудший из грешников, искупив содеянное, станет вровень с праведниками.

Смертные грехи

1. Гордыня
2. Злорадство
3. Зависть
4. Злоба
5. Клевета
6. Алчность
7. Невежество
8. Лень

Заповеди, утвержденные конклавом 364 года круга Скал

1. Возблагодари Создателя и восславь Его, ибо Он есть истина первая и последняя, начало всему и вместилище всего.
2. Отрекись от духов нечестивых.
3. Возлюби всякого брата во Ожидании, как брата кровного.
4. Смири гордыню свою пред Лицом Создателя.
5. Почитай Пастыря своего и Отца своего.
6. Почитай мать детей твоих и держи ложе свое нескверно.
7. Не злоумышляй против брата своего во Ожидании.
8. Не предавайся излишествам, теша плоть свою в ущерб духу.

Олларианство

Олларианцы утверждают, что Франциску Оллару в юности явился святой Адриан и предрек юноше великую славу и великие победы, если он вернет Церковь к ее истокам, когда каждый шел к Создателю своим путем, служа Ему мыслями и делами, а не откупался от Него, как от мытаря.

В Откровении Франциска сказано, что нельзя принуждать людей возносить молитвы на мертвом языке, подменяя идущие от сердца слова непонятными закланиями. Нельзя лишать людей свободы выбора и свободы воли, ибо земная жизнь дана смертным для созидания, а не для самоуничтожения. Святой Адриан велел Франциску хранить Откровение в тайне до дня, когда он воссядет на престол Раканов, и лишь тогда объявить во всеуслышание высшую волю.

Эсператисты объявили видение Франциска еретической выдумкой, а его победы и успехи объясняют помощью Леворукого, пославшего марагонцу помощь в лице кэналлийского нечестивца Рамиро, предательски убившего короля Эрнани и впустившего в город марагонского бастарда. Франциск назначил Рамиро Первым маршалом, но воспользоваться плодами своего злодеяния кэналлиец не успел. Алан Окделл отомстил за короля, поразив Алву кинжалом, но был казнен по приказу Франциска.

Олларианство, как и эсператизм, является религией Ожидания, однако по мнению олларианских богословов, интерпретировавших Откровения Адриана, эсператисты замкнулись на магических числах, впав в чернокнижие. Создав семь орденов, эсператистская церковь из безмерности Создателя выделила лишь семь аспектов, что есть умаление Создателя и является не чем иным, как идолопоклонством, а эсператистская символика и ритуалы исполнены скверны, идущей от древних демонов.

Олларианство признает большинство первых эсператистских святых, но не тех, кто был канонизирован после перевода Святого Престола в Агарис. Среди наиболее почитаемых святых олларианского периода – святая Октавия, святой Фабиан, святой Эгидий и святой Ариан (см. Примечания).

Главой олларианства является король, единолично назначающий кардинала, ведающего делами церкви. Франциск приказал перевести священные тексты, и в первую очередь Эсператию (в олларианском варианте – Книгу Ожидания), на современный язык. Он отказался от канонов иконописи и храмовой архитектуры, повелев изображать святых на фоне реальных пейзажей, за что послушавшиеся его мастера были отлучены Эсперадором от церкви. Франциск отменил коленопреклонение и поклоны во время богослужений. Во время молитвы олларианцы прикладывают правую руку к губам и сердцу и склоняют голову.

Олларианцы отрицают целибат и посты, полагая их насилием над человеческой природой, что противно воле Создателя. Священники-олларианцы, непосредственно связанные с паствой, обязаны иметь семьи. Странствующие проповедники, ученые богословы, хронисты и администраторы, включая кардинала, могут оставаться холостыми, но это не является обязательным условием. Олларианцы, становясь слугами Создателя, отрекаются от прежних имен, они носят черные одеяния, за что их иногда называют «аспидами», и два наперсных знака – первый указывает на принадлежность к клиру, второй – на сан.

Из административных церковных реформ Франциска особо следует отметить роспуск церковных орденов на территории Талига и упразднение монашества как такового. Однако вследствие череды войн и восстаний в Талиге было много одиноких женщин благородного происхождения. Король Октавий Добрый взял их под свое покровительство и на свое обеспечение и, будучи главой церкви, восстановил часть женских обителей.

Олларианки вольны в любое время покинуть монастырь, либо переехав к родственникам, либо вступив в брак, что вызывает резкое отрицание у эсператистов, полагающих, что клятва Создателю не может быть отменена.

Недоброжелатели называют олларианскую Церковь королевской канцелярией, что по своей сути соответствует действительности. Клирики получают жалованье из государственной казны и пенсий по старости и болезни и подчиняются вышестоящим духовным лицам, которые, в свою очередь, подчинены кардиналу Талига, над которым находится король.

Эсператистская церковь настаивает, что, когда Франциск Оллар захватил Талигойю, Агарис отказал ему в поддержке, и Оллар ответил тем, что объявил себя главой новой

Церкви. Из трудов наиболее ортодоксальных эсператистов следует, что чашу терпения Святого Престола переполнила канонизация жены Франциска блудницы Октавии.

Олларианские источники придерживаются версии, согласно которой Франциск Оллар был возмущен жадностью, жестокостью и продажностью эсператистских клириков, скрывавших от паствы истинное Слово Создателя и превративших Церковь в орудие для удовлетворения своих низменных страстей.

После принятия олларианства в Золотых землях начали возникать так называемые эгидианские общины, которые, по сути, исповедовали олларианство без Олларов, то есть упрощенные обряды на современном языке и независимость от Агариса. В Норуэге, Улаппе и Ардоре эгидианство стало основной религией, пользуются серьезным влиянием эгидианцы в Бергмарк, Кир-Риаке, Газарее, Алате и Кадане. Эгидианские общины традиционно дружелюбны Талигу, что навлекает на них гонение в Гайифе, Дриксен и Гаунау.

Примечание

Святая Октавия – вдова Рамиро Алвы, жена Франциска Оллара (см. дом Олларов) и первая олларианская святая.

Святой Фабиян – воспитатель молодых дворян в Лаик. Погиб, заслонив собой единственного сына Франциска Оллара Октавия.

Святой Эгидий (в миру – Андреас Арко). Единокровный брат и ближайший соратник Франциска Оллара. Незаконнорожденный сын герцога Адольфа Марагонского и графини Арко, по настоянию герцогини Летисии Марагонской и графа Арко был посвящен Церкви под именем Эгидия. Ученик епископа Модеста, позднее – капеллан и духовник своего единокровного брата Франциска. После завоевания Франциском талигойского престола – епископ Надорский (сменил эмигрировавшего Гальфрида). После смерти Ариана – кардинал Талига. Эгидий – олларианский покровитель Надора и Придды, сам же более всех святых чтит святого Доминика.

Ариан (в миру – Эгберт Солвей). Эсператистский епископ Кабитэлы и первый кардинал Талига. Активно способствовал становлению и укреплению олларианской Церкви. Для олларианцев – один из первых святых, для эсператистов – раскольник и ересиарх.

Прочие верования Золотых земель

В описываемые времена большинство Золотых земель придерживается той или иной разновидности религии Ожидания. Исключение составляют некоторые области Торки, Черной Алати, Кэналлоа, Марикьяра и острова Померанцевого моря, Сагранна, Нуху, Холта и гоганские общины.

При этом все жители Золотых земель, кроме холтийцев, нуху, гоганов и саграннских племен, считаются эсператистами, олларианцами или эгидианами и при рождении проходят через соответствующие обряды, что не мешает им «радовать демонов».

Абвениатские культы и суеверия

Несмотря на внешние различия, верования торских и алатских горцев и моряков Померанцевого и Устричного моря являются искаженным абвениатством с элементами доабвениатских ритуалов, призванных привлечь и удержать спутников богов.

В горной части Алати наиболее выражен культ Астрапа, в прибрежных районах – культ Унда и Анэма, в Торке – Лита и Астрапа, на Марикьяре – Астрапа и Унда. Что до Нуху, Кэналлоа и Багряных земель, то их обитателей можно назвать абвениатами без жрецов и эориев.

Кэналлийцы, марикьяры и мориски веруют, что Четверо оставили созданный ими мир, положившись на совесть и волю своих детей. Когда Абвении вернутся, каждый получит что заслужил. Багряноземельцы и обитатели Кэналлоа ни о чем не просят, ибо Четверо велели

людям жить самостоятельно. Их редкие молитвы напоминают письма, посылаемые отсутствующему любимому человеку. Они никогда не повторяются и произносятся тогда и там, когда просит душа.

Грехом и святотатством считается отягощать отсутствующего своими бедами и особенно жалобами на других. Каждый должен делать то, что за него никто не сделает, и отвечать за свои поступки. Абвении сражаются, негоже отвлекать воинов во время боя. Возвращения ушедших богов мориски и кэналлийцы ожидают не как Последнего Суда и неизбежных кар, а как праздника, ведь Отцы любят своих детей и стремятся к ним всей душой.

В Багряных землях религиозных праздников нет, каждый праздник исполнен конкретного смысла и приурочен к какому-то событию – победе, рождению, свадьбе, совершеннолетию. В Кэналлоа, напротив, отмечают не только дни Излома, но и устраивают так называемые альегры – напоминающие карнавалы празднества, посвященные астэрам, и венсии – праздники победителей.

Формально Кэналлоа, как и Марикьяра, находится в лоне олларианской церкви, по сути же влияние официальной религии свелось к тому, что к древним праздникам кэналлийцы добавили сначала эсператистские, а потом и олларианские.

Холта

Холтийцы – потомки кочевых племен Седых земель, вытесненных оттуда похолоданием примерно через четыреста лет после создания Золотой Анаксии. Легенды рассказывают, что в то время между Седыми и Золотыми землями существовал перешеек, ныне исчезнувший под водой.

Холтийцы чтут Духов Степи и души предков. Они считают, что дети Пламени вступили в союз с дочерьми Ветра и породили Духов Степи. Духам стало одиноко, и тогда Огонь и Ветер вняли просьбам своих детей и создали коней, верблюдов, коров и овец. Однажды весной Духи Степи почувствовали неодолимое желание и удовлетворили его с верблюдами. От этого союза произошли люди, в которых скотское начало неотделимо от божественного.

Религия холтийцев запрещает подходить к «воде без двух берегов» ближе, чем на дневной переход, строить каменные и деревянные дома и питаться мясом сородичей-верблюдов. Прежде чем принять какое-либо решение, холтийцы слушают ветер, полагая, что беседуют с душами предков. В особо важных случаях холтийский правитель кан и его заклинатели Ветра и Огня производят жертвоприношение и читают волю Духов Степи по мозгам, сердцам и печени жертвенных животных, а иногда и людей.

Сагранна

Верования жителей Сагранны весьма примитивны. Все они, за исключением ныне исчезнувших с лица земли яги, полагают себя потомками богозверей. Так сильные и воинственные бириисцы почитают себя детьми Барса, а пастушеский народ бакранов ведет родословную от бога-Козла.

Саграннские горцы верят в судьбу и поклоняются Хозяевам гор. Жреческие обязанности исполняет старейшина рода, которому помогает старуха-пророчица.

Гоганы

Гоганы – выходцы из Багряных земель, категорически отрицающие родство с морисками. Живут изолированными общинами, главы которых одновременно являются священниками. Об обычаях и верованиях гоганов известно очень немного, однако съентифики Академии сходятся на том, что им подвластна особого рода магия.

Религия гоганов сочетает черты абвениатства и эсператизма. Они верят, что мир был создан Кабиохом, Богом-Родителем, которому в эсператизме соответствует Создатель. У Кабиоха было четверо сыновей: Флох, властелин Огня земного и небесного, Оллиох, властелин всех Вод, Рох, властелин Земли, и Вентох, властелин Ветра. Уходя Звездной Нитью, Кабиох поручил сыновьям «управлять миром Его именем и по закону Его, пока не

призовет Кабиох сынов своих».

Дальнейшие события гоганы описывают так же, как абвениаты, с той лишь разницей, что отрицают легенду об Оставленной, зато утверждают, что у Роха родились близнецы, а у Вентоха – дочь. Повелитель Земли сделал наследником того, кто раньше вышел из материнской утробы, а повелитель Ветра дождался рождения сына. Младший сын Роха Гох и дочь Вентоха Гарелли должны были прожить жизнь простых смертных, но случилось так, что они встретились, полюбили друг друга и стали прародителями народа гоххонов (на талиг произносится как гоганы), то есть детей Гоха.

Гоганы называют себя правнуками Кабиоховыми, в отличие от Раканов и Повелителей Стихий, которых считают старшими и именуют внуками Кабиоховыми или же Первородными. Гоганы полагают, что, объявив Абвениев демонами и отказавшись от заветов предков, внуки Кабиоховы совершили величайшее святотатство и первородство должно перейти к гоганам. Однако, по закону Кабиохову, любое первородство может быть передано младшей ветви лишь добровольно или при пресечении старшей линии, причем наследники никоим образом не должны быть в этом виновны, иначе на их голову падет проклятие Всеотца. Чтобы избежать обвинения, гоганы избегают мест, где обитают внуки Кабиоховы. Именно поэтому они не селятся в пределах Талига.

О сути гоганских религиозных обрядов иноплеменникам практически ничего не известно. Правнуки Кабиоховы чтят Кубьерту – книгу, в которой собраны тайные знания и поверия гоганов. Списки Кубьерты хранятся в пяти наиболее уважаемых домах гоганской общины в специальной маленькой комнатке рядом с Чертогом Четырех и Одного, где находится алтарь в виде пирамиды.

Гоганы блюдают Ночи Луны, когда луна переходит из одной фазы в другую. Каждая из Ночей Луны посвящена одному из сынов Кабиоховых. В Ночь Луны гоганы ничего не едят, не пьют, не занимаются любовью и не покидают своих комнат. Гоганские общины живут очень замкнуто, люди другой веры допускаются лишь на деловую половину дома, отделенную от занимаемой хозяевами коридором, в котором воскуривают особую смесь из освященных благовоний. Вера гоганов запрещает прикасаться иглой к простыням и полотенцам и предписывает обращаться к собеседнику и называть себя в третьем лице.

Покидая жилище, гоганы одеваются по обычаям страны, в которой живут, но дома носят национальные одеяния. Глава общины носит одеяние желтого цвета, шестнадцать самых уважаемых гоганов желто-черные. Остальные взрослые мужчины ходят в черном неподшитом одеянии с желтой полосой по– низу. Поскольку среди гоганов много темно-рыжих, а те, кто от природы обладает другим цветом волос, красят бороды и волосы, иноплеменники называют их «куницами».

Дворянство королевства Талиг

С момента прихода к власти династии Олларов все дворяне королевства Талиг являются вассалами короля, и только короля. Прежняя вассальная зависимость, согласно которой вассалами короля Ракана были главы Высоких Домов, в свою очередь имевшие кровных и ординарных вассалов, упразднена.

Король может пожаловать дворянство и титул, а может его лишить. Исключение составляют герцоги Ноймаринен и герцоги Алва. Согласно подписанным Франциском Олларом и Октавием Олларом договорам, Ноймаринен, Кэналлоа и Марикияра добровольно присоединились к Талигу и имеют право в любой момент отложиться от королевства. Формально дворяне этих провинций остаются вассалами своих государей, хотя многие из них дают присягу королю Талига и состоят у него на службе. В договоре между Талигом и Ноймаринен прописано, что в случае разрыва аннулируется и присяга, данная подданными Ноймаринен королю Талига. В договоре между Кэналлоа и Талигом соответствующая статья отсутствует, однако по кэналлийскому (и морисским) обычаям любая обида, нанесенная

соберано (или нар-шаду), становится делом кровной мести подданных.

Большинство нетитулованных дворян Талига получили дворянство во времена Двадцатилетней войны. Титулованная знать, к которой относятся герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны, по происхождению делится на несколько значительных групп.

1. Люди Чести. Фамилии, ведущие свой род от глав Высоких Домов Гальтары. Изначально было Четыре Дома, в которые входили его глава, Повелитель Стихий, и четверо его кровных вассалов, подчинявшихся Главе Дома, в свою очередь присягнувшему на верность Повелителю Ракану. После распада Золотой Империи на ряд независимых королевств члены Высоких Домов, дабы, не оскорбляя эсператистскую Церковь, отличить себя от ординаров (титулованного дворянства, не являющегося кровными родичами Повелителей), стали называть себя Людьми Чести.

На момент падения династии Раканов из 20 фамилий, не считая королевской, уцелело одиннадцать – Эпинэ, Окделлы, Придды, Савиньяки, Дораки, Карлионы, Тристрамы, Рокслеи, Берхаймы, фок Варзов, Гонты. Герцоги Алва и графы Ариго, формально относясь к Людям Чести, почитались в их среде полукровками.

2. Ординары. Старое дворянство, не являющееся прямыми потомками и кровными вассалами Повелителей Стихий. В доолларианской талигойской иерархии эта группа стояла ниже Людей Чести, даже обладая такими же титулами и большим богатством и влиянием.

3. Потомки соратников Франциска Оллара, получивших из его рук титулы и владения, а некоторые вместе с ними и жен. В среде Людей Чести этих людей презрительно называли «навозниками».

4. Владетели земель, так или иначе отошедших к Талигу после прихода к власти Олларов, и их вассалы.

5. Простолюдины и нетитулованные дворяне, получившие титулы и земли за заслуги перед короной, и их потомки.

6. Соотечественники королевы Алисы, принявшие талигойское подданство и получившие титулы и владения, и их потомки. Эту группу часто презрительно называют «дриксенскими гусями».

7. Люди, сумевшие во время правления Франциска Второго и Алисы доказать свое родство с Высокими Домами.

Все дворяне Талига подчиняются Кодексу Франциска, имеют свои гербы и девизы.

Гербы герцогов, маркизов и графов венчает корона, гербы баронов – шлемы. В талигойской иерархии обрамляющие щит с гербом еловые ветви указывают на баронское достоинство, сосновые – на графское, пихта – дерево маркизов, кипарис – герцогов, а кедр – королей. Кроме того, все дворяне имеют право на ношение серебряных и золотых цепей особого плетения, указывающих на их ранг. Церемониальная герцогская цепь герцогов Ноймаринен украшается торскими изумрудами, а герцогов Кэналлоа – черными ройями.

В Талиге, согласно Кодексу Франциска, незамужняя женщина носит титул отца, замужняя и вдовая – мужа. При этом женщина не может владеть майоратом, который в случае отсутствия наследника мужского пола переходит к ближайшему родичу-мужчине.

По Кодексу Эрнани, если пресекался род, император (в последствии король) в присутствии высшей аристократии лично разбивал гербовую доску. Франциск дополнил это положение правом короля передать герб и титул пресекшегося рода по своему усмотрению.

Королевские династии

РАКАНЫ

Древняя династия, некогда правившая всеми Золотыми землями. После распада Золотой Империи – короли Талигойи. Свергнуты Франциском Олларом в третий день Осеннего ветра 399 года первого круга Молний.

Герб: Зверь Раканов на белом поле.

Первоначально фантастическое животное, имеющее тело и крылья птицы, у оснований которых растут шупальца спрута, и четыре головы на змеиных шеях – две конские – черная и белая, и две кабаньи – золотая и серебряная.

Начиная с Эрнани Святого Зверь Раканов изображается в виде крылатого существа с конской головой на змеиной шее.

Девиз: со времен Эрнани Святого «Во имя Создателя и именем Его». Старый девиз («Сердце мое в руке моей») забыт.

Глава дома: Альдо Ракан (род. 374 к.С.) сын Эрнани Ракана. Не женат.

Семья: бабушка Матильда (род. 335 к.С.), вдова принца Анэсти Ракана и мать принца Эрнани. Урожденная герцогиня Алатская, сестра правящего алатского герцога Альберта.

Кровные вассалы ¹²⁴.

Дом Молнии: Герцоги Эпинэ, графы Дорак, Савиньяк и Ариго.

Дом Скал: герцоги Окделл, графы Рокслей, Карлион, Тристрем.

Дом Волны: герцоги Придд, графы Гонт, Берхайм, фок Варзов.

Дом Ветра: Герцоги Алва.

ОЛЛАРЫ

Династия, правящая Талигом с 399 года первого круга Молний.

Герб: так называемый «Победитель Дракона». На пунцовом поле всадник на белом коне поражает мечом черного дракона.

Девиз: первоначальный (390 к.М. – 3 к.С.) «Непобедимых нет».

С 3 к.С. «Именем Талига и во имя его».

Титул наследника по прямой линии: принц Талигойский.

В случае прекращения династии по завещанию Франциска трон переходит к старшему из здравствующих потомков пасынка Франциска Оллар Рамиро Алвы-младшего.

Глава фамилии: Фердинанд Второй Оллар, сын Франциска Второго и Алисы Дриксенской (род. 358 к.С.).

Семья: супруга Катарина-Леони Оллар, урожденная графиня Ариго (род. 373 к.С.). Дети: сын – кронпринц Карл (род. 394 к.С.),

дочери: Октавия (род. 392 к.С.) и Анжелика (род. 397 к.С.);

сестры: Георгия (род. 344 к.С.) – герцогиня Ноймаринен, Карла (род. 346 к.С.) – аббатиса монастыря Святой Октавии в Хексберг, Филиппа (род. 349 к.С.) – великая герцогиня Ардоры, Франциска (род. 352 к.С.) – королева Норуэга.

Основатель династии:

Франциск-Водемон-Иоахим Оллар, Франциск Первый Великий, внебрачный сын Адольфа аур-Комбурга, герцога Марагонского, и девицы Аделины Оллар.

Родился в Эпинэ в графстве Валмон. Точная дата рождения неизвестна, по различным сведениям между 370 и 372 к.М. До 384 года воспитывался в доме деда по матери, затем был взят отцом ко двору. В 388 к.М., будучи оруженосцем барона Ханса Мансфельда, победил на турнире почитавшегося непобедимым Якоба Зигена по прозвищу Дракон Нордгау. Отсюда прозвище Победитель дракона и герб.

В 389 к.М. Франциск поступает на службу к кесарю Дриксен, в 396-м оставляет службу и начинает собирать собственную армию. В 399 году Франциск Оллар вторгается в северную Талигойю, овладевает столицей королевства Кабитэлой и провозглашает себя королем Талига и главой новой олларрианской церкви.

Показал себя смелым реформатором и выдающимся политиком. Умер в Оллари в 27 к.С. Согласно завещанию, похоронен в одной могиле с женой.

Выдающиеся представители династии:

¹²⁴ По ситуации на 399 год круга Молнии.

Октавий Первый Добрый (в народе прозван Менестрелем, Блаженным, Красавчиком и Братцем Ворона) (7—62 к.С.), единственный сын Франциска, продолжал его политику. При Октавии в состав Талига вошли герцогство Ноймаринен и южная Марагона.

Фердинанд Первый Веселый (в народе прозван Игроком) (141—208 к.С.). Сильный политик и искусный дипломат. Умело лавируя, добился заключения Золотого Договора, окончательно закрепившего за Талигом территориальные приобретения Олларов.

Карл Второй Победоносный (в народе прозван Юбочником и Кэналлийцем) (231—291 к.С.). Вошел в историю как победитель в Двадцатилетней войне.

Людовик Первый Хмурый (в народе прозван Упрямым) (255—296 к.С.). Добился возобновления Золотого Договора с учетом итогов Двадцатилетней войны. По настоянию Людовика Оллара текст по сути нового Договора был признан лишь несколько уточняющим положения Золотого Договора 178 года. Благодаря этому у эсператистских государств не возникло необходимости просить благословения у Агариса, настроенного по отношению к Талигу крайне враждебно.

Карл Третий Разумный (в народе прозван Торговцем и Умником) (282—345 к.С.). При нем Талиг добился максимального влияния на внешней политической сцене, оттеснив на второй план Гайифу и коалицию Дриксен – Гаунау. Годы правления Карла Третьего вошли в историю Золотых земель как «Время Олларов».

Наиболее влиятельные фамилии Талига ¹²⁵:

ГЕРЦОГИ АЛВА

Герб: летящий ворон на синем поле.

Девиз: «Против ветра!»

Дополнительные титулы: Повелители Ветров, Властители Кэналлоа.

Титул прямого наследника: маркиз Алвасете.

Глава фамилии: **Рокэ Алва** (род. 362 к.С.), Первый маршал Талига, прозванный Кэналлийским Вороном.

Владения : герцогство Кэналлоа и маркизат Марикьяра.

Резиденция: Кэналлоа, замок Алвасете в городе того же названия.

Семья: не женат, официальный наследник – кузен по женской линии маркиз Диего Салина. Ближайшие родственники:

племянники: дети Инес (348—374 к.С.), избранной жены нар-шада Багряных земель Шауллага-ар-Агхамара (род. 340 к.С.), Тергэллах (род. 366 к.С.), Альдеррах, (род. 369 к.С.), Тэгме (род. 372 к.С.), Инзаррих (род. 374 к.С.); племянница, наследная принцесса Улаппа Ада-Марина (род. 361 к.С.), дочь Антони-Каэтаны Алва (343—361 к.С.) и великого герцога Улаппа Хулиана Второго (род. 340 к.С.).

Основатель фамилии и сближением с Талигом:

Род Алва идет от Альбина Борраски (398 к.В. г.п. – 71к. В.), старшего сына главы Дома Ветра полководца Лорио Борраски и Беатрисы Борраски, в 17 году круга Волн бежавшего в Багряные земли вместе с сестрой-близнецом Альбиной и ее возлюбленным.

Официально лишенный титула Повелителя Ветров и имени Борраска, Альбин был усыновлен нар-шадом Багряных земель Заллахом, отрекся от родителей, перешел в веру морисков, принял имя Алва-ар-Заллах и женился на названной сестре. В 26 году круга Волн он с небольшой армией высадился в Кэналлоа, сверг нар-шада Нарлаха и в 29 году провозгласил себя нар-шадом Кэналлоа, основав династию Алва.

Взаимоотношения с Талигом:

¹²⁵ По ситуации на 399 год круга Скал.

В 186 году круга Волн нар-шад Диего Алва принял новый титул, провозгласив себя soberano (повелителем) Кэналлоа, соответственно шады получили титулы рэев. Соберано Диего объединил под своим скипетром всю Кэналлоа за исключением расположенного на крайнем западе полуострова Дьегаррон.

Кэналлоа умело использовала преимущества, даруемые положением, ресурсами и связями с Багряными землями.

В 273 году к.М. род Борраска пресекся, и титул Повелителя Ветров перешел к роду Алва. Соберано Родриго Алва согласился признать себя вассалом короля Талигойи и принять герцогский титул, оговорив полное невмешательство короны в дела Кэналлоа. Это условие было принято, что принесло дряхлеющей Талигойе немалые финансовые и военные выгоды. Только своевременному подходу кэналлийской конницы Талигойя обязана победой над вторгшимся в 308 году в южные провинции королем Уэрты Максимилианом Высокомерным. В 381 году кэналлийцы перехватили и разбили идущие к Эр-При подкрепления, что сделало возможной победу Гастона Эпинэ.

Алва решительно выступали против вмешательства Агариса в дела Кэналлоа, заслужив славу еретиков, однако стратегическое положение, связи с морскими шадами и марикьярскими корсарами и немалая военная сила Воронов вынудили Агарис отказаться от мысли насильственно насадить на полуострове эсператизм. После формального вхождения Кэналлоа в состав Талигойи герцоги Алва и их ближайшее окружение признали себя эсператистами.

Находясь за пределами Кэналлоа, герцоги Алва исполняли обязательные ритуалы, а в Алвасете был открыт эсператистский храм, но легаты Эсперадора и орденские проповедники по-прежнему в Кэналлоа не допускались.

Наиболее известные представители рода:

Соберано Гонзало (332—387 к.М.), политик и полководец, мечом, золотом и дипломатией завершивший объединение Кэналлоа. Гонзало женился на дочери последнего шада Дьегаррона Альшатин и выдал дочь за нар-шада Багряных земель Минкараха. Соберано Гонзало и нар-шад Минкарах кровью и железом за себя и своих потомков до шестнадцатого колена поклялись хранить дружбу между Кэналлоа и Багряными землями и приходить друг другу на помощь, ставя договор превыше любых иных обязательств.

Рамиро Алва-старший (Рамиро-Предатель) (364—399 к.М.). Был помолвлен с девицей фок Виртхайм-ур-Вестен из дома Волн, но расторг помолвку и женился на безродной сироте Октавии. В среде Людей Чести это вызвало сильное возмущение, и Алва предпочел вернуться в Алвасете, где и оставался до вторжения Франциска Оллара.

По призыву короля Эрнани Ракана герцог Алва во главе вооруженного отряда пришел к осажденной Кабитэле и несколько месяцев успешно защищал город, но потом убил короля Эрнани Ракана и возглавлявшего оборону столицы герцога Придда и впустил в Кабитэлу осаждающую армию. Смертельно ранен Аланом Окделлом, на смертном одре объявлен Первым маршалом Талига. По приказу Франциска похоронен в Оллари в фамильной усыпальнице Раканов.

Рамиро Алва-младший, прозванный Старшим Братом, Железным Вороном и Рамиро-Вешателем – (399 к.М. – 79 к.С.), единоутробный брат и официальный соправитель короля Октавия Оллара.

Известно, что Франциск Оллар намеревался оставить престол пасынку. После смерти короля ходили слухи, что Рамиро уничтожил завещание Франциска и вынудил брата короноваться. Рамиро женился на Мерседес, единственной дочери герцога Марикьяры, что окончательно привязало Марикьяру к Кэналлоа. Отменный полководец и сильный политик, Рамиро окончательно сломил сопротивление Людей Чести, укрепил границы Талига и заложил основы будущего Золотого Договора.

Луис Алва (198—271 к.С.), прозванный Белым Вороном, – друг и соратник короля Георга Оллара. С 235 по 256 г. – кансилльер Талига. После гибели (240 к.С.) короля Георга и до совершеннолетия Карла Второго (255к.С.) – регент Талига. Передав дела бывшему оруженосцу, а затем ближайшему помощнику графу Дораку, уехал в Кэналлоа. Несколько раз гостил у морисских родственников, добился закрытия Астраповых Врат для кораблей враждебных Талигу держав. Погиб на охоте в Багряных землях, похоронен в Алвасете.

Алонсо Алва (238—321 к.С.). Первый маршал Талига, самый знаменитый полководец Золотых земель со времен Лорио Борраски. Кузен по матери и близкий друг Карла Второго, фактический победитель в Двадцатилетней войне. Алва не проиграл ни одного сражения, однако не был чужд и политики. В 278—280 гг. во время болезни Карла Второго фактический правитель Талига, без колебаний подавил прогайфский мятеж, поднятый братом короля, Генрихом Олларом, принцем-консортом союзной Гайифе Каданы.

Генрих Оллар и его соучастники были публично казнены на площади Занха, а их тела положены в оцинкованные гробы и доставлены на гайифскую границу с сопроводительным письмом, в котором Первый маршал Талига уведомлял императора Алексиса Второго, что возвращает ему его приобретения.

В 307 году Алонсо Алва подал в отставку. По его совету Карл Третий отдал перевязь Первого маршала пасынку и ученику Алонсо Арно Савиньяку.

Алваро Алва (317—385 к.С.). Первый маршал Талига (361—379 к.С.), супрем Талига (379—385 к.С.), соратник принца Георга Оллара и кардинала Диомида. Был женат на Долорес Салине, четверо сыновей – Рамон (348—359 к.С.), Рубен (351—369 к.С.), Карлос (355—376 к.С.), Рокэ (род. 362 к.С.) и две дочери.

Внук Алонсо Алвы, соученик по Лаик и близкий друг принца-наследника Карла. Служил в Торке, зарекомендовал себя храбрым и расторопным офицером, в 342 году произведен в полковники, в 344 году – в генералы.

Один из активнейших сторонников отстранения от власти Франциска Второго и Алисы Дриксенской, непосредственный организатор и исполнитель государственного переворота на Представлении малолетнего Фердинанда Второго (361 к.С.). В 361—372 гг., по сути, содержал армию Талига на личные средства, так как казна была полностью разорена. В 376 году при Хексберге разбил дриксенский экспедиционный корпус, что положило конец так называемой «малой войне» в Северной Придде. Во время этого боя погиб сын соберано Алваро тенъент Карлос Алвасете, заслонив собой маркиза Ноймара, будущего преемника Алваро на посту Первого маршала Талига.

ГЕРЦОГИ НОЙМАРИНЕН

Герб: изначально на бордовом «закатном» поле оскалившийся пес Лита, стоящий на плоском черном камне и попирающий лапой сломанную стрелу. В конце круга Волн пса сменил серебряный коронованный волк.

Девиз: « Сколько бы вас ни было!»

Титул наследника по прямой линии: маркиз Ноймар

Глава фамилии: герцог Рудольф, бывший оруженосец и преемник Алваро Алвы (род. 339 к.С.). В 379—393 к.С. – Первый маршал Талига. В 393-м подал в отставку, заявив на Совете Меча, что Первым маршалом Талига должен быть Рокэ Алва и никто иной. Пожизненный губернатор Придды с полномочиями Проэмперадора.

Владения : герцогство Ноймаринен.

Резиденция: замки Ноймар и Агмар.

Семья: супруга герцогиня Георгия (род. 344 к.С.), урожденная принцесса Оллар.

Сыновья:

– Людвиг, маркиз Ноймар (род. 364 к.С.), генерал от артиллерии, женат на Леоне

Салине (род. 375 к.С.), имеет двоих сыновей: Рудольфа (род. 397 к.С.) и Генриха (род. 399 к.С.),

- Альберт (род. 367 к.С.),
- Эрвин (род. 372 к.С.),
- Маркус (род. 378 к.С.).

Дочери:

- Урфрида (род. 376 к.С.), замужем за маркграфом Бергмарк Вольфгангом-Иоганном,
- Гизелла (род. 381), обручена с маркизом Луисом Альберто Салиной (род.380).

Основатель фамилии и сближение с Талигом. Родоначальником фамилии Ноймаринен (в древности звучавшей как Агмарен) считается легендарный Манлий Ферра(около 382 к.В. г.п. – 60 к.Волн), племянник последнего Абвениарха и статиарх Эрнани Святого, прозванный друзьями «Щитом Раканов», а врагами «псом Эрнани» и «Леворуким» (Манлий был левшой).

В начале круга Волн Кабитэлской эпохи на севере Золотой Империи усилился натиск варварских племен, некогда переселившихся в Золотые земли из Седых под давлением чудовищных ледников. Долгое время варвары не пересекали Торский хребет (именуемый в древности Разрубленным Змеем), сдерживаемые страхом перед Зверем Раканов.

К концу Гальтарского периода разъединенные племена объединились в некое подобие королевств, а в начале круга Волн образовали военный союз, который возглавил вождь варитов Хайренц Медвежье Отродье. В 11 году объединенные варварские племена захватили Ноймарский перевал и прорвались на территорию Золотой Империи.

Лорио Борраска удалось отбросить варваров назад за перевал, а Хайренц Медвежье Отродье был убит, но стало очевидно, что через несколько лет нашествие повторится и неизвестно, удастся ли его остановить. В этой ситуации Эрнани Ракан принял решение заселить предгорья Торки, создав там рубеж обороны. Эту задачу император поручил Манлию Ферра, и в 19 году круга Волн Манлий Ферра, наделенный чрезвычайными полномочиями, отбыл на север.

К этому времени он был женат на сестре Повелителя Скал Юлиане Надорэа, пожелавшей разделить с супругом все опасности. Ферра удалось выполнить возложенную на него задачу и заключить союз с находящимися в кровной вражде с другими варварскими племенами агмарами, когда же в 33 году император Анэсти в награду предложил военачальнику высокий пост в Кабитэле и владения в лучших землях Империи, Манлий отказался и попросил себе земли на севере. Его просьба была удовлетворена, и семейство Ферра получило в полное и потомственное владение перевалы Ноймари и Агларен и прилегающие к нему земли.

После распада Золотой Империи Ноймаринен обрела самостоятельность, но герцоги Ноймаринен сохранили лояльность дому Раканов и после захвата Талигойи Олларами отказались признать Франциска законным королем.

Сближение Талига и Ноймаринен началось лишь в конце царствования Франциска и было обусловлено как взвешенной и разумной политикой последнего, так и авантюрами, в которые окунулась Бланш Ракан, среди всего прочего заключившая союз со злейшими врагами герцогов Ноймаринен Дриксен и Гаунау.

В 26 году между Талигом и Ноймаринен был подписан союзнический договор, скрепленный браком между наследным принцем Октавием и дочерью Георга Ноймаринен, а в 43 году круга Скал Ноймаринен на жестко оговоренных условиях вошла в состав королевства Талиг.

Наиболее известные представители фамилии:

Норберт-Отто, герцог Ноймаринен (211—273 к.С.), герой Двадцатилетней войны. После предательства маршала Пеллота и разгрома Северной армии вместе с сыновьями Михаэлем и Георгом возглавил отпор армиям Дриксен и Гаунау. В 269 году нанес врагу

серьезное поражение у крепости Танненвальд, несмотря на заманчивые предложения кесаря Дриксен и императора Гайифы и угрозы Эсперадора, сохранил верность присяге. Погиб при осаде замка Ноймар в 273 году. Похоронен в Хексберге.

Михаэль Ноймаринен (235—309 к.С.), старший сын Норберта-Отто, полководец и государственный деятель. В начале Двадцатилетней войны правая рука своего отца, после гибели Норберта-Отто занял его место. Успешно применял партизанскую тактику и дезинформацию противника, как средство ведения войны. После подхода в 274 году Северной армии под командованием Рене Эпинэ перешел к наступательным действиям, принимал активное участие в разгроме Поля Пеллота. В 275 году возглавил рейд на Гаунау, завершившийся подписанием сепаратного мирного договора, что переломило ситуацию на дриксенско-талигойском театре военных действий.

После окончания войны отказался от поста супрема и занялся восстановлением разрушенного герцогства.

Штефан Ноймаринен, в оллариианстве Диомид (294—380 к.С.), кардинал (344—380), младший сын герцога Михаэля Ноймаринена и герцогини Шарлотты (урожденной Дорак). Друг по Лаик брата Карла Третьего принца Георга Оллара, убедившего короля возвести Диомида в кардинальское достоинство. После воцарения Франциска Второго и опалы и отставки соратников Карла Диомид пытался противостоять политике августейшей четы, но с трудом избежал смещения. Диомид публично признал свое поражение и начал готовить почву для переворота. В заговор были вовлечены герцоги Алва и Ноймаринен и принц Георг Оллар.

После падения королевы Алисы Диомид направил все усилия на предотвращение распада Талига и отражение внешней угрозы. После смерти Георга Оллара являлся фактическим правителем страны.

ГЕРЦОГИ КОЛИНЬЯР

Герб: коронованный бурый медведь на зеленом поле.

Девиз: «Сила. Верность. Справедливость».

Титул наследника: маркиз Сабве.

Глава фамилии: Жоан-Эразм Колинъяр, вице-канцильер Талига (род. 351 к.С.).

Основные владения : в графстве Эр-Сабве (Приморская Эпинэ).

Семья: супруга Урсула Колинъяр, урожденная маркиза Фукиано (род. 360 к.С.). Дети: сын Эстебан убит на дуэли, дочь Анна-Рената (род. 384 к.С.)

Брат: Фернан Колинъяр, маркиз Сабве, губернатор Эпинэ (род. 354 к.С.), сестра Амалия-Фредерика (род. 357 к.С.), замужем за графом Мараном.

Основатель фамилии: Себастьян Колинъяр (366 к.М.— 30 к.С.).

Подкидыш, оставленный у калитки монастыря Ордена Славы недалеко от городка Колинъяр в графстве Ариго, откуда и произошла фамилия. Себастьян Колинъяр был послушником ордена Славы, но любовь к дочери мельника заставила его отказаться от пострига. Чтобы прокормить семью, Колинъяр стал наемником, пройдя путь от новобранца до капитана отряда. В 396 году примкнул к Франциску Оллари, показав себя замечательным тактиком. С 1 года к.С. — маршал Талига, соратник и правая рука сначала Первого маршала Талига Шарля Эпинэ, затем Рамиро Алвы Младшего. Убит в 30 году к.С. при переходе Кайна. Похоронен в Сабве.

Наиболее известные представители фамилии:

Дени Колинъяр (386 к.М.—71 к.С.) — старший сын Себастьяна Колинъяра, маршал Талига, соратник Рамиро Алвы Младшего, маршальскую перевязь получил при взятии

Агариса. В одном из сражений потерял ногу, после чего был назначен супремом. Положил конец так называемому «Заговору сов и мышей», добился оправдания заподозренного в государственной измене маршала фок Варзова, разоблачив истинного изменника. Стал символом справедливого и строгого судьи.

Эразм Колинъяр (120 к.С.—199 к.С.) – старший сын герцога Альберта Колинъяра, отказавшийся от титула в пользу младшего брата и посвятивший себя науке. Впоследствии ректор королевской Академии и один из самых известных кэртианских математиков. Возглавляемая Эразмом Колинъяром Академия стала прибежищем для множества ученых из эсператистских стран, не желавших увязывать свои исследования с церковными догмами.

Жорж Сабве (239 к.С.—278 к.С.) – старший сын маршала Талига Реми Колинъяра, друг и соратник Первого маршала Талига Алонсо Алвы, участник более чем двадцати сражений. Погиб в 278 году, защищая королевский дворец во время попытки брата короля Карла Второго захватить власть. Вместе с другими погибшими защитниками короля похоронен в церкви Святого Фабиана.

ГЕРЦОГИ ПРИДД

Герб: на лиловом поле серебряная волна, возносящая золотого спрута. В 392—399 к.М. спрут изображался коронованным.

Девиз: «Из глубин».

Титул наследника по прямой линии: граф Васспард.

Глава фамилии: герцог Вальтер-Эрик-Александр Придд (род. 347 к.С.), супрем Талига.

Основные владения : во внутренней Придде и окрестностях Оллари.

Семья: супруга Ангелика, герцогиня Придд, урожденная графиня Гогенлоэ-цур-Адлерберг (род. 351 к.С.), сыновья: Валентин-Отто, граф Васспард (род. 380 к.С.), Клаус-Максимилиан (род.386 к.С.), Питер-Иммануил (род.389 к.С.), дочери: Габриэла (род. 369 к.С.), вдова Карла Борна, Ирэна (род. 372 к.С.), замужем за виконтом Альт-Вельдером. Старший сын герцога Придда Джастин(373—396 к.С.) был вызван из Торки в родовой замок и погиб при невыясненных обстоятельствах.

Герцоги Придды носят титул Повелителей Волн и, по легенде, ведут свой род от первого сына первого анакса Пеньи Ундиона. Точно известно, что они – прямые потомки последнего главы дома Пенья.

Наиболее известные представители фамилии:

Эктор-Фридрих-Иоганн Придд (357 к.М.—399 к.С.),последний маршал Талигойи, сторонник борьбы с Франциском Олларом до победы или до смерти. После просьбы Эрнани Ракана о снятии бремени власти был избран регентом Талигойи. Убит Рамиро Алвой.

ГРАФЫ АРИГО

Герб: золотой леопард на алом поле, рассеченном золотой же молнией.

Девиз: «Предвещает битву!»

Титул наследника: граф Энтраг.

Глава фамилии: Жермон, граф Ариго (род. 359 к.С.), генерал от инфантерии Северо-Западной армии, старший сын графа Пьера-Луи Ариго и графини Каролины, урожденной графини Борн. В юности Жермон Ариго по ходатайству отца был лишен наследства и титула за неподобающее поведение и отправлен в Торку. После гибели братьев Ги и Иорама

восстановлен в правах наследования.

Основные владения : в графстве Ариго (Внутренняя Эпинэ).

Резиденция: замок Гайярэ, провинция Эпинэ.

Семья: не женат, ближайшие родственники:

– сестра Катарина-Леони Оллар, урожденная графиня Ариго (род. 373 к.С.), королева Талига;

– сестра отца Жозефина Эпинэ, урожденная Ариго (род. 339 к.С.).

Основатель фамилии: Ариго — кровные вассалы Дома Молнии. В 386 году круга Волн при Эрнани Четвертом унаследовали титул и имя угасшей фамилии Парда, по легенде ведшей род от второго сына первого анакса Марикьяры Астрапиона. Нынешние графы Ариго считают себя прямыми потомками младшего сына одного из Парда, однако наиболее последовательные блюстители чистоты крови полагают Ариго худородными.

Наиболее известные представители фамилии:

Ги Ариго (233—267 к.С.), генерал от кавалерии. Отказался подчиниться приказу Поля Пеллота и перейти на сторону вторгшихся в Талиг дриксенских войск. Вместе с двумя гвардейскими полками и адуанами принял неравный бой, задержав продвижение противника на четыре дня. Из отряда Ги Ариго уцелело четырнадцать человек, сам Ариго погиб и уже после смерти был повешен Пеллотом вместе со своими офицерами.

ГРАФЫ ВАЛМОН

Герб: две черные борзые, бегущие по зеленому полю.

Девиз: «Мы быстрее!»

Титул наследника по прямой линии: виконт Валме.

Основные владения : в графстве Валмон (Приморская Эпинэ).

Глава фамилии — Бертрам Валмон(род. 327 к.С.).

Семья: супруга Идалия Валмон, урожденная маркиза Фарнэби (род. 347 к.С.), дети: Марсель, виконт Валме (род. 365 к.С.), Серж (род. 368 к.С.), Готье (род. 371 к.С.), Водемон (род. 384. к.С.).

Родоначальник фамилии: Готье Шапри-Валмон (369 к.М.—37 к.С.). Сын начальника охраны Теофиля Оллара, деда Франциска Оллара по матери. Друг детства Франциска, не расстававшийся с ним до самой смерти короля. Первый из капитанов Личной королевской охраны, благодаря гибкому уму и легкости характера способствовал сближению старой талигойской аристократии и соратников Франциска. В 5 году к.С. женился по страстной любви на юной Магдалене Савиньяк, получив в качестве свадебного подарка титул и графство Валмон, примыкающее к землям Савиньяков.

Наиболее известные представители фамилии:

Арно Валмон (6 к.С.—81 к.С.), близкий друг Октавия Доброго, Экстерриор, чей дипломатический талант великолепно дополнял военные успехи Рамиро-младшего.

Марсель Валмон (251—340 к.С.) – генерал от кавалерии, после ранения назначенный губернатором юго-восточных земель по мере присоединения их к Талигу. Показал себя талантливым управленцем и дипломатом, получил прозвище «Медовый Капкан». В 322 году отошел от дел и переехал в свои владения, где и умер.

Поль Валмон (291—363 к.С.) – старший сын Марселя Валмона и Клементины Дорак. После отставки отца был назначен губернатором Эпинэ и продолжал его политику. В 346 году отправлен в отставку, переселился в свои владения. В 349 году Франциск Второй предпринял попытку обвинить графа Валмона в государственной измене и лишить титула и состояния, но начавшееся в Южной Эпинэ брожение заставило его ограничиться запретом покидать пределы графства Валмон. После смерти Франциска и отстранения от власти Алисы Валмон вернулся на пост губернатора Эпинэ, но в 363 году скоропостижно скончался.

ГРАФЫ ФОК ВАРЗОВ

Герб: черная касатка между серебряных волн на лиловом поле.

Девиз: «Живу, сражаясь, сражаясь – живу!»

Титул наследника по прямой линии: виконт Волькэ.

Глава фамилии: Вольфганг фок Варзов (род. 334 к.С.). Маршал Талига и командор Горной Марки.

Основные владения : в графстве Варзов (центральная Придда) и в герцогстве Ноймаринен.

Семья: вдовец, детей нет, ближайшие родственники —

сестра Аделаида Гельбраузе (род.339 к.С.), урожденная гарфиня фок Варзов, племянник Отто Гельбраузе (род.360 к.С.), полковник Горной Марки.

Основатель фамилии: фок Варзов —кровные вассалы Дома Волны, по легенде ведущие род от второго сына первого анакса Пеньи Ундиона. Точно известно, что нынешние графы фок Варзов – прямые потомки зориев Скипара из Дома Волн.

Наиболее известные представители фамилии:

Михаэль фок Варзов (341 к.М.—12 к.С.) – один из ближайших советников и друзей Эрнани Одиннадцатого. Вместе с Аланом Окделлом вывел из захваченной столицы королеву Бланш и принца Эркюля и сопровождал в Агарис, после чего вернулся в Талиг, спокойно въехав в столицу через главные ворота. Известно, что Франциск Оллар имел с ним длительную беседу, после чего была учреждена школа оруженосцев в Лаик.

Первым капитаном Лаик стал фок Варзов. Его титулы были подтверждены, а владения расширены за счет земель Приддов. В 3 году к.С. Франциск Первый отозвал фок Варзова из Лаик, назначив пожизненным супремом Талига с правом останавливать казни. Михаэль фок Варзов до последнего дня исполнял свои обязанности. Завещал похоронить себя в Лаик, что и было исполнено, но позднее прах фок Варзова перенесли в храм Святого Фабиана.

ГРАФЫ ДОРАК

Герб: две золотые борзые на рассеченном золотой молнией алом поле.

Девиз : «Предвещает удачу!»

Титул наследника: виконт Дарзье.

Глава фамилии: графГабриэль Дорак (род. 344 к.С.), маршал кавалерии в отставке.

Основные владения: в графстве Дорак (Южная Эпинэ).

Семья: вдовец, сын Анри Дорак, виконт Дарзье (род. 374 к.С.), тенъент Южной армии, дочери: Леони (род. 382 к.С.), обручена с виконтом Мевеном, Мадлен (род. 385 к.С.). Брат Квентин (341 к.С.).

Основатель фамилии: Дораки — кровные вассалы Дома Молнии, по легенде ведущие род от четвертого сына первого анакса Марикуяры Астрапиона. Точно известно, что нынешние графы Дорак – прямые потомки зориев Габросов из Дома Молнии.

Наиболее известные представители фамилии:

Арман Дорак (204—294 к.С.), кансилльер Талига (256—265 к.С.), один из самых известных политиков и дипломатов Золотых земель, автор знаменитых «Записок» и отец великого Вальтера Дидериха (263—311 к.С.). Дорак признал сына и дал ему образование и состояние, однако отказался ходатайствовать о возведении молодого поэта в дворянство, так как «благополучие способствует написанию скучных од, а не занимательных драм».

Квентин Дорак (род. 341 к.С.), старший сын и наследник рода, отказавшийся от титула в пользу брата и посвятивший себя олларрианству под именем Сильвестра. Секретарь,

доверенное лицо и преемник кардинала Диомида, с 380 к.С. – кардинал и фактический правитель Талига.

ГРАФЫ КРЕДЕНЬИ

Герб: коронованная золотая белка с орехом в лапках на горке золотых же орехов на синем фоне.

Девиз: «Вовремя и навсегда!»

Основные владения: в графстве Маллэ (Южная Эпинэ).

Титул наследника по прямой линии: виконт Карье.

Глава фамилии: Люсьен-Ангирран Креденьи (род. 346 к.С.), вице-тессорий Талига.

Семья: холост, брат и наследник Раймон-Анри Креденьи, виконт Карье (род. 350 к.С.), женатый на Анне-Терезии Гогенлоэ-ур-Адлерберг (род. 361 к.С.), сыновья: Люсьен (род. 379 к.С.), Жильбер (383 к.С.); дочери: Антуанетта (род. 381 к.С.), Синтия (род. 390 к.С.), Летиция (род. 396 к.С.).

Основатель династии:

Жан-Жак Жураво (371 к.М.—42 к.С.), сын торговца скотом, друг детства Франциска Оллара. В 396 году продал все свое имущество, собрал воинский отряд и присоединился к Франциску, по достоинству оценившему этот поступок.

После захвата Талига Жураво получил в жены дочь богатого ординара Креденьи Леонору вместе с титулом и всем имуществом. Брак оказался удачным. Тактичная и умная Леонора стала единственной подругой королевы Октавии, а ее муж получил должность геренция. Именно чете Креденьи после смерти королевы Октавии Франциск доверил заботу о принце. Король Октавий и его соправитель Рамиро Алва Второй полностью доверяли семейству Креденьи, а молочная сестра Октавия Мадлен Крединьи (в замужестве маркиза Салина) оставалась лучшим другом короля до самой его смерти.

Наиболее известные представители фамилии:

Жозе Креденьи (94—146 к.С.) – маршал Талига. Согласно договору между королем Карлом Первым Олларом и маркграфом Горной Марки Ойгеном-Фридрихом о военной помощи был назначен командором Горной Марки. Вошел в историю как «Охотник на гусей» (имеется в виду герб Дриксен, на котором изображен коронованный лебедь), выбив из Бергмарка дриксенские войска и разгромив их в битве при Шпрехау.

ГРАФЫ МАНРИК

Герб: три розовых фламинго на изумрудном поле.

Девиз: «Славию Создателя и Государя!»

Титул наследников: виконт Эммануилсберг (непосредственный наследник), виконт Манро (наследник наследника по прямой линии).

Глава фамилии — Леопольд Манрик, тессорий Талига (род. 337 к.С.).

Основные владения : в графстве Манро (Западная Придда) и в графстве Каданэр (северный Надор).

Семья: вдовец, сыновья:

Фридрих – генерал-церемониймейстер (род. 358 к.С.), женат на Марии Гогенлоэ-ур-Адлерберг (род. 363 к.С.).

Сыновья Фридриха: Константин, виконт Манро (род. 381 к.С.), Леопольд (род. 388 к.С.).
Дочери Фридриха: Иоланта (род. 378 к.С.), Лионелла (род. 383 к.С.)

Леонард (род. 364 к.С.) – генерал от инфантерии, капитан Личной королевской охраны, холост.

Арнольд (род. 370 к.С.) – полковник Резервной армии, холост, с 393 к.С. обручен с

девицей Колиндьяр.

Родоначальник фамилии:

Эммануил Манрик (374 к.М.—44 к.С.), сын трактирщика из Хексберга. Слухи о гоганском происхождении не соответствуют действительности. В 393 к.М. Манрик вместе с тремя друзьями решил попытать счастья на воинском поприще, пристав к отряду наемников. Зарекомендовал себя посредственным солдатом и отменным интендантом и вербовщиком, став правой рукой капитана Ларака. Когда Ларак присоединился к Франциску, Манрик стал ближайшим советчиком и помощником Бездомного короля по всем вопросам, не касавшимся воинских дел. После захвата Талига Олларом – бессменный тессорий. В 4 году к.С. женился на сестре графа Савиньяка. Умер и похоронен в Оллари.

Наиболее известные представители фамилии:

Танкред Манрик (201—278 к.С.) – экстерриор при Карле Втором. После нападения Гайифы и коалиции Дриксен—Гаунау на Талиг и аннулирования Карлом Вторым в одностороннем порядке Золотого Договора не побоялся выехать в Крион, где собирались участники Золотого Договора и объявить позицию Талига. Был взят в заложники и провел более трех лет в заключении, где проявил стойкость и мужество. Освобожден войсками Алонсо Алвы и Балинта Алати, после чего незамедлительно вернулся к своим обязанностям. Именно Танкред Манрик составил договор, согласно которому Алат выходил из состава Уэрты и вступал в союз с Талигом. В 274 году Манрик вернулся в Олларию. Погиб во время смуты 278 года, похоронен в Оллари в церкви Святого Фабиана.

Вильгельм Манрик (280—348 к.С.) – тессорий при Карле Третьем, пользовался абсолютным доверием короля. Финансовая политика Манрика способствовала превращению Талига в самое сильное и процветающее государство Золотых земель. После воцарения Франциска Второго Манрик резко выступил против вмешательства королевы Алисы в государственные дела, был отправлен в отставку и сослан в свои имения, где и умер.

ГРАФЫ РАФИАНО

Герб: выходящий из моря бык со звездой во лбу.

Девиз: «Не спеша, поспешаю!»

Титул наследника: с 386 г. к.С. виконт Рафле.

Глава фамилии: Гектор Рафиано (род. 342 к.С.), экстерриор Талига.

Основные владения : в графстве Рафиан (Юго-Западная Эпинэ).

Семья: супруга – Анна Рафиано (род. 347 к.С.), придворная дама ее величества, урожденная графиня Маллэ, сын: Франсуа виконт Рафле (род. 381 к.С.), оруженосец маркиза Ноймара, дочери: Елизавета (род. 368 к.С.), замужем за виконтом Дорни, Екатерина (род. 373 к.С.), замужем за виконтом Тозачини.

Основатель фамилии: по одной версии, считается беглый эорий, сменивший имя и осевший на побережье, по другой – жрец Унда, скрывавшийся от преследований эсператистов, а по третьей – незаконный сын первого гайифского императора, разыгравший свою смерть.

Сближение с Талигом:

Рафиано, как суверенное герцогство, существовало с середины круга Волн до 52 года к.С., когда столица государства была разорена морскими шадами. Герцог Гораций Рафиано был убит в бою, его жена и две дочери бесследно исчезли. Ближайшим родственником и наследником был родившийся в Талиге кузен Горация Рафиано Марк, сын Фелипе Рафиано.

Брат исчезнувшей герцогини Гермियो Зацци предпринял попытку захватить власть и обратился за помощью к Гайифе и Агарису, но марикулярские корабли опередили гонцов. Рафиан был присоединен к Талигу, причем Марк Рафиано от герцогского титула отказался, заявив, что ценит заслуги отца дороже несчастья дяди.

Наиболее известные представители фамилии:

Фелипе Рафиано (362 к.М.—34 к.С.) – младший брат герцога Горация Рафиано, выдающийся мыслитель и ученый. Путешествуя по Золотым землям, побывал в Марагоне,

где познакомился с юным Франциском. После завоевания Кабитэлы Фелипе был приглашен Франциском на должность ректора Королевской Академии, принял подданство Талига и получил графский титул. Похоронен в Оллари в часовне Академии.

Винценце Рафиано (230—299 к.С.) – друг детства Карла Второго, после гибели Танкреда Манрика сменил его на посту экстерриора, проявил себя выдающимся дипломатом, находившем выход из самых запутанных и двусмысленных ситуаций. Фактический автор второго Золотого Договора и идеи о том, что следует говорить не о новом договоре, а о возобновлении прежнего. Умер в 299 году в Урготе во время переговоров, похоронен в Рафиане.

ГРАФЫ САВИНЬЯК

Герб: черный олень в прыжке на алом поле, рассеченном золотой молнией.

Девиз: «Предвещает погоню!»

Титул наследника: граф Лэкдеми (до 291 года наследников называли виконт Савари), титул следующего по старшинству – виконт Сэ.

Глава фамилии: Лионель, граф Савиньяк (род. 366 к.С.), маршал Талига, командующий Резервной армией и гарнизоном Оллари.

Основные владения : в графстве Савиньяк (Южная Эпинэ) и в графстве Старая Эпинэ.

Семья: не женат, брат Эмиль Савиньяк, граф Лэкдеми, маршал Талига, командующий Южной армией (род. 366 к.С.), брат Арно – виконт Сэ (род. 381 к.С.), оруженосец генерала от артиллерии Энтони Давенпорта. Мать, вдовствующая графиня Арлетта Савиньяк (род. 347 к.С.), урожденная графиня Рафиано.

Основатель фамилии: Савиньяки – кровные вассалы Дома Молнии, по легенде, ведущие род от третьего сына первого анакса Марикуяры Астрапиона. Точно известно, что нынешние графы Савиньяк – прямые потомки эориев Керва из Дома Молнии.

Наиболее известные представители фамилии:

Арсен Савиньяк (374 к.М.—18 к.С.) – маршал Талига, кровный вассал, друг и соратник Шарля Эпинэ. Безоговорочно встал на сторону Франциска Оллара, открыто демонстрировал свою симпатию и уважение к вдове Рамиро Алвы и ее сыну, к величайшему возмущению Людей Чести, выдал юную сестру за своего друга Готье Валмона. В 5 году к.С. граф Савиньяк, инспектировавший северные границы, перехватывает гонца из Марагоны. Герцог Адольф аур-Комбург просит сына о помощи против Дриксен. Савиньяк, не дожидаясь приказа короля, выступает в Марагону и разбивает дриксенский авангард, после чего войска кесарии уходят. За этот поход Савиньяк получает маршальскую перевязь и замок Сэ в Старой Эпинэ.

В 9 году Арсен Савиньяк вместе с Валмоном подавил восстание Гонта. Известны слова маршала: «Я не желаю поворачиваться спиной к Людям Чести, потому что хочу жить, я не желаю смотреть им в лицо, потому что не хочу краснеть за свое происхождение. Значит, я буду убивать». В 17 году Арсен Савиньяк был тяжело ранен в битве при Глэнтайрте во время решающей атаки, в 18 году скончался. Похоронен в Сэ.

Арно Савиньяк (239—270 к.С.) – генерал от кавалерии, один из самых известных героев Двадцатилетней войны, друг и соратник Алонсо Алвы. Арно Савиньяк был одаренным военачальником и поразительно храбрым человеком. Ему прочили блестящее будущее, но он погиб в битве при Кадале, исправляя ошибку генерала Кракла.

Арно Савиньяк-младший (271—356 к.С.) – единокровный брат Арно Савиньяка, родившийся после его смерти. Пасынок, оруженосец, ученик и преемник Алонсо Алвы. Первый маршал Талига (307—332 к.С.), особо отличившийся в Торской кампании 314—315 годов. В 332 году подал в отставку «в связи с затянувшимся миром и четвертой женитьбой». Арно Савиньяка называли самым великим юбочником среди маршалов и самым великим маршалом среди юбочников.

ГРАФЫ ШТАНЦЛЕР

Герб: дубовые ростки, прорастающие сквозь серый камень.

Девиз: «Неподвластны злу!»

Титул прямого наследника: виконт Шербкэ.

Глава фамилии: Эрих-Иоганн-Август, граф Штанцлер, экс-кансилльер Талига(род. 340 к.С.), в 381—399 гг. – кансилльер Талига.

Основные владения : в графстве Борн (внутренняя Придда).

Семья: холост, ближайшая родственница: сестра Гудрун-Ульрика (род. 334 к.С.), замужем за графом Зигфридом Тулем (род.320 к.С.), бывшим геренцием королевы Алисы и ее дальним родичем; сын Франциск, виконт Тоубэ (род.354 к.С.), дочь Алиса (род. 360 к.С.), с 361 года проживают в Дриксен. Отношения с родственниками в Талиге не поддерживают.

Основатель фамилии: Штанцлеры полагают себя потомками спасенного слугами сына Рутгерта Гонта, казненного в 9 году к.С. по приказу Франциска. В 346 году мещанин из города Эзелхард (Южная Дриксен) Рутгерт Штанцлер представил Франциску Второму свидетельства своего происхождения и был возведен сначала в дворянство, затем в баронское и графское достоинство.

Краткая хронология некоторых исторических событий

Гальтарский период

Круг Ветра

- 397 – преступление Рамиро Ракана
- нападение Изначальных Тварей
- гибель Эридани, воцарение Эрнани
- переход Эрнани Ракана в эсператизм

Новый период

Круг Волн

- 1 год – перенос столицы из Гальтары в Кабитэлу
- 4 – эдикт, уравнивавший в правах эсператизм и абвениатство
- 6 – 12 – создание и становление орденов
- 7 – 15 – откровения Адриана
- 16 – создание Эсперы
- 28 – смерть императора Эрнани
- 39 – канонизация Эрнани Ракана
- 364 – признание Адриановых откровений ложными
- роспуск Ордена Славы
- осада Барсины
- эпидемия холеры, смерть Эсперадора Пия, избрание Эсперадора Антония
- 365 – подтверждение Адриановых откровений
- 379 – исчезновение Эсперадора Антония – избрание Эсперадора Агния
- 397 – эпидемия в Кабитэле, смерть императорской семьи
- коронация Лорио Ракана
- 398 – мятеж Гайифы и Уэрты, распад Золотой Империи
- 399 – перенос Святого Престола в Агарис

400 – смерть Эсперадора Агния

Круг Молний

- 1 – избрание Эсперадора Теония, начало массовых преследований абвениатов
- 44 – разрушение Агариса нар-шадом Мтсарахом-Справедливцем, избрание Эсперадора Руция Первого, объявление Агариса Вольным портом
- 273 – эпидемия чумы, охватившая Гайифу, Уэрту и значительную часть Талига
- 274 – церковный запрет на заселение опустошенной чумой Варасты
- 353 – избрание Эсперадора Клеменция Шестого
- 357 – Священный поход против Марикьяры, разгром Святой Армады
- 358—359 – суд над кардиналами-еретиками
- 360—361 – эдикт против «почитающих своими предками демонов»
- 362—381 – вторжение Святого воинства в Талигойю, битва при Эр-При
– передача герцогу Гастону Эпинэ маркизата Эр-При
- 386 – заключение антителигойской коалиции под протекторатом Святого Престола
- 389 – смерть Эсперадора Клеменция, избрание Эсперадора Винцента
- 390 – перемирие между Святым Престолом и Талигойей
- 391 – ультиматум Святого Престола о допуске в Талигойю орденских проповедников и следователей. Согласие Эрнани Ракана
- 392—393 – антиклерикальное восстание в Придде
- 394 – смута в южном Надоре
- 397 – «Хексбергское покаяние». В море утоплены настоятель строящегося монастыря Ордена Истины и прибывшие вместе с ним члены ордена. Маршал Придд по приказу короля подавляет бунт, но зачинщикам удается бежать в Торку и Дриксен
- 399 – захват Кабитэлы Франциском Олларом
– смерть Эрнани Ракана, Эктора Придда, Ружера Ариго, Рамиро Алвы, Алана Окделла
– провозглашение Олларианской церкви
– коронация Франциска Первого Оллара, короля Та лига

Круг Скал

- 2 – Первый Священный поход против «еретика Оллара»
- 4 – отмена запрета на заселение Варасты
- 7 – рождение Октавия Оллара, смерть королевы Октавии
- 8 – канонизация Октавии
- 9 – «Мятеж Гонта»
- 11 – совершеннолетие Эркюля Ракана, отказ Эсперадора в его коронации до фактического возвращения трона
- 17 – битва при Глэнтайрте, кладущая конец притязаниям Дриксенской кесарии и ей самой. Вновь объединена она будет примерно через сто лет, образовав собственно Дриксенскую кесарию и королевство Гаунау
- 18 – смерть кардинала Ариана, утверждение кардинала Эгидия
- 19 – опасная болезнь принца Октавия. Указ Франциска о престолонаследии
- 23 – покушение на принца Октавия в Лаик, смерть и канонизация Фабиана
- 26 – брак наследного принца Октавия Оллара и Лоисы-Магдалены-Отиллии Ноймар, дочери герцога Георга Ноймаринен
- 27 – смерть Франциска Оллара. Стихийный мятеж Людей Чести
- 27 – 34 – «Кэналлийское регентство».
- 30 – Второй Священный поход. Ответный карательный рейд талигойской армии. Агарис взят и разорен, магнус Истины убит лично Рамиро Алвой. Новым Эсперадором становится Руций Второй
- 34 – коронация Октавия Оллара
– отказ Октавия освободить Рамиро Алву от обязанности стей Проэмперадора Талига

- 34 – 62 – Двоецарствие: правление короля Октавия и его брата-соправителя Рамиро Алвы,
- 178— подписание Золотого Договора
- 240 – гибель Георга Второго Оллара. Регентство Луиса Алвы
- 267 – начало Двадцатилетней войны
- 270 – битва при Каделе, смерть Арно Савиньяка, аннулирование Золотого Договора по факту волевым решением короля Карла
- 274 – распад Уэрты на Алат и Агарию, обручение принца Людовика и дочери Великого герцога Балинта Алати
- 288 – окончание Двадцатилетней войны
- 293 – возобновление Золотого Договора в новом варианте. Фиксирование границ по итогам Двадцатилетней войны
- 343 – женитьба принца Франциска и Алисы Дриксенской
- 344 – назначение кардинала Диомида
- 345 – неожиданная смерть кронпринца Карла и короля Карла Третьего. Вступление на престол Франциска Второго
- 359 – смерть Франциска Второго
- 361 – представление Фердинанда Оллара. Роспуск регентского совета. Подписание Договора о Полномочиях
- 377 – избрание Эсперадора Адриана
- 380 – смерть кардинала Диомида. Назначение кардинала Сильвестра
- 381 – назначение Августа Штанцлера кансильером
- 388 – восстание Карла Борна
- 390 – женитьба Фердинанда Оллара на Катарине Ариго
- 391 – смерть Алисы Дриксенской
- 393 – восстание Эгмонта Окделла
- 398 – представление принца Карла
- Саграннская война
- 399 – Октавианская ночь

Карты Таро

Младшие Арканы системы Таро

«Туз Посохов» (Стихия – Огонь) – символизирует новую идею, переход на новый уровень понимания или положения, толчок, творческую мысль, везение, возвышение, славу.

Перевернутая карта (П.К.) – означает отсутствие новых идей, неприятие нового, узколобость, неадекватное восприятие действительности, заблуждения, потерю смысла и цели.

«Туз Кубков» (Стихия – Вода) – символизирует начало большого чувства, мир, гармонию, радость. В некоторых случаях может означать резко усилившуюся интуицию, указывать на важность предчувствий, снов, озарений.

П.К. – Безответная любовь, нестабильность, эмоциональный застой.

«Туз Динариев» (Стихия – Земля) – символизирует обретение умения, новые источники доходов, новые возможности для роста. Это плодородие, карьера, новые перспективы.

П.К. – невозможность роста, отсутствие источников дохода или богатство без счастья, столкновение с чем-то фальшивым.

«Туз Мечей» (Стихия – Воздух) – символизирует зерно силы, новое действие, волевой акт. Это решимость, мужество, инициатива.

П.К. – саморазрушение, деградация, подрыв жизненных сил.

«Двойка Посохов» – символизирует человека с идеями, амбициями, вынужденного искать компромисс с людьми, имеющими свои идеи и амбиции. Это конструктивное сотрудничество, увязка целей и средств, необходимости и желания, твердость, смелость в предприятии.

П.К. – беспокойство, зависимость от других, потеря доверия, унижение.

«Двойка Кубков» – символизирует становление чувства между двумя людьми, это любовь, страсть, красота, дружба, гармония, понимание.

П.К. – означает неудовлетворенность, алчность, ревность, похоть. Это ложные друзья, трудный роман, противостояние, непонимание.

«Двойка Динариев» – символизирует лихорадочную деятельность, связанную с материальными интересами: поездки, письма, документы. Может означать прилив энергии.

П.К. – инертность, неуверенность, слабость.

«Двойка Мечей» – символизирует компромисс, уравновешенные силы, сотрудничество, возможность движения вперед.

П.К. – двойственность, фальшивость, затухание силы, предательство, бесчестие, ложные друзья.

«Тройка Посохов» – указывает на то, что идея обретает форму. Это практические знания, успех, дерзость.

П.К. – зависимость в делах, предательство, неправильное отношение к предлагаемой помощи, перестраховка, конец полосы трудностей, отсрочка, неопределенный социальный статус

«Тройка Кубков» – означает, что первоначальный эмоциональный импульс принимает приемлемые формы. Это решение проблемы, выздоровление, удачное окончание незначительного дела, приход к компромиссу.

П.К. – излишества, склонность к преувеличениям, непонимание ситуации. Завершение дела с ничтожными результатами.

«Тройка Динариев» – символизирует денежные интересы, контакты с финансовыми или законодательными органами, мастерское выполнение работы, подписание контрактов, иногда брак по расчету или с расчетом. Может указывать на беременность или крупные приобретения

П.К. – хитрость, упрямство, непрофессионализм, денежные потери.

«Тройка Мечей» – символизирует стремление к недостижимому идеалу, отказ от действительности и неспособность от нее уйти. Отсюда – скорбь, отвращение, разочарование, расставание, недостижимость.

П.К. – усиливается момент несогласия с действительностью, возникают заблуждения, ошибки, иллюзии.

«Четверка Посохов» – символизирует дисциплинированную мысль, стремление к порядку, ощущение причастности к событиям.

П.К. – указывает на нестабильность, спутанность мыслей, поспешность,

расхлябанность, неспособность мобилизовать себя.

«Четверка Кубков» – символизирует всепрощение, желание служить своему кумиру, иногда религиозный фанатизм. Но это двойственная карта, ее низменный аспект – разочарование в любви и людях, усталость, начало пустого периода в жизни, хронические проблемы.

П.К. – новые возможности, новые знакомства, новые знания, новые попытки решения проблем.

«Четверка Динариев» – символизирует закономерный успех, надежность, стабильность, здоровье, спокойную семейную жизнь.

П.К. – беспорядок вокруг, особенно в доме и в делах, прекращение постоянного дохода, разочарование.

«Четверка Мечей» – символизирует временный отдых, отшельничество, собирание духовных и физических сил перед новым этапом борьбы.

П.К. – несвоевременное действие.

«Пятерка Посохов» – символизирует разрыв старых уз, освобождение, может указывать на затаенную вражду и вместе с тем на новые возможности.

П.К. – обещает несправедливость, запутанность отношений, неопределенность социального положения.

«Пятерка Кубков» — символизирует попытку эмоционального обновления, максимализм, бескомпромиссность, на материальном уровне – дар или наследство. Еще одно традиционное значение «Пятерки Кубков» – разочарование, сожаление, слезы.

П.К. – новый взгляд на жизнь, обнадеживающие известия, новые союзы или воссоединение со старыми друзьями.

«Пятерка Динариев» – карта обычно означает потерю чего-то материального и вследствие этого обретение жизненного опыта. Часто означает эротические похождения, увлечения, флирт. В раскладе указывает на сложности, либо приводящие к успеху на новом уровне, либо отбрасывающие назад.

П.К. – растрата энергии, резервов, уязвимость, страх, дисгармония в любовных отношениях.

«Пятерка Мечей» – сила «Пятерки Мечей» направлена на разрушение, сметание с дороги всего, мешающего ее движению. Это ломка мировоззрения, перемена направления жизненного пути.

П.К. – ненужные разрушения, жестокость, злоупотребление силой.

«Шестерка Посохов» – символизирует вдохновение, духовный рост, служение, осознание своего пути. На низком уровне может означать зависимость, подчиненность.

П.К. – гордыня, страх, неверная оценка своих возможностей и вместе с тем ожидание, надежда.

«Шестерка Кубков» – появление в раскладе этой карты может означать, что ситуация потребует от вас истинной духовности, терпимости и возвышения над суетой. Это милосердие, помощь, доброта. Она также символизирует воспоминания, прошедшее увлечение, потускневшие образы.

П.К. – открывающиеся новые возможности, расширение мировоззрения, предвидение будущего. Может быть, ваши планы в ближайшее время потребуют корректировки.

«Шестерка Динариев» – символизирует процветание, которого добиваются собственным трудом, здоровье, признание заслуг. Иногда означает милосердие.

П.К. – болезни, дисгармония между физическим и духовным, на низком уровне жадность, эгоизм, зависть, долги.

«Шестерка Мечей» – символизирует стремление улучшить мир путем деяния, может означать дальнюю дорогу, преодоление трудностей.

П.К. – указывает на эгоизм, застой, использование других людей.

«Семерка Посохов» – символизирует творчество, вдохновение, достижение целей, публичный успех, иногда небольшой доход.

П.К. – растраченные попусту силы, неверно используемые таланты и идеи, сомнения, неудачи.

«Семерка Кубков» – символизирует успех в любви, привлекательность, обаяние, положительные эмоции, вдохновляющие на те или иные деяния. Часто отсутствие реализма, фанатизм, витание к облакам, стремление к недостижимому идеалу.

П.К. – решительность, сильная воля, разумный выбор.

«Семерка Динариев» – символизирует достижение цели, сбор урожая, уравниловку, гармонию, изящество. Может указывать на подходящий момент для оформления сделок и заключения брака.

П.К. – беспокойство, настороженность, денежные потери. Может означать семейные неурядицы и вероломство партнеров.

«Семерка Мечей» – символизирует развитие навыков, направление энергии на создание перспективных планов. Это надежды, частичный успех, иногда фанатизм.

П.К. – корректировка планов, отторжение окружающих.

«Восьмерка Посохов» – в раскладе может означать необходимость быстро принять важное решение.

П.К. – указывает на опасность столкнуться с фальшью, ложью.

«Восьмерка Кубков» – указывает на взаимоотношения разума и чувств, либо на их согласованность, либо наоборот. Символизирует стыдливость. Скромность, целомудрие, честь. Практичность, умение находиться в гармонии с людьми.

П.К. – нечаянные подарки, трудновыполнимые желания, отрешенность.

«Восьмерка Динариев» – символизирует закон, логику, прямоту, бескомпромиссные ситуации. Эта же карта означает огромные амбиции, хорошо скрываемые, сдержанность чувств, умение ждать.

П.К. – фальшь, ханжество, заурядность, интриганство.

«Восьмерка Мечей» – одна из наиболее кризисных карт в раскладе, символизирует кризисы, конфликты, преодоление.

П.К. – указывает на предательство, депрессии, несчастный случай, неспособность действовать. Может означать роковые факторы.

«Девятка Посохов» – символизирует проникновение на высшие уровни сознания, получение представления о себе самом, на социальном уровне избрание для себя ложной системы ценностей. Это предстоящие трудности, перемены, вражда, разрушение.

П.К. – узость взглядов, потеря связи с действительностью, плохое здоровье, препятствия, проблемы.

«Девятка Кубков» – карта очень неоднозначна. Ее можно трактовать лишь в контексте всего расклада. «Девятка Кубков» может означать вспышки интуиции, предчувствие, успех, благополучие и в то же время трудности, болезни.

П.К. – говорит об ошибках, несовершенстве, смешении добра и зла и вместе с тем об искренности, наивности, чистосердечии.

«Девятка Динариев» – символизирует надежность, безопасность, добротность. Означает процесс, набирающий рост при наличии большого потенциала.

П.К. – опасность, потеря веры, обманутые надежды.

«Девятка Мечей» – символизирует страх перед будущим, безнадежность, беспокойную любовь, страдание, разочарование.

П.К. – опасность болезни и насилия, сомнительные предложения.

«Десятка Посохов» – символизирует проблемы накануне своего разрешения, подъем после трудного периода, желание обрести смысл в жизни, утвердиться на новом уровне.

П.К. означает интриги, двуличие, трудности в осуществлении идеи.

«Десятка Кубков» – символизирует эмоцию, которая окончательно оформилась и может быть выражена. Это счастье, мир, довольство собой, почет, уверенность в будущем.

П.К. – потеря друзей, низвержение кумиров, скорбь, разочарование в любви.

«Десятка Динариев» – символизирует богатство, процветание, безопасность. Может указывать на материальную зависимость, на то, что богатство подчиняет человека.

П.К. – неоправданный риск, нечестная игра, неудачные вложения, отсутствие поддержки.

«Десятка Мечей» – символизирует некое препятствие, преодолеть которое необходимо. Преодоление открывает путь на новый уровень, в новый мир. Это слезы, страдания и вместе с тем любовь, дом, мир.

П.К. – выгода, успех, власть, авторитет и вместе с тем неумение идти дальше.

«Придворные» карты системы Таро

«Паж Посохов» – означает, что процесс уже имеет свои результаты, стал частью реальности, карта может означать честного человека, того, кому доверяют, носителя денежных новостей, его действия обычно относятся к общественной сфере.

П.К. – указывает, что задуманное обречено в будущем на провал. Это человек, который проявляет нерешительность в достижении цели, не берет на себя ответственность. Иногда это носитель плохих новостей, разрушитель чужого спокойствия и комфорта.

«Паж Кубков» — символизирует человека серьезного, стремящегося к знаниям. Он вдумчив, чувствителен, работающ. Может также означать кульминацию чувств и подтверждение предчувствий.

П.К. – смутные предвидения, непонятные чувства. Необходимость уточнения или же личность, склонная к показухе.

«Паж Динариев» – символизирует осведомленность, новые идеи, новости или человека, способного сосредоточиться на той или иной проблеме.

П.К. – алогичность, суетность, обманутые ожидания. Процесс нарушен необратимо.

«Паж Мечей» – символизирует молодого человека, любознательного, неискушенного,

иногда инфантильного, которому охотно покровительствуют.

П.К. – означает сомнения, страх, неуверенность.

«Рыцарь Посохов» – символизирует восторг, порыв, возможность нового развития событий. Это вдохновитель и вдохновленный, предприимчивость и одушевление. Может также означать личность, способную изменить ситуацию.

П.К. – препятствие к реализации планов, необходимость что-то изменить, неприятный человек, приносящий большие хлопоты.

«Рыцарь Кубков» – с «Рыцарем Кубков» связана новая возможность, приглашение, выгодное предложение. Он воплощает привлекательность и прогрессивность.

П.К. – указывает на смутное предвидение, непонятное чувство, необходимость уточнения. Может обозначать личность, склонную к показухе, способную предать и обмануть.

«Рыцарь Динариев» – символизирует организованную личность, доводящую любое дело до конца и очень требовательную к себе. Может указывать, что процесс развивается по своим законам, иногда означает материальную зависимость от других.

П.К. – застой. Беззаботность, нерешительность или человек с ограниченными способностями, возможно, глупец.

«Рыцарь Мечей» – означает, что вы находитесь на пути к цели, уже можно просчитать результаты. Если это человек, то – энергичный, его сфера – конкретные дела. Быстро принимает решения, но лишен широты взглядов.

П.К. – вы находитесь в стадии начинания. Так же означает человека, который не может определиться, на чьей он стороне.

«Королева Посохов» – означает, что события, описываемые другими картами, уже начались. Карта также может символизировать дружелюбную, понимающую, привлекательную личность. Она практична, контролирует себя, обладает шармом, иногда вспыльчива, но отходчива.

П.К. – исполнение желаемого, скорее всего, невозможно. Может означать личность, которая нас дискредитирует, или взбалмошного, эксцентричного человека.

«Королева Кубков» – символизирует зарождающееся чувство или, наоборот, некий шаг, отдаляющий людей друг от друга. Это дружелюбная, нежная, привлекательная женщина, любимая многими, прекрасная мать и преданная подруга.

Эта карта может также означать очень хорошего друга (независимо от пола).

П.К. – коварный человек, противоречивость, непорядочность, чувства не соответствуют событиям.

«Королева Динариев» – символизирует обычную женщину, процветающую и зажиточную. Она благородна, надежна, достойна, свободна в выражении своих мыслей, возможно, щедра.

П.К. – дутое процветание, фальшь, интриги, коварство, комплексы.

«Королева Мечей» – символизирует то, что в каком-то начинании сделан первый шаг и следует идти только вперед. Если это человек, то очень целеустремленный, им управляют эмоции (любовь, ненависть), он всегда максималист.

П.К. – неоправданный риск, пустая трата сил, неясность мысли.

«Король Посохов» – символизирует честного, прямого, зрелого человека, возможно,

лидера. Он мудр, благороден, щедр, но не бездумно. Эта карта может указывать на событие, которое еще не стало реальностью.

П.К. – суровость, скупость, догматизм, бесцеремонность.

«Король Кубков» – символизирует творческую личность. Это располагающий к себе человек – добрый, внимательный, снисходительный. Он может быть связан с искусством, наукой, религией.

П.К. – застой, легкомыслие, саморазрушение.

«Король Динариев» – указывает на опытного лидера, твердого, иногда резкого человека с блестящим и холодным умом.

П.К. – означает коррумпированного политика, может символизировать лицемерие, опасность, хождение по краю пропасти

«Король Мечей» – означает закладку фундамента будущего действия или же сильного человека. «Король Мечей» – лидер, утверждающий свою власть с помощью силовых методов, очень страстный человек.

П.К. – плохо представляет себе свои возможности, отсюда либо чрезмерная лихость, либо неоправданная осторожность.